РУССКІЕ СУДЕБНЫЕ ОРАТОРЫ

ВЪ ИЗВѢСТНЫХЪ

УГОЛОВНЫХЪ ПРОЦЕССАХЪ.

Томъ VI.

Обвинительныя рѣчи прокуроровъ: Хони, Лузгина, Хурлова, Шадурскаго и др. Рѣчи гражданскихъ истцовъ: Лохвицкаго, Урусова и Пржевальскаго. Защитительныя рѣчи: Спасовича, Плевако, Арсеньева, Шубинскаго, Рейнбота, Тесленко, Харитонова 2 и др.

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1902.

JUL 18 1922

2/8 31

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Дѣло Мясниковыхъ (Обвинительная рѣчь прокурора Кони, защитительныя рѣчи: К. К. Арсеньева, А. И. Языкова, Н. Ф. Дешъ и рѣчи гражданскихъ истцовъ: А. В. Лохвицкаго и др.) 1

Дѣло Нотовича (защитительныя рѣчи В. Д. Спасовича) 172

Дѣло Московскаго Городского Кредитнаго Общества (обвинительныя рѣчи прокуроровъ: С. Л. Лузгина и П. Г. Курлова, гражданскихъ истцовъ: В. М. Пржевальскаго и кн. Н. П. Урусова; защитительныя рѣчи: Н. П. Шубинскаго, П. Е. Рейнбота, В. Е. Курлова, Н. В. Тесленко, Л. Т. Харитонова 2-го и др.) 304

Дѣло Киселева (защитительныя рѣчи Н. П. Шубинскаго) 398

Дѣло крестьянъ села Люторичъ (обвинительныя рѣчи прокурора Шадурскаго и защитительныя рѣчи Ѳ. Н. Плевако) 409

Дѣло Мясниковыхъ.

Засѣданіе С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 17—22 февраля 1872 года.

Послѣ двукратнаго разсмотрѣнія данныхъ обвиненія, по опредѣленію С.-Петербургской Судебной палаты, были преданы суду по обвиненію въ подлогѣ духовнаго завѣщанія отъ имени купца Козьмы Васильева Бѣляева отставной ротмистръ *Александръ* и надворный совѣтникъ *Иванъ Константиновичи Мясниковы* и мѣщанинъ *Амфилогій Александровъ Караганов*ъ.

Гражданскими истцами въ данномъ дѣлѣ явились купецъ *Ижболдинъ* съ женой и купеческая жена Пѣшехонова, унаслѣдовавшіе отъ сестры Бѣляева, мѣщанки *Мартьяновой*, ея права на имущество, оставшееся по смерти брата.

Засѣданіе открылось подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Окружного Суда князя *В. А. Кейкуатова*, обвинялъ прокуроръ Окружного Суда *А. Ѳ. Кони*, защищали Мясниковыхъ прис. повѣр. *К. К. Арсеньевъ* (Александра) и прис. повѣр. *А. И. Языковъ* (Ивана) и Караганова прис. повѣр. *Н. Ф. Деппъ*; со стороны гражданскихъ истцовъ повѣренными выступили: Ижболдиныхъ—докторъ правъ *А. В. Лохвицкій* и прис. повѣр. *А. П. Остряковъ*, и купеческой жены Пѣшехоновой—надворный совѣтникъ *В. В. Бѣляевъ*.

При открытіи засѣданія защитникъ Александра Мясникова возбудилъ передъ судомъ ходатайство о недопущеніи къ дѣлу гражданскихъ истцовъ въ виду того, что они являются наслѣдниками Мартьяновой, отказавшей имъ свой искъ о наслѣдствѣ, но не имѣвшей права завѣщать свои притязанія на имущество, оставшееся послѣ Бѣляева, такъ какъ въ правахъ на это наслѣдство она судомъ утверждена не была.

Противъ даннаго заявленія возражали прокуроръ и повѣренные гражданскихъ истцовъ, и судъ, согласившись съ ихъ доводами, постановилъ: допустить гражданскихъ истцовъ къ участію въ дѣлѣ на основаніи 1010 и 1104 ст. X т. 1-ой ч., по которымъ законъ допускаетъ наслѣдодателя распоряжаться въ завѣщаніи своемъ вообще всѣмъ своимъ имуществомъ, не исключая и правъ на иски, а отсюда гражданскіе истцы имѣютъ въ данномъ дѣлѣ прямой интересъ. Затѣмъ былъ прочтенъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

21 сентября 1858 года, въ С.-Петербургѣ, на углу Знаменской и Спасской улицъ, въ домѣ подъ № 34-мъ, умеръ фридрихсгамскій первостатейный купецъ Козьма Васильевъ Бѣляевъ, отъ рака въ мочевомъ пузырѣ, какъ видно изъ показанія пользовавшаго врача Тильмана.

Изъ многочисленныхъ письменныхъ свѣдѣній, имѣющихся при дѣлѣ, оказывается, что Козьма Бѣляевъ, завѣдуя дѣлами племянниковъ своей жены, Александра и Ивана Константиновыхъ Мясниковыхъ, а также ихъ сестеръ, участвовалъ въ нѣкоторыхъ изъ сихъ дѣлъ на правахъ компаньона, и, кромѣ того, владѣя значительнымъ капиталомъ, имѣлъ свои собственныя разнообразныя коммерческія предпріятія, занимаясь откупами, рыбными ловлями, лѣсною торговлею и другими торговыми предпріятіями. Незадолго до смерти Бѣляева, опредѣленіемъ Сената, отъ 12-го апрѣля 1858 г., за нимъ были утверждены въ арендное содержаніе на 12 лѣтъ рыболовныя воды въ Астраханской губерніи изъ платежа въ казну 72,000 руб. ежегодно. Эти рыбные промыслы, перешедшіе послѣ смерти Бѣляева къ братьямъ Александру и Ивану Мясниковымъ, были уступлены ими коллежскому секретарю Трощинскому за 899,000 рублей.

Спрошенныя о состояніи Бѣляева лица, знавшія покойнаго и имѣвшія съ нимъ разныя дѣла: биржевые маклера Максимъ Гротенъ и Аксель Гизико, потомственные почетные граждане Николай Перозіо и Германъ Молво показали, что въ 1858 г. Бѣляевъ намѣревался купить въ компаніи съ купцами Жадимировскимъ и Клеменцомъ у заводчика Берда принадлежащіе сему послѣднему извѣстные въ Петербургѣ заводы и Гутуевскій островъ за 2,300,000 руб., при чемъ, какъ видно изъ подробнаго о семъ проекта условія, на долю Бѣляева приходилось уплатить изъ покупной суммы болѣе $1^1/_2$ милліона. Въ томъ же 1858 году Бѣляевъ входилъ въ переговоры о покупкѣ литейнаго завода герцога Лейхтенбергскаго, обязываясь внести за одного себя 250,000 руб., принималъ участіе въ учрежденіи въ Петербургѣ новаго газоваго общества, при чемъ передалъ Молво на расходы по этому дѣлу около 5,000 руб. и обязался

внести за себя залогу 400,000 р., но за своей смертію не успѣлъ этого сдѣлать. Вообще, изъ показаній Молво и Перозіо оказывается, что Бѣляевъ, между знавшими его лицами, слылъ за человѣка богатаго и отзывы были о немъ какъ о милліонерѣ.

На другой день смерти Козьмы Бѣляева, т. е. 25-го сентября 1858 года, старшій помощникъ надзирателя 4-го квартала Литейной части, Рашковскій, прибылъ въ квартиру покойнаго для приведенія въ извѣстность и сохраненія оставшагося послѣ него имущества. Изъ составленнаго по сему случаю акта видно, что послѣ Бѣляева нашлось наличными деньгами 350 руб., старой серебряной монеты 25 штукъ и разнаго рода бумаги, которыя, впредь до составленія имъ описи, были опечатаны полицейскою печатью. О томъ, что послѣ Бѣляева осталось духовное завѣщаніе, въ актѣ не упоминается, и опись имущества, какъ видно изъ дѣла, составлена не была.

Составлявшій и писавшій этотъ актъ бывшій помощникъ надзирателя, коллежскій асессоръ Францъ Рашковскій, при слѣдствіи показалъ, что опечатанія и описи имущества по смерти Бѣляева онъ не производилъ и полагаетъ, что этотъ актъ написанъ имъ по порученію надзирателя въ конторѣ квартала и не въ присутствіи подписавшихъ актъ свидѣтелей, такъ какъ если бы онъ дѣйствительно составлялъ этотъ актъ въ квартирѣ Бѣляева, то увѣренъ, что запомнилъ бы обстановку и расположеніе комнатъ.

Бывшій надзиратель 4-го квартала Литейной части, надворный совѣтникъ Павелъ Соколовъ, показалъ, что онъ не помнитъ, чтобы поручалъ Рашковскому въ конторѣ квартала составлять актъ объ опечатаніи имущества Бѣляева; самъ онъ, Соколовъ, для опечатанія имущества въ квартирѣ Бѣляева не былъ и, сколько помнитъ, въ то время былъ боленъ, такъ что въ январѣ 1859 года вышелъ въ отставку.

16-го октября 1858 года, вдова Козьмы Бѣляева, умершаго бездѣтнымъ, Екатерина Васильева Бѣляева, урожденная дворянка Попова, представила въ 1-й Департаментъ С.-Петербургской Гражданской Палаты для засвидѣтельствованія домашнее духовное завѣщаніе отъ 10-го мая 1858 года, писанное коллежскимъ асессоромъ Макаромъ Аѳиногеновымъ Целебровскимъ, подписанное завѣщателемъ только двумя словами: «Козьма Бѣляевъ», и свидѣтелями протоіереемъ Василіемъ Яковлевымъ Сицилинскимъ и медикомъ коллежскимъ асессоромъ Ѳедоромъ Ивановымъ Отто.

По сему завѣщанію, написанному на одной страницѣ листа бумаги обыкновеннаго формата, покойный Бѣляевъ все движимое и недвижимое

имѣніе его, въ чемъ бы оно ни состояло и гдѣ бы оно не оказалось, денежный капиталъ, какой будетъ къ тому времени налицо, въ дѣлахъ и оборотахъ или въ долгахъ на другихъ, всѣ его коммерческія предпріятія съ казною и частными лицами предоставилъ въ неприкосновенную собственность своей жены Екатерины Васильевой Бѣляевой, обязавъ ее сдѣлать выдачи: родной сестрѣ покойнаго, вдовѣ Аннѣ Васильевой Ремянниковой 4,000 р., вдовѣ Аннѣ Никифоровой Арефьевой 2,000 р. и конторщику Бѣляева, Николаю Дмитріеву Шмелеву, 3,000 рублей.

По засвидѣтельствованіи сего завѣщанія 6-го ноября 1858 года Гражданскою Палатою, Екатерина Васильева Бѣляева, по условію, совершенному нотаріальнымъ порядкомъ 22-го декабря того же года, все доставшееся ей наслѣдство, вмѣстѣ съ двумя принадлежащими ей винокуренными заводами—Чураковскимъ и Комаровскимъ въ Казанской губерніи—и Тихвинской лѣсной дачей уступила поручику Александру и коллежскому регистратору Ивану Константиновымъ Мясниковымъ за 392,653 руб. 30 коп. съ тѣмъ, что въ уплату сей суммы она приметъ сохранную росписку, выданную ея покойнымъ мужемъ, 21-го мая 1858 года, Александру и Ивану Мясниковымъ на 272,653 р. 30 к., и затѣмъ Мясниковы обязались выплатить ей 120,000 р., ежегодно по 12,000 р. Въ условіи семъ упомянуты тѣ торговыя предпріятія, принадлежавшія ея покойному мужу, право на которыя она передала Мясниковымъ, обязалась на уступленныя имъ недвижимыя имѣнія выдать закономъ установленныя купчія крѣпости и предоставила имъ въ собственность всѣ иски по обязательствамъ съ умершаго несостоятельнаго должника Николая Мясникова, какъ выданныя на имя покойнаго ея мужа, такъ и скупленныя разными лицами по его порученію.

12-го сентября 1859 года, племянникъ Козьмы Бѣляева, сынъ его родной сестры Надежды Васильевой, казанскій мѣщанинъ Иванъ Николаевъ Мартьяновъ, узнавъ о смерти дяди и прибывъ въ Петербургъ, подалъ бывшему С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору прошеніе, въ которомъ, излагая обстоятельства, сопровождавшія смерть Бѣляева и появленіе духовнаго завѣщанія отъ 10-го мая 1858 года, а также послѣдовавшее расхищеніе имущества Бѣляева, заявилъ, что означенное духовное завѣщаніе и сохранная росписка, выданная будто бы Бѣляевымъ на 272,653 руб., составлены подложно.

Прошеніе Мартьянова было передано на разсмотрѣніе 2-го Департамента С.-Петербургской Управы Благочинія, опредѣленіемъ котораго ходатайство его объ изслѣдованіи дѣла было оставлено безъ послѣдствій, съ

предоставленіемъ ему права обратиться съ заявленіемъ спора о подлогѣ завѣщанія въ Гражданскую Палату.

Вскорѣ по объявленіи Мартьянову сего опредѣленія, онъ, 18-го декабря 1859 г., поступилъ въ градскую Обуховскую больницу, гдѣ того же числа и умеръ отъ холеры.

Послѣ смерти Мартьянова, мать его, сарапульская мѣщанка Надежда Васильева Мартьянова, въ 1861 году предъявила въ С.-Петербургскую Гражданскую Палату споръ противъ завѣщанія Бѣляева, но также до окончанія дѣла умерла въ томъ же 1861 году, оставивъ духовное завѣщаніе, по которому право иска о недѣйствительности духовнаго завѣщанія Бѣляева продоставила купцу Ивану Алексѣеву и женѣ его Аннѣ Николаевой Ижболдинымъ и купчихѣ Зоѣ Николаевой Пѣшехоновой.

По прошеніямъ наслѣдниковъ Мартьяновой, въ С.-Петербургской Гражданской Палатѣ до 1868 года производилось дѣло по спору противъ духовнаго завѣщанія Козьмы Бѣляева. До окончанія сего дѣла въ гражданскомъ порядкѣ, Иванъ и Анна Ижболдины, 2-го іюля 1868 года, подали прокурору С.-Петербургскаго Окружного Суда жалобу о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ братьевъ, капитана Александра и коллежскаго асессора Ивана Мясниковыхъ и мѣщанина Амфилогія Александрова Караганова, по обвиненію ихъ въ составленіи духовнаго завѣщанія отъ имени Козьмы Бѣляева. Произведеннымъ по сей жалобѣ предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружено слѣдующее:

Царскосельскій 2-й гильдіи купецъ *Иванъ Алексѣевъ Ижболдинъ*, въ подтвержденіе поданной имъ жалобы, на допросѣ у судебнаго слѣдователя показалъ, что во время смерти Козьмы Бѣляева онъ находился въ г. Сарапулѣ. Прибывъ въ Петербургъ въ 1859 г., или даже позже, съ довѣренностью мѣщанки Мартьяновой для отысканія слѣдовавшаго ей по смерти Бѣляева наслѣдства и для оспариванія духовнаго завѣщанія, онъ обратился къ своему хорошему знакомому, бывшему управляющему дѣлами Мясниковыхъ, Ѳедору Карлову Кемпе, который и объяснилъ ему, что духовное завѣщаніе Бѣляева фальшиво, что оно подписано за Бѣляева въ конторѣ Мясниковыхъ, конторщикомъ мѣщаниномъ Амфилогіемъ Карагановымъ, и что Александръ Мясниковъ просилъ Кемпе подписаться на завѣщаніи свидѣтелемъ, но онъ отъ подписи отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что въ день составленія завѣщанія, 10-го мая 1858 года, онъ не былъ въ Петербургѣ. Кемпе также говорилъ ему, что Караганов учился подписываться отъ имени Бѣляева. Кромѣ сего, Кемпе говорилъ, что однажды, послѣ смерти Бѣляева, Иванъ Мясниковъ принесъ въ контору

сохранную росписку отъ имени Бѣляева, на простой бумагѣ, на сумму около 300,000 р. Кемпе, посмотрѣвъ роспиcку, замѣтилъ Мясникову, что слѣдовало бы написать ее на гербовой бумагѣ. На другой день Иванъ Мясниковъ показалъ Кемпе сохранную роспиcку на ту же сумму и отъ того же самаго числа, но написанную уже на гербовой бумагѣ. Почетный гражданинъ Александръ Ѳедоровъ Красильниковъ разсказывалъ, что Александръ Мясниковъ просилъ его подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи Бѣляева и что завѣщаніе подписалъ за Бѣляева двоюродный братъ Красильникова, Амфилогій Караганов. Управляющій дѣлами Мясниковыхъ, Александръ Ѳедоровъ Матвѣевъ, говорилъ при немъ, что завѣщаніе подписано отъ имени Бѣляева Амфилогіемъ Карагановымъ и что Караганов учился дѣлать подписи Бѣляева. Имѣя подобныя свѣдѣнія о подлогѣ завѣщанія Бѣляева, Ижболдинъ однажды въ присутствіи свидѣтелей уличалъ Карагапова въ томъ, что онъ подписалъ духовное завѣщаніе за Бѣляева и сдѣлалъ фальшивые бланки Бѣляева на двухъ бланковыхъ билетахъ, но Караганов противъ этого ничего не возражалъ. Кромѣ вышеизложеннаго, Ижболдинъ слышалъ о фальшивомъ завѣщаніи отъ купца Ѳедора Красильникова и конторщика Мясникова, Ивана Дьяконова. По полученіи этихъ свѣдѣній, Ижболдинъ обращался къ вдовѣ Бѣляева, Екатеринѣ Васильевой, съ предложеніемъ мировой, но она отослала его къ Александру Мясникову, сказавъ, что ее самое племянники обобрали. Купецъ Иванъ Гонинъ разсказывалъ, что на похоронахъ Бѣляева Екатерина Васильева Бѣляева и Целебровскій, переписчикъ духовнаго завѣщанія, говорили, что покойный Бѣляевъ завѣщанія не оставилъ.

Жена купца *Анна Васильева Ижболдина* показала, что о подложномъ духовномъ завѣщаніи отъ имени Бѣляева, она лично слышала отъ чиновника Матвѣева, камердинера Бѣляева Василія Китаева и отъ столярнаго мастера Штеммера. Матвѣевъ и Штеммеръ передавали ей, что Екатерина Васильева Бѣляева на похоронномъ обѣдѣ говорила, что покойный мужъ ея завѣщанія не оставилъ.

Отставной коллежскій секретарь *Николай Семеновъ Германъ*, бывшій повѣренный Ижболдиныхъ, показалъ, что однажды зимою въ 1864 и 1865 гг., онъ зашелъ въ трактиръ вмѣстѣ съ Амфилогіемъ Карагановымъ. Караганов, сознаваясь, что подписался на завѣщаніи за Бѣляева, объяснилъ, что Александръ Мясниковъ заставилъ его написать на одной бумагѣ: «Козьма Бѣляевъ», сказавъ, что это такъ нужно, и что онъ, Караганов, исполнилъ это требованіе, не читавъ бумаги и не зная, что онъ подписываетъ духовное завѣщаніе.

Китаевъ, камердинеръ Бѣляева, показалъ, что слышалъ отъ Кемпе и Ремянниковой, будто завѣщанія не было, а отъ Отто, что онъ его не подписывалъ. Послѣ смерти Бѣляева Ремянникова просила Мясниковыхъ не оставить ее.

Бумаги Бѣляева были опечатаны на другой день его смерти, а дверь кабинета не запечатывалась вовсе. Свидѣтель передалъ тотчасъ по смерти Бѣляева ключи отъ шкафа въ кабинетѣ Мясниковымъ и они вывезли всѣ книги и бумаги, при чемъ дали Матвѣеву отвезти какой-то портфель, драгоцѣнности же отнесли къ Бѣляевой. Бѣляевъ умеръ скоропостижно. Сицилинскій ходилъ къ нему для требъ, а Целебровскаго онъ пересталъ принимать за 2 недѣли до смерти. Вдова Бѣляева также не принимала Целебровскаго сначала, а потомъ, дней черезъ 10 по смерти мужа, имѣла съ нимъ и Карагановымъ частые переговоры.

Петровъ, *Аѳанасьевъ*, *Зиновьевъ*, слуги Бѣляева, подтвердили увозъ Мясниковыми всѣхъ бумагъ покойнаго.

Махаева, бывшая у Бѣляевыхъ передъ смертью Козьмы Васильевича и затѣмъ оставшаяся у вдовы его еще дней 10, показала, что Бѣляева говорила ей о томъ, что она раскаивается въ томъ, что подписала какую-то бумагу по просьбѣ Мясниковыхъ. У Бѣляева было залоговое свидѣтельство на имѣніе Махаевой и она получила его отъ Мясниковыхъ.

Наторная, дочь Махаевой, видѣла духовное завѣщаніе, гдѣ имѣлся отказъ въ пользу ея матери.

Ремянникова показала, что о завѣщаніи узнала спустя 40 дней по смерти Бѣляева. Онъ всегда писалъ много и собственноручно.

Екатерина Васильевна Бѣляева показала на допросѣ въ 1868 г., что за нѣсколько дней до смерти мужъ передалъ ей какую-то бумагу, сказавъ: «возьми эту бумагу». Уйдя къ себѣ въ спальню, она увидѣла, что это духовная, но содержанія ея не читала. Спустя 40 дней по смерти мужа она выдала довѣренность Александру Мясникову для засвидѣтельствованія завѣщанія. Оцѣнила она имущество, оставшееся послѣ мужа, въ 392 тысячи рублей и передала его Мясниковымъ, такъ какъ у нихъ была сохранная росписка отъ Бѣляева на 272 тыс. руб., за 120 тыс. руб. Послѣ заключенія договора съ Мясниковыми сохранная росписка была кѣмъ-то уничтожена. Бумаги изъ кабинета покойнаго Бѣляева Мясниковы вывезли только свои. На допросѣ въ 1871 году Бѣляева показала, что завѣщаніе, не читая его, положила куда-то въ спальнѣ, но куда не помнитъ. Не помнитъ, давала ли она позволеніе Мясниковымъ

вывозить бумаги и лежали ли ихъ бумаги вмѣстѣ или отдѣльно отъ Бѣляевскихъ, не знаетъ. Дѣлъ мужа при жизни его не знала и уступила наслѣдство Мясниковымъ на основаніи ихъ оцѣнки. Затѣмъ, въ отзывѣ въ С.-Петербургскую Казенную Палату, отъ 4-го мая 1865 года Бѣляева, объяснила, что дѣлъ мужа не знала и что бумаги изъ кабинета мужа Мясниковы увезли всѣ. А въ прошеніи ея въ 1-ый Департаментъ Управы Благочинія значилось, что Мясниковы пользуются огромными доходами съ имущества покойнаго ея мужа. При обыскѣ 20 февраля 1871 года у Бѣляевой были найдены слѣдующіе документы:

а) Черновое вѣрющее письмо отъ имени Бѣляевой отъ сентября 1858 года, на имя Александра Мясникова. Въ этомъ письмѣ Бѣляева, не упоминая о духовномъ завѣщаніи, уполномочиваетъ Мясникова замѣнять мужа и ее во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ, касающихся покойнаго мужа ея и наслѣдства послѣ него.

б) Черновое письмо на имя Александра и Ивана Мясниковыхъ, въ которомъ Бѣляева укоряетъ ихъ въ томъ, что они поступили съ нею несправедливо, и упоминая, что ими взяты всѣ безъ исключенія документы, оставшіеся послѣ ея мужа, угрожаетъ Мясниковымъ подать просьбу Государю, съ намѣреніемъ возобновить передъ Нимъ все прошедшее.

в) Черновое письмо въ трехъ экземплярахъ одинаковаго содержанія на имя Александра и Ивана Мясниковыхъ. Въ этомъ письмѣ Бѣляева упрекаетъ Мясниковыхъ, что «они за поступки съ нею отдадутъ «отчетъ Богу». Далѣе пишетъ, что «теперь спала съ ея глазъ завѣса, скрывавшая нечистыя дѣла воспользовавшихся тогдашнимъ ея горемъ»; упоминаетъ, что «она не можетъ совершить купчей крѣпости, такъ какъ имъ кажется слишкомъ извѣстно, что они сами собственными руками всѣ находившіяся въ конторкѣ покойнаго ея мужа бумаги забрали себѣ домой». Далѣе также угрожаетъ Мясниковымъ подать Государю прошеніе, съ изложеніемъ подробностей отъ начала смерти ея мужа, выражаясь: «вы пріобрѣли отъ меня рѣшительно все, а заплатили невѣдомой для меня какой-то сохранной росписки».

г) Расчетъ, писанный рукою Екатерины Бѣляевой, въ которомъ перечисляются, съ означеніемъ цѣны, уступленныя ею Мясниковымъ имѣнія и коммерческія предпріятія съ присовокупленіемъ счета тѣхъ суммъ, которыя ей слѣдуетъ получить. Изъ сего расчета оказывается, что Бѣляевой всего слѣдовало получить болѣе 700,000 руб. На оборотѣ этого же листа находится черновая росписка Александра и Ивана Мяс-

никовыхъ отъ января 1859 года въ томъ, что они обязуются уплатить Бѣляевой 20,000 руб., по окончаніи винокуреній на Чураковскомъ и Комаровскомъ винокуренныхъ заводахъ, и за участіе ея мужа въ откупахъ въ Ставропольской губерніи 20,000 руб., а всего 40,000 руб.

Екатерина Бѣляева объяснила по этому поводу, что не знаетъ, какимъ образомъ у нея оказались черновыя письма, а для чего составляла расчетъ—не помнитъ.

Александръ Красильниковъ, компаньонъ Бѣляевой, показалъ, что слышалъ отъ Воронина, Шмелева и Бѣляевой о томъ, что завѣщанія не существуетъ. Александръ Мясниковъ послѣ смерти Бѣляева просилъ его подписаться на сохранной роспискѣ отъ 1858 года и на актѣ передачи Бѣляевымъ Мясникову правъ по откупамъ. При отказѣ свидѣтеля Мясниковъ сконфузился, а Целебровскій, бывшій при этомъ, упрекалъ его этимъ отказомъ. Каменскій говорилъ свидѣтелю, это завѣщаніе привезъ Бѣляевой Мясниковъ. Карагановъ все писалъ на бѣломъ листѣ «Козьма Бѣляевъ»,—спрашивалъ Красильникова относительно сходства съ подписью Бѣляева и задумывалъ коммерческія предпріятія, говоря, что получилъ отъ Мясниковыхъ какіе-то паи. На вопросъ свидѣтеля о подложности завѣщанія Карагановъ смутился. Карагановъ женился на оперной пѣвицѣ Обольяниновой, жившей съ Мясниковымъ, и уѣхалъ къ нему на заводъ, а затѣмъ въ Казаць, гдѣ потерпѣлъ неудачу въ хлѣбной торговлѣ. Впослѣдствіи Карагановъ признавался ему, что подписалъ завѣщаніе и жаловался на Мясниковыхъ, что обманули его, при чемъ говорилъ, что они просили его не видѣться съ нимъ Красильниковымъ, чтобы не проговориться ему насчетъ подлога завѣщанія. Бѣляева жаловалась свидѣтелю на Мясниковыхъ, что обманули ее, при чемъ говорила о подложности завѣщанія; потомъ, что сохранную роспиську видѣла только мелькомъ изъ рукъ Александра Мясникова. Повѣренный же ея Чевакинскій просилъ свидѣтеля передать Ижболдину, чтобы онъ далъ роспиську о томъ, что не будетъ преслѣдовать судомъ Бѣляеву, и она сама заявитъ, куда слѣдуетъ, о подложности завѣщанія. Александръ Мясниковъ далъ Матвѣеву въ день смерти Бѣляева пакетъ съ цѣнными бумагами, чтобы тотъ отвезъ его къ нему на домъ. Подпись Бѣляева на завѣщаніи не похожа. Бѣляевъ всегда подписывалъ полнымъ титуломъ, а тутъ просто «Козьма Бѣляевъ». Бѣляевъ былъ человѣкъ очень аккуратный, всегда самъ велъ переписку, книги велись у него, какъ слѣдуетъ. Запись въ памятной книгѣ Бѣляева сдѣлана не его рукой.

Матвѣевъ показалъ, что Бѣляева говорила Сицилинскому, что за-

вѣщанія нѣтъ, а спустя 2 недѣли сообщила, что оно нашлось. Въ день смерти Бѣляева свидѣтель возилъ, по порученію Мясникова, къ нему на домъ простой пакетъ съ бумагами. Подпись на завѣщаніи на подлинную Бѣляева не похожа.

Теремьтьева показала, что слышала отъ Матвѣева о подложности завѣщанія и о томъ, что его подписалъ Карагановъ. Ночью въ день смерти Бѣляева Матвѣевъ вынесъ изъ кабинета съ Мясниковымъ золота на 300 тысячъ. Къ Матвѣеву пріѣхалъ какой-то офицеръ и стращалъ, чтобы онъ не показывалъ противъ Мясниковыхъ.

Штеммеръ показалъ, что видѣлъ, какъ Мясниковы перевозили бумаги изъ кабинета Бѣляева. Жена его говорила свидѣтелю, что завѣщанія не существуетъ. Матвѣевъ говорилъ свидѣтелю, что оно подложно и передавалъ, что вынесъ съ Мясниковымъ изъ кабинета Бѣляева на 300 тысячъ золота. Подпись Бѣляева на завѣщаніи не похожа.

Гонинъ. Целебровскій говорилъ свидѣтелю на похоронахъ Бѣляева и на 40-ой день послѣ смерти, что завѣщанія нѣтъ. Карагановъ говорилъ свидѣтелю объ услугахъ его Мясниковымъ и предлагалъ ему вступить въ компанію, при чемъ собирался представить залоговъ тысячи на полторы. Въ 1861 году Гонинъ ѣздилъ въ Сарапуль съ предложеніемъ Мартьяновой отъ имени Мясникова покончить дѣло о завѣщаніи миромъ за 20, 25 тысячъ, а впослѣдствіи обращался къ Ижболдину, предлагая ему 5000 руб. за мировую, но тотъ просилъ у Мясниковыхъ 500,000 рублей и сдѣлка не состоялась. За поѣздку къ Мартьяновой получилъ отъ Мясниковыхъ 300 руб., изъ которыхъ 100 руб. отдалъ Столбову, участвовавшему вмѣстѣ съ нимъ въ переговорахъ.

Клюевъ показалъ, что Шмелевъ высказывалъ ему свое подозрѣніе относительно подложности завѣщанія, но когда узналъ о томъ, что ему отказана въ немъ часть изъ имущества Бѣляева, то началъ отказываться.

Герасимовъ слышалъ отъ Чевакинскаго о подложности завѣщанія и отъ Погожева о подложности сохранной росписки, выданной Бѣляевымъ Мясниковымъ.

Свидѣтелю *Шимановскому* Чевакинскій говорилъ, что Мясниковы послѣ смерти Бѣляева обобрали его вещи и книги, что при опечатаніи бумагъ покойнаго завѣщанія не оказалось, а его вынесъ изъ кабинета Бѣляева спустя двѣ недѣли по смерти послѣдняго Александръ Мясниковъ и что оно подложно вслѣдствіи того, что подпись на немъ не похожа на подлинную Бѣляева. Чевакинскій брался уладить дѣло, уни-

чтоживъ завѣщаніе. Однако впослѣдствіи при встрѣчѣ съ свидѣтелемъ отъ всѣхъ своихъ словъ отказался.

Чевакинскій, повѣренный Бѣляевой, заявилъ, что отъ Бѣляевой о подложности завѣщанія не слыхалъ. Самъ онъ въ его подложности не сомнѣвается, о подлогѣ же ему говорили Германъ и Ижболдинъ. Сперва ему давало поводъ думать въ этомъ смыслѣ то, что за подписью на завѣщаніи Бѣляева не было поставлено точки, обыкновенно имъ на своихъ подписяхъ проставляемой, но затѣмъ онъ, свидѣтель, нашелъ подписи Бѣляева и безъ точекъ.

Борзаковскій, повѣренный Ижболдина, получилъ отъ Мясникова предложеніе покончить дѣло своего довѣрителя за 8,000 руб. Впослѣдствіе Коптевъ пріѣзжалъ разъ къ нему по этому же дѣлу и намекнулъ на то, что Мясниковы заплатятъ за мировую 150,000 руб., однако ограничился однимъ только намекомъ и болѣе не являлся.

Однако свидѣтель *Коптевъ* данное показаніе отрицалъ.

Дьяконовъ, управляющій Бѣляева, показалъ, что Бѣляевъ всѣ дѣловыя бумаги писалъ самъ, при чемъ подписывалъ полнымъ своимъ титуломъ. Подпись на завѣщаніи похожа, но писана стальнымъ перомъ, покойный же Бѣляевъ, какъ можно судить по ровному его почерку, всегда писалъ перомъ гусинымъ. Въ апрѣлѣ и маѣ 1858 года Бѣляевъ былъ здоровъ и ѣздилъ на торги въ Сенатъ.

Кулаковскій показалъ, что нѣкоему Кононову, жившему на томъ же заводѣ, гдѣ и Карагановъ былъ ревизоромъ, послѣдній говорилъ при свидѣтелѣ и Кисилевѣ, что благодаря ему Мясниковы получили милліонъ, за услугу же эту онъ получилъ отъ нихъ 2,000 руб.

Жуковъ показалъ, что Карагановъ велъ себя на заводѣ ненормально: билъ стекла, боролся съ мужиками, ходилъ нагимъ и бросился разъ въ мельничное колесо.

Свидѣтели Алекѣй Бѣляевъ и Ашкиринъ объяснили, что управляющій завода Мясниковыхъ зналъ о бездѣльномъ поведеніи главнаго ревизора Караганова, который началъ вести себя странно послѣ допроса его въ Ставрополѣ. Получалъ онъ жалованья 1,000 руб. въ годъ и еще водку.

Жена Караганова, находившаяся въ связи съ Александромъ Мясниковымъ до своего замужества, показала, что А. Мясниковъ принесъ къ ней въ день смерти Бѣляева какой-то узелъ, по словамъ его, съ цѣнными бумагами и заперъ въ ящикъ ея туалета, взявъ ключъ съ собой, а на другой день этотъ узелъ взялъ обратно. Въ приданое, вы-

ходя замужъ, она получила отъ Мясникова 10,000 руб. Карагановъ потерпѣлъ неудачу въ хлѣбной и винной торговляхъ. Съ его словъ, Мясниковъ обѣщался выплачивать ему 2,500 руб. въ годъ. Карагановъ говаривалъ ей: «ахъ Боже мой, что я сдѣлалъ». Подозрѣвалъ ее въ намѣреніи лишить его жизни. Отто, бѣдный до смерти Бѣляева, потомъ разбогатѣлъ.

Дементьева, прислуга Карагановой, показала, что госпожа ея писала письмо къ Мясникову съ угрозой разсказать о завѣщаніи Бѣляева, при чемъ просила у него денегъ.

Отецъ Караганова показалъ, что онъ съ нѣкотораго времени замѣтилъ сильную перемѣну въ сынѣ, который признался ему, между прочимъ, что подписалъ бланкъ отъ имени Бѣляева.

Амфилогій Александровъ Карагановъ объяснилъ, что въ день смерти Бѣляева Александръ Мясниковъ, придя къ нему или позвавъ его къ себѣ, съ точностію не упомнитъ, заявилъ смерва о смерти Бѣляева, и затѣмъ, выразивъ сожалѣніе о томъ, что не успѣлъ покончить съ Бѣляевымъ расчетовъ и взять свой капиталъ, упросилъ его, не объясняя для какой цѣли, подписать имя и фамилію Бѣляева на листѣ бумаги большого формата. Не предполагая въ требуемомъ отъ него дѣйствіи ничего предосудительнаго, онъ исполнилъ желаніе Мясникова, при чемъ старался поддѣлать по возможности свой почеркъ подъ почеркъ руки Бѣляева. Такъ какъ сначала поддѣлаться подъ почеркъ Бѣляева ему не удавалось, то онъ испортилъ нѣсколько листовъ; и, наконецъ, найдя послѣднюю пробу, т. е. подпись Бѣляева, довольно схожею съ настоящею его подписью, онъ отдалъ тотъ бланкъ Александру Мясникову. По предъявленіи слѣдователемъ Караганову духовнаго завѣщанія отъ 10-го мая 1858 года, Карагановъ объяснилъ, что текстъ на предъявленное ему завѣщаніе писанъ, повидимому, рукою Целебровскаго, подпись же на этомъ завѣщаніи: «Козьма Бѣляевъ», весьма возможно, что сдѣлана имъ, но, навѣрное, этого сказать не можетъ. Предполагаетъ же, что эта подпись сдѣлана имъ потому, что когда онъ отдалъ Мясникову подложный бланкъ, то подпись Бѣляева на бланкѣ пришлась какъ разъ въ томъ же мѣстѣ, какъ и на предъявленномъ ему завѣщаніи, и сколько упомнитъ, подложный бланкъ Бѣляева онъ сдѣлалъ у себя въ комнатѣ стальнымъ перомъ. Какъ скоро послѣ смерти Бѣляева появилось духовное завѣщаніе, онъ не помнитъ, но приблизительно можетъ сказать, что чрезъ нѣсколько дней, о чемъ онъ узналъ изъ разговоровъ служащихъ у Бѣляева или у Мясникова. За услугу, оказанную имъ Мясникову въ подписаніи бланка отъ имени Бѣляева,

онъ ничего не получилъ. Послѣ смерти Бѣляева онъ оставался служить у Мясниковыхъ въ продолженіе 10 мѣсяцевъ, а потомъ лѣтомъ 1859 года отошелъ отъ него и уѣхалъ въ Казанскую губернію, гдѣ открылъ свою собственную торговлю хлѣбомъ, отчасти на свои денежныя средства, отчасти же на кредитъ отъ разныхъ лицъ и отчасти на деньги его жены. Оставляя у Мясниковыхъ службу, ему было дано въ награду 10 паевъ въ Кирилловскомъ откупѣ, за каковые паи онъ получилъ двѣ тысячи рублей. Затѣмъ, поступивъ въ 1865 г. вторично на службу къ Мясниковымъ, онъ продолжалъ таковую до послѣдняго времени, получая по должности главнаго ревизора 1,000 руб. въ годъ. О сохранной росписке, выданной Бѣляевымъ Александру и Ивану Мясниковымъ, на 272,000 рублей, онъ въ первый разъ слышитъ и никогда и ни отъ кого не слыхалъ, чтобы Бѣляевъ бралъ деньги у Мясниковыхъ на сохраненіе.

Александръ Константиновъ Мясниковъ, занимавшій до 1871 года должность адъютанта начальника III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, не призналъ себя виновнымъ въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени Козьмы Бѣляева (на допросѣ въ 1868 году объяснилъ, что Мясниковы еще не дошли до того, чтобы дѣлать подлоги для полученія 272,000 рублей). Бѣляевъ былъ ихъ управляющій и опекунъ надъ малолѣтнимъ ихъ племянникомъ. Подписываться на завѣщаніи и сохранной росписке ни Кемпе, ни Шевелева, ни Красильникова онъ не просилъ. Бѣляевъ при жизни своей нѣсколько разъ говорилъ, что все оставитъ женѣ своей. Послѣ смерти Бѣляева, онъ, съ дозволенія Екатерины Васильевой Бѣляевой, поспѣшилъ взять изъ кабинета покойнаго свои бумаги и книги, которыя ему были очень нужны, потому что у него дѣла были по всей Россіи и онъ еще мало былъ знакомъ съ ними. Кабинетъ покойнаго былъ опечатанъ на другой день смерти. О существованіи завѣщанія онъ узналъ отъ Бѣляевой, послѣ смерти ея мужа, и увидѣлъ его тогда, когда она отдала ему завѣщаніе для представленія въ Гражданскую Палату. Бѣляева подписалась поручительницей на сохранной росписке уже послѣ смерти ея мужа, кажется до подписанія условія о передачѣ имъ дѣлъ покойнаго Бѣляева, но одинъ ли онъ или вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ просили подписаться Бѣляеву поручительницею на росписке—не помнитъ; сдѣлано же это было для того, чтобы имъ быть болѣе обезпеченными. Когда онъ получилъ отъ Бѣляева послѣдній отчетъ,—не помнитъ; послѣдній расчетъ съ Бѣляевымъ былъ у него передъ выдачей ему сохранной росписки. Была ли эта росписка вся писана Бѣляевымъ или только имъ подписана—не помнитъ; вы-

дана же она была Бѣляевымъ по ихъ расчетамъ и сумма ея была переведена на золото и на серебро. Для окончанія дѣла о завѣщаніи миромъ съ Мартьяновымъ на мѣсто его родины онъ никого не посылалъ. При допросѣ въ 1871 году Александръ Мясниковъ объяснилъ, что къ служившему у него конторщикомъ Амфилогію Караганову онъ въ день смерти Бѣляева не обращался съ просьбою поддѣлать на листѣ бумаги бланкъ Козьмы Бѣляева. Почему Карагановъ на него ложно показываетъ—ему неизвѣстно, но просить его о бланкѣ отъ имени Бѣляева для составленія духовнаго завѣщанія онъ не могъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, составлять завѣщанія отъ имени Бѣляева въ пользу его жены для него не было никакой цѣли, ибо все имущество Бѣляева, какъ видно изъ собственноручно подписаннаго имъ баланса въ сентябрѣ 1857 года, простиралось, за вычетомъ долга, всего около 65,000 рублей и даже менѣе, а во-вторыхъ, онъ никогда не рѣшился бы просить своего конторщика поддѣлать чужой бланкъ, потому что могъ рисковать, что имъ же будетъ поддѣланъ бланкъ и отъ его имени, и такимъ образомъ онъ лишится всего состоянія. Съ Натальей Павловой Карагановой, урожденной Обольяниновой, онъ находился въ связи года два или три. Привозилъ ли онъ къ ней послѣ смерти Бѣляева большой пакетъ съ бумагами и узелъ съ 150,000 рублей—не помнитъ. Бумаги, взятыя имъ изъ кабинета Бѣляева послѣ его смерти, были разобраны имъ, его братомъ Иваномъ и, кажется, Целебровскимъ. Съ Обольяниновой онъ никакихъ разговоровъ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева никогда не имѣлъ. Давалъ ли онъ Обольяниновой по случаю ея свадьбы деньги, сколько именно, но не болѣе 10,000 рублей, хорошо не помнитъ. Послѣ выхода замужъ Караганова неоднократно просила у него денежной помощи, и онъ ей помогалъ небольшими суммами, но опасаться Карагановой ему не было ни малѣйшей причины.

Иванъ Константиновъ Мясниковъ, занимавшій до 1871 года должность почетнаго смотрителя С.-Петербургскаго Вознесенскаго училища, не признавая себя виновнымъ въ составленіи подложнаго завѣщанія отъ имени купца Козьмы Бѣляева, объяснилъ, что въ составленіи сего завѣщанія въ пользу Бѣляевой ему не было никакого интереса. Сохранная росписка Бѣляева въ 272,000 рублей, при совершеніи договора 22-го декабря 1858 г., была передана Бѣляевой и ею уничтожена. Въ 1858 г. онъ уѣзжалъ въ Астрахань принимать рыбные промыслы; въ это время здоровье Бѣляева было плохо, а между тѣмъ онъ былъ долженъ ему и его брату Александру, по расчетамъ, 272,000 руб. Боясь, что Бѣ-

ляевъ скоро умретъ, онъ, Иванъ Мясниковъ, просилъ его выдать сохранную росписку, о чемъ, уѣзжая изъ Петербурга, во избѣжаніе недоразумѣній впослѣдствіи, предупреждалъ и Бѣляеву, говоря, что у нихъ есть отъ ея мужа сохранная росписка. Послѣ смерти Бѣляева Александръ Мясниковъ, съ дозволенія жены покойнаго, отобралъ въ кабинетѣ Бѣляева бумаги по ихъ дѣламъ и перевезъ къ себѣ въ контору. Бѣляевъ своихъ собственныхъ дѣлъ имѣлъ много, а больше имѣлъ паи въ ихъ дѣлахъ. По возвращеніи изъ Астрахани онъ нѣсколько разъ просилъ Бѣляеву напомнить мужу о сохранной росписке, чѣмъ она была недовольна. О существованіи духовнаго завѣщанія онъ узналъ послѣ смерти Бѣляева, но какъ скоро и при какихъ обстоятельствахъ—не помнитъ, такъ какъ онъ на это не обращалъ никакого вниманія. При совершеніи съ Бѣляевою маклерскаго условія, сохранная росписка была отдана Бѣляевой и ею уничтожена. Относительно стоимости рыбныхъ промысловъ онъ въ настоящее время, не видясь съ братомъ и не имѣя подъ рукой свѣдѣній, точно объяснить не можетъ. Знаетъ, что на третью часть Бѣляева было имъ внесено 8,000 р. залога. По переходѣ этихъ промысловъ отъ Бѣляевой, по сдѣлкѣ 22-го декабря 1858 г., въ собственность его и брата, промыслы были уступлены ими Трощинскому, но чрезъ сколько времени и за какую сумму—не помнитъ. Какіе откупа, въ какихъ городахъ и сколько паевъ имѣлъ Бѣляевъ въ 1857—1859 годахъ, онъ не помнитъ и свѣдѣнія объ этомъ должны быть у его брата. Мебельный магазинъ, доставшійся имъ отъ Бѣляевой, былъ ими проданъ за 27,000 р. или около того. Сколько стоили прочія коммерческія предпріятія Бѣляева, перешедшія въ ихъ собственность по договору 22-го декабря 1858 года, онъ съ точностію не знаетъ.

При сличеніи 18-го марта 1871 г. почерка подписи «Козьма Бѣляевъ» на духовномъ завѣщаніи 10-го мая 1858 г. съ несомнѣнными подписями Бѣляева, эксперты, въ числѣ пяти человѣкъ, объявили, что оспариваемая подпись на духовномъ завѣщаніи «Козьма Бѣляевъ» сходства съ его несомнѣннымъ почеркомъ не имѣетъ, какъ по характеру, такъ и по стилю буквъ, равно какъ и по связи ихъ. Кромѣ того росчеркъ въ подписяхъ Бѣляева совершенно свободный; на духовномъ же завѣщаніи этотъ росчеркъ не представляетъ и подобія несомнѣннаго росчерка, а выраженъ *дурно скопированною чертою.* (Вообще подпись на духовномъ завѣщаніи: «Козьма Бѣляевъ» представляетъ весьма плохое подражаніе несомнѣннымъ подписямъ Бѣляева). Почеркъ самаго текста духовнаго завѣщанія одинъ и тотъ же, но первая половина текста

писана сжато, а вторая расгонисто, и послѣднія двѣ строки сново сжаты, такъ что можно притти къ заключенію, что текстъ завѣщанія пригонялся къ подписи. Цвѣтъ чернилъ, коими писанъ текстъ завѣщанія, подпись отъ имени Бѣляева и подписи свидѣтелей *Сицилинскаго и Отто*, различенъ въ каждомъ изъ четырехъ почерковъ. По сличенію подписи «Козьма Бѣляевъ» на духовномъ завѣщаніи съ почеркомъ обвиняемаго мѣщанина Амфилогія Караганова и съ сдѣланными имъ пробными подписями словъ «Козьма Бѣляевъ», эксперты объявили, что подпись на духовномъ завѣщаніи съ несомнѣннымъ обыкновеннымъ почеркомъ Караганова, на первый взглядъ, сходства не имѣетъ; сходство это замѣчается только въ пробныхъ подписяхъ. Самъ по себѣ почеркъ Караганова, въ разное время, представляется различнымъ и замѣчается, что Карагановъ можетъ измѣнять его по своему желанію. Въ обыкновенномъ почеркѣ Караганова, въ манерѣ письма нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквъ, напримѣръ р, л, к, я, замѣчается сходство съ манерою изображенія ихъ Бѣляевымъ, такъ что по изученіи почерка Караганова эксперты полагаютъ, что онъ поддѣлался подъ руку Бѣляева, но нельзя положительно утверждать или отрицать, что подпись на завѣщаніи «Козьма Бѣляевъ» сдѣлана именно Карагановымъ, потому что подпись на завѣщаніи писана не смѣлою рукою, а нарисована.

Переписчикъ духовнаго завѣщанія Козьмы Бѣляева, отъ 10-го мая 1858 г. коллежскій асессоръ *Макарій Целебровскій* и подписавшіе завѣщаніе въ качествѣ свидѣтелей: *протоіерей Василій Сицилинскій* и медикъ, надворный совѣтникъ *Ѳедоръ Отто*, какъ видно изъ дѣла, умерли.

Во время производства въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ въ гражданскомъ порядкѣ дѣла по спору, предъявленному противъ дѣйствительности завѣщанія купца Бѣляева, Александръ Мясниковъ, согласно требованію суда, основанному на ходатайствѣ истцовъ, 1870 года представилъ въ судъ: 1) подлинный дневникъ, веденный Бѣляевымъ, гдѣ въ ст. 70-й, отъ 21-го мая, значится: «росписка Александру и Ивану Константиновымъ Мясниковымъ въ 272,000 руб.», и 2) клочекъ бумаги, на которомъ карандашемъ рукою Бѣляева написано слѣдующее: «2-й, ей же, женѣ моей, передаю я по кончинѣ моей всѣ права мои по обязательствамъ и контрактамъ съ казною и частными людьми и безъ оныхъ, а равно полученіе съ должниковъ моихъ по актамъ, роспискамъ и по другимъ расчетамъ денегъ и уплату состоящихъ на мнѣ одолженій, если таковыя окажутся».

Во время же производства предварительнаго слѣдствія, при обыскѣ, произведенномъ 11-го февраля 1871 года въ квартирѣ Александра Мясникова, въ числѣ разныхъ бумагъ и книгъ, поименованныхъ въ составленномъ о семъ протоколѣ, былъ найденъ клочекъ бумаги съ слѣдующими словами, писанными карандашемъ, по объясненію Мясникова, рукою покойнаго Козьмы Бѣляева: «что сіе завѣщаніе составлено дѣйствительно фр. перв. куп. К. В. Бѣл.».

Изъ найденныхъ при томъ же обыскѣ разныхъ счетовъ и отчетовъ, писанныхъ рукою покойнаго Бѣляева, между прочимъ видно, что по краткому отчету, составленному Бѣляевымъ, ему слѣдовало уплатить Мясниковымъ по 1-е сентября 1857 года 150,000 руб. $2^3/_4$ коп. и затѣмъ по поступленіи къ нему 255,808 р. $74^1/_4$ к. и по снятіи съ его счета 278,061 р. 84 к., выданныхъ имъ, Мясниковымъ, или вообще подлежащихъ снятію съ его счета, за произведенными на ихъ счетъ расходами, оказывается, что Бѣляеву на 14-е мая 1858 года слѣдовало получить 22,253 руб. 12 коп.

При сличеніи, 18-го марта 1871 года, почерка слѣдующихъ строчекъ въ дневникѣ Бѣляева, представленномъ къ дѣлу Александромъ Мясниковымъ: «21. Росписка Александру и Ивану Конст. Мясниковымъ въ 272,000 рублей», «капиталы и расходы уравнены общимъ вкладомъ отъ 3 лицъ, т.-е. гг. Мясниковыми и отъ меня», и «21. Ив. Конст. на рыбныя ловли въ числѣ 50,000 складочнаго капитала съ моей части 16,666 р. 66 к.,» эксперты объявили, что строчки эти имѣютъ между собою сходство и писаны одною рукою, одними чернилами и стальнымъ перомъ и имѣютъ сходство съ тѣмъ почеркомъ, которымъ писанъ текстъ дневниковъ; но положительно утвердить, чтобы этотъ почеркъ былъ писанъ несомнѣннымъ почеркомъ Бѣляева, эксперты не могутъ. Остальная строчка изъ сличаемыхъ дневниковъ, именно: «18. В. П. Буркину отказъ отъ его товарищества»; «7 го и 8-го числа выдано, но съ рыбнаго дѣла роздано Бенардаки 88,000, Буркину 8,000, Якунчикову 8,000, Ненюкову 8,000, Коняеву и Тюльпину 8,000, Лебедеву 4,000— 124,000 р.» имѣетъ сходство съ почеркомъ, коимъ писанъ текстъ дневниковъ, но представленное, какъ показываетъ разсмотрѣніе въ лупу, обведенными по написанному и притомъ въ обоихъ дневникахъ въ вышеозначенныхъ строчкахъ одними и тѣми же чернилами, только слова: «7 и 8-го числа выдано, но съ рыбнаго дѣла»—не обведены.

Вслѣдствіе сего, отставной ротмистръ Александръ Константиновъ Мясниковъ, 39 лѣтъ, отставной надворный совѣтникъ Иванъ Констан-

тиновъ Мясниковъ, 38 лѣтъ, и с.-петербургскій мѣщанинъ Амфилогій Александръ Караганов, 37 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что въ концѣ сентября или въ началѣ октября 1858 года, по предварительному между собою уговору, подложно составили домашнее духовное завѣщаніе отъ 10-го мая 1858 года отъ имени фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы Васильева Бѣляева, т. е. совершили преступленіе, предусмотрѣнное 1,691-й ст. улож. о нак. изд. 1866 года.

По прочтеніи обвинительнаго акта на вопросы о виновности Александръ и Иванъ Мясниковы виновными себя не признали.

Караганов виновнымъ себя призналъ. Но все время слѣдствія онъ велъ себя крайне странно, не отвѣчая прямо на вопросы, повторялъ, что онъ потерпѣлъ много въ жизни, былъ молодъ, неопытенъ.

Онъ служилъ у Мясниковыхъ комиссіонеромъ. Однажды Александръ Мясниковъ просилъ его подписаться подъ руку Бѣляева на чистомъ листѣ бумаги. О цѣли этой подписи онъ точно не зналъ, но догадывался, что она должна служить для подлога завѣщанія. Въ вознагражденіе за эту услугу Мясниковъ передалъ ему нѣкоторые паи въ своихъ предпріятіяхъ. Отошелъ онъ отъ Мясниковыхъ въ іюлѣ 1859 года и, женившись на любовницѣ Александра Мясникова, получилъ отъ него въ приданое 10 тысячъ. Въ 1865 году опять поступилъ къ Мясниковымъ на службу, ѣздилъ по ихъ дѣламъ въ Ставрополь и Ростовъ, а послѣднее время былъ ревизоромъ на винокуренномъ заводѣ въ Задонскомъ уѣздѣ. Красильникову онъ ни въ чемъ не сознавался, а относительно признанія отцу своему не помнитъ.

Подпись на завѣщаніи онъ находитъ похожей на свою.

Вызванный для экспертизы умственнаго состоянія Караганова психіатръ *Дюковъ* далъ заключеніе слѣдующаго содержанія: Караганов находится несомнѣнно въ сильномъ нервномъ разстройствѣ, однако докторъ Баталинъ, наблюдавшій Караганова болѣе продолжительное время, нежели экспертъ, умственнаго разстройства въ немъ не находилъ. Онъ, экспертъ, точныхъ признаковъ умственнаго разстройства какой либо, извѣстной наукѣ формы, какъ физическихъ, такъ и психическихъ, не находитъ. Всѣ странности въ поведеніи подсудимаго можно объяснить разсѣянностью, развившейся въ немъ вслѣдствіи праздной и бродячей жизни, и ослабленіемъ памяти подъ вліяніемъ той же причины и, пожалуй, слѣдовъ бывшей у подсудимаго бѣлой горячки, въ припадкѣ которой онъ и бросался подъ мельничное колесо, а также совершалъ рядъ странныхъ поступковъ на заводѣ. Между прочимъ, на вопросъ защитника Дюковъ заявилъ, что

для нѣкоторыхъ больныхъ онъ не могъ иногда подыскать какой либо, подмѣченной наукой, формы умопомѣшательства, въ продолженіе долгаго времени, иногда до 2-хъ съ половиною лѣтъ.

Полицейскій врачъ *Баталинъ* показалъ, что когда онъ находился наединѣ съ Карагановымъ, то тотъ отвѣчалъ на вопросы вполнѣ точно и велъ себя развязно, игралъ, между прочимъ, на скрипкѣ. Всѣ отправленія у него правильны. Въ присутствіи постороннихъ говорилъ запутанно.

Въ дополненіе показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, свидѣтели на судебномъ слѣдствіи показали нижеслѣдующее:

Махаева слышала отъ Бѣляевой черезъ 6 недѣль по смерти мужа ея, что духовной не оставлено, то же говорили ей Отто и Каменскій. Бѣляева вообще съ ней не откровенничала по поводу своихъ дѣлъ.

Жуковъ заявилъ, что онъ отъ Мясниковыхъ отошелъ. Карагановъ, по его мнѣнію, на заводѣ былъ совершенно излишнимъ, велъ онъ себя крайне странно: ходилъ нагимъ, буянилъ, впадалъ въ меланхолическое настроеніе. Кононовъ, пріѣхавшій на заводъ въ качествѣ приказчика Мясниковыхъ, во все время своего 2-хъ мѣсячнаго пребыванія на заводѣ находился безотлучно при Карагановѣ.

Алексѣй Бѣляевъ отказался отъ даннаго имъ показанія на предварительномъ слѣдствіи относительно того, что Карагановъ перемѣнился послѣ допроса въ Ставрополѣ. Затѣмъ прокуроръ обратилъ вниманіе присяжныхъ засѣдателей на то, что изъ документовъ, представленныхъ къ дѣлу, видно, что за Карагановымъ Мясниковы слѣдили, не отпускали въ отпускъ, позволяли ему забирать впередъ деньги; жена его тоже получала деньги отъ Мясниковыхъ, Александръ Мясниковъ выкупалъ изъ ломбарда вещи Караганова.

Защитникъ А. Мясникова обратилъ вниманіе присяжныхъ засѣдателей на почтительность тона писемъ Караганова къ Мясниковымъ и на дѣловитость ихъ. Въ Ростовѣ его задержали по дѣламъ службы. Въ письмахъ къ отцу Карагановъ жалуется на бѣдность и говоритъ о пріисканіи занятій.

Свидѣтель *Красильниковъ* показалъ, что его А. Мясниковъ просилъ подписаться подъ какими-то документами, но онъ отказался и сообщилъ объ этомъ полковнику Ракѣеву и генералу Мезенцову, однако дѣлу хода дано не было. По содержанію завѣщанія видно, что его писалъ человѣкъ, совершенно незнакомый съ откупнымъ дѣломъ. Бѣляевъ обладалъ состояніемъ въ 3 милліона.

Генералъ Ракѣевъ подтвердилъ показаніе Красильникова относительно заявленія его о подложности завѣщанія.

Ермолинскій показалъ, что докторъ Отто, подписавшійся подъ духовнымъ завѣщаніемъ, человѣкъ очень порядочный, и въ разговорѣ со свидѣтелемъ отрицалъ подложность завѣщанія. Кемпе имѣлъ съ Мясниковыми какіе-то счеты.

Александръ Мясниковъ заявилъ, что Кемпе, служившій управляющимъ Порховскимъ откупомъ, былъ уволенъ отъ нихъ за растрату.

Неимковъ показалъ, что у Бѣляева было не болѣе 100 тысячъ, въ послѣднее время онъ потерпѣлъ неудачу въ одномъ предпріятіи. Бѣляевъ занималъ у свидѣтеля по 2 и по 3 тысячи. Мясниковымъ отъ дѣда досталось три съ половиной милліона.

Ивановъ: Красильниковъ былъ объявленъ несостоятельнымъ, и общее собраніе кредиторовъ признало его злостнымъ. Конкурсъ по его дѣламъ призналъ, что Мясниковъ ему долженъ. Ижболдинъ просилъ свидѣтеля подождать съ предъявленіемъ претензій, пока Красильниковъ получитъ деньги отъ Мясниковыхъ.

На вопросъ предсѣдательствующаго Иванъ Мясниковъ, сообщилъ, что онъ боленъ въ продолженіе семи лѣтъ, изъ которыхъ 5 лѣтъ не выходилъ изъ комнаты.

Послѣ допроса этихъ свидѣтелей дали свое заключеніе эксперты по сличенію почерковъ. Ими было констатировано: 1) Подписи Бѣляева на другихъ документахъ и на завѣщаніи разнятся. Подпись на завѣщаніи написана крупнѣе обыкновеннаго, не свободною рукой, грубѣе; буквы съ перерывами; мягкій знакъ не похожъ на то, какъ писалъ его Бѣляевъ. 2) Сходства между подписью Караганова и находящеюся на завѣщаніи не замѣчено. 3) Страницы въ дневникѣ писаны одной рукой, но тоньше и другими чернилами. 4) Первыя 17 строкъ на завѣщаніи написаны сжато, затѣмъ завѣщаніе писано разгонисто, конецъ же его опять сжато. 5) Подпись сдѣлана искусно, но не смѣлою рукой.

Экспертъ Ивановъ заявилъ, что буквы на подписи не совсѣмъ похожи на несомнѣнно писанныя Бѣляевымъ, но положительно нельзя сказать, чтобы она была подложна.

Экспертъ Торнъ высказалъ мнѣніе, что въ данной подписи нѣтъ характера письма Бѣляева, и буквы подписи на завѣщаніи скорѣй нарисованы, чѣмъ написаны.

Свидѣтель *Шевелевъ* показалъ, что однажды, будучи въ крайне стѣсненномъ положеніи, нуждаясь въ деньгахъ на поѣздку за-границу, онъ

составилъ по проекту Сысоева письмо къ Ижболдину, гдѣ сообщалъ ложныя данныя, будто бы извѣстныя ему о подложности завѣщанія Бѣляева. Сысоевъ, повѣренный Ижболдина, говорилъ, что это письмо необходимо для его довѣрителя, потому что Ижболдинъ намѣренъ вступить съ Мясниковыми въ мировую сдѣлку. За письмо Шевелевъ получилъ деньги на выѣздъ заграницу и росписку на 2000 рублей, находящуюся у жены его за границей. Подобныя же росписки были выданы Ижболдинымъ Матвѣеву и Сысоеву, изъ которыхъ первый былъ у Мясниковыхъ нахлѣбникомъ. Свидѣтель только что вытребованъ изъ Парижа и содержится въ заключеніи въ Петропавловской крѣпости.

Ижболдинъ заявилъ, что письмо Шевелевъ написалъ безъ его просьбы, а обязательство онъ выдалъ ему за какія-то услуги.

Свидѣтель Исаевъ показалъ, что находящееся при дѣлѣ письмо его о томъ, что Александръ Мясниковъ, будто бы, просилъ его подписаться на завѣщаніи Бѣляева, написано имъ по просьбѣ Германа, чтобы достать отъ Ижболдина денегъ.

Германъ, повѣренный Ижболдина, слышалъ о подложности завѣщанія отъ Караганова.

Екатерина Васильевна *Бѣляева* показала, что завѣщаніе она спрятала въ столъ тотчасъ же послѣ того, какъ покойный мужъ ея вручилъ его ей, прочитавъ въ немъ начало и подписи. Мужъ передъ смертью говорилъ ей, что долженъ Мясниковымъ. Домъ и заводы принадлежали ей, въ астраханскомъ же промыслѣ мужъ ея имѣлъ малое участіе; такъ что, принявъ наслѣдство мужа, она вынуждена была расплатиться своими деньгами по его обязательствамъ; пассивъ въ наслѣдствѣ мужа превышалъ активъ на 300 тысячъ. Драгоцѣнностей у мужа ея не было; золото онъ получалъ съ пріисковъ Мясниковыхъ. Отто лѣчилъ мужа, а Сицилинскій былъ его духовникомъ. На обѣдѣ въ 40-й день свидѣтельница не была и о завѣщаніи ни съ кѣмъ въ этотъ день не говорила. На допросѣ въ 1871 году она была сильно разстроена, почему могла надѣлать ошибокъ. Черновыхъ писемъ къ Мясникову не писала и по какому поводу составленъ ею расчетъ, не помнитъ. Ижболдинъ во время слѣдствія подкупалъ ея человѣка. Кѣмъ писана духовная она не знаетъ.

Послѣ даннаго показанія прокуроръ указалъ присяжнымъ засѣдателямъ на документы, изъ коихъ слѣдуетъ, что Бѣляева имѣла вражду съ Мясниковыми за то, что они не заплатили ей обѣщанныхъ денегъ; также обратилъ вниманіе на то, что Бѣляева сама писала, что Мясниковы пользуются выгодами съ «огромнаго» состоянія покойнаго ея мужа.

Затѣмъ свидѣтель *Сысоевъ*, показалъ, что Ижболдинъ самъ далъ ему письмо, гдѣ Шевелевъ писалъ о подложности завѣщанія Бѣляева. При встрѣчѣ съ Шевелевымъ онъ услыхалъ отъ него еще больше подробностей по данному дѣлу, нежели было въ письмѣ.

Докторъ Красильниковъ показалъ, что Шевелевъ говорилъ ему о подложности духовной и въ виду этого онъ познакомилъ его съ Ижболдинымъ.

Клейнминхель зналъ Сицилинскаго за строгого и честнаго человѣка.

Китаевъ служилъ послѣ смерти Бѣляева у Красильникова. Целебровскій у Бѣляева повѣреннымъ не былъ.

Защитникъ А. Мясникова указалъ на довѣренности, выданныя Бѣляевымъ Целебровскому, на то, что изъ расчетовъ видно, что Целебровскій получалъ отъ Бѣляева 100 руб. въ мѣсяцъ и что Целебровскимъ было подписано прошеніе, поданное въ Коммерческій Судъ отъ имени Бѣляева.

Петрову Китаевъ у себя совѣтывалъ выдать 1000 руб., «чтобы свидѣтель какое слово закинулъ».

Ремянникова, сестра Бѣляева, показала, что Мартьянову съ племянникомъ Бѣляевъ не пускалъ къ себѣ на глаза. Передъ смертью Бѣляевъ говорилъ, что составитъ завѣщаніе. Ижболдинъ, по словамъ Петрова, подговаривалъ его показывать противъ Мясниковыхъ.

Затѣмъ были прочитаны проекты покупокъ Бѣляевымъ въ компаніи съ другими: Гутуевскаго острова, завода Берда и 2-хъ паровыхъ машинъ за 2,300,000 руб., а также проектъ основанія газоваго общества.

Часть Бѣляева въ данныхъ покупкахъ, по мнѣнію прокурора, должна была простираться до $^2/_3$ названнаго капитала.

Теренътьева слышала отъ Матвѣева о подложности духовной и о томъ, что ему угрожалъ какой-то офицеръ, если онъ будетъ показывать противъ Мясниковыхъ.

Парфенниковъ слышалъ отъ Бѣляевой, Чевакинскаго и Матвѣева о подложности завѣщанія.

Иванова слышала отъ Бѣляева, который говорилъ, что у нихъ съ женой составлены завѣщанія взаимно въ пользу другъ друга.

Теплова показалъ, что Бѣляевъ имѣлъ состоянія не болѣе 400 тысячъ. Дѣла его за послѣднее время шли плохо. Онъ дѣлалъ займы по 5,000 и по 3,000 руб.

Чевакинскій показалъ, что Ижболдинъ предлагалъ ему 20% съ

дома, если Бѣляева перейдетъ на его сторону. Ижболдинъ говорилъ, что думаетъ уговорить, при помощи Красильникова, Караганова сознаться, что онъ подписалъ чистый бланкъ отъ имени Бѣляева.

Шимановскій заявилъ, что Чевакинскій показывалъ ему пакетъ, гдѣ находилось, по его словамъ, подложное завѣщаніе. Братъ Бѣляевой говорилъ свидѣтелю, что завѣщаніе подложное. Чевакинскій говорилъ что Мясниковы получили залоги, представленные Бѣляевымъ, по фальшивымъ бланкамъ. Впослѣдствіи Чевакинскій просилъ свидѣтеля не показывать противъ него на судѣ.

Сицилинская слышала отъ Бѣляева, что они съ женой составили завѣщаніе въ пользу другъ друга взаимно. Сицилинскій говорилъ ей, что Бѣляевъ составилъ духовное завѣщаніе передъ смертью. Послѣ Сицилинскаго осталось 852 р. и 3 билета по 100 руб.

*Гаврилов*ъ предлагалъ отъ Ижболдина Мясникову мировую, но тотъ отказался.

Бенардаки: Бѣляевъ говорилъ, что у него 400,000 капитала. Впослѣдствіи Бѣляевъ понесъ большія потери на лѣсной торговлѣ.

Этимъ показаніемъ было закончено судебное слѣдствіе и слово было предоставлено прокурору.

Прокуроръ Кони. Гг. присяжные засѣдатели! Вамъ предстоитъ произнести приговоръ по дѣлу, которое, по трудности, сложности и важности, превышаетъ всѣ дѣла, разбиравшіеся до сихъ поръ въ стѣнахъ этого суда. Трудности эти состоятъ прежде всего въ томъ, что преступленіе, о которомъ идетъ рѣчь, совершено уже давно, очень давно—14 лѣтъ тому назадъ. Затѣмъ, въ большей части преступленій передъ вами является потерпѣвшее лицо. Такого рода лицо необходимо должно явиться на помощь правосудію въ томъ преступленіи, въ которомъ существуютъ какіе-либо расчеты коммерческіе, такъ какъ оно одно можетъ объяснить ихъ обстоятельно и полно; здѣсь же такого лица нѣтъ, т. е. нѣтъ самого Бѣляева, а преступленіе совершено противъ его имущества. Наконецъ, все дѣло, въ самомъ ходѣ своемъ, представляется до того необычнымъ, до того неправильнымъ, что уже это одно способно затемнить въ немъ многое и многое. Тутъ соединилось все: и давность совершенія преступленія, и неумѣлость мелкихъ ходатаевъ, которые вели дѣло сначала, искажали и путали его, и, наконецъ,

самое главное и непреодолимое препятствіе—смерть, которая въ теченіе десяти лѣтъ, прошедшихъ до начатія слѣдствія, похитила весьма важныхъ свидѣтелей.

Вы знаете ходъ дѣла и тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось его возникновеніе. Въ 1858 г. въ Петербургѣ умеръ первостатейный фридрихсгамскій купецъ Козьма Бѣляевъ, слывшій за человѣка очень богатаго, онъ оставилъ послѣ себя духовное завѣщаніе. Этимъ духовнымъ завѣщаніемъ онъ отказывалъ все имущество свое въ пользу вдовы; вдова представила завѣщаніе въ гражданскую палату и была утверждена въ правахъ наслѣдства. Но затѣмъ, чрезъ годъ, возникло сомнѣніе въ подлинности завѣщанія.

Одинъ изъ наслѣдниковъ покойнаго Бѣляева, мѣщанинъ Мартьяновъ, прибылъ изъ Сарапула въ Петербургъ и началъ вести это дѣло, но вскорѣ умеръ. За дѣло взялась тогда мать его, которая точно также умерла въ непродолжительномъ времени, и движеніе дѣла такимъ образомъ почти остановилось. Наконецъ, явился въ Петербургъ мѣщанинъ Ижболдинъ, наслѣдникъ Мартьяновой, и принялся за дѣло, которое, затѣмъ, тянулось очень медленно: проволочка старыхъ судовъ оказалась на немъ весьма ярко, и, послѣ долгихъ колебаній, только въ 1868 г. возбуждено было впервые слѣдствіе. Но въ какомъ положеніи застало это слѣдствіе самое дѣло? Ни свидѣтелей, подписавшихся на завѣщаніи, ни переписчика Целебровскаго, ни ближайшихъ къ Бѣляеву людей—Кемпе и Каменскаго—не было уже въ живыхъ. Въ такомъ положеніи дѣло перешло къ слѣдователю и окончилось ничѣмъ, оставивъ послѣ себя, уже какъ уголовное слѣдствіе, однако, одну заслугу, состоящую въ томъ, что имъ была прервана давность, которою могло покрыться преступленіе. Только впослѣдствіи случай, о которомъ я буду говорить, далъ возможность возбудить дѣло вновь, и вотъ въ настоящее время оно подлежитъ вашему разсмотрѣнію. Вамъ, гг. присяжные, предстоитъ пристально вглядѣться въ отдаленное прошлое, сквозь массу томовъ и документовъ, находящихся предъ вами, сквозь цѣлый ворохъ именъ и чиселъ; вамъ придется всмотрѣться въ ту даль, на которой написанъ 1858 годъ; вамъ предстоитъ безпристрастнымъ взгля-

домъ окинуть ту обстановку, которая окружала возникновеніе завѣщанія Бѣляева, и, затѣмъ, произнести вашъ приговоръ. Неустанное вниманіе, съ которымъ вы постоянно относились къ дѣлу въ теченіе всѣхъ пяти дней производства судебнаго слѣдствія, служитъ ручательствомъ того, что вы будете помнить и уже усвоили себѣ его обстоятельства. Вѣроятно, у васъ составилось уже извѣстное убѣжденіе, сложившееся подъ вліяніемъ всѣхъ впечатлѣній, почерпнутыхъ здѣсь на судѣ. Поэтому, усиленно убѣждать васъ въ виновности или невиновности подсудимыхъ, настойчиво излагать предъ вами свое мнѣніе я считаю излишнимъ, и гораздо болѣе удобнымъ нахожу развить предъ вами ходъ соображеній, которыми руководствовалась обвинительная власть, приводя обвиняемыхъ предъ васъ и нынѣ ихъ обвиняя. Прежде чѣмъ начать эти соображенія, я не могу скрыть, что въ дѣлѣ этомъ являются нѣкоторые посторонніе элементы, такъ сказать болѣзненные, ненормальные наросты, которые какъ обвиненію, такъ и защитѣ одинаково мѣшаютъ разсматривать дѣло въ его надлежащей простотѣ. Обстоятельства эти могутъ быть направлены преимущественно противъ обвиненія, а потому прежде всего я и считаю нужнымъ раздѣлаться съ ними, выгородить ихъ изъ дѣла и затѣмъ, разсчистивъ, на сколько возможно, свой путь, продолжать обвиненіе.

Первое изъ обстоятельствъ этихъ заключается въ томъ, что по этому дѣлу, помимо судебной власти и на ряду съ этой властью, которая сначала бездѣйствовала, является цѣлый рядъ дѣйствій частныхъ лицъ; на ряду съ мѣрами, предпринятыми для изслѣдованія дѣла оффиціальнымъ путемъ, существуетъ цѣлый рядъ дѣйствій Ижболдина и его повѣренныхъ, которые едва ли служатъ въ пользу этому дѣлу. Для характеристики этихъ дѣйствій, я беру только одно дѣйствительно характеристическое, оригинальное показаніе, по поводу котораго считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Вы видѣли свидѣтеля Ижболдина, который является и гражданскимъ истцомъ. Свидѣтель этотъ показалъ, что онъ сарапульскій мѣщанинъ, бывшій въ Петербургѣ на весьма короткое время и прибывшій сюда снова уже послѣ того,

какъ прошелъ слухъ о завѣщаніи. Въ Петербургѣ онъ былъ человѣкомъ новымъ, неотесаннымъ провинціаломъ, пріѣхавшимъ въ то время, когда еще на нашемъ общественномъ горизонтѣ не было солнца, которое называется судебными уставами, когда въ судахъ царствовали старинные порядки, когда канцелярская тайна давала возможность разнымъ мелкимъ ходатаямъ, темнымъ, неизвѣстнымъ личностямъ, дѣйствовать не въ интересахъ правосудія, а въ своихъ собственныхъ мелкихъ, личныхъ интересахъ. Въ такое то время пріѣхалъ въ Петербургъ провинціалъ, разсчитывавшій получить большое наслѣдство, самъ хорошо не понимавшій, въ какомъ положеніи находится его дѣло, не понимающій этого даже теперь и не умѣющій объяснить предъ вами многихъ весьма важныхъ обстоятельствъ. На этого то человѣка набросилась цѣлая ватага мелкихъ ходатаевъ. Ижболдинъ перечислилъ нѣсколько именъ неизвѣстныхъ мелкихъ ходатаевъ, во главѣ которыхъ стоитъ Германъ, завершивъ перечисленіе это указаніемъ на какого то еврея, котораго онъ даже и имени не знаетъ. Эти то ходатаи, видѣвшіе въ Ижболдинѣ богатаго наслѣдника, и принялись его обдѣлывать, взяли его въ руки и стали его стричь, въ надеждѣ получить впослѣдствіи за труды свои золотое руно, котораго хватитъ на всѣхъ. Эти новые аргонавты испортили дѣло въ самомъ началѣ: они стали дѣйствовать помимо судебной власти, и притомъ крайне неловко, и, вслѣдствіе ихъ неумѣлыхъ дѣйствій, явились предъ вами показанія цѣлой массы свидѣтелей, которыя только затемняютъ дѣло, ничего не объясняя и бросая, вмѣстѣ съ тѣмъ, на все нѣкоторый, далеко непривлекательный, *колоритъ*.

Изъ этой массы ненужныхъ свидѣтелей *прежде всего особенно* рѣзко выдается показаніе свидѣтеля Шевелева. Свидѣтель этотъ прямо разсказываетъ предъ нами, что написалъ письмо, въ которомъ ложно обвинялъ Мясниковыхъ въ составленіи фальшиваго завѣщанія отъ имени Бѣляева, что, находясь въ Спасской части привлеченнымъ по дѣлу Каракозова и будучи въ положеніи безвыходномъ, онъ рѣшился переписать письмо это за деньги, данныя ему для бѣгства за границу. Здѣсь онъ отрицалъ правильность объ-

ясненій, помѣщенныхъ въ его письмѣ, и разсказалъ подробную исторію о томъ, какъ письмо это составилось. Съ перваго взгляда показаніе это имѣетъ, повидимому, довольно важное значеніе, тѣмъ болѣе, что дано въ чрезвычайно послѣдовательномъ и красивомъ, изящномъ даже разсказѣ, выдѣлявшемъ показаніе Шевелева изъ показаній почти всѣхъ остальныхъ свидѣтелей. Но если вглядѣться пристальнѣе въ показаніе это, если посмотрѣть на личность Шевелева, то становится яснымъ, что въ показаніи его точно такъ же, какъ и въ показаніяхъ другихъ свидѣтелей, относящихся къ этой категоріи, нѣтъ указаній, что Ижболдинъ подкупалъ свидѣтелей, хотя нельзя отрицать, что въ свидѣтельствахъ этихъ есть указаніе, что Ижболдинъ платилъ деньги свидѣтелямъ, чтобы они согласились показывать то, что знаютъ. Вы помните показаніе Шевелева: онъ разсказалъ предъ вами свою исторію, и по ней мы имѣемъ возможность познакомиться съ его личностью. Это мелкій откупной приказчикъ, служащій потомъ въ конторѣ Мясниковыхъ, женихъ невѣсты, которой съ цѣлью весьма понятной, онъ предъявляетъ облигаціи, ему не принадлежащія, за что и преслѣдуется Мясниковыми, какъ за присвоеніе ихъ собственности; затѣмъ, привлеченный къ дѣлу Каракозова, но, очевидно, настолько мало виновный въ немъ, что, не смотря на тогдашнія строгости, содержится въ части и гуляетъ цѣлые дни на свободѣ; бѣглецъ за границу, живущій въ Пештѣ и издающій брошюры, будто бы извѣстныя всей Европѣ; затѣмъ, членъ коммуны, доблестный защитникъ Парижа и правдивый свидѣтель по настоящему дѣлу. Очевидно, тутъ являются такіе переходы и крайности, которые трудно совмѣстить: человѣкъ борется за самыя крайнія идеи, идущія въ разрѣзъ съ общественнымъ строемъ, для торжества этихъ идей жертвуетъ жизнью на баррикадахъ Парижа, даже раненъ при этомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ возможнымъ, подъ предлогомъ, что для него цѣль оправдываетъ средства, написать ложное письмо, чтобъ получить за это небольшія деньги, при чемъ выраженіе: «цѣль оправдываетъ средства» онъ понимаетъ самымъ узкимъ образомъ. Это не та возвышенная общая, широкая цѣль, для которой, по извѣстному безнрав-

ственному правилу, всякое средство можетъ быть возможнымъ, а цѣль низкая, лично ему принадлежащая и не имѣющая ничего общаго съ благомъ другихъ. Цѣль, на которой написано «150 рублей»—такая цѣль оправдывала для Шевелева средство, могущее погубить человѣка. Очевидно, что этотъ «провинціальный секретарь», служившій по откупамъ въ Россіи и по коммунѣ во Франціи, не очень разборчивъ на средства и не очень далеко ходитъ, выбирая свои цѣли.

Что же онъ показывалъ? Онъ говорилъ, что былъ призванъ Ижболдинымъ и подъ диктовку Сысоева, или, лучше сказать, съ письма, написаннаго Сысоевымъ, переписалъ свое письмо, потому что былъ тогда въ безвыходномъ положеніи. Ему оставалось или повѣситься, или бѣжать, говоритъ онъ, и такимъ образомъ дѣлаетъ намекъ на то, что онъ былъ такимъ опаснымъ политическимъ преступникомъ, что ему не предстояло другого исхода, какъ смерть отъ своей руки или отъ руки правосудія; но вы видѣли, гг. присяжные, что этотъ опасный преступникъ, во время ареста своего въ части, отпускался гулять на свободѣ, бывалъ въ трактирахъ и въ гостяхъ. Это ли опасный политическій преступникъ? Это ли человѣкъ, которому для спасенія своей жизни не остается иныхъ средствъ, какъ написать ложное письмо? Затѣмъ, Шевелевъ объясняетъ, что письмо это написалъ на основаніи разсказовъ Сысоева. Но откуда же могъ Сысоевъ знать тѣ обстоятельства, на которыя указываетъ Шевелевъ? Откуда, наконецъ, Ижболдинъ могъ знать, что Шевелеву извѣстно что либо по дѣлу о завѣщаніи?.. Изъ показаній доктора Красильникова, вызваннаго въ засѣданіе неожиданно, видно, что Шевелевъ дѣйствительно разсказывалъ кое-что объ этомъ дѣлѣ, о чемъ и было сообщено Ижболдину. Что же такое онъ разсказывалъ? Было ли письмо правдиво? Я полагаю, что нѣтъ; я не имѣю основаній думать, что оно было правдиво; я думаю, что это была ложь. Хотя въ немъ, быть можетъ, и были кое-какія указанія, но по источнику своему оно было ложь, сходная съ правдою, и явилось какъ средство къ тому, чтобы выманить нѣсколько рублей. Такое письмо должно и можетъ быть неминуемо отрицаемо самимъ авторомъ, особенно, если онъ станетъ имѣть въ виду ту же цѣль,

какъ и при его написаніи. Я не хочу этимъ сказать, что Шевелевъ ждетъ себѣ какой-нибудь награды отъ противной стороны, но думаю, что Шевелевъ въ 1866 году, видя и зная, что возникаетъ дѣло Ижболдина противъ Мясниковыхъ, не находясь болѣе у Мясниковыхъ, преслѣдуемый ими за присвоеніе себѣ облигацій, имъ принадлежащихъ, находилъ для себя удобнымъ и возможнымъ, наговоривъ разныхъ вещей Ижболдину про Мясниковыхъ, согласиться изложить ихъ письменно по просьбѣ Ижболдина и получить за то деньги. Онъ смѣялся надъ простотою Ижболдина такъ же, какъ будетъ смѣяться надъ нами, если мы примемъ на вѣру его показаніе, данное здѣсь. Теперь Шевелевъ уже не имѣетъ отношеній къ Мясниковымъ; преслѣдованіе противъ него прекратилось; жизнь его была такъ полна событій, что прошедшее изгладилось изъ памяти. И вотъ, его вызываютъ на судъ. Что же ему дѣлать? Подтвердить, признать самое письмо? Но, во-первыхъ, письмо это само по себѣ дѣло не красивое, а во-вторыхъ, это значитъ сыграть роль простого свидѣтеля—и больше ничего: это не будетъ имѣть никакой оригинальности, ничего достойнаго громкаго прошедшаго г. Шевелева. Притомъ, если Мясниковыхъ обвинятъ, то, вѣроятно, въ дѣлѣ и кромѣ его письма есть данныя; если же этихъ данныхъ нѣтъ, то на основаніи одного этого письма ихъ никогда не обвинятъ, а оправдаютъ. Поэтому, лучше отрицать письмо, и тогда, въ случаѣ оправданія, впослѣдствіи, когда онъ обратится къ нимъ, среди бурныхъ обстоятельствъ своей жизни, онъ можетъ сказать: «я показывалъ за васъ; я далъ показаніе, которое васъ оправдывало, не забудьте же меня». Вотъ, на что могъ разсчитывать Шевелевъ. Главный же источникъ его настоящаго показанія тотъ, что Шевелевъ прежде всего желаетъ рисоваться: въ его движеніяхъ, голосѣ, манерахъ, въ походкѣ развѣ не звучитъ постоянно это желаніе? Не ясно ли, что это живое участіе къ коммунѣ, изданіе имъ брошюръ, извѣстныхъ всей Европѣ,— не болѣе, какъ фраза, какъ желаніе драпироваться въ мантію политическаго преступника, что тутъ нѣтъ ничего вѣрнаго, что все это хвастовство и принятая на себя личина? Хорошъ въ самомъ дѣлѣ заговорщикъ, политическій дѣятель,

котораго даже суровый и строгій графъ Муравьевъ считалъ возможнымъ содержать въ части и отпускать погулять одного по городу! Если мы отбросимъ эту мифическую сторону его разсказовъ, если взглянемъ поближе на этого общественнаго дѣятеля, то увидимъ, что, не смотря на замѣчательный умъ и сценическое достоинство, съ которымъ онъ разыгрываетъ свою роль здѣсь, на судѣ, среди этой роли, среди его сценически-красиваго разсказа изрѣдка прорываются ноты, присущія тому русскому типу, который такъ геніально очерченъ однимъ изъ величайшихъ русскихъ писателей, типу похитителя губернаторской дочки и «давненько не бравшаго въ руки шашекъ» человѣка. И если мы спокойно, и не увлекаясь солидно величавымъ видомъ и тономъ Шевелева, разберемъ его показаніе и откинемъ изъ него всѣ прикрасы, то останется только то, что онъ за деньги написалъ Ижболдину о томъ, что ему, по его словамъ, было извѣстно по дѣлу Мясниковыхъ, и написалъ, по его дальнѣйшимъ словамъ, неправду. Что же это за явленіе? Да явленіе, въ сущности, очень обыкновенное. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ частный обвинительный процессъ, такое явленіе должно встрѣчаться безпрерывно. Я думаю, что въ Англіи и въ Америкѣ большая часть свидѣтелей въ процессахъ, въ которыхъ не заинтересовано правительство, пріобрѣтаются сторонами такимъ именно образомъ. Это не значитъ, однако, чтобъ ихъ подкупили на лживыя показанія: покупается собственно ихъ трудъ, ихъ время, т. е. то время, которое проводится ими въ судѣ; платится имъ за то, чтобъ они не отказались итти въ судъ для дачи показаній о томъ, что они знаютъ полезнаго для той или другой стороны. То же самое и здѣсь.

Затѣмъ, есть другой свидѣтель—Исаевъ. Его показаніе было прочитано и, быть можетъ, забыто уже вами. Но, въ интересахъ истины, считаю нужнымъ напомнить это показаніе. Къ нему обращался Германъ, просилъ написать письмо, и онъ написалъ. Письмо это, по его показанію, совершенно неправильно; онъ показываетъ, что лживо, по просьбѣ Германа, написалъ, будто къ нему пріѣзжалъ какой-то офицеръ и подговаривалъ показывать противъ Мясниковыхъ. По по-

воду этого показанія я замѣчу только одно: Исаевъ говоритъ, что зналъ Германа давно, что это былъ пьяный человѣкъ, ходилъ постоянно по кабакамъ и припутывалъ къ дѣлу Мясниковыхъ всѣхъ кабатчиковъ. Изъ дѣла видно, что Исаевъ былъ слѣдственнымъ приставомъ, и только послѣ введенія судебной реформы былъ оставленъ за штатомъ. Такого рода слѣдственный приставъ есть судебный слѣдователь по прежнимъ порядкамъ; онъ долженъ знать законы. Что же это за слѣдователь, который пишетъ Герману такого рода письмо? Развѣ онъ не знаетъ, какой отвѣтственности подвергается онъ за это? И что это, наконецъ, за отношенія между Германомъ и Исаевымъ, позволяющія притти къ нему пьяному человѣку, врущему всякій вздоръ кабатчикамъ, и предлагать написать ложный доносъ, для представленія по начальству? Я не думаю, чтобы Исаевъ могъ это сдѣлать такъ, какъ онъ это разсказываетъ. Остается предположить, что и онъ поступилъ такъ же, какъ Шевелевъ.

Наконецъ, есть еще свидѣтель въ пользу обвиненія, въ показаніяхъ котораго звучитъ какъ будто какая то неправда: это Китаевъ, старый слуга Бѣляева, подробно и обстоятельно говорившій здѣсь о своемъ господинѣ. Мы слышали, что свидѣтель Петровъ показалъ совершенно неожиданно и крайне отрывочно, что онъ былъ какъ то у Китаева, былъ тамъ Ижболдинъ. Петрова, по его словамъ, не уговаривали показывать на Мясниковыхъ; но онъ разсказывалъ Ремянниковой, что Китаевъ ему сказалъ: «вотъ одно слово—и тысяча рублей». Но онъ, Петровъ, по словамъ Китаева, не согласился «ломать души», и тогда Ижболдинъ полѣзъ было въ драку, но Петровъ ему отвѣчалъ: «Смотри, у меня самого кулаки здоровые!» Очевидно, этотъ разсказъ содержитъ въ себѣ воспоминаніе о разсказахъ пьяныхъ людей, въ которыхъ, конечно, среди всякой безсвязной болтовни, говорилось и о дѣлѣ Бѣляева, о которомъ тогда говорилось повсюду. Не скрою, однако, эти три свидѣтеля могли бросить нѣкоторую тѣнь на правдивость нѣкоторыхъ свидѣтельскихъ показаній. Для того, чтобы не стѣсняться этими соображеніями, я полагаю выкинуть изъ дѣла показанія почти всѣхъ свидѣтелей, взять только необходимыхъ, относитель-

но которыхъ нѣтъ подозрѣній, а Шевелева, Китаева, Петрова, наконецъ Исаева и Красильникова можно оставить за штатомъ, такъ же какъ былъ оставленъ за штатомъ самъ Исаевъ, можно оставить и цѣлую массу другихъ лицъ, въ томъ числѣ свидѣтелей, которые показывали о томъ, что Отто прекрасный человѣкъ, а Сицилинскій почти святой. Я ничего не имѣю возразить противъ этого и нахожу, что они оба были достойнѣйшіе и честнѣйшіе, главное—добрѣйщіе люди. Со стороны Отто, свидѣтели, такъ много хвалившіе его, могутъ находить только одинъ дурной поступокъ: подписавшись свидѣтелемъ на завѣщаніи Бѣляева, онъ тѣмъ самымъ вынудилъ ихъ оторваться отъ дѣла и просидѣть въ судѣ четыре дня, съ тѣмъ, чтобы они сказали, что онъ хорошій человѣкъ. Да кто же утверждалъ противное! Точно такъ же о Сицилинскомъ вѣрю, что онъ человѣкъ святой, дожившій до глубокой старости, не совершивъ дурного поступка, чрезвычайно добрый, благодѣтельный, къ подчиненнымъ строгій, радѣвшій о благолѣпіи храма. И такъ, самая большая масса свидѣтелей устраняется. Да и вообще въ нихъ нѣтъ особой нужды. Обыкновенно, во всякомъ родѣ преступленій самымъ лучшимъ средствомъ изслѣдованія служатъ живые свидѣтели; но это дѣло необычно и во всемъ, необычно и въ этомъ отношеніи: въ немъ лучшимъ средствомъ изслѣдованія служатъ свидѣтели мертвые, бумажные: самое завѣщаніе, нѣкоторые документы, разнообразная экспертиза. Если изъ документовъ мы будемъ имѣть возможность вывести какія-либо данныя, что преступленіе совершилось и если нѣкоторые изъ свидѣтелей это скрѣпятъ своими словами, то, пожалуй, можно признать, что они говорятъ правду; не скрѣпятъ—*можно ихъ отбросить*.

Предметъ дѣла, о которомъ идетъ рѣчь—подлогъ завѣщанія. Безспорно, первый вопросъ, возникающій при изслѣдованіи такого дѣла: *подложно ли самое завѣщаніе*? второй вопросъ—*какимъ образомъ создалось подложное завѣщаніе* и третій *кто виновенъ* въ этомъ преступленіи? Сообразно съ этими вопросами я раздробляю свое обвиненіе на три части.

Приступаю къ первой: *подложно ли завѣщаніе*? Когда приходится разрѣшать вопросъ о томъ, подложно ли завѣщаніе,

то естественно должно обратиться къ личности завѣщателя. О Бѣляевѣ мы имѣемъ много разнообразныхъ свѣдѣній. Въ настоящее время мы знаемъ, что Бѣляевъ съ малолѣтства служилъ у старика Мясникова, богатаго откупщика: Бѣляевъ у него былъ сначала мальчикомъ, потомъ приказчикомъ, потомъ велъ его дѣла и, наконецъ, сдѣлался самъ капиталистомъ. Мы знаемъ изъ массы свидѣтельскихъ показаній и документовъ, находящихся въ дѣлѣ, которые, конечно, не будутъ оспорены, что въ 1849 г. Бѣляева выписалъ Мясниковъ изъ Яранска, и онъ сдѣлался ближайшимъ повѣреннымъ Мясникова, участвовалъ съ нимъ въ 1850 г. въ откупахъ, управлялъ его дѣлами. Онъ близкій къ нему человѣкъ не только фактически, но и по родству, такъ какъ женился на его родственницѣ. Правда, изъ показанія Бенардаки можно было усмотрѣть, что Мясниковъ обращался съ покойнымъ Бѣляевымъ нѣсколько какъ будто пренебрежительно: «Кузьма сдѣлай то-то, Кузьма сходи туда!» говаривалъ онъ ему. Крестьянинъ Кунаковскій, жившій съ Карагановымъ на заводѣ, сказалъ, что Карагановъ хвалился, что лысаго, беззубаго лакея Мясникова отдѣлалъ, отбилъ у него все состояніе своимъ господамъ, такъ что не оставилъ ему на извозчика, на тотъ свѣтъ проѣхать. Вѣроятно, скажутъ намъ, было же основаніе, по которому Карагановъ считалъ возможнымъ называть его лакеемъ. Да, онъ, дѣйствительно, былъ слуга Мясникова, но какого рода слуга? Это былъ слуга того драгоцѣннаго типа, который существуетъ, или существовалъ, по крайней мѣрѣ, долго на Руси, но который начинаетъ исчезать: сначала мальчикъ, потомъ приказчикъ, потомъ участвовавшій въ дѣлахъ хозяина, сроднившійся съ нимъ, потомъ входящій такъ въ его интересы, что трудно опредѣлить, гдѣ начинается одинъ и гдѣ кончается другой; близкій довѣренный человѣкъ, опекунъ, пестунъ его дѣтей, оберегающій ихъ интересы, заботящійся о всякой мелочи для этихъ дѣтей, завѣдывающій ихъ дѣлами, называющій одного изъ нихъ Сашею, другого Ваничкой, первый извѣстившій Ваню о смерти его дѣда и послѣдній закрывшій этому дѣду глаза—вотъ какого рода этотъ слуга. Есть ли это простой слуга? Да, слуга въ томъ смыслѣ, что вѣрою и правдою служитъ своему хозяину, но

слуга—старый другъ и резонеръ, неподкупный и настойчивый, вѣрный вассалъ своего господина и съ вѣрноподданническою преданностію охраняющій интересы его потомковъ. Мы знаемъ, что подобныя личности, какъ Бѣляевъ, появлялись часто въ купеческомъ быту, къ чести этого быта. Въ то время, когда дѣти разбогатѣвшихъ трудомъ купцовъ лѣзли въ «господа», поступали въ военную или гражданскую службу, старались сдѣлаться дворянами—рядомъ съ ихъ отцами являлись люди, которые продолжали ихъ дѣло. Въ то время, когда дѣти, постепенно разоряясь, изъ богатыхъ купцовъ становились обѣднѣвшими, возникали состоянія лицъ, прежде служившихъ приказчиками ихъ отцамъ—лицъ, которыя остались вѣрны своему званію, тѣмъ интересамъ, которымъ служили съ малолѣтства и они, и ихъ хозяева. Такимъ именно лицомъ долженъ былъ быть Бѣляевъ. Въ 1855 г. умеръ И. Ѳ. Мясниковъ, оставивъ очень большое состояніе. Бѣляевъ остался полнымъ распорядителемъ его имѣнія, явился опекуномъ его дѣтей. Сколько у него самого въ то время было состоянія—мы не знаемъ; знаемъ, однако, что еще въ 1850 г. онъ участвовалъ въ трехъ откупахъ: пензенскомъ, бугурусланскомъ, верхнеуральскомъ и въ каждомъ имѣлъ по 10-ти паевъ. Что эти откупа были большіе—видно изъ того, что въ нихъ участвовали такія громкія откупныя имена, какъ Воронинъ, Бенардаки, Кокоревъ и Каншинъ. Затѣмъ, въ 1851—1855 гг. Бѣляевъ былъ участникомъ по Харьковской губерніи и только въ 1855 г. передалъ свои 14 паевъ другому лицу, вслѣдствіе того, что между нимъ и другимъ изъ соотку̀пщиковъ, Семыкинымъ, возникли недоразумѣнія. Такимъ образомъ, смерть И. Ѳ. Мясникова застала его человѣкомъ, имѣвшимъ хорошія средства. Свидѣтель Тепловъ здѣсь признавалъ, что Бѣляевъ имѣлъ 400,000 р., хотя, по словамъ того же свидѣтеля, онъ и не былъ большимъ капиталистомъ, сравнительно съ И. Ѳ. Мясниковымъ. Затѣмъ, Бѣляевъ постоянно расширялъ свои предпріятія и продолжалъ свои дѣла. Мы не имѣемъ возможности слѣдить за тѣмъ, какія были негласныя операціи Бѣляева по откупамъ. Полагаю, что, пытаясь сдѣлать это, мы станемъ на почву тѣмъ болѣе опасную, что мы не найдемъ на ней никакого прочнаго устоя.

Защита, однако, становилась вчера на эту почву и говорила, что Бѣляевъ имѣлъ самую ничтожную часть въ откупахъ, такъ какъ негласно они почти цѣликомъ принадлежали Мясниковымъ. Нельзя, однако, принять этотъ выводъ, какъ окончательный. Здѣсь было заявлено, напр., что участіе Бѣляева въ откупахъ херсонскомъ и николаевскомъ составляло $^1/_5$ двадцати пяти паевъ, которые хотя оффиціально принадлежали Бѣляеву, но въ сущности составляли собственность Мясниковыхъ. Это заявленіе основано на томъ, что въ записной книжкѣ Бѣляева находятся указанія на выдачу изъ этихъ откуповъ Мясниковымъ, а также въ расчетахъ есть указанія, что онъ считалъ себя обязаннымъ отсчитываться по этимъ откупамъ передъ Мясниковыми. Не спорю, можетъ быть такъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ укажу на то, что по тѣмъ же отчетамъ онъ получалъ доходы съ золотыхъ пріисковъ, въ которыхъ оффиціально не участвовалъ, получалъ съ земли Войска Донского, гдѣ откупъ держалъ Мясниковъ. Если допустить, что Мясниковы участвовали не оффиціально въ его откупахъ, то онъ точно также участвовалъ неоффиціально въ ихъ откупныхъ дѣлахъ. Въ какой мѣрѣ участіе это существовало съ обѣихъ сторонъ—трудно опредѣлить, потому намъ остается обратиться къ оффиціальнымъ даннымъ о состояніи Бѣляева, такъ какъ эти данныя не могутъ быть уже опровергаемы никакими ссылками на частныя цифры, почерпнутыя изъ дневниковъ и какихъ-нибудь клочковъ бумаги. Изъ отношенія оберъ-прокурора 1-го Департамента Сената видно, что Бѣляевъ при наступленіи 1858 г. является откупщикомъ полнымъ по Олонецкой губерніи, при чемъ въ самой малой части участвуетъ Красильниковъ. Затѣмъ, онъ имѣетъ откупъ въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ и, наконецъ, въ 1858 г. имъ взята на откупъ Ставропольская губернія. Съ первыхъ четырехъ откуповъ онъ долженъ былъ получать, какъ вчера мною вычислено, до 100,000 руб. годового дохода Я вывелъ эту цифру изъ того, что откупъ въ Устюгѣ, одинъ изъ маленькихъ, переданъ имъ купцу Топчіеву въ 1858 г. за 4 мѣсяца до конца откупа въ 1859 г., т. е. съ 1-го сентября 1858 г. по январь 1859 г., при чемъ Топчіевъ, принявъ всѣ расходы по платежу акциза на себя, заплатилъ Бѣляеву

20,000 руб.; слѣдовательно, эти 20,000 составляли доходъ за 4 мѣсяца а самый откупъ приносилъ по меньшей мѣрѣ 50,000 руб. Не думаю, чтобы соображеніе о томъ, что въ послѣдніе мѣсяцы года каждый откупщикъ увеличивалъ плату за вино, имѣло вліяніе на измѣненіе этой цифры. Затѣмъ, онъ участвовалъ оффиціально въ 25-ти паяхъ въ херсонско-николаевскомъ откупѣ. Залогу имъ было внесено 112,500 р., и намъ извѣстно изъ отчетовъ по этому откупу, что за первую половину 1857 г. онъ получилъ прибыли 19,550 руб., слѣдовательно, въ годъ онъ долженъ былъ получить около 40,000 руб. дохода. Намъ говорятъ, что Бѣляевъ былъ только номинальный откупщикъ и участвовалъ только въ пяти паяхъ, остальные же 20 паевъ негласно принадлежали Мясниковымъ. Пусть такъ, но изъ отчета Бѣляева Мясниковымъ съ 1-го сентября 1857 г. по 14-е мая 1858 г. показано поступившихъ въ пользу Бѣляева съ Мясниковыми съ откуповъ въ Войскѣ Донскомъ 38 тыс. руб. сер. Этимъ негласнымъ участіемъ въ мясниковскихъ откупахъ онъ, конечно отчасти, уравновѣшивалъ ихъ участіе въ своихъ откупахъ. Поэтому, допустимъ по Херсону цифру дохода для Бѣляева въ 40 тыс.,—она будетъ во всякомъ случаѣ меньше дохода въ 8 тыс., съ прибавленіемъ къ нему донской прибыли. Затѣмъ, слѣдуетъ олонецкій откупъ съ залогомъ въ 54 тыс. и оборотнымъ капиталомъ въ 70 т. Этотъ откупъ цѣликомъ принадлежалъ Бѣляеву, такъ какъ негласное участіе Красильникова было самое незначительное. Что же могъ приносить такой откупъ цѣлой области? Конечно, при самомъ неблагопріятномъ расчетѣ, не менѣе 50 тысячъ руб. сер. Наконецъ, былъ полный откупъ въ Сольвычегодскѣ, съ залогомъ въ 2,400 и съ платежемъ 31 тыс руб. акцизнаго взноса. Кромѣ того, 1858 годъ застаетъ Бѣляева въ разгарѣ дѣятельности по разнымъ другимъ предпріятіямъ. Такъ, онъ хотѣлъ пріобрѣсти заводъ Берда съ Гутуевскимъ островомъ за 2,300,000 р. въ компаніи съ Жадиміровскимъ и Клементомъ. Мы читали здѣсь объ этомъ собственноручный проектъ Бѣляева. Тамъ есть 14 пунктъ, по которому онъ намѣревается участвовать въ этой покупкѣ въ $^2/_3$, а всѣ остальные участники въ $^1/_3$ долѣ; кромѣ того, онъ обязывается немед-

ленно внести задатку 500 тыс. руб. сер. и остальныя 1,800,000 въ теченіе года. Признаюсь, что дѣйствительно эта сумма, даже при большихъ оборотахъ Бѣляева, нѣсколько велика и не могу допустить мысли, чтобы онъ сразу по одному предпріятію могъ внести 340 тыс. задатка; я готовъ допустить, что въ этомъ предпріятіи участвовали негласно, конфиденціально, отчасти и Мясниковы, ставшіе за именемъ Бѣляева. Во всякомъ случаѣ, живое и непосредственное участіе Бѣляева въ этомъ предпріятіи не подлежитъ сомнѣнію. Онъ же, Бѣляевъ, является и однимъ изъ учредителей Общества столичнаго освѣщенія; онъ желалъ, какъ видно изъ показанія Молво, взять много акцій на себя, хотѣлъ внести задатку около 400 тыс р. с. сразу, и по этому предпріятію выдалъ Молво впередъ 5 тыс. Наконецъ, въ 1858 г. онъ вступаетъ еще въ два предпріятія: одно—ставропольскій откупъ, по которому вноситъ 106 тыс. руб. залога, изъ него возвращаетъ часть Красильникова и дополняетъ новыми залогами, такъ что остается залога 71,000 руб., въ числѣ которыхъ 51,000 билетами Коммерческаго банка. Это былъ громадный откупъ на 2,205,000 руб. акцизной платы. Затѣмъ, прочитаннымъ вчера доношеніемъ Бѣляева въ Сенатъ, онъ отказался отъ откупа въ Ставропольской губерніи, передавая его Мясникову и Бенардаки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ выдать другіе залоги, имъ представленные, по принадлежности, а свой собственный залогъ 71,000 р., оставлялъ безъ истребованія. Онъ не просилъ перечислить ихъ за себя и, слѣдовательно, предоставилъ ими пользоваться по ставропольскому откупу Мясниковымъ. Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1858 года онъ заключилъ съ казною договоръ о взятіи на арендное содержаніе Самосдѣльско-Образцовскихъ рыбныхъ промысловъ въ Каспійскомъ морѣ, въ Астраханской губерніи. Этотъ договоръ содержитъ въ себѣ слѣдующія указанія на состояніе Бѣляева: Образцово-Самосдѣльскія рыбныя ловли были отдаваемы казною съ торговъ, при чемъ сумма, предложенная однимъ изъ послѣднихъ торговавшихся, Коняевымъ, составляла 71,500 р. въ годъ арендной платы. На торгахъ участвовали лица съ громкими именами: Ненюковъ, Воронинъ, Бенардаки и нѣкоторыя другія. На этихъ торгахъ верхъ одержалъ

Бѣляевъ; онъ предложилъ 72,000 р. годовой арендной платы, и рыбныя ловли остались за нимъ. Говорить, согласносъ защитою, что онѣ потомъ приносили убытокъ, я не могу, не имѣя въ дѣлѣ на это прямыхъ указаній, но готовъ согласиться, что убытки могли быть, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отчетахъ за первое время значится, что площадь водъ, отведенныхъ подъ ловли, оказалась менѣе, чѣмъ предполагалось при торгахъ. Изъ этого возникла цѣлая переписка Комиссіи рыбныхъ ловель. Комиссія и впослѣдствіи Сенатъ признали, что количество воды, отведенной подъ рыбную ловлю, не было менѣе того, которое слѣдовало отвести. Положимъ, что ловли могли приносить первое время убытокъ; во всякомъ случаѣ, достаточно, что Бѣляевъ долженъ внести залогъ, и внесъ принадлежащій ему капиталъ въ 24,000 р.; кромѣ залоговъ онъ долженъ былъ раздать отступного 124,000 руб., между прочимъ, одному Бенардаки, какъ видно изъ записной книги Бѣляева, 80,000 р. Затѣмъ, принявъ ловли во владѣніе, онъ, очевидно, хотѣлъ, чтобы онѣ были въ общемъ владѣніи съ Мясниковыми, ибо имъ было подано объявленіе въ Комиссію рыбныхъ ловель, что онъ принимаетъ обоихъ Мясниковыхъ на равныхъ правахъ для участія въ содержаніи ловель. Въ дневникѣ есть указаніе, что онъ внесъ въ складочный капиталъ въ 50,000—16,666 руб. на свою долю. Это указываетъ, что онъ дѣйствительно хотѣлъ участвовать только въ $^1/_3$ части, но только хотѣлъ, оффиціально же ничего по этому сдѣлано не было, такъ какъ въ донесеніи въ Комиссію рыбныхъ ловель Бѣляевъ объясняетъ, что договоръ о принятіи имъ для участія въ этомъ дѣлѣ Мясниковыхъ будетъ имъ представленъ вслѣдъ за симъ. Договоръ былъ необходимъ; безъ него никакая сдѣлка не могла считаться существующею. На это указываетъ § 27 кондицій на аренду ловель,—кондицій, заключенныхъ между казною и Бѣляевымъ. Въ этомъ § значится, что Бѣляеву дозволяется принимать участниковъ въ содержаніи ловель, но съ тѣмъ, чтобы договоръ объ участіи былъ представленъ Комиссіи. Такого договора между Бѣляевымъ и Мясниковыми не было, однако, заключено, и на него нѣтъ никакихъ указаній. Бѣляевъ умеръ, не успѣвъ оставить договора. Эти ловли, по

словамъ защиты, могли быть убыточны, но мы знаемъ, что Мясниковы въ 1861 г. пріобрѣли отъ Трощинскаго имѣнія, въ Кагарлыкѣ, Кіевской губерніи, за 1,300,000 руб., заплативъ въ число этой суммы ловлями, которыя онѣ цѣнили въ 889 тыс. На это есть указаніе въ дѣлѣ о ловляхъ. Когда эта купля состоялась, Трощинскій продалъ ловли Бутовичу, который нашелъ, что ловли принимать неудобно, такъ какъ оказалось, что Мясниковы не заплатили, не имѣя, можетъ быть, въ это время достаточно наличныхъ средствъ, арендную плату за двѣ послѣднія трети 1860 г. Эти двѣ трети составляли 48 тыс. руб. Этотъ невзносъ арендной платы послужилъ поводомъ къ тому, что Комиссія рыбныхъ ловель сочла условіе, заключенное казною съ Бѣляевымъ и Мясниковыми, нарушеннымъ, такъ какъ въ немъ значится, что арендная плата должна быть вносима за $^1/_3$ года впередъ. Комиссія вошла съ представленіемъ о наложеніи запрещенія на имѣніе Мясниковыхъ, въ обезпеченіе правильности поступленія доходовъ казны въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія. Это представленіе было уважено, и на все имѣніе Мясниковыхъ было наложено запрещеніе въ размѣрѣ 604 тыс. Такъ цѣнила казна въ то время рыбныя ловли, или тѣ доходы, которые слѣдовало получать отъ нихъ Мясниковымъ; но если таковы должны быть доходы рыбныхъ ловель и если онѣ передаются впослѣдствіи за болѣе высокую сумму, то мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы совокупность этихъ доходовъ превышала стоимость. Затѣмъ, мы знаемъ, что когда Бутовичъ отказался принять рыбныя ловли по довѣренности Трощинскаго, то возникло дѣло между Бутовичемъ и Трощинскимъ. Дѣло окончилось миромъ, и рыбныя ловли были переданы Бутовичемъ за 1,300,000 рублей, слѣдовательно, онѣ во всякомъ случаѣ стоили не менѣе 800 или 600 тысячъ, но если даже допустить 600,000, то мы увидимъ, что барыши были взяты громадные. Вотъ тѣ предпріятія, которыми Бѣляевъ намѣренъ былъ заняться въ теченіе конца 1858 и 1859 г.; но 1858 годъ засталъ его, кромѣ того, въ слѣдующихъ коммерческихъ оборотахъ и дѣлахъ: у него была лѣсная торговля; сколько приносила она, мы не знаемъ, но знаемъ, что по день смерти Бѣляева по этой лѣсной тор-

говлѣ заготовлено было 290,000 деревъ; затѣмъ мы знаемъ, что по расчету, сдѣланному Караганoвымъ для Мясникова, эта торговля дала Бѣляеву въ 1858 г. 5,000 дохода. Затѣмъ, былъ магазинъ. Неизвѣстно, сколько онъ приносилъ дохода, но цѣнность его можетъ быть опредѣлена. Въ день смерти Бѣляева онъ стоилъ 32,000 руб.; въ мартѣ мѣсяцѣ 1859 г., когда онъ перешелъ во владѣніе Мясниковыхъ, цѣнность его простиралась до 25,200 руб. и мебели на 5,000 р., т. е. всего на 30,000. Наконецъ, Бѣляевъ имѣлъ золотопромывательную машину. Какого рода участіе Бѣляева было въ этомъ предпріятіи, я затрудняюсь опредѣлить; я могу только сказать, что онъ заплатилъ за устройство ея, за право участія въ пользованіи ею, 8,000 руб. Наконецъ, Бѣляевъ управлялъ заводами своей жены, и всѣ доходы поступали къ нему. Заводовъ было два: Чураковскій и Комаровскій, и мельница, при которой находился принадлежавшій Караганову кожевенный заводъ. Относительно Чураковскаго завода мы знаемъ, что доходъ съ него въ теченіе года, въ 1857—1858 годъ, былъ 21,900 р., затѣмъ, самый капиталъ завода съ залогомъ составлялъ 102,500 рублей. Что касается до Комаровскаго завода, то онъ давалъ въ теченіе года 42,500 руб., а имущество этого завода состояло изъ 61,900 руб. и залога въ 41,000 р., т. е. слишкомъ 102,000. Слѣдовательно, оба завода стоили 204,000 р. Если даже предположить, что они стоили 200,000 р., то вотъ имущество, находившееся въ рукахъ Бѣляева, которымъ онъ завѣдывалъ безотчетно и изъ котораго извлекалъ 60,000 дохода.

Сводя все сказанное вмѣстѣ, дѣлая самыя выгодныя предположенія и расчеты, приходимъ къ тому выводу, что Бѣляевъ все-таки имѣлъ, по крайней мѣрѣ, отъ 200 до 150,000 годового дохода. Если допустить ограниченія въ откупахъ, на которые защита указывала; если допустить, что участіе Бѣляева было ничтожно въ нѣкоторыхъ откупахъ и очень незначительно въ золотыхъ пріискахъ, то и тогда окажется, что доходы его не могутъ быть менѣе 150,000 въ годъ. При такомъ доходѣ можно опредѣлить приблизительно дѣйствительный капиталъ Бѣляева. Я не стану указывать точной цифры капитала, да и не могу въ настоящее время съ точ-

ностію опредѣлить его: я не стану доказывать, подобно гражданскимъ истцамъ, что тутъ были милліоны, равнымъ образомъ не стану и утверждать, что состояніе никакого не было, ибо 20,000, приводимыя защитою, не составляютъ состоянія. Состояніе Бѣляева было, конечно, весьма круглое, скопленное большимъ трудомъ, возраставшее весьма медленно, при посредствѣ удачнаго помѣщенія его въ разныя предпріятія. Оно простиралось до 600,000 или 700,000 и приносило доходу до 150,000. Заключеніе это вывожу я изъ слѣдующихъ фактовъ: сама Бѣляева говоритъ, что у мужа ея было 700,000 капитала; затѣмъ, изъ расчета, сдѣланнаго имуществу Бѣляева имъ самимъ, на клочкѣ бумаги, къ 16-му сентября 1857 г., выходитъ, что оно простиралось до 400,000, въ томъ числѣ наличныхъ денегъ 120,000, но при этомъ не упомянутъ капиталъ, который находился въ залогахъ по откупамъ и составлялъ по ставропольскому откупу 50,000 и до 40,000 по откупамъ олонецкому и вологодскому. Затѣмъ, при перечисленіи капитала къ нему не причисляется тотъ, который вложенъ былъ на нѣкоторыя негласныя предпріятія, напримѣръ, паи въ откупѣ Войска Донского, въ золотыхъ пріискахъ, между тѣмъ какъ съ того и другого предпріятія получались извѣстные доходы. Это видно изъ отчета 14-го мая 1859 г., гдѣ значится 36,000 за Войско Донское и около 30,000 за золотые пріиски, слѣдующіе на долю Бѣляева за время съ 1-го сентября. Итакъ, я полагаю, что можно взять среднюю цифру между 400,000 и 700,000 и опредѣлить капиталъ Бѣляева отъ 550,000 до 600,000 руб. Да, впрочемъ, точный размѣръ суммы капитала для насъ и не важенъ. Вопросъ объ этомъ подлежитъ суду, который опредѣлилъ, сколько именно приходилось на долю Бѣляева, сколько было у него документальныхъ капиталовъ и что должны были получить его наслѣдники. Намъ важно знать только, что у Бѣляева былъ довольно большой капиталъ по настоящему времени, когда уже болѣе нѣтъ тѣхъ громадныхъ, баснословныхъ капиталовъ, которые скоплялись прежде въ однѣхъ рукахъ, благодаря откупамъ. Такого рода капиталъ, какъ 600,000 р., приносящій, при выгодномъ помѣщеніи его, процентовъ на 150,000 руб., возьмемъ даже на 120,000 и даже

100,000, не могъ считаться маленькимъ, а такимъ капиталомъ Бѣляевъ положительно владѣлъ.

Чтобы уже не возвращаться болѣе къ вопросу о средствахъ Бѣляева, я коснусь теперь же и той стороны вопроса, которая собственно не относится къ предмету настоящей моей рѣчи, а къ тому мѣсту ея, гдѣ буду говорить о сохранной росписке. Въ подтвержденіе состоянія Бѣляева мы имѣемъ два рода документовъ: одни оффиціальные, представленные оберъ-прокуроромъ Сената, другіе не имѣющіе юридическаго характера, не имѣющіе истиннаго характера документовъ вообще. Документы второго рода состоятъ въ дневникѣ Бѣляева, исходящей книгѣ, гдѣ разными чернилами, а иногда карандашомъ записаны разные расходы: выдача отступныхъ денегъ, покупка формы и обмундировка А. Мясникова, выдача жалованья и т. д., нѣкоторые расходы по воспоминаніямъ Бѣляева, какъ напр.: «выдано тому-то въ Москвѣ 3 руб., *давно уже*». Очевидно, эта записная книжка не имѣетъ никакого документальнаго характера, потому и говорить о ней можно весьма разнообразно и, главное, весьма неопредѣленно. Наиболѣе яснымъ характеромъ между этими документами отличаются: сводъ капиталовъ и доходовъ, писанный рукою Бѣляева. По этому расчету Бѣляевъ по дѣламъ Мясниковыхъ получилъ къ 1-му сентября 1857 г. дохода 2,273,775 р. Изъ этой суммы было израсходовано 622,098 р., отдано Мясниковымъ 601,931 рубль. въ дѣлахъ осталось 786,122 р., а за Бѣляевымъ осталось 263,631 р. Далѣе, его же рукою написанъ краткій отчетъ съ 1-го сентября по 14-е мая 1858 г., принятый Мясниковыми, въ которомъ значится, что ему слѣдовало уплатить Мясниковымъ къ 1-му сентябрю 150,000 р., къ этому поступило 105,000 р., итого къ 14-му мая 255,000 р. ему слѣдовало уплатить. Затѣмъ, идетъ расходъ суммъ «со счета моего», при чемъ выведено слѣдующее: слѣдуетъ списать 278,000 р., такъ что за Мясниковыми осталось 22,000 р.; что внизу и написано рукою Бѣляева. Если сравнить первый и второй отчеты, то между ними окажется непремиримая разница и пробѣлъ, который, не знаю, можетъ ли быть объясненъ надлежащимъ образомъ въ настоящемъ засѣданіи. Пробѣлъ этотъ заключается въ томъ, что въ концѣ

перваго отчета сказано, что къ 1-му сентября Бѣляевъ долженъ заплатить 263,000 р., а въ началѣ второго значится, что за нимъ 150,000 руб. Очевидно, что тутъ вычтены изъ 263,000 р. расходы, которые намъ неизвѣстны. Но я допускаю, что здѣсь произошла ошибка, и буду брать первый большой отчетъ Бѣляева, гдѣ значится за нимъ 263,631 р., затѣмъ поступило къ нему въ періодъ времени отъ 1-го сентября по 14-е мая 105,808 р., итого 369,439 р., которые онъ долженъ былъ заплатить. Истрачено изъ нихъ 278,061 руб., итого, слѣдовательно, за Бѣляевымъ къ 14-му мая остается 91,378. Вотъ выводъ изъ перваго расчета и на немъ мы и остановимся. Въ такомъ положеніи были долговыя дѣла Бѣляева къ 14-му мая; но затѣмъ, въ концѣ разсчетной книги написано, что расходы и капиталы по рыбнымъ ловлямъ уравнены общимъ вкладомъ поровну. Передъ этимъ указано на то, что 7-го и 8-го числа выдано 124,000 отступныхъ. Отчетъ, только что мною читанный, доведенъ до 14-го мая, слѣдовательно, въ немъ должно было быть упомянуто, что деньги эти возвращены Бѣляеву Мясниковыми; но таковой суммы въ отчетѣ нѣтъ. Если они участвовали въ дѣлѣ на равныхъ правахъ, то расходъ по отступному съ 84,000, причитавшійся на долю Мясниковыхъ и не внесенный въ отчетъ, долженъ быть внесенъ со счета Бѣляева къ 14-му мая. Итакъ, къ 14-му мая Бѣляевъ долженъ былъ Мясниковымъ 91,000, за исключеніемъ 84,000. Кромѣ того, онъ передалъ имъ ставропольскій откупъ, оставивъ тамъ залогъ въ 50,000, да залогу имъ внесено по рыбнымъ ловлямъ 24,000. Изъ всѣхъ этихъ расчетовъ выходитъ, что Мясниковы были должны Бѣляеву 84,000, и если даже не принимать въ расчетъ залоговъ, то они имѣли съ Бѣляева только 77,000 рублей долгу.

Вотъ, гг. присяжные, тѣ выводы, которые, кажется мнѣ, было возможно сдѣлать изъ тѣхъ многочисленныхъ и сложныхъ документовъ, которые мы предъявляли вамъ вчера. Обращаюсь *къ личности Бѣляева*. Свидѣтели объяснили намъ, да и въ дѣлѣ есть указаніе на то, что за человѣкъ былъ Бѣляевъ. Мы знаемъ, что это былъ, во-1-хъ, человѣкъ въ высшей степени аккуратный, который самъ, будучи человѣкомъ

богатымъ и имѣя конторщика, велъ исходящія книги, писалъ почти всѣ бумаги собственноручно, даже объявленія въ кварталъ. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ вы найдете цѣлую пачку писемъ, объявленій, доношеній, писанныхъ собственною его рукою. Занимался онъ, какъ вы слышали отъ Китаева, цѣлые дни, оставляя занятія только для обѣда, затѣмъ, отдыхалъ часъ и снова принимался за дѣло. Это былъ человѣкъ, трудомъ составившій себѣ состояніе и видѣвшій въ этомъ трудѣ задачу своей жизни. Затѣмъ, мы знаемъ, что это былъ человѣкъ добрый, богомольный, дѣлавшій вклады въ монастыри и на церкви, на что указываетъ, между прочимъ, записанный въ дневникъ, расходъ на Евангеліе въ 1,000 р., купленное пополамъ съ Мясниковыми. Привычку писать самому всѣ бумаги свои онъ распространялъ до того, что, подписывая бумаги, писанныя не имъ самимъ, всегда подписывалъ своимъ полнымъ титуломъ, и хотя есть въ дѣлѣ нѣсколько документовъ, на которые будетъ ссылаться защита, гдѣ онъ подписывался просто «К. Бѣляевъ», но это такіе документы, гдѣ въ началѣ титулъ его уже обозначенъ. Редакція подобныхъ документовъ такого рода: «въ такую-то опеку фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы Бѣляева и т. д.» Каждый такой документъ написанъ собственноручно; понятно, что два раза обозначать свое званіе ему было не для чего; но въ документахъ, написанныхъ не въ такой формѣ, или не его рукою, вездѣ находится его полная подпись. Наконецъ, по отношенію къ семейнымъ дѣламъ, мы знаемъ, что Бѣляевъ очень любилъ свою жену, между ними существовала самая нѣжная привязанность; какъ мы видѣли изъ письма его на дачу, предъ смертью, исполненнаго самыхъ нѣжныхъ выраженій; онъ постоянно говорилъ, что желалъ обезпечить жену и неоднократно говорилъ, что онъ это сдѣлаетъ. Сдѣлалъ ли онъ это въ дѣйствительности—мы увидимъ далѣе. Что этого не было сдѣлано до весны 1858 г.—это намъ несомнѣнно ясно доказала выставленная обвиняемымъ свидѣтельница Иванова: она разсказала, что Бѣляевъ при ней говорилъ, что вотъ умерла жена Громова и не оставила духовнаго завѣщанія, что онъ, Бѣляевъ, такъ не поступитъ, что у него и жены его сдѣлано такъ,

что онъ оставитъ завѣщаніе на ея имя, а она, жена его, оставитъ завѣщаніе на его имя. Когда это говорилось? Послѣ смерти Громовой. Когда умерла Громова? Громова умерла, говоритъ свидѣтельница, когда я была въ дѣвушкахъ, а это было въ 1857 году? Да.—А завѣщаніе, о которомъ идетъ рѣчь, написано *10-го мая 1858 г.* Вотъ такой-то человѣкъ аккуратный, имѣющій весьма большія дѣла и обороты, участвующій во многихъ предпріятіяхъ, тѣсно связанный узами родства и воспоминаніемъ о службѣ у своего прежняго благодѣтеля съ Мясниковыми, наконецъ, привыкшій къ нимъ, этотъ человѣкъ сталъ чувствовать себя дурно въ 1858 г. Онъ не оставилъ Мясниковыхъ до самой смерти, довелъ до конца привязанность, созданную годами, хотя послѣднее время она омрачилась нѣкотораго рода неудовольствіями, какъ видно изъ письма Ив. Мясникова, гдѣ онъ говоритъ, что согласенъ съ расчетомъ, сдѣланнымъ Бѣляевымъ, по которому приходилось на каждаго брата по 2,000 руб.; но, вѣроятно, расчеты окончились ничѣмъ, такъ что не повліяли на отношенія Мясниковыхъ къ Бѣляеву: они у него постоянно бывали, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Китаевъ. Вотъ эта-то стародавняя привязанность была причиною того, что дѣла Мясниковыхъ и Бѣляева были такъ неразрывно, тѣсно связаны, что распутать ихъ было весьма трудно; поэтому, весьма естественно было со стороны Бѣляева желать не оставить жену свою безъ завѣщанія. Его не обижали, имъ дорожили, его уважали; но со вдовой имъ придется разсчитываться, и казалось бы, завѣщаніе составить необходимо. Дѣйствительно, оно составлено, вы его видѣли, вы читали его здѣсь, оно подписано просто «К. Бѣляевъ». Весьма почтенные люди засвидѣтельствовали его и, слѣдовательно, весь вопросъ исчерпывается и мы собрались напрасно. Но, однако, тутъ являются различныя сомнѣнія. Завѣщаніе правильно въ смыслѣ права гражданскаго, но уголовное право идетъ гораздо далѣе: оно разсматриваетъ документъ не только съ его формальной стороны, не только по существу, но оно разсматриваетъ всю обстановку, при которой документъ произошелъ, оно изслѣдуетъ тѣ обстоятельства, которыя способствовали его *происхожденію*, однимъ словомъ, уголовное правосудіе обращаетъ

вниманіе на обстоятельства рожденія документа и иногда можетъ притти къ тому заключенію, что документъ, совершенно правильный въ гражданскомъ смыслѣ, есть документъ незаконнорожденный. Относительно этого происхожденія документа я намѣренъ представить вамъ мои *соображенія*.

Перехожу къ разсмотрѣнію самого духовнаго завѣщанія. Конечно, тутъ возникаютъ прежде всего слѣдующіе главные вопросы: во-первыхъ, какъ и когда оно открыто; во-вторыхъ, каково его содержаніе; кѣмъ оно подписано и при какой обстановкѣ, и каковы тѣ обстоятельства, которыя сопровождали открытіе документа?

Я сказалъ, что при разборѣ завѣщанія прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ, когда и какъ оно найдено. Мы знаемъ отчасти *обстоятельства* его нахожденія; намъ ихъ разсказала г-жа Бѣляева. Я не стану повторять подробностей ея допроса, тѣмъ болѣе, что онъ тянулся очень долго, и вы, вѣроятно, вполнѣ удержали его въ памяти, равно какъ и то, что на вопросы мои г-жа Бѣляева отвѣчала съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, на вопросы же тѣхъ лицъ, которыхъ она считала особенно вредными для себя, т. е. на вопросы повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, она отвѣчала крайне лаконически, «да» и «нѣтъ», съ очевиднымъ раздраженіемъ. Въ виду этого отсутствія хладнокровія, въ виду того что она отзывалась запамятованіемъ очень многихъ существенныхъ обстоятельствъ, не помнила, напримѣръ, когда ей была вручена сохранная росписка, забыла, что И. Мясниковъ уѣхалъ 24 мая на Кавказъ, и говорила, что онъ бывалъ у ея мужа въ это время каждодневно, и въ то же время помнила такія мелочи, какъ-то, что запонки и золотыя вещи ея мужа остались въ цѣлости—въ виду этого страннаго свойства ея памяти, удерживающей мелочи и забывающей крупные факты, я считаю возможнымъ обратиться къ тѣмъ показаніямъ, которыя были здѣсь прочтены. Этихъ показаній ею было дано четыре: два при предварительномъ слѣдствіи въ 1868 году и два въ 1870 г. Въ 1868 году она была свидѣтельницею, въ 1870—обвиняемою. Она заявила, здѣсь, какъ она была напугана привлеченіемъ ея къ дѣлу въ качествѣ обвиняемой. Я совершенно вѣрю ей и потому не хочу ссылаться на это ея показаніе; но когда она была сви-

дѣтельницею въ дѣлѣ, она не могла быть испуганною, и на это-то показаніе я хочу ссылаться. Между прочимъ, я считаю нужнымъ сказать, что причину, побудившую ее къ разнымъ, по ея словамъ, неправильнымъ показаніямъ у слѣдователя, я не могу себѣ уяснить хорошенько. Она показала здѣсь, что ее ужасно волновало, безпокоило то, что цѣлый день съ параднаго крыльца звонили, безпокоили ее, а когда она спрашивала, кто приходилъ, то получала отъ прислуги отвѣтъ, что какіе-то полицейскіе или сыскные чиновники приходили узнать, что дѣлается въ домѣ. Мнѣ кажется, что это одно изъ обстоятельствъ, о которомъ г-жа Бѣляева не все помнитъ; тутъ было что нибудь другое, потому что, хотя сыскная полиція дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ—я этого не отрицаю, это было необходимо—но она дѣйствовала очень искусно, и я не думаю, чтобы агенты петербургской сыскной полиціи, первой въ Россіи, на столько уже не знали своихъ обязанностей, чтобы приходили днемъ звонить съ параднаго крыльца и спрашивать, что дѣлается въ домѣ. Но каковы бы ни были причины ея волненія, я буду основываться на показаніи ея, данномъ въ качествѣ свидѣтельницы, такъ какъ тогда еще волненія не существовало, да и память была свѣжѣе. Изъ этого показанія можно вывести слѣдующее: незадолго до смерти мужъ ея призываетъ ее къ себѣ въ кабинетъ и вручаетъ ей сложенную бумагу, сказавъ: «возьми, спрячь!» Удрученная горемъ, она ушла къ себѣ въ комнату; тамъ, развернувъ бумагу, увидѣла, что это было завѣщаніе и положила въ столъ. Сначала она не помнила, куда положила, но потомъ, на сороковой день, вспомнила, что бумага у нея въ столѣ и ее оттуда вынула. Какая же это была бумага? спрашиваемъ мы.—Духовное завѣщаніе.—Почему?—Да потому, что я его читала.—Въ чемъ оно состояло?—Когда я раскрыла, я пробѣжала начало и конецъ.—Что же тамъ написано?—Отказано все въ мою пользу. Въ завѣщаніи же, которое вамъ предъявлялось, гг. присяжные, вы, вѣроятно, замѣтили, что отказъ находится по срединѣ, а не въ началѣ и не въ концѣ. Что же вы смотрѣли? говорю я.—Да, подписи смотрѣла.—Вслѣдствіе чего?—Любопытно было посмотрѣть.—Ну въ завѣщаніи не было ли еще какихъ нибудь выдачъ?—Я не помню, я только пробѣ-

жала его и изъ общаго смысла поняла, что все оставлено.— Что же затѣмъ: говорилъ ли вамъ покойный о завѣщаніи, не говорили вы кому нибудь?—Нѣтъ.—Когда вы вспомнили о завѣщаніи?—На 40-й день.—Вотъ это-то обстоятельство, т. е. передачу завѣщанія, мы и разберемъ сначала. Мы знаемъ, что лѣтомъ 1858 года Бѣляевъ жилъ въ Петербургѣ; у него были торги въ Сенатѣ, куда онъ ѣздилъ въ началѣ августа; кромѣ того онъ страдалъ, ему было тяжело ѣздить въ Ораніенбаумъ, гдѣ жила на дачѣ его жена, и вотъ онъ призываетъ ее и вручаетъ бумагу, по ея словамъ, духовное завѣщаніе, и говоритъ: «возьми и спрячь».Спрашивается, для чего онъ это дѣлаетъ? Развѣ онъ находилъ, что, хранясь у него, эта духовная не будетъ въ такой сохранности? Предположимъ, что онъ это находилъ; въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же онъ не сказалъ, что это духовное завѣщаніе? Вѣдь это была женщина убитая горемъ до того, что забыла про существованіе завѣщанія, и Бѣляевъ, конечно, видя жену свою въ такомъ положеніи, не могъ предполагать, что она сейчасъ начнетъ любопытствовать, кто подписался на завѣщаніи. Вотъ это-то убитой горемъ женщинѣ онъ даетъ бумагу, не объяснивъ что это такое. Если онъ считалъ возможнымъ такъ передать эту бумагу, то лучше было запечатать ее въ конвертѣ своею печатью—это было бы вѣрнѣе. Наконецъ, собственно для чего онъ даетъ завѣщаніе спрятать своей женѣ? Для того, чтобы лично выразить ей свою послѣднюю волю? Но, гг. присяжные, вы знаете, вы слышали изъ писемъ, что это былъ человѣкъ нѣжный, онъ даже Мясниковыхъ называлъ уменьшительными именами. Неужели же этотъ человѣкъ, видя свою жену убитую горемъ, станетъ еще болѣе разстраивать ея сердце тѣмъ, что будетъ вручать ей завѣщаніе? Вы знаете, какая это щекотливая вещь, какое значеніе имѣетъ составленіе и врученіе завѣщанія, особенно въ купеческомъ быту. Но если онъ вручалъ его не для объявленія своей воли, а лишь для сохраненія, то развѣ не могъ онъ сохранить его иначе. Вѣдь есть извѣстныя присутственныя мѣста, гдѣ завѣщаніе могло находиться внѣ всякой опасности. Намъ скажутъ, можетъ быть, что Бѣляевъ не хотѣлъ объявлять своего капитала, такъ какъ составить завѣщаніе крѣпостнымъ порядкомъ

значило объявить, въ какомъ положеніи его дѣла. Но, гг. присяжные, вы помните, что по содержанію завѣщанія не видно вовсе, въ чемъ состояли его предпріятія и капиталы. Положимъ, однако, что онъ дѣйствительно не хотѣлъ дѣлать никакой оффиціальности, не хотѣлъ сохранять завѣщанія у себя и находилъ нужнымъ передать его на сохраненіе женѣ; въ такомъ случаѣ, почему онъ хранилъ его у себя цѣлое лѣто, когда жена жила на дачѣ, когда онъ чувствовалъ себя очень больнымъ, могъ думать о быстрой смерти? Почему онъ не боялся держать завѣщанія въ это время и сталъ бояться тогда, когда жена его переѣхала съ дачи, когда онъ зналъ, что жена около него, что она хранитъ его тѣло отъ того поруганія надъ мертвымъ, которому подвергаетъ богатаго человѣка толпа чуждыхъ и корыстныхъ лицъ, сбѣжавшихся разыскивать его наслѣдство? Затѣмъ, дальнѣйшій разсказъ Бѣляевой. Она приноситъ завѣщаніе къ себѣ въ комнату, развертываетъ его и смотритъ съ любопытствомъ на подписи свидѣтелей. Странное любопытство! Почему она не поинтересовалась узнать, какъ мужъ ея раздѣлался съ окружающими лицами? Это гораздо важнѣе; вѣдь у него были родственники, ждавшіе, что имъ будетъ что-либо отказано; но ей любопытно смотрѣть только на подписи; значитъ, ей ничего не говорили свидѣтели; значитъ, Бѣляевъ просилъ ихъ сохранить въ тайнѣ то, что они подписались на завѣщаніи. Для чего онъ могъ это сдѣлать? Для того, чтобы не огорчать бѣдную вдову. Но, въ такомъ случаѣ, для чего же онъ самъ ей вручалъ это завѣщаніе? Для того, чтобы сохранить его? Но развѣ такъ сохраняютъ завѣщаніе? Затѣмъ, мы видимъ, что предъ фамиліею каждаго свидѣтеля идетъ длинный періодъ, что «завѣщаніе подписано» и т. д., такъ что подписи свидѣтелей составляютъ ровно половину текста всего завѣщанія. Она говоритъ, что видѣла, что на завѣщаніи за именемъ Бѣляева было написано: «Сицилинскій и Отто», но какимъ образомъ среди указанныхъ казенныхъ словъ, казенныхъ фразъ, она усмотрѣла только двѣ фамиліи и не запомнила, что имъ предшествуетъ цѣлая оффиціальная фраза. Наконецъ, посмотримъ на ея отношеніе къ завѣщанію. Она не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ, такъ какъ все имущество ея находи-

лось въ рукахъ мужа, безотчетно имъ управлялось. Она видитъ, что мужъ умеръ и ея положеніе можетъ стать тяжело. Какъ не поинтересоваться узнать, что онъ ей оставляетъ, какъ не задуматься надъ своею будущею матеріальною обстановкою, если не сейчасъ по смерти мужа, то чрезъ недѣлю, чрезъ двѣ? Однако она ничего этого не дѣлаетъ. Предположимъ, что тягость утраты мужа была для нея такъ сильна, что она не могла заниматься дѣлами, что ей было не до того, что она забыла даже о такомъ важномъ документѣ, какъ завѣщаніе. Но вспомните обстановку ея дома послѣ смерти мужа: дѣтей нѣтъ, цѣлая дворня, разные приказчики, управляющіе, которые долго жили у Бѣляева, и каждый считалъ себя вправѣ на полученіе послѣ него извѣстной части; наконецъ Ремянникова, вся судьба которой зависитъ отъ этого завѣщанія, которая умоляетъ Мясникова на колѣняхъ не оставить ее, которая ждетъ съ нетерпѣніемъ рѣшенія своей судьбы и до того взволнована неизвѣстностью, что даже заболѣваетъ. Развѣ Бѣляева, такъ любившая мужа, такъ охранявшая его память, не понимала, что надо успокоить окружающихъ, смягчить ихъ ропотъ? Развѣ, ухаживая за больною, она не понимала, что своимъ молчаніемъ она только длитъ ея болѣзнь, только вызываетъ упреки памяти покойнаго. Вся дворня смотритъ ей въ глаза, и бѣдная Ремянникова лежитъ больная, а она молчитъ. Какъ не возстановить доброй памяти о мужѣ, какъ не сказать: «не плачьте, не скорбите, вы не забыты, вамъ оставлено, я помню, завѣщаніе есть!». Вѣдь это было бы лучшимъ лѣкарствомъ для Ремянниковой! Но ничего этого не было сдѣлано. Когда же найдено завѣщаніе? Въ 40-й день—какъ говоритъ Бѣляева; до тѣхъ поръ Бѣляева о немъ не помнитъ, потому что не занимается никакими дѣлами—согласенъ; но что значитъ найденная у нея при обыскѣ довѣренность на имя Мясникова на полное управленіе ея имѣніемъ, помѣченная сентябремъ? Сороковой день былъ въ половинѣ октября, а довѣренность помѣчена сентябремъ, слѣдовательно, выдана вскорѣ послѣ смерти мужа, въ то время, когда ей было такъ тяжело, когда спутника ея жизни только что унесли отъ нея изъ дому навсегда. Изъ довѣренности видно, что она считала возможнымъ немедленно послѣ этого говорить о дѣлахъ

съ Мясниковыми и даже составлять довѣренность на управленіе всѣмъ имѣніемъ ея мужа. Да и почему она знаетъ, что все состояніе ея, что она можетъ имъ распоряжаться? Значитъ, выдавая довѣренность, она вспомнила о завѣщаніи, вспомнила еще въ сентябрѣ. Но если вспомнила, *то отчего не посмотрѣла?*

Перехожу далѣе къ роли, которую должно было играть завѣщаніе. Вы *знаете характеръ* дѣлъ Бѣляева и Мясниковыхъ, вы слышали изъ показаній обвиняемыхъ, что ими въ день смерти Бѣляева были взяты изъ кабинета его счеты, книги и бумаги, потому что тутъ были и ихъ счеты, и имъ хотѣлось знать, въ какомъ положеніи ихъ дѣла. Бѣляеву они, конечно, были лучше извѣстны; онъ зналъ, что его дѣла съ дѣлами Мясниковыхъ крайне перепутаны, и онъ одинъ умѣлъ и могъ бы ихъ распутать. Но онъ оставляетъ завѣщаніе своей женѣ, гдѣ не упоминаетъ о томъ, какія именно эти дѣла. Развѣ онъ не понимаетъ, что послѣ смерти его Мясниковы явятся прежде всего за отчетами по ихъ имуществу, и бѣдная женщина не будетъ знать, что объяснить, на какіе документы сослаться, такъ какъ она ничего не знала о дѣлахъ мужа, у нея не было къ нимъ никакого руководящаго ключа? Быть можетъ, онъ надѣялся, что Мясниковы поступятъ съ нею добросовѣстно и не обидятъ ее; но можно было съ вѣроятностію разсчитывать на фактическую, вполнѣ добросовѣстную ошибку. Мясниковы могли случайно присвоить себѣ такого рода капиталы, которые имъ не принадлежали; да и едва ли Бѣляевъ могъ разсчитывать, что въ отношеніи расчетовъ жена его не будетъ нисколько обижена. Ужъ если Мясниковы его, своего воспитателя, стараго слугу, въ извѣстномъ письмѣ, поздравляя съ днемъ ангела, все-таки упрекаютъ въ томъ, что будто онъ частію растратилъ ихъ деньги, частію присвоилъ ихъ себѣ, то они, конечно, не особенно поцеремонятся со вдовою его, требуя отъ нея полнаго расчета. Бѣляева говоритъ, что дѣла мужа были небольшія, что капиталъ былъ маленькій, и что ей въ собственность по завѣщанію осталось очень и очень немного. Пусть это будетъ правда; допустимъ, что было такъ; но Мясниковыми была ей предъявлена росписка въ 272,000 руб., и Бѣляевъ, зная небольшіе

размѣры завѣщаемаго состоянія, долженъ былъ знать, что если жена его будетъ утверждена въ правахъ наслѣдства, то росписка эта послужитъ основаніемъ къ такому иску со стороны Мясниковыхъ, который поглотитъ не только завѣщанное имущество, но и часть состоянія самой Бѣляевой? Какъ же онъ, зная, что капиталы его скудны, что все остальное принадлежитъ женѣ, какъ же онъ, любя свою жену, называя ее своимъ другомъ, оставляетъ въ ея пользу такое наслѣдство, по которому, если она его приметъ, она ничего не получитъ, но съ нея будетъ еще взыскана значительная сумма? И сумма эта взыскана, такъ какъ извѣстно, что Бѣляева передала все—и свое имущество, и оставшееся послѣ мужа, за 392,000 руб., взявъ съ Мясниковыхъ условіе въ платежѣ 120,000 р. и росписку въ 273,000 р. Изъ обзора стоимости заводовъ, приведеннаго мною, однако видно, что каждый заводъ стоилъ 102,000 руб., такъ что Бѣляева лишалась заводовъ на 204,000 руб. за то только, что мужъ назначилъ ее своею наслѣдницею. Являясь наслѣдницей послѣ мужа по закону только въ $^1/_4$ части, Бѣляева была бы въ лучшемъ положеніи, чѣмъ наслѣдуя по завѣщанію во всемъ имуществѣ. Не могъ же не понимать Бѣляевъ, что такого рода завѣщаніемъ онъ грабитъ свою жену, лишаетъ ее собственнаго ея имущества. Правда, она могла не принять имущества по завѣщанію, отказаться отъ него; на то ея добрая воля; закона нѣтъ, который бы обязывалъ ее наслѣдовать непремѣнно; но тогда онъ долженъ былъ предупредить ее, сказать, что такіе-то и такіе-то долги лежатъ на его имуществѣ, что они превышаютъ его состояніе. Но онъ этого не дѣлаетъ, онъ говоритъ убитой горемъ женщинѣ: «спрячь эту бумагу», не объясняя, какъ великъ его капиталъ, и когда капиталъ этотъ обнаруживается, у нея отнимаютъ ея собственное, кровное достояніе. Этотъ поступокъ вовсе не соотвѣтствуетъ характеру Бѣляева, онъ не только не объясняется любовью къ женѣ, но является скорѣе обдуманною и хитрою интригою противъ ея состоянія.

Перехожу *къ содержанію завѣщанія*. Оно было прочитано здѣсь, и въ немъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то, что многія его несущественныя части чрезвычай-

но подробно и ясно написаны, даже красивымъ слогомъ; но, затѣмъ, все остальное написано крайне сжато, туманно; такъ начало завѣщанія слѣдующее: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Единосущной и Живоначальной Троицы». Бѣляевъ писалъ много дѣловыхъ бумагъ, и зналъ, что достаточно написать что нибудь одно, или «во имя Отца и т. д.», или «во имя св. Троицы», вмѣстѣ же эти выраженія излишни, особенно въ завѣщаніи, которое составляется больнымъ человѣкомъ, на скорую руку. Очевидно, что завѣщаніе въ началѣ писано широкою кистью, что выраженій не жалѣли, такъ какъ затѣмъ идетъ цѣлый періодъ о тѣхъ причинахъ, по которымъ составляется завѣщаніе. Тутъ и чувство особенной слабости здоровья, разсужденіе о томъ, какъ Богу угодно будетъ отозвать его, Бѣляева, отъ жизни. Въ сущности все это совершенно излишне. Потомъ, въ краткомъ завѣщаніи дважды повторено, что такова покойнаго Бѣляева послѣдняя воля. Самое же существо завѣщанія очень кратко и очень неопредѣленно. Такимъ образомъ, человѣкъ, который велъ множество дѣлъ, писалъ массу дѣловыхъ бумагъ, въ такой важной бумагѣ, какъ завѣщаніе, распространяется о предметахъ несущественныхъ, и въ то же время объ имуществѣ говоритъ весьма туманно. Посмотримъ на самый языкъ. Бѣляевъ владѣлъ языкомъ хорошо, мы слышали здѣсь характеристическое письмо Бѣляева къ какому то Алоизію Матвѣевичу, очевидно лицу весьма высокопоставленному, котораго онъ весьма благодаритъ за то содѣйствіе, которое тотъ оказалъ опекѣ Мясниковыхъ и объясняетъ, что билеты, предоставленные Мясниковымъ на сумму 10,000 р., они оставляютъ въ пользу евангелической школы. Письмо это написано очень умно, съ большимъ достоинствомъ и тактомъ; письмо это, указывающее на подарокъ, сдѣланный въ пользу извѣстнаго учрежденія за содѣйствіе тѣхъ лицъ, интересы которыхъ связаны съ этимъ учрежденіемъ, написано такъ ловко, осторожно, деликатно, что очевидно, человѣкъ, писавшій его, привычный и умный и знаетъ цѣну и значеніе каждаго слова, и этотъ человѣкъ, писавшій собственноручно отношенія въ Сенатъ, употребляетъ такое выраженіе «всю мою недвижимую и движимую собственность, все

имущество мое оставляю женѣ моей въ полную собственность» и тотчасъ же далѣе называетъ это «даромъ». Еще далѣе оказываются слова: «друга моего прошу»; но развѣ такой дѣловой человѣкъ, какъ Бѣляевъ, можетъ допустить подобную неопредѣленность въ выраженіяхъ? Можно догадаться, что онъ проситъ жену, но удостовѣрить этого положительно, по словамъ завѣщанія, нельзя. И это-то пишетъ Бѣляевъ, который, по словамъ Ивановой, даже за частнымъ обѣдомъ выражался такъ оффиціально, что «она, жена моя, оставила все состояніе свое мнѣ, и т. д., а я ей, женѣ моей». Завѣщаніе переписано Целебровскимъ. Почему имъ? Почему оно не написано самимъ Бѣляевымъ? Тутъ можно допустить только одно предположеніе—что Бѣляевъ былъ такъ слабъ, чувствовалъ себя такъ дурно, что не могъ писать бумагъ и послалъ за Целебровскимъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ немедленно переписалъ завѣщаніе. Но гдѣ же указаніе на такое состояніе Бѣляева? Выписалъ ли онъ жену изъ Ораніенбаума? являлась ли жена къ нему, чтобъ окружить его своими попеченіями? Нѣтъ, ни разу онъ такъ дурно себя не чувствовалъ. Онъ страдалъ, бывалъ слабъ, но скоро поправился. Быть можетъ, ему вообще было тяжело писать самому? Я согласенъ—быть можетъ и было тяжело; но мы имѣемъ отъ 20-го іюня 1858 года собственноручное длинное отношеніе его въ Сенатъ. Подобную бумагу легче всего было отдать переписать; между тѣмъ, она написана имъ самимъ. Наконецъ, мы имѣемъ дневникъ и исходящую тетрадь, доведенные до 14-го сентября, гдѣ за очень уже недолгое время до смерти онъ отмѣчалъ малѣйшіе расходы свои и по дѣламъ Мясниковыхъ. Но если человѣкъ записываетъ собственноручно расходы, если онъ пишетъ отношеніе въ Сенатъ съ перечисленіемъ залоговъ, почти на листѣ кругомъ, неужели онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы самому написать завѣщаніе, которое должно навсегда обезпечивать и оградить его любимую жену? Намъ скажутъ, что онъ могъ это сдѣлать, но не находилъ этого нужнымъ; въ такомъ случаѣ это былъ бы человѣкъ крайне не дѣловой, а извѣстно, что Бѣляевъ былъ не таковъ. Онъ не могъ не знать, что по завѣщанію, написанному отъ начала до конца

рукою завѣщателя, споръ о подлогѣ очень труденъ, почти невозможенъ, тогда какъ если оно только подписано, то опроверженіе его, сомнѣніе въ подлинности подписи всегда возможно, что и доказывается настоящимъ дѣломъ. Онъ долженъ знать, что есть наслѣдники—Мартьянова и сынъ ея, человѣкъ баспутный, растративший 30,000 на его заводѣ. Эти люди, законные наслѣдники Бѣляева, услыхавъ о смерти его, тотчасъ же слетятся въ Петербургъ, а такъ какъ это было время старыхъ порядковъ судопроизводства, когда разъ начатое дѣло тянулось цѣлые годы, то, безъ сомнѣнія, аргонавты, о которыхъ я говорилъ, мелкіе ходатаи, научатъ ихъ завести споръ о подлогѣ, и бѣдную Бѣляеву будутъ таскать по судамъ. Не лучше ли было переписать самому? Остается одно предположеніе—что Бѣляевъ завѣщанія этого не написалъ самъ вслѣдствіе того, что чувствовалъ себя крайне нездоровымъ и не могъ писать вообще. Но при этомъ является слѣдующій вопросъ: завѣщаніе подписано тремя лицами и переписано четвертымъ. Всѣ они писали различными чернилами, что показываетъ, что писали они неодновременно. Надо, слѣдовательно, допустить, что Бѣляевъ далъ Целебровскому переписать завѣщаніе въ тяжелую минуту, когда чувствовалъ сильныя страданія. Онъ призвалъ Целебровскаго и продиктовалъ ему свою послѣднюю волю (хотя надобно замѣтить, что у него были другія, близкія лица, напримѣръ Шмелевъ, которыя были всегда подъ рукою). Продиктовавъ завѣщаніе, онъ оставилъ его у себя, не подписывая немедленно и не призывая немедленно свидѣтелей, а подписалъ впослѣдствіи, такъ же какъ и предъявилъ завѣщаніе свидѣтелямъ. Но если онъ подписывалъ послѣ, то нужно доказать, что все время послѣ того, какъ завѣщаніе было составлено, онъ находился въ такомъ состояніи, что не могъ писать самъ ничего; а могъ только подписывать свою фамилію. А между тѣмъ извѣстно, что онъ не только писалъ самъ, но даже ѣздилъ на торги. При томъ, если ему нетрудно было диктовать, то, понятно, нетрудно было подписывать и свой полный титулъ, по обыкновенію, котораго онъ такъ строго держался. Есть, однако, другое предположеніе. Чувствуя себя очень дурно, Бѣляевъ призвалъ

Целебровскаго и свидѣтелей одновременно, хотя и это опровергается различіемъ въ цвѣтѣ чернилъ. Въ числѣ свидѣтелей былъ и докторъ Отто. Если Бѣляевъ не могъ подписать полнаго званія, значитъ, онъ былъ страшно слабъ: его одолѣлъ жестокій припадокъ, руки его тряслись. Развѣ докторъ Отто не могъ отклонить его отъ всякихъ занятій въ эти тяжелыя минуты, развѣ не могъ успокоить его, увѣривъ, что онъ останется живымъ, что это только припадокъ, что онъ можетъ подписать завѣщаніе послѣ, когда почувствуетъ себя лучше? А это совершилось скоро, такъ какъ затѣмъ Бѣляевъ пишетъ длинныя письма, ѣздитъ на торги и въ концѣ августа 1858 г. еще на столько здоровъ, что ходитъ по комнатамъ. Развѣ онъ не могъ много разъ уничтожить это завѣщаніе и написать вновь все собственноручно? не могъ развѣ сдѣлать этого въ здоровыя минуты? Посмотримъ, наконецъ, на самихъ свидѣтелей. Бѣляевъ оставляетъ все имущество своей женѣ, не назначая душеприказчика и не обозначая имущества. Кто же подписывается на завѣщаніи? Люди, знакомые съ его торговыми дѣлами? Нѣтъ, Сицилинскій, старикъ, выживающій изъ ума, и докторъ Отто, не коммерческій человѣкъ, тогда какъ у Бѣляева были такіе знакомые, какъ, напримѣръ, Бенардаки, Каншинъ. Почему онъ не поставилъ состоянія жены своей подъ защиту этихъ громкихъ откупныхъ именъ? Почему онъ не пригласилъ подписаться на завѣщаніи этихъ лицъ, знающихъ дѣла, имѣющихъ вѣсъ, значеніе въ обществѣ, людей, которые могли бы оградить его жену отъ всякихъ дальнѣйшихъ имущественныхъ нападеній? Ничего подобнаго не сдѣлано? Эти друзья остаются въ сторонѣ, а призываются люди, которые случились подъ рукой. Скажутъ, завѣщаніе составилось на скорую руку. Предположимъ такъ, но завѣщаніе составлено 10-го мая, а 21-го мая написана росписка, которая, очевидно, измѣняла положеніе дѣла, измѣняла вопросъ о состояніи Бѣляева. По выдачѣ этой росписки, развѣ ему не должно было притти въ голову, что нужно перемѣнить завѣщаніе, что нужно написать новое? Посмотримъ поближе на этотъ документъ. Что мы видимъ? Во-первыхъ, имѣетъ ли онъ общій характеръ всѣхъ завѣщаній лицъ купеческаго сословія? Былъ ли въ немъ отказъ на церковь? Бѣ-

ляевъ былъ человѣкъ добрый: вспомнилъ ли онъ, умирая, своихъ родныхъ, одѣлилъ ли онъ ихъ. Нѣтъ. Одной Ремянниковой только оставлена маленькая сумма. А этотъ двоюродный братъ, ходившій безъ сапогъ? а Мартьянова, которая не имѣла денегъ на покупку лѣкарства и не могла выходить на воздухъ, потому что было «студено»? Все это Бѣляевъ, конечно, зналъ. Развѣ у него не возникло въ послѣднія минуты желанія хотя чѣмъ нибудь надѣлить ихъ, избавить ихъ отъ нищеты, у него, раздававшаго деньги своимъ конторщикамъ и прислугѣ? Между тѣмъ этого нѣтъ. Нѣтъ отказа на поминовеніе, нѣтъ никакихъ жертвъ въ монастыри и церкви; нѣтъ благотворительныхъ дѣлъ, которыя характеризуютъ почти всякое завѣщаніе въ купеческомъ быту. Затѣмъ, я не могу не указать еще на одну особенность этого завѣщанія, именно на то, что на ряду съ нимъ идутъ найденные у Бѣляева обрывки почтовой бумаги, на которыхъ рукой Бѣляева написано—на одномъ, что: «сіе духовное завѣщаніе составлено Фр. К. К. Бѣл.», на другомъ—«ей же, женѣ моей», и т. д. Очевидно, что эти клочки относятся къ завѣщанію. Одинъ есть проектъ свидѣтельской подписи, другой же—пунктовъ предположеннаго завѣщанія. Неужели тотъ, который собственноручно составлялъ черновой проектъ завѣщанія, не могъ переписать подлиннаго документа? Эти клочки указываютъ, что Бѣляевъ дѣйствительно хотѣлъ оставить имущество своей женѣ, но не оставилъ. Почему же? Я полагаю это разъяснить слѣдующимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи я обращусь къ вашей житейской опытности, къ тому знанію практической жизни, которымъ лучше всего разъясняются подобные вопросы. Вы знаете, какого рода суевѣрные предразсудки существуютъ и не въ одномъ только купечествѣ, но и у множества богатыхъ людей, которые умираютъ безъ завѣщанія потому, что выраженіе послѣдней воли считается какъ бы предвѣстіемъ смерти, потому что человѣкъ, составившій завѣщаніе, считаетъ уже матеріальные расчеты съ жизнью оконченными и думаетъ, что на немъ лежитъ уже печать смерти. Вы знаете, что этотъ предразсудокъ сильно распространенъ, особенно въ купеческомъ быту, и вотъ почему мы видимъ Бѣляева дѣлающимъ проекты завѣщанія,

приготовленія къ нему на клочкахъ бумаги и не рѣшающагося написать полное завѣщаніе. Онъ часто страдалъ, но ему затѣмъ становилось легче, а послѣднее время приглашенъ былъ докторъ Тильманъ, опытный врачъ. Онъ могъ думать, что здоровье его поправится, что онъ успѣетъ написать завтра, послѣзавтра; но завтра нагрянула смерть— и завѣщанія нѣтъ. Мнѣ скажутъ, что завѣщаніе подписано свидѣтелями, что они его видѣли. Но все это было бы такъ, если бъ подложность завѣщанія не подкрѣплялась еще нѣкоторыми доводами, о которыхъ я буду имѣть честь говорить. Повидимому, изъ производства дѣла здѣсь установилось у нѣкоторыхъ участвовавшихъ лицъ и, быть можетъ, у васъ, гг. присяжные, не совсѣмъ правильное пониманіе того, что хотятъ сказать обвинительный актъ и обвиненіе—указаніемъ на то, что свидѣтели подписали послѣ смерти; ихъ вовсе не думаютъ обвинять въ какомъ либо преступленіи. Напротивъ, я признаю, что Сицилинскій и Отто были прекрасные люди. Но что же изъ этого? Сицилинскій былъ старъ, забывчивъ и дряхлъ, а Отто—домашній врачъ, старый другъ дома. Они слышали, что о завѣщаніи Бѣляевъ говорилъ не разъ, говорилъ, что все имущество оставитъ своей женѣ. У нихъ составилось нравственное убѣжденіе въ томъ, что имущество должно было перейти Бѣляевой; затѣмъ къ нимъ являются и говорятъ: «посмотрите, завѣщаніе нашлось, но покойный не успѣлъ пригласить свидѣтелей; вы видите, его подпись; вы знаете, что все имущество должно слѣдовать Бѣляевой; вы знаете, какъ любилъ ее покойный. Неужели вы не захотите сохранить тишину и благолѣпіе этого дома? Неужели вы допустите, что придутъ какіе-то наслѣдники, будутъ тягаться, говорить, что завѣщаніе не написано даже— а вотъ оно тутъ передъ вами — и будутъ бѣдную женщину таскать по судамъ? Неужели вы откажетесь оказать такую услугу памяти покойнаго?» И вотъ человѣкъ, непонимающій вполнѣ хорошо, что онъ дѣлаетъ юридически неправильную незаконную вещь, увѣренный, что завѣщаніе должно было остаться, добрый и привязанный къ памяти покойнаго, даетъ свою подпись. Разъ явилась подпись священника, надо еще подпись свидѣтеля. Къ кому же лучше

обратиться, какъ не къ старому другу дома, постоянному доктору Бѣляевыхъ, котораго даже личный интересъ связанъ съ сохраненіемъ имущества за Бѣляевой? Тотъ, быть можетъ, спроситъ священника, нѣсколько колеблясь исполнить просимое: «батюшка! вы это завѣщаніе подписали?» «Да, подписалъ», отвѣтитъ тотъ и тѣмъ разсѣетъ сомнѣніе доктора, потому что онъ, Сицилинскій, человѣкъ добрый, по словамъ его вдовы, даже святой». Проситъ удостовѣрить завѣщаніе развѣ Бѣляева, которая заинтересована въ немъ? Нѣтъ, нисколько. Просятъ Мясниковы. Мясниковы хотятъ оградить интересы бѣдной женщины, которая убита горемъ и попала въ затруднительное положеніе, и потомъ, быть можетъ, они, эти свидѣтели, и узнаютъ, что завѣщаніе фальшиво; но, подписавъ его, они сдѣлались участниками въ его составленіи, и сознаться въ томъ, что завѣщаніе подписано послѣ смерти, когда оно считается подложнымъ, уже невозможно, потому что это есть дѣяніе нехорошее, содѣйствіе преступленію, хотя и несознательное, и на уста ихъ невольнымъ образомъ налагается печать молчанія. Это единственно возможное толкованіе, не опорочивающее памяти свидѣтелей и совершенно естественное. Нѣтъ сомнѣнія, что Сицилинскій не могъ быть подкупленъ деньгами; но затѣмъ, когда эти люди сдѣлали подпись, имъ могли оказываться разныя одолженія и этимъ еще болѣе закрѣплять ихъ молчаніе. Иногда эти благодѣянія или одолженія дѣлались широкою рукою. Мы знаемъ, что сынъ Сицилинскаго, женатый на сестрѣ одного изъ показывавшихъ здѣсь свидѣтелей, шелъ къ Мясниковымъ, какъ въ свой собственный карманъ. Были ли имъ выдаваемы документы Мясникову—мы не знаемъ; но знаемъ, что онъ не имѣлъ похвальной привычки платить долги, что должно было быть извѣстно Мясникову; мало того, что онъ шелъ «взять у Мясникова»: его сестра и мужъ его сестры точно также обращались къ Мясниковымъ и получали вспомоществованіе. Итакъ, всему этому семейству благотворили Мясниковы, конечно пустяками, потому что эти сотни рублей, выдаваемыя Мясниковыми, въ сущности, гроши въ сравненіи съ ихъ богатствомъ; но съ точки зрѣнія семейства Сицилинскаго, члены этого семейства по отношенію къ

Мясниковымъ являлись въ положеніи людей, которые должны были быть имъ благодарны. Мнѣ скажутъ, что все это предположенія, что я не привожу прямыхъ доказательствъ, что мои соображенія почерпываются изъ обстановки окружающей жизни, а не изъ фактовъ дѣла. Это, быть можетъ, и будетъ справедливо; но соображенія именно оттуда и должны быть взяты, откуда я ихъ беру: только жизнь, съ ея разнообразными явленіями, только бытовая обстановка можетъ и должна служить тою палитрою, съ которой можно черпать краски для обрисованія извѣстнаго преступленія. Никакія другія теоретическія, отвлеченныя соображенія этого сдѣлать не могутъ.

Но если это все одни предположенія, то имѣются и нѣкоторыя другія, болѣе *твердыя данныя*: это—въ экспертизѣ. Это есть нѣчто болѣе прочное. Мы видѣли людей спеціалистовъ въ огромномъ числѣ. Чуть ли не весь Петербургъ былъ лишенъ на нѣсколько дней каллиграфіи, и, конечно, эти люди должны указать намъ болѣе или менѣе точныя данныя. Намъ говорили, что въ экспертизѣ по настоящему дѣлу—противорѣчія. Эксперты распадались на четыре группы: первая изъ этихъ группъ въ 1868 г. признала, что подпись на завѣщаніи, повидимому, Бѣляева, и нѣтъ основанія въ ней сомнѣваться, кромѣ буквы ъ; вторая группа нашла подпись сомнительною; третья группа въ Гражданскомъ Судѣ признала, что нѣтъ основанія утверждать, чтобъ это не была подпись Бѣляева; четвертая группа, на слѣдствіи 1870 года, положительно утверждала, что она дурно скопирована, что это плохое подражаніе. Но здѣсь всѣ эксперты сведены вмѣстѣ, и я думаю, что шансы обвиненія и защиты были равны, такъ какъ мною было вызвано 9 экспертовъ, защитою 7; но на Судъ одинъ изъ моихъ не явился, и остались 8 и 7, почти равные голоса. Къ какому же выводу пришли эти люди? Они признали, что подпись Бѣляева является при первомъ взглядѣ похожею, т. е. имѣетъ свойства, которыя необходимы для того, чтобы человѣкъ, разсматривающій ее простыми глазами, мелькомъ, призналъ ее дѣйствительною; но, при внимательномъ разсмотрѣніи, буквы оказываются поставленными рѣже и написанными не такъ, какъ писалъ обыкновенно Бѣляевъ, и, наконецъ, самая подпись является лишь

искуснымъ подражаніемъ. При оцѣнкѣ этой подписи, они находятъ такія свойства, на которыя указывали прежніе эксперты, давшіе заключенія противъ подложности завѣщанія, а именно, что буква ъ написана не снизу вверхъ, какъ писалъ ее Бѣляевъ, а сверху внизъ, и затѣмъ, что подпись сдѣлана дрожащей рукою. То же самое говорили и первые эксперты, но прибавляли, что такъ какъ Карагановъ имѣетъ почеркъ твердый, то нельзя думать, чтобъ онъ могъ написать дрожащей рукою. Я думаю, что это заявленіе не заслуживаетъ никакого уваженія. Если-бъ они сказали противное, т. е., что Карагановъ писалъ дрожащей рукою, а подпись сдѣлана твердою, тогда я понялъ бы это; но что человѣкъ, у котораго почеркъ твердый, можетъ написать дрожащей рукой—это не подлежитъ сомнѣнію, и все зависитъ въ этомъ отношеніи отъ того, что вы признаете. Если вы признаете, что это подпись Бѣляева, то признаете, что здѣсь дрожала больная рука; если же вы признаете, что это не его подпись, то дрожала рука преступная. Такимъ образомъ, эксперты прямо признали, что почеркъ въ подписи на завѣщаніи не есть почеркъ Бѣляева, что это только искусное подражаніе, что онъ самъ такой подписи не могъ сдѣлать. Кто же сдѣлалъ ее? Экспертамъ предъявлялись записки одного изъ лицъ, находящихся здѣсь, и онѣ сказали: «Да, это лицо способно писать такимъ образомъ; да, это лицо имѣетъ такой почеркъ, который можно сдѣлать весьма похожимъ на почеркъ Бѣляева; это лицо могло подписаться подъ его руку». Кто же это лицо? Къ этому мы теперь и обратимся.

Переходимъ ко второму вопросу: *если это завѣщаніе подложно, то какимъ путемъ оно составилось?* Путь этотъ начинается Карагановымъ и кончается Мясниковыми.

Переходя къ тому, чтобы прослѣдить путь, которымъ совершено завѣщаніе, я сказалъ вамъ, гг. присяжные, что въ началѣ пути стоитъ Карагановъ, кончается же этотъ путь Мясниковыми. Поэтому, намъ прежде всего слѣдуетъ обратиться *къ самой личности* Караганова. Карагановъ, по моему мнѣнію, въ меньшемъ видѣ—тотъ же Бѣляевъ. Та же преданность своимъ хозяевамъ, вѣрность ихъ дѣламъ, стремленіе

управлять этими дѣлами, сохраняя интересы хозяевъ, стремленіе всегда и во всемъ видѣть ихъ честными и правыми, повторяю—это тотъ же Бѣляевъ, безъ его ума, безъ его ловкости, и житейскія обстоятельства котораго сложились иначе. Мы знаемъ, какъ личность эта создавалась, до тѣхъ поръ пока она не попала на скамью подсудимыхъ. Еще мальчикомъ онъ поступилъ къ Мясниковымъ, служилъ довольно долго конторщикомъ и получалъ жалованья до 600 р. въ годъ. При такой обстановкѣ застаетъ его день смерти Бѣляева. Она поразила его паническимъ страхомъ: «Такой богатый человѣкъ, говоритъ онъ, и такъ внезапно скончался! Онъ всему дѣлу былъ воротило, всѣмъ заправлялъ». Долго ли продолжался этотъ страхъ, намъ неизвѣстно; но вскорѣ изъ показаній свидѣтелей мы уже знаемъ, что Карагановъ предлагаетъ паи по откупамъ, говоритъ, что у него есть небольшой капиталъ, даетъ въ займы тысячу и полторы. Вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе его, повидимому, улучшается. Мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, что онъ является хорошо одѣтымъ, живетъ лучше и наконецъ въ немъ, въ этомъ необезпеченномъ приказчикѣ, является желаніе устроиться семейнымъ образомъ. Мы знаемъ далѣе, какъ онъ устроился; свадьба его нѣсколько оригинальна: онъ женился на оперной пѣвицѣ, бывшей въ дружескихъ отношеніяхъ съ А. Мясниковымъ. Онъ, приказчикъ Мясникова, сдѣлался мужемъ женщины, которая была въ близкихъ отношеніяхъ къ его хозяину, которая, слѣдовательно, по этому самому стояла гораздо выше его въ отношеніи образованія, развитія и состоянія—на женщинѣ, къ которой онъ являлся съ мелкими порученіями и за приказаніями отъ того, кто ею обладалъ, кто сиживалъ въ первыхъ рядахъ креселъ, когда она пѣла. Онъ, вчерашній приказчикъ, сдѣлался мужемъ изящной хористки, которая еще не такъ давно была близка къ его властелину. Свадьба происходитъ тихо, безъ всякой торжественности. Затѣмъ, немедленно послѣ свадьбы, Карагановъ съ женою уѣзжаютъ изъ Петербурга. Что вызвало эту поѣздку—намъ неизвѣстно. Онъ былъ человѣкъ, служившій у Мясниковыхъ; почему они рѣшились отпустить его въ Казань,—мы не знаемъ. Но тѣмъ не менѣе онъ уѣхалъ и увезъ довольно большія средства.

Я могъ бы сослаться на то, что въ показаніи Караганова говорится о 10,000 руб., которые онъ получилъ отъ Мясникова; но это не имѣетъ значенія, такъ какъ неизвѣстно, лично ли онъ получилъ ихъ, или въ приданое за женою. Но изъ тѣхъ записокъ, которыя были отобраны отъ старика Караганова, мы имѣемъ возможность заключить о его средствахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы, послѣ того какъ Карагановъ потерпѣлъ убытки и разоренія отъ пожаровъ и другихъ несчастныхъ случаевъ, послѣ того какъ хлѣбная и винная торговля ему не удались, онъ оставилъ записку, въ которой просилъ продать слѣдующія вещи: мѣха, шубы, серебро, брилліанты, всего на 30,000 р.; очевидно, что это были остатки прежняго его семейнаго величія. Такимъ образомъ, этотъ бѣдный приказчикъ женился на женщинѣ, стоявшей выше его по своему развитію и обладавшей хорошимъ приданымъ. Что затѣмъ дѣлаетъ Карагановъ—намъ мало извѣстно; но мы знаемъ, что въ 1865 г. онъ обращался съ письмомъ къ Мясникову, въ которомъ проситъ принять его на службу. Мясниковъ не даетъ рѣшительнаго отвѣта, но въ 1866 г. Карагановъ уже былъ у него на службѣ. Защитникъ представилъ цѣлый рядъ писемъ Караганова, чрезвычайно характеристичныхъ. Эти письма чрезвычайно почтительны, внимательны и всѣ писаны Алекс. Мясникову. Въ этихъ письмахъ Карагановъ очень подробно разсказываетъ о ходѣ торговыхъ операцій и не только описываетъ настоящее положеніе дѣлъ, но собираетъ статистическія свѣдѣнія о видахъ на будущее и старается опредѣлить то направленіе дѣлъ, которое они должны принять. Мы имѣемъ показаніе свидѣтеля Бѣляева, который говоритъ, что Карагановъ велъ себя въ Ставрополѣ хорошо, служилъ честно, но вдругъ съ нимъ сдѣлалась какая-то перемѣна. Первый признакъ этой перемѣны замѣчается въ немъ въ октябрѣ 1868 г. Мы знаемъ, что онъ былъ приказчикъ Мясниковыхъ, такъ сказать, небольшой чиновникъ ихъ обширной администраціи, чиновникъ зависимый, имѣвшій опредѣленныя обязанности. Но вдругъ этотъ подчиненный чиновникъ начинаетъ вести себя несоотвѣтственно своему положенію. 10-го августа онъ выѣзжаетъ изъ Ставрополя и ѣдетъ неизвѣстно куда. Кошель-

ковъ телеграфируетъ главному управляющему въ Ростовъ, въ Новочеркасскъ, чтобы дали знать, тамъ ли Карагановъ; наконецъ сносятся съ Воронежемъ. Мало того, телеграфируютъ въ Петербургъ А. Мясникову о томъ, что Карагановъ выѣхалъ неизвѣстно куда. Скажутъ, быть можетъ, что это была поѣздка въ Козмодемьянскъ, о которой онъ просилъ прежде; но мы знаемъ его покорность хозяину; знаемъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ Мясниковъ постоянно отказывалъ ему въ этой просьбѣ. Затѣмъ, начинаютъ слѣдить за нимъ. Вы имѣли передъ собою цѣлый рядъ телеграммъ, въ которыхъ выражено ясно желаніе имѣть постоянно свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія Караганова. Телеграммы адресуются отъ Кошелькова ко всѣмъ управляющимъ отдѣльными складами. Наконецъ, для Караганова дѣлаются справки, конечно на счетъ конторы, о такихъ дѣлахъ, которыя вовсе дѣлъ Мясниковыхъ не касаются, какъ напр., здоровьѣ отца Караганова. Какъ же ведетъ себя Карагановъ, столь тщательно оберегаемый и получающій 1,000 руб. жалованья? Мы имѣемъ весьма характеристичныя письма Цапина и Гудкова. Изъ нихъ видно, что въ концѣ 1868 г. и въ началѣ 1869 г. онъ ничего не дѣлаетъ, считается ревизоромъ; но вся его обязанность заключается только въ томъ, чтобы притти за жалованьемъ и взять спиртъ, какъ будто для пробы, который онъ и не возвращаетъ. Онъ пьетъ горькую чашу. Есть указаніе, что онъ напивался до того, что лѣзъ искать брата въ мельничномъ колесѣ; что въ нарядѣ болѣе чѣмъ легкомъ ходилъ по улицамъ, такъ что семейные люди затворяли ставни; что онъ буйствовалъ, стрѣлялъ въ соломенныя крыши, ходилъ въ театръ, гдѣ платилъ за билеты палкою, и въ трактиръ, гдѣ билъ посуду и окна, говоря, что ему душно. Что же это за поведеніе? Знаетъ ли о немъ Мясниковъ? Да, знаетъ, потому что знаетъ Кошельковъ, который не могъ не донести объ этомъ, который еще до августа 1868 г. писалъ Мясникову, что Карагановъ ведетъ себя неудовлетворительно, что онъ «за дѣла его, хозяина, съ нимъ не говорилъ». Для чего же онъ держитъ при заводѣ человѣка, ничего не дѣлающаго или, лучше сказать, Богъ знаетъ что дѣлающаго и получающаго тысячу рублей жалованья? Для чего узнаютъ о здоровьѣ его отца, слѣдятъ за нимъ изъ

Ставрополя и Петербурга, желаютъ знать, куда поѣхалъ и не разрѣшаютъ ѣхать къ отцу? Для чего его удерживаютъ при заводѣ, когда онъ для Кошелькова становится даже невыносимымъ? Выть можетъ его держатъ изъ милости? Онъ давно служилъ, старый слуга; почему же не дать ему пристанища? Вѣдь это не разоритъ. Такое толкованіе могло быть дано; но такъ ли ведетъ себя Карагановъ, какъ человѣкъ, который обязанъ своему хозяину своимъ пристанищемъ? Развѣ такой человѣкъ можетъ настойчиво требовать жалованья, требовать такимъ образомъ, что, по словамъ Гудкова, во избѣжаніе худшаго, онъ долженъ былъ удовлетворить его? Можетъ ли человѣкъ облагодѣтельствованный позволить себѣ такого рода поступки, какіе позволялъ себѣ Карагановъ? Онъ зналъ же, что всякому благодѣянію есть мѣра, что его могутъ прогнать. Наконецъ, можно ли предполагать, чтобы благодѣянія Мясниковыхъ, у которыхъ были большія дѣла, которые сами были большими господами—простирались до такихъ мелочей, что, какъ вы знаете, Мясниковъ выкупилъ изъ ломбарда вещи для Караганова? Карагановъ постоянно писалъ Мясникову, извѣщая его о томъ, куда онъ ѣдетъ, и обращался за выдачей денегъ къ женѣ. Человѣкъ облагодѣтельствованный не рѣшится писать такимъ образомъ. Остается, слѣдовательно, третій выводъ: Карагановъ—безполезный, но опасный человѣкъ. Почему же онъ опасенъ? Мы знаемъ, какимъ образомъ поступилъ Карагановъ, какъ онъ себя велъ; мы имѣемъ возможность прослѣдить его душевное состояніе. Въ письмахъ 1868 г. онъ выражаетъ просто желаніе повидаться поскорѣе съ отцомъ; но, затѣмъ, письма его начинаютъ принимать болѣе мрачный характеръ, и наконецъ, отъ 14-го декабря 1870 г., мы находимъ письмо, въ которомъ онъ шлетъ свою послѣднюю волю отцу, говоря, чтобы онъ сохранилъ эту духовную, такъ какъ впослѣдствіи она оправдаетъ ихъ обоихъ. Но что значитъ эта послѣдняя воля? Это не есть завѣщаніе, это не есть отказъ имущества, такъ какъ у него ничего не было. Это—крикъ больной души, желаніе покаяться, разсказать кому-нибудь близкому, дорогому то, что тяготитъ душу, но высказать не прямо, а намеками на то, что въ немъ происходитъ. Карагановъ пишетъ, что онъ не портилъ

ни чьего здоровья, что онъ никому не продавалъ женщинъ, что онъ соблюдалъ хозяйскій интересъ правильно, свято, а если совершилъ какія-нибудь преступленія, то по молодости, неопытности и своимъ служебнымъ обязанностямъ. Что это за намеки на то, что онъ никогда не торговалъ женщинами, не продавалъ ихъ? Почему онъ не говоритъ, что никогда не воровалъ, не поджигалъ, не дѣлалъ фальшивой монеты? Почему онъ говоритъ, что хозяйскіе интересы соблюдалъ и вскользь прибавляетъ, что если совершилъ проступки, то по службѣ, слѣдовательно, по соблюденію хозяйскихъ интересовъ? Затѣмъ мы имѣемъ еще одно свѣдѣніе о Карагановѣ, которое вы слышали изъ обвинительнаго акта, а именно, что Караганов былъ крайне подозрителенъ, что онъ постоянно боялся чего-то, спалъ съ револьверомъ и однажды заставилъ горничную съѣсть коробку пудры, подозрѣвая, что это отрава. Если мы сведемъ все это вмѣстѣ, если представимъ себѣ Караганова сначала бодрымъ, свѣжимъ, имѣющимъ цѣлую жизнь впереди, женившагося и взявшаго за женою довольно большое приданое, имѣвшаго свои собственныя дѣла и, наконецъ, управляющимъ Мясниковыхъ въ Ставрополѣ, и, затѣмъ, представимъ себѣ Караганова мрачнаго, разсѣяннаго, дѣлающаго скандалы, дерущагося на кулачкахъ съ мужиками, не платящаго долговъ, требующаго жалованья и не оказывающаго почтенія къ представителямъ хозяевъ, находящагося постоянно подъ гнетомъ какой-то одной мысли, пьющаго мертвую чашу и пользующагося при этомъ особеннымъ привилегированнымъ положеніемъ; наконецъ, Караганова, котораго преслѣдуетъ постоянная боязнь, Караганова, пишущаго свою послѣднюю волю, въ которой слышится вопль наболѣвшей души и разбитаго сердца; когда мы представимъ себѣ все это, то мы увидимъ, что есть страшная разница между Карагановымъ первымъ и Карагановымъ вторымъ. Когда же произошла эта перемѣна, этотъ переломъ? Мы знаемъ, что это случилось послѣ допроса въ Ставрополѣ, 20-го августа 1868г. Онъ былъ допрошенъ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева. Но о чемъ его спрашивали? Не подписалъ ли онъ духовное завѣщаніе? Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Но почему же допросъ этотъ такъ на него подѣйствовалъ, почему онъ такъ упалъ духомъ? Пото-

му что увидѣлъ что то, что смутно, въ отдаленномъ и даже доселѣ его смущало, вдругъ ожило, возникло вновь, стало предъ очами и вѣщаетъ недоброе. Онъ упалъ духомъ, затосковалъ, сталъ мрачнымъ, потерялъ почву подъ ногами и махнулъ на все рукою. Вотъ это-то поведеніе Караганова и вызвало два ряда дѣйствій относительно его. Съ одной стороны, такой человѣкъ не могъ оставаться на виду многолюднаго общества и не могъ быть около близкихъ людей, которые могли узнать отъ него истину, которымъ онъ могъ бы проболтаться. Поэтому его пріурочиваютъ къ одному мѣсту, запираютъ въ ограниченные предѣлы и, отдавая его на жертву бездѣйствію, даютъ ему возможность топить свою тоску, свою думу, свой умъ въ водкѣ и спиртѣ. Съ другой стороны, надо было знать, что такое дѣлаетъ Карагановъ, какъ онъ себя держитъ. И вотъ о немъ ведется постоянная переписка. Требованія Караганова исполняются въ точности и съ быстротою; для него дѣлается все; ему даютъ жалованье и полную свободу, ничего отъ него не требуя, лишь бы онъ жилъ на заводѣ и пилъ, сколько душѣ угодно, и онъ пьетъ. Но вотъ, однажды, въ пьяномъ видѣ, онъ проговаривается проѣзжему купцу, разсказываетъ, что онъ лысаго, беззубаго старика, лакея Мясниковыхъ, такъ обчистилъ, что милліонъ отъ него отбилъ своимъ хозяевамъ и старику ни гроша не оставилъ—не съ чѣмъ на тотъ свѣтъ проѣхать. Изъ нѣкоторыхъ заявленій защиты надо думать, что она будетъ стараться доказать вамъ, что проѣзжій купецъ и его прикащикъ были агенты сыскной полиціи, пріѣхавшіе съ цѣлью разузнать отъ Караганова о настоящемъ дѣлѣ. Я не знаю, такъ ли это было на самомъ дѣлѣ и не стану отрицать этого, но скажу, что если это были агенты полиціи, то ихъ ловкости должно отдать честь открытія перваго повода къ возбужденію дѣла. Такъ или иначе, но до свѣдѣнія судебной власти дошло, что Карагановъ проговорился. Намъ, можетъ быть, скажутъ, что его подпоили; но мы имѣемъ свѣдѣнія, что онъ пилъ мертвую чашу задолго до этого, что въ 1869 г. онъ уже дѣлалъ вещи совершенно ни съ чѣмъ несообразныя. Затѣмъ, Карагановъ, конечно, уже совершенно трезвый, допрошенный судебнымъ слѣдователемъ, повторилъ то, что

было сказано въ бытность его на заводѣ. Сущность этого показанія онъ повторилъ здѣсь. Онъ говорилъ, что ему стыдно,что онъ сдѣлалъ нехорошее, постыдное дѣло, какъ онъ выразился, и если бы онъ не сдѣлалъ, то не имѣлъ бы чести находиться здѣсь; въ присутствіи Мясниковыхъ ему неловко, больно. Онъ урывками, постепенно, послѣ долгихъ допросовъ, начинаетъ разсказывать, что онъ сдѣлалъ. А сдѣлалъ онъ вотъ что: онъ подписалъ принесенный ему листъ бумаги подписью «Козьма Бѣляевъ». Сначала онъ говорилъ, что подписалъ одинъ разъ, но, когда его стали разспрашивать, не писалъ ли прежде, не пробовалъ ли до этого, онъ сознался, что пробовалъ, писалъ нѣсколько разъ и наконецъ подписалъ. Что же это за бумага, для чего послужила она? «Не знаю—говоритъ онъ—мнѣ неизвѣстно; а казенный интересъ я соблюдалъ всегда и хозяевамъ былъ вѣренъ». Вотъ сущность его показанія. Въ немъ, въ краткихъ чертахъ, ясно выразилось, что онъ, по предложенію Мясникова, подписалъ листъ бумаги, и что учился дѣлать подпись; а, затѣмъ, въ цѣломъ рядѣ варіацій на эту тему, постоянно звучитъ одно и то же, что онъ сохранялъ хозяйскій интересъ, что онъ имъ большія выгоды предоставилъ, что онъ несчастный человѣкъ, былъ молодъ, неопытенъ, и прочее. Но, гг. присяжные, посмотрите на Караганова перваго и сравните его съ тѣмъ, который даетъ передъ вами показанія. Изъ всѣхъ его объясненій ясно, что этотъ человѣкъ преданъ хозяевамъ, любитъ ихъ; не даромъ онъ сказалъ, что хозяева были Мясниковы, а Бѣляевъ только воротило. Онъ до сихъ поръ считаетъ его за лысаго лакея Мясниковыхъ, и до сихъ поръ считаетъ Мясниковыхъ въ правѣ поступить такъ, какъ они поступили. Онъ видитъ въ нихъ идеалъ хозяевъ, и здѣсь, отдавая себя на жертву, говоря твердо и ясно, что онъ подписалъ завѣщаніе, цѣлымъ рядомъ отступленій старается доказать, что онъ былъ вообще человѣкъ честный, старается не говорить ничего о Мясниковыхъ, не рѣшается упомянуть объ ихъ дальнѣйшемъ участіи въ преступленіи. Это показаніе Караганова достаточно объясняетъ, почему, не смотря на то, что онъ былъ безполезенъ, не смотря на то, что онъ пилъ постоянно, его призрѣваютъ на Задонскомъ за-

водѣ. Онъ былъ безполезенъ, но опасенъ; онъ могъ проболтаться. Мнѣ скажутъ, что онъ могъ проболтаться и прежде, а между тѣмъ его отпускали. Прежде Карагановъ былъ молодой человѣкъ, только что связавшій свою судьбу съ женщиною, которую онъ любилъ; у него было состояніе, цѣлая будущность впереди, понятно, что тогда ему открывать, говорить что нибудь о своемъ поступкѣ было опасно для него самого; даже дѣло еще тогда не возникало, т. е. дѣло было гражданское. Но когда въ 1868 г. возникло дѣло уголовное, и онъ былъ допрошенъ, онъ уже былъ не тотъ. Будущаго у него не было, и тогда оказалось нужнымъ держать его въ одномъ мѣстѣ, запереть его въ заколдованный кругъ, никуда не выпускать и поскорѣе поставить въ такое положеніе, чтобы показаніе его не имѣло никакого значенія. Пусть онъ пьетъ, пусть развивается его пагубная страсть: онъ крѣпокъ тѣломъ, много вынесетъ—физически, слѣдовательно, ни на чьей душѣ не будетъ лежать его физическая смерть, а между тѣмъ его разумъ померкнетъ, его умъ ослабнетъ: тогда его сознаніе потонетъ въ водкѣ, онъ потеряетъ образъ Божій, и можно будетъ возбудить сомнѣніе въ нормальности его умственнаго состоянія. Онъ падаетъ нравственно, онъ гибнетъ, его надо удержать строгостью, отдать его отцу, и онъ можетъ быть спасенъ. Нѣтъ! пусть гибнетъ, пустъ падаетъ. Чѣмъ ниже онъ упадетъ, тѣмъ менѣе будетъ разницы между нимъ и скотомъ, тѣмъ менѣе онъ будетъ заслуживать довѣрія, тѣмъ болѣе будетъ онъ безопасенъ. Вотъ почему Карагановъ долженъ былъ оставаться на заводѣ. Мнѣ скажутъ: а письма, написанныя къ Мясникову? Вѣдь если онъ зналъ, что совершилъ преступленіе, по желанію Мясникова, такъ онъ могъ обращаться съ нимъ небрежно, безъ уваженія, а между тѣмъ какъ почтительно онъ пишетъ. Да что же изъ того, что онъ зналъ, что по желанію Мясникова совершилъ преступленіе? Вѣдь съ минуты совершенія преступленія онъ связалъ себя тѣсною, преступною связью съ Мясниковыми; выдавая ихъ, онъ выдавалъ себя; онъ поставленъ въ магическій кругъ, очерченный ихъ общимъ преступленіемъ, но внутри круга все осталось по старому и отношенія не измѣнились: онъ былъ, по-прежнему, подчиненный, прикащикъ, обязанный писать

почтительныя письма, съ тою только разницею, что прежде онъ былъ честный прикащикъ честнаго хозяина, а теперь сталъ преступнымъ прикащикомъ преступнаго хозяина. Наконецъ, мы знаемъ, какимъ обыкновенно тономъ пишутся письма въ коммерческихъ сношеніяхъ; мы знаемъ, что вѣжливость въ нихъ часто внѣшняя, формальная; мы знаемъ, что человѣкъ выше поставленный—Ив. Мясниковъ—письмо къ Бѣляеву, гдѣ онъ упрекаетъ его въ растратѣ денегъ, начинаетъ словами: «милый дяденька!» и кончаетъ увѣреніями въ преданности и просьбою не сердиться. Очевидно, что такой стиль письма ничего не доказываетъ въ пользу добрыхъ, ненатянутыхъ отношеній. Итакъ, мы имѣемъ показаніе Караганова, которое вы слышали на Судѣ. Поведеніе подсудимаго въ связи съ его прежнимъ пьянствомъ побудило обвинительную власть произвести изслѣдованіе объ его умственномъ состояніи въ то время, когда онъ давалъ свои объясненія. Мы не хотѣли предстать передъ вами съ сознаніемъ, даннымъ человѣкомъ умалишеннымъ; мы хотѣли знать, что «трезвость» этого сознанія подкрѣпляется цѣлымъ рядомъ изслѣдованій и экспертизой; мы хотѣли предстать передъ вами въ этомъ отношеніи съ полною увѣренностью въ томъ, что сознаніе дано правильно. Вы слышали обстоятельную, твердую, строго научную экспертизу доктора Дюкова. Что же онъ сказалъ? «Этотъ человѣкъ притворяется,—объяснилъ онъ,—потому что я и докторъ Баталинъ наблюдали подсудимаго и нашли, что въ его дѣйствіяхъ нѣтъ ничего похожаго на сумасшествіе: сумасшедшій всегда вѣренъ самому себѣ, между тѣмъ какъ Карагановъ создаетъ самъ свое состояніе духа и бываетъ веселъ, разговорчивъ, внимателенъ и даже играетъ на скрипкѣ, когда остается наединѣ съ докторомъ Баталинымъ». Защита спрашивала, что если будетъ доказано, что Карагановъ не притворяется, что онъ дѣйствительно такъ разсѣянъ, что не понимаетъ того, что говорятъ—что это будетъ тогда?—«Тогда это состояніе ненормальное», отвѣтилъ г. Дюковъ. Но на мой вопросъ: «не находитъ ли онъ третьяго исхода, не видитъ ли онъ въ этомъ постоянномъ повтореніи одного и того же о казенномъ интересѣ, о пожарахъ и несчастіяхъ, отчасти забыв-

чивости, а отчасти и желанія оправдать себя въ глазахъ Суда?»—докторъ Дюковъ отвѣтилъ: «этотъ третій выводъ тоже возможенъ». На немъ я и останавливаюсь. Говоря предъ вами о своемъ бытѣ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ воспоминаній, Карагановъ рѣзко и кратко говоритъ о преступленіи, но затѣмъ, весь отдаваясь желанію предстать предъ вами не окончательно же дурнымъ человѣкомъ и объяснить свой проступокъ, онъ постоянно приходитъ къ тому, что по неопытности, сдѣлалъ онъ это дѣло, по молодости, а человѣкъ вообще былъ честный, оберегалъ хозяевъ. Пускай утверждаютъ, что теперъ Карагановъ сумасшедшій,—это не можетъ поколебать дѣйствительности его показанія. Важно не то даже, лишенъ ли онъ ума въ настоящее время, а важно то, что, давая свои показанія на предварительномъ слѣдствіи, онъ былъ въ здравомъ умѣ, о чемъ мы слышали письменное и устное заявленіе экспертовъ; важно то, что, когда на предварительномъ слѣдствіи ему было предъявлено завѣщаніе, онъ показалъ, гдѣ была подпись, объяснивъ, что сдѣлалъ только подпись и больше ничего. И дѣйствительно, когда мы начинаемъ разсматривать завѣщаніе, то видимъ, что сначала написано разгонисто, потомъ сжато и опять разгонисто. Это доказываетъ, что текстъ подгонялся къ подписи. Наконецъ, если намъ станутъ говорить, что Карагановъ безуменъ въ настоящее время, то что же изъ этого? Кто допустилъ его сдѣлаться такимъ, кто заключилъ этого человѣка на бездѣйствующій заводъ въ Задонскихъ степяхъ, кто не давалъ ему работы, а давалъ водку и деньги въ изобиліи, кто лишилъ его свободныхъ свиданій съ родными, кто оставилъ его одного на жертву угрызеніямъ совѣсти, на жертву воспоминаніямъ о проданной любви, кто заставилъ его говорить съ отцомъ, который одинъ былъ ему близокъ, не на словахъ, а писать ему, кто заставилъ этого человѣка и здѣсь собирать послѣднія силы своего разбитаго сердца, чтобъ, погибая самому, защищать своихъ хозяевъ, кто виноватъ въ такомъ его душевномъ разстройствѣ, если оно дѣйствительно существуетъ, кто не оградилъ, не спасъ его отъ губительной страсти, когда къ тому имѣлись всѣ способы и средства? Если онъ находится здѣсь передъ вами без-

умный, то это только живое и наглядное свидѣтельство того, въ чемъ онъ сознался. Онъ наглядный свидѣтель подложности завѣщанія, и не столько потому, что онъ говоритъ, сколько потому, въ какомъ положеніи онъ находится. И чѣмъ ближе это живое доказательство къ духовной смерти, тѣмъ громче и краснорѣчивѣе говоритъ оно о сдѣланномъ преступленіи. И чѣмъ больше силится онъ собрать свои скудныя душевныя силы, чтобы свидѣтельствовать о преданности хозяевамъ, тѣмъ виднѣе, какъ злоупотребляли этою преданностью, тѣмъ понятнѣе, отчего у Козьмы Бѣляева дрожала рука, когда онъ будто-бы подписывалъ свое завѣщаніе.

Перехожу къ третьему вопросу.

Я сказалъ уже, что послѣ того, какъ я опредѣлю путь, какимъ составилось завѣщаніе, мнѣ нужно будетъ еще опредѣлить и самую виновность лицъ, которыя его составляли, нужно будетъ узнать, кто виновенъ въ составленіи завѣщанія духомъ, какъ виновенъ въ этомъ Караганов тѣломъ. Я сказалъ въ началѣ моей рѣчи, что не стану убѣждать васъ въ виновности или невинности лицъ, совершившихъ преступленіе, а только передамъ, какъ, по моему убѣжденію, было дѣло.

Изъ всего высказаннаго мною можно вывести заключеніе, что завѣщаніе подложно. Остается вопросъ: *кто совершилъ это преступленіе*? Есть старинное правило, что преступленіе совершается обыкновенно тѣми, для кого оно представляется наиболѣе выгоднымъ. Кому же могла быть выгода въ составленіи этого духовнаго завѣщанія?

Прежде всего, конечно, Бѣляевой. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что ей было выгодно имѣть завѣщаніе въ свою пользу: я уже говорилъ о томъ, что, по самому умѣренному разсчету, у Бѣляева послѣ его смерти осталось на 400,000 имущества; кромѣ того, Бѣляева до того времени играла роль богатой женщины, владѣтельницы заводовъ, обладающей извѣстнымъ капиталомъ, гордой, съ которою какой нибудь Красильниковъ не смѣлъ бы говорить. Ей, понятно, хотѣлось имѣть завѣщаніе въ свою пользу, чтобы избавить себя отъ необходимости сойти съ первенствующаго мѣста и уступить его родственникамъ своего мужа. Мы имѣемъ нѣсколько сто-

ронъ характера этой женщины, довольно ясно рисующихъ ее: мы знаемъ, что она не удостоивала родственницы своего мужа откровенностью по тому вопросу, разъясненіе котораго избавило бы ее отъ болѣзни, и не удостоивала Красильникова разговоромъ, не смотря на то, что онъ обращался къ ней по дѣлу, и мы знаемъ также изъ показаній Махаевой, что Бѣляева держала себя гордо и надменно. И эта женщина, которая держитъ себя гордо, которая является главой, хозяйкой въ домѣ, вдругъ должна сойти на второй планъ, уступить свое мѣсто, стушеваться, потерять окружающій ее штатъ и вообще умалиться въ своемъ величіи. Развѣ это легко, развѣ это не есть такая рана тщеславію, которую трудно перенести?

Вотъ почему Бѣляева должна была желать, чтобы завѣщаніе это было составлено въ ея пользу.

Но могла ли сама она это сдѣлать? Конечно, нѣтъ. Какою вы видѣли женщину эту здѣсь, такою же, вѣроятно, была она и 14 лѣтъ тому назадъ. Вы видѣли, что она лицо способное являться орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Она не умѣла даже говорить здѣсь такъ, чтобы не путаться и не сбиваться, она не умѣла приготовиться къ объясненіямъ, она не умѣла избѣжать тѣхъ ясныхъ противорѣчій, недомолковъ, которыми такъ богато ея показаніе.

Очевидно, не она сдѣлала фальшивое завѣщаніе; да и дѣло такое вовсе, по народному выраженію, «не женскаго ума дѣло». Итакъ, кто же другой могъ совершить это преступленіе? Я постараюсь прослѣдить въ хронологическомъ порядкѣ ту цѣпь свѣдѣній, которую мы имѣемъ. Бѣляевъ умираетъ въ сентябрѣ, 25-го числа, завѣщаніе написано отъ 10-го мая 1858 года; первымъ документомъ послѣ его смерти является та довѣренность, которая при обыскѣ найдена въ бумагахъ Бѣляевой и была составлена въ сентябрѣ 1858 года, слѣдовательно, тотчасъ послѣ смерти мужа. Бѣляева отдаетъ по этой довѣренности въ безотчетное управленіе Мясниковымъ все имѣніе мужа. Въ день смерти Бѣляева пріѣзжаетъ Ал. Мясниковъ—я ничего не говорю объ Иванѣ, потому что на это на судебномъ слѣдствіи не было указаній—и вывозитъ въ узлахъ книги и дѣла своего дяди. Какія

это были книги и дѣла? Ихъ, Мясниковыхъ. Но знали ли они хорошо свои дѣла? Нѣтъ, они этого не знали. Гдѣ же они лежали? Находились ли они въ такомъ положеніи, что ихъ можно было отобрать отъ книгъ и дѣлъ Козьмы Васильевича? Одна свидѣтельница, кажется, чуть ли не сама Бѣляева, показывала, что бумаги Бѣляева и бумаги подсудимыхъ лежали въ кабинетѣ на полу. Но между ними могли вѣдь быть и денежные документы. Гдѣ же эти документы лежали? Неужели у такого аккуратнаго человѣка, какимъ былъ Бѣляевъ, документы лежали на полу незапертыми и не было для нихъ никакого хранилища?

Итакъ, всѣ бывшія въ кабинетѣ Бѣляева бумаги вывозятъ захвативъ даже документъ, принадлежавшій Махаевой. Въ день смерти Бѣляева должна была явиться полиція къ описи, но она не была. Была ли она дѣйствительно на другой день— это трудно сказать. Предъ вами были допрошены лица, участвовавшія въ составленіи акта описи, и лица эти показали, что на другой день смерти Бѣляева былъ составленъ полицейскій актъ и подписанъ квартальнымъ надзирателемъ Соколовымъ.

Въ актѣ этомъ значилось, что въ имуществѣ Бѣляева произведенъ осмотръ и оно запечатано, причемъ найдено 326 р. золота и нѣсколько серебряныхъ монетъ; но, затѣмъ, одинъ изъ нихъ показалъ, что этотъ актъ писался имъ въ конторѣ, подъ диктовку квартальнаго надзирателя, и что на мѣстѣ осмотра онъ не былъ, не было при этомъ также и понятыхъ. Квартальный же надзиратель сказалъ, что никакого акта онъ не подписывалъ и вовсе не былъ въ домѣ Бѣляева. Итакъ, актъ этотъ составленъ неизвѣстно кѣмъ, въ конторѣ квартала, и подписанъ кѣмъ-то за Соколова. Такъ ли было въ дѣйствительности—рѣшить въ виду такихъ показаній трудно; но вѣрно одно, что настоящей описи произведено не было и полиція не явилась своевременно въ домъ покойнаго; вѣрно также и то, что какія-то печати кѣмъ-то наложены были на простые шкафы и жирандоли. Затѣмъ, 16-го октября, предъявляется въ Гражданскую Палату для засвидѣтельствованія завѣщаніе. Засвидѣтельствовано оно 6 го ноября, а 22-го декабря между Мясниковыми

и Бѣляевой заключается договоръ или условіе, по которому Бѣляева отдаетъ Мясниковымъ все принадлежащее ей имущество, какъ доставшееся по завѣщанію, такъ и свое собственное, взамѣнъ сохранной росписки въ 272,000, выданной мужемъ ея Мясниковымъ, и 120,000 р., которые они обѣщали выплачивать по 12,000 въ годъ, въ теченіе 10-ти лѣтъ. Такимъ образомъ, все имущество передано Мясниковымъ за 392,653 р., включая туда и заводы, одни стоившіе 200,000 р., не считая другаго имущества, принадлежавшаго Бѣляевой.

Затѣмъ, изъ дѣла извѣстно, что Бѣляева заявляла въ Казенную Палату и Управу Благочинія о томъ, что ей была представлена сохранная росписка еще до засвидѣтельствованія завѣщанія, но уже послѣ того, какъ оно открылось, и что эту росписку она скрѣпила своей собственной подписью. Потомъ, также намъ извѣстно дѣло по опекѣ Шишкина. Вотъ въ хронологическомъ порядкѣ тѣ событія, на которыя я считаю нужнымъ указать вамъ. Мы признали, что сама Бѣляева не могла составлять духовнаго завѣщанія. Кому же, помимо ея, могъ быть интересъ въ этомъ? Здѣсь опять приходится обратиться къ дѣламъ Мясниковыхъ; но прежде поищемъ, нѣтъ ли въ чемъ нибудь указанія на возможность этого обращенія? Указанія эти существуютъ: ихъ даетъ сама Бѣляева своей жалобой въ Управу Благочинія и заявленіемъ въ Казенную Палату, въ которомъ она говоритъ, что ею заплачено по сохранной роспискѣ, которой она не видала и о которой раньше того она ничего не слыхала; отъ нея взяли имущество, приносящее огромный доходъ, а ей ничего не даютъ. Слѣдовательно, кто же получилъ выгоды отъ завѣщанія? Получили ихъ Мясниковы. Обратимся опять ко времени смерти Бѣляева. Онъ умеръ въ 1858 г.; передъ вами былъ его дневникъ и счеты, изъ которыхъ вы могли усмотрѣть, что дѣла Бѣляева и Мясниковыхъ были тѣсно переплетены между собою. Я готовъ допустить, что Мясниковы, согласно заявленію защиты, участвовали не гласно въ предпріятіяхъ Бѣляева, что вообще все дѣло основывалось на взаимномъ довѣріи и что дѣла Бѣляева частью принадлежали и Мясниковымъ. Этимъ устраняется противорѣчіе ока питалъ въ 600,000 руб.

и тѣ указанія, которыя даютъ поводъ думать, что въ сущности капиталъ простирался до $1^1/_2$ милліона рублей.

Какъ Мясниковы имѣли участіе въ дѣлахъ Бѣляева, такъ точно и Бѣляевъ, съ своей стороны, негласно участвовалъ въ предпріятіяхъ и дѣлахъ покойнаго Ивана Ѳедоровича Мясникова. Одинъ участвовалъ въ предпріятіяхъ своимъ основнымъ капиталомъ, другой отчасти капиталомъ, отчасти своимъ умѣніемъ дѣлать обороты и выгодно помѣщать капиталы. Капиталы эти, соединенные вмѣстѣ, скопленные общимъ трудомъ, составляютъ такую силу, которая заставляла говорить о богатствѣ Мясникова. Но были ли между Мясниковыми и Бѣляевымъ заключены какія-либо условія, по которымъ бы въ данную минуту можно было немедленно отдѣлить капиталъ одного отъ капитала другаго? Я полагаю, что нѣтъ. Доказательство тому я вижу, между прочимъ, въ томъ, что когда Мясниковы были приглашены Бѣляевымъ участвовать въ паяхъ на рыбныя ловли, онъ обратился въ Коммиссію съ заявленіемъ о томъ, что принимаетъ Александра и Ивана Мясниковыхъ къ участію въ Самосдѣльско-Образцовской рыбной ловлѣ на равныхъ правахъ и что контрактъ будетъ доставленъ,—въ послѣдствіи же никакого контракта не доставилъ. Итакъ, вы видите что въ такомъ большомъ предпріятіи права Мясниковыхъ ничѣмъ не были ограждены. Что могли сказать Мясниковы? Мы участвуемъ въ предпріятіи въ $^2/_3$. Почему? спросили бы ихъ наслѣдники. Да, Бѣляевъ заявилъ объ этомъ. Но имъ отвѣтили бы, что на основаніи 27 § кондицій, необходимо, чтобы между ними былъ заключенъ договоръ, а его нѣтъ. Мясниковы сказали бы, что они основывались на взаимномъ довѣріи. Да, вы могли довѣрять другъ другу, а мы вамъ не довѣряемъ. Докажите ваши права формально, а пока должны признать, что мы его наслѣдники во всемъ предпріятіи То же самое могло повториться и относительно другихъ дѣлъ Бѣляева. Бѣляевъ имѣлъ откупъ въ Херсонѣ и Николаевѣ. Я готовъ согласиться, что изъ 25 паевъ онъ владѣлъ $^1/_5$ частью, остальные 20 паевъ принадлежали Мясниковымъ. Это такъ, но въ объявленіи, поданномъ въ Сенатъ, всѣ двадцать пять паевъ откупа оставлены за Бѣляевымъ. Итакъ, когда явились бы наслѣдники

и стали бы требовать эти откупа, что могли бы представить Мясниковы въ доказательство правъ своихъ? Разсчетныя книги Бѣляева, гдѣ записывались разныя суммы? Но на это наслѣдники сказали бы, что коммерція требуетъ книгъ шнуровыхъ, но ихъ не было; былъ же какой-то истрепанный дневникъ. Можетъ быть онѣ и были, но въ настоящее время ихъ нѣтъ. Я указывалъ на дневникъ Бѣляева, но въ немъ находятся такія цифры, какъ напримѣръ: «4,000 взято у Ванюшки 4-го августа; затѣмъ, 2-го сентября выдано задаточныхъ денѣгъ за Устюгъ 4,000, а 14-го сентября опять выдано 4,000». Что же это значитъ? Значитъ ли, что они участвовали вмѣстѣ въ коммерческихъ операціяхъ, и что же собственно означаетъ подобный расходъ, какъ 4,000, 14-го сентября? Дневникомъ ничего нельзя доказать, развѣ только то, что нравственно наслѣдники обязаны были удовлетворить требованія Мясниковыхъ, но въ дѣлахъ коммерческихъ такія нравственныя обязанности стоятъ на послѣднемъ планѣ; на первомъ же планѣ являются документы. Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи были Мясниковы послѣ смерти Бѣляева.

Дѣла ихъ и Бѣляева были такъ спутаны вмѣстѣ и перемѣшаны, что трудно было различить, гдѣ кончаются одни и начинаются другія. Между тѣмъ Бѣляевъ умеръ въ то время, когда Мясниковы вмѣстѣ съ Бѣляевымъ намѣревались пуститься еще въ большія предпріятія и, между прочимъ, купить заводъ Берда. Я ссылаюсь на § 14, гдѣ сказано, что Бѣляевъ намѣренъ былъ участвовать въ $^2/_3$ завода (а эти $^2/_3$ составляли 1.800,000); я признаю, что у Бѣляева не было такой громадной суммы, слѣдовательно, онъ участвовалъ въ предпріятіи вмѣстѣ съ Мясниковыми, но ихъ участіе, повидимому, опять предполагалось негласное. На это указывала вамъ въ своемъ заявленіи защита, что этотъ § былъ зачеркнутъ и надъ нимъ сдѣлана надпись. Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи застала ихъ смерть Бѣляева: обширныя предпріятія задумывались, откупа были разбросаны по всей Россіи, въ однихъ Мясниковы участвовали негласно, въ другихъ гласно. Далѣе, вы слышали здѣсь характеристичное показаніе свидѣтеля Ненюкова, который, когда его спросили, почему онъ думаетъ, что Бѣляевъ не имѣлъ большихъ средствъ, отвѣчалъ,

что Бѣляевъ слишкомъ раскидывался въ дѣлахъ. Что это значитъ? То, что въ коммерціи требуется извѣстная спеціализація занятій, и что въ коммерческомъ мірѣ не особенно довѣряется такому человѣку, который сразу пускается въ различныя отрасли промышленности и различныя предпріятія, требующія громадныхъ суммъ, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что у него ихъ нѣтъ. Такой человѣкъ не можетъ имѣть большаго кредита. Поэтому Бѣляеву и Мясниковымъ надо было раздѣлиться оффиціальнымъ образомъ. Они и раздѣлились; въ сущности же каждый изъ нихъ участвовалъ въ части другаго. Смерть Бѣляева послѣдовала въ 1858 году, то есть въ то время, когда были уже введены и вводились многія реформы, такъ, напримѣръ, тогда начиналась крестьянская реформа и впервые были приняты мѣры, какъ вамъ было заявлено защитой, къ уничтоженію откупа, который доживалъ свои послѣдніе дни. Министерствомъ Финансовъ, въ особой коммисіи, были выработаны новыя правила и было положено въ послѣднія шесть лѣтъ сначала отдавать откупа на два года, потомъ на четыре. Итакъ, повторяю, это былъ послѣдній моментъ существованія того учрежденія, въ которомъ создавались такіе громадные капиталы, которое одно служило главнымъ источникомъ тѣхъ громадныхъ состояній, о которыхъ здѣсь не разъ упоминалось: Бенардаки, Кокорева и другихъ капиталистовъ. Понятно, какъ всѣ откупщики старались удержать за собою участіе въ откупахъ, для того, чтобы въ послѣднее время добыть какъ можно больше, выжать изъ откуповъ все, что можно, посредствомъ дорогой продажи вина. Это-то легкое, ускользавшее, уничтожавшееся добываніе средствъ заставляло Мясниковыхъ стараться удержать за собою откупа на послѣднее время, и они дѣйствительно остались за ними на 1857 и 1858 годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступила акціонерная пора. Вы помните, конечно, какъ создавались акціонерныя общества одно за другимъ, помните, какъ люди почтенные, солидные въ торговомъ отношеніи, совершенно теряли голову съ этими акціями, пускались въ еще болѣе азартную игру, чѣмъ въ послѣдствіи была биржевая желѣзно-дорожная игра. Словомъ, наступило то время, когда коммерческое дѣло должно было развиться на очень широ-

кихъ основаніяхъ. Надо было собрать какъ можно больше капиталовъ, надо было держаться въ обширныхъ предпріятіяхъ, и, затѣмъ, играть свою широкую роль, а тутъ оказывается, что завѣщанія нѣтъ, возникнутъ споры, процессы, тяжбы и когда же?—когда всякій часъ дорогъ, всякій рубль цѣненъ. Тутъ являются неизвѣстныя лица, какіе-то мѣщане изъ Сарапуля, которые, во-первыхъ, отберутъ половину состоянія у Бѣляевой, во-вторыхъ, заставятъ Мясниковыхъ отказаться отъ участія во многихъ откупахъ, лишиться возможности имѣть на будущее время лишніе капиталы, а главное, заставятъ Мясниковыхъ, имѣвшихъ большіе обороты, войти въ безконечное число процессовъ, которые будутъ тянуться годы, такъ какъ гласные суды еще не вводились. Что же оставалось дѣлать Мясниковымъ? Сдѣлаться наслѣдниками. Но какъ? Оставалось сдѣлать завѣщаніе, но сдѣлать его въ свою пользу неудобно, такъ какъ тогда придется назначить большія выдачи вдовѣ и другимъ лицамъ, а тутъ каждая копѣйка дорога, между тѣмъ, какъ извѣстно изъ дѣла, что въ концѣ августа Мясниковы не могли выплатить 36,000, и Бѣляевъ писалъ имъ, что если они не вышлютъ этихъ денегъ, то на честное имя Мясниковыхъ въ коммерческомъ отношеніи ляжетъ черное пятно. Вообще, для нихъ неудобно сдѣлать завѣщаніе на свое имя, это будетъ даже подозрительно; слѣдовательно, остается сдѣлать его на имя вдовы Бѣляева. Но какъ сдѣлать: съ ея вѣдома? Конечно, безъ вѣдома ея неудобно. Для того надо явиться къ ней, и сказать, что вотъ все имущество остается въ пользу родственниковъ ея мужа, а они, ея племянники, не желаютъ, чтобъ ее обижали, и что поэтому, такъ какъ покойный всегда желалъ оставить все ей, то самое лучшее, что она можетъ сдѣлать, это—положиться на нихъ, что завѣщаніе будетъ готово. Правда, Бѣляевой могло показаться это подозрительнымъ; но вы слышали, что Мясниковы взяли всѣ бумаги изъ кабинета Бѣляева, и потому они могли сказать, что въ этихъ дѣлахъ и бумагахъ, взятыхъ ими, нашелся документъ, по которому надо получить и имъ: это сохранная росписка въ 272,000 рублей сереб. Вы слышали, гг. присяжные засѣдатели, что, по разсчету Бѣляева, онъ состоялъ должнымъ Мясниковымъ въ маѣ

мѣсяцѣ 91,000 р., но затѣмъ изъ отступныхъ денегъ съ его счета надо было списать 84,000 р., слѣдовательно, за нимъ, по самому неблагопріятному для него разсчету, оставалось только 7,000 руб. ко дню смерти, слѣдовательно, сохранная росписка въ 272,000 руб. была давно погашена. Она была выдана по разсчетамъ Бѣляева съ Мясниковыми въ теченіе 1857 и 58 годовъ, затѣмъ, чтобы регулировать счеты предъ отъѣздомъ И. К. Мясникова въ Астрахань. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рядомъ съ нею росли и другіе разсчеты, по которымъ, какъ я доказывалъ вамъ вчера документами, уже Мясниковы становились мало-по-малу должниками Бѣляева, такъ что росписка погасилась, и была, по всѣмъ вѣроятіямъ, возвращена Бѣляеву, который ее сберегъ, по своей аккуратности, какъ основаніе для будущаго отчета. Она-то и была вывезена изъ его дома вмѣстѣ съ прочими документами въ день его смерти. Эта-то росписка и явилась средствомъ для того, чтобы заставить Бѣляеву принять завѣщаніе. Они могли сказать ей: «у насъ есть росписка; да Богъ знаетъ, можетъ быть еще съ наслѣдниками придется вести процессъ, а вы слышали разговоръ о ней, знаете, что она была выдана. Поручитесь, а когда будетъ завѣщаніе, заплатите намъ и дѣло будетъ окончено къ общему удовольствію. Вы получите капиталъ, а мы— принадлежащій намъ долгъ». И вотъ, до представленія Александромъ Мясниковымъ духовнаго завѣщанія въ Палату, Бѣляева дѣлаетъ надпись на росписке. Но, спрашивается: знала ли она, какъ велико состояніе ея мужа? Нѣтъ, потому что давая довѣренность Мясниковымъ, вскорѣ послѣ смерти мужа, на управленіе всѣмъ имѣніемъ, она отдала въ управленіе такое имущество, по которому всѣ книги и документы находились въ ихъ рукахъ. Когда завѣщаніе уже утверждено, тогда отступать поздно; тогда ей сказано, что имущества всего на 392,000 р., что цифра эта точная, что больше этого нѣтъ имущества. Что могла отвѣтить на это Бѣляева? Развѣ то, что она не заплатитъ, потому что завѣщаніе подложное. Но ей скажутъ на это: да вы сами согласились на это, сдѣлали все, чтобы ввести правосудіе въ обманъ. Такимъ-то образомъ совершается сдѣлка о передачѣ всего имѣнія, какъ самой Бѣляевой, такъ и ея мужа, за сохранную росписку и

за 120,000 рублей. И Бѣляева, согласившись на завѣщаніе, отрѣзывала себѣ путь къ отступленію, и не могла, не губя и не роняя себя, обличить дѣйствій Мясниковыхъ. Я забылъ еще сказать, какъ я смотрю на участіе Целебровскаго въ дѣлѣ завѣщанія. Онъ подписалъ завѣщаніе послѣ смерти Бѣляева; но онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ подвергнуться отвѣтственности; онъ былъ болѣе всѣхъ гарантированъ. При разности чернилъ въ подписяхъ, онъ могъ всегда сказать: «да! Бѣляевъ просилъ меня переписать завѣщаніе, и я исполнилъ его просьбу; но завѣщанія онъ въ то время не подписалъ, оставилъ его у себя, и что сталось съ нимъ потомъ—не знаю. Можетъ быть, оно и было подписано послѣ смерти». Притомъ, молчаніе Целебровскаго можно было пріобрѣсти. Онъ служилъ у Бѣляева за весьма небольшое жалованье и употреблялся для выполненія разныхъ щекотливыхъ порученій, а черезъ полтора года послѣ смерти Бѣляева, въ то время, когда онъ самъ умиралъ въ сумасшедшемъ домѣ, у него оказалось 20,000 капитала».

Затѣмъ, снова обращаясь къ разсчетамъ Бѣляеа и Мясниковыхъ, прокуроръ указалъ, что эти разсчеты и общность предпріятій Мясниковыхъ и Бѣляева заставляли первыхъ настойчиво желать удержать въ своихъ рукахъ его предпріятія и дѣла, и тѣмъ устранить грозившее умаленіе ихъ дѣлъ и оборотовъ. Средствомъ для этого была сдѣлка съ Бѣляевой о передачѣ ею всѣхъ дѣлъ мужа Мясниковымъ, вслѣдствіе находившейся у нихъ росписки. Основаніемъ для этой сдѣлки послужило подложное завѣщаніе.

«Такимъ образомъ, гг. присяжные, я изложилъ передъ вами тотъ путь, которымъ, по моему мнѣнію, составилось завѣщаніе. Мнѣ могутъ сказать, что это одни только предположенія. Да, предположенія, но которыя основаны на экспертизѣ и на показаніяхъ Караганова. Мнѣ могутъ сказать: хорошо, вы говорите, что преступленіе это совершено Мясниковыми; но если они преступники, то укажите на свойственное преступнику стремленіе скрывать слѣды совершеннаго имъ преступленія, стараться устроить такъ, чтобы не было возбуждено вопроса о преслѣдованіи.

Эти дѣйствія, клонящіяся къ сокрытію слѣдовъ пре-

ступленія, существовали и со стороны Мясниковыхъ. Мы знаемъ, что они предпринимали неоднократныя попытки къ прекращенію дѣла миромъ, и что эти попытки усилились при возникновеніи дѣла въ 1868 и 1870 годахъ. Въ дѣлѣ есть, наконецъ, и свидѣтель противъ нихъ, свидѣтель, который старается теперь скрыть слѣды совершеннаго ими преступленія. Это—Бѣляева. Противъ воли, косвенно, уклончиво, но она свидѣтельствовала противъ Мясниковыхъ. Въ 1864 г. возникло дѣло по опекѣ Шишкина. Шишкинъ, 14-ти лѣтній мальчикъ, нѣжно любимый внукъ Бѣляевой, состоялъ подъ опекою у нея, Ивана Мясникова и Отто, и въ домѣ Бѣляевой жилъ. Мясниковъ и Отто потребовали отъ Дворянской Опеки устраненія Бѣляевой. Чѣмъ это было вызвано—мы не знаемъ; но, очевидно, что это было сдѣлано по желанію Мясникова, такъ какъ Отто считалъ нужнымъ извиняться въ томъ предъ Бѣляевой, написавъ ей письмо, гдѣ написалъ, что сдѣлалъ это, чтобы избѣжать какихъ-то извѣстныхъ ей слуховъ объ отравленіи. Это, вмѣстѣ съ неплатежомъ Бѣляевой денегъ, раздражило ее. А тутъ подоспѣлъ еще уходъ Шишкина тайно изъ ея дома къ дядямъ. Я излагалъ предъ вами, гг. присяжные, подробно ту переписку, которая предшествовала этому уходу, и которою онъ сопровождался. Сначала письмо Шишкина въ Опеку о томъ, что онъ желаетъ исполнить священную волю отца и остаться у бабушки, такъ какъ дяди его не знаютъ и не любятъ, потомъ письмо его къ Бѣляевой изъ дома дядей, съ указаніемъ на то, что такъ какъ она его возстановляла противъ нихъ, а они его любятъ и даютъ ему «настоящее» направленіе, то онъ не можетъ вернуться къ ней; а въ серединѣ между этими письмами письмо Бѣляевой къ предводителю дворянства, съ присовокупленіемъ найденныхъ ею въ комнатѣ ушедшаго отъ нея внука записокъ, въ которыхъ неизвѣстный руководитель совѣтуетъ мальчику сказать своей бабушкѣ, что онъ бросаетъ ея собачій домъ, что она каналья, которая хочетъ его обокрасть, что она мужичка, и т. д., и, наконецъ, письмо нѣкоего Риццони, почтеннаго наставника юношества, который, сознаваясь, что, по просьбѣ Мясникова, подговаривалъ Шишкина уйти отъ Бѣляевой и для этого писалъ ему эти записки

про бабушку, жалуется, что Мясниковъ, по уходѣ Шишкина отъ Бѣляевой, не исполнилъ своего обѣщанія «особенно поблагодарить» его. Эти письма характеризуютъ ту недостойную игру, жертвой которой былъ мальчикъ, едва вступавшій въ отроческіе годы. Для насъ они важны. Они достаточно объясняютъ, почему въ 1865 и даже въ 1866 году Бѣляева столь дурно отзывалась о Мясниковыхъ; почему она считала возможнымъ говорить, что они ее обманули, ограбили. Эти слова ея повторялъ повсюду Чевакинскій, который въ 1865 г. писалъ Ижболдину жалобу на Мясниковыхъ въ Комиссію прошеній и просилъ только у Ижболдина записи о томъ, что тотъ не станетъ преслѣдовать Бѣляеву, а въ 1868 году, послѣ того, какъ Бѣляева примирилась съ Мясниковыми, сдѣлался ихъ ходатаемъ и просилъ Герасимова не показывать у слѣдователя то, что отъ него, Чевакинскаго, слышалъ».

Разбирая подробно показанія Чевакинскаго, Шимановскаго и Герасимова, г. прокуроръ, очертивъ личности этихъ свидѣтелей, изъ сопоставленія ихъ показаній съ объясненіями Бѣляевой, вывелъ, что, цѣлымъ рядомъ заявленій Чевакинскаго, попытками сдѣлокъ съ Ижболдинымъ для совокупнаго преслѣдованія Мясниковыхъ, Бѣляева косвеннымъ образомъ явилась обвинительницею ихъ, но обвинительницею осторожною, въ рукахъ Чевакинскаго, который хранилъ у себя, по его собственнымъ словамъ, завѣщаніе и тѣмъ держалъ обѣ стороны въ своихъ рукахъ. Ко времени ссоры Бѣляевой съ Мясниковыми относится желаніе ея, даже не жалѣя себя, подъ вліяніемъ гнѣва и оскорбленій, открыть все по этому дѣлу, на что указываютъ письма ея къ Мясниковымъ, найденныя въ ея бумагахъ, гдѣ она грозитъ открыть все «со дня смерти ея мужа» и представить это на судъ Государя. Натянутыя и даже враждебныя отношенія продолжались между ними до 1868 г. Но въ этомъ году состоялось, при посредствѣ денежныхъ обязательствъ, примиреніе Бѣляевой съ Мясниковыми, а вслѣдъ затѣмъ возникло слѣдствіе. Общая опасность тѣсно соединила Бѣляеву съ Мясниковыми, и вчерашніе враги стали сегодняшними друзьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. прокуроръ указалъ на постепенный ходъ сдѣлокъ о примиреніи, предлагав-

шихся Мясниковыми. Онъ указалъ, между прочимъ, на то, что еще въ 1861 году Гонинъ посылался въ Сарапуль къ Мартьяновой съ предложеніемъ примиренія за 20 или 25 тысячъ, что подтверждено Дѣдюхинымъ и священникомъ Домрачевымъ. Затѣмъ, въ 1862 году, Ал. Мясниковъ предлагалъ Ижболдину 4 или 5 тысячъ, но когда возникло слѣдствіе, то онъ призывалъ въ мѣсто своего служенія свидѣтеля Борзаковскаго и опять предлагалъ окончить дѣло съ Ижболдинымъ. При этомъ повѣренный его, нѣкто Коптевъ, называлъ и сумму примиренія: 100—150 тысячъ.

«Такимъ образомъ, гг. присяжные, продолжалъ прокуроръ, обвиненіе мое окончено. Я старался, не увлекаясь, спокойно и сжато изложить предъ вами всѣ обстоятельства дѣла и всю его обстановку; я старался употребить всѣ усилія моей памяти, чтобы возстановить предъ вами все то, что происходило здѣсь въ теченіе 5-ти дней, и всѣ тѣ данныя, которыя почерпнуты мною изъ письменныхъ документовъ. Если же я опустилъ что-либо, то дополнитъ это ваша память, или, лучше сказать, ваша совѣсть, на которой отпечатлѣлись, безъ сомнѣнія, всѣ черты, всѣ оттѣнки этого дѣла. Мнѣ остается распредѣлить отвѣтственность между подсудимыми.

«Я обвиняю Александра Мясникова въ томъ, что онъ задумалъ составить подложное завѣщаніе и привелъ это намѣреніе въ исполненіе. Ни въ общественномъ его положеніи, ни въ его богатствѣ, ни въ его образованіи не нахожу я никакихъ обстоятельствъ, по которымъ можно бы говорить о какомъ-либо снисхожденіи къ нему: онъ виновенъ, и только виновенъ. Обращаясь къ Ивану Мясникову, я, по совѣсти, долженъ заявить, что во всемъ дѣлѣ нѣтъ указаній на его непосредственное участіе въ преступленіи; это не значитъ, однако, чтобы онъ не участвовалъ въ немъ косвенно. Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ Мясниковъ не могъ бы рѣшиться составить подложное завѣщаніе, не имѣя на то предварительнаго, быть можетъ молчаливаго, согласія со стороны брата; онъ не могъ бы дѣйствовать съ сохранной росписки, не зная, что скажетъ на это братъ; онъ не могъ составить завѣщанія, не бывъ напередъ увѣренъ въ томъ, что братъ его приметъ завѣщанное имущество, что при этомъ не выйдетъ недоразумѣній.

Ему надлежало быть увѣреннымъ, что Иванъ Мясниковъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы въ то время, когда онъ станетъ дѣйствовать. Иванъ Мясниковъ зналъ хорошо, какое преступленіе подготовляется и не остановилъ брата, не предупредилъ своимъ вліяніемъ содѣяніе преступленія, не напугалъ своими угрозами. Лица, которыя такъ дѣйствуютъ, по закону считаются менѣе виновными, чѣмъ тѣ, которыя совершили преступленіе непосредственно; они считаются попустителями преступленія, но виновность ихъ имѣетъ значеніе уже потому, что много преступленій не совершилось бы, если бы люди честные приходили на помощь колеблющимся и удерживали ихъ. Поэтому, я обвиняю Ивана Мясникова въ попустительствѣ. Караганова я обвиняю въ томъ, что онъ, послѣ подготовительныхъ занятій, подписалъ бумагу, зная, что дѣлается это для духовнаго завѣщанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу не замѣтить, что Карагановъ былъ орудіемъ въ рукахъ другихъ, болѣе умственно и матеріально сильныхъ лицъ, что онъ находился подъ давленіемъ своей привязанности къ хозяевамъ и что жизнь его разбита навсегда и непоправимо. Я прошу васъ, поэтому, признать его заслуживающимъ полнаго снисхожденія; равнымъ образомъ прошу признать заслуживающимъ снисхожденія и Ив. Мясникова. Взглянувъ на него, близкаго ко гробу и разбитаго параличемъ, вы, гг. присяжные, поймете подъ вліяніемъ какого чувства я рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ этой просьбой. Излишне говорить вамъ, гг. присяжные, что приговоръ вашъ будетъ имѣть огромное значеніе. Дѣло это возбудило цѣлую массу толковъ. Общественное мнѣніе клонилось то въ ту, то въ другую сторону, и судомъ общественнаго мнѣнія дѣло это было нѣсколько разъ и самымъ противоположнымъ способомъ разрѣшаемо. Но судъ общественнаго мнѣнія не есть судъ правильный, не есть судъ свободный отъ увлеченій; общественное мнѣніе бываетъ часто слѣпо, оно увлекается, бываетъ пристрастно и—или жестоко не по винѣ, или милостиво не по заслугамъ. Поэтому, приговоры общественнаго мнѣнія по этому дѣлу не могутъ и не должны имѣть значенія для васъ. Есть другой высшій судъ, судъ общественной совѣсти. Это вашъ судъ, г. присяжные.

«Мы переносимъ теперь дѣло Мясниковыхъ изъ суда общественнаго мнѣнія на судъ общественной совѣсти, которая не позволитъ вамъ не признать виновности подсудимыхъ, если они дѣйствительно виноваты, и не допуститъ васъ, каково бы ни было общественное мнѣніе по этому дѣлу, уклониться отъ оправданія ихъ, если вы находите ихъ невиновными. Произнося этотъ приговоръ, вы снимете съ нихъ то ярмо подозрѣній, обвиненій и слуховъ, которые надъ ними тяготѣютъ. Если же вы произнесете приговоръ обвинительный, если согласитесь съ доводами обвинительной власти и проникнитесь ея убѣжденіемъ, то изъ него будетъ видно, что предъ судомъ, по Судебнымъ Уставамъ, нѣтъ богатыхъ и бѣдныхъ, нѣтъ сильныхъ и слабыхъ, а всѣ равны, всѣ одинаково отвѣтственны. Вы докажете тогда, на сколько справедливо можно примѣнить къ людямъ, стоящимъ предъ вами, евангельскія слова, что «нѣсть эллинъ и іудей».

Повѣренный гражданскихъ истцовъ докторъ правъ Лохвицкій. Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Я являюсь предъ вами повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ, т. е. представителемъ тѣхъ лицъ, которыя были законными наслѣдниками Бѣляева, и которыя подложнымъ завѣщаніемъ, составленнымъ братьями Мясниковыми, лишены своего имущества. Я полагаю, гг. присяжные засѣдатели, что защита еще можетъ быть основана на сомнѣніи, потому что и по закону всякое сомнѣніе всегда разрѣшается въ пользу подсудимаго; но обвиненіе непремѣнно, чтобы быть добросовѣстнымъ, не иначе можетъ быть ведено, какъ съ глубокимъ убѣжденіемъ и вполнѣ добросовѣстнымъ разсмотрѣніемъ дѣла. Я пришелъ къ этому глубокому убѣжденію и остаюсь при немъ, не смотря на то, что, какъ вы видѣли во время судебнаго слѣдствія, мы были лишены свидѣтельства жены и отца Караганова; послѣдній пріѣхалъ издалека и здѣсь, послѣ предваренія Суда о правѣ отказаться отъ показанія, сказалъ, что желаетъ дать показаніе, а затѣмъ черезъ два часа отказался. Не смотря на все это, я считалъ настоящее дѣло весьма простымъ. Виновность подсудимыхъ, по моему мнѣнію, очевидна; но чтобы доказать эту очевидность нужно

прежде условиться въ одномъ: настоящее дѣло весьма сложное; здѣсь было прочитано множество документовъ, вы выслушали многихъ свидѣтелей; изъ числа свидѣтелей были нѣкоторые въ пользу обвиненія, нѣкоторые въ пользу защиты; но намъ надо условиться относительно того, что не всякое показаніе имѣетъ значеніе въ отношеніи къ существу самаго дѣла. Въ настоящемъ дѣлѣ встрѣчается много такихъ показаній, на которыя, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ обращать вниманія. Надо только узнать сущность дѣла, въ чемъ заключаются главные обвинительные пункты. Если мы сознаемъ это, то намъ не нужно никакихъ свидѣтелей. Я полагаю, что въ процессѣ обвиненія, какъ въ битвѣ, всегда есть извѣстный пунктъ, тотъ узелъ, который рѣшаетъ все сраженіе. Этотъ узелъ въ данномъ дѣлѣ весь заключается въ показаніяхъ Бѣляевой и самого Александра Мясникова; слѣдовательно, наше обвиненіе зиждется не на такихъ свидѣтеляхъ, которыхъ защита можетъ отвести.

Я нахожу этотъ существенный пунктъ въ показаніи Бѣляевой относительно того, какъ явилось завѣщаніе. Я, гг. присяжные засѣдатели, обращаю особенное ваше вниманіе на прежнее показаніе Бѣляевой, которое вы слышали въ обвинительномъ актѣ, и которое дано 5 го февраля 1871 года. Я позволю себѣ еще разъ вамъ прочесть его. Она говоритъ въ немъ: «при допросѣ 1-го августа 1868 года, я утверждала, что предъявленное мнѣ тогда духовное завѣщаніе мужа моего есть то самое, которое было вручено мнѣ мужемъ моимъ; но нынѣ этого положительно утверждать не могу, ибо, какъ при полученіи отъ мужа, такъ и при передачѣ завѣщанія Александру Мясникову для засвидѣтельствованія, я духовнаго завѣщанія не читала и въ него не всматривалась». Вотъ ея показаніе на предварительномъ слѣдствіи. На судебномъ слѣдствіи, при васъ, она говоритъ другое. Она говоритъ: «я читала завѣщаніе не все, читала только начало и конецъ»; а когда мы ее спросили: почему такое разнорѣчіе? Она отвѣчала: «оттого, что я была въ волненіи, когда призвали меня къ судебному слѣдователю». Гг. присяжные засѣдатели, гласный судъ имѣетъ именно то огромное значеніе, что при письменномъ производствѣ всегда нужно было

основываться на свидѣтельскихъ показаніяхъ, а при гласномъ—на свидѣтельствѣ самыхъ лицъ. Всегда видно, что за лицо, какъ говоритъ, каковъ видъ этого лица. Я васъ теперь спрашиваю: могло-ли случиться, чтобы Бѣляева, какъ трепетная лань, у судебнаго слѣдователя была запугана, не знала, что говорить, а между тѣмъ давала длинное показаніе? Положимъ, что она испугалась въ первый разъ; но она была спрошена три раза, и въ послѣдній разъ въ мартѣ 1871 года. Чѣмъ объясняетъ она нѣкоторыя разнорѣчія? Она говоритъ, что разнорѣчія нѣтъ, положительно подтверждаетъ, что только взглянула на завѣщаніе, но не читала его, и положила, какъ кажется, на окошко; до 40-го дня не видала его и отдала Мясникову такъ, не читавши. Вы видѣли, гг. присяжные засѣдатели, что если гдѣ можно сконфузиться, особенно женщинѣ, то скорѣе здѣсь на судѣ, при этомъ грозномъ ареопагѣ, при видѣ васъ, которыхъ одно слово можетъ рѣшить судьбу человѣка. Здѣсь можетъ найти страхъ больше, чѣмъ въ кабинетѣ судебнаго слѣдователя; но когда ее спрашивали, отчего произошелъ такой страхъ, она отвѣчала, что къ ней звонили часто, отчего ея нервы разстроились. Я просилъ позволенія прочесть часть ея показанія для того, чтобы вы видѣли, почему она тогда такъ говорила, а теперь иначе, чтобы вамъ доказать, что съ ея стороны была и тогда ложь, и теперь, потому что завѣщанія не было. На судебномъ слѣдствіи, она была призвана, какъ обвиняемая въ соучастіи; впослѣдствіи она была устранена, какъ обвиняемая, сколько мнѣ извѣстно, на томъ основаніи, что давность прошла для нея, и потому она явилась предъ вами, какъ свидѣтельница. Вотъ разница въ ея положеніи. Могла ли она, зная, что завѣщаніе подложно, у судебнаго слѣдователя говорить, какъ здѣсь. Она Мясниковыхъ дѣйствительно любитъ; ея племянники, они вмѣстѣ дѣлали дѣло; тѣмъ не менѣе каждому своя шкура дороже. Она давала такое показаніе, положительно не обвиняя Мясниковыхъ, чтобы имѣть открытую дверь для своего выхода. Намъ предстоитъ съ вами запереть эту дверь. Она не знала, что завѣщаніе подложно, думала, что у судебнаго слѣдователя экспертизой будетъ доказано, что оно подложно;

слѣдовательно, когда оно подложно—а сама она говоритъ, что отдала его Мясникову—значитъ, не только знала о подлогѣ, но она и составила, потому что Мясниковъ, въ случаѣ крайности, могъ сказать: «можетъ быть завѣщаніе подложно, да мнѣ Катерина Васильевна дала. О томъ, что завѣщаніе подложно—очень сожалѣю, тѣмъ болѣе, что отъ этого дѣла мы потерпѣли одни только убытки по предпріятіямъ, полученнымъ взамѣнъ сохранной росписки». Вотъ она и выпутывается, показывая, что на завѣщаніе только взглянула, даже не читала, и, такимъ образомъ, не можетъ утверждать, это ли самое завѣщаніе отдала она въ 40-й день послѣ смерти мужа, тоже не читая его. Какимъ образомъ женщина 50 лѣтъ, получивъ завѣщаніе отъ мужа, только взяла его, удостовѣрясь по первому взгляду, что это должно быть завѣщаніе, и затѣмъ, не читая, положила? 40 дней оно у нея лежитъ; наконецъ, она призываетъ Мясникова, чтобъ представить завѣщаніе къ утвержденію. Но мужъ ей не говорилъ, что это завѣщаніе; онъ просто сказалъ: «вотъ бумага, сохрани ее». Можетъ быть, это завѣщаніе не мужа, а другого, и она все-таки этой бумаги не прочла, а повѣренный ея Мясниковъ принимаетъ на себя дѣло, тоже не читая завѣщанія. Мы его спрашиваемъ: читали ли вы? «Нѣтъ, не помню». Какъ же браться утверждать завѣщаніе, не читавъ его? Я думаю, изъ одного этого вы видите, что тѣ, которые выдумали это, просто смѣются надъ нами; но я думаю, что мы будемъ поумнѣе тѣхъ, которые полагаютъ, что мы повѣримъ такимъ глупостямъ, чтобъ женщина, 40 дней не развертывая завѣщанія, отдала повѣренному, а тотъ, не посмотрѣвъ, взялъ для засвидѣтельствованія. Да гдѣ же это такъ бываетъ на свѣтѣ? Она говоритъ, что была въ великомъ горѣ. Положимъ, что въ первые дни; но всякое горе проходитъ. Нисколько не оскорбляя ея чувствъ, я думаю, что она не была въ такомъ горѣ, которое свойственно слишкомъ молодымъ натурамъ. Она, какъ видно изъ показаній свидѣтелей, присутствовала при опечатываніи кабинета мужа. Можно часто быть обманутымъ собственными глазами, слухомъ; но логика не можетъ обмануть. А въ этомъ-то показаніи логика и обнаруживаетъ ложь. Если вы не взяли

завѣщанія, то, значитъ, вамъ не могли его дать, а если вы взяли завѣщаніе, значитъ, прочитали его. Теперь она знаетъ, что давность прошла, и она показываетъ другое: «Да, я читала его; но, давая прежнее показаніе, я была напугана». Вы видѣли и слышали, какъ она здѣсь отвѣчала, могли убѣдиться, что у ней есть достаточно самообладанія и энергіи. Такимъ образомъ, выводъ мой таковъ,что первое показаніе ея ложь, и второе—тоже ложь. Изъ этого ясно, что завѣщанія не было, и что Александръ Мясниковъ привезъ ей завѣщаніе сфабрикованное, затѣмъ поѣхалъ, чтобы представить его къ утвержденію, а вся эта исторія выдумана только для прикрытія. Мнѣ кажется, что если вы сознаете это—а это такъ просто, ясно, логично—тогда весь вопросъ разрѣшается. Вотъ кульминаціонный пунктъ дѣла: завѣщаніе подложно.

Затѣмъ—кто сдѣлалъ подложное завѣщаніе, кто его подписалъ, какіе тутъ были мотивы? Все это, по мнѣнію моему, второстепенные вопросы. Для насъ достаточно знать, что Мясниковъ составилъ завѣщаніе или самъ, или черезъ другихъ, а насчетъ мотивовъ, если тутъ, можетъ быть, и были особыя причины, которыя смягчаютъ вину, то его дѣло представить ихъ, а не наша обязанность разыскивать ихъ. Тѣмъ не менѣе, я приступлю къ разбору такихъ фактовъ, которые указываютъ, что были серьезные мотивы; наконецъ, укажу на другіе факты, которые имѣютъ уже положительное значеніе, которые служатъ важнымъ подкрѣпленіемъ къ тому, что завѣщаніе дѣйствительно подложно.

Въ первый день послѣ смерти Бѣляева кабинетъ его не былъ опечатанъ. Мясниковы не сознаются, что они обчистили кабинетъ: они говорятъ, что только взяли собственныя дѣла, дѣйствительно находившіяся въ распоряженіи Бѣляева. Они обращаются къ Бѣляевой за позволеніемъ взять дѣла, и она даетъ это разрѣшеніе. Затѣмъ, является полиція и накладываетъ печати. Еслибъ было завѣщаніе, то печатей не накладывали бы: наслѣдники налицо. Какимъ же образомъ Мясниковы ее не спросили, нѣтъ ли у нея завѣщанія? Далѣе мы видимъ, что о существованіи завѣщанія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль никто не говорилъ. Между тѣмъ тогда къ Бѣ-

ляевой адресовались и полиція, и всѣ имѣющія дѣла съ ея мужемъ, на что есть несомнѣнныя данныя. Не говоря о массѣ свидѣтельскихъ показаній, удостовѣряющихъ, что не было завѣщанія, напримѣръ показанія Китаева, Махаевой и проч., вообще ни изъ чего не видно, чтобъ въ теченіе нѣсколькихъ дней проглянуло, что есть завѣщаніе. Вдругъ, черезъ нѣсколько дней, заговорили, что есть завѣщаніе. Вотъ цѣлый рядъ фактовъ. Что намъ за дѣло, что кто-нибудь изъ свидѣтелей сказалъ ложь! Намъ достаточно двухъ или трехъ, которые говорили, что знали, что не было завѣщанія и о немъ вдругъ заговорили. Переходя къ другимъ фактамъ, мы находимъ прежде всего сознаніе Караганова. Г. прокуроръ подробно разбиралъ положеніе Караганова, и жизнь его, и отношенія къ Мясниковымъ. Карагановъ сказалъ, что онъ подписалъ завѣщаніе. Его показаніе весьма вѣрно доказываетъ его прямоту, искренность. Наконецъ, мы должны обратить вниманіе на манеру, которая должна была быть употреблена Мясниковымъ при составленіи фальшиваго завѣщанія. Есть, господа, старое правило, которому слѣдовали римляне, выражающееся въ формулѣ: Divide et impera—раздѣляй и повелѣвай. Мясниковъ дѣйствовалъ на основаніи этого правила. Здѣсь идетъ дѣло не о подлогѣ топорной работы: здѣсь дѣло очень тонкое, люди были тонкіе, и, можетъ быть, за плечами ихъ стояли люди несравненно болѣе тонкіе, которые говорили, какъ надо дѣйствовать. Поэтому, напримѣръ, мы не видимъ ничего подобнаго тому, чтобъ всѣ вмѣстѣ собрались и подписали. Невозможно себѣ представить, чтобъ свидѣтели, какъ Сицилинскій и Отто, участвовали въ такомъ дѣлѣ. Какъ ни близокъ Карагановъ, но и его боялись, что онъ можетъ выдать; поэтому онъ просто дѣлалъ какую-то подпись, а для чего—не можетъ сказать. Довольно трудно найти преступника, когда преступленіе сложное. Одинъ человѣкъ сдѣлалъ подпись безъ всякаго текста; Целебровскій пишетъ текстъ, но онъ можетъ послѣ сказать, что писалъ только текстъ, и кто послѣ сдѣлалъ подпись, онъ не зналъ. Затѣмъ къ свидѣтелямъ обращаются съ текстомъ и подписью, и, какъ г. прокуроръ развивалъ, Сицилинскій и Отто хотя могли быть, и вѣрно были люди почтенные, однако, они могли дать свои

подписи, зная, что Бѣляевъ хотѣлъ отдать все состояніе женѣ.

Изъ обвинительнаго акта вы знаете, что одному изъ свидѣтелей, Отто, говорятъ, что на завѣщаніи формальности какой-то недостаетъ. Вы встрѣтите немало людей, которые считаютъ подпись свидѣтелей на завѣщаніи одною формальностью, тѣмъ болѣе, что постановленіе о необходимости свидѣтеля на завѣщаніи признано далеко не во всѣхъ другихъ законодательствахъ, а потому могутъ и найтись люди, которыхъ нетрудно склонить къ подписи завѣщанія по смерти завѣщателя. Изо всего видно, что составитель завѣщанія принялъ свои мѣры. По закону, лица, которыя подписываются свидѣтелями, призываются послѣ въ гражданскую палату для того, чтобы утвердить, что дѣйствительно завѣщатель былъ въ здравомъ умѣ и вручилъ лично завѣщаніе для подписанія. Здѣсь видна предосторожность тонкая: на завѣщаніи написаны всѣ требуемыя закономъ формальности, которыя совершаются въ палатѣ или въ окружномъ судѣ. Это, мнѣ кажется, сдѣлано съ разсчетомъ. Еслибъ такого свидѣтеля, какъ Отто, спросили: «при жизни ли Бѣляева подписали вы завѣщаніе?» Отто могъ бы сказать: «нѣтъ, послѣ смерти», и все бы рухнуло.

Затѣмъ, я не могу пропустить нѣкоторыхъ изъ свидѣтельскихъ показаній, которыя даны здѣсь, на судѣ. Я буду говорить о тѣхъ, которыя только даны противъ гражданскихъ истцовъ. Эти показанія были направлены къ тому, чтобы поколебать въ вашихъ глазахъ вѣру въ правоту и честность гражданскихъ истцовъ. Но мнѣ кажется, что вы не попадетесь на эту удочку. Дѣло въ томъ, что еслибъ истцы дѣйствовали не только неблаговидно, но даже преступно, то въ этомъ они будутъ виновны предъ закономъ, но отъ этого завѣщаніе подложное не сдѣлается настоящимъ. Но я утверждаю, что вовсе не видно, чтобъ они дѣйствовали противозаконно. Ижболдинъ, какъ извѣстно, пріѣхавъ изъ Сарапуля, услышалъ, что имѣніе завѣщано людямъ могущественнымъ, богатымъ. Онъ поневолѣ бросается куда попало, напримѣръ къ камердинеру Китаеву; тотъ, другой говорятъ ему объ этомъ дѣлѣ. Развѣ призвать свидѣтеля можно прежде, чѣмъ скло-

нять его не для ложнаго показанія, а чтобы онъ былъ такъ добръ—явился, когда позовутъ? Германъ, между прочимъ, когда узнаетъ, что какая-то женщина живетъ въ домѣ, гдѣ онъ жилъ, и что она говорила что-то о фальшивомъ завѣщаніи Бѣляева, тогда уже обращается къ ней, чтобы она позволила призвать ее свидѣтельницей. Это торопливость, неумѣлость, если хотите; но тутъ нѣтъ ничего преступнаго. Изъ того, что Ижболдинъ далъ довѣренность какому-то еврею за двѣ тысячи рублей на половину наслѣдства, видно только, что онъ находился въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, а человѣку въ такихъ обстоятельствахъ двѣ тысячи рублей дороже, чѣмъ послѣ изъ 500,000 двѣсти пятьдесятъ тысячъ. Я думаю, гг. присяжные засѣдатели, что на васъ произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе въ этомъ отношеніи свидѣтель Шевелевъ, который два раза сюда являлся. Онъ былъ вызванъ, потому что написалъ Ижболдину письмо, такъ какъ служилъ въ конторѣ Мясникова. Здѣсь онъ говорилъ, что будто его подкупили, чтобы онъ написалъ письмо, и за это ему дали денегъ. Шевелевъ дѣйствительно могъ написать чего не зналъ: но то, что онъ написалъ, оправдывается показаніями другихъ свидѣтелей. Чѣмъ объяснить это дѣйствіе? На его показаніе я обращаю ваше серьезное вниманіе. Чѣмъ свидѣтель гарантируетъ васъ? Присягой, вѣрою, совѣстью, отвѣтственностью передъ закономъ и страшнымъ судомъ. Кто такой Шевелевъ? Бывшій отставной поручикъ, служилъ въ коммунѣ, приговоренъ къ смертной казни, а потомъ Версальскимъ судомъ—къ депортаціи. Вамъ извѣстно, что такое коммуна. Разбой, какого міръ не видалъ. Это было даже не крайнее либеральное движеніе, а разграбленіе. Въ Парижѣ выступили на сцену всѣ сатанинскіе элементы, всѣ противообщественныя силы, которыя задумали воспользоваться растроеннымъ положеніемъ Франціи, чтобы все поставить на карту, на какой-то воровской вабанкъ. Нашъ Шевелевъ не послѣдній человѣкъ въ этомъ движеніи противъ религіи, собственности и общественнаго порядка. По выраженію одного государственнаго человѣка, еслибъ коммуна не была подавлена такъ скоро, въ самомъ началѣ, и еслибъ ее накрыть колпакомъ и оставить въ покоѣ, то черезъ годъ члены ея, какъ

свиньи, другъ друга переѣли бы. Но обращаюсь опять къ Шевелеву. Станете ли вы вѣрить совѣсти его, когда онъ самъ сказалъ насчетъ совѣсти, что цѣль оправдываетъ средства? Онъ, между прочимъ, знакомъ съ Нечаевымъ; а намъ извѣстна теорія Нечаева насчетъ совѣсти. Такимъ образомъ, совѣсть его ничего не гарантируетъ. Есть еще страхъ отвѣтственности; но у него такъ много грѣховъ передъ закономъ, что едва ли есть серьезная опасность дать лживое показаніе. Отвѣтственность передъ страшнымъ судомъ? Не думаю, чтобы защита сказала, что Шевелевъ такихъ убѣжденій, что можетъ остановиться передъ этою отвѣтственностью. Укажу еще одну причину къ недовѣрію. Есть ложь капитальная въ его показаніи. Онъ говоритъ, что далъ письмо въ октябрѣ, а 4-го апрѣля не могъ дать. Вспомните, какой это день—день покушенія на жизнь Государя Императора. Его спросилъ г. прокуроръ: «При чемъ же тутъ 4-ое апрѣля? Здѣсь это не мѣшало написать письмо?» Онъ отвѣчалъ: «Это былъ день овацій; я ходилъ на площадь». Этотъ-то Шевелевъ, который былъ въ коммунѣ, ходилъ на площадь! Зачѣмъ онъ теперь измѣнилъ показаніе? Помните, онъ сказалъ тогда, что подписалъ бумагу, которая лжива, чтобъ достать денегъ. Я его спросилъ: какое теперь ваше положеніе? Онъ понялъ намекъ, что его положеніе можетъ быть такое же теперь, и отвѣчалъ: «Я герметически закупоренъ въ ожиданіи чего-нибудь». Кто знаетъ, отъ кого ему больше ожидать? Безъ сомнѣнія, отъ Мясниковыхъ. Но я думаю, что эта причина дѣйствительно ничтожная; а вотъ что важно: это человѣкъ противообщественный. Что для него судъ, судьи, вы—народъ, осужденный къ истребленію. Онъ пріѣхалъ и насмѣялся надъ нами; „они ожидали меня, предполагали, какое я буду давать показаніе, какихъ лицъ изобличу; такъ вотъ же вамъ: нѣтъ, неправда, не знаю ничего“. Онъ не сказалъ, что ему далъ деньги Ижболдинъ, а сказалъ, что ему далъ деньги Сысоевъ, человѣкъ довольно извѣстный многимъ изъ насъ; присяжный стряпчій. Сысоевъ положительно сказалъ, что не давалъ ему денегъ. Затѣмъ, Шевелевъ сказалъ, что послѣ того пріѣзжалъ и деньги отдалъ. Отчего же онъ не потребовалъ письма? Да они обѣщали. Онъ отдалъ деньги?! Совер-

шенно не по теоріи. Еслибъ онъ хотѣлъ уничтожить письмо, то онъ могъ бы отовсюду написать, что заявленіе написано имъ подъ диктовку, ложно, и потребовать письмо. Вотъ каковъ этотъ человѣкъ, который могъ занять васъ нѣкоторое время! Эти лица заставляютъ чувствовать вмѣстѣ и содроганіе, и смѣхъ, когда глядишь на нихъ; но это впечатлѣніе любопытства, и я не думаю, чтобъ оно оставило въ васъ серьезные слѣды. Я опускаю показанія другихъ свидѣтелей на слѣдующемъ основаніи: я сказалъ, что положу въ основаніе обвиненія вѣроятность и сознаніе, и при этомъ всѣ показанія свидѣтелей, всѣ обстоятельства дѣлъ, являются очень простыми. Если какое показаніе подходитъ къ этой рамкѣ, значитъ оно вѣрно; защита станетъ утверждать, что нѣтъ, они не вѣрны; пускай они отпадаютъ, а сердцевина все-таки остается.

Мнѣ остается вамъ сказать еще нѣсколько словъ объ исторіи этого преступленія и его открытіи. Вы можете себѣ представить, что преступленіе содѣяно людьми тонкими, такъ что роли хорошо раздѣлены. Откуда же вдругъ являются слухи? Какимъ образомъ это могло произойти, когда даже роли систематически раздѣлены? Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, заимствованныхъ отъ одного историка, весьма замѣтнаго, какъ психолога. Фактъ почти всѣмъ извѣстный: если вы потрудитесь припомнить, что нѣтъ такого событія, въ особенности переворота, какъ бы онъ ни былъ тайно задуманъ, чтобъ о немъ не говорилъ народъ за два дня. Мнѣ разсказывалъ старый кавказскій генералъ, когда бывало назначатъ экспедицію въ строжайшей тайнѣ, всѣ начальники молчатъ, а за два дня кашевары знаютъ уже, что будетъ экспедиція. Я представлю примѣръ изъ послѣдней исторіи Франціи. Когда Карлъ X задумалъ отставить либеральныхъ министровъ и произвести перемѣны въ духѣ ретроградномъ, онъ никому не говорилъ объ этомъ до минуты отставки министровъ; но за три дня уже весь Парижъ говорилъ объ этомъ. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Человѣкъ, у котораго есть рѣшимость на большое дѣло, какъ бы онъ ни былъ сосредоточенъ, можетъ и не сказать никому, но всѣ какъ-то чувствуютъ, что у него что-то особенное на умѣ: не въ обыкно-

венное время завтракаетъ, не на тѣ предметы обращаетъ вниманіе, задумавшись какъ-нибудь броситъ взглядъ на оружіе, швырнетъ книгою. Изъ мимолетныхъ явленій и выносятъ окружающіе такое впечатлѣніе: что-то задумано. Вглядѣвшись въ личность, опредѣляютъ, въ какомъ духѣ она должна дѣйствовать. Точно то же видно въ явленіяхъ частной жизни. Не было завѣщанія. Что же начинаютъ дѣлать? Очищать кабинетъ. Целебровскій ходитъ; Караганова призывается. Вотъ и пошли слухи, какъ объяснилъ одинъ умершій свидѣтель—Шмелевъ. Въ Мясниковѣ проглядываетъ рѣшимость во всемъ, и вдругъ является завѣщаніе. Тогда всѣ говорятъ: «вотъ что затѣвалось». Все было сдѣлано тонко, никто не говорилъ; но изъ ходовъ, переходовъ, шептанья и замиранья выходило, что нѣчто затѣвается. Такимъ образомъ становится понятнымъ, почему вдругъ заговорили о подложности завѣщанія. Послѣ могли быть прикрасы, чудовищныя даже; но мы видимъ, что вездѣ—и въ домѣ Бѣляева, и въ домѣ Мясниковыхъ—говорятъ объ этомъ. Вы знаете, что Китаевъ слышалъ, Іонинъ слышалъ объ этомъ; наконецъ слухъ проникъ и въ Витебскую губернію, гдѣ одинъ изъ Мясниковыхъ имѣетъ заводъ. Что-то пронеслось въ самомъ воздухѣ. Изъ обвинительнаго акта видно, какъ Обольянинова, бывшая въ связи съ А. Мясниковымъ....

Предсѣдательствующій. Г. повѣренный гражданскихъ истцовъ, прошу васъ не ссылаться на то, что не было предметомъ судебнаго слѣдствія.

Г. Лохвицкій. Я ссылаюсь на обвинительный актъ...

Предсѣдательствующій. Обвинительный актъ подлежитъ провѣркѣ на слѣдствіи; здѣсь же жена Караганова отказалась дать показаніе.

Г. Лохвицкій. Оставляю это. Итакъ, вотъ какъ возникъ слухъ. Послѣ прибавлено многое другое, что, вѣроятно, не существовало; но вы знаете поговорку: «даютъ взаймы только богатымъ». Разъ установилось, что преступленіе сдѣлалъ Мясниковъ, могли затѣмъ и прибавлять. Такова исторія открытія фальшиваго завѣщанія. Само собою должно было сдѣлаться такъ, что, когда пріѣхалъ Мясниковъ, онъ засталъ эти слухи; затѣмъ явился Ижболдинъ; прислуга ему разска-

зала, указывала на того, другого, третьяго. Начинается дѣло. Впрочемъ, до формальнаго слѣдствія прошло почти 10 лѣтъ; но слухи были собраны, и оказались достаточныя основанія, съ прибавкою открытыхъ слѣдствіемъ обстоятельствъ, къ преданію Мясниковыхъ суду.

Обращая вниманіе на мотивы, по которымъ дѣйствовалъ Мясниковъ, я уже объяснилъ, гг. присяжные засѣдатели, что, конечно, весьма хорошая вещь знать мотивы всего; но собственно для обвиненія, особенно со стороны гражданскихъ истцовъ, этого не нужно. Какое намъ дѣло до того, чѣмъ руководствовались Мясниковы? Вы слышали, что защита собираетъ какія-то цифры. Конечно, она хочетъ показать, что у Бѣляева было очень мало состоянія, такъ что не стоило дѣлать подложнаго завѣщанія. Припомните одну такого рода фразу Александра Мясникова на вопросъ о подложности сохранной росписки въ 272,000 руб. Онъ отвѣчалъ, что Мясниковы не дошли еще до того, чтобы дѣлать подлогъ за 272,000 рублей. Этой гордости, конечно, нельзя назвать римскою, потому что онъ не говорилъ, чтобы Мясниковы вообще были не способны къ подлогу: изъ его словъ только выходитъ, что 272,000 рублей, сравнительно съ ихъ капиталомъ, не такая значительная сумма, чтобы изъ-за нея стоило сдѣлать подлогъ. Слѣдовательно, можно думать, что вопросъ не въ этомъ: они могли вѣдь и ошибиться въ цифрѣ. Какое намъ дѣло до того, что у нихъ было на умѣ. Достаточно знать, что они сдѣлали преступленіе въ здравомъ разсудкѣ, такъ, что, повторяю, если мотивы, которые я указалъ, не понравятся, вы можете ихъ отбросить. Г. прокуроръ указывалъ на общія дѣла Бѣляева съ Мясниковыми. Я признаю вѣроятность всего этого, но думаю, что такъ далеко не нужно заходить, чтобы не оставить хвостовъ, за которые могла бы схватиться защита, чтобы отвлечь ваше вниманіе отъ кульминаціоннаго пункта, доказывая, будто все дѣло въ разсчетахъ. Вопросъ въ томъ, былъ ли интересъ? Былъ. Какой? Во-первыхъ, въ тѣхъ 272,000, цифрѣ весьма почтенной. Есть нѣкоторыя основанія думать, что эта росписка подложная. Положимъ, однако, что не подложная.

Можно сдѣлать много предположеній насчетъ этой росписки. Можетъ быть, Бѣляевъ уплатилъ по ней и получилъ ее обратно, а Мясниковъ опять взялъ въ числѣ бумагъ, которыя перетащилъ изъ кабинета Бѣляева. Но дѣло въ томъ, что Бѣляева сознавала, когда дѣлала поручительную надпись, что росписка незаконная. Въ прочитанномъ здѣсь прошеніи ея въ Управу Благочинія сказано, что росписка юридически неправильная, и такая, которая не подлежитъ исполненію. Я усматриваю изъ словъ одного защитника, что защита хочетъ представить, что прошеніе писала не она, а одинъ изъ повѣренныхъ, который и написалъ тѣ слова. Но дѣло въ томъ, что, когда писалось это прошеніе, росписки уже не существовало. Въ прошеніи сказано, что Мясниковъ показалъ ее Бѣляевой, потомъ изорвалъ. Почему повѣренный могъ написать, что Мясниковъ показалъ какую-то невѣдомую росписку, которая по формѣ и содержанію незаконна? Потому что она ему сообщила содержаніе росписки. Итакъ, у Мясниковыхъ были росписки, которыя могли ничего не значить; если онѣ были подложныя—тѣмъ хуже. Я не останавливаюсь на этомъ предположеніи и перехожу къ тому обстоятельству, что Мясниковъ сообщилъ, что говорилъ Бѣляевой о сохранной роспискѣ еще при жизни ея мужа. Но тутъ Бѣляева осадила его, сказавъ, что ничего подобнаго не слышала. Сверхъ того я полагаю, что еслибъ явились другіе наслѣдники, то Мясниковы не получили бы ничего по сохранной роспискѣ, такъ какъ она не соотвѣтствовала требованіямъ закона; къ тому же, такъ какъ они забрали всѣ бумаги изъ кабинета Бѣляева, то могли сказать, что они взяли и эту росписку оттуда. Итакъ, 272,000 рублей. Вотъ что составляетъ первый мотивъ. Весьма вѣроятно, что были и другія побужденія, напримѣръ: участіе Мясниковыхъ съ Бѣляевымъ въ откупахъ. Сверхъ того они вѣдь забрали бумаги Бѣляева. Въ числѣ бумагъ могли быть многія важныя для нихъ, изъ которыхъ они могли извлечь серьезную пользу, если только эти бумаги касались исковыхъ дѣлъ. Наконецъ, развѣ не могли наслѣдники заявить, что въ числѣ бумагъ взяты и такія-то цѣнности? Это одно, не говоря объ откупахъ и сохранной роспискѣ, со-

ставляло весьма солидный интересъ, который могли преслѣдовать Мясниковы въ этомъ преступленіи.

Теперь, гг. присяжные засѣдатели, я позволю себѣ представить вамъ, на основаніи того, что я сказалъ, картину того, какъ двигалось это преступленіе. Я сказалъ, что логика доказываетъ, что завѣщанія не было. Мясниковы вывезли изъ кабинета Бѣляева всѣ бумаги къ себѣ; можетъ быть, нашли тутъ сохранную росписку, и имъ пришло въ голову второй разъ получить деньги по этой роспискѣ; можетъ быть у нихъ была росписка, по которой они, конечно, желали получить деньги. Вотъ они составляютъ завѣщаніе. Посмотримъ, какъ они дѣйствовали, когда умеръ Бѣляевъ. Онъ былъ купецъ; жена его, по происхожденію дворянка, родственница Мясниковымъ. Въ ихъ жилахъ течетъ дворянская кровь по матери—родной сестрѣ Бѣляевой. Извѣстно, что дворянки, въ особенности вышедшія замужъ за купцовъ, любятъ охранять свое дворянское достоинство. Бѣляева особенно любила Мясниковыхъ, а родни мужа, напримѣръ его сестру, даже на глаза не пускала. Поэтому, хотя бы у ней были 4 милліона, она ихъ отдала бы скорѣе Мясниковымъ, а не Мартьяновой, у которой нѣтъ башмаковъ! Это довольно общая черта. Вотъ Мясниковъ и говоритъ ей: «Вмѣсто того, чтобы имѣніе досталось Богъ знаетъ кому, передайте его намъ». У нея дѣтей нѣтъ; она соглашается довольно легко, чтобъ имѣніе осталось въ дворянскомъ родѣ. Здѣсь Бѣляева сказала вамъ, что не считала сохранной росписки юридически законною, но по долгу чести хотѣла заплатить по ней деньги, даже изъ своего имѣнія. Не думаю, чтобъ дѣло могло заходить такъ далеко, чтобъ она рѣшилась поступиться своимъ имѣніемъ. Тогда еще Бѣляева не узнала, каково состояніе, оставленное мужемъ. Почему она узнала, что росписка не уплачена, или что состояніе Бѣляева таково, что осталось довольно для уплаты? Платить изъ своего имѣнія этотъ долгъ—это уже черезчуръ сильно! Посмотримъ теперь, какъ дѣйствовалъ Мясниковъ. Онъ, по его словамъ, получаетъ завѣщаніе для представленія къ утвержденію, и требуетъ, чтобъ Бѣляева подписалась на роспискѣ поручительницею, потому что онъ могъ думать, когда будетъ

утверждено завѣщаніе, что она ничего не дастъ и еще будетъ искать съ нихъ за то, что они шарили въ кабинетѣ ея мужа. Когда поручительство на роспискѣ есть и завѣщаніе утверждено, онъ обращается къ Бѣляевой и предлагаетъ ей отдать имъ свое имѣніе: «вотъ сохранная росписка, еще дадимъ 120,000 р.; а вы отдайте намъ имѣніе; оно больше не стоитъ». Еще прошу васъ обратить вниманіе на то, что, когда здѣсь говорилось о сохранной роспискѣ, обнаружилось, что она была выдана двумъ братьямъ, Александру и Ивану Мясниковымъ, что въ поручительной надписи Бѣляевой было сказано не то, что она поручилась послѣ смерти мужа, а употреблено выраженіе: «росписка выдана съ участіемъ въ томъ моимъ». Александръ Мясниковъ, какъ видно изъ ея показанія, когда она передала ему все состояніе, эту росписку разорвалъ, потому что она съиграла свою роль, ее оставлять на свѣтѣ не слѣдовало; нельзя было ни хранить у себя, ни отдать въ руки Бѣляевой, чтобъ она при ссорѣ не показала кому-нибудь этой росписки. Такъ я понимаю тотъ путь, которымъ двигалось преступленіе. Оно, какъ мнѣ кажется, доказано до очевидности, осуществилось, было обдумано хладнокровно, не безъ искусства, но разсчитано на прежніе судебные порядки. Полководецъ, составившій этотъ планъ, привыкъ сражаться при прежнихъ судебныхъ порядкахъ, и тогда онъ непремѣнно бы выигралъ сраженіе, и въ искѣ отказали бы. Дѣйствительно, девять лѣтъ не назначалось слѣдствія, и только съ открытіемъ настоящихъ судебныхъ установленій оно могло быть начато. Такъ какъ я предъявляю искъ къ обоимъ братьямъ Мясниковымъ, обвиняю ихъ обоихъ, то я долженъ замѣтить, что до сихъ поръ я говорилъ объ одномъ Александрѣ Мясниковѣ. Но не только по моей обязанности, въ силу той довѣренности, которую я имѣю въ интересахъ довѣрителей, но и по совѣсти, я долженъ преслѣдовать обоихъ братьевъ. Я думаю, что было бы несправедливо, еслибъ человѣкъ болѣе искусный ускользалъ отъ отвѣтственности и оставался виновнымъ только менѣе искусный. Иванъ Мясниковъ, по моему мнѣнію, виновенъ даже болѣе.

Росписка написана на имя обоихъ, и даже Бѣляева гово-

ритъ, что должна была выдать, до ввода во владѣніе, довѣренность на управленіе имѣніемъ тому изъ братьевъ, кого они выберутъ, по взаимному соглашенію. Слѣдовательно, Иванъ Мясниковъ не игралъ пассивной роли. Изъ письма баронессы Притвицъ, его сестры, видно, что въ семейныхъ разсчетахъ онъ, какъ будто, главное лицо. Къ нему, напримѣръ, обращались съ вопросомъ: «Почему не доставляетъ Бѣляевъ, который былъ попечителемъ, денегъ?» Я опять употребляю логическій пріемъ, который употребилъ сначала. Ивана Мясникова, не смотря на то, что я говорилъ, вы можете не признать виновнымъ въ томъ случаѣ, если признаете, что Александръ Мясниковъ былъ героемъ въ преступленіи, выдумалъ его и совершилъ, принимая всю отвѣтственность на себя, и что брата онъ такъ холилъ, лелѣялъ, чтобъ ничего не дохнуло на него. Но такой выводъ весьма далекъ отъ истины. Если бы вы пришли къ заключенію, что Иванъ Мясниковъ такъ неразвитъ, что изъ всего окружающаго не могъ понять, что совершается преступленіе, то вы должны оправдать его; если же вы составили себѣ о немъ другое мнѣніе, то должны придти къ заключенію, что въ настоящемъ преступленіи одинъ—рука, а другой—голова.

Въ заключеніе, гг. присяжные засѣдатели, послѣ того, что говорилъ г. прокуроръ, мнѣ остается прибавить только одно: что защита васъ будетъ отвлекать въ лѣсъ цифръ, разсчетовъ, различныхъ свидѣтельскихъ показаній, не имѣющихъ существеннаго значенія; на какомъ нибудь отдѣльномъ пунктѣ защита легко можетъ одержать побѣду. Но я бы просилъ объ одномъ: не увлекаться этимъ; съ прямой дороги не нужно сходить. Если только вы приняли то убѣжденіе, которое я развилъ, что логика доказываетъ, что завѣщаніе поддѣлано Мясниковыми, а не кѣмъ другимъ, тогда защита, если желаетъ сражаться серьезно, должна нападать на этотъ пунктъ. На немъ-то долженъ быть разрѣшенъ вопросъ.

Повѣренный гражд. истца пр. пов. Остряковъ, поддерживая искъ, высказалъ убѣжденіе, что завѣщаніе подложно, такъ какъ оно написано неровно, то разгонисто, то сжато, что указываетъ на то, что текстъ завѣщанія подгонялся къ подписи, очевидно, сдѣланной заранѣе; что оно составлено неформаль-

но, чего нельзя было бы ожидать отъ такого дѣлового человѣка, какъ Бѣляевъ; также текстъ завѣщанія отличенъ отъ записки Бѣляева, гдѣ онъ проэктируетъ свою духовную. Я заявилъ, что въ наукѣ не существуетъ такой формы умопомѣшательства, которая объясняла бы странности въ поведеніи Караганова. Состояніе Бѣляева состояло въ откупахъ и промыслахъ цѣнностью въ милліонъ рублей; у него былъ кромѣ того мебельный магазинъ, онъ участвовалъ въ золотыхъ пріискахъ. Все это говоритъ за то, что у Бѣляева было состояніе болѣе милліона. Затѣмъ, Остряковъ представляетъ удостовѣреніе изъ Сената о пропажѣ находившагося тамъ дѣла, гдѣ Бѣляевъ представлялъ залоги для торговъ по откупамъ.

Защитникъ Александра Мясникова присяжный повѣренный Арсеньевъ. Я долженъ прежде всего обратиться къ г. предсѣдателю съ просьбою позволить мнѣ исправить одно заявленіе, сдѣланное первымъ повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ. Хотя заявленіе это выходитъ изъ предѣловъ судебныхъ преній, такъ какъ касается предмета, который не былъ изслѣдованъ на судѣ, но въ виду равенства сторонъ, я считаю себя въ правѣ представить противъ него опроверженіе. Повѣренный гражданскаго истца утверждалъ, что слѣдствіе относительно Бѣляевой прекращено по давности; между тѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, слѣдствіе относительно Бѣляевой прекращено Судебною Палатою по двумъ причинамъ: по давности и по недостаточности уликъ.

Предсѣдатель. Дѣйствительно; со стороны повѣреннаго гражданскаго истца, сколько я помню въ настоящее время, сдѣлано было заявленіе о томъ, что слѣдствіе въ отношеніи Бѣляевой прекращено за давностью, и подобное заявленіе, какъ совершенно правильно замѣтилъ защитникъ, выходило изъ предѣловъ судебныхъ преній, которыя должны ограничиваться только тѣмъ, что было разъяснено на судѣ. Затѣмъ, въ имѣющемся при дѣлѣ опредѣленіи Судебной Палаты отъ 29-го ноября 1871 г. значится, что дѣло, относительно Бѣляевой, привлеченной къ нему въ качествѣ обвиняемой, прекращено, но по какимъ причинамъ—на это указанія не имѣется. Слѣдовательно, заявленіе повѣреннаго гражданска-

го истца о томъ, что слѣдствіе прекращено за давностью, никѣмъ въ этомъ опредѣленіи не удостовѣряется.

Г. Арсеньевъ. Я долженъ обратить вниманіе еще на одно заявленіе повѣреннаго гражданскаго истца. Въ дѣлѣ, подобномъ настоящему, и безъ того запутанномъ и трудномъ, мы должны избѣгать всего, что напрасно усложняетъ дѣло, и я никогда не позволилъ бы себѣ говорить о тѣхъ личныхъ взглядахъ и чувствахъ, съ которыми я взялся за защиту А. Мясникова, еслибы повѣренный гражданскаго истца не началъ свою рѣчь съ того, что защитѣ позволительно приниматься за дѣло, когда есть сомнѣніе, но обвиненіе—а повѣренный гражданскаго истца держалъ себя все время какъ обвинитель—должно быть принято только съ полнымъ убѣжденіемъ. Я смотрю совершенно иначе на этотъ вопросъ; но, не вдаваясь въ подробный разборъ его, я постараюсь только передать вамъ, гг. присяжные, мое убѣжденіе въ правотѣ этого дѣла, и если мнѣ это удастся, то задача моя будетъ исполнена. Я весьма благодаренъ г. представителю обвинительной власти за то, что онъ, по возможности, упростилъ дѣло, устранивъ бездну подробностей, вовсе не ведущихъ къ раскрытію истины. Еслибы пренія вращались въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ происходило судебное слѣдствіе, то, и безъ того утомительныя и продолжительныя, они сдѣлались бы безконечными. Я буду держаться совершенно той же системы, которая принята обвинительною властью, и постараюсь устранить всю массу разнообразныхъ и разнорѣчивыхъ свѣдѣній, не имѣющихъ ровно никакого значенія для настоящаго дѣла; я буду касаться ея лишь на столько, на сколько къ тому меня вынуждаетъ рѣчь перваго повѣреннаго гражданскихъ истцовъ. Если бы я хотѣлъ держаться другой системы защиты, еслибы вообще у защитника, сознающаго свое достоинство, могло быть когда нибудь желаніе—по выраженію одного изъ моихъ противниковъ—поддѣвать васъ на удочку, гг. присяжные засѣдатели, то, конечно, мнѣ выгоднѣе бы было говорить о томъ, что не идетъ прямо къ дѣлу, потому что въ этой массѣ ненужныхъ данныхъ есть свидѣтельства болѣе благопріятныя для защиты, чѣмъ для обвиненія; но я согласенъ идти тѣмъ путемъ, который указанъ г. прокуро-

ромъ. Прежде всего надо замѣтить, что оба противника мои впадаютъ въ одно противорѣчіе съ самими собою: они говорятъ, что нужно забыть обо всѣхъ тѣхъ свидѣтеляхъ, показанія которыхъ, очевидно, невѣрны и вызваны своекорыстными побужденіями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ тотъ, такъ и другой, чрезвычайно много говорятъ объ одномъ изъ этихъ показаній, или лучше сказать, объ одной изъ личностей, дававшихъ эти показанія, а именно о Шевелевѣ. Вы, конечно, замѣтили въ этихъ объясненіяхъ какое-то странное противорѣчіе. Одно изъ двухъ: или Шевелевъ вовсе не заслуживаетъ вниманія—и въ такомъ случаѣ его надо оставить въ сторонѣ; или же показаніе его имѣетъ существенное значеніе—и въ такомъ случаѣ необходимо дать себѣ отчетъ, въ чемъ это значеніе заключается. И дѣйствительно, если я сказалъ въ началѣ своей рѣчи, что мы должны быть благодарны обвиненію за упрощеніе дѣла, то я долженъ оговориться и прибавить, что мы должны быть еще болѣе благодарны за это Шевелеву. Не будь его объясненій, которыя такъ ясно и рельефно обрисовали характеръ цѣлой категоріи свидѣтельскихъ показаній, намъ говорили бы очень много о показаніяхъ Красильникова, Штеммера и другихъ, которыхъ я даже и называть не стану. Вотъ почему, гг. присяжные, мои противники такъ горячо стараются унизить передъ вами личность Шевелева; вотъ почему г. прокуроръ сравниваетъ его съ Ноздревымъ, а повѣренный гражданскаго истца возбуждаетъ интересный вопросъ о томъ, религіозенъ ли Шевелевъ, вѣритъ-ли онъ въ присягу, и выводитъ на сцену коммуну и ея разбойническіе планы. Я, конечно, не беру на себя защиту Шевелева; человѣкъ, способный сдѣлать то, что сдѣлалъ Шевелевъ осенью 1866 г., защищаемъ быть не можетъ; я не могу только не указать на одну особенность его показанія, повлекшую за собою, можно сказать, цѣлый рядъ разоблаченій. Еслибъ онъ показывалъ одинъ, еслибы не былъ спрошенъ никто болѣе, тогда вы могли бы отнестись къ нему съ большимъ или меньшимъ недовѣріемъ, но послѣ Шевелева былъ спрошенъ свидѣтель Ижболдинъ. Я не стану напоминать сущности показанія этого свидѣтеля, ни перечислять тѣхъ противорѣчій, въ которыя онъ впалъ даже съ

своимъ повѣреннымъ Сысоевымъ; но я напомню его смущеніе, тонъ его объясненій, совершенно отличный отъ тона, въ которомъ онъ давалъ свое показаніе. Слѣдовательно, показаніе Шевелева драгоцѣнно въ томъ отношеніи, что оно раскрыло весьма важную часть дѣла. Если бы, напримѣръ, мы имѣли одно только показаніе Исаева, оно могло бы намъ казаться черезчуръ страннымъ: человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, занимавшій должность слѣдственнаго пристава, является къ судебному слѣдователю, потомъ приноситъ присягу передъ Судомъ, и два раза сознается въ томъ, что написалъ за деньги письмо, въ которомъ нѣтъ ни одного слова правды. Между тѣмъ, въ связи съ показаніемъ Шевелева, показаніе Исаева пріобрѣтаетъ весьма большое значеніе. Вы помните содержаніе того письма, за которое Шевелевъ получилъ награду въ настоящемъ и награду въ будущемъ, т. е. условіе, которое онъ заключилъ съ Ижболдинымъ. Въ письмѣ этомъ Шевелевъ говорилъ, что Мясниковъ просилъ его подписаться на завѣщаніи. Представляется ли это письмо, отдѣльно стоящимъ, въ этомъ дѣлѣ? Нѣтъ, объ этомъ же показывалъ Матвѣевъ, а по словамъ Ижболдина, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, слышалъ отъ Кемпе, что и его просили подписаться на завѣщаніи; затѣмъ, письмо Исаева опять касается того же вопроса, говоритъ объ офицерѣ, прізжавшемъ просить Исаева подписаться на завѣщаніи Бѣляева. Такимъ образомъ, мы видимъ цѣлый рядъ показаній, направленныхъ къ тому, чтобы показать, что Мясниковы обращались ко всѣмъ и каждому съ просьбою подписаться на завѣщаніи и только тогда, когда Шевелевъ далъ свое показаніе и когда вы послѣ него выслушали Ижболдина, сдѣлалось невозможнымъ опираться на эти показанія— они пали съ тѣмъ, чтобы никогда не подниматься.

Конечно, гг. присяжные, самое правое дѣло можно вести неправыми средствами; я не могу не признать этого, и центръ тяжести защиты долженъ лежать не въ этихъ показаніяхъ, съ которыми я сейчасъ и разстанусь, но нельзя не сознаться, что если кто нибудь приступаетъ къ дѣлу съ увѣренностію въ томъ, что на его сторонѣ законъ, истина и справедливость, то въ большей части случаевъ онъ къ такимъ средствамъ прибѣгать не станетъ, въ особенности тогда, когда

предъ нимъ открывается полная свобода и широкое поле для изслѣдованія истины. Еслибъ Ижболдинъ прибѣгалъ къ неправымъ средствамъ въ то время, когда дѣйствовали въ судахъ старые порядки, когда трудно было выиграть дѣло при извѣстныхъ условіяхъ, тогда, не оправдывая его, можно бы было понять его образъ дѣйствій, но припомните, когда онъ сталъ прибѣгать къ письмамъ Шевелева, Исаева и другимъ подобнымъ средствамъ; въ концѣ 1866 г, когда въ Петербургѣ были введены въ дѣйствіе Судебные Уставы, и когда отъ него зависило нѣсколько раньше подать ту жалобу прокурору, которая въ 1868 г. послужила исходною точкою для начатія предварительнаго слѣдствія. Когда вы имѣете предъ собою лицо, идущее такимъ путемъ, въ такое время, тогда конечно, должно закрасться нѣкоторое сомнѣніе въ правотѣ самаго дѣла, и по средствамъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о цѣли. Вотъ почему мои противники съ такимъ необыкновеннымъ усердіемъ разбирали передъ вами показаніе Шевелева.

Я перехожу теперь къ тремъ вопросамъ, которые постановлены обвинительною властью, но буду разбирать ихъ въ нѣсколько измѣненномъ порядкѣ: обвинительная власть говорила сначала о подложности завѣщанія, потомъ перешла къ участію, которое принималъ въ этомъ дѣлѣ Караганов и, наконецъ, поставивъ вопросъ о томъ, кто имѣлъ выгоду въ составленіи завѣщанія, рѣшила этотъ вопросъ противъ Мясниковыхъ. Я поставлю второй вопросъ на мѣсто перваго, и начну съ показанія Караганова, потому что оно только одно имѣетъ значеніе прямой улики, одно только можетъ поселить въ васъ предположеніе о подложности завѣщанія не путемъ догадокъ и болѣе или менѣе произвольныхъ соображеній, а путемъ факта, который былъ передъ вами засвидѣтельствованъ. Затѣмъ, я перейду къ подложности завѣщанія вообще, ко всѣмъ тѣмъ соображеніямъ, которыя представлены вамъ по этому предмету, и, наконецъ, къ третьему, самому главному вопросу—о томъ, кто имѣлъ интересъ въ составленіи завѣщанія, причемъ я вполнѣ согласенъ съ обвинительною властью, и не согласенъ съ однимъ изъ представителей гражданскихъ истцовъ въ томъ, что во-

просъ о состояніи Бѣляева имѣетъ существенное значеніе въ настоящемъ дѣлѣ. Вотъ краткая программа, которую я счелъ нужнымъ изложить передъ вами.

Обвинительная власть, какъ вы могли замѣтить, придаетъ весьма большое значеніе показанію Караганова, данному на предварительномъ слѣдствіи и здѣсь, на судѣ, передъ вами. Для того, чтобы опредѣлить значеніе этого показанія, намъ нужно изслѣдовать его съ двухъ различныхъ сторонъ: намъ нужно разсмотрѣть внутреннее его содержаніе, и, затѣмъ, обратить вниманіе на человѣка, дающаго это показаніе, какъ въ тотъ моментъ, когда онъ является передъ вами, такъ и въ продолженіе всей его предыдущей жизни, игравшей такую большую роль въ рѣчи г. прокурора. Въ показаніи Караганова, взятомъ независимо отъ его личности, конечно, нѣтъ ничего точнаго, твердаго, яснаго; для того, чтобъ извлечь изъ него что нибудь, имѣющее опредѣленный смыслъ, необходимо произвести надъ нимъ цѣлый рядъ предварительныхъ операцій, устранить все лишнее, и съ большимъ трудомъ возстановить факты, идущіе къ дѣлу. Подсудимый Карагановъ показывалъ передъ вами, что въ день смерти Бѣляева, по предложенію А. Мясникова, въ его кабинетѣ, онъ написалъ нѣсколько разъ на бѣлыхъ листахъ слова «Козьма Бѣляевъ». Спрошенный, затѣмъ, зналъ-ли онъ, для чего это дѣлается, Карагановъ давалъ сбивчивые противорѣчивые отвѣты, и то признавалъ, то не признавалъ отношенія этихъ подписей къ завѣщанію Бѣляева. Ему предъявили завѣщаніе, его спросили, на томъ ли листѣ онъ сдѣлалъ подпись, на которомъ она находится на завѣщаніи. Я полагаю, что болѣе правильнымъ было бы сдѣлать то, чего не было сдѣлано ни на судѣ, ни на предварительномъ слѣдствіи, а именно, предложить Караганову показать мѣсто подписи на бѣломъ листѣ бумаги. Карагановъ говоритъ: «да, кажется, подпись была на этомъ мѣстѣ». Возможно ли, чтобы черезъ 14 лѣтъ человѣкъ, который не помнитъ на какомъ листѣ онъ подписался—на простомъ или гербовомъ, могъ припомнить и объяснить вполнѣ правильно то мѣсто, на которомъ стояла одна изъ его подписей, такъ какъ ихъ сдѣлано было нѣсколько. Далѣе, гдѣ же доказательства тому,

что подпись Караганова, сдѣланная имъ на бѣломъ листѣ бумаги, есть именно та самая, которую вы видѣли на завѣщаніи? Вы припомните, что одинъ изъ свидѣтелей, Красильниковъ, говорилъ, что было много документовъ съ подложными подписями Бѣляева. У васъ есть одинъ только поводъ предполагать, что подпись на завѣщаніи сдѣлана Карагановымъ—это сличеніе почерка, мнѣніе экспертовъ, которые сказали, что Караганов, по свойству своего почерка, могъ подписаться такъ, какъ подписано завѣщаніе. Но, я думаю, вы не забыли тѣхъ пробныхъ подписей, которыя предъявлялись вамъ, и, вѣроятно, убѣдились, что ни одна изъ этихъ подписей никакого сходства съ подписью Бѣляева на завѣщаніи не имѣетъ; слѣдовательно, мнѣніе экспертовъ подрывается въ самомъ основаніи. Для того, чтобы доказать вѣроятность того, что подпись на завѣщаніи сдѣлана Карагановымъ, нужно доказать, по крайней мѣрѣ, что онъ способенъ сдѣлать подобную подпись, а этого доказано совершенно не было. Наконецъ, на какомъ основаніи Мясниковъ обращается съ просьбою сдѣлать фальшивую подпись, именно, къ Караганову? Развѣ онъ слылъ уже за человѣка, умѣющаго подписываться подъ чужую руку? Но я думаю, что такого человѣка ни на одну минуту не оставили бы ни въ одной конторѣ, потому что онъ представлялся бы крайне опаснымъ. Не странно ли затѣмъ, что въ самый день смерти Бѣляева, въ то время, когда не было еще никакого основанія предполагать, что завѣщанія не осталось, въ то время, когда сама Бѣлява, если и допустить, что Мясниковы тотчасъ же спросили ее о существованіи завѣщанія, не могла дать имъ объ этомъ удовлетворительнаго отвѣта; когда они могли думать, что завѣщаніе хранится въ томъ или другомъ присутственномъ мѣстѣ, или отдано на сохраненіе тому или другому частному лицу, что въ это время Мясниковъ прямо приступаетъ къ составленію фальшиваго завѣщанія и безъ всякой предосторожности, безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ, предлагаетъ Караганову содѣйствовать ему въ такомъ преступленіи, которое можетъ быть вовсе не нужно, но одно приготовленіе къ которому ставитъ уже хозяина въ зависимость отъ подчиненнаго? И какъ же объяснить себѣ,

что человѣкъ, никогда не дѣлавшій подложныхъ подписей, никогда не готовившійся къ этому дѣлу—человѣкъ, личность котораго устраняетъ всякое невыгодное для него предположеніе, тотчасъ же соглашается на преступное предложеніе и черезъ нѣсколько минутъ дѣлаетъ подпись на предложенномъ ему листѣ бумаги, подпись на столько похожую, что на ней можно было остановиться для достиженія цѣли? Вотъ, гг. присяжные, то, что бросается въ глаза по поводу самаго показанія Караганова, по поводу тѣхъ немногихъ словъ его, которыя имѣютъ прямое, непосредственное отношеніе къ дѣлу. Но само собою разумѣется, что гораздо важнѣе всего этого представляются соображенія, относящіяся къ личности подсудимаго. Прежде всего вамъ предстоитъ опредѣлить, кто передъ вами показываетъ: человѣкъ, пользующійся вполнѣ всѣми умственными способностями, сознающій каждое свое слово, отдающій себѣ отчетъ не только въ теперешнихъ дѣйствіяхъ, но и въ томъ, что онъ дѣлалъ 14 лѣтъ тому назадъ; человѣкъ, свободный отъ вліянія ложныхъ представленій, или же человѣкъ, способности котораго находятся въ состояніи не вполнѣ нормальномъ? Когда вы себѣ поставите этотъ вопросъ, то, вы, безъ сомнѣнія, увидите, что того третьяго вывода, о которомъ говорилъ г. прокуроръ при допросѣ г. Дюкова и о которомъ онъ упомянулъ въ своей рѣчи, здѣсь быть не можетъ. Вопросъ допускаетъ только два разрѣшенія: или Карагановъ притворяется, или онъ находится въ ненормальномъ состояніи. Тотъ третій выводъ, о которомъ упомянулъ г. прокуроръ, не имѣетъ самостоятельнаго значенія; онъ вполнѣ совпадаетъ съ разрѣшеніемъ вопроса въ смыслѣ притворства. Какъ въ самомъ дѣлѣ формулированъ этотъ выводъ? «Нельзя ли предположить, что показанія, которыя давалъ Карагановъ, объясняются, съ одной стороны забывчивостію, съ другой стороны, желаніемъ оправдать себя, показать, что онъ былъ всегда вѣрнымъ слугой своихъ хозяевъ»? Но вѣдь это есть ничто иное, какъ притворство. Когда человѣкъ имѣетъ извѣстную цѣль, къ которой онъ подгоняетъ свои показанія, когда онъ для достиженія ея не отвѣчаетъ на одни вопросы, отвѣчаетъ безсмысленно на другіе, тогда онъ притворяется. Прежде чѣмъ пойти

далѣе, я долженъ предостеречъ васъ, гг. присяжные, по поводу одного обстоятельства. Вопросъ о притворствѣ Караганова долженъ быть разрѣшенъ только на основаніи всего того, что вы слышали и видѣли на судѣ; если даже экспертиза въ этомъ отношеніи не можетъ имѣть для васъ окончательнаго значенія обязательной силы, потому что эта экспертиза не полная, данная однимъ лицомъ, которое, предварительно, за Карагановымъ не наблюдало, то еще менѣе можетъ имѣть значенія мнѣніе одного лица, какъ бы авторитетно оно ни было. Поэтому, я долженъ напомнить вамъ, что хотя Караганову въ теченіе судебнаго засѣданія и было говорено: «вы очень хорошо понимаете смыслъ вопросовъ, вамъ предлагаемыхъ, и отвѣтовъ, которые вы на нихъ даете»; но, тѣмъ не менѣе, личное мнѣніе, выразившееся въ этихъ словахъ, должно оставаться для васъ только личнымъ мнѣніемъ, не разрѣшающимъ вопроса, и для васъ вовсе не обязательнымъ. Затѣмъ, когда вы приступите къ вопросу о притворствѣ, вы спросите себя: какой интересъ имѣетъ Караганов притворяться? кто мѣшалъ Караганову, если онъ и дѣйствительно виновенъ, сказать передъ вами на судѣ, что онъ никогда не подписывался за Бѣляева? Вѣдь противъ Караганова по этому поводу нѣтъ никакихъ доказательствъ, никакихъ уликъ. Правда, были какіе-то слухи, что Караганов въ этомъ сознавался, что онъ съ кѣмъ-то совѣтывался, но эти слухи заключались въ показаніяхъ свидѣтелей, которые уже откинуты обвинительною властью и даже повѣренными гражданскихъ истцовъ, и къ которымъ возвращаться нечего. Слѣдовательно, остается только признаніе Караганова. Не будь этого признанія, не было бы и основаній къ его обвиненію. Когда человѣкъ поставленъ такимъ образомъ, что вмѣсто того, чтобы играть трудную роль человѣка, находящагося въ ненормальномъ состояніи, вмѣсто того, чтобъ въ теченіе пятидневнаго засѣданія носить на себѣ маску, не гораздо ли проще сказать: «нѣтъ, я не виновенъ»? Слѣдовательно, нѣтъ для Караганова основанія притворяться, а если основанія нѣтъ, то мы уже близко подошли къ этому выводу, что душевное состояніе Караганова не вполнѣ нормально. Г. экспертъ Дюковъ отвѣтилъ на мой вопросъ, что

готовъ признать состояніе Караганова ненормальнымъ, если только предположить, что онъ не притворяется; но г. Дюковъ поспѣшилъ оговориться, что изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобъ онъ былъ помѣшанъ, такъ какъ для признанія помѣшательства необходимо подъискать такую форму болѣзни, которой соотвѣтствовало бы состояніе подсудимаго, необходимо, чтобъ вся группа припадковъ, характеризующихъ состояніе Караганова, положительно совпадала съ группою припадковъ и признаковъ, характеризующихъ извѣстную форму помѣшательства. Быть можетъ, это необходимо для эксперта, дающаго свое заключеніе съ точки зрѣнія науки; но если спеціалистами признано, хотя условно, ненормальное состояніе Караганова, то намъ нѣтъ надобности подъискивать форму болѣзни, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала его состоянію; намъ совершенно достаточно сказать: этотъ человѣкъ не то, что каждый изъ насъ, этотъ человѣкъ не пользуется въ такой степени памятью, соображеніемъ, разсудкомъ, какъ каждый изъ насъ; поэтому, мы не имѣемъ права вѣрить ему такъ, какъ вѣрили бы другому, при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ. Я не стану напоминать вамъ самую форму показанія Караганова; вы, конечно, давно убѣдились, что въ этой формѣ заключается главное основаніе для предположенія, что Карагановъ не притворяется. Карагановъ вовсе не постоянно говоритъ несообразныя рѣчи; когда рѣчь идетъ не о немъ, когда разсматриваются такія доказательства, которыя никакого отношенія къ нему не имѣютъ, онъ молчитъ, онъ не навязывается вашему вниманію, не старается безпрестанно доказывать, что находится въ ненормальномъ состояніи; но, каждый разъ, когда дѣло касается его лично, когда къ нему обращаются съ вопросомъ, потокъ несвязныхъ словъ, всегда направленныхъ въ одну и ту же сторону, носящихъ одинъ и тотъ же колоритъ, тотчасъ же прорывается и идетъ по своей, давно пробитой колеѣ. Намъ, говорятъ, что онъ не всегда такъ держитъ себя, что въ присутствіи постороннихъ лицъ онъ говоритъ безсвязно, произноситъ отрывочныя слова, обращается къ однимъ и тѣмъ же предметамъ; но когда онъ остается наединѣ съ человѣкомъ, съумѣвшимъ

снискать его довѣріе, онъ является совершенно другимъ, онъ веселъ, играетъ на скрипкѣ и т. д. Я бы далъ этому значеніе, если бы Карагановъ былъ подвергнутъ правильному освидѣтельствованію, если бы его наблюдалъ врачъ-спеціалистъ, имѣющій право на названіе психіатра, если бы помѣщенъ былъ—какъ и была рѣчь объ этомъ, но, къ сожалѣнію, этого не было сдѣлано—на испытаніе въ какое-нибудь заведеніе для душевно-больныхъ. Я замѣчу по этому поводу, что вообще обязанности защиты начинаются, или, лучше сказать, права ея возникаютъ слишкомъ поздно; она призывается къ участію въ дѣлѣ за нѣсколько недѣль до судебнаго засѣданія, въ то время, когда уже невозможно настаивать на испытаніи. Все, что мы могли бы сдѣлать, это—вызвать еще нѣсколько экспертовъ; но припомните, что мы никогда не слыхали и не видали, какъ держитъ себя Карагановъ, поэтому поведеніе его на судѣ для насъ было новостью и мы едва ли могли что-нибудь сдѣлать раньше. Какъ бы то ни было, показаніе д-ра Баталина не будетъ имѣть въ вашихъ глазахъ рѣшительнаго значенія, и вы не признаете, что Карагановъ притворяется только потому, что въ присутствіи д-ра Баталина онъ велъ себя такъ, а въ присутствіи д-ровъ Шульца или Дюкова—иначе. Еслибъ Карагановъ притворялся обдуманно, то онъ хорошо понялъ бы, что лицо, посылаемое для постояннаго за нимъ наблюденія, есть именно то, которое всего важнѣе ввести въ обманъ; онъ хорошо понялъ бы, что вести себя такъ въ присутствіи этого лица и иначе въ присутствіи другихъ есть самое вѣрное средство раскрыть обманъ и дать противъ себя всѣ орудія, всѣ средства къ раскрытію истины. Итакъ, если допустить, что въ присутствіи д-ра Баталина Карагановъ былъ веселъ и спокоенъ, то и съ этой точки зрѣнія его притворство не доказано и должно быть отвергнуто. Вамъ говорятъ далѣе: «Положимъ, Карагановъ находится не въ нормальномъ состояніи; но кто же виноватъ въ этомъ? съ которыхъ поръ явилось это ненормальное состояніе»? Вамъ говорятъ, что до 1868 г., до того времени, когда началось первое предварительное слѣдствіе по настоящему дѣлу. Карагановъ ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ другихъ, что только послѣ

этого рокового момента въ его жизни онъ начинаетъ измѣняться, дѣлается страннымъ, буйнымъ, пьетъ горькую чашу и такимъ образомъ падаетъ все ниже и ниже до самаго заарестованія. Когда, гг. присяжные засѣдатели, дѣло идетъ о столь важномъ, существенномъ вопросѣ, тогда слѣдовало бы относиться нѣсколько осторожнѣе къ фактамъ самаго дѣла. Гдѣ доказательства тому, что переломъ въ Караганові произошелъ только послѣ 1868 года? Я полагаю, что никто не можетъ указать тому другихъ основаній, кромѣ показанія Алексѣя Бѣляева, который замѣтилъ, что когда Карагановъ былъ на Подгорномъ заводѣ въ 1867 г., то находился въ нормальномъ состояніи, а въ 1869 г. возвратился туда уже въ состояніи ненормальномъ. Но вы, вѣроятно, не забыли, что есть два письма, съ полною ясностью доказывающія, что этотъ переломъ—если только былъ переломъ, если болѣзнь не подготовлялась постепенно—совершился гораздо раньше: есть письмо отъ Добрынина изъ Ставрополя, относящееся къ марту 1868 года, въ которомъ Добрынинъ пишетъ, что здоровье Караганова плохо, что у него бываютъ припадки сильной меланхоліи, и при этомъ прибавляетъ очень характеристическую фразу: у него въ головѣ не все дома. Затѣмъ, въ іюнѣ того же года, за мѣсяцъ до начатія въ С.-Петербургѣ перваго предварительнаго слѣдствія, Кошельковъ пишетъ А. Мясникову, что если взысканіе не произведетъ должнаго впечатлѣнія на Караганова, то значитъ у него голова не совсѣмъ здорова. Слѣдовательно, и у Кошелькова является предположеніе, что Карагановъ въ ненормальномъ состояніи; стало быть, нельзя утверждать, что переломъ совершился только во время перваго предварительнаго слѣдствія. Затѣмъ, вамъ говорятъ—и это еще важнѣе—что Караганова спаивали; противъ Мясниковыхъ взводится, такимъ образомъ, обвиненіе, которое я считаю равносильнымъ и даже болѣе тяжкимъ, чѣмъ обвиненіе въ подлогѣ: ихъ обвиняютъ въ томъ, что они систематически спаивали Караганова, человѣка, пожертвовавшаго имъ всю жизнь, пострадавшаго для нихъ, спаивали его систематически для того, чтобы довести до состоянія безчувствія, заставить забыть все то, что опасно для нихъ. Такое обвиненіе, конечно, можетъ

быть представлено передъ вами не иначе, какъ на основаніи какихъ-нибудь неоспоримыхъ доказательствъ; гдѣ же, между тѣмъ, хотя одно такое доказательство? Можетъ быть обвинительная власть сошлется на показанія свидѣтелей о томъ, что Караганову отпускалось вино сверхъ жалованья? Но развѣ она забыла показанія Жукова, что этотъ обычай существовалъ на всѣхъ заводахъ, что всѣмъ служащимъ отпускалась извѣстная порція вина; наконецъ, если даже Карагановъ и пользовался бы виномъ въ большихъ размѣрахъ противъ другихъ, то гдѣ же доказательства, что это дѣлалось по распоряженію свыше? Если Карагановъ могъ брать иногда лишнюю порцію спирта, подъ предлогомъ производства пробы, то это объясняется вообще тою угодливостью, съ которой относились къ Караганову, по извѣстнымъ причинамъ, вслѣдствіе его женитьбы, другіе служащіе у Мясниковыхъ. Слѣдовательно, это обвиненіе ничѣмъ не доказано; а если оно ничѣмъ не доказано, то я не могу не пожалѣть, что оно предстало предъ вами въ особенности въ той формѣ, въ которой оно было выскавано.

Затѣмъ, необходимо прослѣдить жизнь Караганова съ того времени, когда онъ будто бы совершилъ преступленіе, и до того, когда былъ арестованъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ изложеніемъ фактовъ, далеко не точнымъ, не соотвѣтствующимъ настоящему положенію дѣла. Вамъ говорятъ, что Карагановъ вскорѣ послѣ подписанія завѣщанія является человѣкомъ состоятельнымъ, предлагаетъ Гонину вступить въ паи, предлагаетъ ему извѣстную сумму въ займы и, наконецъ, женится на женщинѣ, гораздо выше его поставленной, на оперной пѣвицѣ, бывшей знакомой А. Мясникова. На чемъ же основано предположеніе о томъ, что Карагановъ разбогатѣлъ прежде своей женитьбы? Оно основано только на показаніи Гонина; но я полагалъ, что показаніе Гонина отвергнуто обвинительною властью, причислено къ массѣ показаній ничего не стоющихъ, подлежащихъ устраненію. Я полагалъ и полагаю, что послѣ того какъ намъ сдѣлалось извѣстно объ отношеніяхъ Гонина къ Ижболдину, о тѣхъ векселяхъ, которые были выданы за полтора мѣсяца до начатія перваго предварительнаго слѣдствія, лучше было бы

не ссылаться на этого свидѣтеля. Итакъ, оставаясь послѣдовательнымъ, я имѣю право устранить Гонина. Затѣмъ, вамъ указываютъ на то, что мелкій приказчикъ женится на женщинѣ развитой и высокопоставленной. Но развѣ это можно сказать о Караганової? Вамъ не предъявлялись ея письма, но я полагаю, никто не станетъ отвергать, что это письма безграмотныя. Когда ей нужно было написать письмо болѣе сложное, она обращалась, какъ извѣстно, къ помощи постороннихъ лицъ и просила написать свидѣтеля Иванова за нее письмо къ А. Мясникову. Наконецъ, гг. присяжные засѣдатели, неужели вамъ неизвѣстно, что когда совершается бракъ этого рода, то, большею частію, избирается лицо, нѣсколько ниже стоящее въ соціальномъ положеніи, чѣмъ та женщина, которую хотятъ выдать за него? Очень не трудно понять, что въ подобныхъ случаяхъ не всякій согласится принять на себя извѣстную роль и что поэтому приходится обращаться къ лицу, которое, по своему общественному положенію, готово купить шагъ впередъ хотя бы такою цѣною. Въ большей части подобныхъ случаевъ бываетъ гораздо болѣе сильное отсутствіе равенства между женихомъ и невѣстою, нежели то, какое было въ данномъ случаѣ, или лучше сказать, въ данномъ случаѣ я этой разницы почти не вижу. Я думаю, что Караганов легко могъ жениться по любви, по привязанности, на что есть даже намеки въ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, г-жа Обольянинова не стояла настолько выше Караганова, чтобъ онъ могъ перешагнуть пропасть, лежавшую между ними, не иначе какъ съ помощію человѣка, заинтересованнаго въ его молчаніи, какимъ представляютъ вамъ А. Мясникова. Затѣмъ, гг. присяжные засѣдатели, какъ дѣйствуетъ Караганов въ отношеніи къ Мясникову? такъ ли, говоря словами прокурора, какъ преступный приказчикъ въ отношеніи къ преступному хозяину? Намъ говорятъ, что если Мясниковъ позволилъ сначала Караганову удалиться изъ Петербурга и жить гдѣ и какъ хочетъ, то это объясняется только тѣмъ, что Караганов въ то время былъ молодъ, полонъ жизни, надеждъ, что, слѣдовательно, его интересъ совпадалъ съ интересомъ Мясниковыхъ, что онъ долженъ былъ молчать какъ для нихъ, такъ

и для себя; но что затѣмъ, когда онъ обѣднѣлъ, когда онъ потерялъ почти все свое состояніе и принужденъ былъ обратиться къ Мясникову съ просьбою о помощи, тогда онъ сдѣлался опасенъ, тогда малѣйшаго повода достаточно было для того, чтобъ онъ разсказалъ истину, и тогда-то слѣдовало устроить надъ нимъ самый бдительный надзоръ. Встанемъ на минуту на эту точку зрѣнія и посмотримъ, какъ долженъ поступать хозяинъ, поставившій себя въ такія отношенія къ служащему, въ которыя поставилъ себя Мясниковъ къ Караганову. Я понимаю, что почтительность, съ которою приказчикъ привыкъ относиться къ своему хозяину, можетъ давать тонъ его письмамъ, даже и въ этомъ случаѣ; но я убѣжденъ, что въ перепискѣ, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ, и притомъ не съ однимъ только хозяиномъ, но и съ такими лицами, съ которыми Караганову стѣсняться было нечего, какъ напримѣръ съ отцомъ, что въ этой перепискѣ непремѣнно прокралась, прозвучала бы какая нибудь нота, указывающая, что добровольное повиновеніе продолжается только до поры до времени, напоминающая, что слуга имѣетъ власть надъ своимъ господиномъ, и можетъ заставить его подчиниться его требованіямъ. Гдѣ же во всей этой массѣ писемъ, написанныхъ Карагановымъ Мясникову и къ отцу и отцомъ Карагановымъ къ сыну—гдѣ же въ нихъ хотя одинъ намекъ на существованіе подобныхъ отношеній между Карагановымъ и Мясниковыми? Обвинительная власть, сознавая отсутствіе подобныхъ намековъ, указываетъ вамъ на то, что Карагановъ просилъ Мясникова выкупить его вещи. Какое, въ самомъ дѣлѣ, громадное одолженіе! Да, конечно, если бы Мясниковъ самъ пошелъ въ ломбардъ, ждалъ очереди, чтобъ выкупить вещи Караганова, тогда можно бы было удивляться, какимъ образомъ человѣкъ богатый, съ извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ, можетъ оказывать своему приказчику подобныя услуги, но вѣдь просьба Караганова имѣла только тотъ смыслъ, чтобъ Мясниковъ далъ одному изъ своихъ конторщиковъ нѣсколько десятковъ или сотенъ рублей въ счетъ жалованья Караганова, для выкупа его вещей. Въ письмахъ Караганова, мы имѣемъ прямыя указанія на то, что эти вещи выкупались

именно въ счетъ его жалованья. Затѣмъ, у Караганова есть задушевное желаніе быть переведеннымъ въ Козьмодемьянскъ, желаніе, высказываемое упорно, постоянно. Какъ же въ такихъ случаяхъ дѣйствуетъ тотъ, кто боится своего подчиненнаго? Найдется ли въ хозяинѣ преступномъ, какъ назвалъ г. прокуроръ Мясникова, достаточно рѣшимости, чтобъ постоянно, систематически отказывать преступному приказчику въ его неотступной просьбѣ и довести его наконецъ до того, что въ іюнѣ 1870 г. Караганов пишетъ отцу о намѣреніи своемъ оставить службу у гг. Мясниковыхъ? Вамъ хотѣли дать понять, что Мясниковы боялись возвращенія Караганова въ Козьмодемьянскъ, боялись той обстановки, въ которую онъ будетъ тамъ поставленъ, того вліянія, которое будетъ имѣть на него отецъ; но я думаю, что гораздо опаснѣе ожесточать, озлоблять человѣка, отказать ему въ томъ, чего онъ хочетъ, опаснѣе доводить его до крайности, подъ гнетомъ которой онъ можетъ открыто возстать противъ своего хозяина. Кромѣ того, у отца Караганова есть другое желаніе, весьма скромное, исполненіе котораго возможно безъ всякаго почти убытка для Мясниковыхъ. Отецъ Караганова въ теченіе всего 1870 года пишетъ сыну: «Похлопочи, чтобъ А. К. Мясниковъ оказалъ намъ благодѣяніе. Не будетъ ли ихъ милости дать тебѣ довѣренность на совершеніе купчей крѣпости» (на мѣсто, которое было когда-то запродано Караганову)? Замѣтьте, выраженія этихъ писемъ, безъ сомнѣнія, искреннія, потому что они обращены къ сыну, а не къ Мясниковымъ. Итакъ, Мясниковымъ стоило только выдать купчую крѣпость или другой владѣтельный актъ на маленькій клочекъ земли, конечно, не имѣющій для нихъ большой цѣнности: между тѣмъ, мы знаемъ, что просьба эта остается безъ исполненія и безъ отвѣта въ теченіе всего 1870 года. Такъ ли поступилъ бы преступный хозяинъ? Посмотримъ далѣе на всю переписку Караганова съ Мясниковымъ. Можно ли предположить, чтобъ въ продолженіе 4—5 лѣтъ, при неисполненіи Мясниковыми многихъ просьбъ Караганова, гдѣ-нибудь въ письмахъ его не проскользнула нота худо скрытаго раздраженія или угрозы? Г. прокуроръ сослался на письмо И. Мясникова

Бѣляеву, написанное подъ вліяніемъ не совсѣмъ пріятныхъ чувствъ, и, между тѣмъ, очень вѣжливое. Да, это совершенно справедливо—оно вѣжливо по формѣ, но между тѣмъ, въ немъ ясно звучитъ извѣстное раздраженіе и заключается настоятельное требованіе исполнить то, на что, по мнѣнію Мясникова, онъ имѣетъ право. Почему же этой ноты, обозначающейся весьма рѣзко въ приведенномъ письмѣ, вовсе нѣтъ ни въ одномъ изъ писемъ Караганова? Я представилъ семнадцать писемъ А. К. Мясникова. Въ дѣлѣ есть ихъ еще нѣсколько; наконецъ, есть письма Караганова къ отцу, но ни въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ не возмущается, не протестуетъ, а вездѣ всегда относится къ хозяину съ полной покорностью и почтительностью, безъ всякаго оттѣнка злобы или гнѣва. Намъ говорятъ, Карагановъ имѣлъ непосредственныя сношенія съ Мясниковымъ. Да; но въ чемъ они заключались? Въ дѣловыхъ отношеніяхъ, въ бумагахъ, которыя самъ г. прокуроръ признаетъ написанными весьма дѣльно, основательно. Г. прокуроръ говоритъ, что странное было положеніе Караганова на заводѣ: человѣкъ ничего не дѣлаетъ, не приноситъ никакой пользы и получаетъ довольно значительное жалованье; не можетъ быть, чтобъ его держали изъ милости, потому что кого держатъ изъ милости, тотъ не станетъ безобразничать, наводить страхъ на окрестность, не станетъ стрѣлять подъ окнами управляющаго, бить стекла и т. п. Но, во-первыхъ, извѣстны ли были всѣ дѣйствія Караганова Мясникову? Кто доносилъ на него? Никто. Кошельковъ не хотѣлъ вмѣшиваться, Жуковъ боялся говорить объ этомъ и только однажды рѣшился сказать Мясникову, на вопросъ его, что Карагановъ не способенъ занять мѣсто на Кавказѣ. Поступки Караганова оставались скрытыми отъ Мясникова; почему—это мы уже знаемъ. Что же Мясникову было извѣстно о Карагановѣ? Онъ зналъ Караганова по письмамъ, которыя тотъ писалъ ему, а въ этихъ письмахъ Карагановъ является исполнительнымъ чиновникомъ, довольно проницательнымъ ревизоромъ и человѣкомъ драгоцѣннымъ для собиранія дѣловыхъ свѣдѣній о цѣнахъ и т. п., даже въ то время, когда Карагановъ представляется, по словамъ свидѣтелей, напивающимся до потери сознанія, онъ занимается

дѣлами, исправно исполняетъ свои обязанности, и это доходитъ до свѣдѣнія Мясникова, между тѣмъ какъ пьянство Караганова остается ему неизвѣстнымъ. Что же могъ думать Мясниковъ? Конечно, что Карагановъ служитъ, какъ слѣдуетъ, и вполнѣ достоинъ той тысячи рублей, которая ему отпускалась. Это жалованье не было особенно велико, и если, напримѣръ, Алексѣй Бѣляевъ получалъ меньше, то онъ и занималъ должность сравнительно низшую. Если Карагановъ получалъ квартирныя и разъѣздныя деньги, то лишь во время дѣловыхъ путешествій; обыкновенно же онъ получаетъ съ самаго поступленія на службу въ 1866 г. одно и то же жалованье. Онъ требуетъ прибавки; но, какъ мы знаемъ изъ показаній Жукова, требованіе его не удовлетворялось, и до самаго конца онъ получалъ только 1,000 руб. Слѣдовательно, съ какой стороны мы ни подойдемъ къ положенію Караганова, мы вездѣ находимъ положеніе это вполнѣ соотвѣтствующимъ тому, въ какомъ находятся обыкновенно служащіе у богатаго человѣка. Наконецъ, можно ли придавать полную вѣру отзывамъ о буйствѣ и странностяхъ Караганова? Несомнѣнно то, что онъ пилъ; несомнѣнно, что у него была бѣлая горячка, припадки которой часто повторялись и подъ вліяніемъ которой онъ производилъ поступки довольно безчинные. Но чтобъ онъ ходилъ въ театръ и платилъ палкой за билетъ—это фактъ, подлежащій большому сомнѣнію. Объ этомъ пишетъ одинъ изъ ростовскихъ агентовъ Мясникова, въ то время, когда Карагановъ былъ присланъ въ Ростовъ на ревизію и когда могли желать отъ него поскорѣе отдѣлаться. Такимъ образомъ все письмо, можетъ быть, имѣло цѣлью лишь отозваніе Караганова изъ Ростова. Такимъ образомъ, приближаясь къ 1870 году, мы застаемъ Караганова на заводѣ въ положеніи вполнѣ нормальномъ, и если за нимъ слѣдили, какъ говоритъ г. прокуроръ, то слѣдили только въ тотъ очень короткій промежутокъ времени, когда Мясниковъ долженъ былъ знать о мѣстѣ нахожденія Караганова для того, чтобъ въ случаѣ надобности немедленно представить его къ слѣдствію. Еслибъ Мясниковъ въ это время потерялъ Караганова изъ вида, и еслибъ слѣдователь обратился къ нему съ вопросомъ о Карагановѣ, то отсутствіе свѣдѣ-

ній объ этомъ въ конторѣ Мясникова послужило бы основаніемъ къ подозрѣнію, что Мясниковы Караганова скрываютъ. Вотъ весьма естественное объясненіе того, что въ періодъ времени, когда производилось первое слѣдствіе, о Карагановѣ сообщались свѣдѣнія въ центральную контору, а иногда оттуда передавались А. Мясникову; но, какъ только предварительное слѣдствіе окончилось, Карагановымъ перестали заниматься. Говорятъ, что его не отпускали изъ завода. Это несправедливо; это опровергается фактами. Если вы припомните показанія Жукова и письма Караганова, написанныя въ концѣ 1869 г. изъ Воронежа, то вы убѣдитесь, что Карагановъ разъѣзжаетъ по дѣламъ завода и своимъ собственнымъ, живетъ то въ Тамбовѣ, то въ Воронежѣ. Если могли опасаться, что онъ проговорится отцу, то почему же не боялись, что онъ проговорится въ Тамбовѣ, гдѣ жили его родные? Наконецъ, развѣ нельзя было ожидать, что въ одинъ прекрасный день Карагановъ, уѣхавъ изъ завода безъ всякаго распоряженія, соскучится постояннымъ неисполненіемъ его просьбы и явится въ Козьмодемьянскъ, притомъ озлобленный противъ тѣхъ, которые такъ долго мѣшали осуществленію его завѣтной мечты? Прежде чѣмъ разстаться съ Карагановымъ, я долженъ остановиться на одномъ эпизодѣ, оцѣнка котораго должна быть совсѣмъ не та, какая сдѣлана представителемъ прокурорскаго надзора. Мы, дѣйствительно, видимъ спаиваніе Караганова, но не то, о которомъ говорено было въ обвинительной рѣчи. Мы знаемъ, что въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ пребыванія Караганова на заводѣ, въ этой мѣстности появляется сначала одно лицо, потомъ другое, никому не извѣстныя, Богъ знаетъ для чего прибывшія туда. Говорятъ, что они пріѣхали торговать заводъ; но они исчезаютъ, какъ только Карагановъ былъ арестованъ. Одинъ изъ нихъ, извѣстный подъ именемъ Виктора Ивановича Кононова, проводитъ все время только съ Карагановымъ, какъ показываетъ Жуковъ; они вмѣстѣ ходятъ по кабакамъ, трактирамъ и вмѣстѣ пьянствуютъ. Это продолжается систематически полтора мѣсяца, и послѣдствіемъ этого являются два свидѣтеля, показанія которыхъ даютъ поводъ къ начатію слѣдствія, показанія о томъ, что Карага-

новъ проговорился, сознался. Посмотримъ на эти показанія. Странно, во-первыхъ, какимъ образомъ Кулаковскій и Киселевъ, которые, какъ объяснили, никому не разсказывали о слышанномъ, какимъ образомъ они являются свидѣтелями. Невольно рождается предположеніе, что они не случайно присутствовали при разговорѣ Караганова съ Кононовымъ, что нужно было быть кому-нибудь свидѣтелемъ этого разговора. Во-вторыхъ, соотвѣтствуютъ ли ихъ показанія личности Караганова? Личность его выяснилась такъ, какъ рѣдко выясняется личность подсудимаго; рѣдко мы имѣемъ такую массу неопровержимыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, какая у насъ есть о Карагановѣ. Карагановъ — человѣкъ деликатный, не позволяющій себѣ рѣзкихъ выраженій; всѣ его письма дышатъ спокойствіемъ, чувствительностью; въ нихъ не встрѣчается ничего циническаго, ничего грубаго. И вотъ этотъ-то человѣкъ, говоря о Бѣляевѣ, котораго онъ ставилъ очень высоко, котораго онъ считалъ главнымъ воротилой всѣхъ Мясниковыхъ дѣлъ, говоритъ, что «обработалъ лысаго, беззубаго старика, бывшаго лакея Мясниковыхъ и не оставилъ ему ни копѣйки на извозчика, чтобъ проѣхать на тотъ свѣтъ» —выраженія, можетъ быть употребительныя въ извѣстной сферѣ, но вовсе не соотвѣтствующія натурѣ Караганова и его способу выраженій на словахъ и на письмѣ. Обвиненіе говоритъ, что, быть можетъ, лица, проживавшія полтора мѣсяца на заводѣ, были агенты сыскной полиціи, и если это были они, то дѣйствія ихъ приносятъ имъ честь, такъ какъ они способствовали открытію преступленія. Я совершенно расхожусь съ г. прокуроромъ во взглядахъ на честь сыскной полиціи. Я вполнѣ признаю необходимость сыскной полиціи, но я полагаю, что агенты ея должны дѣйствовать средствами честными. Если они узнаютъ, напримѣръ, что такой-то человѣкъ сказалъ такія-то слова, заключающія въ себѣ указаніе на преступленіе, они имѣютъ полное право устроить такъ, чтобъ онъ повторилъ эти слова въ ихъ присутствіи; но систематически вызывать человѣка на эти слова, систематически спаивать его, я полагаю, они права не имѣютъ. Я вовсе не знаю, дѣйствовали ли въ данномъ случаѣ агенты сыскной полиціи. Быть можетъ, это были лица, дѣйствовавшія

изъ частнаго интереса. Г. прокуроръ самъ замѣтилъ, что въ настоящемъ дѣлѣ многія частныя лица принимали на себя разслѣдованіе разныхъ обстоятельствъ, или изъ усердія, или изъ личныхъ видовъ. Намъ хотѣлось разъяснить этотъ вопросъ, весьма интересный для дѣла. Мы просили о вызовѣ четырехъ агентовъ сыскной полиціи, изъ которыхъ о двухъ носился слухъ, что это именно лица, работавшія въ Воронежской губерніи. Намъ было въ этомъ отказано и предоставлено пригласить ихъ отъ себя въ засѣданіе Суда; но этого сдѣлано не было, потому что такое приглашеніе не могло имѣть никакихъ послѣдствій. Итакъ, я скорѣе склоняюсь къ мысли, что это были частныя лица, потому что не допускаю, чтобы агенты сыскной полиціи могли вести себя такъ, какъ велъ себя Кононовъ въ Задонскомъ уѣздѣ. Между тѣмъ, дѣятельность Кононова могла имѣть весьма серьозныя послѣдствія. Если обратиться къ человѣку, нравственныя силы котораго потрясены продолжительнымъ пьянствомъ или другимъ какимъ-нибудь несчастіемъ, быть можетъ несчастною супружескою жизнью, если дѣйствовать съ извѣстнымъ искусствомъ на его больную струну, если постоянно говорить съ нимъ о его усердіи къ службѣ, о тѣхъ милліонахъ, которые онъ доставилъ своимъ хозяевамъ, его можно довести до того, что онъ взведетъ на себя, съ цѣлью похвастаться, небывалое преступленіе, совершонное въ пользу хозяевъ, и, взведя его на себя однажды, самъ начнетъ вѣрить въ его существованіе. Мысль, однажды попавъ въ голову человѣка, разстроеннаго физически и умственно, продолжаетъ работать и можетъ окрѣпнуть такъ, что, наконецъ, вложенная извнѣ, она можетъ привести человѣка къ полному убѣжденію, что онъ сдѣлалъ извѣстное дѣло и будетъ твердить каждому, что это справедливо. Вотъ, мнѣ кажется, ключъ къ объясненію поведенія Караганова въ Задонскомъ уѣздѣ. Карагановъ давно уже зналъ, что его подозрѣваютъ или обвиняютъ въ составленіи завѣщанія Бѣляева. Ему говорили объ этомъ въ 1865 г., когда онъ служилъ у Красильникова, говорили Ижболдинъ, Матвѣевъ, и, по всей вѣроятности, самъ Красильниковъ, требуя отъ него сознанія; ему говорили, что невозможно, чтобы онъ не принималъ

никакого участія въ этомъ дѣлѣ. Онъ постоянно отрицалъ это или молчалъ. Затѣмъ, проходитъ нѣсколько лѣтъ; его способности ослабѣваютъ; онъ не имѣетъ болѣе той силы сопротивленія, какою обладалъ прежде; старая мысль, заброшенная вновь въ голову его тѣмъ лицомъ, съ которымъ онъ проводилъ время въ концѣ 1870 г., развивается, укрѣпляется и доходитъ до степени несомнѣннаго убѣжденія. Вотъ почему я позволяю себѣ утверждать, что показаніе Караганова не имѣетъ никакого существеннаго значенія и недостаточно для того, чтобы послужить основаніемъ даже къ предположенію о фальшивости завѣщанія. Покончивъ такимъ образомъ съ показаніемъ Караганова, я считаю себя въ правѣ перейти къ другому существенному вопросу—о подложности завѣщанія, и разсмотрѣть тѣ второстепенныя, мелкія соображенія, съ помощью которыхъ обвинительная власть, старается доказать, что завѣщаніе не могло быть подписано Бѣляевымъ.

Прежде чѣмъ перейти ко второй части моей рѣчи, я долженъ нѣсколько дополнить первую часть. Я забылъ напомнить вамъ, гг. присяжные, о двухъ письмахъ, которыя имѣютъ существенное значеніе въ настоящемъ дѣлѣ: о письмѣ Караганова къ отцу въ 1866 г., въ которомъ онъ говоритъ, что виновенъ въ какихъ-то неизвѣстныхъ ему самому проступкахъ, и потомъ о письмѣ отца Караганова къ сыну въ январѣ 1869 г., гдѣ онъ пишетъ, чтобы сынъ сообщилъ ему свѣдѣнія о дѣлѣ по наслѣдству Бѣляева, въ которомъ его такъ безвинно считаютъ участникомъ. Если сопоставить эти письма съ такъ называемымъ завѣщаніемъ Караганова, на которое ссылался г. прокуроръ, то завѣщаніе это теряетъ тотъ смыслъ, который ему придается. Въ концѣ его сказано, что Карагановъ винитъ себя въ нѣкоторыхъ неосмотрительныхъ проступкахъ молодости, которые отчасти извѣстны отцу его. Къ числу этихъ проступковъ не можетъ принадлежать подписаніе завѣщанія отъ имени Бѣляева, такъ какъ въ этомъ, по словамъ отца Караганова, его безвинно подозрѣваютъ.

Затѣмъ, гг. присяжные, мнѣ слѣдуетъ обратиться къ вопросу о завѣщаніи. Противники мои, разбирая завѣщаніе со

всѣхъ сторонъ, стараются доказать недѣйствительность его какъ по внѣшней формѣ, такъ и по содержанію. Прежде всего говорятъ: вѣроятно ли, чтобы человѣкъ такой аккуратный, такой дѣловой, какъ Бѣляевъ, писавшій собственноручно самыя пустыя доношенія, подписывавшій конверты, чтобы этотъ человѣкъ могъ, во-первыхъ, не написать самъ своего духовнаго завѣщанія, и во-вторыхъ, подписаться просто «Козьма Бѣляевъ?» Вѣроятно ли, чтобъ человѣкъ, пишущій ясно, съ достоинствомъ, могъ написать завѣщаніе такъ неудачно, такъ темно, не полно во всемъ, что касается существа, и такъ многорѣчиво во всемъ, что касается формы. Мнѣ кажется, что здѣсь съ перваго же раза мы вступаемъ на почву чрезвычайно топкую. Когда мы догадываемся о дѣйствіяхъ извѣстнаго лица по общему характеру его, то мы всегда находимся въ опасности впасть въ заблужденіе. Нѣтъ человѣка, который дѣйствовалъ бы всегда подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же правилъ; нѣтъ человѣка аккуратнаго, который не допускалъ бы иногда медленности, и т. д. Есть справедливая русская пословица, которая говоритъ, что «на всякаго мудреца довольно простоты». Нѣтъ человѣка, за котораго мы могли бы поручиться, что при извѣстныхъ условіяхъ онъ будетъ дѣйствовать такъ, а не иначе. Слѣдовательно, если мы говоримъ, что завѣщаніе недѣйствительно, потому что не писано собственноручно Бѣляевымъ, потому что написано не ясно и не точно, то мы утверждаемъ такое обстоятельство, которое не можетъ быть доказано и весьма легко можетъ не существовать на самомъ дѣлѣ. Литературно-образованный человѣкъ, привыкшій владѣть перомъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ написать несвязное письмо, или прибѣгнуть къ посторонней помощи, къ чужому перу. Мы знаемъ, что Бѣляевъ не всегда писалъ самъ, мы знаемъ, что не только доношеніе въ Опеку, но и письма, напримѣръ, письмо къ Алоизію Матвѣевичу, были писаны не его рукою; слѣдовательно, общаго правила, въ силу котораго можно было бы сказать, что онъ всегда писалъ самъ, не можетъ быть установлено. Но еслибъ это и было такъ, то можно ли утверждать, что человѣкъ больной, страданія котораго выражаются въ мучительныхъ пароксизмахъ

не могъ одинъ разъ нарушить свою обыкновенную привычку и прибѣгнуть къ чужой помощи, чтобы написать хотя бы и важный документъ. Если обвинительная власть обращается ко всякаго рода догадкамъ, то мнѣ кажется, и мнѣ позволительно будетъ прибѣгнуть къ одному, очень простому предположенію: Бѣляевъ почувствовалъ болѣе сильный пароксизмъ своей болѣзни, онъ чувствовалъ, что не въ состояніи писать и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся послѣдней минуты. Онъ призвалъ Целебровскаго—быть можетъ даже не призвалъ, быть можетъ Целебровскій былъ у него, такъ какъ несомнѣнно, что Целебровскій былъ постояннымъ адвокатомъ Мясниковыхъ, дѣлами которыхъ завѣдывалъ Бѣляевъ, и сверхъ того занимался разными дѣлами самого Бѣляева, какъ видно изъ черновыхъ прошеній дневника,—онъ могъ быть въ ту минуту подъ рукою, когда съ Бѣляевымъ сдѣлалось дурно. Говорятъ: зачѣмъ онъ не обратился къ конторщику, а къ Целебровскому? Но главный конторщикъ Шмелевъ не могъ быть переписчикомъ завѣщанія, потому что въ немъ была назначена выдача въ пользу Шмелева; притомъ Целебровскій былъ юристъ и могъ знать, какъ составляется завѣщаніе. Намъ скажутъ, что Бѣляевъ былъ самъ дѣловой человѣкъ; да, это такъ, но онъ, конечно, не былъ юристомъ. Припомните, напримѣръ, что въ 1845 году онъ посылалъ къ Ив. Ѳед. Мясникову проектъ росписки, опредѣляющій порядокъ представленія Бѣляевымъ отчетовъ не только при жизни, но и послѣ смерти Ивана Ѳедоровича Мясникова. Я полагаю, что не только юристъ, но и всякій человѣкъ, имѣющій нѣкоторое понятіе о нашихъ законахъ понялъ бы, что такая росписка не обязательна, что никто не можетъ стѣснять своихъ наслѣдниковъ въ требованіи отчетовъ отъ бывшаго управляющаго наслѣдственнымъ имуществомъ. Что Бѣляевъ не былъ юристомъ, мы имѣемъ тому еще и другое доказательство, уже прямо относящееся къ вопросу о завѣщаніи; мы имѣемъ обрывокъ, написанный карандашемъ и сохранившійся въ бумагахъ А. Мясникова (хотя въ настоящее время и играющій роль улики противъ него)—обрывокъ, на которомъ рукою Бѣляева написано, что сія моя послѣдняя воля и т. д. Понятно, что это человѣкъ опытный продиктовалъ Бѣляеву, какъ слѣдуетъ подписаться

на завѣщаніи. Какъ бы то ни было, Бѣляевъ обращался съ просьбою къ Целебровскому, тотъ пишетъ завѣщаніе, и если предположить, что Бѣляевъ былъ боленъ, ему не время было разсматривать, правильно ли и изящно ли пишетъ Целебровскій; онъ проситъ только написать такъ, чтобы все состояніе перешло къ женѣ. Целебровскій, съ нѣкоторыми замашками, свойственными старымъ адвокатамъ, пишетъ дѣйствительно не совсѣмъ хорошо и просто текстъ завѣщанія. Далѣе указываютъ на то, что Бѣляевъ непремѣнно бы подписался подъ завѣщаніемъ полнымъ своимъ званіемъ; но не говоря уже о томъ, что ему могла помѣшать болѣзнь, самъ г. прокуроръ замѣчаетъ совершенно справедливо, что когда въ текстѣ офиціальнаго документа естъ полное означеніе званія лица, тогда повтореніе того же въ подписи является излишнимъ; между тѣмъ въ завѣщаніи, именно, сказано «фридрихсгамскій первостатейный купецъ» и т. д. Кромѣ этого Бѣляевъ могъ разсчитывать, что то же самое подробное обозначеніе его званія будетъ сдѣлано въ свидѣтельскихъ подписяхъ; это дѣйствительно и случилось. Вотъ почему онъ могъ подписать завѣщаніе словами «Козьма Бѣляевъ»; но еще болѣе простое объясненіе этого обстоятельства заключается въ томъ, что онъ былъ боленъ, что ему трудно было написать болѣе двухъ словъ.

Требованія, съ которыми мои противники относятся къ внутреннему содержанію завѣщанія, кажутся мнѣ еще болѣе неосновательными. Говорятъ, напр., что Бѣляевъ, какъ человѣкъ богомольный, не могъ не оставить чего-нибудь на поминовеніе души, на церкви и монастыри, что онъ не могъ забыть родныхъ, которыхъ такъ нѣжно любилъ, не могъ удѣлить Ремянниковой такую малую долю своего имущества, не могъ вовсе лишить наслѣдства другую сестру Мартьянову, бѣдственное положеніе которой такъ краснорѣчиво описано въ обвинительной рѣчи. Но опять-таки мы входимъ здѣсь въ область такихъ предположеній, которыя ни къ чему опредѣленному привести не могутъ. Кто можетъ сказать про самаго близкаго своего пріятеля, какъ онъ въ данную минуту распорядится своимъ имуществомъ? Кто можетъ усомниться въ завѣщаніи только потому, что въ немъ

ничего не оставлено человѣку, которому по чьимъ-нибудь соображеніямъ слѣдовало бы что-нибудь оставить? У каждаго изъ насъ свой взглядъ, свои убѣжденія, постоянно измѣняющіяся: сегодня я могу быть расположенъ къ одному родственнику и ему завѣщать свое имущество, завтра расположеніе мое измѣняется, и я не оставлю ему ничего; поэтому удивляться, что въ завѣщаніи Бѣляева мало оставлено одной сестрѣ и ничего не оставлено другой, совершенно невозможно. Наконецъ, гдѣ основанія предполагать, что Бѣляевъ долженъ былъ оставить что-нибудь Мартьяновой, гдѣ указанія на то, что между Мартьяновою и Бѣляевымъ существовали, въ моментъ смерти послѣдняго, братскія отношенія? Еслибы такія отношенія существовали, то неужели Мартьянова или ея наслѣдники не могли бы отыскать въ ея бумагахъ хотя бы одно письмо Бѣляева, когда они отыскали и представили важныя развѣ только для защиты письма Мартьяновой къ Бѣляевой и Ремянниковой, не дошедшія по адресу. Не очевидно ли, что Бѣляевъ вовсе не писалъ Мартьяновой? Въ исходящемъ журналѣ Бѣляева мы не видимъ никакого указанія на выдачи пособія Мартьяновой; наконецъ, изъ показанія Ремянниковой мы знаемъ, что Бѣляевъ при жизни былъ въ весьма дурныхъ отношеніяхъ съ сестрою и ея сыномъ. Что же касается до бѣдности Мартьяновой, то я попрошу васъ только припомнить, что эта бѣдность описывается ею въ письмѣ 1861 г., а въ 1858 г., не задолго до смерти Бѣляева, мы не знаемъ, въ какомъ положеніи находилась тогда Мартьянова, и не только не знаемъ этого мы, но не зналъ этого, вѣроятно, и самъ Бѣляевъ. Такимъ образомъ всѣ соображенія, касающіяся этихъ недомолвокъ въ засѣданіи, должны быть устранены. Далѣе говорятъ, что если Бѣляевъ сдѣлалъ такое завѣщаніе въ моментъ болѣзни, то почему онъ не воспользовался первымъ свободнымъ промежуткомъ, первой свободной минутой, чтобы написать новое завѣщаніе? На это есть одна очень простая причина. Г. прокуроръ упомянулъ о суевѣріи, съ которымъ весьма многіе въ нашемъ обществѣ смотрятъ на завѣщаніе, въ особенности въ купеческомъ быту. Въ минуту опасности, въ моментъ сильнѣйшей боли Бѣляевъ могъ

преодолѣть это чувство, которое до тѣхъ поръ мѣшало ему, вопреки высказываемой неоднократно волѣ, составить завѣщаніе въ пользу жены; но затѣмъ, въ здоровыя минуты опять могли возобновиться грустныя мысли о смерти, сопряженныя съ составленіемъ завѣщанія, и могли помѣшать ему перемѣнить изложеніе его послѣдней воли. Наконецъ, когда подписались свидѣтели? Всѣ подписи сдѣланы разными чернилами; поэтому говорятъ—надо предполагать, что онѣ сдѣланы въ разное время. Но я прошу васъ обратить вниманіе на то, какъ шатки выводы, основанные на цвѣтѣ чернилъ; прошу васъ припомнить, что на одной страницѣ расходной книги Бѣляева, которая была вамъ предъявлена, въ очень короткій промежутокъ времени встрѣчаются отмѣтки, сдѣланныя совершенно различными чернилами. Различіе въ цвѣтѣ чернилъ можетъ зависѣть и отъ пера, и отъ подбавки воды въ чернила, и отъ того, что въ кабинетѣ Бѣляева было нѣсколько чернильницъ; наконецъ, Целебровскій могъ писать въ конторѣ, Сицилинскій—подписалъ завѣщаніе въ кабинетѣ Бѣляева нѣсколько раньше Отто, и т. д. Однимъ словомъ, тутъ является весьма широкій просторъ для самыхъ разнообразныхъ предположеній, столь шаткихъ, что ни на одномъ изъ нихъ нельзя остановиться и которыя ни къ чему привести насъ не могутъ. Намъ говорятъ далѣе: если Отто присутствовалъ при составленіи завѣщанія, зачѣмъ онъ не успокоилъ Бѣляева, сказавъ ему, что нѣтъ причины спѣшить, что проживетъ еще долго? Но если даже и предположить, что Отто былъ именно въ ту минуту у Бѣляева, то развѣ онъ не зналъ, что болѣзнь опасна, что Бѣляевъ можетъ умереть со дня на день? Кромѣ того Отто могъ совершенно не знать, какое преимущество имѣетъ завѣщаніе, написанное собственноручно; слѣдовательно, убѣждать Бѣляева, чтобы онъ перемѣнилъ завѣщаніе, или отложилъ составленіе его до другаго времени, не было для Отто никакого основанія. Намъ говорятъ, что если Бѣляевъ считалъ себя въ эту минуту опасно больнымъ, то ему прежде всего слѣдовало послать за женою. Но гдѣ же доказательство, что она была тогда въ Ораніенбаумѣ? Завѣщаніе писано 10-го мая, а у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ,

когда именно Бѣляева переѣхала на дачу; есть, напротивъ, полное основаніе думать, что, по случаю болѣзни, Бѣляева поѣздка на дачу была отложена и совершилася позже, такъ что 10-го мая Бѣляева еще была въ Петербургѣ. Наконецъ, насъ спрашиваютъ; неужели Бѣляевъ могъ оставить такое неопредѣленное, такое темное завѣщаніе? неужели онъ не могъ сказать, какія у него дѣла, въ чьихъ рукахъ его капиталы, на кого онъ имѣетъ претензіи? Вѣдь онъ поставилъ жену свою въ какой-то лабиринтъ, изъ котораго невозможно было ей выдти. Не говоря уже о томъ, что завѣщаніе, написанное въ общихъ словахъ—явленіе весьма обыкновенное, я приведу только два существенныя соображенія по этому поводу. Бѣляевъ былъ человѣкъ, бросавшійся слишкомъ поспѣшно на разныя предпріятія и, слѣдовательно, хорошо знавшій, что составъ его имущества колеблется, измѣняется, что перечислять въ завѣщаніи имущество, которое ему принадлежало въ тотъ день, значило подать поводъ къ недоразумѣніямъ, дать основаніе думать, что онъ не хотѣлъ оставить своей женѣ имущества, имъ впослѣдствіи пріобрѣтеннаго. Однимъ словомъ, человѣку торговому, постоянно производившему съ своимъ состояніемъ разные обороты, всего естественнѣе было составить завѣщаніе въ общихъ выраженіяхъ. Это предположеніе находитъ весьма важное подкрѣпленіе въ томъ отрывкѣ изъ завѣщанія, написанномъ собственноручно Бѣляевымъ, гдѣ сказано: «ей же, женѣ моей, передаю всѣ права мои по обязательствамъ съ казною и частными лицами» и т. д.—выраженія самыя общія, неопредѣленныя; нѣтъ никакихъ указаній на то, какіе у Бѣляева контракты, съ какими частными лицами они заключены, какія у него или на немъ долговыя обязательства. Слѣдовательно, завѣщаніе 10-го мая соотвѣтствуетъ вполнѣ этой формѣ, въ которой начато собственноручное его завѣщаніе.

Наконецъ, гг. присяжные засѣдатели, я перехожу къ тому вопросу, который я считаю однимъ изъ самыхъ важныхъ—къ вопросу о свидѣтельскихъ подписяхъ. Прежде всего нельзя не удивиться тому, что на завѣщаніи, которое считаютъ подложнымъ, подписываются такія лица, честности которыхъ отдается полная справедливость обвинительною властью,

Обыкновенно, когда дѣлается подложное завѣщаніе, ищутъ свидѣтелей снисходительныхъ, не очень строго относящихся къ требованіямъ закона, чести и справедливости, обыкновенно прибѣгаютъ къ извѣстнаго рода людямъ, которые промышляютъ фальшивыми свидѣтельскими показаніями или подписями. Если такихъ людей нѣтъ подъ рукою, обращаются къ людямъ маленькимъ, ничтожнымъ, которымъ достаточно дать незначительную сумму денегъ, чтобы заставить ихъ молчать. Но чтобы для этого обращались къ лицамъ, подобнымъ Сицилинскому и Отто, высокая нравственность которыхъ признается всѣми, это представляется черезчуръ страннымъ. Этотъ фактъ, неслыханный въ судебныхъ лѣтописяхъ, стараются объяснить, говоря, что свидѣтели сдѣлали подпись по добротѣ, по благодушію, не зная, что завѣщаніе подложно; притомъ ихъ ловко подвели, заставили ихъ подписаться очень обстоятельно и подробно, такъ что когда они явились въ Гражданскую Палату, имъ оставалось только подтвердить, что дѣйствительно они подписались на завѣщаніи. Говорятъ также, что, будто бы, въ нашемъ обществѣ сушествуетъ такое мнѣніе, что подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи можно и послѣ смерти завѣщателя, если только есть убѣжденіе, что завѣщаніе дѣйствительно подписано имъ самимъ. Но я не вижу, на чемъ основываются эти предположенія; я не понимаю, какимъ образомъ люди образованные, понимающіе законъ, или, по крайней мѣрѣ, требованія обыкновенной справедливости, могутъ думать, что свидѣтельская подпись, требуемая закономъ—не что иное, какъ пустая формальность, и что въ этой подписи позволительно говорить неправду. Напротивъ, всякій знаетъ, что завѣщаніе, подписанное завѣщателемъ и не подписанное свидѣтелями, равняется нулю: могъ ли не знать этого Сицилинскій, священникъ, духовный отецъ, которому въ теченіе его 70-ти-лѣтней жизни пришлось подписать, быть можетъ, болѣе 50-ти завѣщаній, могъ ли не знать этого Отто, докторъ, одно изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ всего чаще обращаются съ просьбою подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи? Гг. присяжные! Что это за лица, о которыхъ говорятъ, что они согласились подписаться на завѣщаніи, зная, что завѣщаніе недѣйствительно? Были ли

эти люди безнравственны, или, по крайней мѣрѣ, легкомысленны, готовые согласиться на всякую услугу? Нѣтъ, здѣсь были дѣлаемы вопросы, дававшіе свидѣтелямъ возможность отвѣчать въ этомъ смыслѣ; но на каждый такой вопросъ они отвѣчали совершенно не такъ, какъ отъ нихъ ожидали. Напр., спрашивали свидѣтеля графа Клейнмихеля относительно Сицилинскаго: это человѣкъ былъ добрый? Онъ отвѣчалъ: строгій. Спрашивали свидѣтеля Слѣпцова относительно доктора Отто: онъ готовъ былъ оказать всякому услугу? Онъ отвѣчалъ: смотря по тому, какого рода была услуга. Всѣ показанія свидѣтелей клонятся къ тому, что Сицилинскій и Отто не были добрыми малыми, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, готовыми для компаніи сдѣлать и не совсѣмъ хорошую вещь; это люди, понимающіе значеніе чести и нравственности, люди, которые никогда не согласились бы сдѣлать лживый проступокъ, зная, что послѣ этого имъ по меньшей мѣрѣ придется передъ судомъ показать неправду. Неужели вы думаете, что Сицилинскій, прожившій болѣе 70-ти лѣтъ, бывшій въ званіи священника 50 лѣтъ, не зналъ, что ему придется пойти въ Гражданскую Палату, и сказать что, подписывая завѣщаніе, онъ видѣлъ завѣщателя и нашелъ его въ здравомъ умѣ и твердой памяти? Неужели Отто, человѣкъ также не молодыхъ лѣтъ, докторъ, никогда не подписывалъ завѣщаній и не зналъ, какую обязанность налагаетъ свидѣтельская подпись на того, кто ее сдѣлалъ? Говорятъ, что форма для свидѣтельскихъ подписей въ настоящемъ случаѣ не безъ цѣли была избрана весьма подробная; но я полагаю, что это предположеніе совершенно ошибочно. Если дѣйствительно было намѣреніе воспользоваться легкомыслiемъ свидѣтелей, то достигнуть этого было гораздо легче, давъ имъ форму подписи по возможности короткую, неопредѣленную, а потомъ, когда они уже ее сдѣлали, сказать имъ: «теперь вы связаны, вы должны сказать, что видѣли завѣщателя и подписали при его жизни, потому что иначе вы подвергаетесь большой опасности». Имъ же, напротивъ, предлагаютъ такую подпись, что они ни на минуту не могутъ сомнѣваться въ томъ, что пишутъ неправду. Итакъ, признать, что Сицилинскій и Отто подписались на завѣщаніи

послѣ смерти Бѣляева, значило бы навсегда запятнать и опорочить ихъ память, потому что нельзя легкомысленно относиться къ подобнымъ вещамъ, нельзя утверждать, что люди, завѣдомо сдѣлавшіе ложную подпись, все-таки могли быть людьми честными. Еслибъ Сицилинскій и Отто подписали завѣщаніе послѣ смерти Бѣляева, не обдумавъ значенія этого поступка, то они поняли бы его въ Присутствіи Палаты и постарались бы его загладить. Не забудьте при этомъ, что нѣтъ закона, который назначилъ бы наказаніе человѣку, подписавшему завѣщаніе послѣ смерти завѣщателя, если онъ, придя въ Палату, сознается въ своей ошибкѣ. Слѣдовательно, если Сицилинскій и Отто, вызванные въ Палату, подтверждали, что видѣли завѣщателя при его жизни и по его личной просьбѣ подписали завѣщаніе, а безъ этого оно и не было бы утверждено, то они поступили вполнѣ сознательно и закрѣпили то дѣйствіе, которое совершили, подписываясь на завѣщаніи. Всякое предположеніе о томъ, что они подписались послѣ смерти Бѣляева, равносильно предположенію, что они оба, рекомендованные намъ за людей высокой честности, были люди вполнѣ безнравственные. Намекаютъ, впрочемъ, и на то, что одинъ изъ этихъ добрыхъ людей, подписавшихъ завѣщаніе только изъ благодушія, изъ услужливости, былъ, однако, настолько практиченъ, что получилъ вознагражденіе за свою услугу; говорятъ, что все многочисленное семейство Сицилинскаго пользовалось пособіями Мясниковыхъ. Значитъ Сицилинскій сказалъ своему семейству, тѣмъ лицамъ, которыя должны были болѣе всего уважать его: «вотъ мои дѣти, я на старости лѣтъ сдѣлалъ нехорошее дѣло, но оно дастъ вамъ возможность, когда хотите придти къ Мясниковымъ и потребовать отъ нихъ 100—150 рублей». Можно ли рѣшиться на такія предположенія, когда дѣло идетъ о чести людей, не запятнанныхъ въ продолженіе всей ихъ жизни? Сицилинскій получалъ одолженія при жизни Бѣляева; что же удивительнаго, что его дѣти получали отъ Мясниковыхъ незначительныя суммы, въ родѣ ста или полутораста рублей. Это вполнѣ нормально, и если свидѣтель Жоховъ былъ выставленъ для того, чтобы показать объ этомъ во время засѣданія, то это доказы-

ваетъ только, какъ важно для обвинительной власти поколебать вѣру въ нравственность Сицилинскаго и Отто, и какъ мало у ней для того основаній. Здѣсь, гг. присяжные, слабая сторона обвиненія, и вмѣстѣ съ тѣмъ сильная сторона защиты, которую вы не можете обойти иначе, какъ признавъ, что Сицилинскій и Отто были люди безъ чести, безъ совѣсти.

Прежде чѣмъ идти далѣе, я долженъ упомянуть объ одномъ доказательствѣ, которое играетъ нѣкоторую роль въ рѣчахъ моихъ противниковъ, о той экспертизѣ, которая была вами выслушана. Я считаю себя тѣмъ болѣе въ правѣ выразить свой взглядъ на экспертизу, какъ на доказательство, не имѣющее никакого существеннаго значенія, что недавно еще, когда дѣло о завѣщаніи Бѣляева производилось въ гражданскомъ судѣ, я высказалъ то же самое мнѣніе, хотя экспертиза въ то время склонялась въ пользу дѣйствительности завѣщанія. Я понимаю значеніе экспертизы тамъ, гдѣ требуются спеціальныя познанія, гдѣ ни одинъ изъ насъ, людей, обладающихъ общимъ образованіемъ не можетъ сказать утвердительно, какъ слѣдуетъ смотрѣть на дѣло. Но когда экспертиза касается предметовъ, доступныхъ почти каждому изъ насъ, когда она касается вопросовъ, которые этимъ путемъ разрѣшены быть не могутъ, то я полагаю, что значеніе ея самое ограниченное. Я полагаю, что при сличеніи почерковъ, очень часто, совершенно противъ воли и незамѣтно для самихъ гг. экспертовъ, играетъ роль та обстановка, при которой приходится давать заключеніе, и вотъ почему въ настоящемъ дѣлѣ такъ часто измѣнялись воззрѣнія экспертовъ. Вотъ почему тѣ самыя лица, которыя при предшествовавшихъ изслѣдованіяхъ приходили къ одному убѣжденію, теперь приходятъ къ противному; а другія, оставшіяся вѣрными своему взгляду, прежде взглядъ этотъ мотивировали такъ, а теперь мотивируютъ его иначе. Не доказываетъ ли это съ одной стороны, что характеръ экспертизы соотвѣтствуетъ характеру того момента, въ который она производится—повторяю, противъ воли гг. экспертовъ—а съ другой стороны, что она вся съ начала до конца построена на самыхъ шаткихъ основаніяхъ. Я не стану припоминать вамъ

всѣхъ тѣхъ противорѣчій въ разныхъ экспертизахъ по настоящему дѣлу, которыя были мною своевременно указаны; припомню только одно: когда производилось сличеніе почерковъ на предварительномъ слѣдствіи въ прошедшемъ году, гг. эксперты, изъ которыхъ многіе явились сюда, показали, что поддѣлка есть, но весьма грубая, плохая, и тѣ же самые эксперты въ одинъ голосъ въ настоящемъ засѣданіи объявили, что поддѣлка должна быть признана очень искусною, и, слѣдовательно, стали въ разрѣзъ съ тѣмъ мнѣніемъ, которое было высказано ими ранѣе. Наконецъ, припомните показаніе эксперта Иванова, изъ котораго видно, что хотя отвѣты и даны экспертами единогласно, но что одинъ и тотъ же выводъ построенъ разными экспертами на различныхъ основаніяхъ. Какія же основанія имѣлись въ настоящее время для признанія подписи сомнительною? Эксперты объяснили, что одно изъ этихъ основаній—большая крупность буквъ въ подписи на завѣщаніи. Обстоятельство это было только разъ замѣчено при прежнихъ экспертизахъ, и притомъ только тѣми экспертами, которые признали, что подпись похожа. Затѣмъ, эксперты указали на нѣкоторую нетвердость почерка. Эта нетвердость опять-таки была признана тою же первою экспертизою, которая высказалась въ пользу подлинности завѣщанія. Притомъ, нетвердость почерка или раздѣльность каждой черты, о которой говорили передъ нами эксперты, развѣ не можетъ быть объяснена болѣзненнымъ состояніемъ Бѣляева? Когда человѣкъ пишетъ твердою, здоровою рукою, онъ пишетъ большею частью связно, пишетъ свою фамилію обыкновенно однимъ размахомъ пера; но когда онъ пишетъ среди испытываемой имъ сильной боли, то нѣтъ ничего удивительнаго, что каждая буква имъ пишется отдѣльно, такъ какъ каждая черта, каждое движеніе стоятъ ему чрезвычайныхъ усилій. Подпись, которую считаютъ сдѣланною человѣкомъ больнымъ, скорѣе тогда была бы сомнительною, если бы была сдѣлана твердою рукою. Сверхъ того, во время производства дѣла очень большую роль въ отзывахъ экспертовъ играли разные вопросы, которые на Судѣ совершенно устранены. Тѣ эксперты, которые признавали подпись сомнительною, говорили въ подтвержденіе своего мнѣнія, что

Бѣляевъ подписывался безъ росчерка съ буквою ъ, или съ росчеркомъ, но безъ буквы ъ; въ завѣщаніи же имѣются и росчеркъ и буква ъ. Это играло громадную роль при первыхъ экспертизахъ. Теперь же, когда доказано, что есть несомнѣнныя подписи Бѣляева такія же, какъ на завѣщаніи, естественно это обстоятельство теряетъ значеніе. То же самое слѣдуетъ сказать и о точкѣ, которую Бѣляевъ будто бы всегда ставилъ послѣ своей фамиліи. Теперь утверждаютъ только, что подпись Бѣляева безъ точки и съ росчеркомъ при ъ— исключеніе изъ общаго правила. Этого не отвергаю и я; но какъ вы думаете, гг. присяжные засѣдатели, что обыкновенно берется въ основаніе подписи, которую хотятъ поддѣлать— общее правило или исключеніе? Я полагаю, что никто не усомнится въ томъ, что берется за образецъ подпись обыкновенная, чаще всего встрѣчающаяся, а когда при этомъ имѣется еще секретъ, столь легко угадываемый, какъ точка, то каждый поддѣлыватель непремѣнно поставилъ бы эту точку. Я обращу ваше вниманіе еще на одно весьма важное обстоятельство: въ глазахъ обвинительной власти весьма большую роль играютъ всѣ тѣ внѣшнія особенности завѣщанія, выставляемыя на видъ и экспертами, которыя должны убѣдить васъ въ фальшивости завѣщанія. Но гдѣ же находилось завѣщаніе во время производства дѣла? Хранилось ли оно въ такомъ мѣстѣ, откуда Мясниковы или Бѣляева, при всемъ своемъ желаніи, не могли добыть его и уничтожить? Нѣтъ. Завѣщаніе весьма часто возвращалось въ руки г-жи Бѣляевой, даже послѣ того, какъ производилось первое слѣдствіе по настоящему дѣлу. Чего стоило бы человѣку, сознающему свою преступность, истребить завѣщаніе и вмѣстѣ съ нимъ матеріальное доказательство преступленія? Троекратное представленіе завѣщанія къ дѣлу, въ послѣдній разъ въ 1870 году, является, по моему мнѣнію, гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ та шаткая, смутная экспертиза, на которую ссылается передъ вами обвинительная власть. Затѣмъ, вамъ представляется со стороны обвиненія цѣлый рядъ соображеній, касающихся способа появленія завѣщанія на свѣтъ, какъ оно было передано Бѣляевымъ своей женѣ, какъ было принято ею и представлено къ засвидѣтель-

ствованію. Вотъ тѣ вопросы, которые обсуждаются повѣреннымъ гражданскаго истца и представителемъ обвинительной власти съ весьма большою подробностью. Прежде чѣмъ перейти къ этому, я долженъ возвратиться нѣсколько назадъ и показать оборотную сторону вопроса о подложности завѣщанія. Вамъ представлялись, гг. присяжные, разные доводы, говорящіе въ пользу подложности завѣщанія. Я уже указывалъ вамъ на личность свидѣтелей, подписавшихся на завѣщаніи, какъ на аргументъ въ пользу дѣйствительности завѣщанія; но посмотримъ, въ самомъ завѣщаніи нѣтъ ли еще указаній на то, что оно не подложно. Во-первыхъ, на чемъ преимущественно основываютъ мои противники свой споръ о подлогѣ? На томъ, что Бѣляевъ въ маѣ мѣсяцѣ былъ человѣкомъ довольно крѣпкимъ, ѣздилъ на торги, писалъ разныя бумаги и, слѣдовательно, долженъ былъ написать завѣщаніе самъ. Но представьте себѣ, что завѣщаніе было бы помѣчено 23-мъ сентября, днемъ предшествовавшимъ смерти Бѣляева. Тогда всѣ эти соображенія пали бы безвозвратно. Самые ярые ревнители аккуратности Бѣляева должны были бы сознаться, что Бѣляевъ наканунѣ смерти былъ настолько слабъ, что не могъ написать завѣщанія самъ и не могъ даже подписать его съ полнымъ означеніемъ своего званія; но этого нѣтъ: на завѣщаніи выставлено 10-е мая. Кто составляетъ подложный документъ, и въ особенности такъ обдуманно, такъ тонко, какъ составлено въ данномъ случаѣ завѣщаніе, по словамъ повѣреннаго гражданскаго истца, тотъ не могъ обойти такого простого вопроса. Почему же именно выбрано 10-е мая? Что за странность! Вѣдь такимъ образомъ составитель завѣщанія добровольно окружаетъ себя опасностями, даетъ не только поводъ утверждать, что въ этотъ день Бѣляевъ былъ здоровъ, но и возможность доказать, что онъ не былъ дома, возможность сличать подпись Бѣляева на завѣщаніи съ почеркомъ его въ дневникѣ того же числа, словомъ—безъ всякой надобности усложняетъ задачу и затрудняетъ успѣхъ задуманнаго дѣла. Что могло помѣшать помѣтить завѣщаніе 23-мъ сентября? Мы знаемъ, что Целебровскій былъ въ это время въ Петербургѣ, Отто лѣчилъ больного, а Сицилинскій приходилъ къ

нему въ самый день смерти. Стало быть подписи ихъ могли быть отнесены къ этому числу. Наконецъ, если подпись была сдѣлана Карагановымъ на бѣломъ листѣ бумаги и нужно было подгонять текстъ къ этой подписи, то не проще ли было призвать Караганова и приказать ему сдѣлать еще подпись, и Карагановъ еще съ большею ловкостью, тотчасъ бы сдѣлалъ новую подпись, быть можетъ еще лучшую, чѣмъ первая. Что же было стѣсняться съ Карагановымъ? Разъ заручившись помощью его, можно было написать завѣщаніе совершенно спокойно, на досугѣ, не торопясь, со всѣми подробностями и формальностями, и, быть можетъ, Карагановъ изловчился бы такъ, что подписалъ бы полнымъ титуломъ Бѣляева, если уже съ перваго раза онъ дошелъ до такой степени совершенства. Прежде чѣмъ покончить съ завѣщаніемъ, я долженъ указать одинъ несомнѣнный фактъ, имѣющійся въ дѣлѣ—намѣреніе Бѣляева сдѣлать завѣщаніе. Фактъ этотъ не оспаривается даже и обвиненіемъ: но, тѣмъ не менѣе, я считаю долгомъ напомнить тѣ указанія, которыя мы имѣемъ по этому предмету. Во-первыхъ, это доказывается обрывкомъ, написаннымъ рукою Бѣляева и найденнымъ при обыскѣ у Мясникова, а во-вторыхъ, показаніями свидѣтельницы Сицилинской, которая говоритъ, что въ присутствіи ея шла рѣчь о какомъ-то лицѣ, умершемъ безъ завѣщанія, и Бѣляевъ сказалъ, что съ нимъ этого не случится. Что этотъ разговоръ былъ, въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться. Думаю, что Сицилинская, женщина пожилая и почтенная, произвела на васъ такое впечатлѣніе, что вы не заподозрите ее въ желаніи показывать фальшиво для того, чтобы прибавить одинъ слабый доводъ ко всѣмъ другимъ основаніямъ защиты. Затѣмъ вы слышали показаніе свидѣтельницы Ивановой. Если бы оно было обдумано, подготовлено, какъ на то намекали, то оно конечно, было бы дано иначе. Если бы Иванова сговорилась съ Бѣляевой, то она, разумѣется, не сказала бы, что слыхала, будто Бѣляевою сдѣлано было завѣщаніе въ пользу мужа, между тѣмъ какъ Бѣляева объяснила уже по выслушаніи показанія Ивановой, что она такого завѣщанія никогда не составляла. Говорятъ еще, какъ могла Иванова слышать

подобный разговоръ въ 1857 или 1858 г. по поводу смерти Громовой, когда Громова умерла въ 1856 г.; но неужели разговоръ объ отсутствіи завѣщанія можетъ идти только сейчасъ послѣ смерти извѣстнаго лица? Быть можетъ, была какая-нибудь тяжба, какія-нибудь семейныя несогласія, и по этому поводу возникъ разговоръ о завѣщаніи. Слѣдовательно, одно изъ двухъ—или завѣщаніе Бѣляева въ то время было составлено, или же выражалось такое твердое намѣреніе его составить, отъ котораго до исполненія одинъ лишь шагъ, задерживавшійся, можетъ быть, боязнью смерти, но совершившійся наконецъ подъ вліяніемъ болѣзненныхъ припадковъ, заставлявшихъ Бѣляева опасаться внезапной кончины. Г. повѣренный гражданскаго истца, съ помощью историческихъ фактовъ, результатовъ и своихъ собственныхъ разговоровъ съ кавказскимъ генераломъ, утверждаетъ, что совершенію всякаго событія предшествуетъ смутный говоръ, и что такой говоръ предшествовалъ появленію завѣщанія; но здѣсь повѣренный гражданскаго истца снова возвращается къ той массѣ показаній, которыя мы откинули уже по обшему согласію. Гдѣ же доказательства тѣхъ слуховъ и толковъ, на которые ссылается г. повѣренный? Нѣтъ ни одного добросовѣстнаго свидѣтеля, заслуживающаго довѣрія, который бы говорилъ объ этомъ. Г. повѣренный гражданскихъ истцовъ сослался только на свидѣтеля Китаева, того самаго, всѣ показанія котораго исполнены противорѣчій и который объяснялъ ихъ невнимательностью своею у судебнаго слѣдователя Слухъ о подложности завѣщанія могъ появиться среди дворни, недовольной тѣмъ, что въ завѣщаніи ей не было ничего оставлено, и вслѣдствіе этого заподозрившей его подлинность; но это было уже послѣ открытія самаго завѣщанія. Слухъ распространился, когда Красильниковъ поѣхалъ къ Ракѣеву заявить о подложности завѣщанія. Замѣчу мимоходомъ, что Красильниковъ старался набросить тѣнь на Сицилинскаго; но вы также слышали, что показалъ по этому поводу Ракѣевъ. Пущенный, такимъ образомъ, слухъ, конечно, тотчасъ былъ подхваченъ. Какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества весьма рады подхватить всякую скандальную исторію, и въ особенности такую, гдѣ замѣшана богатая фа-

милія Мясниковыхъ; но о появленіи завѣщанія, повторяю, никакихъ слуховъ, никакихъ толковъ не было.

Г. повѣренный гражданскаго истца говоритъ, что въ первое время послѣ смерти Бѣляева сама Бѣляева говорила и другія лица тоже показывали, что завѣщанія нѣтъ. Въ этомъ отношеніи онъ основывается опять на тѣхъ же показаніяхъ устраненныхъ свидѣтелей, и вотъ является на сцену забытый нами Штеммеръ, который отыскиваетъ свидѣтельницу Синцову въ Измайловскомъ полку и тащитъ ее противъ воли давать показаніе, Штеммеръ, который не признаетъ на судѣ своихъ собственныхъ писемъ, Штеммеръ, который ѣздилъ уговаривать Авдотью Кемпе пойти по этому дѣлу въ свидѣтельницы и показать, что ея сынъ, служившій когда-то у Мясниковыхъ, слышалъ о подложности завѣщанія. Вотъ кто долженъ появиться на сцену, если захотятъ доказать, что Бѣляева, Целебровскій и Отто говорили, что завѣщанія нѣтъ. Я полагаю, что можно совершенно спокойно устранить такихъ свидѣтелей и никогда болѣе не возвращаться къ нимъ.

Затѣмъ, перехожу къ разбору показанія Бѣляевой, показанія, конечно, весьма существеннаго въ настоящемъ дѣлѣ. Прежде всего я не могу не замѣтить разницы въ отношеніяхъ къ Бѣляевой обвинительной власти и повѣреннаго гражданскаго истца. Обвинительная власть признаетъ возможнымъ совершенно откинуть показаніе, данное Бѣляевою въ 1871 г. на второмъ слѣдствіи, показаніе, данное Бѣляевою, по ея словамъ, подъ вліяніемъ испуга. Повѣренный гражданскаго истца опирается въ особенности именно на это показаніе Бѣляевой и останавливается на вопросѣ, можно ли вѣрить испугу г-жи Бѣляевой? Не знаю, трепетная ли лань Бѣляева, но, во всякомъ случаѣ знаю, что она боязливая женщина. На это есть два указанія: во-первыхъ, свидѣтель Погожевъ показалъ, что она боялась не только дѣла о завѣщаніи, но и всякихъ пустяковъ; во-вторыхъ, ея образъ дѣйствій въ вашемъ присутствіи подтверждаетъ это. На вопросъ прокурора, въ началѣ засѣданія, когда она была очень смущена, она даже отвѣчала, что ее никогда не вызывали къ судебному слѣдователю, тогда какъ чрезъ нѣсколько времени подробно объяснила, когда давала показаніе и какъ да-

вала его. Говорятъ, что предъ вами, предъ торжественнымъ судомъ вашимъ, она должна была болѣе смутиться, чѣмъ у судебнаго слѣдователя; но самъ повѣренный гражданскаго истца напоминаетъ вамъ, что она теперь освобождена отъ обвиненія, а тогда она могла ожидать привлеченія къ дѣлу и потомъ дѣйствительно была привлечена къ нему въ качествѣ обвиняемой. Затѣмъ, былъ ли для Бѣляевой внѣшній поводъ къ испугу? Полагаю, что былъ. Г. повѣренный гражданскаго истца передалъ слова Бѣляевой такимъ образомъ, будто бы безпрестанные звонки разстраивали ея нервы; но это перетолкованіе словъ ея не заставитъ васъ забыть истиннаго ихъ смысла. Дѣло въ томъ, что надъ домомъ Бѣляевой висѣла туча, замѣтная для нея самой. Было замѣчено, что агенты сыскной полиціи слишкомъ искусны, чтобъ прямо идти въ домъ, звонить и открыто наводить свои справки. Но есть различные пріемы дѣйствій, соотвѣтствующіе разнымъ обстоятельствамъ. Пока свѣдѣнія собирались, нужно было дѣйствовать осторожно; но когда дѣло вступило въ новый періодъ, когда Карагановъ былъ привезенъ въ Петербургъ и далъ свое показаніе, тогда можно было дѣйствовать рѣшительнѣе, чтобъ повліять на впечатлительную личность. Я не счелъ бы себя въ правѣ говорить о такихъ догадкахъ, еслибъ неожиданно явившееся показаніе свидѣтеля Петрова, вызваннаго обвинительною властью и отвѣчавшаго на ея вопросы, а не на вопросы защиты. Хотя Петровъ и не призналъ, что Ижболдинъ подкупалъ его, но здѣсь, на Судѣ, онъ передалъ такія обстоятельства, которыя легко могутъ дать поводъ предположить, что можетъ быть онъ въ пьяномъ видѣ разсказывалъ, что его подкупили. Этотъ разсказъ могъ дойти до Бѣляевой, она могла подумать, что окружена опасностями, что за ней слѣдятъ, что вся прислуга готова измѣнить ей, и, конечно, могла испугаться. Прежде чѣмъ пойду далѣе, я обращу ваше вниманіе на одно обстоятельство, которое въ моихъ глазахъ имѣетъ весьма важное значеніе и какъ нельзя болѣе содѣйствуетъ объясненію неопредѣленности и противорѣчій, замѣчаемыхъ въ показаніяхъ Бѣляевой. Источникъ ихъ заключается въ событіяхъ 1865 и 1866 годовъ, о которыхъ такъ много говорилъ

г. прокуроръ. Въ это время она поссорилась съ Мясниковыми. Поводомъ къ ссорѣ были два дѣла: споры по условію 22-го декабря 1858 года и споръ по опекѣ Шишкина. Въ это время она подаетъ въ Управу Благочинія прошеніе, въ которомъ отзывается о Мясниковыхъ весьма дурно. Отсюда враждебное расположеніе, которое поддерживается повѣреннымъ Бѣляевой Чевакинскимъ. Онъ вездѣ говоритъ, что сомнѣвается въ подлинности завѣщанія; онъ ограждаетъ безопасность своей довѣрительницы ранѣе, чѣмъ кто-нибудь угрожаетъ этой безопасности; онъ готовъ взять росписку отъ Ижболдина, что тотъ ее преслѣдовать не будетъ; онъ хочетъ заключить условіе съ Ижболдинымъ и быть двадцатымъ или тридцатымъ повѣреннымъ Ижболдина по этому дѣлу. Послѣ такого эпизода понятно, что Бѣляева на слѣдствіи могла быть поставлена въ не совсѣмъ ловкое положеніе. Она сожалѣла о томъ, что увлеклась враждебнымъ расположеніемъ къ Мясниковымъ, и этимъ можно объяснить нѣкоторую неопредѣленность ея отвѣтовъ. Но еще важнѣе другое объясненіе, какъ нельзя болѣе простое, вытекающее изъ самаго положенія дѣла. Бѣляева спрошена въ первый разъ чрезъ 10 лѣтъ послѣ составленія завѣщанія; затѣмъ, почти черезъ 14 лѣтъ, явилась свидѣтельницею на судѣ; она женщина далеко не молодая. О чемъ же ее спрашиваютъ? О такихъ вещахъ, которыя большая часть изъ насъ, людей еще не старыхъ, забываетъ весьма скоро и весьма легко. Представьте себѣ, что вамъ передаютъ какую-нибудь бумагу и просятъ ее спрятать; проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и вы ее возвращаете; потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ васъ спрашиваютъ, въ какомъ помѣщеніи вашей квартиры вы ее хранили? Я думаю, что въ девяти случаяхъ изъ десяти никто не будетъ въ состояніи дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ лицъ, которыя заранѣе приготовились дать отвѣтъ на всякій вопросъ, которыя, сознавая себя виновными, приняли заранѣе мѣры, чтобъ не говорить ни одного слова, которое могло бы повредить имъ, и не умалчивать о томъ, что можетъ послужить въ ихъ пользу. Слѣдовательно, когда Бѣляеву спрашиваютъ, куда вы положили завѣщаніе, неужели вы будете удивляться, что

она отвѣчаетъ: «не помню»? Неужели вы заподозрите изъ-за этого правдивость ея отвѣтовъ? Затѣмъ ее спрашиваютъ: прочли ли вы завѣщаніе? Разъ она говоритъ, что только посмотрѣла его, разъ—что не дочитала, разъ—что пробѣжала начало и конецъ. Неужели къ этому можно придираться? Неужели можно требовать, чтобъ Бѣляева чрезъ 14 лѣтъ помнила всѣ подробности тяжелой для нея минуты, когда она узнала, какъ близокъ конецъ любимаго ею мужа? Будь она участницей въ преступленіи, будь завѣщаніе фальшивое, она бы нашлась, дала бы опредѣленный отвѣтъ, и потому неопредѣленность показанія ни въ какомъ случаѣ противъ нея обращена быть не можетъ. Что она показала на второмъ предварительномъ слѣдствіи? Есть ли тутъ такое громадное разнорѣчіе, та открытая дверь, о которой говорилъ повѣренный гражданскаго истца? Она сказала: «Да, я передала завѣщаніе Мясникову, но то ли самое, которое онъ привезъ назадъ, не знаю». Нельзя же предполагать, что завѣщаніе въ ея пользу было обращено въ другое завѣщаніе тоже въ ея пользу. Если подложно то завѣщаніе, которое ей привезъ Мясниковъ, подложно и то, которое она передала Мясникову, и никакая открытая въ этомъ смыслѣ дверь ей не поможетъ. Затѣмъ, васъ спрашивали, какъ могла Бѣляева обратить вниманіе не на то, что ей оставлено, а на подписи свидѣтелей? Но развѣ она сказала, что обратила вниманіе на подписи? Она сказала только, что прочла ихъ. Когда человѣкъ убитъ горемъ, онъ обращаетъ вниманіе на то, что первое попадается ему на глаза, а не на то, что для него важнѣе. Если бы она подготовлялась къ показанію заранѣе, то не сказала бы, что Сицилинскій и Отто подписались на завѣщаніи однимъ только своимъ именемъ. Вѣдь завѣщаніе было у ней въ рукахъ въ теченіе 10-ти лѣтъ; неужели она не могла изучить его достаточно, чтобы помнить, какъ оно было подписано, и не отвѣчать разнорѣчиво въ вашемъ присутствіи. Вся совокупность отвѣтовъ Бѣляевой показываетъ, что она отвѣчала неопредѣленно подъ вліяніемъ весьма понятнаго смущенія. Намъ говорятъ, что она давала раздражительнымъ тономъ отвѣты «да», «нѣтъ». Но можно ли оставаться хладнокровнымъ, когда лицо, не уполномоченное къ тому закономъ,

прежде начала допроса, просить о запискѣ въ протоколъ ея показаній, на случай возбужденія вопроса о лжесвидѣтельствѣ? Если бы это сдѣлалъ г. прокуроръ—и тогда Бѣляева не могла бы остаться къ этому равнодушной; но если это дѣлаетъ лицо, имѣющее только гражданскій интересъ въ дѣлѣ, то является не только смутное состояніе безпокойства, но и весьма понятное раздраженіе, и если это раздраженіе слышалось въ отвѣтахъ Бѣляевой повѣренному гражданскаго истца, то это совершенно естественно. Затѣмъ, г. прокуроръ опять задается цѣлымъ рядомъ вопросовъ: отчего не было того, отчего не было другаго, отчего то или другое было сдѣлано такъ или иначе? Посмотримъ, могутъ ли насъ привести къ чему-нибудь подобные вопросы. Г. прокуроръ говоритъ: странноедѣло, зачѣмъ Бѣляевъ передалъ завѣщаніе на сохраненіе женѣ, зачѣмъ не сдѣлалъ этого раньше, зачѣмъ не внесъ завѣщанія въ какое-нибудь присутственное мѣсто, не передалъ его для храненія какому-нибудь должностному или частному лицу? Но опять повторяю, можно ли требовать такимъ образомъ отчета отъ человѣка, зачѣмъ онъ поступилъ такъ, а не иначе? Каждый человѣкъ можетъ поступать различно, хуже или лучше, осторожнѣе или не осторожнѣе. Если онъ избираетъ средство, которое кажется намъ менѣе цѣлесообразнымъ, неужели изъ этого можно выводить, что онъ вовсе того или другаго не сдѣлалъ? Бѣляевъ могъ раньше не передавать завѣщанія женѣ, потому что считалъ возможнымъ его измѣнить и думалъ, когда соберется съ силами, написать другое завѣщаніе; затѣмъ, увидѣвъ что здоровье его все больше и больше разстраивается, онъ могъ рѣшиться оставить завѣщаніе какъ оно есть, и передаетъ его женѣ. Что же тутъ удивительнаго? Бездна завѣщаній пропадаетъ, можетъ быть, отъ непринятія завѣщателями предосторожностей, но какъ бы то ни было, завѣщанія далеко не всегда вносятся для храненія въ присутственное мѣсто; притомъ, этотъ обрядъ особенно полезенъ только тогда, когда исполненъ лично завѣщателемъ, а въ послѣднія недѣли передъ смертью Бѣляевъ, какъ извѣстно, не выѣзжалъ. Бѣляевъ передалъ завѣщаніе женѣ, потому, что ему хотѣлось, чтобы, во избѣжаніе заботъ, оно заблаговременно было въ

рукахъ ея. Онъ не говоритъ ей, что это за бумага. Но вѣдь передача какой-нибудь бумаги въ торжественную минуту жизни достаточна, чтобы обратить на нее вниманіе получающаго. Еще спрашиваютъ: зачѣмъ онъ не сказалъ женѣ, что именно оставилъ ей? Но къ чему было такое перечисленіе? Естественно ли ожидать такого разговора между мужемъ и женой, которые другъ друга любятъ, если притомъ не имѣютъ дѣтей и жена сама по себѣ достаточно обезпечена. Понятно, что человѣкъ нѣжный, какимъ былъ Бѣляевъ, какимъ онъ является въ своихъ письмахъ и былъ выставленъ прокуроромъ, понятно, что такой человѣкъ избѣгаетъ подобнаго разговора. Г. прокуроръ идетъ далѣе, онъ говоритъ: почему Бѣляева не спросила мужа, сколько и что онъ ей оставилъ? Такой вопросъ совершенно немыслимъ при той обстановкѣ, которая господствовала въ семействѣ Бѣляевыхъ, тѣмъ болѣе, что для Бѣляевой вопросъ: сколько оставилъ ей мужъ? не былъ вопросомъ жизни или смерти; она женщина не бѣдная, имѣла свои винокуренные заводы и прекрасные дома и знала, что послѣ смерти мужа останется во всякомъ случаѣ въ хорошемъ матеріальномъ положеніи. Вотъ, всѣ эти соображенія и несомнѣнное горе Бѣляевой, въ которомъ только повѣренному гражданскаго истца угодно было сомнѣваться, показываютъ ясно: почему и въ первое время послѣ смерти Бѣляева она не торопилась раскрыть завѣщаніе и не тотчасъ приняла мѣры къ его засвидѣтельствованію. Говорятъ, что она держала его 40 дней въ безгласности. Нѣтъ, она такъ показала; но это одна изъ неточностей, которыя составляютъ главный признакъ искренности. Она представила завѣщаніе къ засвидѣтельствованію на 23-й день. Бѣляевъ умеръ 24-го сентября, а завѣщаніе внесено въ Палату 16-го октября. Говорятъ, зачѣмъ она не успокоила несчастную заболѣвшую Ремянникову, не сказала тотчасъ, что ей оставлено 4,000 р.? Но что такое 4,000 руб. для женщины старой, одинокой, которая привыкла къ хорошей матеріальной обстановкѣ? Для нея гораздо важнѣе было знать, оставитъ ли ее свояченица у себя на прежнемъ положеніи. Можетъ быть она сначала въ этомъ сомнѣвалась и просила помощи Мясникова? Но что показывала здѣсь на судѣ Бѣляева? Она по-

казала, что успокоила Ремянникову, обѣщала ей не оставлять ее. Затѣмъ, ужъ безразлично когда, она сказала ей, что именно ей завѣщено. Слѣдовательно, предположеніе, что болѣзнь Ремянниковой зависѣла отъ неопредѣленности ея положенія, совершенно не выдерживаетъ критики. Затѣмъ, г. прокуроръ говоритъ о негодованіи Шмелева, который считалъ себя въ правѣ думать, что ему что-нибудь оставлено, и удивлялся, какъ же этого въ завѣщаніи нѣтъ. Но гдѣ доказательства, что о негодованіи его было извѣстно Бѣляевой? Притомъ, о негодованіи Шмелева намъ извѣстно изъ источника очень подозрительнаго. Однимъ словомъ, какъ ни посмотрѣть на дѣло, совершенно понятно, что Бѣляева могла первые дни послѣ смерти мужа не говорить о завѣщаніи, не представлять его къ явкѣ. Но говорятъ, есть довѣренность, которою Бѣляева еще въ сентябрѣ уполномочила Мясниковыхъ вести всѣ свои дѣла. Но, во-первыхъ, въ этой довѣренности нѣтъ ничего о завѣщаніи, и во-вторыхъ, она написана неизвѣстно кѣмъ, неизвѣстно по чьему приказанію; можетъ быть по распоряженію Мясникова или другаго лица, можетъ быть управляющаго конторою. Такая довѣренность на всякій случай была приготовлена; но дѣло въ томъ, что она никогда не была выдаваема, слѣдовательно выводъ, что въ концѣ сентября Бѣляева хотѣла распоряжаться дѣлами и дать ходъ завѣщанію, ни на чемъ не основанъ. Во всякомъ случаѣ эта довѣренность не говоритъ ничего ни въ пользу, ни противъ подлинности завѣщанія. Наконецъ, остается еще одно, кажется послѣднее соображеніе, касающееся завѣщанія. Говорятъ,—какъ можно допустить, чтобы Бѣляевъ, любившій свою жену, оставилъ завѣщаніе, которое могло только поставить ее въ затрудненіе? Можно ли допустить, что Бѣляевъ, зная, что у него есть деньги, оставилъ женѣ состояніе, обремененное долгами, чуть ли не свыше стоимости его? Этотъ вопросъ болѣе относится къ послѣднему вопросу—о величинѣ состоянія Бѣляева; но допустимъ, что мы уже доказали, что состояніе было небольшое, обремененное долгами. Не забудьте, что Бѣляевъ составилъ завѣщаніе 10-го мая, въ то время, когда не зналъ, какой оборотъ примутъ его дѣла, и могъ думать,

что въ моментъ его смерти положеніе ихъ будетъ весьма благопріятно. Онъ могъ надѣяться, что проживетъ еще долго, такъ какъ его болѣзнь принадлежала къ числу тѣхъ, которыя могутъ и быстро окончиться, и продолжаться очень долго. Наконецъ, Бѣляева и на самомъ дѣлѣ получила по условію, 22-го декабря, независимо отъ всѣхъ ея собственныхъ имѣній, 120,000 р. капитала, т. е. разницу между сохранною роспискою и цѣнностью уступленнаго Мясниковымъ имѣнія Бѣляева. Сверхъ того Бѣляева получила въ свою пользу такое имущество ея мужа, которое не было уступлено Мясниковымъ по условію 22-го декабря. На это есть одно указаніе: какъ видно изъ свѣдѣній, доставленныхъ Олонецкою Казенною Палатой, Бѣляева послѣ смерти мужа и окончанія разсчетовъ по олонецкому откупу, получила половину оставшейся суммы за вино, именно 9,000 рублей, а другая половина пошла Красильникову. Можетъ быть, она получила и другія суммы; вѣдь по условію 22-го декабря къ Мясниковымъ перешли только одни предпріятія Бѣляева, а у него, какъ видно изъ счета 10-го сентября 1857 г., были должники, которые, можетъ быть, заплатили Бѣляевой. Итакъ, составленіе такого завѣщанія съ любовью Бѣляева къ женѣ, неподлежащею никакому сомнѣнію, нисколько въ противорѣчіи не находится.

Прежде чѣмъ продолжать рѣчь, я просилъ бы, на основаніи состоявшагося вчера опредѣленія Суда, предъявить счеты гг. присяжнымъ засѣдателямъ. (Счеты предъявляются). Обращаюсь теперь къ самому существенному вопросу: не имѣлъ ли кто-нибудь, и кто именно, интереса составить подложное завѣщаніе? Этотъ вопросъ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о состояніи Бѣляева. Я долженъ просить извиненія, что буду утруждать васъ цифрами, но это необходимо для разъясненія дѣла. Въ этомъ отношеніи существуетъ нѣкоторое разногласіе между моими противниками. Прокуроръ и отчасти одинъ изъ повѣренныхъ гражданскаго истца придаютъ значеніе этому вопросу; они понимаютъ, что въ такомъ дѣлѣ, какъ настоящее, нельзя обойти вопроса: былъ ли какой-нибудь интересъ составить подложное завѣщаніе, что нельзя относиться свысока къ вопросу, какъ

велико было состояніе Бѣляева? Другой повѣренный гражданскаго истца настойчиво указываетъ, что этотъ вопросъ не имѣетъ значенія, даже возражалъ противъ единственнаго средства, которое мы имѣемъ, чтобъ познакомить васъ съ этой стороной дѣла, именно противъ предъявленія счетовъ. Полагаю, что всѣ заранѣе поняли, какъ важенъ этотъ вопросъ въ настоящемъ дѣлѣ. Прежде всего я долженъ заявить, что вполнѣ согласенъ съ тою характеристикою Бѣляева, которую сдѣлалъ г. прокуроръ. Онъ отнесся къ личности Бѣляева съ уваженіемъ, и, мнѣ кажется, иначе отнестись къ ней нельзя. Бѣляевъ дѣйствительно принадлежалъ къ числу тѣхъ усердныхъ и ревностныхъ слугъ, которые интересы своихъ хозяевъ ставятъ выше своихъ собственныхъ. Послѣ этой характеристики, мнѣ кажется, я могу только вкратцѣ указать на тотъ прискорбный вопросъ, который былъ сдѣланъ одному изъ свидѣтелей повѣреннымъ гражданскаго истца. Онъ спросилъ вчера одного изъ свидѣтелей: какъ вы полагаете, еслибы Бѣляевъ захотѣлъ употребить во зло довѣріе Ив. Ѳ. Мясникова, то могъ ли онъ обогатиться? Я полагаю, что этотъ вопросъ не можетъ возникнуть въ настоящемъ дѣлѣ, потому что какъ обвинительная власть, такъ и защита вполнѣ признаютъ, что о неправильномъ происхожденіи состоянія Бѣляева не можетъ быть рѣчи. Затѣмъ, намъ надобно условиться насчетъ того, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ большихъ капиталистовъ и малыхъ, и въ какой степени слѣдуетъ при этомъ руководствоваться показаніями свидѣтелей. Г. прокуроръ по этому поводу высказалъ теорію, съ которой едва-ли можно согласиться. Онъ полагаетъ, что послѣ 1858 года понятія общества о большомъ и маломъ капиталахъ измѣнились, сообразно съ измѣнившимся распредѣленіемъ собственности въ разныхъ рукахъ. По мнѣнію г. прокурора, при существованіи откуповъ, при возможности быстраго, почти внезапнаго обогащенія, понятіе о большихъ капиталахъ 14 лѣтъ тому назадъ было другое, чѣмъ теперь. Тогда большимъ капиталистомъ считался тотъ, который, подобно Воронину, Кокореву, Бенардаки—откупнымъ царькамъ—располагалъ громадными средствами; маленькимъ же тотъ, который, по-

добно Бѣляеву, какъ понимаетъ обвинительная власть, обладалъ капиталомъ въ 400,000—600,000 руб. Замѣчу мимоходомъ, что здѣсь въ первый разъ настоящее дѣло является низведеннымъ хотя до чего-нибудь подходящаго къ его настоящему значенію. Не говоря уже о слухахъ и о заявленіяхъ гражданскихъ истцовъ, цѣнившихъ состояніе Бѣляева въ нѣсколько милліоновъ, даже запрещеніе по настоящему дѣлу при предварительномъ слѣдствіи было наложено въ суммѣ 1.300,000 р. Теперь уже капиталъ Бѣляева опредѣляютъ совершенно иначе, но все-таки остается еще весьма много сдѣлать, чтобъ возстановить истину. Итакъ, я возвращаюсь къ вопросу о состояніи Бѣляева и говорю, что если теперь не существуетъ откупа, то существуютъ другія, незнакомыя прежде средства такого же быстраго, внезапнаго обогащенія, не всегда соотвѣтствующаго труду и силамъ, для того употребленнымъ: если прежде были откупа, теперь есть концессіи; если прежде былъ торгъ виномъ, въ настоящее время есть постройка желѣзныхъ дорогъ; если тогда слыли за большихъ капиталистовъ Воронинъ или Каншинъ, то въ настоящее время такими же капиталистами слывутъ Поляковъ и многіе другіе, которыхъ не зачѣмъ называть. Относительное значеніе понятій о большомъ и маломъ капиталѣ не измѣнилось. Затѣмъ спрашивается: въ какой степени мы можемъ руководствоваться, при опредѣленіи состоянія Бѣляева, показаніями свидѣтелей? Это, по моему мнѣнію, зависитъ оттого, что они показываютъ. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что считали Бѣляева за человѣка богатаго, считали его капиталъ въ 300,000, 400,000 даже въ 500,000 руб. На этомъ они останавливаются, не даютъ точныхъ свѣдѣній о его дѣлахъ и предпріятіяхъ. Такимъ показаніямъ можно давать вѣру относительно ихъ добросовѣстности, но серьезныхъ выводовъ изъ нихъ дѣлать нельзя. Гораздо большее значеніе имѣютъ тѣ свидѣтели, которые опредѣляютъ съ точностью дѣла умершаго и знаютъ даже, на чемъ онъ имѣлъ барышъ, на чемъ убытокъ. Къ первой категоріи свидѣтелей принадлежитъ Гротенъ, Молво, Перозіо; ко второй—Бенардаки и Ненюковъ. Затѣмъ, я расхожусь съ обвинительною властію по одному предмету: обвинительная власть настаиваетъ на различіи между оффи-

ціальными документами и неоффиціальными бумагами, которыя имѣются въ настоящемъ дѣлѣ. Обвинительная власть говоритъ, что нужно руководствоваться отношеніемъ оберъ-прокурора 1-го Департамента Сената, свѣдѣніями, полученными изъ Сената, изъ Казенныхъ Палатъ и т. п.; а что счеты Бѣляева, его росписки, домовая расходная тетрадь не имѣютъ существеннаго значенія. Въ этомъ отношеніи я стою на точкѣ зрѣнія совершенно противоположной. Представимъ себѣ, напримѣръ, что, руководствуясь одними оффиціальными свѣдѣніями, мы опредѣлили бы участіе Бѣляева въ херсонскомъ откупѣ въ 25-ти паяхъ. Послѣ нѣкоторыхъ данныхъ, представленныхъ защитою вчера, обвинительная власть признала херсонскій откупъ почти непринадлежащимъ Бѣляеву, т. е. принадлежащимъ ему только въ пяти паяхъ, которыми онъ почти не пользовался. Руководствуясь одними оффиціальными документами, мы пришли бы, слѣдовательно, къ фальшивому заключенію о состояніи Бѣляева. Поэтому, чтобы составить правильное заключеніе, нѣтъ другаго средства, какъ обратиться къ пренебрегаемымъ обвинительною властію, а по моему мнѣнію очень важнымъ, домашнимъ роспискамъ и счетамъ. Притомъ, такъ ли они не важны, какъ кажется съ перваго взгляда? Если извѣстное торговое лицо ведетъ книги по строгимъ правиламъ бухгалтеріи, тогда частныя его записки особаго значенія не имѣютъ. Но развѣ Бѣляевъ велъ торговыя книги? Развѣ есть другія основанія доказывать величину его состоянія, основанія болѣе точныя, чѣмъ, напримѣръ, отчетъ Бѣляева предъ Мясниковыми? Правда, свидѣтель Красильниковъ перечислялъ подробно всѣ книги Бѣляева, но вѣдь Красильниковъ одинъ изъ устраненныхъ свидѣтелей. Что касается Китаева, то, не смотря на пристрастіе его въ ту же самую сторону, какъ Красильниковъ, онъ на предварительномъ слѣдствіи показалъ, что въ конторѣ книгъ не велось. Лучшимъ доказательствомъ, что ихъ не было, служитъ исходящая тетрадь, въ которой записывается росписка въ 272,000 руб. Итакъ, я думаю, что записки и счеты Бѣляева имѣютъ важное значеніе, потому что всѣ писаны собственноручно; я не предполагаю, чтобы могло быть оспорено значеніе этого доказательства.

Предпославъ эти предварительныя соображенія, я перейду къ разсмотрѣнію вопроса о состояніи Бѣляева. Оно заключалось главнымъ образомъ въ откупахъ. По поводу откуповъ много было говорено вчера мною самимъ и противною стороною; поэтому я ограничусь немногими замѣчаніями. Обвинительная власть продолжаетъ утверждать, что вологодскій откупъ представлялъ большую цѣнность, что если 20,000 руб. дано за послѣдніе 4 мѣсяца, значитъ онъ приносилъ 60,000 въ годъ. Обвинительная власть, кажется, не такъ поняла вчерашнее мое заявленіе. Я не утверждалъ, чтобы откупщикъ въ послѣдніе четыре мѣсяца пускалъ вино въ продажу по возвышенной цѣнѣ; я говорилъ только, что къ концу срока содержанія откупа старый откупщикъ передавалъ новому всѣ свои заведенія, имущество и запасы, и вотъ почему въ концѣ срока содержанія откупъ могъ быть уступленъ за сравнительно высокую цифру. Припомните объясненіе Красильникова о передачѣ олонецкихъ откуповъ въ концѣ 1858 г.; въ этомъ ему вполнѣ можно вѣрить, потому что онъ показывалъ не въ пользу подсудимыхъ. Красильниковъ показалъ, что въ концѣ 1858 г. онъ былъ озабоченъ полученіемъ довѣренности отъ Бѣляевой и Мясниковыхъ, именно для окончанія этихъ важныхъ въ откупномъ дѣлѣ разсчетовъ. Слѣдовательно, 20,000 р., заплаченные за 4 послѣдніе мѣсяца, не могутъ служить мѣриломъ для дѣйствительной стоимости откупа. Изъ 10,000, полученныхъ въ задатокъ за Устюгъ, 4,000 пошли къ А. Мясникову; столько же, пропорціонально $^2/_5$, должно было, вѣроятно, достаться Ив. Константиновичу, такъ что Бѣляевъ и здѣсь является имѣющимъ на самомъ дѣлѣ $^1/_5$ своего номинальнаго участія въ откупѣ. Я укажу еще, что по его расходной тетради и по счетамъ значатся выданными Мясниковымъ по вологодскимъ откупамъ 53,000 р. Что касается херсонскаго откупа, то мнѣ кажется, что указанные мною вчера документы и соображенія позволяютъ исключить изъ счета состоянія Бѣляева этотъ откупъ по двумъ причинамъ: во-1-хъ, Бѣляевъ взялъ этотъ откупъ по порученію Мясниковыхъ, и всѣ деньги, которыя получалъ съ него, передавалъ имъ почти безъ остатка; во-2-хъ, въ августѣ 1858 г. херсонскій откупъ былъ уже совсѣмъ переданъ и разсче-

ты по немъ почти покончены. Объ олонецкихъ откупахъ есть свѣдѣніе въ счетѣ Бѣляева отъ сентября 1858 г., гдѣ сказано, что имъ вложенъ въ нихъ капиталъ въ 29,000. Красильниковъ показалъ, что они стоили въ концѣ 1858 г. до 70,000 руб. Я готовъ принять и эту цифру. Затѣмъ, говорили о доходахъ, которые Бѣляевъ получалъ отъ откупнаго дѣла; но есть имущества съ доходомъ постояннымъ, есть другія—съ временнымъ доходомъ; откупа принадлежатъ къ послѣдней категоріи, и доходы съ нихъ должны были для Бѣляева совершенно прекратиться въ 1858 г., не говоря уже о томъ, что откупа не всегда давали доходъ, а часто убытокъ. Изъ всего сказаннаго видно, что если даже принять цѣнность Олонецкихъ откуповъ въ 70,000 руб., если допустить негласное участіе Бѣляева въ откупѣ земли Войска Донскаго, то все-таки вся цѣнность его участія въ откупныхъ дѣлахъ къ концу 1858 года составляла лишь съ небольшимъ 100,000 руб. Затѣмъ, мы знаемъ, что залоги, предоставленные по откупамъ, принадлежали не одному Бѣляеву. По вологодскимъ и херсонскимъ откупамъ часть залоговъ внесена была на счетъ Мясниковыхъ, а по Олонецкой губерніи залогъ довѣренъ Бѣляеву его женою. Что касается до откуповъ на срокъ 1859—1863 г., то общая цифра представленныхъ Бѣляевымъ залоговъ составляла сначала 109,000 руб., а потомъ понизилась до 71,000 руб., въ число которыхъ входилъ и домъ Бѣляевой. Но что же даетъ право причислить эту сумму къ активному капиталу Бѣляева? Сплошь и рядомъ въ залогъ по откупамъ представлялись чужія цѣнности. Вы слышали вчера, что билеты Коммиссіи Погашенія Долговъ на сумму 140,000 руб., которые явились въ числѣ залоговъ Бѣляева и которые Бѣляева разыскивала во время ссоры съ Мясниковыми, на самомъ дѣлѣ были возвращены Бѣляевымъ А. Мясникову; что когда ставропольскій откупъ былъ переданъ отъ Бѣляева Мясникову, то залоги, представленные Бѣляевымъ, но принадлежавшіе Валохову и Андрееву, на сумму почти до 300,000 руб., были возвращены двумъ послѣднимъ; что въ спискѣ залоговъ Бѣляева значится и 4 билета Коммерческаго Банка на сумму 700,000 руб., которые принадлежали одной изъ дѣвицъ Мясниковыхъ, и билетъ Пухова,

принадлежавшій вдовѣ его и представленный Бѣляевымъ въ залогъ по вологодскимъ откупамъ. Вы, знаете съ другой стороны, что послѣ смерти И. Ѳ. Мясникова осталось до полутора милліона въ билетахъ разныхъ кредитныхъ учрежденій. Не ясно ли, что при опредѣленіи состоянія Бѣляева залоги, представляемые имъ, въ соображеніе принимаемы быть не могутъ. Затѣмъ, я перехожу къ рыбнымъ ловлямъ. Способъ исчисленія ихъ стоимости превосходитъ всякое вѣроятіе. Говорятъ, что Мясниковы не имѣли формальнаго права на рыбныя ловли, составлявшія собственность Бѣляева. Это утверждаютъ на томъ основаніи, что хотя Бѣляевымъ было подано отношеніе о томъ, что $^2/_3$ рыбныхъ ловель онъ уступилъ Мясниковымъ, но контракта заключено не было. Но, вѣдь въ дѣлѣ есть копія съ постановленія Астраханской Коммиссіи о рыбныхъ ловляхъ, изъ котораго видно, что Коммиссія, по выслушаніи доношенія Бѣляева, признала Мясниковыхъ участниками въ $^2/_3$ предпріятія. Въ условіи 22-го декабря сказано, что рыбные промыслы передаются Мясниковымъ въ $^2/_3$, значитъ, остальныя двѣ трети имъ уже принадлежали. Еслибы Бѣляевъ въ моментъ смерти былъ собственникомъ рыбныхъ промысловъ, то они всѣ и были бы переданы Мясниковымъ по условію 22-го декабря. Если стать на точку зрѣнія г. прокурора, то какимъ же путемъ перешли въ собственность Мясниковыхъ остальныя двѣ трети промысловъ? А что они владѣли всею совокупностью промысловъ—это несомнѣнно. Затѣмъ, г. прокуроръ совершаетъ другія операціи надъ рыбными ловлями: онъ цѣнитъ ихъ не потому, что онѣ стоили въ моментъ смерти Бѣляева, но по ихъ стоимости нѣсколько лѣтъ спустя. Неправильность этого пріема я могу объяснить слѣдующимъ примѣромъ: представьте себѣ, что я строю фундаментъ дома, затѣмъ умираю; мои наслѣдники возводятъ на этомъ фундаментѣ 4-хъ этажный домъ. Неужели можно утверждать, что въ моментъ моей смерти эта постройка имѣла уже ту цѣнность, которую пріобрѣла по совершенномъ окончаніи ея? Вотъ что дѣйствительно стоили рыбныя ловли въ моментъ смерти Бѣляева въ 1869 г.: во 1-хъ, отступнаго было заплачено Бѣляевымъ и обоими Мясниковыми 124,000, слѣдовательно на долю Бѣляева приходилось не много болѣе

40,000; затѣмъ, на рыбныя ловли затрачено Бѣляевымъ 161,66 руб. въ первый разъ и 25,000 р. во второй разъ, всего 41,166 руб. Присоединивъ къ этому $^1/_3$ залоговъ, т. е. 8,000 руб., мы увидимъ, что Бѣляевымъ было положено въ долю съ небольшимъ 90,000 руб., что и составляло цѣнность $^1/_3$, принадлежавшей Бѣляеву,—цѣнность, опредѣленную на основаніи обыкновенныхъ пріемовъ, употребляемыхъ при разрѣшеніи въ дѣлахъ гражданскихъ и въ практической жизни вопросовъ о стоимости имуществъ. Но г. прокуроръ въ настоящее время признаетъ возможнымъ отступить отъ всѣхъ принятыхъ и возможныхъ способовъ оцѣнки; онъ принимаетъ въ основаніе стоимость ловлей въ 1861 году, когда Мясниковыми былъ вложенъ въ нихъ большой капиталъ (въ 1866 г.—297,000), слѣдовательно, когда онѣ стараніями Мясниковыхъ пріобрѣли значительно большую цѣнность. Но если даже принимать въ соображеніе ихъ стоимость въ 1861 г., то и тогда ничѣмъ не доказано предположеніе, что онѣ стоили 899,000 руб. Говорятъ, что ловли были переданы Бутовичу Трощинскимъ за 1,030,000 руб. Но вѣдь эта передача не состоялась. Одновременно съ передачею рыбныхъ промысловъ Мясниковы не внесли слѣдовавшей съ нихъ арендной платы, рыбныя ловли были взяты въ казенное управленіе и наложено было запрещеніе на имѣніе Мясниковыхъ въ 624,000 р., т. е. соотвѣтственно количеству арендной платы, причитавшейся къ полученію до окончанія срока контракта, а не соотвѣтственно стоимости промысловъ. Запрещеніе это, вслѣдствіе жалобы Мясниковыхъ, было снято, но рыбные промыслы оставались нѣсколько времени какъ бы безъ хозяина, неизвѣстно кто владѣлъ ими: Мясниковы перестали ими завѣдывать, Трощинскій не вступалъ во владѣніе; наконецъ въ 1864 г. является повѣренный Трощинскаго и принимаетъ ихъ отъ Мясниковыхъ, причемъ все принятое имущество оцѣнено менѣе чѣмъ въ 400,000 руб. Свидѣтельствуетъ ли все это о значительной цѣнности рыбныхъ промысловъ? Рискуютъ ли потерять имущество, стоющее 900,000 р. изъ-за невзноса арендной платы въ 24,000 руб. Оставляютъ ли такое имущество въ чужомъ владѣніи въ продолженіи почти трехъ лѣтъ? Очевидно, что рыбныя

ловли даже въ 1861, даже въ 1864 годахъ, послѣ всѣхъ затратъ, сдѣланныхъ Мясниковыми, не имѣли особенно большой цѣнности. Что же онѣ могли стоить въ 1855 г. въ самомъ началѣ дѣла? Слѣдовательно, кажется можно съ такою же математическою точностью, съ какою я опредѣлилъ цѣнность откуповъ въ 75—100 тыс., опредѣлить цѣнность рыбныхъ ловель въ 96—95 тыс. Затѣмъ, что еще остается? Откинемъ разныя фантастическія части состоянія Бѣляева. Намъ говорили объ его участіи въ самыхъ разнообразныхъ предпріятіяхъ: въ покупкѣ завода Берда, въ учрежденіи газоваго общества и т. д., но мы хорошо знаемъ, что въ моментъ его смерти ни одно изъ этихъ предпріятій не было въ ходу. Соглашеніе съ Бердомъ не состоялось еще при жизни Бѣляева, заводъ Герцога Лейхтенбергскаго перешелъ къ другому лицу, Газовое Общество было учреждено послѣ смерти Бѣляева. По этому предпріятію Бѣляевъ потратилъ 4,000 р., но расходная тетрадь показываетъ, что онъ выдалъ ихъ Молво за счетъ Мясниковыхъ. Во всѣхъ предпріятіяхъ Бѣляевъ является компаньономъ Мясниковыхъ, человѣкомъ, доставляющимъ опытность и трудъ, а Мясниковы людьми, дающими капиталъ. Не знаю, какъ можетъ доказать повѣренный гражданскаго истца свое мнѣніе о принадлежности Бѣляеву долговъ И. Ѳ. Мясникова. Для меня, какъ и для обвинительной власти, совершенно ясно, что эти долги составляли собственность Мясниковыхъ. Вы помните заявленіе свидѣтеля Гротена, что онъ покупалъ векселя по порученію Мясниковыхъ, получалъ на это деньги изъ ихъ капитала и полученныя изъ конкурса деньги передавалъ имъ. Но развѣ съ Гротеномъ дѣйствовали другія лица, которыя скупали претензіи на счетъ Мясниковыхъ и которыя значатся вмѣстѣ съ Гротеномъ въ собственноручныхъ запискахъ Бѣляева, представленныхъ мною къ дѣлу. Наконецъ, въ отчетѣ, представленномъ Мясниковымъ отъ Бѣляева, показано въ ихъ активѣ претензій на И. Ѳ. Мясникова на сумму 96,000 р. Эти соображенія, кажется, достаточно доказываютъ, что всѣ долговыя претензіи на И. Ѳ. Мясникова были пріобрѣтены Бѣляевымъ и другими лицами, по его порученію, за счетъ Мясниковыхъ. Прибавлю еще одно соображеніе. Въ той

части условія 22-го декабря 1858 г., въ которой перечислены всѣ части имѣнія, перешедшаго отъ Бѣляевой къ Мясниковымъ, претензіи на И. Ѳ. Мясникова вовсе не упомянуты, конечно потому, что онѣ не входили въ составъ состоянія Бѣляева. Изъ болѣе реальныхъ частей его состоянія упомяну прежде всего о золото-промывательной машинѣ. Этой машиной онъ дѣйствительно владѣлъ, но едва ли можно сказать, что она что-нибудь стоила; на это нѣтъ никакихъ указаній. Есть замѣтка Бѣляевой, что машина стоитъ 20,000 р., но вѣроятно тутъ принята въ соображеніе цифра расходовъ, сдѣланныхъ на машину, которая, какъ видно изъ документовъ, дѣйствительно составляла около 20,000 руб. Бѣляева могла думать, что цѣнность машины опредѣляется количествомъ затратъ на нее сдѣланныхъ. Но предпріятіе могло быть удачнымъ или неудачнымъ. Мы не знаемъ даже, была ли примѣнена къ дѣлу эта машина. Затѣмъ, у Бѣляева была лѣсная торговля, которая, какъ мы знаемъ изъ показаній свидѣтелей, принесла ему большой убытокъ. Размѣры ея въ 1859 г. были весьма не велики. Тѣ никѣмъ не подписанныя и неизвѣстно кѣмъ писанныя замѣтки, которыя вчера были вамъ прочитаны, сюда не относятся, а контракты, имѣющіеся въ дѣлѣ Гражданской Палаты, показываютъ, что цѣнность дачъ, купленныхъ Бѣляевымъ на срубъ, только немногимъ превышала 10,000 р. Изъ счета капиталовъ Бѣляева на 17-е сентября 1857 года мы видимъ, что въ лѣсное дѣло имъ было вложено 14,000 руб. Затѣмъ, можно прямо перейти къ винокуреннымъ заводамъ. Въ нихъ, какъ видно изъ счета на 17-е сентября, вложенъ Бѣляевымъ капиталъ въ 50,000. Я долженъ предупредить васъ, что винокуренные заводы составляли собственность не Бѣляева, а Бѣляевой; можетъ быть заводы были куплены на его деньги, можетъ быть пущены въ оборотъ съ его помощью, но юридически они во всякомъ случаѣ принадлежали одной Бѣляевой, которая могла распорядиться ими и безъ завѣщанія мужа. Я долженъ однако остановиться на оцѣнкѣ этихъ заводовъ. Обвинительная власть цѣнитъ ихъ въ 200,000 р., основываясь на свѣдѣніяхъ, относящихся къ лѣту 1858 г. При этомъ принимаются въ сообра-

женіе и залоги, которые я прошу устранить, потому что очень часто залоги не бываютъ собственностію того, кто ихъ представляетъ. Мы даже не знаемъ, состояли ли въ данномъ случаѣ залоги изъ денегъ или имѣній. Что касается до оборотнаго капитала, то количество его безпрестанно измѣнялось, и мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что въ концѣ 1858 г. положеніе заводовъ было бѣдственное; управляющій ими долженъ былъ прибѣгать къ займамъ, для продолженія винокуренія. Есть одно письмо, почти отчаянное, что если Бѣляева или Мясниковы не пришлютъ денегъ, то винокуреніе должно будетъ остановиться. Цѣнность винокуреннаго завода зависитъ отъ хода подрядовъ и поставокъ, отъ цѣнъ на хлѣбъ, отъ количества оборотнаго капитала. Такого капитала у Бѣляевой не было, и вотъ почему цѣна (100,000 р.), за которую она передала заводы Мясниковымъ, не можетъ быть признана несоразмѣрно низкою. Я забылъ еще сказать о мебельномъ магазинѣ. Насчетъ его стоимости спорить не буду. Я готовъ оцѣнить его въ 30,000 р., потому что мы имѣемъ свѣдѣнія, близко подходящія къ этой цифрѣ. Итакъ, активъ состоянія Бѣляева въ моментъ его смерти простирался отъ 200 до 300,000 р. Теперь обратите вниманіе на пассивъ. Здѣсь мы встрѣчаемся со счетами или отчетами на 1-е сентября 1857 г. и 14-е мая 1858 г. Изъ отчета на 1-сентября видно, что Бѣляевъ долженъ былъ къ этому числу Мясниковымъ 263,000 р. Этимъ дѣло однако не исчерпывается, потому что въ томъ же отчетѣ показана имъ приготовленною для раздѣла сумма 43,700 руб. и братьямъ сдѣлокъ (т. е. отступнаго) 22,500 р. Что эта послѣдняя сумма дѣйствительно слѣдовала братьямъ Мясниковымъ, доказывается тѣмъ, что потомъ, при разсчетѣ съ Александромъ и Иваномъ Константиновичами, Бѣляевъ дѣлитъ эту сумму пополамъ и ставитъ каждому изъ братьевъ на приходъ 11,250 руб. Отчетъ на 1-е сентября подтверждается собственноручно запискою Бѣляева отъ 16-го сентября, по которой сумма долговъ его къ этому числу составляетъ около 335,000 руб. Обвинительная власть допускаетъ, что Бѣляевъ къ 1-сентября 1857 г. былъ долженъ Мясниковымъ 263,000 р.; соглашается даже положить эту

сумму въ основу своего разсчета на май мѣсяцъ 1858 г. и выводитъ, что если Мясниковы и не были должны Бѣляеву къ 14-му маю тѣхъ 272,000 р, которые показаны въ отчетѣ 14-го мая, то во всякомъ случаѣ долгъ Бѣляева Мясниковымъ не превышалъ 90,000 р. Затѣмъ, обвинительная власть совершаетъ рядъ произвольныхъ выкладокъ, изъ которыхъ оказывается, что въ моментъ смерти Бѣляева онъ долженъ былъ Мясниковымъ только самую незначительную сумму, нѣсколько тысячъ рублей. При этомъ насъ поражаетъ прежде всего слѣдующая странность. 14-го мая Бѣляевъ представляетъ счетъ, по которому слѣдуетъ ему съ Мясниковыхъ 22,500 руб. Исправивъ этотъ счетъ по той системѣ, которую допускаетъ обвинительная власть, оказывается, что Бѣляеву слѣдовало заплатить Мясниковымъ 91,378 руб.; вдругъ чрезъ семь дней выдается Бѣляевымъ росписка на 272,000 руб., по имени сохранная, но въ сущности долговая. Какъ объяснить это? Тутъ, очевидно, простая ошибка. Весьма можетъ быть, что обвинительная власть не могла замѣтить эту ошибку; она не имѣла къ тому тѣхъ средствъ, которыя мы имѣемъ, не слышала объясненій, которыя даны намъ нашими довѣрителями въ томъ, что когда въ августѣ 1857 г. Иванъ Мясниковъ возразилъ противъ отчета Бѣляева, то это возраженіе не осталось безъ послѣдствій, возникли несогласія между Бѣляевымъ и Мясниковымъ, и когда 17-мая Бѣляевъ представилъ новый отчетъ, который оказался невѣрнымъ, то Мясниковыми была сдѣлана повѣрка, послѣдствіемъ которой была выдана сохранная росписка въ 272,000 руб., т. е. признаніе со стороны Бѣляева, что онъ долженъ Мясниковымъ эту сумму. Намъ говорятъ, что когда Иванъ Мясниковъ уѣзжалъ въ Астрахань, то онъ хотѣлъ успокоиться. Да, но въ чемъ? Онъ хотѣлъ документа на тотъ капиталъ, который оставался въ рукахъ Бѣляева. Еще съ 1847 г. постоянно оставалась значительная цифра за Бѣляевымъ, когда онъ занимался дѣлами И. Ѳ. Мясникова. Тогда это не возбуждало недоразумѣній; но когда они начались, когда Бѣляевъ, ослабленный болѣзнями и годами, сдѣлался менѣе аккуратнымъ и точнымъ въ своихъ отчетахъ, тогда явилась потребность обезпечить чѣмъ-нибудь полученіе недоданной суммы. Оши-

бочность отчетовъ на 1-е сентября 1857 г. и на 14-е мая 1858 г. доказывается счетами, имѣющимися въ дѣлѣ и вамъ предъявленными. Такимъ образомъ, польза отъ золотыхъ пріисковъ опредѣлена въ отчетѣ на 1-е сентября въ 21,000 рублей, а изъ другаго счета и сдѣланной на немъ собственноручной надписи Бѣляева видно, что сверхъ этой суммы было получено и подлежало представленію отъ Бѣляева еще слишкомъ 125,000 руб. Есть другой подробный счетъ прибылей, полученныхъ по дѣламъ Мясниковыхъ. Я не буду приводить всѣхъ поправокъ, которыя сдѣланы въ немъ рукою Бѣляева. Изъ этого отчета видно, что сумма прихода, вмѣсто 2,273,775 руб., показанной въ отчетѣ на 1-е сентября, составляетъ (включая и приведенную выше разницу по золотымъ пріискамъ) 2,417,743 руб., т. е. на 143,963 руб. болѣе Затѣмъ, есть еще ошибка въ отчетѣ 1-го сентября, которая доказывается совершенно ясно тѣмъ, что въ отчетѣ показаны переданными А. К. Мясникову 233,119 руб., а изъ подробнаго разсчета съ А. К. Мясниковымъ, исправленнаго рукою Бѣляева, видно, что на самомъ дѣлѣ получено А. К. Мясниковымъ только 189,000 руб. Понятное дѣло, что если прежде показано было, что получено А. К. Мясниковымъ 233,000 руб., а на самомъ дѣлѣ получено имъ только 189,000 руб., то разница должна быть поставлена на активъ Мясникова и пассивъ Бѣляева. Такая же ошибка допущена во вредъ И. К. Мясникова на сумму 11,250 руб. Затѣмъ, гг. присяжные засѣдатели, есть еще одна неправильность, которую также легко исправить, а именно въ отчетѣ о капиталѣ на 1-е сентября показано остаткомъ на золотыхъ пріискахъ 95,100 руб., а въ другомъ счетѣ, тоже на 1-е сентября, эта сумма опредѣлена только въ 45,318 руб. Разница между этими цифрами составляетъ 49,781 руб. Если сличить всѣ выведенныя мною суммы и прибавить къ нимъ доходъ, показанный въ отчетѣ 14 мая (105,808 руб.), то выйдетъ всего 618,281 руб., а если вычесть изъ этой цифры 70,162 руб., внесенные Бѣляевымъ въ опеку на счетъ Шишкина и 278,061 руб., израсходованные имъ по отчету на 14-е мая, то выйдетъ около 270,000 руб., т. е сумма весьма близкая къ цифрѣ сохранной росписки. Разница между этими

двумя цифрами объясняется тѣмъ, что не всѣ расходы, сдѣланные Бѣляевымъ, были признаны Мясниковыми при повѣркѣ отчетовъ. Итакъ, приведенныя мною соображенія и цифры вполнѣ устраняютъ ту странность, которая неустранима при системѣ, принятой обвиненіемъ, и вполнѣ объясняютъ происхожденіе росписки въ 272,000 руб. Бѣляевъ убѣдился, что сдѣлалъ ошибку въ счетахъ и, какъ человѣкъ добросовѣстный, загладилъ свою ошибку очень скоро, выдавъ Мясниковымъ сохранную росписку какъ разъ на ту цифру, которую въ ту минуту долженъ былъ имъ уплатить. Намъ говорятъ, что она была уплачена впослѣдствіи и возвращена Бѣляеву. Но какъ доказать это? Бѣляевъ, какъ признаютъ и наши противники, былъ человѣкъ аккуратный; можетъ ли быть, что, получивъ обратно росписку, онъ оставилъ ее въ томъ же самомъ видѣ, ненадорванною, безъ надписи объ уплатѣ, въ числѣ другихъ бумагъ? Столь же невозможно, чтобы, уплативъ деньги, онъ оставилъ росписку въ рукахъ Мясниковыхъ. На чемъ же затѣмъ основано предположеніе о погашеніи сохранной росписки? Гдѣ основаніе предполагать, что Бѣляевъ разсчитался съ Мясниковыми послѣ 21-го мая? Отступное по рыбнымъ ловлямъ онъ уплатилъ по ровнымъ частямъ съ Мясниковыми—это видно изъ расходной тетради. На какомъ основаніи Бѣляевъ передалъ Мясниковымъ ставропольскій откупъ—мы не знаемъ; есть поводъ думать, что онъ былъ переданъ безъ всякаго условія, такъ какъ былъ взятъ Бѣляевымъ съ самаго начала для Мясниковыхъ. Въ томъ счетѣ, который былъ сдѣланъ Бѣляевою, отобранъ у нея и находится при дѣлѣ, за Кавказъ показано 30,000 руб., слѣдовательно больше этой суммы Бѣляеву за передачу ставропольскаго откупа ни въ какомъ случаѣ не причиталось. Итакъ, я считаю вполнѣ доказаннымъ, что когда Бѣляевъ умеръ—положеніе его дѣлъ было таково: съ одной стороны предпріятія, о которыхъ я говорилъ, на сумму не свыше 30,000 руб.; съ другой—долгъ въ 272,000 руб. Разница между активомъ и пассивомъ близко подходящая къ той суммѣ, за которую Мясниковы, не считая сохранной росписки, пріобрѣли отъ Бѣляевой, по условію 22-го декабря, предпріятія ея мужа. Можетъ быть насъ спросятъ: какимъ

образомъ у человѣка, который слылъ капиталистомъ, могло оказаться въ концѣ концовъ состояніе, стоющее не болѣе 20,000 р. Но, во-первыхъ, мы имѣемъ показаніе двухъ свидѣтелей, которые о Бѣляевѣ отзывались какъ о человѣкѣ, у котораго былъ капиталъ небольшой—свидѣтелей весьма компетентныхъ, Ненюкова и Бенардаки. Оба сказали, что въ лучшее время у Бѣляева было состояніе—можетъ быть до 400,000 рублей; но онъ потерялъ въ послѣднее время громадныя, относительно, суммы на лѣсной торговлѣ и другихъ предпріятіяхъ. Есть еще другая причина, которая заставляетъ вѣрить, что у Бѣляева не было большаго состоянія, лично ему принадлежавшаго: въ концѣ жизни онъ пріобрѣлъ на имя жены дома, на отдѣлку и отстройку которыхъ онъ издержалъ, какъ видно изъ имѣющихся въ дѣлѣ счетовъ, весьма значительныя суммы: въ одномъ изъ домовъ есть зала въ два свѣта и вообще домъ отдѣланъ весьма роскошно.. На имя жены были куплены также винокуренные заводы. Можно ли послѣ того удивляться, что у Бѣляева въ концѣ жизни не оказалось большихъ денегъ. Наконецъ, Бѣляевъ обладалъ тѣмъ, что само по себѣ составляетъ капиталъ: онъ обладалъ духомъ предпріимчивости, онъ не терялъ бодрости, несмотря на неудачи, и если терпѣлъ убытокъ въ одномъ дѣлѣ, тотчасъ же хватался за другое, съ помощію капитала Мясниковыхъ и своей опытности въ дѣлахъ; онъ хотѣлъ предпринять, и, можетъ быть, совершилъ бы весьма удачно громадныя компанейскія дѣла. Его состояніе колебалось, какъ состояніе всякаго коммерческаго человѣка, основаннаго на не слишкомъ твердыхъ и незыблемыхъ основаніяхъ. Вотъ мой взглядъ на состояніе Бѣляева, доказанный съ гораздо большею точностью, чѣмъ предположеніе противной стороны. Въ какой степени вѣроятно, чтобъ милліонеры, подобные Мясниковымъ, могли совершить подлогъ для пріобрѣтенія такого состоянія? Вѣдь для того, чтобъ признать, что преступленіе совершилось, надо, чтобъ былъ достаточный къ тому интересъ. Этотъ интересъ, когда рѣчь идетъ о матеріальной выгодѣ, конечно, не одинъ и тотъ же для человѣка бѣднаго, не обезпеченнаго, и для человѣка вполнѣ обезпеченнаго, богатаго. Александръ Константиновичъ и Иванъ

Константиновичъ Мясниковы въ 1858 году только-что начинали жизнь молодыми людьми, при самыхъ блестящихъ условіяхъ: Александру было 26 лѣтъ, Ивану около 25 лѣтъ. Иванъ Мясниковъ собирался жениться. У каждаго изъ нихъ по милліону состоянія. Припомните свѣдѣнія Дворянской опеки, которыя я приводилъ сегодня утромъ; припомните, что уже въ 1857 г. на долю каждаго изъ братьевъ приходилось по 800,000 руб. Затѣмъ умираетъ человѣкъ близкій къ нимъ, съ которымъ они связаны самыми разнообразными связями, у котораго было 20, 30 тысячъ состоянія—и они совершаютъ подложное завѣщаніе, какъ говорятъ мои противники, обдуманно, хладнокровно, а по моему мнѣнію, если стать на точку зрѣнія противной стороны, безъ соблюденія какихъ бы то ни было правилъ осторожности—эта вещь слишкомъ невѣроятная или, лучше сказать, невозможная. Обвинительная власть хорошо понимаетъ, что нужно какънибудь объяснить эту странность и представляетъ вамъ слѣдующее предположеніе: Мясниковы были связаны съ Бѣляевымъ общностью интересовъ; у нихъ были дѣла общія, такъ что, если Бѣляевъ умеръ, не оставивъ завѣщанія, то имъ было бы весьма трудно разсчитываться съ наслѣдниками, доказать, что имъ принадлежитъ извѣстная доля въ дѣлахъ Бѣляева. Кромѣ того, время горячее: возникаютъ новыя предпріятія, откупа доживаютъ свой вѣкъ; нужно воспользоваться обстоятельствами, нельзя этого сдѣлать иначе, какъ присвоивъ себѣ состояніе Бѣляева. Справедливо ли все это? Представимъ себѣ, что Мясниковы не пріобрѣли бы состоянія Бѣляева: чтобы они чрезъ то потеряли? Во-первыхъ, самъ г. прокуроръ говоритъ, что Мясниковы перевезли къ себѣ свои бумаги; слѣдовательно, они имѣли всѣ средства доказать, что имъ принадлежитъ извѣстная доля состоянія Бѣляева. Неужели, еслибъ они явились въ гражданскій судъ со счетами, собственноручною тетрадью Бѣляева, черновымъ условіемъ съ расходною книжкою и свидѣтельскими показаніями Каншина и другихъ лицъ, они не могли бы добиться на судѣ признанія своего права? Въ самомъ неблагопріятномъ случаѣ, чего бы они лишились? 8—10 тысячъ на вологодскихъ откупахъ, да можетъ быть чего-нибудь на херсонскихъ, хотя послѣдніе, какъ мы зна-

емъ, еще при жизни Бѣляева перешли въ собственность къ Каншину. Затѣмъ, ставропольскій откупъ былъ въ ихъ рукахъ. Земли Войска Донскаго— тоже; былъ ли Бѣляевъ въ этихъ откупахъ негласнымъ компаньономъ—это все равно, потому что оффиціально онъ въ нихъ участія не принималъ. Въ рыбныхъ ловляхъ Мясниковымъ принадлежали, правда, только двѣ трети; но развѣ имъ трудно было бы пріобрѣсти остальную треть отъ законныхъ наслѣдниковъ Бѣляева? Кто эти наслѣдники? Та же Бѣляева, Ремянникова, одинокая и бездѣтная женщина, наконецъ, Мартьянова, бѣдная сарапульская мѣщанка. Съ кѣмъ легче вести разговоры—съ человѣкомъ, который самъ обезпеченъ, который можетъ совѣтоваться съ лучшими адвокатами и имѣетъ всѣ средства вести дѣло въ судахъ и въ старое время, или съ бѣдною женщиною, приславшею въ Петербургъ повѣреннаго, который за двѣ тысячи рублей уступаетъ половину наслѣдства? Конечно, съ Мартьяновой легче было бы сойтись, чѣмъ съ Бѣляевою, которая, какъ мы знаемъ, не сразу подписала условіе 22-го декабря, а послѣ долгихъ переговоровъ, въ которыхъ участвовали Гротенъ и Богуславскій. Затѣмъ, является другое объясненіе со стороны гражданскаго истца: сохранная росписка, не формальная, которую Бѣляева признавала юридически недѣйствительною, другими наслѣдниками могла быть отвергнута, а Бѣляевой была принята. Но гдѣ доказательства, что сохранная росписка была недѣйствительна? Бѣляева отвѣчала не такъ, какъ говорилъ г. повѣренный гражданскаго истца; вы, конечно, поняли ея отвѣтъ иначе. Ее спрашивали: какъ вы признавали сохранную росписку для себя обязательною—юридически или нравственно?. Она сказала: нравственно. Развѣ изъ этого слѣдуетъ, что она признавала ее юридически недѣйствительною? Она вовсе не входила въ разсмотрѣніе этого вопроса и признавала росписку для себя обязательною потому, что она подписана ея покойнымъ мужемъ. Наконецъ, положимъ, что росписка, какъ сохранная росписка, была недѣйствительна. Въ чемъ же заключается ея недѣйствительность? Можетъ быть, не обозначенъ былъ родъ денегъ, взятыхъ на сохраненіе, или она была не вся написана Бѣляевымъ собственноручно? Но

вѣдь это не лишало бы росписку силы долговаго документа, и существованіе долга весьма легко могло быть доказано съ помощію счетовъ, вамъ извѣстныхъ. Вѣдь это доказано и теперь, по прошествіи 14-ти лѣтъ. Неужели нельзя было сдѣлать этого въ 1858 году? Еслибъ завѣщанія не оказалось, пріѣхала бы Мартьянова и стала бы дѣлить съ Бѣляевою и Ремянниковою наслѣдство. Узнать, что Бѣляевъ былъ компаньономъ Мясниковыхъ въ херсонскомъ и вологодскомъ откупахъ и т. д., имъ, конечно, было бы не трудно, точно также, какъ и одной Бѣляевой; слѣдовательно, увозъ Мясниковымъ бумагъ не обезоруживалъ ни Бѣляеву, ни другихъ наслѣдниковъ. Затѣмъ, возникаетъ еще вопросъ. Бѣляева, по словамъ обвинительной власти и по словамъ гражданскаго истца, знала, что завѣщаніе подложно. Мысль о составленіи фальшиваго завѣщанія на имя Бѣляевой, по предположенію обвинительной власти, явилась въ концѣ сентября или въ началѣ октября, затѣмъ, 16-го октября оно представлено къ утвержденію, въ концѣ октября или въ началѣ ноября утверждено, а двадцать втораго декабря 1858 года заключено условіе между Бѣляевой и Мясниковыми, которому предшествовали довольно длинные переговоры, въ ту минуту, когда, по предположенію обвинительной власти, Мясниковы совершили подлогъ. Какое ручательство они имѣли въ томъ, что онъ имъ удастся, что они достигнутъ своей цѣли, что за рискъ, сопряженный съ этимъ предпріятіемъ, они хотя что-нибудь получатъ? Какое они имѣли ручательство въ томъ, что Бѣляева, получивъ завѣщаніе, передастъ имъ все состояніе своего мужа? Не только человѣкъ богатый, даже человѣкъ бѣдный, считающій большимъ для себя пріобрѣтеніемъ сумму въ 20,000 руб., и тотъ не поступилъ бы такимъ образомъ, и тотъ не рискнулъ бы совершить преступленіе, всѣми плодами котораго свободно и безпрепятственно можетъ воспользоваться другое лицо. Это такое предположеніе, котораго ни на минуту нельзя допустить. Сознавая его слабость, г. повѣренный гражданскаго истца прибѣгаетъ къ самымъ рискованнымъ догадкамъ. Онъ говоритъ, что Бѣляева проникнута идеею дворянской гордости до такой степени, что готова лучше отдать все мил-

ліонерамъ Мясниковымъ, чѣмъ какой-нибудь мѣщанкѣ. Не думаю, чтобы Бѣляева была проникнута такими чувствами; припомните, что она не только вышла замужъ за купца, но жила и живетъ вмѣстѣ съ своею свояченицей, мѣщанкой Ремянниковой; слѣдовательно, она вовсе не гнушается мѣщанской родней. Какъ бы ни было велико ея отвращеніе къ мѣщанкѣ Мартьяновой, оно, конечно, не простиралось до того, чтобъ сдѣлаться участницей въ подлогѣ и даромъ отдать состояніе, пріобрѣтенное путемъ подлога, людямъ, вовсе въ немъ не нуждающимся. Затѣмъ, еще странность: Бѣляева знаетъ о подлогѣ, знаетъ, что Мясниковы въ ея рукахъ, но, несмотря на это, она не только 22-го декабря 1858 года отдаетъ имъ по дешевой цѣнѣ все состояніе, полученное ею послѣ мужа, но даже уступаетъ имъ за 100,000 р. собственные свои винокуренные заводы, стоющіе по разсчету, сдѣланному черезъ нѣсколько времени ею самою, 400,000, а по разсчетамъ г. прокурора 200,000 р. Это превосходитъ всякое вѣроятіе. На самомъ дѣлѣ все объясняется весьма просто: Бѣляева знала, что состояніе ея мужа, за вычетомъ долговъ, составляетъ незначительную сумму, и что за отсутствіемъ оборотнаго капитала для винокуренныхъ заводовъ, она совершитъ сдѣлку не безвыгодную, уступивъ ихъ Мясниковымъ за 100,000 рублей.

Затѣмъ, гг. присяжные, я перейду къ послѣдней части обвинительной рѣчи. Въ ней г. прокуроръ указываетъ на тѣ отношенія, которыя существовали впослѣдствіи между Мясниковыми и Бѣляевой, и въ нихъ отыскиваетъ доказательства въ пользу того, что Мясниковы совершили подлогъ вмѣстѣ съ Бѣляевою. Прежде всего я не могу не замѣтить, что я понимаю необходимость, съ точки зрѣнія обвинительной власти, доказывать существованіе враждебныхъ отношеній между Бѣляевой и Мясниковыми въ 1864—66 годахъ; но я желалъ бы знать, какое отношеніе имѣютъ къ дѣлу записки на французскомъ языкѣ, оскорбительныя для Бѣляевой? Утверждаетъ ли обвинительная власть, что онѣ написаны съ вѣдома Мясниковыхъ? Тутъ является на сцену Риццони, который сначала считалъ возможнымъ дѣйствовать противъ Бѣляевой, потомъ явился съ жалобой, что Иванъ Константиновичъ Мяс-

никовъ обидѣлъ его и не далъ ему обѣщаннаго вознагражденія. Не думаю, чтобъ можно было такому человѣку вѣрить. Но еслибы и можно было ему вѣрить, то какое отношеніе имѣетъ это обстоятельство къ обвиненію Мясниковыхъ въ подлогѣ? Я просилъ бы васъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, которое могли произвести на васъ эти записки. Никто не утверждаетъ, чтобъ Мясниковы знали объ отвратительныхъ совѣтахъ, которые давалъ Шишкину Риццони. Итакъ, это обстоятельство должно быть оставлено совершенно въ сторонѣ. Несогласія между Мясниковыми и Бѣляевой несомнѣнно были. Опека надъ Шишкинымъ была первымъ яблокомъ раздора; затѣмъ, возникаютъ споры по условію 22-го декабря 1858 года и Бѣляева въ январѣ 1865 года предъявляетъ къ Мясниковымъ искъ. Подъ вліяніемъ раздраженія Бѣляевой противъ Мясниковыхъ и того искусства, съ которымъ оно поддерживалось повѣренными Бѣляевой, является отзывъ ея въ Казенную Палату, въ маѣ 1865 года, гдѣ говорится о какой-то невѣдомой ей сохранной роспискѣ. Къ этому же времени относятся черновыя письма къ Мясниковымъ, съ упреками и сильными выраженіями—письма, которыя вовсе не были отправлены по назначенію и редакція которыхъ принадлежала не Бѣляевой, а ея слишкомъ усердному повѣренному. О завѣщаніи, впрочемъ, въ этихъ письмахъ ничего не говорится, и всѣ упреки и угрозы, которыми они наполнены, относятся очевидно, къ факту увоза Мясниковыми бумагъ Бѣляева. Затѣмъ, является Чевакинскій, который, конечно, болѣе заботится о своихъ интересахъ, чѣмъ о выгодѣ своей довѣрительницы, вступаетъ въ соглашеніе съ ея противниками, хочетъ заключить съ ними условіе, дѣйствуетъ такъ, что, еслибъ ему пришлось объяснить свои поступки передъ вами, можетъ быть вы отнеслись бы къ нему очень строго; но теперь рѣчь идетъ не о немъ, и участіе Бѣляевой въ его дѣйствіяхъ или даже знаніе ея о нихъ ни чѣмъ не доказано. Что касается до мирныхъ переговоровъ, то ихъ, кажется, всего правильнѣе было бы отнести къ тѣмъ частямъ дѣла, которыя устранены изъ области судебныхъ преній. Но по поводу показанія Борзаковскаго г. прокуроръ сдѣлалъ замѣчаніе, которое не можетъ быть оставлено безъ отвѣта. Вамъ говорили, что

Борзаковскій былъ запугиваемъ, что ему назначено было свиданіе въ III-мъ Отдѣленіи съ тонкимъ разсчетомъ, что это произведетъ на него извѣстнаго рода впечатлѣніе. Не говоря уже о свидѣтелѣ Коптевѣ, который опровергаетъ показаніе Борзаковскаго, въ самомъ показаніи его заключается нѣчто крайне невѣроятное. Переговоры въ III-мъ Отдѣленіи, по его словамъ, происходили уже послѣ начала втораго слѣдствія. Неужели же никто изъ адвокатовъ, къ которымъ Мясниковы, конечно, обращались, не объяснилъ имъ, что послѣ начатія уголовнаго дѣла примиреніе невозможно? Неужели можно допустить, что во время второго слѣдствія все еще продолжались мирные переговоры? Но еслибъ они и были, все-таки нѣтъ никакого основанія обвинять Мясникова въ запугиваніи Борзаковскаго, и, такимъ образомъ, къ тяжелому обвиненію, тяготѣющему надъ Мясниковымъ, прибавлять еще одно, въ нравственномъ отношеніи весьма серьезное. Во-первыхъ, я долженъ заявить, что Мясниковъ занималъ должность адъютанта начальника Штаба Корпуса Жандармовъ, слѣдовательно находился въ личныхъ отношеніяхъ къ непосредственному своему начальнику, принималъ просителей, докладывалъ о нихъ, передавалъ записки, прошенія, исполнялъ нѣкоторыя порученія; между этою дѣятельностію, чисто личною, и дѣятельностію агента чиновника III-го Отдѣленія, нѣтъ ничего общаго. Наконецъ, можно ли допустить, чтобы Борзаковскій, ходатай по дѣламъ стараго времени, совѣтникъ Управы Благочинія, могъ испугаться призыва въ III-е Отдѣленіе для свиданія съ Мясниковымъ? Вѣдь онъ зналъ, что Мясниковъ только адъютантъ генерала Мезенцова, что его вліяніе не могло простираться до того, чтобъ противъ Борзаковскаго были приняты какія-нибудь насильственныя или даже просто нравственно-принудительныя мѣры. Можно ли послѣ этого говорить о запугиваніи? Можно ли думать, чтобъ человѣкъ, искушенный въ житейскихъ дѣлахъ, хоть на одну минуту сконфузился только потому, что его призывалъ въ III-е Отдѣленіе для объясненія по частному дѣлу адъютантъ генерала Мезенцова? Вы, конечно, не замедлите отбросить въ сторону такое предположеніе. Затѣмъ, гг. присяжные засѣдатели, остаются

еще мирные переговоры съ Гонинымъ. Это тотъ свидѣтель, который имѣетъ знаменитую тяжбу съ Ижболдинымъ о векселяхъ. Если свидѣтель Дедюхинъ подтвердилъ это показаніе, и то не вполнѣ, потому что онъ не зналъ, какіе именно велись переговоры, то свидѣтель Столбовъ совершенно опровергнулъ его, свидѣтель Домрачевъ также. Полагаю, что можно послѣ этого не говорить болѣше о показаніи Гонина.

Мнѣ кажется, гг. присяжные засѣдатели, что за исключеніемъ пробѣловъ, неизбѣжныхъ въ столь обширномъ дѣлѣ, я исполнилъ свою задачу, отвѣтивъ на всѣ существенные пункты обвиненія. Затѣмъ, мнѣ остается свести все сказанное мною въ одно цѣлое и представить вамъ общую картину, которую представляетъ настоящее дѣло. Что мы видимъ съ одной и съ другой стороны? Наслѣдникъ по закону, лищившійся наслѣдства вслѣдствіе завѣщанія и признающій его подложнымъ, можетъ отстаивать свои права иногда даже съ излишнею горячностью, не разбирая средствъ, во имя нарушенной справедливости, но въ настоящемъ дѣлѣ мы видимъ передъ собою людей совершенно постороннихъ, которые покупаютъ претензію еще при жизни Мартьяновой, совершаютъ съ ней условія, посылаютъ къ Мартьяновой деньги, стараются, чтобы она не пріѣзжала въ Петербургъ, пишутъ для нея завѣщаніе, однимъ словомъ, относятся къ дѣлу съ точки зрѣнія чисто коммерческой. Съ другой стороны, является женщина, которая живетъ съ мужемъ 25 лѣтъ въ величайшемъ согласіи и любви, которой мужъ постоянно хотѣлъ оставить все свое состояніе; за этою женщиною мы видимъ людей всего болѣе, послѣ Бѣляевой, близкихъ къ ея мужу—людей, дѣлу которыхъ Бѣляевъ обязанъ почти всѣмъ своимъ состояніемъ. Я думаю, на судѣ обнаруживалось съ достаточною ясностію, что подкупа въ настоящемъ дѣлѣ не было и нѣтъ со стороны Мясниковыхъ. Мы не видимъ ни одного свидѣтеля въ ихъ пользу, который могъ бы внушать сомнѣніе. Намъ говорятъ о Шевелевѣ, что онъ надѣется когда-то что-то получить отъ Мясниковыхъ, тогда какъ у него въ рукахъ условіе на 2,000 рублей, заключенное съ Ижболдинымъ. Зато мы видимъ, что завѣщаніе, на-

зываемое подложнымъ, касается состоянія крайне ограниченнаго, а обвиняются въ составленіи его милліонеры, которые притомъ не знали и не могли знать, достанется ли имъ завѣщанное имѣніе. Во всемъ этомъ такая невозможность, такая неправда, которую вы, безъ сомнѣнія, уже оцѣнили. Васъ приглашаютъ вашимъ приговоромъ доказать, что передъ вашимъ судомъ всѣ равны—сильные и слабые, богатые и бѣдные. Кто сомнѣвается въ этомъ? Мы видимъ достаточно примѣровъ, что со времени введенія судебныхъ установленій ни богатство, ни общественное положеніе не составляютъ гарантіи безопасности виновныхъ. Я думаю, что въ процессѣ столь важномъ, вызвавшемъ такъ много толковъ въ обществѣ, никакія утилитарныя практическія соображенія не могутъ и не должны имѣть мѣста. Передъ вашимъ судомъ дѣйствительно всѣ равны, но только во имя справедливости. Если чувство справедливости и простой здравый смыслъ покажутъ вамъ, что не только нѣтъ, но и не могло быть преступленія, что не было интереса совершить его, что не было дѣйствій, которыя обыкновенно совершаются преступниками послѣ преступленія, не было попытокъ затемнить истину съ той стороны, которую до сихъ поръ въ этомъ обвиняли, что не отъ нея шли противозаконныя попытки исказить истину, то я надѣюсь, что вы постановите вашъ приговоръ не во имя равенства передъ закономъ, а во имя справедливости, требующей, чтобы каждому было воздано должное.

Защитникъ Ивана Мясникова, прис. повѣр. Языковъ высказалъ между прочимъ слѣдующія соображенія: управляя, какъ видно изъ документовъ, состояніемъ Мясниковыхъ, Бѣляевъ представилъ имъ однажды отчетъ, которымъ они остались недовольны. Въ отчетѣ значилось въ расходѣ 260 тысячъ рублей на тяжебныя дѣла; затѣмъ, какъ видно изъ дѣла, за Бѣляевымъ оставалось 11,000 золота Мясниковыхъ; отсюда и возникъ долгъ Бѣляева Мясниковымъ въ 272 тысячи рублей, послужившій основаніемъ сохранной росписки, выданной имъ подсудимымъ. Половину наслѣдства послѣ Мартьяновой Ижболдинъ уступилъ нѣкоему Самуилу Боревскому за 2000 р., который и является въ настоящемъ дѣлѣ заинтересо-

ваннымъ въ половинѣ суммы гражданскаго иска. Ремянникова же, родная сестра Бѣляева, завѣщанія не оспариваетъ. Прошло уже 15 лѣтъ со времени смерти Бѣляева, и всѣ событія, служащія матеріаломъ даннаго дѣла, очевидно, оказались свидѣтелями перепутаны; отсюда, между прочимъ, и нѣкоторая неточность показаній Бѣляевой.

Защитникъ Караганова, прис. повѣр. Деппъ поставилъ на видъ присяжнымъ засѣдателямъ слѣдующее: кромѣ собственнаго сознанія, уликъ противъ Караганова нѣтъ. Сознаніе же подсудимаго только тогда можетъ быть принимаемо за несомнѣнное доказательство виновности его, когда оно подтверждается всѣми обстоятельствами дѣла и сдѣлано подсудимымъ въ полномъ сознаніи. Однако, въ данномъ случаѣ этого не имѣется: на первыхъ двухъ допросахъ Карагановъ не сознавался и только на третьемъ въ 1871 году призналъ себя виновнымъ въ подлогѣ. Очевидно, что это сознаніе сдѣлано имъ въ состояніи ненормальномъ, такъ какъ, какъ разъ передъ допросомъ 71 года, онъ, подъ вліяніемъ бѣлой горячки, началъ вести себя крайне странно. Даже, если Мясниковы и будутъ признаны виновными, участіе Караганова въ подлогѣ не доказано, такъ какъ поддѣлать подпись могъ и кто либо другой. Допустимъ даже, что онъ подписалъ бланкъ, но онъ не зналъ, для чего нужна его подпись. Пойдемъ далѣе: подписывая бланкъ съ знаніемъ его назначенія, Карагановъ не принималъ участія въ преступленіи, а только приготовлялъ для него нужныя средства. Подсудимый былъ человѣкъ слабохарактерный, склонный подпадать подъ различныя вліянія, и могъ подписать бланкъ, слѣпо повинуясь приказаніямъ Мясниковыхъ. Къ пьянству его привели несчастіе и неудачная женитьба на Обольяниновой.

На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей были поставлены слѣдующіе вопросы:

1) Было ли составлено, въ августѣ или сентябрѣ 1858 г., фальшивое отъ имени фридрихсгамскаго купца Козьмы Бѣляева духовное завѣщаніе, писанное отъ 10 мая 1858 г., на которомъ подпись «Козьма Бѣляевъ» была поддѣлана подъ руку Бѣляева другимъ лицомъ?

Если означенное духовное завѣщаніе было составлено, то:

2) Виновенъ ли подсудимый Александръ Мясниковъ въ томъ, что подговорилъ другихъ лицъ написать текстъ этого завѣщанія, поддѣлать на немъ подъ руку умершаго Бѣляева подпись «Козьма Бѣляевъ» и подписаться подъ завѣщаніемъ свидѣтелями?

3) Виновенъ ли подсудимый Иванъ Мясниковъ въ томъ же преступленіи?

4) Если подсудимый Иванъ Мясниковъ не виновенъ по предъидущему вопросу, то виновенъ ли онъ въ томъ, что, зная о намѣреніи другихъ лицъ составить фальшивое отъ имени купца Бѣляева завѣщаніе и имѣя возможность предупредить приведеніе этого намѣренія въ исполненіе, завѣдомо допустилъ составленіе этого духовнаго завѣщанія?

5) Согласился ли подсудимый Амфилогій Карагановъ, по подговору другихъ лицъ, участвовать въ составленіи фальшиваго отъ имени купца Бѣляева завѣщанія и поддѣлалъ ли онъ съ этою цѣлью сдѣланную на семъ завѣщаніи подпись: «Козьма Бѣляевъ?»

6) Если подсудимый Карагановъ совершилъ указанныя въ предъидущемъ вопросѣ дѣйствія, то находился ли Карагановъ, совершая ихъ, въ состояніи съумасшествія?

Въ своемъ заключительномъ словѣ предсѣдатель призывалъ присяжныхъ засѣдателей къ хладнокровной и объективной оцѣнкѣ слѣдственнаго матерьяла, при чемъ просилъ отрѣшиться отъ всякихъ по этому дѣлу слуховъ и толковъ. Изложивъ въ общихъ чертахъ главныя обстоятельства дѣла, онъ находилъ, что соображеніе защиты, будто разъ была исполнена воля Бѣляева, подлогъ самъ по себѣ не преступенъ, не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія. Подлогъ—видъ мошенничества, но болѣе опасный по формѣ своей. Затѣмъ разобравъ доводы обвиненія и защиты онъ распространился о доказательной силѣ сознанія и косвенныхъ уликъ, сообщилъ присяжнымъ, что по дѣйствующему законодательству формальная теорія доказательствъ совершенно не примѣнима, а соображеніе защиты относительно правильности духовнаго завѣщанія по одному тому, что его нашла таковымъ Гражданская палата, относится по существу своему къ доказыванію извѣстныхъ фактовъ именно путемъ упомянутой формальной теоріи. Далѣе предсѣдатель сообщилъ присяжнымъ засѣдателямъ законоположенія, относящіяся къ порядку ихъ совѣщаній, и объяснилъ, что, въ случаѣ, если они найдутъ недоказаннымъ, что подлогъ завѣщанія совершенъ именно въ означенное въ первомъ вопросѣ время, то могутъ, не стѣсняясь этимъ обстоятельствомъ, отвѣтить по существу

вопроса, оговоривъ въ своемъ отвѣтѣ время совершенія даннаго преступленія.

Вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей духовное завѣщаніе, оставшееся послѣ купца Бѣляева, признано неподложнымъ. Всѣ остальные вопросы вслѣдствіе этого оставлены были безъ отвѣтовъ, а обвиняемые признаны по суду оправданными.

По протесту прокурора суда уголовный кассаціонный департаментъ Сената отмѣнилъ это рѣшеніе и передалъ дѣло для новаго разсмотрѣнія въ Московскій Окружный судъ, въ которомъ послѣдовалъ такой же приговоръ.

Дѣло Нотовича.

Засѣданіе С.-Петербургскаго окружного суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, 23—24 марта 1890 года.

По обвиненію въ клеветѣ въ печати (ст. 1535 и 1536 улож. о наказ.) привлеченъ къ суду редакторъ-издатель газеты «Новости» кандидатъ правъ *Осипъ Константиновичъ Нотовичъ*.

Предсѣдательствовалъ предсѣдатель суда г. Кичинъ, въ качествѣ частныхъ обвинителей явились: по довѣренности состава правленія С.-Петербургско-Тульскаго земельнаго банка присяжный повѣренный *Михайловъ*, предсѣдатель правленія этого банка с. с. *А. Ф. Масловскій* и члены того же правленія д. с. с. *К. И. Масленниковъ*, т. с. *Ф. Н. Черкасовъ* и к. с. *А. Н. Костомаровъ*; защитникомъ О. К. Нотовича выступилъ присяжный повѣренный *В. Д. Спасовичъ*. Г. Нотовичъ на судъ не явился.

Сущность дѣла видна изъ жалобы слѣдующаго содержанія:

Въ № 354 газеты «Новости», отъ 23 декабря 1888 года, появилась статья, содержащая въ себѣ оскорбительные отзывы и оклеветаніе настоящаго состава правленія С.-Петербургско-Тульско поземельнаго банка въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести, что было допущено въ означенномъ нумерѣ подъ рубрикой «О чемъ говорятъ», въ словахъ: «Это та же исторія, что (случалась) съ пресловутымъ Саратовско-Симбирскимъ банкомъ». «С.-Петербургско-Тульскій банкъ и его операціи тоже самое, что Саратовско-Симбирскій банкъ и его операціи. Вся разница заключается въ томъ, что Саратовско-Симбирскому банку не удалось развить свои дѣйствія и прикрыть неизбѣжныя прорѣхи—мнимыя прибыли и недочетъ первыхъ годовъ своего существованія, а С.-Петербургско-Тульскій банкъ болѣе или менѣе успѣшно перепрыгивалъ до сихъ поръ чрезъ эти трещины и ухабы. Разница, если угодно, заключается еще и въ томъ,

что заправилы Саратовскаго банка побывали на скамьѣ подсудимыхъ, а С.-Петербургско-Тульскіе правители, при посредствѣ подобныхъ же отчетовъ и при однородномъ образѣ дѣйствій, получаютъ благодарность отъ «большинства» общихъ собраній акціонеровъ и отчисляютъ въ свою пользу болѣе или менѣе «кругленькія прибыли». По этому поводу правленіе банка препроводило въ редакцію «Новостей» 30 декабря 1888 года чрезъ нотаріуса Дружевецкаго возраженіе, появившееся въ газетѣ лишь 4 января 1889 г. въ измѣненномъ видѣ и давшее редактору полную возможность видѣть всю ложность напечатаннаго имъ въ № 354. Но редакторъ «Новостей», измѣнивъ самовольно возраженіе, предпослалъ ему оскорбительное вступленіе, помѣстивъ въ № 6 за 1889 г., въ статьѣ «О С.-Петербургско-Тульскомъ поземельномъ банкѣ» категорическое подтвержденіе вышеприведенной клеветы, въ словахъ: «Оно (правленіе), забывъ пословицу tu te faches tu as tort,, обращается къ редакціи въ неприличномъ тонѣ и, вмѣсто категорическаго опроверженія приведенныхъ, дѣйствительно вѣрныхъ фактовъ, пускается въ туманныя объясненія, опровергаетъ то, въ чемъ его не обвиняютъ, собственныя погрѣшности сваливаетъ на своихъ предшественниковъ, фигурирующихъ тутъ же, въ нынѣшнемъ составѣ правленія».

Вслѣдствіе этого, по требованію главнаго управленія по дѣламъ печати, основанному на ходатайствѣ правленія, за № 12, отъ 12 января 1889 г., опроверженіе правленія банка появилось вновь уже безъ измѣненій. Тѣмъ не менѣе, Нотовичъ продолжалъ слѣдовать стремленію клеветать на правленіе банка и опять въ № 13 въ статьѣ «О С.-Петербургско-Тульскомъ банкѣ» заявилъ: а) «Если бы къ правленію С.-Петербургско-Тульскаго банка была приложена та самая мѣрка, подъ которую было подведено правленіе Саратовскаго банка, то наши уголовныя лѣтописи обогатились бы еще однимъ громкимъ процессомъ. Для уголовныхъ обвиненій въ дѣлахъ С.-Петербургско-Тульскаго банка имѣется точно такой же матеріалъ, какой подарило намъ тянувшееся пять лѣтъ предварительное слѣдствіе о Саратовскомъ банкѣ: фальшивые отчеты, дутыя цыфры, выдачи небывалыхъ дивидентовъ, искусственно составленныя общія собранія—все тутъ на лицо. Ясно, слѣдовательно, что мы были правы, говоря, что Саратовскій банкъ судили за неудачу, за крахъ, за то, что онъ не умѣлъ развить свои операціи и при помощи ихъ покрыть прошлые грѣхи и «уголовные матеріалы», и b) что, когда уголовные громы разразились надъ головами людей, виновныхъ въ томъ же самомъ, что творится въ С.-Петербургско-Тульскомъ банкѣ». Приведенныя мѣста анонимныхъ ста-

тей, появившихся въ газетѣ «Новости», редактируемой и издаваемой кандидатомъ правъ О. К. Нотовичемъ, представляются несомнѣнно такими, которыя заключаютъ въ себѣ какъ оскорбительные отзывы, такъ и оклеветаніе въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести, правленія банка, состоящаго изъ предсѣдателя с. с. А. Ф. Масловскаго и членовъ: т. с. О. И. Квиста, д. с. с. К. И. Масляникова, к. с. А. Н. Костомарова и т. с. Ф. Н. Черкасова. Такое значеніе указанныхъ мѣстъ вытекаетъ изъ обвиненій правленія въ дѣяніяхъ, за которыя преслѣдуется правленіе Саратовско-Симбирскаго банка и которыя лишаютъ виновныхъ не только чести, но и правъ состоянія. Въ виду всего этого, правленіе С.-Петербургско-Тульскаго банка ходатайствовало о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ редактора-издателя газеты «Новости» О. К. Нотовича по обвиненію его въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1535 и 1536 ст. улож.

Жалоба эта была подписана предсѣдателемъ правленія С-Петербургско-Тульскаго банка г. Масловскимъ и тремя его членами.

На вопросъ г. предсѣдателя, кто является частными обвинителями въ настоящемъ процессѣ, присяжный повѣренный Михайловъ заявилъ, что онъ является по довѣренности состава правленія банка; г. Масловскій, что его довѣренность, данная ему членами правленія банка, находится при слѣдственномъ производствѣ, и что жалоба подписана имъ, какъ предсѣдателемъ правленія, но, что онъ считаетъ себя оскорбленнымъ лично и потому является частнымъ обвинителемъ лично за себя; г. Масляниковъ, Черкасовъ и Костомаровъ, не имѣвшіе довѣренностей, просили ихъ признать частными обвинителями лично отъ себя.

По поводу этихъ заявленій защитникъ обвиняемаго *Присяжный повѣренный В. Д. Спасовичъ* въ своей рѣчи находилъ, что необходимо выяснить, обвиняетъ ли г. Нотовича правленіе банка, какъ лицо юридическое, или члены этого правленія лично, и полагалъ, что обвиненіе это предъявлено только со стороны правленія. Защитникъ находилъ, что ст. 27 уст. гр. суд., требующая представительства на судѣ обществъ, товариществъ и компаній, не иначе, какъ въ лицѣ особаго повѣреннаго, имѣетъ примѣненіе и къ уголовному судопроизводству; поэтому единственнымъ такимъ повѣреннымъ, уполномоченнымъ правленіемъ банка, является присяжный повѣренный Михайловъ, довѣренность же г. Масловскому дана его товарищами по правленію для защиты ихъ личной чести, но не чести правленія. Поэтому защитникъ, обращаясь къ вопросу объ отдѣльной жалобѣ г. Костмарова, какъ личной, полагалъ, что она не

можетъ быть разсмотрѣна судомъ, тѣмъ болѣе, что по отношенію къ ней не было соблюдено формальностей, предписываемыхъ ст. 35 уст. уг. суд., т. е. не было предварительнаго примирительнаго разбирательства у миравого судьи. Далѣе, по мнѣнію защитника, предметомъ клеветы въ томъ видѣ, въ какомъ поставлено обвиненіе, не можетъ быть юридическое лицо—оно не можетъ совершить уголовныхъ преступленій и быть судимо за нихъ. Оно—искусственное созданіе, установленное только для совершенія дѣйствій, предусмотренныхъ уставомъ. Выйти за предѣлы устава и нарушить его и законъ уголовный могутъ только члены состава правленія, но не правленіе. Что же касается отдѣльной жалобы члена правленія г. Костомарова, поданной на г. Нотовича, лично отъ себя, то защитникъ находилъ, что она должна получить самостоятельное значеніе, не можетъ быть присоединена къ первоначальной жалобѣ правленія банка и служить ея дополненіемъ въ настоящемъ процессѣ, тѣмъ болѣе, что по отношенію къ ней не была еще выполнена необходимая формальность и предварительно она не была препровождена къ мировому судьѣ для примирительнаго разбирательства, куда ее и слѣдуетъ направить. *Присяжный повѣренный Михайловъ* на это возразилъ, что тутъ получается непримиримое противорѣчіе: съ одной стороны защитникъ заявляетъ, что правленіе—юридическое лицо—напрасно оскорбляется, потому что оно не можетъ дѣлать преступленій, между тѣмъ на правленіе именно возведено въ печати обвиненіе въ преступленіяхъ, а съ другой стороны, когда обвинителями являются члены правленія, какъ частныя лица, способныя оскорбляться, тогда говорятъ, что они не могутъ являться обвинителями лично, а можетъ являться только правленіе. Самъ защитникъ еще въ 1869 г., въ томъ же С-Петербурскомъ судѣ выступалъ въ качествѣ обвинителя въ клеветѣ отъ имени юридическаго лица—правленія Козловско - Рязанской желѣзной дороги — противъ редактора газеты „Голосъ“, г. Краевскаго. Затѣмъ, частный обвинитель утверждалъ, что при всѣхъ жалобахъ, всѣ формальности были соблюдены, къ мировому судьѣ являлся Масловскій, снабженный довѣренностью правленія, что жалоба подписана законнымъ составомъ правленія—тремя членами, что если не г. Костомаровъ, то Масловскій и Масляниковъ—считающіе себя оклеветанными, какъ члены правленія, а не какъ частныя лица—имѣютъ право являться на судѣ и поддерживать обвиненіе лично, какъ таковые.

Присяжный повѣренный Спасовичъ замѣтилъ на это, что онъ являлся въ дѣлѣ общества Козловско-Рязанской желѣзной дороги повѣрен-

нымъ этого общества и никогда не утверждалъ, чтобы общество не могло ни въ какомъ случаѣ быть объектомъ преступленія по дѣламъ печати, а говорилъ только, что такого рода клевета, т. е. та, которая заключается въ приписываніи уголовныхъ дѣяній правленію банка и въ которой обвиняется г. Нотовичъ—не можетъ быть направлена противъ юридическаго лица.

Судъ постановилъ: признать, что напечатанныя въ газетѣ «Новости» статьи, составляющія предметъ настоящаго дѣла, по своему содержанію, не выдѣляютъ котораго-либо изъ членовъ правленія С.-Петербургско-Тульскаго банка, а относятся ко всему составу правленія этого банка, который существовалъ во время напечатанія этихъ статей; такимъ образомъ, объектомъ преступленія является личный составъ правленія С.-Петербургско-Тульскаго банка, существовавшій въ концѣ 1888 и началѣ 1889 г., и стало-быть частными обвинителями или лицами, считающими себя оклеветанными,—является весь составъ правленія. Отъ имени этого объекта и была подана жалоба, которая, хотя и не была подписана всѣми представителями правленія, но, однако, была подписана четырьмя лицами, т. е. числомъ по закону достаточнымъ; что затѣмъ эта жалоба поступила къ мировому судьѣ, куда являлся представителемъ правленія г. Масловскій, имѣя надлежащую довѣренность отъ правленія банка на обрядъ примиренія; кромѣ того, обрядъ примиренія по закону повторяется и въ окружномъ судѣ. Затѣмъ, вопросъ о томъ, что г. Костомаровъ подалъ особую жалобу, отпадаетъ самъ собою потому, что онъ входитъ въ составъ правленія, отъ имени котораго была подана жалоба. Такимъ образомъ, въ настоящемъ дѣлѣ частнымъ обвинителемъ судъ призналъ весь личный составъ С.-Петербургско-Тульскаго банка, бывшій въ то время, когда были напечатаны статьи, а такъ какъ этотъ личный составъ, за исключеніемъ умершаго Квиста, явился въ настоящее засѣданіе, и 585 ст. ус. уг. сух. не запрещаетъ обвинителямъ участвовать въ дѣлѣ вмѣстѣ со своимъ повѣреннымъ, то судъ допустилъ всѣхъ членовъ правленія, которые явились въ судъ доказывать, что они не совершали преступленій и дѣйствовали, какъ представители юридическаго лица. Въ силу всего этого судъ устранилъ заявленіе защиты.

На предложеніе предсѣдателя сторонамъ примириться, присяжный повѣренный Спасовичъ сказалъ, что его довѣритель не видитъ основаній для продолженія этого дѣла послѣ того, какъ главное требованіе акціонеровъ банка, поддержанное статьями «Новостей», удовлетворено распоряженіемъ министра финансовъ, а потому газета въ настоящее время можетъ заявить, что она послѣ этого распоряженія ничего не имѣетъ противъ банка.

Примиреніе не состоялось.

Не явились 4 свидѣтеля: по болѣзни—*Глуховской*, *Митаревскій* и *Борисовъ*, а по выбытіи за-границу—*Котоминъ*.

Окружный судъ призналъ неявку этихъ свидѣтелей законной, а въ виду заявленія защитника о существенности показаній Котомина, которому защитникъ просилъ послать вторичную повѣстку, показаніе его, данное на предварительномъ слѣдствіи, огласить.

На вопросъ предсѣдателя, признаетъ ли себя обвиняемый виновнымъ въ томъ, что въ издаваемой имъ газетѣ «Новости» напечаталъ завѣдомо ложно о томъ, что будто бы въ дѣятельности С.-Петербургско-Тульскаго банка заключаются такія же преступленія, какія приписывались членамъ правленія Саратовско-Симбирскаго банка по обвинительному акту о нихъ, и допустилъ тѣмъ клевету, а именно напечаталъ въ № 354 въ 1888 г. и въ № 13 своей газеты инкриминируемыя статьи, присяжный повѣренный Спасовичъ отвѣтилъ отрицательно и добавилъ, что онъ будетъ поддерживать все то, что было напечатано.

Всѣ явившіеся свидѣтели были приведены къ присягѣ.

По ходатайству обвинителя были прочитаны всѣ статьи «Новостей», указанныя въ жалобѣ, а по ходатайству защиты было прочтено опроверженіе правленія С.-Петербургско-Тульскаго банка, напечатанное въ № 12 за 1889 г. газеты «Новости».

Первымъ былъ допрошенъ свидѣтель *Градовскій*, авторъ напечатанныхъ въ «Новостяхъ» статей противъ правленія С.-Петербургско-Тульскаго банка и постоянный сотрудникъ этой газеты, который заявилъ, что онъ принимаетъ на себя полную отвѣтственность за эти статьи «Новостей», которыя нынѣ инкриминируются. Такъ какъ онъ писалъ эти статьи, то можетъ отвѣчать только о мотивахъ и причинахъ, по которымъ ихъ писалъ и при какихъ обстоятельствахъ. Съ дѣятельностью С.-Петербургско-Тульскаго банка онъ познакомился въ 1881 году, когда онъ участвовалъ въ газетѣ «Порядокъ». Онъ писалъ по поводу одного изъ годовыхъ отчетовъ и въ статьѣ своей обращалъ вниманіе на спекулятивную дѣятельность этого общества. По поводу этой статьи тогдашній предсѣдатель банка Борисовъ напечаталъ очень длинное возраженіе. Изъ этого возраженія онъ вывелъ заключеніе, что выводы его, свидѣтеля, о спекулятивной или рискованной дѣятельности банка были совершенно справедливы. Въ то же время заинтересованныя стороны прислали въ редакцію, съ одной стороны, подтвержденіе, а съ другой—опроверженіе. Свидѣтель написалъ тогда другую статью, которая была помѣщена въ фельетонѣ

газеты «Порядокъ». На эту статью не послѣдовало никакихъ опроверженій. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ лопнулъ Саратовско-Симбирскій банкъ, который, какъ онъ въ то время зналъ, находился подъ управленіемъ предсѣдателя С.-Петербургско-Тульскаго банка. Такъ какъ политика этихъ двухъ банковъ была совершенно одинакова, въ виду ихъ общаго предсѣдателя, то въ крушеніи Саратовско-Симбирскаго банка онъ видѣлъ фактическое подтвержденіе тѣхъ выводовъ, къ которымъ тогда пришелъ. Осенью разыгралась въ судѣ исторія съ Саратовско-Симбирскимъ банкомъ. Вся печать накинулась на дѣятельность этого банка, требуя строгихъ каръ. Свидѣтель же держался строго своего взгляда: онъ думалъ, что не дѣло публицистики бить лежачаго и преслѣдовать то, что уже преслѣдуется судомъ, а, напротивъ того, слѣдуетъ предупреждать подобныя явленія. Поэтому, когда въ 1888 году нѣкоторые акціонеры, зная, что онъ знакомъ съ дѣломъ, обратились къ свидѣтелю съ новымъ матеріаломъ по поводу новыхъ отчетовъ и дѣйствій этого банка и съ предложеніемъ, чтобы онъ написалъ статью, онъ хотѣлъ это сдѣлать, но г. Нотовичъ отсутствовалъ въ это время и, хотя онъ, свидѣтель, завѣдывалъ редакціей, но не рѣшался безъ согласія г. Нотовича сдѣлать это, потому что зналъ, что подобныя статьи навлекаютъ на редакцію большія непріятности. Когда онъ, г. Нотовичъ, вернулся изъ-за-границы, онъ сообщилъ ему объ обращенной къ нему просьбѣ и предложилъ написать статью на основаніи матеріаловъ, полученныхъ имъ отъ хорошо извѣстнаго ему акціонера С.-Петербургско-Тульскаго банка, но г. Нотовичъ не рѣшился напечатать эту статью по указаннымъ выше мотивамъ.

Чрезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ,—свидѣтель хорошо не помнитъ,—въ редакцію обратились акціонеры съ новою статьею по поводу С.-Петербургско-Тульскаго банка; но тѣ ли, которые къ нему раньше обращались, или другіе, не знаетъ. Тогда г. Нотовичъ передалъ ему эту статью и сказалъ: «Вотъ статья о томъ же предметѣ, о которомъ вы хотѣли писать,—прочтите». Свидѣтель прочелъ, и Нотовичъ предложилъ ему написать статью. Свидѣтель написалъ статью, которая была помѣщена въ № 354 за 1888 г. Ему принадлежатъ въ ней только общіе выводы о дѣятельности этого рода акціонерныхъ учрежденій. Онъ старался освѣтить положеніе акціонерныхъ банковъ, и въ статьѣ этой приведены въ подлинникѣ выдержки изъ той статьи, которая была доставлена акціонеромъ въ редакцію. Эти выдержки напечатаны другимъ шрифтомъ. Другихъ статей свидѣтель не помнитъ, чтобы писалъ.

По просьбѣ защитника ему были предъявлены статьи, помѣщенныя

въ «Новостяхъ» въ № 354 за 1888 г. и въ №№ 12 и 13 за 1889 г. Эти предъявленныя ему статьи свидѣтель призналъ за написанныя имъ.

Затѣмъ, свидѣтель на вопросъ защитника, не замѣтилъ ли онъ какихъ измѣненій со стороны Нотовича въ его статьяхъ или онѣ явились въ томъ же видѣ, какъ писались имъ, отвѣтилъ, что весьма возможно, что въ статьяхъ нѣсколько смягчены его выраженія, такъ какъ онъ пишетъ рѣзко, а статьи, которыя не подписаны, редакція имѣетъ право смягчать.

Свидѣтелю не извѣстно, чтобы г. Нотовичъ находился въ личныхъ непріязненныхъ отношеніяхъ съ дѣятелями банка. Онъ знаетъ только, что въ этомъ банкѣ заложенъ домъ Нотовича. Во всякомъ случаѣ, первый толчекъ этому дѣлу далъ онъ, но онъ самъ даже не зналъ, кто были членами правленія этого банка. И вообще за послѣднее время всѣ статьи въ газетахъ объ акціонерныхъ обществахъ писались имъ, свидѣтелемъ.

По ходатайству частнаго обвинителя была предъявлена свидѣтелю статья «Новостей» отъ 23 января 1889 г., помѣщенная въ рубрикѣ «О чемъ пишутъ», которую свидѣтель призналъ за свою.

На вопросъ частнаго обвинителя о фамиліи акціонеровъ, доставлявшихъ ему свѣдѣнія о банкѣ и статью въ редакцію, свидѣтель отвѣчать отказался, но сказалъ, что они извѣстны были ему и редакціи, что онъ подразумѣваетъ подъ спекулятивной дѣятельностью банка, о которой писалъ въ своихъ статьяхъ, пояснилъ: это—когда банкъ желаетъ привлечь какъ можно больше кліентовъ, то для этого дѣлаетъ слишкомъ высокія оцѣнки, выдаетъ слишкомъ широкія ссуды. Это именно свидѣтелю и показалось чрезвычайно опаснымъ, потому что можетъ вызвать кризисъ, разныя искусственныя экономическія пертурбаціи. Тогда господствовалъ домовый кризисъ, и всѣ объясняли, что онъ поддерживается той спекулятивной дѣятельностью, которая практикуется извѣстными банками. Онъ по обязанности публициста предупреждалъ акціонеровъ, такъ сказать, теоретически, намѣтивъ нѣсколько данныхъ на основаніи отчетовъ, изъ чтенія которыхъ пришелъ къ заключенію, что дѣятельность банковъ—чисто спекулятивная. О томъ, что оцѣнка домовъ была высока, онъ заключилъ прежде всего изъ заявленій членовъ ревизіонной комиссіи; кромѣ того, объ этомъ всюду шла молва; говорили, что много домовъ осталось за банкомъ. Что касается отчетовъ банка, то имъ онъ не вѣрилъ, такъ какъ извѣстно, что въ отчетахъ всегда «товаръ показывается лицомъ». Напротивъ, когда онъ видѣлъ, что въ Петербургѣ, гдѣ существуетъ Общество взаимнаго кредита, рядомъ съ нимъ дѣйствуетъ другое учрежденіе, которое спеціально называется земельнымъ банкомъ, а между тѣмъ

къ нему въ залогъ поступаютъ городскія имущества, то невольно у него возникъ вопросъ: что заставляетъ, вмѣсто Общества взаимнаго городского кредита, пользоваться услугами акціонернаго банка земельнаго кредита? Когда онъ увидалъ, что земельный банкъ вырываетъ изъ Общества взаимнаго кредита городскія имущества, то пришелъ къ убѣжденію, что въ земельномъ банкѣ ставятъ оцѣнку высшую и выдаютъ широкія ссуды. Онъ находилъ это рискованнымъ. Такъ какъ въ этихъ двухъ банкахъ былъ одинъ и тотъ же предсѣдатель—Борисовъ, была та же и политика. А отсюда, по мнѣнію свидѣтеля, такія учрежденія, гдѣ руководящее лицо одно и тоже, должны и дѣла свои вести одинаковымъ образомъ: поднимать акціи, выдавать высокія ссуды, показывать искусственные дивиденты, чтобы поднять цѣну акцій. «Нужно войти въ разсмотрѣніе мотивовъ, почему писались эти статьи,—заключилъ свидѣтель Градовскій;—«нужно взять цѣлый рядъ статей, а не однѣ отдѣльныя фразы».

Такимъ образомъ, свидѣтелю для его статей фактическимъ матеріаломъ послужили: во 1-хъ, печатные отчеты, во 2-хъ, статья, которая приведена въ выдержкахъ. «Для того, чтобы освѣтить этотъ матеріалъ,—продолжалъ свое показаніе г. Градовскій,—я вообще характеризовалъ дѣятельность акціонерныхъ земельныхъ банковъ и ихъ положеніе. А такъ какъ передъ тѣмъ была полемика по поводу дѣятельности Саратовско-Симбирскаго банка, то я и выразился, что элементы, встрѣчающіеся въ обвинительномъ актѣ по дѣлу этого банка, находятся и въ Тульскомъ банкѣ, гдѣ также точно практикуются невѣрные отчеты, высокая оцѣнка домовъ, акціонерныя общія собранія, составленныя изъ подставныхъ лицъ. Желая характеризовать дѣятельность акціонерныхъ земельныхъ банковъ, я взялъ ближайшія два солидарныя предпріятія».

На вопросъ г. Масловскаго, какіе отчеты онъ подразумѣваетъ подъ именемъ фальшивыхъ, свидѣтель объяснилъ, что подъ фальшивыми отчетами онъ подразумѣваетъ такіе, по которымъ нельзя судить объ истинномъ положеніи банка; такъ, напримѣръ, если банкъ несетъ убытки и не показываетъ ихъ въ отчетахъ. Между прочимъ, въ отчетѣ С.-Петербургско-Тульскаго банка была рубрика «расходовъ, подлежащихъ возврату», которые, въ сущности, представляли собою убытокъ.

Далѣе свидѣтель объяснилъ, что подъ фиктивными дивидентами, онъ подразумѣвалъ, когда акціонерамъ причитается гораздо больше того, что въ дѣйствительности они могли получить, если бы были предварительно покрыты убытки предпріятія.

Точной параллели, въ юридическомъ смыслѣ, между Саратовско-Сим-

бирскимъ и С.-Петербургско-Тульскимъ банками свидѣтель не проводилъ. Статью эту онъ писалъ давно и, если не ошибается, въ ней есть оговорка, гдѣ сказано: «Мы не ручаемся, чтобы одно и то же происходило въ томъ и другомъ банкѣ».

На вопросъ предсѣдателя, откуда ему извѣстно, что въ С.-Петербургско-Тульскомъ банкѣ были подстроенныя собранія, а акціи раздавались родственникамъ, свидѣтель объяснилъ, что ему заявляли акціонеры, что родственники и служащіе являются на собранія, а потомъ записанныя на нихъ акціи опять возвращаются ихъ собственнику.

Свидѣтель Михельсонъ, спрошенный вслѣдъ за г. Градовскимъ, показалъ, что статья, напечатанная въ газетѣ «Новости»,—резюме всего того, что извлечено изъ отчетовъ правленія С.-Петербургско-Тульскаго банка, и что дѣла этого банка ему, какъ акціонеру и члену ревизіонной комиссіи, извѣстны съ давнихъ поръ довольно хорошо. Въ дѣятельности Тульскаго банка онъ видѣлъ одни лишь постоянныя нарушенія устава, о чемъ писалъ министру финансовъ и предупреждалъ, что нужно принять какія-нибудь мѣры, такъ какъ этотъ вопросъ о земельныхъ банкахъ тѣсно связанъ съ нашимъ земельнымъ кредитомъ, но получалъ одинъ отвѣтъ: «вы должны продать ваши акціи».—«На моихъ глазахъ было столько краховъ различныхъ банковъ, что поневолѣ приходилось зорко слѣдить за дѣятельностью правленія банка», замѣтилъ свидѣтель.

На предложеніе предсѣдателя указать факты нарушенія устава банка, свидѣтель пояснилъ, что по уставу банкъ выдаетъ ссуду подъ имущество въ половинной суммѣ его дѣйствительной стоимости; на самомъ же дѣлѣ С.-Петербургско-Тульскій банкъ поступалъ наоборотъ: онъ выдавалъ ссуды въ пять разъ превышающія дѣйствительную стоимость даннаго владѣнія; такъ, напримѣръ, подъ имущество, проданное впослѣдствіи банкомъ за 25 тысячъ рублей, была выдана ссуда въ размѣрѣ 125 тысячъ рублей при оцѣнкѣ въ 200 тысячъ руб.—Свидѣтель знаетъ, кромѣ этого случая, еще и другіе, анологичные; такъ, за время предсѣдательства г. Масловскаго, поступившее въ залогъ одно имущество было оцѣнено въ 100 т р., а продано всего за 30 т. р., именно вслѣдствіе того, что имущество это оказалось малоцѣннымъ, такъ какъ флигель, составляющій часть этого имущества, былъ безъ фундамента, и начальство распорядилось срыть его, какъ грозившій опасностью. Очевидно, что если бы подъ имущества не выдавались крупныя ссуды, они и продавались бы своевременно и безъ потерь для банка, и не накапливалось бы ихъ на 8 милліоновъ рублей. Это одно изъ на-

рушеній устава. Что же касается другихъ нарушеній и неправильныхъ операцій банка, то, по заявленію свидѣтеля, акціонерамъ за всѣми этими операціями прослѣдить было невозможно, потому что большая часть ихъ тщательно скрывалась, вслѣдствіе чего акціонеры и были лишены возможности контроля надъ дѣйствіями правленія, при этомъ свидѣтель добавилъ, что онъ самъ былъ членомъ ревизіонной комиссіи и, когда убѣдился, что производимая имъ ревизія не что иное, какъ комедія, отказался отъ этого званія.

Въ заключеніе свидѣтель показалъ, что большую часть общихъ собраній составляли подставныя лица отъ Масловскаго и что при милліонныхъ убыткахъ акціонеры на этихъ собраніяхъ получали дивиденты по 24 руб. на акцію, а самые убытки въ сотни тысячъ, какъ, напримѣръ, понесенные при продажѣ малоцѣнныхъ домовъ, заносились въ счетъ «возвратныхъ расходовъ» и ставились какъ активъ банка. Съ процентными бумагами продѣлывалось тоже самое съ цѣлью скрыть истинное положеніе дѣлъ отъ членовъ-акціонеровъ, а именно: если операція была выгодна; тотчасъ же записывалась прибыль и выдавался дивидентъ, если убыточна, то убытки показывались въ покупной цѣнѣ, но насколько бумаги падали въ цѣнѣ и сколько на нихъ понесъ банкъ убытка, это скрывалось. Свидѣтелю, кромѣ того, извѣстно, что часть акцій С.-Петербургско-Тульскаго банка находилась въ залогѣ въ Азовскомъ банкѣ.

Свидѣтели *Костылевъ и Шершевскій* показали, что они были членами ревизіонной комиссіи С.-Петербургско-Тульскаго банка въ продолженіи 6—7 лѣтъ, съ 1881 года, а затѣмъ вышли изъ этой комиссіи въ виду несогласій съ правленіемъ, которое допускало нарушенія устава банка: такъ, владѣло домами выше срока, указаннаго въ уставѣ, держало капиталъ банка въ собственныхъ бумагахъ на нѣсколько милліоновъ рублей; временами капиталы банка помѣщались въ негарантированныхъ правительствомъ бумагахъ, напримѣръ, въ акціяхъ юго-западныхъ ж. д., что запрещалось уставомъ; до 1882 г. бывали нарушенія по выдачѣ ссуды вслѣдствіе чрезмѣрной оцѣнки имуществъ. Далѣе свидѣтели разъяснили, что подъ рубрику «возвратныхъ расходовъ» записывались, по ихъ мнѣнію, только такіе расходы, которые могли вернуться, и потому до полнаго выясненія не могли быть записаны въ убытокъ и требовали потому особой рубрики; что касается удержанія домовъ банкомъ долѣе того, чѣмъ полагалось по уставу, то это вызывалось часто необходимостью и дѣлалось въ интересахъ акціонеровъ, такъ какъ домовъ накоплялось за банкомъ очень много, наступилъ домовый кризисъ, и правленіе надѣялось,

удержавъ ихъ за собою временно, продать за большую цѣну, что иногда правленію и удавалось.—Члены ревизіонной комиссіи не были часто въ состояніи разобраться вполнѣ основательно, такъ какъ приглашались только за нѣсколько времени передъ составленіемъ отчета; ревизіонная комиссія смотрѣла только книги; что касается отчетности, то она ее не касалась; дома хотя и осматривали, но не всѣ, и не считали себя компетентными провѣрять расчеты по ремонту и перестройкѣ имуществъ, состоящихъ за банкомъ. *Шершевскій*, кромѣ того, прибавилъ, что на словахъ передавалъ г. Нотовичу о порядкахъ банка и что, хотя въ особую рубрику «возвратные расходы» и были вносимы тѣ расходы, которые, повидимому, могли вернуться, но въ дѣйствительности на возвратъ ихъ было весьма мало надежды, и они оказались убытками.

Свидѣтель, главный бухгалтеръ банка, *Матвѣевъ* подтвердилъ, что въ «возвратные расходы» поступали суммы тѣ, которыя были затрачены банкомъ, но которыя впослѣдствіи должны были возвратиться. До окончательнаго выясненія, возвратятся онѣ или нѣтъ, эти суммы должны значиться въ активѣ.

Свидѣтель *Адамовичъ* на всѣ предложенные ему вопросы отозвался запамятованіемъ, вслѣдствіе чего, по ходатайству защиты, судъ постановилъ прочесть его показаніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи, которое заключалось въ слѣдующемъ:

Свидѣтель состоялъ на службѣ въ банкѣ счетоводомъ въ бухгалтеріи $4^1/_2$ года (а до этого служилъ въ канцеляріи $1^1/_2$ года) и объяснилъ, что до увольненія его отъ службы правленіе банка держало на текущихъ счетахъ въ частныхъ банкахъ деньги, въ особенности большія суммы въ С.-Петербургско-Азовскомъ Коммерческомъ. На вопросъ о количествѣ имуществъ, оставшихся за банкомъ, свидѣтель отвѣтилъ, что къ 1-му января 1888 года было за банкомъ 26 домовъ и въ теченіе 1888 года они стали продаваться съ лихорадочною поспѣшностью, чрезъ посредство комиссіонеровъ; что подвергались всѣ дома ремонту и расходы по ремонтировкѣ при продажѣ имуществъ далеко не покрывались. На вопросъ по поводу продажи дома Вараксина, свидѣтель объяснилъ, что во время его служенія въ канцеляріи банка въ 1881 году онъ переписывалъ, такъ называемый, секретный журналъ о продажѣ дома Вараксина г-ну Давыдовичу, по которому въ соединенномъ засѣданіи членовъ правленія и оцѣночной комиссіи опредѣлено было вычитать въ теченіе пяти лѣтъ съ упомянутыхъ въ журналѣ членовъ правленія и оцѣночной комиссіи из-

вѣстные убытки. Давыдовичъ пользовался этимъ домомъ, который былъ извѣстенъ подъ названіемъ «Николаевскій домъ меблированныхъ комнатъ»; потомъ, черезъ годъ г. Давыдовичемъ домъ этотъ былъ сданъ съ мебелью обратно банку. Банкъ продолжалъ предпріятіе г. Давыдовича до 1886 г.; затѣмъ мебель была продана и домъ ремонтированъ.—При продажѣ дома Хомяковыхъ, членъ правленія въ Москвѣ, Костомаровъ получилъ въ видѣ гонорара 5 тысячъ руб. изъ суммъ главнаго агенства въ Москвѣ. Этотъ домъ былъ проданъ за 525 тысячъ рублей, а въ ссуду подъ него банкъ выдалъ 700 т. руб. Подъ домъ Киселева была выдана ссуда въ 130 тыс. руб., проданъ домъ впослѣдствіи за 39 тыс. руб.; одна часть дома, по приказанію с-петербургскаго градоначальника, была снята, какъ угрожавшая опастностью для жизни. Отъ домовъ Рогова и Корвинъ-Крюковскаго банкъ понесъ убытки громадные, но размѣра ихъ онъ не помнитъ. На вопросъ о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ секретнымъ постановленіемъ правленія Тульскаго банка, свидѣтель отвѣтилъ, что вышеупомянутое постановленіе правленія по дому Варакcина онъ считаетъ потому секретнымъ, что оно не было внесено, какъ это слѣдовало бы, въ книгу резолюцій правленія.

Далѣе, на вопросъ Костомарова, свидѣтель объяснилъ, что если бы имъ, Костомаровымъ, не были взяты пять тысячъ руб. въ свою пользу, они были бы показаны въ отчетѣ его, куда израсходованы, и представлены были бы оправдательные документы, но ни того, ни другого сдѣлано не было; отсюда онъ и сдѣлалъ предположеніе, что эти 5 тыс. р. взяты Костомаровымъ для личныхъ надобностей. Все это ему извѣстно, потому что онъ велъ дѣла московской агентуры.

Свидѣтель *Безродный* показалъ, что въ то время, когда онъ былъ выбранъ въ члены ревизіонной комиссіи,—1881 или 1882 г.,—до него стали доходить слухи о рискованныхъ дѣйствіяхъ банка, неправильныхъ и слишкомъ большихъ ссудахъ; поэтому онъ, обративъ вниманіе на дѣла о ссудахъ, когда производилъ ревизію, не имѣя возможности производить подробный осмотръ домовъ на мѣстѣ и провѣрку заключеній экспертовъ, взялъ на выдержку нѣсколько дѣлъ о болѣе или менѣе цѣнныхъ домахъ и нашелъ, что оцѣнка часто подписывалась 1—2 членами, тогда какъ, по уставу банка, оцѣнка должна производиться коллективно оцѣночной комиссіей большинствомъ голосовъ. Кромѣ того, свидѣтелемъ было замѣчено, что банкъ открылъ текущій счетъ подъ свои закладные листы въ московскомъ отдѣленіи Волжско-Камскаго банка. Свидѣтель подалъ особое мнѣніе и настаивалъ на напечатаніи его, но правленіе этого не сдѣлало,

и на общемъ собраніи его особое мнѣніе прочитано не было, а дѣлались предсѣдателемъ правленія изъ него только нѣкоторыя выдержки.

Допросъ свидѣтелей закончился допросомъ г.г. *Никитина и Герценштейна*, которые ничего существеннаго въ свои показанія не внесли.

Во время допроса свидѣтеля Никитина, служащаго въ редакціи газеты «Новости», по просьбѣ Масловскаго, была предъявлена ему выписка изъ счета редакціи этой газеты о томъ, сколько редакція газеты «Новости» получила отъ Тульскаго банка за напечатаніе въ газетѣ объявленій. Содержаніе этой записки Никитинъ призналъ въ общихъ чертахъ, насколько помнитъ, соотвѣтствующимъ записи въ книгахъ конторы. Изъ нея видно, что за 1886 г. конторою газеты «Новости» получено отъ банка 399 р. 13 к., за 1887 г.—492 р. 30 к. и за 1888 г.—355 р. 25 к., а всего 1246 р. 68 к. Затѣмъ г. Масловскій представилъ суду подлинный счетъ главной конторы «Новости» на публикаціи за четыре года, съ 1885 по 1889, изъ котораго видно что Тульскій банкъ за указанные выше три года заплатилъ нѣсколько болѣе. По поводу этого обстоятельства свидѣтель замѣтилъ, что разница въ цыфрахъ можетъ быть объяснена пропускомъ конторщика, но общая сумма за четыре года все-таки весьма ничтожна.

Затѣмъ, по просьбѣ защитника, были прочтены показанія неявившихся свидѣтелей: *Глуховского*, который въ показаніяхъ своихъ, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, подтверждалъ факты бездѣятельности ревизіонной комиссіи и лишенія со стороны правленія банка акціонеровъ возможности своевременно, передъ общимъ собраніемъ, ознакомиться съ печатными докладами правленія, которые не раздавались наканунѣ общихъ собраній, а читались впервые въ нихъ, и *Котомина*, въ показаніяхъ котораго также заключались указанія на нѣкоторыя нарушенія банкомъ своего устава.

По просьбѣ защитника судъ предоставилъ сторонамъ ссылаться на отчеты банка за послѣднее время и удостовѣрилъ, что прошеніе г. Нотовича о выдачѣ ему ссуды за его домъ было подано въ банкъ въ январѣ 1887 года.

Этимъ закончилось судебное слѣдствіе. Судъ приступилъ къ выслушиванію преній сторонъ, содержаніе рѣчей которыхъ является въ значительной степени сходнымъ съ содержаніемъ ихъ же рѣчей, впослѣдствіи произнесенныхъ по этому же дѣлу въ судебной палатѣ. Поэтому мы здѣсь ихъ не помѣщаемъ.

Окружный судъ, выслушавъ объясненія сторонъ, призналъ подсуди-

маго Нотовича виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1535 ул. о нак., приговорилъ его къ заключенію въ тюрьмѣ на 4 мѣсяца и постановилъ сдѣлать распоряженіе о напечатаніи этого приговора въ разныхъ изданіяхъ на счетъ г. Нотовича.

На этотъ приговоръ были принесены апелляціонные отзывы какъ защитникомъ подсудимаго, прис. пов. Спасовичемъ, такъ и г. Масловскимъ за себя, въ качествѣ предсѣдателя правленія С.-Петербургско-Тульскаго земельнаго банка и какъ повѣреннымъ сего правленія въ лицѣ членовъ онаго—Масленникова, Черкасова и Костомарова.

Прис. повѣр. Спасовичъ въ отзывѣ своемъ, повторяя приведенныя въ засѣданіи суда объясненія по вопросу, кто въ настоящемъ дѣлѣ долженъ быть признанъ потерпѣвшимъ лицомъ, указывалъ, что судъ не выполнилъ своей задачи разобрать споръ между правленіемъ банка и Нотовичемъ объ оскорбленіи чести, такъ какъ не установилъ, чтобы Нотовичъ оскорбилъ честь правленія банка, какъ особой корпораціи, продолжающей существовать непрерывно, несмотря на то, что входящіе въ составъ его члены мѣняются; что въ виду этого Нотовичъ долженъ быть признанъ оправданнымъ по обвиненію въ преступленіи, за которое онъ привлекался къ суду, и что пріемъ, посредствомъ котораго судъ, уклонившись отъ исполненія упомянутой возложенной на него задачи, счелъ возможнымъ судить г. Нотовича по обвиненію, которое со стороны Масловскаго Масленникова и Черкасова не было предъявлено къ нему законнымъ порядкомъ, состояло въ томъ, что безъ требованія съ чьей-либо стороны (?) перевелъ прис. пов. Михайлова со стороны правленія банка на сторону отдѣльныхъ членовъ правленія на томъ основаніи, что будто бы въ довѣренности отъ 25 мая 1889 г. правленіе возложило на него обязанность защищать интересы лицъ, подписавшихъ эту довѣренность въ качествѣ потерпѣвшихъ, между тѣмъ какъ правленіе банка не могло передовѣрять Михайлову то, на что оно само не было уполномочено и что ужъ никакъ не входило, по уставу, въ кругъ его обязанностей. Возражая затѣмъ противъ произведеннаго обряда примиренія сторонъ въ нарушеніе 35 ст. ус. уг. с., прис. пов. Спасовичъ просилъ о полномъ оправданіи подсудимаго.

Съ своей стороны *Масловскій*, къ которому присоединился и *прис. пов. Михайловъ*, какъ повѣренный частныхъ обвинителей, ходатайствовалъ о присужденіи Нотовича къ высшей мѣрѣ наказанія, указаннаго въ ст. 1535 ул. о нак.

Засѣданіе уголовнаго департамента С.-Петербургской судебной палаты 7-го ноября 1890 г.

Предсѣдательствовалъ членъ палаты В. Э. Длотовскій при членахъ судебной палаты Г. В. Кастріото-Скандербекъ-Дреколовичѣ и Н. П. Дорогинѣ. Явились: повѣренный частныхъ обвинителей, присяжный повѣренный Михайловъ, предсѣдатель правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, Масловскій, и члены правленія—Масленниковъ и Черкасовъ, подсудимый Нотовичъ и его защитникъ, прис. пов. Спасовичъ.

Судебная палата, въ виду заявленія обвинителя Михайлова, признала необходимымъ до доклада дѣла разрѣшить преюдиціальный вопросъ о томъ, кто въ данномъ случаѣ является частнымъ обвинителемъ, правленіе ли С.-Петербургско-Тульскаго банка, или же члены этого правленія—Масловскій, Масленниковъ, Черкасовъ, Костомаровъ,—и предсѣдательствовавшій предложилъ сторонамъ высказаться по этому предмету.

Прис. пов. Спасовичъ. Такъ какъ я въ этомъ пунктѣ обжаловалъ приговоръ окружного суда, то я полагаю, что мои возраженія должны быть раньше выслушаны. Не будетъ ли мнѣ предоставлено право изложить мои доводы, на которые господа частные обвинители будутъ затѣмъ отвѣчать?

Предсѣд. Хорошо.

Защитникъ присяжный повѣренный Спасовичъ. Я долженъ коснуться двухъ обжалованныхъ мною процессуальныхъ нарушеній закона въ приговорѣ. Одно изъ нихъ заключается въ томъ, что были двѣ жалобы, по которымъ производилось дѣло: одна изъ нихъ коллективная, отъ состава правленія, другая дополнительная, отъ одного члена правленія, не подписавшаго первой, г. Костомарова. Жалоба г. Костомарова не побывала у мирового судьи, а прямо попала на судъ вопреки ст. 543 у. у.с., которая гласитъ, что въ судъ могутъ войти только тѣ жалобы, которыя не получили надлежащаго разрѣшенія у мирового судьи. Это одинъ преюдиціальный вопросъ, который тѣсно связанъ съ послѣдующимъ вопросомъ. Я утверждаю, что и первая жалоба, направленная къ мировому судьѣ, не получила у него надлежащаго разрѣшенія, потому что не являлось ее поддерживать принесшее ее правленіе въ лицѣ особаго уполномоченнаго, а являлись вмѣсто того и дѣйствовали отдѣльно члены правленія каж-

дый за себя. Это коренная неправильность, которая должна повлечь за собою пріостановленіе, по крайней-мѣрѣ, если не прекращеніе, всего настоящаго производства. Спрашивается: кто по настоящему дѣлу настоящій жалобщикъ и кто настоящее потерпѣвшее отъ преступленія лицо?—есть-ли это правленіе само, какъ лицо юридическое, или, лучше сказать, банкъ, который оно безъ особой довѣренности представляетъ, или эти господа, отдѣльные члены правленія? За возбужденіе этого вопроса противники мои упрекаютъ меня въ томъ, что это безсодержательная казуистика, и говорятъ, что я стараюсь ввести судъ въ заблужденіе. Я сознаю, съ своей стороны, возможность доказать противное, т. е. что я правъ. Съ ясностью и точностью, съ которыми доказываются математическія теоремы, начну я съ самыхъ простѣйшихъ и общеизвѣстныхъ истинъ. Вамъ, конечно, извѣстно, господа судьи, что значитъ стеченіе нѣсколькихъ лицъ въ одномъ и томъ же преступленіи, судимое по законамъ о сообществѣ. Вамъ извѣстно также стеченіе многихъ преступленій въ дѣйствіи одного и того же судимаго лица. Если одно лицо совершило нѣсколькими отдѣльными дѣйствіями нѣсколько преступленій, то этотъ случай обсуждается по правиламъ о совокупности преступленій, по ст. 152 ст. уложенія о наказаніяхъ. Но можетъ быть и другой родъ стеченія:—когда одно лицо однимъ дѣйствіемъ совершило нѣсколько отдѣльныхъ одинаковыхъ или разныхъ преступленій, за которыя оно судится также совокупно и также по правиламъ о совокупности преступленій. Съ такимъ случаемъ имѣемъ мы теперь дѣло. Мой кліентъ, Нотовичъ, обвиняется въ томъ, что онъ заразъ оскорбилъ извѣстную совокупность лицъ, цѣлый ихъ классъ или разрядъ. Безразлично, были они поименованны въ жалобѣ или нѣтъ. Можно заразъ, никого не поименовывая, оскорбитъ цѣлую семью, всѣхъ офицеровъ одного полка; можно оскорбить судъ, можно оскорбить чиновъ правленія. Чѣмъ обширнѣе совокупность лицъ, честь которыхъ затронута, тѣмъ слабѣе отражается обвиненіе на каждомъ изъ нихъ отдѣльно. Происходитъ то же, что отъ паденія камня на гладкую поверхность воды. Волненіе поверхности будетъ всего сильнѣе

вокругъ пункта, гдѣ камень упалъ, а затѣмъ расходящіеся круги дѣлаются все меньше и меньше замѣтными, на сажень или двѣ сажени они почти незамѣтны. Какъ относиться къ подобнаго рода случаю одновременнаго оскорбленія многихъ лицъ? Можетъ ли оскорбитель быть нѣсколько разъ наказанъ за свое одно только дѣяніе? Конечно, нѣтъ. По правиламъ о совокупности преступленій, съ него можно взыскать за всѣ преслупленія заразъ; слѣдовательно, онъ можетъ быть наказанъ одинъ только разъ, при чемъ не исключается возможность въ рѣдкихъ случаяхъ дополнительняго наказанія, если первичнаго взысканія было не достаточно. Такъ, напримѣръ, въ настоящемъ дѣлѣ допустимъ, что въ статьяхъ «Новостей» оскорблены всѣ члены правленія, но одно изъ нихъ, положимъ, предсѣдатель, болѣе другихъ; допустимъ, что пожаловался одинъ изъ меньше оскорбленныхъ, напримѣръ, г. Костомаровъ, затѣмъ предъявилъ свое обвиненіе г. Масловскій въ качествѣ предсѣдателя,—тогда, конечно, могло бы быть назначено добавочное наказаніе, которое бы въ совокупности съ первымъ покрыло всю его вину. Во всякомъ случаѣ, обвиняемый долженъ былъ-бы, по установленному порядку вещей, являться въ судъ столько разъ, сколько-бы оказалось оскорбленныхъ лицъ, могущихъ явиться жалобщиками. До сихъ поръ я предполагалъ, что оскорблено нѣсколько лицъ *физическихъ*. Нельзя сказать, чтобы они могли быть оскорблены коллективно, то есть, чтобы обида установливала между ними солидарность и единство, но обыкновенно бываетъ, что обиженные вступаются и предъявляютъ обвиненіе коллективно. Теперь я усложняю предположеніе и допускаю, что однимъ дѣйствіемъ оскорблены и лицо юридическое—одно или нѣсколько,—и нѣсколько лицъ физическихъ. Тутъ то меня поджидаютъ противники, чтобы уличить меня въ томъ, что я неправъ. Они говорили мнѣ въ окружномъ судѣ: «Вы ставите рогатую диллему: либо директора, какъ отдѣльныя лица, либо правленіе, и ставите эту диллему съ тѣмъ, чтобы установить, что жалобщикъ—правленіе, а затѣмъ, чтобы доказать, что правленіе есть лицо искусственное, которое не можетъ ни чувствовать, ни страдать, которому, слѣдовательно, не подо-

баетъ быть и объектомъ преступленія». Мой почтенный товарищъ по профессіи, А. В. Михайловъ приводитъ въ опроверженіе мною предполагаемаго взгляда тотъ фактъ, что я самъ являлся въ 1869 году по подобному же дѣлу о клеветѣ обвинителемъ по довѣренности Тамбовско-Рязанской желѣзной дороги противъ газеты «Голосъ» Мои противники жестоко ошибаются на счетъ моихъ убѣжденій. Я утверждаю, что тогда дѣйствовалъ правильно и теперь дѣйствую послѣдовательно. Оба случая и съ «Голосомъ» и съ «Новостями» аналогичны. Я являлся тогда по довѣренности правленія и дѣйствовалъ отъ имени юридическаго лица, но таковымъ было не правленіе, а само общество Рязанско-Тамбовской желѣзной дороги, котораго правленіе было полнѣйшимъ представителемъ. Отъ чьего имени подана жалоба, составляющая основаніе всему настоящему дѣлу? Отъ членовъ правленія и подписана она личнымъ составомъ правленія. Правленіе вступается собственно за банкъ, за его коммерческую репутацію; оно ставитъ вопросъ о клеветѣ на коммерческую точку зрѣнія. Оно оскорбляется и за себя, и за акціонеровъ. Въ статьѣ «Новостей» отъ 23 декабря 1888 не отдѣляется Тульскій банкъ, какимъ онъ былъ до 1882 года, отъ банка, какимъ онъ сдѣлался послѣ выхода изъ него Борисова, а говорится вообще за все время существованія этого банка о томъ, что заправилы его совершали злоупотребленія и получали за то благодарность отъ акціонеровъ. Фраза эта повторена въ жалобѣ. Если соблаговолите посмотрѣть на докладъ правленія по отчету за 1888 г. общему собранію акціонеровъ 20-го февраля 1889 года, когда дѣло о клеветѣ было только что возбуждено, то увидите, что правленіе сообщало акціонерамъ, что оно вступило за общее ихъ дѣло, за честь банка, начало дѣло противъ Нотовича. При производствѣ дѣла въ окружномъ судѣ, хотя члены правленія и заявили себя оскорбленными лично въ *своей* чести обвинителями, но въ то же время г. Масловскій являлся постоянно съ взысканіемъ за честь банка. Онъ изображалъ правленіе въ видѣ вершины, вѣнчающей высокую пирамиду, состоящую изъ всѣхъ владѣльцевъ закладныхъ листовъ, всѣхъ заемщиковъ банка и владѣльцевъ 20,000 акцій. Онъ, между прочимъ,

заключилъ свою рѣчь въ окружномъ судѣ слѣдующими словами: «Помяните и умершихъ (Квистъ), не забывайте, что за нашей спиной стоятъ владѣльцы 20,000 акцій, владѣльцы облигацій на 40,000,000 рублей, всѣ заемщики банка, получающіе ссуды не наличными деньгами, а закладными листами».

Эта-же мысль проявлялась и въ самомъ качествѣ представляемыхъ доказательствъ. Представляли письма акціонеровъ, жалующихся, что и они пострадали, и требующихъ предъявленія преслѣдованія противъ г. Нотовича. Наконецъ, самый рѣшительный и самый сильный доводъ, что банкъ—юридическое лицо—является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, это то требованіе обвинителей, которое было уважено окружнымъ судомъ,—чтобы приговоръ о г. Нотовичѣ былъ опубликованъ во всѣхъ губернскихъ вѣдомостяхъ тѣхъ 12 или 14 губерній, на которыя распространяется дѣятельность банка. Въ этомъ отношеніи окружный судъ вошелъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собою. Я не знаю, можетъ быть, дѣятельность г. Масловскаго, какъ богатаго коммерсанта, и распространяется на всѣ эти губерніи и на Туркестанъ, но во всякомъ случаѣ, эта дѣятельность его, но не банка, между тѣмъ окружный судъ постановилъ публиковать приговоръ во всѣхъ тѣхъ 12 губернскихъ вѣдомостяхъ подъ видомъ, будто-бы на эти губерніи простирается дѣятельность членовъ правленія, между тѣмъ какъ у него были свѣдѣнія только о томъ, что, не они, а правленіе оперируетъ въ тѣхъ губерніяхъ. Съ самаго начала, приступая къ судебному слѣдствію въ окружномъ судѣ, я заявилъ, что обвиняютъ вовсе не тѣ лица, которыя подали жалобу, замѣняющую обвинительный актъ. Судъ этого возраженія не уважилъ, а призналъ, что обвинителями являются только члены личнаго состава правленія 1888 года. Судъ присудилъ г. Нотовича только за оклеветаніе этихъ отдѣльныхъ членовъ. Этой части рѣшенія не обжаловали наши противники, изъ чего слѣдовало-бы, что они ей подчинились. Такъ нѣтъ-же, они ей не подчинились, потому что и ихъ апелляція и ихъ объясненіе на апелляціонную мою жалобу принесены коллективно отъ тѣхъ же физическихъ лицъ, но под-

раздѣленныхъ на двѣ группы: въ одной группѣ стоятъ члены правленія, кромѣ г. Масловскаго, фигурирующіе, какъ правленіе, и выдавшіе отъ правленія довѣренность г. Михайлову, а въ другой группѣ—г. Масловскій и за себя лично, и по довѣренности отъ правленія. Замѣтьте-же, г-да судьи, что я вовсе не ставлю вопросовъ въ видѣ дилеммы: либо правленіе, либо отдѣльно его члены; я допускаю и то, и другое совмѣстно. Я не противникъ даже и того, чтобы въ дѣлѣ участвовалъ г-нъ Масловскій и за себя лично и по довѣренности, отъ правленія. Я долженъ знать только, съ кѣмъ я имѣю дѣло, и не могу допустить такого перебѣганія съ одного мѣста на другое. Я мое требованіе основывалъ на вѣскихъ, на мой взглядъ, доказательствахъ. Я указывалъ на 27 статью уст. гражд., судопр., относящуюся одинаково какъ къ гражданскому, такъ и къ уголовному процессу. Статья эта гласитъ, что всѣ правительственныя установленія, общества, компаніи и иныя юридическія лица могутъ являться въ судъ только въ лицѣ особаго уполномоченнаго. Я утверждалъ, что этотъ законъ имѣетъ свою практику, довольно прочно установившуюся. 19 лѣтъ спорная статья была соблюдаема столь строго, что не только явка но и подача всякихъ бумагъ допускалась только по довѣренности; затѣмъ въ 1886 году въ рѣшеніи № 98 по дѣлу Гильхенъ, Кемптета и Руссо правительствующій сенатъ нѣсколько отступилъ отъ этой строгости и потребовалъ только при личной явкѣ въ судъ такого полномочія, допустивъ по отношенію къ правителъственнымъ учрежденіямъ (напримѣръ, въ этомъ случаѣ, сиротскому суду), чтобы исковыя, апелляціонныя или кассаціонныя жалобы и тому подобныя письменныя коллективныя заявленія были подписываемы самими правленіями или коллегіями, но не иначе, какъ въ полномъ ихъ составѣ. Въ 1887 г. въ рѣшеніи № 38, по дѣлу Тамбовскаго общества взаимнаго кредита, то же начало примѣнено и къ акціонернымъ обществамъ. Въ силу этихъ узаконеній я указывалъ, что, разъ подавши жалобу, правленіе обязано было и поддерживать ее, начиная отъ мирового судьи, посредствомъ особаго отъ себя уполномоченнаго лица. Я не былъ выслушанъ. Я возобновляю мое ходатайство и прошу

палату положить конецъ этой странной путаницѣ лицъ и понятій. Я прошу ее рѣшить, съ кѣмъ же я имѣю дѣло: съ похороненнымъ въ приговорѣ окружнаго суда правленіемъ или съ отдѣльными физическими лицами, которыя запаслись, однако, и довѣренностями отъ правленія. Я постараюсь доказать: во 1-хъ, что всѣ превращенія жалующагося и потерпѣвшаго лица не имѣютъ законнаго основанія, что мои противники не имѣютъ права дѣлать такую перемѣну, во-2-хъ, я постараюсь объяснить, какой интересъ имѣютъ они въ томъ, чтобы упорно стоять на этихъ превращеніяхъ. Для достиженія этой цѣли я заимствую у г. Масловскаго его же теорію, проводимую весьма послѣдовательно въ объясненіи на мою апелляціонную жалобу, о правѣ обвиненія устанавливать обязательно для судьи предѣлы и качество обвиненія или, такъ назыв., рамки обвиненія. Онъ полагаетъ, что въ этихъ рамкахъ, какъ въ желѣзномъ кругѣ, заперты и обвиняемый, и самъ судъ, который не можетъ ихъ измѣнить. Предѣлы эти опредѣляются, по мнѣнію г. Масловскаго, жалобою его и послѣдующими затѣмъ его заявленіями. Я нахожу, что мысль вѣрна, и возразилъ бы только противъ указанныхъ послѣдующихъ заявленій. Въ дѣлахъ частнаго обвиненія господствуетъ то же начало, какъ и въ гражданскомъ процессѣ: что обѣ стороны, разъ онѣ поставили свои требованія, могутъ ихъ только уменьшить, но никакъ не увеличивать. Обвиненіе противъ г. Нотовича было поставлено, напримѣръ, по 1535 ст. въ клеветѣ и по 1040 ст. въ злословіи; отъ 1040 ст. они отступили, но перемѣнять обвиненіе, не уменьшая своихъ требованій, противники мои не могутъ. Они не вправѣ ссылаться на ст. 752 у. у. с., которая гласитъ, что о преступномъ дѣяніи, непредусмотрѣнномъ въ обвинительномъ актѣ, но обнаруженномъ на судебномъ слѣдствіи, вопросы могутъ быть поставлены судьями, если они подвергаютъ наказанію одинаковому или меньшему нежели дѣяніе, въ актѣ опредѣленное. Въ этой статьѣ говорится, вѣдь, только объ обвинительномъ актѣ, и не помянуто о жалобѣ частнаго обвинителя. Но будь ст. 752 примѣнена и къ жалобѣ противной стороны, то и она бы не оправдывала той перемѣны, которая противною стороною затѣяна. И въ

обвинительномъ актѣ, и въ жалобѣ есть пункты, которые стоятъ твердо, какъ неподвижные винты. Я къ такимъ винтамъ отношу субъектъ преступленія и объектъ его, т. е. потерпѣвшее лицо. Обвиняется Иванъ въ кражѣ, а при слѣдствіи обнаружилось, что не Иванъ совершилъ кражу, а Петръ. Можно ли подставить Петра вмѣсто Ивана и его въ преступленіи обвинять? Конечно, нельзя, потому что это противно I ст. у. у. с., по которой не можетъ быть наказанъ тотъ, кто не былъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, указанномъ закономъ. Возьмемъ другой примѣръ. Судится Николай за то, что совершилъ кражу у Петра, а на судѣ обнаружилось, что онъ обокралъ не Петра, а Якова, который даже не спрошенъ. Можно ли судить всю эту кражу? Конечно, нельзя, потому что о ней не произведено вовсе предварительнаго слѣдствія, хозяинъ вещи не спрошенъ, но окончательно установлено, чья она, и хозяинъ украденнаго не долженъ быть лишаемъ возможности явиться гражданскимъ истцомъ въ уголовномъ судѣ. Нельзя перемѣнить лицо, потерпѣвшее отъ преступленія. Нельзя этого дѣлать и въ порядкѣ публичнаго обвиненія, а тѣмъ болѣе нельзя въ порядкѣ частнаго обвиненія. Нельзя потому, что отъ такой перемѣны можетъ зависѣть прекращеніе или непрекращеніе дѣла примиреніемъ. Жалоба отъ правленія банка при предсѣдательствѣ Масловскаго, владѣльца 4,000 акцій, т. е. одной пятой всего ихъ числа, равняющагося 20,000! Но въ акціонерныхъ обществахъ бываютъ крутые перевороты. Кто можетъ поручиться за то, что не найдется лица, которое скупитъ пять или шесть тысячъ акцій, низвергнетъ г. Масловскаго, возьметъ въ свои руки правленіе, пользуясь извѣстіями «Новостей» и распоряженіями министра финансовъ, и это правленіе не будетъ имѣть никакого основанія продолжать преслѣдованіе противъ г. Нотовича? Перемѣна въ объектѣ преступленія дѣлаетъ всякую борьбу съ противникомъ неравною, потому что когда я напираю на то, что не можетъ правленіе стоять за репутацію банка, потому что банкъ запутался въ плохихъ операціяхъ и самъ свою репутацію похоронилъ въ кризисѣ 1882 г., то мнѣ отвѣчаютъ, мы люди чистые, этому кризису непричастные, и

ссылаются на свои субъективныя страданія, а когда станешь этихъ людей припирать къ стѣнѣ, что и они совершали беззаконія, то они, переводя дѣло опять на коммерческую почву, ссылаются на акціонеровъ и заемщиковъ. Надобно же мнѣ знать, съ кѣмъ я имѣю дѣло? Имѣю я дѣло съ правленіемъ, — я буду отвѣчать правленію; имѣю я дѣло съ г. Масловскимъ,—я буду отвѣчать ему, но буду отвѣчать каждому отдѣльно, кто будетъ ставить обвиненіе. Вотъ, почему я ходатайствую, чтобы это дѣло было возвращено къ законному порядку, т. е. къ мировому судьѣ, къ которому эти господа или другіе явятся поддерживать жалобу съ довѣренностью отъ правленія. Одновременно же эти господа могутъ подать жалобы отъ себя лично. Время еще не ушло,—двухлѣтній срокъ еще не истекъ со времени опубликованія послѣдней инкриминируемой статьи въ «Новостяхъ», т. е. до 16-го января 1891 года. Тогда, по крайней мѣрѣ, дѣло будетъ поставлено на правильную почву.

Мнѣ остается еще разобрать, какую цѣль имѣли обвинители, люди дѣловые и опытные, перебѣгая съ одной почвы на другую, дѣйствуя то за себя, то за правленіе. Совершили ли они эту ошибку по необходимости, по оплошности? Нѣтъ, нисколько. Они подмѣтили для себя въ соединеніи двухъ ролей авантажъ большой, громадный. Вамъ извѣстно, господа судьи, что были два банка: Саратовско-Симбирскій и С.-Петербурго-Тульскій; они возникли въ одно и то же время, имѣя одного и того же хозяина, Борисова. Разумѣется, и порядки въ нихъ были одинаковые, такъ какъ въ хозяйствѣ отражаются и личныя качества хозяина. Результаты хозяйства разразились кризисами. Сначала поколебался Саратовско-Симбирскій банкъ; ему было предложено получить дополнительные взносы отъ акціонеровъ. Этого онъ не могъ сдѣлать; подвергся ликвидаціи, а члены его правленія преданы суду. Что касается Тульскаго банка, то обошлось безъ дополнительныхъ взносовъ, кризисъ не кончился ликвидаціей и банкъ продолжаетъ существовать донынѣ. За злоупотребленіями въ этомъ банкѣ слѣдилъ сотрудникъ «Новостей», г. Градовскій съ 1880 года. Статьи «Новостей» направлены были противъ банка за все время его

существованія, не отдѣляя періодовъ до 1882 и послѣ 1882 г. Что же сдѣлали эти господа? Стали ли они грудью за банкъ? Стали ли они защищать его коммерческую репутацію?— Нѣтъ они прямо отреклись отъ прежняго банка. Вотъ, что они напечатали въ объясненіи, которое прислали въ «Новости» и которое составляетъ документъ по настоящему дѣлу: «Масса заложенныхъ имуществъ, оставшихся за банкомъ, принята прежнимъ составомъ правленія до 1882 г., *въ оцѣнку дѣйствій котораго не здѣсь мѣсто входить*. Мы только реализировали прежнія операціи, не нами произведенныя. Во всеоружіи фактовъ заявляемъ, что въ теченіи послѣднихъ семи лѣтъ дѣло Тульскаго банка, стоявшее въ 1882 г. *наканунѣ ликвидаціи и разоренія акціонеровъ*, навсегда избавлено отъ опасности чего нибудь подобнаго». — И такъ, по заявленію господъ моихъ противниковъ по этому обвиненію, банкъ былъ черненькій, когда они туда вошли, и что съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался совсѣмъ бѣленькимъ, а «Новости» утверждаютъ, что онъ сѣренькій,—вотъ, и вся суть настоящаго дѣла. Но несомнѣнно, что своимъ заявленіемъ господа нынѣшніе члены правленія совсѣмъ лишили себя возможности отстаивать честь банка, какъ юридическаго лица, единаго отъ начала до конца его существованія. Нѣтъ возможности въ дѣлѣ, какомъ бы то ни было, гражданскомъ или уголовномъ, стоять на такой почвѣ: съ меня ищутъ какъ съ человѣка, который совершилъ нехорошее въ прошломъ, за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я же стану отвѣчать, что это никакъ ко мнѣ не относится, потому что съ тѣхъ поръ я сталъ другимъ человѣкомъ, къ прежней жизни непричастнымъ. Когда этимъ господамъ возражаютъ, что перерожденія не совершалось, что злоупотребленій они не могли вывести, что вины прежняго банка, отчасти, приняты ими на свои плечи, тогда они сводятъ все на личный вопросъ, на почву испытываемыхъ личныхъ терзаній отъ преслѣдующей ихъ, будто бы, клеветы. Вотъ, почему я твердо стою на моемъ отводѣ и требую возвращенія производства къ законному порядку или, покрайней мѣрѣ, постановки его на ту почву, на которой построенъ приговоръ окружнаго суда. Если палата будетъ стоять на точкѣ зрѣнія окружнаго суда

и ограничится его приговоромъ, то я прошу исключить это отдѣльное дѣло банка, его коммерческую репутацію и устранить совершенно неправильно поставленное дополнительное наказаніе — опубликованіе приговора въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

Повѣр. обвин., *присяжн. повѣр. Михайловъ*. Г.г. судьи! Тѣ нѣсколько словъ, которыя я скажу будутъ менѣе продолжительны, чѣмъ то, что мы выслушали сейчасъ. Тѣмъ не менѣе, мои объясненія не могутъ быть очень кратки, потому что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ весьма разнообразными объясненіями противника, а именно: въ окружномъ судѣ говорилось одно, въ апелляціонной жалобѣ другое и, наконецъ, то, что сейчасъ выслушали, оказывается уже третьимъ. По моему убѣжденію, всѣ эти объясненія расходятся между собою. Въ окружномъ судѣ противникъ ставилъ вопросъ такъ, что юридическое лицо не можетъ вчинать обвиненій и что правленіе банка есть юридическое лицо. Въ апелляціонномъ отзывѣ г. Спасовича говорится, что судъ былъ поставленъ предъ такою дилеммою: «либо вчинитъ обвиненіе правленіе—и тогда частные обвинители, его члены, въ дѣлѣ о чести самого только правленія и принимать участія не могутъ». Если Спасовичъ считаетъ, что правленіе, какъ юридическое лицо, не можетъ быть объектомъ преступленія клеветы и потому не имѣетъ права отстаивать свою честь, то какъ же онъ самъ пишетъ въ апелляціи о чести правленія? «Либо пострадавшіе,—продолжаетъ г. Спасовичъ,—одни только частные обвинители, хлопочущіе о своей личной чести», тогда въ самомъ обвиненіи долженъ послѣдовать отказъ. Въ чемъ же дѣло? Развѣ обвинялъ г. Нотовичъ г.г. Масловскаго, и Масленникова въ томъ, что они частную жизнь свою ведутъ дурно, не ладно живутъ съ женами, не чисто въ карты играютъ? Нѣтъ. Ихъ обвиняютъ въ томъ, что они, какъ члены правленія, дѣлаютъ подлоги, слѣдовательно, дурная слава пущена «Новостями» о нихъ, какъ о членахъ правленія. Сказавъ, что въ обвиненіи долженъ послѣдовать отказъ по отсутствію подлежащаго лица, г. Спасовичъ самъ же, однако, прибавляетъ, что прекращеніемъ дѣло кончиться не могло за явкою повѣреннаго отъ обвинителей, то есть, меня, Михайлова. Въ чемъ же дилемма? Далѣе онъ говоритъ, что слѣдствіемъ не установленъ фактъ оскорбленія чести правленія тульскаго банка Нотовичемъ, а потому все дальнѣйшее разбирательство объ оскорбленіи отдѣльныхъ членовъ корпораціи въ ихъ личной чести падаетъ, и вся часть приговора, постановляющая наказаніе для Нотовича, должна быть отмѣнена. А какая же часть остается?—

спросимъ мы. Никакой части не остается. Я, признаться сказать, совершенно изумленъ такими объясненіями, ибо въ нихъ вовсе нѣтъ прямыхъ доводовъ въ пользу того, что довѣрители мои не могутъ быть истцами въ дѣлѣ о клеветѣ.

Тутъ что ни слово, то противорѣчіе. Сегодня же говорится уже другое. Подъ юридическимъ лицомъ разумѣется уже не правленіе, а банкъ. Въ виду этого я позволю себѣ представить тѣ юридическія соображенія, по которымъ вопросъ, можетъ ли начатое дѣло быть прекращеннымъ, рѣшается оффиціально и въ нашу пользу; да вы увидите, что и вопроса въ сущности нѣтъ. Въ этомъ случаѣ надо обратиться къ законамъ. Откройте уложеніе о наказаніяхъ, откройте гражданскіе законы, мало того, возьмемъ всѣ пятнадцать томовъ свода законовъ, нигдѣ такого термина— «юридическое лицо» — нѣтъ. Что же это значитъ? А значитъ это то, что не законъ, а теорія права знаетъ это выраженіе. Законъ знаетъ установленія, общества, компаніи. Для того, чтобы выяснить, что теорія разумѣетъ подъ юридическимъ лицомъ, обратимся къ тому, съ чѣмъ мы всѣ болѣе или менѣе знакомы. Всѣ мы болѣе или менѣе сверстники, всѣ учились гражданскому праву по Мейеру, лекціи котораго я слушалъ какъ разъ въ то время, когда по уголовному праву слушалъ лекціи моего уважаемого противника, В. Д. Спасовича. Въ лекціяхъ этихъ разъяснялось, что юридическое лицо есть объектъ права, не подходящій подъ понятіе физическаго лица, т. е. совокупность физическихъ лицъ, то, что римляне называли universitas; примѣры юридическихъ лицъ: государство съ его представителемъ или частная акціонерная компанія, представляемая или однимъ лицомъ—директоромъ, распорядителемъ, или нѣсколькими — правленіемъ. Всѣ эти лица: царь, императоръ, президентъ, директоръ — все это представители юридическаго лица, его органы, но сами они не юридическія лица. Теперь спрашивается: можетъ ли банкъ, юридическое лицо, совершить преступленіе? Очевидно, банкъ, какъ юридическое лицо, не можетъ совершить преступленія, ибо все, что дѣлается въ немъ, дѣлается его представителемъ, правленіемъ. Если имъ совершено преступленіе, то виновникомъ является не банкъ, юридическое лицо, а тѣ физическія лица, которыя сидѣли въ правленіи, его органы; по этому въ случаѣ преступныхъ дѣяній, сажаютъ на скамью подсудимыхъ не банкъ, не юридическое лицо, а физическія лица, правленіе, представителей банка. Слѣдовательно, изъ этого вытекаетъ и то, что когда банкъ въ печати называется воровскимъ и мошенническимъ, то только и только физическіе дѣятели банка могутъ подать жалобу въ судъ и ска-

зать, что ихъ оклеветали, какъ членовъ правленія, какъ органъ юридическаго лица, и они ищутъ за эту клевету, а банкъ тутъ въ сторонѣ. Какъ же вы ссылаетесь, говорятъ, на то что клевета есть подрывъ кредита, что она уронила акціи и вредитъ операціямъ банка? Да, мы ссылались, потому что всѣ эти послѣдствія суть результаты клеветы, а не существо ея, которое касается только и только физическихъ лицъ. Намъ нужно, говоритъ г. Спасовичъ, знать, съ кѣмъ имѣемъ дѣло, иначе такая неопредѣленность стѣсняетъ защиту; защита должна знать, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Да, пожалуй, это вѣрно. А я думаю, что для г. Нотовича самая свободная защита была бы именно тогда, если бы онъ могъ вовсе запереть намъ двери въ судъ, не пускать насъ сюда и затѣмъ разглашать въ печати безнаказанно все, что ему вздумается. Мы говоримъ ему, что онъ отлично знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и свобода его вовсе не стѣснена. Но, г.г. судьи, надо же подумать немного и о частныхъ обвинителяхъ, не стѣсняетъ ли такой фонъ защиты ихъ? Вотъ, я и думаю, что, такъ какъ въ данномъ случаѣ являются въ судъ и предъявляютъ обвиненіе члены правленія, какъ лица физическія, то по сему окружный судъ совершенно правильно это обстоятельство отдѣлилъ, сказавъ такъ: судъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что статьи «Новостей» имѣютъ объектомъ не юридическое лицо, а дѣятельность ли чнаго состава правленія. Коротко и вполнѣ ясно. А за симъ не подлежитъ сомнѣнію, съ кѣмъ г. Нотовичъ имѣетъ дѣло. Еще если бы разныя правленія являлись, тогда бы можно сказать: скажите, съ кѣмъ имѣемъ дѣло? Сегодня мы имѣемъ дѣло съ правленіемъ банка въ лицѣ такого состава, а завтра является другой составъ, но вѣдь этого нѣтъ, составъ все тотъ же; все тѣ же—Масловскій, Масленниковъ, Черкасовъ и Костомаровъ съ самаго начала дѣла защищаютъ свою честь, какъ директора правленія, что составляетъ ихъ неотъемлемое право. Такимъ образомъ, вопросъ объ юридическомъ лицѣ, кажется, совершенно исчерпанъ, тѣмъ болѣе, что сегодня мой противникъ согласился, что юридическое лицо не правленіе, а банкъ. Но тутъ припутанъ еще другой вопросъ, и опять таки сдѣлано покушеніе помѣшать обиженнымъ открыть двери суда. Говорятъ: какъ же вы являетесь на судъ сами, когда уже уполномоченъ правленіемъ присяжный повѣренный Михайловъ? Утверждаютъ, что, коль скоро есть повѣренный правленія, не могутъ являться въ судъ его кліенты, и приводятъ кассаціонныя рѣшенія. Первое изъ нихъ относится къ 1886 г. по дѣлу Руссо. Но это рѣшеніе по гражданскому кассаціонному сенату касается гражданскаго вопроса и трактуетъ

о томъ, составляетъ ли подписаніе жалобы цѣлымъ составомъ присутствія сиротскаго суда, а не особымъ уполномоченнымъ, нарушеніе 1285 ст. у. г. с. Сенатъ призналъ, что нѣтъ, не составляетъ. Затѣмъ, другое рѣшеніе по дѣлу Тамбовскаго общества взаимнаго кредита 1887 г., № 38. Въ этомъ дѣлѣ сенатъ нашелъ, что жалоба, приносимая на судъ частными обществами, не особыми повѣренными, но полнымъ составомъ ихъ правленія, подлежитъ принятію, но являться защищать ихъ на судъ гражданскій эти правленія не могутъ. Совершенно понятно. Гражданское дѣло есть споръ о юридическомъ отношеніи. Если тульскій банкъ имѣетъ гражданское дѣло въ судѣ, то нѣтъ ни надобности, ни смысла всѣмъ господамъ членамъ правленія явиться на засѣданіе въ судъ и заговорить разомъ объ этомъ данномъ юридическомъ отношеніи. Вполнѣ достаточно для этой цѣли уполномочить одного человѣка, который и изложитъ всѣ доводы въ пользу даннаго юридическаго отношенія. Совсѣмъ другое дѣло въ уголовномъ судѣ, гдѣ именно личную честь этихъ господъ нужно возстановить. Тутъ явка ихъ и естественна, и законна, почему мы и видимъ, что уголовный кассаціонный департаментъ смотритъ не такъ, какъ мой противникъ, и какъ разъ въ рѣшеніи сената № 18, 1884 г., по дѣлу Акимовой, утверждаетъ противное увѣреніямъ г. Спасовича, утверждая, что владѣльцы желѣзно-дорожныхъ предпріятій (слѣдовательно, юридическихъ лицъ), привлеченные къ гражданской отвѣтственности въ уголовномъ порядкѣ по дѣламъ о несчастныхъ случаяхъ на желѣзной дорогѣ, имѣютъ одинаковое съ гражданскими истцами право защищать свои интересы лично или черезъ повѣреннаго. Мнѣ кажется, разъ мы имѣемъ такое кассаціонное рѣшеніе, то несомнѣнно оно идетъ къ дѣлу гораздо ближе и прямѣе разрѣшаетъ вопросъ о 585 ст., т. е. о правѣ частныхъ обвинителей являться на судъ уголовный вмѣстѣ со своимъ повѣреннымъ. Слѣдовательно, всякія ссылки на гражданскія рѣшенія о томъ, кто можетъ подписывать жалобы, не имѣетъ значенія. Передавая затѣмъ опроверженіе остальныхъ доводовъ г. Спасовича г. Масловскому, я ходатайствую о томъ, чтобы всѣ эти преюдиціальные вопросы были отвергнуты и чтобы палата признала, что обвиненіе предъявлено г.г. Масловскимъ, Масленниковымъ, Костомаровымъ и Черкасовымъ, какъ директорами правленія, потерпѣвшими въ личной чести своей, по своей должности, что они несомнѣнно имѣли право такъ формулировать обвиненіе и имѣютъ право явиться на судъ и представлять объясненія.

Част. обвин. Масловскій ходатайствовалъ о признаніи его и членовъ правленія банка частными обвинителями и заявилъ, что жалоба ихъ

есть коллективный протестъ лицъ физическихъ, оскорбленныхъ дѣйствіями подсудимаго.

Частн. обвин. Масленниковъ указывалъ на то, что Масловскій, онъ, Костомаровъ и Черкасовъ были оклеветаны именно какъ члены правленія банка.

Судебная палата, принявъ во вниманіе, что настоящее дѣло возникло по жалобѣ правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, поданной прокурору суда 19 января 1889 г., при чемъ въ этой жалобѣ подсудимый Нотовичъ обвиняется въ оклеветаніи всего состава правленія, а не отдѣльныхъ членовъ его въ частности, что вытекаетъ какъ изъ самаго содержанія жалобы, такъ и изъ того обстоятельства, что эта жалоба подана и отъ имени члена правленія Костомарова, неподписавшаго ни этой жалобы, ни довѣренности, выданной правленіемъ Масловскому на веденіе дѣла по этой жалобѣ; что, хотя означенная жалоба подписана четырьмя членами правленія, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы жалоба эта подана была отъ этихъ членовъ лично, ибо правленія акціонерныхъ компаній, какъ коллективныя учрежденія, могутъ подавать жалобы не иначе, какъ за подписью трехъ лицъ; что только эта, первоначальная жалоба и была препровождена къ мировому судьѣ для исполненія требованія ст. 35 ус. уг. с.; что къ примирительному разбирательству у мирового судьи явился въ качествѣ повѣреннаго частныхъ обвинителей представитель правленія банка Масловскій, уполномоченный довѣренностью, выданною этимъ правленіемъ; что по уголовнымъ дѣламъ, производящимся въ порядкѣ частнаго обвиненія, на основаніи 3 п. 543 и 546 ст. ус. уг. с., судъ приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣла не иначе, какъ по жалобѣ частнаго обвинителя, неполучившей разрѣшенія у мирового судьи, при чемъ эта жалоба, согласно рѣшенію общ. собр. и кас. депо—въ Пр. С. 11 февраля 1880 г. за № 10, служитъ основаніемъ для судебнаго разбирательства; что обвиненіе, заявленное при дальнѣйшемъ производствѣ предварительнаго слѣдствія и въ засѣданіи окружнаго суда членами правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка—Масловскимъ, Масленниковымъ, Костомаровымъ и Черкасовымъ въ оклеветаніи ихъ лично, не было на разрѣшеніи у мирового судьи, а также, въ нарушеніе 3-го п. 543 ст. ус. уг. суд., ими не была подана въ судъ жалоба; что, хотя отъ лица ихъ и была принесена присяжнымъ повѣреннымъ въ окружный судъ жалоба, но онъ дѣйствовалъ по довѣренности, выданной ему на веденіе дѣла правленіемъ банка, не имѣя довѣренности отъ отдѣльныхъ членовъ этого правленія—Мас-

ловскаго, Масленникова и другихъ; что права акціонерныхъ обществъ не должны быть смѣшиваемы съ особыми личными и имущественными правами отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ тѣхъ обществъ, а потому подписаніе членами правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка довѣренности, выданной присяжному повѣренному Михайлову, недѣйствительно для признанія его уполномоченнымъ отъ имени ихъ «лично», а не отъ состава правленія; что, во всякомъ случаѣ, поданная въ окружный судъ присяжнымъ повѣреннымъ Михайловымъ жалоба, согласно приведенному выше рѣшенію правительствующаго сената, не могла имѣть значенія первоначальной жалобы, предъявленной правленіемъ банка, какъ основаніе судебнаго разбирательства, а должна служить лишь дополненіемъ ея,— то поэтому окружный судъ не имѣлъ основанія допустить Масловскаго, Масленникова, Костомарава и Черкасова въ качествѣ самостоятельныхъ частныхъ обвинителей по настоящему дѣлу объ оклеветаніи подсудимымъ Нотовичемъ всего состава правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, безъ указанія на какое-либо юридическое лицо.

Въ виду этихъ мотивовъ судебная палата опредѣлила: 1) Признать частнымъ обвинителемъ по настоящему дѣлу правленіе С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка въ лицѣ его уполномоченныхъ Масловскаго и присяжнаго повѣреннаго Михайлова и 2) устранить отъ участія въ настоящемъ дѣлѣ, какъ отдѣльныхъ частныхъ обвинителей, Масловскаго, Масленникова, Костомарова и Черкасова.

По объявленіи предсѣдательствовавшимъ настоящаго постановленія, *Масловскій* сказалъ, что въ виду того, что жалобщикомъ по настоящему дѣлу палатой признано правленіе, какъ органъ банка—лицо юридическое, онъ считаетъ долгомъ заявить, что, являясь до сихъ поръ только защитникомъ извѣстнаго личнаго состава правленія, отстаивающаго свою честь и доброе имя, не касаясь интересовъ банка и его правленія, какъ лица юридическаго, они не признаютъ себя законно уполномоченными принимать участіе въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи этого дѣла по существу; вмѣстѣ съ тѣмъ, они также считаютъ себя не уполномоченными предъявить отказъ объ обвиненіи отъ имени юридическаго лица—банка или правленія его, отъ котораго они, вообще, не имѣютъ никакихъ уполномочій на какія-либо дѣйствія по настоящему дѣлу.

На это заявленіе предсѣдательствовавшій сказалъ, что въ опредѣленіи палаты подъ выраженіемъ «правленіе С.-Петербурско-Тульскаго поземельнаго банка» разумѣется составъ правленія.

Затѣмъ, по поводу заявленія присяжнаго повѣреннаго *Михайлова*, что по смыслу опредѣленія судебной палаты онъ можетъ оставаться въ дѣлѣ, какъ представитель правленія, но что, по смыслу рѣшенія окружнаго суда, весь приговоръ основанъ именно на оклеветаніи членовъ правленія, а не правленія,—предсѣдательствовавшій, удостовѣривъ тотъ фактъ, что въ вопросѣ окружнаго суда, по которому послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ о виновности, сказано было: виновенъ ли Нотовичъ въ оклеветаніи правленія въ составѣ начала 1889 г., а не въ лицѣ такихъ-то именно членовъ, объяснилъ, что, слѣдовательно, судебная палата постановила настоящее опредѣленіе, не предрѣшая вопроса о виновности, что окружный судъ постановилъ приговоръ, касающійся оклеветанія состава правленія, и что палата разсматриваетъ дѣло въ тѣхъ же предѣлахъ.

Послѣ этого и краткихъ объясненій прис. повѣр. Михайлова и Масловскаго, предсѣдательствовавшій, сдѣлавъ поясненіе, что Михайловъ является повѣреннымъ не банка, а правленія, по возвращеніи изъ совѣщательной комнаты, объявилъ слѣдующую резолюцію: принимая во вниманіе, что состоявшимся уже постановленіемъ палаты членъ правленія Масловскій и присяжный повѣренный Михайловъ признаны, согласно выданнымъ имъ довѣренностямъ, уполномоченными правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, при чемъ палата заявила имъ, что они являются уполномоченными состава правленія, какъ коллективнаго учрежденія, — палата постановила: заявленія присяжнаго повѣреннаго Михайлова и г. Масловскаго оставить безъ уваженія.

Затѣмъ, во время доклада, членомъ палаты г. Костріото-Скандербекомъ-Дреколовичемъ былъ прочтенъ приговоръ суда и изложено содержаніе жалобъ сторонъ.

На предложеніе предсѣдательствовавшаго, чѣмъ стороны пожелаютъ дополнить докладъ, защитникъ г. Нотовича просилъ пріобщить къ дѣлу представленные имъ слѣдующіе документы: отношеніе особой канцеляріи по кредитной части генералъ-лейтенанту Глуховскому отъ 1-го марта 1889 года и отношенія той же канцеляріи отъ 15 января и отъ 22 мая 1890 г. въ правленіе С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка; во 2-хъ, приговоръ Правительствующаго Сената по одному апелляціонному дѣлу, въ которомъ тотъ же самый вопросъ былъ разобранъ въ сенатѣ 20-го февраля 1890 г.; въ 3-хъ, два литографированныхъ доклада общему собранію акціонеровъ 1889 г. и въ 4-хъ, въ опроверженіе приписываемыхъ обвинителями г. Нотовичу корыстныхъ и мстительныхъ

видовъ, появившихся у него будто бы вслѣдствіе уменьшенія доходности «Новостей» отъ того, что банкъ прекратилъ печатаніе въ нихъ объявленій, защитникъ подсудимаго представилъ объявленія за 1885-й годъ и книги объявленій за 1886 и 1885 гг., такъ какъ контора «Новостей» дала справку лишь за 3 года: 1886, 1887 и 1888, а въ справкѣ противной стороны значится и 1885-й годъ.

Судебная палата постановила принять оффиціальные документы: отношенія особой канцеляріи по кредитной части и приговоръ уг. кас. д-та прав. сената и отказала въ принятіи докладовъ общему собр. акціонеровъ, какъ никѣмъ не удостовѣренныхъ, а также книгъ квитанцій объявленій, какъ не относящихся къ предмету обвиненія.

Затѣмъ, слово было предоставлено защитнику подсудимаго съ разрѣшеніемъ ссылаться на выше приведенные документы.

Защитн. подсуд., прис. повѣр. Спасовичъ. Прежде всего я долженъ считаться съ приговоромъ окружнаго суда, который остается въ силѣ, пока палата его не отмѣнитъ. Во вторыхъ, я полагаю, я долженъ опровергнуть апелляцію противной стороны, направленную къ увеличенію наказанія и подлежащую разсмотрѣнію, хотя бы никто и не явился ее поддерживать. Наконецъ, имѣется еще объясненіе, весьма пространное, обвинителей на мою апелляціонную жалобу, которую палата, какъ она объявила, будетъ имѣть въ виду.

Начну съ апелляціи моихъ противниковъ, которая странна и неудобопонятна. Г. Нотовичъ судился за оскорбленіе чести, а ему даже неизвѣстно было чьей именно чести: правленія или отдѣльныхъ его членовъ. Честь эту онъ якобы, оскорбилъ не заявленіемъ, а только сравненіемъ и сужденіемъ. Допустимъ, что онъ сдѣлалъ даже клеветническое заявленіе. Во всякомъ случаѣ, онъ не касался того, что всего больнѣе и что особенно тяжело для сердца человѣческаго, его домашней жизни, его семейныхъ отношеній, которыхъ обнаруженіе наноситъ иногда столь-же тяжкую рану, какъ и та, которая происходитъ отъ клеветы. Какъ-бы то ни было, онъ строго осужденъ. Я затрудняюсь даже пріискать сравненіе этому приговору въ другихъ, мнѣ извѣстныхъ. Четыре мѣсяца тюрьмы и добавочное денежное наказаніе, по крайней мѣрѣ, въ 2,000 р. на напечатаніе приговора, обвиняющаго его, въ 21 газетѣ. Съ языческой

точки зрѣнія месть—нектаръ боговъ. Казалось бы, и этому наслажденію есть мѣра и предѣлъ; оказывается, что нѣтъ. Подана апелляція, въ которой апелляторы дошли до геркулесовыхъ, въ своемъ родѣ, столбовъ, въ которой они говорятъ: законъ ошибся въ опредѣленіи максимума наказанія; обѣщанное закономъ содѣйствіе оклеветанному будетъ неосуществимою фикціею, если г. Нотовичъ не будетъ посаженъ, по крайней мѣрѣ, на 8 мѣсяцевъ въ тюрьму! Великъ перечень прегрѣшеній г. Нотовича; тутъ всякое лыко идетъ въ строку: и то, что онъ кандидатъ правъ, и то, что онъ журналистъ, что онъ не покаялся, въ особенности же, то, что, не довольствуясь принесеніемъ апелляціи въ судебную палату, онъ обратился къ другому, не указанному суду—къ суду общества, жаловался на пристрастіе суда первой инстанціи и обличалъ въ прессѣ нарушенія судомъ и формъ и обрядовъ судопроизводства, и уголовныхъ законовъ. Обыкновенно полагаютъ, что то, что происходило послѣ произнесенія приговора первой инстанціи, не подлежитъ разсмотрѣнію второй. Въ апелляціи можно жаловаться только на то, что содержится въ приговорѣ, а разсмотрѣніе дѣла во второй инстанціи опредѣляется предѣлами апелляціи. Все, что внѣ приговора и апелляціи, конечно, есть обстоятельство побочное. Я не причастенъ къ тому, что печаталось г. Нотовичемъ послѣ приговора, и не могу его ни хвалить, ни порицать. Чтобы судить о томъ, надобно быть въ положеніи человѣка, на котораго неожиданно свалилась бѣда за то, что онъ совершалъ по своему убѣжденію, въ предѣлахъ закона и при отправленіи своей профессіональной функціи, то-есть при обсужденіи общественной дѣятельности извѣстнаго учрежденія, подлежащей суду общественнаго мнѣнія. Я спрашиваю: какимъ законнымъ основаніемъ руководствуются противники, требуя усиленнаго взысканія по 1535 статьѣ за поруганіе суда? Гдѣ ихъ полномочія на то, чтобы вступаться и охранять судебную власть? Суду, а не кому иному подобаетъ за честь суда вступаться, время на это есть. Съ г. Нотовича за его дерзновеніе, можетъ быть, и будетъ взыскано, а, можетъ быть, и не будетъ, потому что наша магистратура удивительно не взыскательна и добродушна,

что составляетъ ея честь и славу. Возьмите всю дѣятельность суда, правительствующаго сената, какъ кассаціонной инстанціи: бывали нападенія весьма сильныя, весьма рѣзкія, напримѣръ, книжка Карабегова, но было ли возбуждено сенатомъ хотя бы одно преслѣдованіе за оскорбленіе его чести? Другіе суды слѣдуютъ примѣру сената, что и понятно. Господа судьи! вы стоите выше всѣхъ страстей и сужденій человѣческихъ, вы не гоняетесь за популярностью; никакіе отзывы не должны и не могутъ оказать на васъ вліянія,—точно также и тѣ инсинуаціи, которыя приводятся въ объясненіи на апелляцію г. Нотовича, а равно даваемые вамъ совѣты, чтобы вы наказали г. Нотовича построже и дали тѣмъ спасительный урокъ всей печати, покушающейся на независимость вашей судебной власти.

Возвращаюсь еще разъ къ наказанію, назначенному, по требованію апеллятора, а именно къ опубликованію приговора въ 21 газетѣ. Во-первыхъ, въ этомъ наказаніи смѣшана дѣятельность лицъ, честь которыхъ оскорблена, по мнѣнію окружнаго суда, съ дѣятельностью правленія, какъ коллегіи. Во вторыхъ, въ уложеніи о наказаніяхъ проведено вездѣ начало суда и наказанія, по мѣсту совершенія преступленія; слѣдовательно, мѣстныя газеты, подразумѣваемыя ст. 1536 ул.,—это газеты той мѣстности, гдѣ напечатаны статьи, признанныя клеветою, т.-е. газеты петербургскія. Въ третьихъ, я указывалъ въ апелляціи на то, что, по точному смыслу теперешней 1536 ст. ул., воспроизводящей ст. 2017 изд. 1845 года, полагалось публиковать приговоръ о клеветѣ въ газетахъ оффиціальныхъ столичныхъ и мѣстныхъ. Мнѣ возражаетъ г. Масловскій въ объясненіи на мою апелляцію, что въ моментъ изданія уложенія въ 1845 г. въ Россіи не было частныхъ газетъ, а были только оффиціальныя «Вѣдомости», столичныя и губернскія. Это не совсѣмъ правда, потому что, независимо отъ академическихъ «С.-Петербургскихъ» вѣдомостей и университетскихъ «Московскихъ», сдаваемыхъ въ аренду частнымъ лицамъ, и, слѣдовательно, частныхъ, были еще при Пушкинѣ булгаринская «Сѣверная Пчела» и другія.

Мои жалобы на приговоръ я долженъ подраздѣлить: на

жалобы на процессуальныя нарушенія закона и на жалобы на опредѣленіе преступленія по его существу.

Что касается формальныхъ нарушеній закона со стороны обрядовъ судопроизводства, то я постараюсь сократить мои требованія до послѣдней возможности. Я жаловался, что не было на судѣ прочитано показаніе умершаго тайнаго совѣтника О. И. Квиста, потому что онъ могъ бы быть по этому дѣлу частнымъ обвинителемъ г. Нотовича. 709 ст. у. у. с. не допускаетъ въ свидѣтели лицо, которое въ то же время, по тому же дѣлу, исправляетъ обязанность прокурора, либо защитника, либо повѣреннаго гражданскаго истца, либо повѣреннаго частнаго обвинителя. Но законъ не говоритъ вовсе о несовмѣстительствѣ роли свидѣтеля съ обязанностью частнаго обвинителя или гражданскаго истца. Здѣсь же, въ этомъ зданіи, по дѣлу Овсянникова, гражданскій истецъ Кокоревъ и допрашивался какъ свидѣтель, и обвинялъ какъ гражданскій истецъ. Всѣхъ господъ частныхъ обвинителей я бы могъ потребовать, какъ свидѣтелей, и допросить ихъ; слѣдовательно, я могъ потребовать и прочтенія показаній Квиста, о чемъ я и ходатайствовалъ въ апелляціи. Нынѣ я считаю чтеніе это излишнимъ и отъ моего требованія отказываюсь.

Второй формальный мотивъ моей апелляціи, заключающійся въ томъ, что жалоба Костомарова не побывала у мирового судьи, отпадаетъ самъ собою, такъ какъ палата признала, что жалобщикомъ являются не обиженные обвинители порознь взятые, а только правленіе, какъ одно лицо.

Третье нарушеніе—процессуальное, заключающееся въ томъ, что господа мои противники не имѣли права являться на судъ отъ себя лично, а только отъ имени принесшаго жалобу правленія, уже палатою разсмотрѣно и въ благопріятномъ для меня смыслѣ разрѣшено особымъ опредѣленіемъ.

Такимъ образомъ, теперь поле очищено для разбора дѣла по самому существу. Я ощущаю то волненіе, которое бываетъ присуще человѣку, бросающемуся въ весьма большія воды, чтобы переплыть ихъ, не истощая ни силъ своихъ, ни вашего терпѣнія, чтобы не заслужить отъ васъ упрека въ многоглаголаніи, часто дѣлаемаго моимъ товарищамъ по

профессіи. Увѣряю васъ, господа судьи, по продолжительному опыту, что многословіе нашей братіи проистекаетъ, главнымъ образомъ, отъ скрупулезности ихъ, отъ боязни отвѣтственности, чтобы чего нибудь не пропустить, чтобы не оставить ни одного сучка, ни одной зацѣпочки противника безъ отвѣта. Я этой боязни и этого малодушія имѣть не буду, потому что на мой взглядъ дѣло съ г. Нотовичемъ находится въ той стадіи, когда оно почти переварено и превращено въ тотъ элементъ, который имѣетъ превратиться въ кровь, или, лучше сказать, оно представляетъ изъ себя жизненосную протоплазму, изъ которой имѣетъ родиться вашъ, господа судьи, приговоръ. Факты не только проанализированы, но и группированы; о нихъ нѣтъ уже почти спора; споръ не о нихъ, а о квалификаціи ихъ, о подведеніи ихъ подъ ту или другую логическую категорію. Теперь эту жидкость, полупрозрачную, нѣсколько мутную, слѣдуетъ пропустить черезъ послѣдній фильтръ, черезъ 1535 ст., опредѣляющую составъ преступленія клеветы. Пройдетъ вся жидкость чрезъ этотъ фильтръ, безъ остатка, тогда дѣло кончено: клеветы нѣтъ,—г. Нотовичъ не виновенъ. Если же останутся на днѣ фильтра твердые осадки, не растворенные камешки или деревяшки, то это будетъ клевета. Работу мою при этомъ окончательномъ профильтрованіи жидкаго, но еще мутнаго состава я поведу по пунктамъ, по составнымъ частямъ разбираемаго преступленія, и прежде всего я задаюсь количественнымъ вопросомъ о веществѣ, содержащемъ въ себѣ признаки преступленія, о томъ, что называется технически corpus delicti: въ какихъ печатныхъ данныхъ надобно искать клеветы для изобличенія въ ней г. Нотовича? Когда, 18-го января 1889 г., подавалась жалоба на г. Нотовича, существовали только три инкриминируемыя статьи «Новостей»—23-го декабря 1888 г., 3-го января и 16-го января 1889 г., которыя составляли въ этотъ моментъ весь corpus delicti. Когда дѣло началось, г. Нотовичъ не переставалъ спорить съ моимъ противникомъ печатно: такихъ статей явилось еще одиннадцать, итого всѣхъ, вообще, 14; всѣ онѣ перечислены и въ приговорѣ окружного суда, что и дало поводъ моимъ противникамъ утверждать, что настоящая, яко-

бы, клевета есть преступленіе длящееся, вслѣдствіе непрестанныхъ его повтореній до приговора и послѣ приговора, до послѣдней минуты. Я возражаю противъ такого вывода. Клевета заключается въ распространеніи въ обществѣ выдуманныхъ, позорящихъ человѣка, небывалыхъ дѣяній. Въ статьяхъ, послѣдовавшихъ за тремя главными, никакихъ новыхъ фактовъ г. Нотовичъ не приводитъ, а только подтверждаетъ, что въ первыхъ трехъ онъ высказалъ сущую правду. Послѣдующія статьи обнаруживаютъ только намѣреніе г. Нотовича воспользоваться правомъ, несомнѣнно ему принадлежащимъ, доказывать истину прежде того сообщеннаго, то есть употреблять то, что называется технически exceptio veritatis. Это право входитъ въ составъ общаго права подсудимаго защищаться чѣмъ угодно и какъ угодно, не будучи ничѣмъ стѣсняемымъ въ этой защитѣ. Въ старинныхъ инквизиціонныхъ процедурахъ, а въ томъ числѣ и въ нашемъ дореформенномъ процессѣ подсудимый, сверхъ наказаній за преступленіе или даже при оправданіи по обвиненію за это преступленіе, могъ быть наказанъ самостоятельно за разнорѣчивыя или ложныя на судѣ показанія. Теперь иначе: свидѣтель привлекается за свои ложныя показанія на судѣ, но подсудимый никогда, кайся-ли онъ, или запирайся. Только при этомъ условіи защита вполнѣ свободна. Итакъ, относительно г. Нотовича слѣдуетъ разобрать, прибавилъ-ли онъ что нибудь къ дѣяніямъ, уже приписаннымъ имъ обвинителямъ, въ 11-ти послѣдующихъ полемическихъ о нихъ статьяхъ, или не прибавилъ? Если онъ прибавилъ, то эта прибавка можетъ быть преслѣдуема самостоятельно. Если не прибавилъ, то эти статьи не суть продолжаемая клевета. Впрочемъ, весь этотъ вопросъ о матеріальномъ объемѣ вещества, вмѣщающаго въ себѣ преступленіе, имѣетъ весьма малое значеніе въ настоящемъ дѣлѣ, потому что всѣ послѣдующія полемическія статьи повторяютъ только положенія, высказанныя въ трехъ первыхъ статьяхъ.

Перехожу ко *второму* пункту разбора, *къ формѣ* приписываемой г. Нотовичу клеветы, къ вопросу о томъ, возможна-ли клевета въ такой именно формѣ. Эта форма — сравненіе, сопоставленіе двухъ близкихъ по своему прошлому

банковъ. Г. Нотовичъ приговоренъ судомъ, главнымъ образомъ, только за то, что утверждалъ, яко-бы въ дѣлахъ Тульскаго банка заключается такой-же уголовный матеріалъ, какой имѣлся въ дѣлахъ Саратовско-Симбирскаго банка, уже преданнаго за свои преступленія уголовному суду. Окружный судъ отлично понималъ, что подсудимый вправѣ доказывать истину всего того, что онъ вмѣнялъ въ вину обвинителю, но судъ поставилъ это право защиты въ такія невозможныя условія, при которыхъ обвиняемый не могъ бы, вѣроятно, никогда имъ воспользоваться. Судъ разсудилъ такимъ образомъ: разъ вы утверждаете, что матеріалъ въ этихъ двухъ банкахъ тождественный, значитъ—всѣ преступленія, которыя были совершены въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ по обвинительному акту, должны быть вами доказаны и по Тульскому; если же хоть одно изъ имѣющихся въ Саратовско-Симбирскомъ не будетъ доказано по отношенію къ С.-Петербургско-Тульскому, то Нотовичъ будетъ виновенъ въ клеветѣ. Что такимъ образомъ ставился вопросъ насчетъ полнаго тождества обоихъ банковъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Въ приговорѣ окружнаго суда упомянуты мошенничества, между тѣмъ какъ Нотовичъ ни слова не помѣстилъ, ни малѣйшаго намека на мошенничество не сдѣлалъ. Оно поставлено на его счетъ только потому, что оно содержится въ обвинительномъ актѣ по Саратовско-Симбирскому банку. Въ приговорѣ окружнаго суда сказано, что Нотовичъ зналъ, что въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ были хищенія денегъ, а между тѣмъ онъ на хищенія въ Тульскомъ и не указывалъ; что всѣмъ было извѣстно, что въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ помѣщались отчеты о несуществующихъ уже капиталахъ, а ничего подобнаго не могло быть въ Тульскомъ банкѣ. По поводу словъ «всѣмъ извѣстно» я бы желалъ знать, откуда, что и кому извѣстно о хищеніяхъ, совершенныхъ въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ? Не могу я просить окружный судъ, чтобы онъ меня научилъ, не могу просить васъ, гг. судьи, ни господъ частныхъ обвинителей. Но вотъ что мнѣ достовѣрно извѣстно: Саратовско-Симбирскій банкъ былъ преданъ суду 15-го января 1887 г.; затѣмъ онъ судился въ Саратовѣ, и всѣ члены его правленія были оправданы. На

этотъ приговоръ былъ принесенъ кассаціонный протестъ, и дѣло разбиралось въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ 1-го декабря 1887 года. Правительствующій сенатъ отмѣнилъ и рѣшеніе суда, и приговоръ присяжныхъ, послѣ чего дѣло вторично не судилось. Оно назначено къ слушанію въ Московскомъ окружномъ судѣ на 3-е будущаго декабря. Будетъ-ли повторенъ оправдательный приговоръ, или подсудимые будутъ обвинены,—это вопросъ недалекаго будущаго, о которомъ нельзя еще ничего сказать положительно. Но, если-бы Саратовско-Симбирскій банкъ и былъ уже въ настоящее время окончательно осужденъ и было признано, что онъ достигъ полнаго разложенія, то и въ такомъ случаѣ, я полагаю, требованіе доказать, что все дурное, что было въ одномъ банкѣ, было совершено и въ другомъ, совсѣмъ не основательно и неумѣстно. Вся наша познавательная способность, весь нашъ аналитическій умъ проявляется только въ сравненіяхъ; мы ежеминутно сопоставляемъ самые разнородные и по виду даже не похожіе предметы и открываемъ въ нихъ черты сходства или несходства. Мы ихъ сопоставляемъ или противопоставляемъ по этимъ, открытымъ нами, признакамъ. Прямого сходства или, такъ называемаго, тождества нѣтъ въ дѣйствительности по натурѣ вещей: двѣ капли одной и той-же воды, двѣ песчинки въ одной и той-же кучѣ песку не тождественны. Запретить человѣку сравнивать предметы, сравнивать дѣйствія людей или банковъ, или иныхъ учрежденій значитъ ограничивать или, такъ сказать, оскоплять разумъ человѣческій, налагать запретъ на всякое изслѣдованіе. Если вопросъ объ уголовномъ тождествѣ обоихъ банковъ будетъ отвергнутъ, то съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ разрѣшенъ и третій пунктъ моего разбора, то есть вопросъ, все еще количественный, о полной доказанности или неполной тѣхъ признаковъ, которые были выставлены въ «Новостяхъ», какъ черты сходства между обоими банками.

Окружный судъ держался того начала, что если указано, положимъ, десять признаковъ сходства и изъ нихъ подтвердилось семь—восемь, а безъ подтвержденія остались два или три, то подсудимый признанъ будетъ, все-таки, клеветникомъ

и, какъ таковой, будетъ наказанъ. Чтобы установить полную несостоятельность такого взгляда, я позволяю себѣ преподнести палатѣ не рѣшеніе, а приговоръ уголовнаго кассаціоннаго департамента, постановленный имъ въ качествѣ аппелляціонной инстанціи по дѣлу Куликова 20-го февраля 1890 года. Конечно, этотъ приговоръ—не рѣшеніе; только рѣшенія публикуются для руководства судамъ при однообразномъ примѣненіи законовъ. Но я полагаю, что никто не станетъ оспаривать высокой авторитетности приговоровъ сената. Крестьянинъ Куликовъ былъ бухгалтеромъ въ Новоузенской земской управѣ; онъ донесъ губернатору и сообщилъ прокурору о совершившихся въ управѣ злоупотребленіяхъ, да и напечаталъ статейку въ «Саратовскомъ Листкѣ» 1887 года, № 182, въ которой содержались слѣдующія слова: «Все сдѣланное мною заявленіе (губернатору) подтвердилось и съ поразительной ясностью обнаружено *систематическое хищеніе земскихъ денегъ.*» При слѣдствіи по обвиненію Куликова по 1,039 ст. ул. о нак. далеко не всѣ обвиненія подтвердились выдержками изъ печатныхъ журналовъ земскихъ собраній и удостовѣреніями волостныхъ правленій. Саратовская палата осудила Куликова; онъ апеллировалъ въ сенатъ и сенатъ его оправдалъ по слѣдующимъ соображеніямъ: «одно наименованіе дѣйствій членовъ земской управы систематическимъ хищеніемъ земскихъ денегъ, хотя и есть выраженіе *неумѣстное*, но еще не служитъ для примѣненія къ Куликову 1,039 ст. ул., такъ какъ характеристика не содержитъ въ себѣ прямаго указанія на совершеніе членами управы какихъ-либо преступныхъ дѣйствій, а можетъ быть относима и къ безпорядочному и невыгодному для земцевъ веденію земскихъ дѣлъ». Что же касается того обстоятельства, что не всѣ злоупотребленія, которыя заявлены Куликовымъ, подтвердились, то на этотъ счетъ правительствующій сенатъ говоритъ: «Документальныя данныя въ пользу Куликова, содержащіяся въ подробномъ его показаніи при предварительномъ слѣдствіи, а равно приложенныя къ дѣлу выдержки изъ журналовъ земскихъ собраній и удостовѣренія земскихъ старшинъ содержатъ въ себѣ *нѣкоторое* подтвержденіе указаній обвиняемаго на непроизводительность тратъ земскихъ денегъ

и на извѣстныя неправильности въ ихъ расходованіи». На этомъ основаніи сенатъ оправдалъ Куликова. Въ этомъ рѣшеніи сенатъ установилъ и распредѣленіе oneris probandi. Если А обвиняетъ Б въ нехорошихъ дѣяніяхъ и Б ищетъ за клевету, то А обязанъ доказать справедливость хотя бы *нѣкоторыхъ* нехорошихъ фактовъ, которые онъ взводилъ на Б. Но если Б желаетъ, чтобы А былъ наказанъ, то онъ долженъ быть самъ чистъ, потому что если онъ даже немножко замаранъ, то уже не вправѣ претендовать за клевету.

Я кончаю вопросъ о количественности фактовъ, требуемыхъ для установленія преступленія клеветы. Затѣмъ я перехожу къ самому важному вопросу обвиненія—къ четвертому—къ опредѣленію *качественности* дѣянія, оглашеннаго, якобы, клеветникомъ Нотовичемъ. Обвиненіе утверждаетъ, что онъ взводилъ на Тульскій банкъ уголовныя преступленія, не имѣя въ своихъ рукахъ ни уголовнаго приговора о дѣйствіяхъ Тульскаго банка, ни обвинительнаго акта о нихъ, ни данныхъ, на основаніи коихъ онъ могъ бы возбудить противъ нихъ уголовное преслѣдованіе. Но такимъ образомъ поставленный вопросъ никакъ не разрѣшается въ пользу обвинителей,—такимъ образомъ не рѣшаются его ставить даже и г. Масловскій, и товарищи. Нотовичъ не обвинялъ Тульскій банкъ въ реальныхъ уголовныхъ преступленіяхъ. Усматривая нѣкоторое сходство въ одинаковомъ образѣ дѣйствій обоихъ банковъ, онъ прямо отмѣчалъ, что есть между ними разница весьма большая, а именно: что банкъ Саратовско-Симбирскій лопнулъ, а С.-Петербургско-Тульскій перескакивалъ удачно чрезъ всѣ трещины и ухабы. Нотовичъ увѣрялъ въ томъ, что Тульскій банкъ не будетъ вовсе преданъ суду, онъ думалъ только, что въ немъ совершаются такія же противозаконности, какія бывали въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ и за какія этотъ банкъ судится. Итакъ, Нотовичъ усматривалъ въ дѣйствіяхъ Тульскаго банка уголовщину не *реальную*, а только *потенціальную*, иными словами: онъ ему приписываетъ только *судимоспособность* за извѣстныя дѣянія, которыя, если они удачно окончатся, можетъ быть и не повлекутъ обвиненія, но достаточны для привлеченія къ суду. Нотовичъ судитъ объ этой судимоспособности на основаніи солиднаго документа,

а именно: обвинительнаго акта по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка. Вы сами, гг. судьи, конечно, знаете по вашей дѣятельности въ обвинительной камерѣ, что для преданія суду требуется гораздо меньше, чѣмъ для обвиненія въ уголовномъ преступленіи. Для преданія суду почти вседа достаточны внѣшнія дѣйствія; субъективная сторона мотивовъ дѣянія остается почти всегда въ тѣни, она предполагается. Окончательное выясненіе ихъ отлагается до рѣшительнаго момента, до того момента, когда они будутъ освѣщены яркимъ свѣтомъ судебнаго засѣданія.

Обратите вниманіе, гг. судьи, что судимоспособность находится въ ближайшей связи съ развитіемъ и состояніемъ въ данный моментъ судебной практики. Наше законодательство о банковыхъ преступленіяхъ находится въ зачаточномъ періодѣ; оно весьма не полно. Банковскіе дѣятели судятся почти всегда только по 1154 ст. улож., которая предписываетъ судить за отступленіе отъ истины въ отчетахъ и дѣлопроизводствѣ, какъ за подлоги по службѣ, по 362 ст. ул. Сама эта статья весьма неудовлетворительна. Если взять банковыя рѣшенія въ правительствующемъ сенатѣ, то они начинаются съ рѣшенія 1877 года 1-го декабря № 39, когда по дѣлу Московскаго коммерческаго банка установлено, что нельзя судить, какъ за мошенничество, человѣка, который, будучи членомъ правленія или совѣта, вынулъ изъ банка свой собственный, настоящій вкладъ, предвидя только, что будетъ крахъ, и тѣмъ лишилъ кредиторовъ банка возможности получить частицу удовлетворенія. Послѣ этого рѣшенія послѣдовало нѣсколько другихъ, изъ которыхъ послѣднее нынѣ есть рѣшеніе 1-го декабря 1887 года № 32, по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка. Вообще, во всѣхъ этихъ рѣшеніяхъ смыслъ уголовнаго закона уясняется, причемъ многія дѣйствія совершенно отходятъ и отпадаютъ. Оба банка—Саратовско-Симбирскій и С.-Петербургско-Тульскій—были родственные, находились подъ однимъ и тѣмъ же управленіемъ Борисова; конечно, они имѣли многія общія черты; сходство не легко сглаживается. Замѣтьте еще, гг. судьи, что статьи газетныя, хотя онѣ и коротки и на-скоро пишутся, но имѣютъ и тѣ же предметы изслѣдованія, и тѣ же пріемы,

какъ и пространныя ученыя сочиненія. Допустимъ, что я хочу писать диссертацію на степень магистра или доктора о банковскихъ преступленіяхъ въ Россіи. Для сего я прежде всего долженъ собрать и сопоставить законы, затѣмъ кассаціонныя рѣшенія, затѣмъ обвинительные акты и даже отчеты отдѣльныхъ банковъ, причемъ я очень легко могу придти къ заключенію, что, хотя практика суда и преслѣдуетъ за извѣстныя дѣйствія, но они практикуются постоянно и безпрепятственно, что и усматривается по отчетамъ, изъ фиктивныхъ записей извѣстнаго рода, похожихъ на возвратные расходы. Если вы не могли-бы засудить меня за эти выводы, плоды серьезнаго научнаго изслѣдованія, то вы не можете казнить за то-же самое, хотя и совершенное съ меньшею полностью и большею поспѣшностью, въ газетныхъ статьяхъ.

Когда г. Масловскій замѣтилъ, что обвиненіе ускользаетъ изъ его рукъ, что уголовщины не имѣется, но судимость удостовѣряется весьма солидными данными, то, сознавая всю шаткость своего положенія, онъ для укрѣпленія его придумалъ въ объясненіи на апелляціонную жалобу цѣлую теорію *рамокъ обвиненія*, въ которыя онъ пытается заключить и г. Нотовича, и судъ, какъ въ желѣзномъ кольцѣ, какъ въ заколдованномъ кругѣ. Эта теорія занимаетъ девять страницъ въ объясненіи его на мою апелляціонную жалобу. Она имѣетъ слѣдующее содержаніе: частный обвинитель есть полный хозяинъ въ предѣлахъ своего обвиненія,—въ чемъ онъ хочетъ обвинять, въ томъ и можетъ обвинять, а чего онъ не заявляетъ, того не властны разбирать ни судъ, ни обвиняемый.

Г. Масловскій обвинялъ г. Нотовича въ томъ, что послѣдній взводилъ на банкъ уголовныя преступленія, а вовсе не въ томъ, замѣчаются-ли въ дѣйствіяхъ банка нарушенія устава. Нарушеній устава можетъ быть сколько угодно, они въ счетъ не идутъ, они отпадаютъ. Правленіе принуждено было зачастую совершать ихъ, почти въ видахъ человѣколюбія, для облегченія участи массы акціонеровъ, для избавленія ихъ отъ непосильныхъ жертвъ, отъ разоренія. Всѣ эти противоуставности только тогда могли-бы быть вмѣняемы правленію какъ преступленія, если-бы онѣ были совершаемы

изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ. Въ противномъ случаѣ, онѣ для настоящаго дѣла безразличны.

Вся эта теорія отъ начала до конца неосновательна: никакихъ особыхъ непроходимыхъ рамокъ у обвиненія нѣтъ. Законъ предполагаетъ равенство сторонъ въ состязаніи. Если допустить рамки обвиненія, то надобно такія-же предоставить и защитѣ. Въ сущности, теорія рамокъ сводится на то начало, которое присуще и гражданскому процессу, и уголовному въ порядкѣ частнаго обвиненія: что каждая изъ сторонъ опредѣляетъ свои требованія и можетъ ихъ только уменьшать, а не увеличивать. Не можетъ обвиненіе подносить суду свой монокль и требовать, чтобы судъ только въ это стеклышко смотрѣлъ на дѣло. Скорѣе можно сравнить и обвиненіе, и защиту съ двумя разными стеклышками стереоскопа, чрезъ которыя, наблюдая предметъ одновременно, зритель—судъ получаетъ изображеніе предмета совсѣмъ выпуклое, какъ въ стереоскопѣ.

Чтобы еще нагляднѣе представить всю неосновательность теоріи г. Масловскаго, прошу обратить вниманіе на моментъ, когда она изобрѣтена. Вспомнимъ то заявленіе банка, которое, по требованію цензуры, было напечатано въ «Новостяхъ» въ январѣ 1889 г., въ видѣ отвѣта на статью «Новостей» отъ 23 декабря 1888 г. Въ немъ г. Масловскій и его товарищи прямо открещиваются, отмалчиваются отъ всякой солидарности съ прежнимъ Тульскимъ банкомъ, за грѣхи котораго они не отвѣчаютъ, и во всеоружіи фактовъ заявляютъ, что теперь, послѣ вступленія ихъ въ банкъ въ 1882 г., все обстоитъ благополучно и въ порядкѣ. Значитъ, они признавали, что до 1882 г. бывали частыя нарушенія закона. Но, затѣмъ, ни въ этомъ обвиненіи, ни въ своей жалобѣ отъ 18-го января, замѣняющей обвинительный актъ, не признавались сами ни въ какомъ отступленіи отъ закона. Когда-же слѣдствіе раскрыло, что и они сами совершали множество противоуставностей, когда они были, такъ сказать, прижаты къ стѣнѣ, тогда только они стали проводить ту теорію, что мы, дескать, не обижаемся за обличеніе противоуставностей, а стоимъ только за несовершеніе уголовщины и желаемъ, чтобы о противоуставностяхъ никто и не поминалъ. Они про-

сили выбросить противоуставность, да мы-то этого не желаемъ. Всѣ нарушенія устава необходимы для полноты картины, которую и описали «Новости» въ своихъ статьяхъ. Я совсѣмъ не постигаю, какъ можно оправдывать нарушенія устава въ видахъ человѣколюбія или блага массы акціонеровъ, въ видахъ спасенія ихъ отъ непосильныхъ жертвъ и отъ раззоренія. Акціонеры только тогда и несли-бы жертвы, если-бы имъ было предложено, какъ то случилось въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ, чтобы они, во избѣжаніе ликвидаціи, сдѣлали новые дополнительные взносы для пополненія растраченнаго основнаго капитала. Акціонеры Тульскаго банка не были въ необходимости дѣлать новые взносы. Акціонеръ жертвъ не несетъ, онъ рискуетъ только потерять свой взносъ. Какова-бы ни была цѣна, по которой онъ свою акцію купилъ на биржѣ, онъ никакого права не имѣетъ требовать непомѣрно высокій дивидендъ на свою акцію, равняющуюся извѣстной долѣ основнаго капитала, изображаемой нарицательной ея стоимостью. Я протестую и противъ идолопоклоннического отношенія къ биржевому курсу акцій, къ продажной ихъ цѣнѣ. Высота курса опредѣляется обыкновенно только значительностью ближайшаго ожидаемаго дивиденда. Курсъ можетъ быть искуственно повышаемъ. Это гешефтмахерство и ажіотажъ. Если предпріятіе солидное,—для дѣла полезно держать доходность акцій на умѣренномъ дивидендѣ. Предпріятіе ростетъ и крѣпнетъ, именно, вслѣдствіе этой умѣренности. Взгляды моихъ противниковъ на акціонерное дѣло неправильны, главнымъ образомъ, потому, что они благо предпріятія отождествляютъ съ полнотой кармановъ акціонеровъ. Я полагаю, что имъ не подобаетъ драпироваться въ тогу безкорыстія...

Предс. Въ объясненіяхъ обвинителей сказано, что, признавая, со своей стороны, нарушенія, правленіе находитъ, что они были дѣлаемы не съ корыстными цѣлями.

Прис. пов. Спасовичъ. Позвольте мнѣ объяснить, почему я не могу допустить, чтобы нарушенія дѣлались хотя-бы и не съ корыстною цѣлью.

Предс. Такъ какъ здѣсь у насъ противной стороны нѣтъ, то, поэтому, вы въ своей защитѣ должны держаться такого

положенія, чтобы представлять объясненія, которыя не требовали-бы опроверженія.

Прис. пов. Спасовичъ. Я не могу не возразить противъ идеи, что могутъ быть какія-бы то ни было похвальныя, изъ любви къ другимъ, къ человѣчеству, нарушенія устава. Когда образуется акціонерное предпріятіе, когда его утверждаетъ правительство, то множество частныхъ лицъ спѣшитъ довѣрить ему свои капиталы не изъ довѣрія къ правленію, которое мѣняется, а только изъ довѣрія къ правительству, утвердившему уставъ, и къ самому уставу. Уставъ есть ничто иное, какъ осмысленная система всевозможныхъ гарантій, предупреждающихъ злоупотребленія, и всевозможныхъ тормазовъ, сдерживающихъ правителей, если бы они хотѣли съѣхать съ рельсовъ. Нѣтъ ни одной статьи устава, которая не была-бы важна, нѣтъ противоуставности, которую надлежало-бы обходить. Я утверждаю, что всякая противоуставность можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ и въ извѣстныхъ условіяхъ повести къ судимоспособности, къ преданію нарушителей суду.

Теорія рамокъ г. Масловскаго неправильна не только потому, что она проповѣдуетъ безразличіе нарушеній устава, но еще потому, что она ставитъ, какъ непремѣнное требованіе, доказанность корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ. Въ нашемъ юридическомъ дѣлѣ бываютъ курьезы точно такъ же, какъ и въ каждой наукѣ или искусствѣ. Случается, что иногда ѣдутъ открывать Америку, между тѣмъ какъ Америка давно уже открыта. Всего чаще подобныя неожиданности встрѣчаются въ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ,— эти рѣшенія долго остаются мало извѣстными, они пишутся не скоро, не скоро также печатаются въ отдѣльныхъ листкахъ, чрезъ годъ, а иногда и на второй они появляются въ полномъ сборникѣ рѣшеній за годъ. Точно такой же курьезъ произошелъ и по настоящему дѣлу. Онъ заключается въ содержаніи кассаціоннаго рѣшенія по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка отъ 1-го декабря 1887 г., которое, какъ можно положительно доказать, было совсѣмъ неизвѣстно и г. Масловскому, и Спб. окружному суду. Это рѣшеніе интересно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, оно разрубаетъ

нѣкоторые спорные по нашему дѣлу вопросы. Оно устанавливаетъ, что уголовно непреступны ни общія собранія изъ подставныхъ акціонеровъ, ни выдача акціонерамъ лишнихъ дивидендовъ.

Вотъ, что сказано въ рѣшеніи по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка: «Законъ не даетъ никакихъ основаній для уголовнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ акціонерныхъ обществъ за составленіе общихъ собраній изъ подставныхъ акціонеровъ и за неправильную выдачу дивиденда, вслѣдствіе чего дѣйствія эти *со стороны существующаго уголовнаго права* должны быть признаны ненаказуемыми». Прошу замѣтить слова: «со стороны существующаго уголовнаго права». Сенатъ не одобрилъ этихъ дѣйствій, но относитъ весь вопросъ къ будущему. Во вторыхъ, то же рѣшеніе заключаетъ въ себѣ авторитетный и совершенно неожиданный комментарій на очень извѣстную 362 ст. ул. о подлогахъ по службѣ, примѣняемую и къ банковскимъ дѣятелямъ. Ст. 362 по свойству намѣренія считалась донынѣ состоящей изъ двухъ частей: первая часть заключала въ себѣ настоящіе подлоги, а вторая—лживую документировку небывалыхъ фактовъ, для уголовной преступности которой, какъ мы полагали обыкновенно, необходима доказанность корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ. Сенатъ взглянулъ на вопросъ иначе и установилъ дѣленіе 362 ст. на три совершенно отдѣльныя части. Первая часть вмѣщаетъ, какъ я сказалъ, настоящіе подлоги, учиненіе фальшивыхъ подписей, составленіе акта отъ отсутствующаго лица, показанія подставныхъ свидѣтелей. Въ дѣлѣ Саратовско-Симбирскаго банка произошло по этому разряду фактовъ слѣдующее: правленіе было судимо за прикрытіе настоящихъ подлоговъ, отсутствія основнаго капитала. Присяжнымъ былъ поставленъ вопросъ о голомъ, внѣшнемъ фактѣ подлога, на который они должны были сказать: да или нѣтъ; они же сказали относительно Алфимова и Борисова: «да виновны, *но безъ цѣли*». Предсѣдатель вернулъ ихъ обратно въ комнату совѣщаній для исправленія отвѣта, но они возвратились послѣ совѣщанія со словами «нѣтъ, невиновны». Сенатъ отмѣнилъ приговоръ присяжныхъ, найдя, что ихъ не слѣдовало отсылать на новое совѣщаніе, такъ

какъ для полноты состава преступленія по I ч. 362 ст. ул. вовсе не требуется ни цѣли, ни намѣреній, а всегда достаточенъ голый, внѣшній фактъ. Вторая часть 362 ст., по объясненію сената, не та, которая требуетъ для полноты состава преступленія корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ. Но она весьма не сложная и содержитъ только нарушенія правилъ для содержанія или засвидѣтельствованія актовъ извѣстнаго рода. Подъ эту группу подходитъ по настоящему дѣлу эпизодъ съ домомъ, проданнымъ Котомину. Внѣшній видъ не хорошъ: сочиняется журналъ, запечатывается, передается на храненіе бухгалтеру, поручается ему правленіемъ давать извѣстнаго рода завѣдомо ложныя заявленія старшему нотаріусу о долгосрочной ссудѣ, между тѣмъ какъ она краткосрочная. Тѣмъ не менѣе, корыстныхъ видовъ нѣтъ на лицо. Оказалось, что съ Котомина не взяли по оплошности подписки, онъ ея не далъ и не согласился на разсрочку долга, между тѣмъ запрещеніе съ дома было снято, его опять нельзя было, какъ слѣдуетъ, наложить, пришлось извертываться. Вотъ, почему мы при нашей защитѣ признавали, что по внѣшнему дѣйствію эта операція банка походитъ на подлогъ. Наконецъ, *третья* часть 362 ст., по толкованію сената, вмѣщаетъ въ себѣ множество дѣйствій, о которыхъ законъ говоритъ, что они должны быть совершены «также съ намѣреніемъ», но не упоминается объ особыхъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видахъ. Сюда относится: сокрытіе истины вполнѣ или частью въ докладахъ, рапортахъ, протоколахъ, журналахъ, свидѣтельствахъ, обязательствахъ и прочихъ какихъ-либо оффиціальныхъ актахъ. Слова: «также съ намѣреніемъ», по толкованію сената, обозначаютъ намѣреніе просто противузаконное, при которомъ вовсе не требуется, чтобы виды дѣйствовавшихъ лицъ были корыстные или иные личные. По новому толкованію сената въ рѣшеніи по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка для 3 ч. 362 ст. достаточно *во-первыхъ*, внѣшняго факта: сокрытія или не полной истины въ отчетахъ и, *во вторыхъ*, цѣли противузаконной или—что то же — противоуставной, напримѣръ, выдачи лишняго противу положеннаго уставомъ дивиденда. Понятна громадная важность этого толкованія. Если-бы его зналъ г. Маслов-

скій, то не строилъ бы онъ своей теоріи рамокъ обвиненія. Если бы его зналъ С.-Петербургскій окружный судъ, то не помѣстилъ бы онъ слѣдующихъ словъ въ своемъ приговорѣ: «Сокрытіе убытковъ въ рубрикѣ возвратныхъ расходовъ и выдача возвышенныхъ дивидендовъ не имѣютъ никакого отношенія къ взводимому г. Нотовичемъ обвиненію на членовъ банка въ составленіи фальшивыхъ отчетовъ». Выходитъ, что оба признака, вмѣстѣ взятые, имѣютъ близкое отношеніе къ обвиненію, что оба въ совокупности устанавливаютъ судимоспособность по 3 ч. 362 ст. ул. За полученіе возвышенныхъ дивидендовъ нельзя привлекать къ суду всѣхъ акціонеровъ банка, нельзя также привлекать всѣхъ, кто участвовалъ въ подставныхъ собраніяхъ, но, во всякомъ случаѣ, если такія собранія были, если была достигнута цѣль,—выдача противоуставнаго дивиденда, то есть полная наличность того намѣренія, которое обусловливаетъ примѣненіе 3 ч. 362 ст. ул.

Позвольте мнѣ, гг. судьи, остановиться на одно мгновеніе на самомъ крупномъ злоупотребленіи банка, на статьѣ возвратныхъ расходовъ. Статьи возвратныхъ расходовъ были неправильно записываемы въ теченіи многихъ лѣтъ,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію,—это признано и окружнымъ судомъ въ словахъ: «Наименованіе, несогласное съ дѣйствительностью возвратныхъ расходовъ, давало г. Нотовичу право обвинять правленіе въ томъ, что оно основывается на надеждахъ, которыя не могли оправдаться въ будущемъ». Я расхожусь съ окружнымъ судомъ только въ словѣ *надежды* и прихожу къ заключенію, что гг. члены правленія такихъ надеждъ совсѣмъ и не имѣли. За исходную точку моего вывода я беру представленное мною палатѣ отношеніе г. министра финансовъ ген.-лейт. Глуховскому, отъ 1-го марта 1889 г., № 2359.—Министръ находитъ, что выдачею дивиденда при наличности несомнѣнныхъ убытковъ банкъ можетъ нарушить интересы держателей закладныхъ листовъ и возбудить сомнѣніе *въ своей прочности и солидности*. Въ своемъ объясненіи на апелляціонную жалобу г. Масловскій толкуетъ этотъ документъ своеобразно. По его словамъ, министерство не входило въ оцѣнку цѣлесообразности и полезности дѣйствій правленія для интересовъ банка, а требовало только испол-

ненія буквы закона по чисто формальнымъ соображеніямъ. Предоставляю вамъ, гг. судьи, оцѣнить, насколько прочность и солидность суть чисто формальныя соображенія. Замѣтьте, гг. судьи, что распоряженіе министра финансовъ не было обжаловано правленіемъ ни сенату, ни комитету министровъ, что правленіе подчинилось ему безусловно и безмолвно. Нѣсколько раньше распоряженія министра финансовъ состоялось 10-го февраля 1889 г. общее собраніе акціонеровъ Тульскаго банка, на которомъ рѣшили ходатайствовать о разсрочкѣ 800 т. руб. несомнѣнныхъ убытковъ. Докладъ правленія по отчету за 1888 г. былъ печатанный, но на столѣ правленія лежалъ и раздавался другой, гектографированный, не подписанный докладъ, представленный къ дѣлу самими обвинителями и имѣющійся въ вещественныхъ по дѣлу доказательствахъ. Этотъ докладъ во всемъ сходится съ печатнымъ, съ тою разницею, что въ печатномъ пропущено слѣдующее мѣсто, имѣющееся въ гектографированномъ: «Согласно принятой системѣ до 1882 г. всѣ убытки и не возвращенныя еще затраты банка по состоящимъ за нимъ имуществамъ, числятся по всѣмъ отчетамъ и балансамъ банка на счетѣ возвратныхъ расходовъ».—Такъ ли это было въ дѣйствительности? Нѣтъ; я утверждаю, что система возвратныхъ расходовъ обязана своимъ развитіемъ только этому новому составу правленія, которое, вступивъ въ правленіе въ 1882 г., къ прежнимъ грѣхамъ его, якобы, не причастно. Если взять отчетъ банка за 1880 г., то въ немъ статья возвратныхъ расходовъ по балансу къ 31-му декабря 1880 года показана только въ 138 т. руб. Затѣмъ эта статья все ростетъ, какъ снѣжная лавина, и является по отчету за 1885 г. въ суммѣ 655 т. руб., а въ моментъ, когда началось преслѣдованіе г. Нотовича, къ 1-му января 1889 г., уже въ суммѣ 944,288 рублей, съ тою разницею, что по отчету за 1888 г. въ первый разъ, вслѣдствіе полемики г. Нотовича, расходы показаны уже просто расходами, безъ прибавки, что они возвратные.

Изъ чего эти, якобы, возвратные расходы состояли? Изъ недоимокъ, изъ пеней, изъ затратъ на ремонтъ по домамъ, оставшимся за банкомъ въ самомъ плохомъ видѣ, близкомъ

къ разрушенію. Всѣ эти расходы были безвозвратные, даже по признанію самаго правленія. Въ докладѣ общему собранію акціонеровъ 1886 года по отчету за 1885 годъ, въ которомъ правленіе предлагаетъ раздѣлить всѣ дома, оставшіеся за банкомъ, на такіе, которые не принесутъ серьезныхъ убытковъ, и на имущества—явноубыточныя, правленіе высказалось на счетъ безнадежности возврата расходовъ въ большинствѣ случаевъ и изъявило неоправдавшуюся потомъ рѣшимость всѣ недоимки, повинности и затраты по домамъ, хотя бы на ремонтъ, немедленно списывать на убытокъ. Въ докладѣ по отчету за 1888 годъ общему собранію акціонеровъ 20-го февраля 1889 года, томъ самомъ, въ которомъ уже исчезли возвратные расходы, а явились простые «расходы по домамъ», т.-е. видимые убытки, обнаружился еще слѣдующій фактъ: къ 1-му января 1888 года было 290 т. руб. прямыхъ убытковъ по домамъ, къ нимъ прибавилось еще 574 т. руб. въ теченіи этого-же 1888 года.

Позвольте мнѣ, гг. судьи, возвратиться еще одинъ и послѣдній разъ къ вопросу о корыстныхъ или иныхъ личныхъ видахъ, который занимаетъ такъ много мѣста въ настоящемъ дѣлѣ. Я объяснялъ по рѣшенію правительствующаго сената по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка, что они для оправданія г. Нотовича ненужны и излишни, но я не могу знать, согласится ли со мною палата. А если она потребуетъ указанія и на эти виды? На этотъ возможный случай я заявляю и утверждаю, что, отступая отъ закона и нарушая уставъ, господа частные обвинители руководствовались видами корыстными и несомнѣнно личными. Мы напирали въ окружномъ судѣ на выгоду для членовъ правленія отъ тантіэмъ. Г. Масловскій возражаетъ: «какая мнѣ можетъ быть выгода отъ тантіэмъ; онѣ для меня грошъ: я имѣю 4,000 акцій банка». Такой величины мы и не подозрѣвали. Ему принадлежитъ въ собственность $^1/_5$ часть дивиденда на всѣ акціи. Отъ одного пониженія биржевого курса акцій въ 1882 г. онъ понесъ убытку 400,000 рублей. Движимый любовью къ акціонерамъ, г. Масловскій любитъ въ томъ числѣ и самого себя, какъ акціонера, а его товарищи могутъ дорожить и тантіэмами; надобно же удовлетворить и всѣхъ

тѣхъ, которые его окружаютъ въ банкѣ, которые содѣйствуютъ ему управлять банкомъ. Корыстные и личные виды имѣются, несомнѣнно, на лицо.

Кончая разборъ состава преступленія, я полагаю, что въ статьяхъ «Новостей» вполнѣ подтверждена не уголовщина, а *судимоспособность* членовъ правленія банка, которая, при извѣстныхъ условіяхъ, не только не наступившихъ, но о которыхъ г. Нотовичъ зналъ, что онѣ не наступятъ, могла бы осуществиться. Но мы не преданы суду, говорятъ обвинители, насъ не привлекъ министръ финансовъ. Зачѣмъ же привлекать,—отвѣтимъ мы,—когда оказалось, что достаточно одного предложенія министра, которому правленіе подчинилось и которое было вызвано обращеніемъ къ министру акціонеровъ, гг. Глуховскаго и Михельсона? Г. Нотовичъ не утверждалъ, что члены правленія банка непремѣнно будутъ судиться; онъ только указывалъ ихъ судимоспособность на основаніи состоявшагося по Саратовско-Симбирскому банку обвинительнаго акта.

Теперь послѣдніе выводы моей рѣчи. Спорили мы и состязались на одной почвѣ по категоріямъ законнаго, незаконнаго и уголовнаго, а требуется рѣшить вопросъ на другой почвѣ, по категоріямъ честнаго и безчестнаго. Вопросы о законности принадлежатъ къ области права, а вопросы о чести—къ области этики или морали. Законность и честность далеко не всегда совпадаютъ и не покрываются взаимно. Бываютъ люди вполнѣ безчестные, которые, однако, строгіе законники, какими ихъ изобразилъ Некрасовъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній: «Живя согласно съ строгою моралью, Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла». Съ другой стороны всѣмъ извѣстно, что могутъ быть уголовныя преступленія, которыя не лишаютъ человѣка чести, которыя, можетъ быть, происходятъ отъ избытка чувства чести, напримѣръ: дуэли, убійство мужемъ опозорившей его имя жены. Какъ совершить переходъ изъ области права въ облисть морали? Тутъ-то и пригодятся намъ рамки обвиненія, изображенныя г. Масловскимъ. Онѣ намъ помогутъ совершить переходъ посредствомъ пріемовъ, предлагаемыхъ самими противниками.

Наши противники сами опредѣляютъ свои дѣйствія слѣдующимъ образомъ: мы не обращаемъ вниманія на все то въ статьяхъ «Новостей», что не относится къ чистой уголовщинѣ, мы не вступаемся за свою противоуставность». Я, кажется, доказалъ, что въ числѣ этихъ несомнѣнныхъ противоуставностей есть и такія, которыя имѣютъ, несомнѣнно, оттѣнокъ, заставляющій предполагать ихъ уголовную судимоспособность по этимъ нарушеніямъ устава. Съ тѣмъ вмѣстѣ вся спорная часть, вся муть раствора пролилась чрезъ фильтръ, и никакого остатка не осталось. Я кончаю и рѣшаюсь закончить мою рѣчь слѣдующими соображеніями: настоящее дѣло по обвиненію г. Нотовича чрезвычайно важное, существенное и въ высокой степени общественное. Предъ судомъ исчезаютъ личности, и г. Нотовичъ, и гг. Масловскій, и его товарищи, а появляются и дѣйствуютъ двѣ величайшія общественныя силы нашего времени—капитализмъ и печать. Въ акціонерномъ дѣлѣ капиталъ, и въ особенности крупный капиталъ, находится какъ у себя дома, какъ въ своемъ элементѣ, онъ здѣсь, онъ прохаживается на просторѣ и не стѣсняется никакими заботами, никакими преградами, даже и тѣми, которыя ему ставятъ акціонерные уставы. Въ докладѣ № 3-й гг. членовъ правленія Тульскаго банка общему собранію акціонеровъ 20-го февраля 1889 года есть одна фраза, курьезная и характерная: правленіе возмущается, какіе логическіе разсчеты могутъ заставить акціонеровъ требовать точнаго исполненія, страннаго по своей исключительности, постановленія устава, между тѣмъ какъ отъ этого исполненія устава можетъ только уменьшиться прибыль акціонеровъ. Крупный капиталъ не желаетъ, чтобы нраву его препятствовали. Онъ постоянно боится, какъ-бы маленькіе капиталы, поддерживаемые печатью, его не придушили. Онъ прежде всего желаетъ распоряжаться самовластно. Предъ нимъ преклоняется все, пока не наступитъ крахъ, въ которомъ гибнутъ сбереженія сотенъ тысячъ и милліоны. Для пользы и развитія акціонерныхъ обществъ, этихъ созданій новѣйшей цивилизаціи, нужно желать проникновенія свѣта и гласности въ это, поистинѣ, темное царство. Нужно усилить законныя средства, которыми могло-бы располагать

меньшинство въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ и не преслѣдовать печать, когда она это меньшинство поддерживаетъ. Какъ отнесся, однако, къ этому общественному вопросу окружной судъ? Онъ ставилъ на видъ г. Нотовичу, что онъ долженъ былъ удостовѣриться изъ отчетовъ банка съ 1882 г., что все обстоитъ благополучно и всѣ капиталы въ цѣлости. Кто, спрашивается, сочинялъ эти отчеты?—Ревизіонная коммиссія, которая, какъ видно изъ ея заключеній за 1885 и 1887 гг., отказалась провѣрять стоимость оставшихся за банкомъ домовъ, такъ какъ это вопросъ технической. На весь отчетъ, значитъ, нельзя полагаться. Если-же въ немъ проскакиваютъ крупныя статьи и весьма подозрительнаго свойства, вродѣ возвратныхъ расходовъ, то какъ можно воспретить печати, на основаніи этихъ статей, усомниться и во всемъ отчетѣ? Я полагаю, что печать не заслуживаетъ такого отношенія, какое сказывается въ приговорѣ окружнаго суда, и что эта печать не выйдетъ изъ рукъ вашихъ, гг. судьи, умаленною и ущербленною въ правахъ!

Судебная палата постановила на свое разрѣшеніе слѣдующіе вопросы: 1) виновенъ ли подсудимый, коллеж. секр. О. К. Нотовичъ въ томъ, что въ редактируемой и издаваемой имъ газетѣ «Новости» напечаталъ завѣдомо ложно заявленія о томъ, что будто бы въ дѣятельности состава правленія С.—Петербургско-Тульскаго банка заключаются преступленія такія же, какія приписывались по обвинительному акту членамъ правленія Саратовско-Симбирскаго банка, а именно, г. Нотовичъ напечаталъ: а) въ № 354 газеты «Новости» отъ 23 декабря 1888 г. въ статьѣ «О чемъ говорятъ» слѣдующее: «С.-Петербургско-Тульскій банкъ и его операціи то же самое, что Саратовскій банкъ и его операціи... Заправилы Саратовскаго банка побывали на скамьѣ подсудимыхъ, а С.-Петербургско-Тульскіе правители при посредствѣ подобныхъ же отчетовъ и при одинаковомъ образѣ дѣйствій получаютъ благодарности отъ большинства общихъ собраній и отчисляютъ въ свою пользу болѣе или менѣе крупненькія прибыли» и б) въ № 13 той же газеты, отъ 13 января 1889 г., въ статьѣ «О С.-Петербургско-Тульскомъ банкѣ» напечаталъ: «Если бы къ правленію С.-Петербургско-Тульскаго банка была приложена та же самая мѣрка, подъ которую было подведено правленіе Саратовско-Симбирскаго банка, то наши уголовныя лѣтописи обогатились бы еще однимъ громкимъ процессомъ. Для уголовныхъ обвиненій въ

дѣлахъ С.-Петербургско-Тульскаго банка имѣется точно такой же матеріалъ, какой подарило намъ тянувшееся пять лѣтъ предварительное слѣдствіе о Саратовско-Симбирскомъ банкѣ: фальшивые отчеты, дутыя цыфры, выдачи небывалыхъ дивидентовъ, искусственно составленныя общія собранія—все тутъ на лицо... Уголовные громы разразились надъ головами людей (т. е. членовъ правленія Саратовско-Симбирскаго банка), виновныхъ въ томъ же самомъ, что творится въ С.-Петербургско-Тульскомъ банкѣ!»

2) Если подсудимый виновенъ въ преступленіи, описанномъ въ предыдущемъ вопросѣ, то какому за него подлежитъ онъ по закону наказанію?

Судебная палата, признавъ подсудимаго О. К. Нотовича невиновнымъ въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1535 ст. улож., на основаніи 1 п. 771 ст., постановила: приговоръ С.-Петербургскаго окружнаго суда отъ 23 и 24 марта 1890 г. отмѣнить и считать г. Нотовича по суду оправданнымъ.

Тотъ же самый вопросъ о томъ, кого слѣдуетъ признать частнымъ обвинителемъ: составъ ли правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка или каждаго отдѣльно члена этого правленія, былъ предметомъ обсужденія палаты при постановленіи приговора по настоящему дѣлу, при чемъ палата, ссылаясь на то, что вопросъ этотъ получилъ уже разрѣшеніе въ частномъ ея опредѣленіи, которымъ частнымъ обвинителемъ признанъ составъ правленія означеннаго банка, повѣренными котораго на судѣ являются г. Масловскій и прис. повѣр. Михайловъ, по существу означеннаго вопроса, съ точки зрѣнія нашего уголовнаго законодательства, нашла: что, согласно толкованію Правительствующаго сената въ рѣшеніи 1871 г. № 187 по дѣлу Крылова и 1875 г. № 571 по дѣлу Ватсона, клевета въ печати составляетъ по внѣшнимъ своимъ признакамъ и по своей формѣ оскорбленіе—дѣяніе, совершенно тождественное съ опозореніемъ въ печати, и все различіе между этими двумя видами преступленій заключается въ томъ, что въ опредѣленіе клеветы существеннымъ признакомъ входитъ признаніе судомъ несправедливости указаннаго въ сочиненіи позорящаго обстоятельства, тогда какъ ложность обвиненія не входитъ въ составъ существеннымъ признакомъ опозоренія; что опозореніе въ печати, наказуемое по ст. 1039 ул. о нак., предусматриваетъ оглашеніе въ печати такого обстоятельства, которое можетъ повредить чести, достоинству или доброму имени частнаго

или должностного лица, или общества, или установленія; что, хотя ст. 1535 ул. о нак. опредѣляетъ отвѣтственность за клевету въ печати, распространяемую о частныхъ лицахъ, но, въ виду приведеннаго выше взгляда на это дѣяніе Правительствующаго Сената, признающаго его совершенно тождественнымъ съ дѣяніемъ, предусмотрѣннымъ 1039 ст. ул. о нак., не имѣется никакихъ основаній утверждать, что объектомъ клеветы могутъ быть только отдѣльныя лица, но напротивъ того необходимо признать, что общество, корпорація, коллегія и иныя установленія и вообще юридическія лица могутъ подвергаться клеветѣ, вслѣдствіе чего могутъ и защищать на судѣ свою честь; что подобный взглядъ былъ усвоенъ, повидимому, и окружнымъ судомъ при разсмотрѣніи настоящаго дѣла, что явствуетъ изъ редакціи постановленныхъ имъ на свое разрѣшеніе вопросовъ, такъ какъ, если бы судъ полагалъ, что каждый изъ членовъ правленія С.-Петербургско-Тульскаго банка является самостоятельнымъ потерпѣвшимъ и частнымъ обвинителемъ по настоящему дѣлу, то онъ обязанъ былъ бы постановить вопросы въ такой редакціи, изъ которой можно было бы усмотрѣть фактическіе признаки клеветы со стороны Нотовича для каждаго члена правленія отдѣльно, между тѣмъ изъ вопроснаго листа и приговора суда видно, что г. Нотовичъ признанъ виновнымъ въ оклеветаніи 23 декабря 1888 г. и 13 января 1889 г. правленія банка, т. е. въ оклеветаніи какъ правленія, такъ и лично его состава, но при этомъ судъ не указалъ, кого именно коснулась эта клевета, а подобная постановка вопросовъ свидѣтельствуетъ, по мнѣнію палаты, что судъ, постановляя свой приговоръ, не разрѣшилъ съ достаточною точностью, кто именно является въ данномъ случаѣ потерпѣвшимъ лицомъ, правленіе или отдѣльные его члены, вслѣдствіе чего приговоръ этотъ въ самомъ основаніи своемъ представляется неправильнымъ; это обвиненіе Нотовича въ оклеветаніи отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, независимо оттого, что этими лицами не предъявлено въ судѣ жалобы въ порядкѣ, указанномъ 3 п. 534 ст. уг. суд., не могло имѣть мѣста и потому, что въ тѣхъ статьяхъ газеты «Новости», которыя подали поводъ къ возбужденію противъ редактора-издателя г. Нотовича уголовнаго преслѣдованія за клевету, не приписывается кому-либо изъ членовъ правленія банка какихъ либо отдѣльныхъ самостоятельныхъ, противныхъ правиламъ чести дѣяній, и статьи не содержатъ въ себѣ указаній на особое самостоятельное участіе кого либо изъ нихъ въ тѣхъ дѣяніяхъ, которыя приписываются всему составу правленія и притомъ не-

опредѣленному составу какого либо года, такъ какъ въ статьяхъ этихъ разбираются дѣйствія правленія за весьма обширный промежутокъ времени, съ 1882 г. по 1888 г. включительно; что, предъявляя обвиненіе въ клеветѣ, отдѣльные члены правленія должны были указать, какія именно дѣйствія, описанныя въ помѣщенныхъ въ газетѣ «Новости» статьяхъ, относятся къ нимъ и представляются оскорбительными для ихъ чести, ибо вѣдь не всѣ четыре члена правленія, считающіе себя оскорбленными, принимали постоянное участіе во всѣхъ дѣлахъ правленія за нѣсколько лѣтъ; изъ дѣла видно, что состоялись журнальныя постановленія, подписанныя лишь двумя членами правленія, и затѣмъ, изъ первоначальной жалобы, поданной прокурору суда, и изъ послѣдующей, поданной въ окружный судъ, видно, что считалъ себя оскорбленнымъ помѣщенными въ газетѣ «Новости» статьями весь составъ правленія банка; слѣдовательно—только правленіе, а не члены онаго—Масловскій, Масленниковъ и друг.,—должно быть признано по настоящему дѣлу потерпѣвшимъ лицомъ.

На приговоръ палаты прис. пов. Михайловъ, въ качествѣ повѣреннаго личнаго состава правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка: предсѣдателя правленія Масловскаго и членовъ его—Масленникова, Костомарова и Черкасова, принесъ кассаціонную жалобу, въ которой указывалъ на допущенныя палатою нарушенія 297, 593, 630, 736, 741, 885, 886—889 и 933 ст. ус. уг. суд., а также ст. 1535 ул. о нак.

Въ первомъ пунктѣ жалобы излагается, что настоящее дѣло разсмотрѣно окружнымъ судомъ съ участіемъ отдѣльныхъ членовъ правленія банка, судебная же палата признала, что дѣло началось по жалобѣ правленія банка, какъ коллегіи, представляющей юридическое лицо; что придя къ такому неправильному выводу, палата должна была производство дѣла прекратить, такъ какъ оно въ томъ, какъ признано палатою относительно объекта преступленія, не было вовсе въ разсмотрѣніи суда первой инстанціи; что оклеветаніе правленія банка, какъ лица юридическаго и оклеветаніе членовъ правленія онаго, какъ лицъ физическихъ, представляются дѣлами различными по своему содержанію, по вопросамъ, подлежащимъ разъясненію предъ судомъ, по роду и качеству доказательствъ, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ задачи сторонъ по дѣлу совершенно различны: въ первомъ случаѣ нужно доказать или опровергнуть, что клевета относится именно къ коллегіи, а не къ отдѣльнымъ лицамъ, нарушаетъ интересы учрежденія, а не отдѣльнымъ лицъ, во второмъ же

случаѣ—наоборотъ; что палата понятію состава всего правленія противопоставила понятіе отдѣльныхъ членовъ его, такъ какъ всѣ отдѣльные члены правленія и составляютъ именно личный составъ онаго; что при обсужденіи возбужденнаго защитою преюдиціальнаго вопроса, палата придала рѣшающее значеніе такому вполнѣ несущественному обстоятельству, что жалоба, поданная прокурору и довѣренности, данныя Масловскому и и ему Михайлову, были озаглавлены отъ правленія банка, и въ то же время не придала никакого значенія текстамъ этихъ документовъ и упустила изъ виду, что жалоба не могла быть подана и довѣренности не могли быть выданы правленіемъ, какъ представителемъ юридическаго лица, ибо, по уставу банка, правленіе не уполномочено на такую подачу и выдачу, такъ какъ ни юридическое лицо—банкъ, ни правленіе, какъ его представитель, не могутъ совершать преступныхъ дѣйствій и, вообще, дѣяній, противныхъ правиламъ чести, а слѣдовательно, не могутъ быть и предметомъ клеветы; что постановленіе судебной палаты по вопросу о томъ, кого считать жалобщиками—членовъ правленія или правленіе, какъ представителя юридическаго лица, представлялось неяснымъ для самой палаты, что видно изъ того, во-первыхъ, что вслѣдъ за провозглашеніемъ этого постановленія предсѣдавшій счелъ нужнымъ разъяснить, что въ постановленіи этомъ не говорится о юридическомъ лицѣ, а сказано о составѣ правленія банка, но не объ отдѣльныхъ членахъ его, между тѣмъ какъ въ приговорѣ палаты всѣ соображенія по этому вопросу клонятся къ утвержденію, что юридическое лицо можетъ быть объектомъ клеветы; во-вторыхъ, по разъясненію предсѣдавшаго, окружный судъ постановилъ приговоръ, касающійся оклеветанія состава правленія, и судебная палата разсматриваетъ дѣло въ тѣхъ же предѣлахъ, а въ постановленіи значится, что судъ не имѣлъ основанія допустить членовъ правленія въ качествѣ самостоятельныхъ частныхъ обвинителей объ оклеветаніи г. Нотовичемъ всего состава правленія, безъ указанія на какое-либо опредѣленное лицо, изъ чего ясно видно, что постановленіе палаты расходится съ постановленіемъ окружного суда, и въ-третьихъ, приговоръ палаты по вышеупомянутому вопросу представляется не согласнымъ съ ея постановленіемъ, такъ какъ въ послѣднемъ сказано «признать частнымъ обвинителемъ правленіе банка», а въ приговорѣ сказано, что, «согласно этого постановленія, частнымъ обвинителемъ признанъ составъ правленія банка», но составъ правленія и есть Масловскій, Масленниковъ, Костамаровъ и Черкасовъ; слѣдовательно, если бы палата признала составъ правленія жалобщиками, то это было бы равносильно признанію жалобщиками

членовъ правленія по имени, а тогда не было бы надобности отмѣнять постановленія суда и устранять этихъ лицъ отъ участія въ дѣлѣ, и что палата, приступивъ къ слушанію дѣла, несмотря на устраненіе личности жалобщика-истца, и разрѣшивъ его по существу, съ одной стороны, нарушила ст. 889 ус. уг. суд., такъ какъ защитникъ подсудимаго просилъ прежде всего о прекращеніи дѣла по преюдиціальнымъ вопросамъ и, только въ случаѣ неблагопріятнаго для себя разрѣшенія этихъ вопросовъ, ходатайствовалъ объ оправданіи подсудимаго, въ виду чего палата, разрѣшивъ эти вопросы благопріятно для защиты, не имѣла законнаго основанія для разсмотрѣнія дѣла по существу, а съ другой, лишивъ его, Михайлова, и Масловскаго возможности представить объясненія по существу дѣла въ томъ качествѣ, въ какомъ они дѣйствовали и могли по уставу и закону дѣйствовать, нарушила ст. 888 ус. уг. суд. (рѣш. 1871 г. № 832, 1870 г. № 206).

Во 2-мъ пунктѣ жалобы указывается, что палата, хотя и признала жалобщикомъ правленіе банка, но устранивъ, по отводу прис. повѣр. Спасовича, отъ участія въ дѣлѣ Маслениникова, Костомарова и Черкасова, тѣмъ самымъ согласилась съ доводами защиты о томъ, что члены правленія не могутъ принимать личнаго участія въ дѣлѣ, и что выводъ этотъ явно нарушаетъ 585 ст. ус. уг. суд., разъясненную кассаціоннымъ рѣшеніемъ 1884 г. № 18 въ томъ именно смыслѣ, что владѣльцы желѣзнодорожныхъ предпріятій, а слѣдовательно и банковыхъ, каковыми представляются члены правленія въ качествѣ акціонеровъ, могутъ и черезъ повѣренныхъ и лично принимать участіе въ уголовномъ дѣлѣ, когда рѣчь идетъ о ихъ личной отвѣтственности.

Далѣе, прис. повѣр. Михайловъ, обращаясь къ подробному разсмотрѣнію постановленія палаты по вышеупомянутому возбужденному защитою преюдиціальному вопросу въ связи съ приговоромъ палаты по тому же вопросу, въ своей жалобѣ объясняетъ, что заключеніе палаты о томъ, что подсудимый г. Нотовичъ обвиняется въ оклеветаніи всего состава правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, а не отдѣльныхъ членовъ этого правленія, не соотвѣтствуетъ содержанію первоначальной жалобы поданной прокурору и текстамъ довѣренностей, выданныхъ ему, Михайлову, и Масловскому, изъ которыхъ явствуетъ, что при самомъ возбужденіи дѣла постоянно имѣлся въ виду извѣстный личный составъ правленія, точно перечисленный въ жалобѣ, а не правленіе, какъ коллегія; что утвержденіе палаты о томъ, что Костомаровъ не подписалъ жалобы и довѣренности Масловскому, невѣрно, потому что

онъ подалъ отъ себя отдѣльно совершенно тождественную съ первоначальной жалобу, выдалъ особую довѣренность Масловскому, каковыя жалоба и довѣренность выясняютъ истинный характеръ первоначальной жалобы, какъ жалобы коллективной отъ даннаго состава правленія, а не отъ правленія, какъ лица юридическаго, такъ какъ въ противномъ случаѣ Костомарову не было бы надобности подавать отдѣльной жалобы въ виду того, что правленіе, какъ коллегія, подало первоначально жалобу, подписанную достаточнымъ числомъ членовъ; что палата игнорировала дополнительную жалобу Костомарова только потому, что она не была у мирового судьи, для соблюденія обряда примиренія, установленнаго 35 ст. ус. уг. суд., но это упущеніе было исправлено окружнымъ судомъ предложеніемъ сторонамъ примириться въ самомъ присутствіи: по разъясненію же прав. сен., въ рѣш. 1868 г. № 948, нарушеніе ст. 35 ус. уг. суд. можетъ быть всегда исправлено до самаго момента приведенія приговора въ исполненіе; что вторую жалобу его, Михайлова, палата признала поданной въ окружный судъ отъ лица членовъ правленія банка безъ надлежащаго на то уполномочія, но палата упустила изъ виду, что жалоба эта разсматривалась судомъ въ присутствіи всѣхъ членовъ правленія, выдавшихъ ему довѣренность и заявившихъ, что они всѣ вмѣстѣ и каждый отдѣльно считаютъ себя оскорбленными лично, а при такихъ условіяхъ, когда судъ могъ удостовѣриться чрезъ опросъ самихъ частныхъ обвинителей и ихъ повѣреннаго, въ чемъ заключаются данныя послѣднему уполномочія, не представлялось и надобности въ какой-либо письменной довѣренности; что правленіе, какъ представитель банка, можетъ дѣйствовать только при одномъ изъ двухъ слѣдующихъ условій: или предпринимаемое имъ дѣйствіе возложено на него уставомъ банка, или, при отсутствіи указанія на такое дѣйствіе въ уставѣ, оно должно имѣть особое, уполномочивающее постановленіе общаго собранія акціонеровъ; внѣ этихъ двухъ условій всякое дѣйствіе правленія, какъ представителя банка, незаконно и предпринимается имъ за страхъ и отвѣтственность его членовъ, какъ физическихъ лицъ; поэтому личный составъ правленія, возбудившій настоящее дѣло, никогда не смотрѣлъ на него иначе, какъ на личное дѣло группы лицъ, входящихъ въ составъ правленія, а такъ какъ интересы ихъ были затронуты одною и тою же клеветою, относившеюся въ одинаковой степени ко всѣмъ имъ, то они и избрали форму преслѣдованія посредствомъ совмѣстной коллективной жалобы; что разсужденіе палаты о томъ, что судъ въ постановленныхъ на свое разрѣшеніе вопросахъ имѣлъ въ виду оклеве-

таніе не отдѣльныхъ членовъ, а правленіе банка, какъ коллегіи, опровергается текстомъ этихъ вопросовъ, изъ которыхъ видно, что судъ имѣлъ въ виду оклеветаніе правленія банка въ наличномъ его составѣ начала 1889 года, составъ же этотъ былъ точно переименованъ судомъ въ первомъ его въ постановленіи, почему и не представлялось надобности въ новомъ перечисленіи его въ вопросахъ, и что послѣ признанія палатою правленія банка, какъ коллегіи, объектомъ и жалобщикомъ отказъ его, Михайлова, и Масловскаго отъ дальнѣйшаго участія въ производствѣ настоящаго дѣла былъ безусловно для нихъ обязателенъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ оказалось бы, что они въ окружномъ судѣ добивались обвиненія г. Нотовича въ оклеветаніи частныхъ лицъ, а въ палатѣ—правленія, какъ коллегіи, что закономъ допущено быть не могло. Далѣе, обращаясь къ заключенію судебной палаты о томъ, что не только отдѣльныя лица но и общество, корпорація, коллегія и другія установленія и вообще юридическія лица могутъ подвергаться клеветѣ, вслѣдствіе чего могутъ защищать на судѣ свою честь, прис повѣр. Михайловъ указывалъ, что ссылка палаты, въ подтвержденіе правильности такого заключенія, на кассаціонныя рѣшенія по дѣламъ Крылова и Ватсона (1871 года № 187 и 1875 г. № 571) лишена правильнаго основанія, такъ какъ не только въ этихъ рѣшеніяхъ, но ни въ одномъ изъ своихъ рѣшеній Правительствующій Сенатъ ни разу не касался вопроса о различіи диффамаціи отъ клеветы по объекту; что изъ сопоставленія ст. 1039 ул.о нак., предусматривающей опозореніе, и ст. 1535 того же уложенія, опредѣляющей наказаніе за клевету, оказывается, во первыхъ, что статья о диффамаціи помѣщена въ 8 раздѣлѣ улож., озаглавленномъ «О преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія», а клевета—въ 10 раздѣлѣ: «О преступленіяхъ противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ», изъ чего слѣдуетъ, что при диффамаціи нарушается преимущественно интересъ государственнаго и общественнаго порядка, и во вторыхъ, что въ текстахъ ст. 1039 и 1535 объектомъ преступленія самъ законъ называетъ, въ первой изъ нихъ, не только частное лицо, но и общество или установленіе, а въ послѣдней исключительно: «кто-либо, или его жена, или члены его семьи», т. е. только частныя, физическія лица, и что, въ виду сего, слѣдуетъ придти къ несомнѣнному заключенію, что объектомъ диффамаціи можетъ быть и физическое и юридическое лицо, а объектомъ клеветы только физическое лицо, а потому, если юридическое лицо подаетъ на клевету жалобу, подписанную его физическими представителями, то на такую жалобу

судъ обязанъ смотрѣть, какъ на исходящую не отъ юридическаго лица, а отъ его физическихъ представителей.

Въ остальныхъ пунктахъ своей жалобы присяжный повѣренный Михайловъ указывалъ на нарушенія палатою процессуальныхъ правилъ, на несоотвѣтствіе постановленныхъ ею на свое разрѣшеніе вопросовъ законному понятію о клеветѣ и на неправильность соображеній принятыхъ палатою за основаніе къ оправданію подсудимаго Нотовича.

Засѣданіе Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената 19 ноября 1891 года.

Предсѣдательствовалъ первоприсутствующій сенаторъ И. И. Розинъ; докладывалъ дѣло сенаторъ С. М. Гулькевичъ.

Обвиненіе поддерживалъ прис. пов. Михайловъ.

Защитникъ г. Нотовича, пр. пов. Спасовичъ. Я извиняюсь, гг. сенаторы, что не могу, какъ говорится, стоять на высотѣ моей задачи, то есть быть столь же пространнымъ и входящимъ въ подробности, какъ кассаціонная жалоба и объясненіе моего противника, и, въ особенности, не считаю себя вправѣ, какъ это онъ дѣлаетъ, входить въ существо дѣла, говорить о томъ, что въ дѣлѣ доказано, виноватъ или не виноватъ г. Нотовичъ. Но я считаю себя вправѣ доказывать, что, если обвинители по настоящему дѣлу поступились своими правами, не воспользовались ими, отказались отъ нихъ, чѣмъ причинили себѣ вредъ, т. е. не достигли желаемыхъ результатовъ, то они должны винить себя, а не рѣшеніе палаты. Я имѣю притомъ право возстановить истину, искаженную въ кассаціонной жалобѣ, указать на изложенныя несогласно съ истиною фактическія обстоятельства.

Первая неправда въ этомъ изложеніи та, будто бы въ «Новостяхъ» появился рядъ статей, приписывавшихъ личному составу правленія банка въ 1888 и 1889 гг. неблаговидные и даже преступные поступки. Газета «Новости» говорила о банкѣ не въ какой нибудь моментъ его существованія, но за все время его существованія, не раздѣляя его дѣятельности на время до 1882 или 1888 г. и послѣ того, на періодъ, когда въ банкѣ дѣйствовалъ Борисовъ, и періодъ, когда въ банкѣ его не было.

Второй невѣрный фактъ тотъ, будто я, возбудивъ преюдиціальный вопросъ объ оскорбленіи юридическаго лица, правленія, потребовалъ прекращенія дѣла. Я требовалъ только направленія его къ законному порядку, что и изложено въ подробности въ выслушанномъ только что докладѣ.

Третья неправда содержится въ слѣдующихъ словахъ жалобы: «Стороны совершенно правильно добивались и въ окружномъ судѣ, и въ судебной палатѣ, чтобы былъ признанъ одинъ какой-нибудь объектъ клеветы: обвинители—чтобы былъ признанъ личный составъ правленія банка, какъ группа изъ физическихъ лицъ состоявшая, а обвиняемый—чтобы было признано юридическое лицо». Спрашивается: могли ли они того добиваться, еслибы не существовала въ самой жалобѣ обвинителей явная двусмысленность, порождавшая сомнѣніе. Жалоба сочинена отъ правленія, а поддерживали ее отдѣльные члены, упорно стоявшіе за это совмѣстительство двухъ функцій, все время стоявшіе и за правленіе въ цѣломъ, и за себя лично. Они продолжали такъ дѣйствовать даже и послѣ приговора окружного суда, установившаго, что оскорблены только физическія лица. Совмѣстительство было весьма выгодно обвинителямъ; они стегали, такъ сказать, Нотовича въ два кнута. Съ одной стороны, они вступались за громадное цѣлое, состоящее изъ сплошного числа акціонеровъ, облигаціонеровъ и лицъ, соприкасающихся съ много-милліоннымъ предпріятіемъ; они указывали на громадные убытки отъ статей «Новостей», на паденіе курса акцій банка. Съ другой стороны,—его обвиняли отдѣльные члены правленія, испытывающіе милліонъ терзаній и требующіе обвиненія г. Нотовича за всѣ нравственныя страданія, ими испытываемыя.

Всѣ мои усилія были направлены не къ тому, чтобы прекратить дѣло, а къ тому, чтобы по этому дѣлу имѣть противъ себя одного противника, а не двухъ, и притомъ неуловимыхъ, потому что ежеминутно они мѣнялись, и неизвѣстно было, когда говорилъ первый, когда второй.

Четвертая неправда—это то, что будто бы и въ судебной палатѣ я требовалъ прекращенія дѣла. Позвольте мнѣ привести нѣсколько словъ по стенографическому отчету.

Вотъ, что я сказалъ: «Я ходатайствую, чтобы это дѣло было возвращено къ законному порядку, т. е. къ мировому судьѣ. Одновременно эти же господа могутъ подать за неистеченіемъ срока давности жалобы и за себя лично. И съ банкомъ, какъ юридическимъ лицомъ, и съ отдѣльными членами, какъ физическими лицами, надѣюсь, я справлюсь; по крайней мѣрѣ, дѣло пойдетъ узаконеннымъ порядкомъ и на правильной почвѣ.»

Указавъ на эти фактическія невѣрности кассаціонной жалобы, приступаю къ разбору ея по ея содержанію и нахожу, что всѣ недоразумѣнія при производствѣ настоящаго дѣла возникли отъ происшедшей въ ходѣ дѣла метаморфозы. Банкъ, такъ сказать, большой мѣшокъ, который розорвался; изъ него высыпались отдѣльныя лица, а самъ мѣшокъ изчезъ. Такія превращенія бываютъ на сценѣ, но въ дѣйствительной жизни, на судѣ, при серьезномъ разбирательствѣ дѣла, они немыслимы. Правленіе подало жалобу, правленіе и должно было ее поддерживать. Я не знаю, какъ объяснить это превращеніе. Я могъ бы приписать его недомыслію, если бы тому не препятствовало то обстоятельство, что въ правленіи главнымъ лицомъ былъ опытный юристъ, превосходно знающій и судебную практику, и то рѣшеніе общаго собранія I-го и кассаціоннаго департаментовъ сената 1880 года, которымъ установленъ обязательно однообразный порядокъ производства дѣлъ, вчинаемыхъ посредствомъ частнаго обвиненія, по каковому рѣшенію основаніемъ всякаго подобнаго рода производства должна быть первоначальная жалоба потерпѣвшихъ, не получившая разрѣшеніе у мирового судьи. Не отрицаю, что на перемѣну въ лицѣ жалобщика не обратилъ сначала вниманія г. Нотовичъ, но когда онъ передалъ мнѣ свое дѣло, то я, какъ юристъ, созналъ всю важность этого обстоятельства и вывелъ его на чистоту. Изъ того, что его не опротестовалъ сначала Нотовичъ, нельзя вывести никакого противъ того заключенія. Вопросъ могъ быть возбужденъ во всякое время при производствѣ дѣла. Мои противники стояли упорно на неопредѣленности своихъ функцій, на ихъ совмѣстительствѣ. Окружный судъ, предъ которымъ вопросъ поставленъ былъ ребромъ, призналъ, что жалобщикъ—

лицо какое то полюридическое, то есть правленіе въ извѣстномъ личномъ составѣ, какая то горсть песку, смѣшанная и немедленно потомъ разсыпающаяся, въ видѣ единичныхъ членовъ; притомъ самъ окружный судъ былъ крайне непослѣдователенъ въ своемъ рѣшеніи, поставивъ вопросъ объ оскорбленіи не отдѣльныхъ членовъ правленія, а правленія, затѣмъ постановивъ опубликованіе приговора не тамъ, гдѣ живутъ обвинители, а во всѣхъ губерніяхъ, на которыя распространяетъ банкъ свою дѣятельность. Когда дѣло поступило въ палату, она нашла, что жалоба подана отъ правленія, что въ приговорѣ суда даже и не поименованы частные обвинители, какъ физическія лица; что совсѣмъ неизвѣстно, какъ отнесся судъ къ умершему жалобщику Квисту, который умеръ до воспослѣдованія приговора окружного суда и за котораго вступается обвинитель, хотя правопреемникомъ его не состоялъ. Палата приняла еще во вниманіе то, что защита г. Нотовича стояла на томъ, что, если статьи «Новостей» оскорбительны для кого либо, то для правленія и для банка; наконецъ, что, хотя окружный судъ постановилъ, что оскорблены отдѣльные члены правленія, но правленіе явилось передъ палатою въ лицѣ отъ правленія уполномоченныхъ особъ. По всѣмъ этимъ и другимъ основаніямъ палата постановила, что частный обвинитель есть правленіе, какъ юридическое лицо. Спрашивается, какого рода это постановленіе: есть ли оно постановленіе по существу дѣла или нѣтъ? Я полагаю, что оно можетъ сдѣлаться предметомъ кассаціоннаго мотива только при предположеніи, что будетъ признано, что никакое юридическое лицо не можетъ быть объектомъ клеветы, каковой общій вопросъ и возбуждаютъ кассаторы. Но допустимъ, что этотъ общій вопросъ, который еще не разобранъ, будетъ разобранъ и противъ ихъ желанія, т. е. такъ, что юридическія лица могутъ быть оскорбляемы какъ таковыя, то въ такомъ случаѣ нѣтъ на лицо кассаціоннаго мотива: вопросъ, кто жалобщики — правленіе или его члены — разрѣшенъ палатою по существу дѣла и окончательно, и это рѣшеніе перерѣшенію уже не подлежитъ и остается незыблемымъ.

Теперь я могу перейти къ разбору отдѣльныхъ статей

кассаціонной жалобы и остановилось прежде всего на заявленіи о нарушеніи палатою 889 ст. у. у. с., то есть о выходѣ за предѣлы апелляціонныхъ отзывовъ сторонъ. Я буду обсуждать эту статью по ея буквальному смыслу, предусматривающему только выходъ изъ предѣловъ апелляціонныхъ отзывовъ. Отзывовъ было два: мой и отзывъ нашихъ противниковъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ свои минимальные и максимальные предѣлы. Существо требованій противниковъ состояло въ томъ, чтобы осудить г. Нотовича, какъ осудилъ его окружный судъ, за оскорбленіе отдѣльныхъ членовъ правленія и наказать его построже, 6 мѣсяцами тюрьмы (максимальное требованіе), либо, по крайней мѣрѣ, утвердить рѣшеніе окружного суда (минимальное требованіе). Теперь противники и жалуются на то, что выходя за предѣлы ихъ отзыва, г. Нотовича судили не за оскорбленіе правленія, какъ юридическаго лица.

Съ другой стороны, нашъ отзывъ былъ: судите насъ за оскорбленіе не членовъ правленія, а самаго правленія, причемъ минимальное требованіе клонилось къ тому, чтобы направить дѣло къ мировому судьѣ, и оно отнесилось одинаково какъ къ коллективной первоначальной жалобѣ четырехъ членовъ правленія, такъ и къ дополнительной, поданной прямо въ судъ г. Костомаровымъ. Мы полагали, что первоначальная жалоба отъ правленія должна быть и поддерживаема правленіемъ; жалоба же г. Костомарова есть жалоба чисто личная, поданная въ срокъ, подлежащая направленію къ мировому судьѣ. Мы думаемъ, что къ ней присоединиться могутъ и другіе члены правленія, какъ физическія лица. Что касается до нашего максимальнаго требованія, то оно клонилось къ оправданію г. Нотовича по оклеветанію имъ юридическаго лица. Таковы были предѣлы требованій апелляціонныхъ отзывовъ; изъ нихъ палата и вышла. Она могла рѣшить вопросъ преюдиціальный въ самомъ рѣшеніи своемъ по существу, что она сдѣлала бы, если бы противники не возбуждали сами этого преюдиціальнаго вопроса и не поставили ее въ необходимость заняться имъ. Она обязана была заняться имъ. Она обязана была уважить эту и другую жалобы, причемъ, такъ или иначе рѣшая вопросъ, она удов-

летворяла одну только сторону, но не удовлетворяла другой; слѣдовательно, не только не можетъ быть рѣчи о томъ, что-яко-бы она выходила изъ предѣловъ какой нибудь изъ нихъ, она стояла на почвѣ того отзыва, который она удовлетворяла.

Разрѣшая преюдиціальный вопросъ, палата, прежде всего, выдѣлила жалобу Костомарова, просьба котораго была подана прямо въ окружной судъ, и ее совсѣмъ выдѣлили изъ дѣла на томъ основаніи, что Костомаровъ—неуполномоченный правленіемъ частный обвинитель; эта жалоба на судѣ разсматриваема быть не могла, такъ какъ судъ разсматриваетъ только жалобы, не получившія разрѣшенія у мирового судьи. Что касается другой жалобы отъ правленія, то палата нашла, что жалуется правленіе, какъ юридическое лицо. Затѣмъ она уже не могла стѣсняться тѣмъ, что обвинители добились осужденія г. Нотовича за оскорбленія свои личныя, такъ какъ г. Нотовичъ требовалъ, чтобы его судили за клевету, противъ кого бы ни была она предполагаема учиненною. Палата его судила и оправдала. Конечно, этотъ результатъ непріятенъ для противной стороны, которая потеряла весьма выгодную для себя позицію, но что же дѣлать? Каждая тяжущаяся на судѣ сторона, имѣющая въ дѣлѣ спорные вопросы, подлежащіе предварительному разрѣшенію, должна быть приготовлена къ тому, чтобы дѣйствовать, такъ сказать, двумя руками и, когда частный вопросъ рѣшенъ противъ нея, защищать себя и по другому основанію, охранивъ свои права по частному вопросу приличными оговорками. Я полагаю, что до рѣшенія дѣла палатою такого образа дѣйствій придерживались и противники, которые, хотя явились на судъ и сами лично, но посылали и въ палату лицъ, уполномоченныхъ довѣренностью отъ правленія. Правда, довѣренность эта имѣла странный видъ: правленіе уполномочиваетъ повѣренныхъ защищать честь отдѣльныхъ членовъ правленія, а такого полномочія, по уставу банка, оно никакъ не могло дать.

Я перехожу къ другому кассаціонному мотиву, заключающемуся въ томъ, что обвинители противозаключаютъ, что были стѣснены въ защитѣ своихъ интересовъ. Въ шести мѣ-

стахъ кассаціонной жалобы пр. пов. Михайловъ повторяетъ этотъ мотивъ, причемъ ставитъ на видъ не то, что обвинители были лишены возможности говорить, что угодно; напротивъ того, палата предлагала имъ говорить, что хотятъ, но они не захотѣли говорить. Они считали, что они нравственно будутъ побуждаемы встать на отрицаемую ими точку зрѣнія, которой они не признавали, стать на которую они считали себя не уполномоченными. Они утверждали, что, если они на эту почву станутъ, то этимъ лишатъ себя возможности опровергать противныя имъ дѣйствія въ кассаціонномъ порядкѣ. Объясненіе это ни съ чѣмъ не сообразно, а законы, приводимые обвинителями, совсѣмъ не подходящіе. Они приводятъ ст. 888 уст. уг. суд., которая гласитъ, что стороны и всѣ участвующіе въ дѣлѣ допускаются къ преніямъ на общемъ основаніи. Они приводятъ еще кассаціонныя рѣшенія за 1870 г. № 206 и 1871 г. № 832, которыя столь-же мало идутъ къ дѣлу, какъ и 888 ст. уст. уг. суд. По нашему закону, по ст. 593 у. у. с., прекращеніе дѣла на судѣ за неприбытіемъ частнаго обвинителя или его повѣреннаго безъ законныхъ къ тому причинъ только тогда можетъ имѣть мѣсто, если обвинитель не явился въ первое же засѣданіе по дѣлу и то только въ первой инстанціи. Затѣмъ, коль скоро первое рѣшеніе по существу, хотя бы и заочное, за неявкою обвиняемаго, состоялось, то уже неявка обвинителя при вторичномъ разбирательствѣ дѣла, по принесенному на заочное рѣшеніе отзыву, не прекращаетъ дѣла нисколько, и дѣло рѣшается съ принятіемъ въ соображеніе жалобы обвинителя и объясненія его при заочномъ разсмотрѣніи дѣла. Во второй инстанціи явка сторонъ совсѣмъ не обязательна. По ст. 883 у. у. с. неприбытіе участвующихъ въ дѣлѣ лицъ въ палату въ день доклада не останавливаетъ доклада и рѣшенія.

Есть еще ст. 887 того же устава, въ которой сказано, что отзывъ апеллятора противъ приговора суда, въ случаѣ неявки его лично въ засѣданіе, долженъ быть прочитанъ вполнѣ, что и было соблюдено, насколько помню, въ палатѣ. Но если бы онъ и не былъ прочитанъ докладчикомъ, то апелляторы не могутъ на это протестовать, такъ какъ они не представлялись отсутствующими, они сидѣли на указан-

ныхъ для участвующихъ въ дѣлѣ мѣстахъ, такъ какъ они продолжали и сами принимать участіе въ судоговореніи; такъ, напримѣръ, г. Масловскій дѣлалъ замѣчанія по докладѣ и ставилъ требованіе о его дополненіи. Они были не отсутствующими, а произвольно молчащими только сторонами. Что хотѣли они достигнуть? Они, вѣроятно, полагали этимъ способомъ сохранить за собою важное преимущество, недопускаемое закономъ, добиться опороченія одного изъ дѣйствій суда до разрѣшенія дѣла по существу. По уголовнымъ дѣламъ законъ не допускаетъ обжалованія дѣйствій и постановленій суда во время слѣдствія и на самомъ засѣданіи. Даже преданіе суду можетъ быть обжаловано только по разсмотрѣніи дѣла по существу. Они полагали возможнымъ достигнуть того, что дѣло оборвется въ палатѣ, не доходя до разбора по существу, что они обжалуютъ это прекращеніе въ кассаціонномъ порядкѣ и что сенатъ ихъ жалобу уважитъ, и дѣло получитъ ходъ съ того момента, на которомъ оно затянулось, т. е. безъ всякаго рѣшенія второй инстанціи, которой они уже тогда опасались.

Ихъ образъ дѣйствій также въ высшей степени противенъ началу равновѣсія между обвиненіемъ и защитою, установленному 630 ст. уст. уг. суд. Прошу себѣ представить мое положеніе, если бы я дѣйствовалъ такъ, какъ они дѣйствовали. Если бы послѣ обсужденія въ первой инстанціи преюдиціальнаго вопроса, когда окружный судъ отвергъ понятіе о жалобщикѣ, какъ юридическомъ лицѣ, я тотчасъ бы сложилъ свои бумаги и сошелъ съ мѣста, послѣ чего принесъ бы апелляціонную жалобу, а затѣмъ повторилъ тотъ же самый маневръ въ палатѣ, разсчитывая на кассацію. Я лишилъ бы себя возможности представить всѣ тѣ данныя, на основаніи которыхъ мнѣ удалось доказать, что въ Тульскомъ банкѣ происходили, хотя быть можетъ и не преступленія, но тѣ противоуставности и нарушенія законовъ, которыя противники сами не могли не признать, на основаніи каковыхъ данныхъ г. Нотовичъ и былъ по обвиненію въ клеветѣ оправданъ. За мой образъ дѣйствій я бы подвергся строгому осужденію, какъ за нарушеніе самыхъ основныхъ обязанностей моего званія.

Послѣдующимъ, затѣмъ, кассаціоннымъ мотивомъ является лишеніе будто бы палатою обвинителей права разобраться съ обвиняемымъ въ двухъ инстанціяхъ, а не въ одной. Обвинители приводятъ ту теорію, что всякое уголовное дѣло должно производиться обязательно въ обѣихъ инстанціяхъ объ одномъ субъектѣ, объ одномъ объектѣ и объ одномъ дѣяніи; если же произойдетъ какая нибудь существенная перемѣна въ этихъ элементахъ, то прежнее дѣло должно быть прекращено, а новое—начато съ положенными въ его основаніе послѣдовавшими кодификаціями. Я полагаю, что эта идея навѣяна ст. 895 у. граж. суд. о законной силѣ рѣшеній, которая гласитъ, что рѣшеніе вступаетъ въ законную силу въ отношеніи спорнаго предмета, отыскиваемаго тѣми же сторонами и на томъ же основаніи. Разница между двумя судопроизводствами, гражданскимъ и уголовнымъ, большая, и тѣ начала, которыя положены въ основаніе 895 ст. у. граж. суд., не вполнѣ выдержаны и соблюдены даже и въ гражданскомъ судопроизводствѣ. Есть стороны, для которыхъ возможна только одна инстанція, напримѣръ, третьи лица, вступающія въ дѣло только во второй инстанціи. Представьте себѣ, что въ первой инстанціи возбуждается вопросъ о давности или о неимѣніи повѣреннымъ полномочій и что судъ, не входя въ разборъ обстоятельствъ дѣла по существу, рѣшилъ его только по давности, или по отводу, и дѣло потомъ переносится во вторую инстанцію, которая отвергаетъ давность или отводъ и входитъ въ обсужденіе всѣхъ обстоятельствъ дѣла по существу, хотя они, несомнѣнно, не разбирались вовсе въ первой инстанціи. Что касается уголовнаго суда, то элементы обвиненія могутъ существенно видоизмѣниться во время хода дѣла. По уголовному закону можетъ быть поставленъ вопросъ о дѣяніи, совсѣмъ не предусмотрѣнномъ въ обвинительномъ актѣ, если только оно не влечетъ за собою наказанія болѣе тяжкаго, чѣмъ, то, которое предусмотрѣно въ обвинительномъ актѣ. Положимъ, судится кто нибудь за кражу чужого имущества, принадлежащаго Андрееву, а во время судоговоренія выяснится, что имущество, которое онъ похитилъ, было несомнѣнно чужое, принадлежало не Андрееву, а Иванову; такъ какъ оно чу-

жое, то обвиняемый будетъ наказанъ, и дѣло въ производствѣ не можетъ быть прекращено, хотя объектъ явился новый, не предполагавшійся доселѣ.

Мотивъ, основанный на томъ, что настоящее дѣло разбиралось только въ одной инстанціи, до того слабъ, что почти и не поддерживался въ заключительномъ выводѣ жалобы. Онъ какъ-то меркнетъ передъ другимъ колоссальнымъ, поставленнымъ на первый планъ. Говорятъ, юридическое лицо не можетъ совершать преступленій, ergo eo ipso не можетъ быть оскорблено, не можетъ быть предметомъ клеветы. Не считаю умѣстнымъ разбирать этотъ вопросъ до его корней, но не могу избѣжать того, чтобы не представить его въ настоящемъ его видѣ въ самыхъ крупныхъ очертаніяхъ.

То начало, что группа людей, образующая одно юридическое лицо, не можетъ быть судима и наказуема, какъ группа, но что члены ея должны отвѣчать каждый за свою личную вину,—это послѣдній продуктъ цивилизаціи, занесенный и въ нашъ законъ, въ 91 ст. улож., которая допускаетъ наказаніе лишь тогда, когда содѣянное должно быть вмѣняемо подсудимому въ вину. Все прошедшее говоритъ противъ этого новаго начала. Въ прошлые вѣка судились и казнились за преступленія немногихъ всѣ члены группы, семьи, рода, корпораціи. Прежній взглядъ остался во многихъ пережиткахъ и самые важные изъ нихъ—международныя войны. Одно правительство оскорбило другое—начинается война, въ которой цѣлый народъ дѣлаетъ всевозможное зло другому народу и проливаются потоки крови человѣческой. Вы сами постоянно судите однихъ людей за вины другихъ, напримѣръ, заводовладѣльцевъ водочныхъ за корчемство, произведенное служащими у нихъ лицами или арендаторами. Вспомните о вознагражденіяхъ за увѣчья, присуждаемыхъ съ желѣзнодорожныхъ компаній, совсѣмъ въ этихъ увѣчьяхъ не виновныхъ, по простому, явно несправедливому, предположенію, что компанія прежде всего считается за это увѣчье отвѣтственною.

Но допускаемъ, что принципъ личной отвѣтственности за преступленія осуществленъ въ законѣ вполнѣ. Слѣдуетъ ли,

основываясь на этомъ, заключать, что коллективное лицо имѣетъ честь, а быть оскорбляемо не можетъ?

Отъ государства, спускаясь до единицы, мы наталкиваемся на нескончаемое количество союзовъ, группъ общественныхъ, юридическихъ лицъ. Не подлежитъ ни сомнѣнію, ни спору, что эти юридическія лица обладаютъ весьма крупными правами имущественными. Но, кромѣ правъ имущественныхъ, есть у нихъ и права, которыя я, въ противоположность имущественнымъ, не могу назвать иначе, какъ правами личными, напримѣръ, право имѣть печать, собираться, заниматься сообща наукою или искусствомъ, совершать извѣстныя, соотвѣтствующія ихъ назначенію, дѣйствія. Въ числѣ этихъ правъ есть право и на уваженіе со стороны не входящихъ въ составъ группы людей, право на почетъ, доброе имя и репутацію, ихъ благо, которымъ всѣ пользуются и всѣ отвѣтствуютъ сообща. Что можно возразить противъ этого коллективнаго чувства чести? Что юридическія лица, то есть группы, сами по себѣ, отдѣльно отъ своихъ членовъ не существуютъ, что они ничего не чувствуютъ, что они честью и уваженіемъ сами не пользуются. Спрашивается, зачѣмъ же признавать за ними и имущественныя права? На томъ же основаніи, на какомъ этимъ воображаемымъ лицамъ предоставляются права имущественныя, должны быть имъ предоставляемы и права на уваженіе, на честь. Если мы обратимся къ вѣкамъ прошедшимъ, то мы, несомнѣнно, убѣждаемся въ томъ, что въ былые вѣка единица—человѣкъ меньше всего значила; что человѣкъ не могъ и оскорбленнымъ быть, какъ человѣкъ, а только какъ гражданинъ, какъ шляхтичъ, какъ мѣщанинъ, какъ служитель церкви или какъ чиновникъ, органъ и представитель правительства. Между тѣмъ, подготовлялось великое внутреннее движеніе, пришедшее къ окончательному выводу въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, движеніе, объединяющее отдѣльныя группы въ большія государственныя массы. Образовались вездѣ двѣ такія массы: съ одной стороны, растертыя въ мелкій порошокъ единицы, съ другой—поставленное во главѣ государствъ – правительство—лицо юридическое, имѣющее свою честь, превыше всѣхъ честей и распространяющее ее

и на свои органы. Этотъ конечный результатъ движенія выразился и въ теоріи, въ атомистической теоріи общества, растертаго въ порошокъ, допускающей либо честь единоличную, либо честь государственную и народную, но не допускающую посредствующихъ коллективныхъ честей. Эта теорія до того вѣлась въ умы, что имѣетъ множество послѣдователей. Тѣмъ не менѣе, не на ней остановилось движеніе, оно пошло по иному направленію. Усилія общественныя клонятся къ тому, чтобы изъ песчинокъ единицъ сплачивались общественные союзы и корпораціи, совсѣмъ не похожія на средневѣковыя касты и привилегированныя сословія, корпораціи общественныя или профессіональныя по роду занятій. Въ каждой такой корпораціи чувство чести есть огромная моральная сила, которую надо хранить и развивать, пріучать каждаго изъ своихъ членовъ стоять за свою честь и за честь корпоративную, устраняя общими силами изъ корпораціи всякую скверну и стараясь высоко держать свое корпоративное достоинство и свою репутацію. Коль скоро эти корпоративныя группы организованы, самое отстаиваніе корпоративной чести возлагается не на случайныя единицы и на произволъ отдѣльныхъ членовъ, а на представителей группы, на ихъ начальство. При этомъ только порядокъ преслѣдованія за общую честь получаетъ нормальный видъ; нельзя же предоставить каждому право судить вступаться за честь своего полка, когда есть старшіе, есть офицеры и командиръ, которые обязаны прежде всего честь эту охранять. Въ такомъ видѣ представляется мнѣ вопросъ въ жизни. Что касается литературы, то я, къ сожалѣнію, долженъ прежде всего возвратить моему сотоварищу по званію, г. Михайлову, который приписываетъ мнѣ, чего я отъ него не ожидалъ, что я выдумалъ обвинителя—юридическое лицо, чтобы запастись кассаціоннымъ поводомъ на всякій случай.

Еще въ 1881 году въ № 1-мъ Журнала Министерства Юстиціи я помѣстилъ статью о преступленіяхъ противъ чести частныхъ лицъ, въ которой обстоятельно доказывалъ, что честь существуетъ и у юридическихъ лицъ, что юридическое лицо можетъ быть объектомъ клеветы. Въ томъ же

духѣ и направленіи было много ведено политики съ Лохвицкимъ по вопросу, какое изъ двухъ юридическихъ понятій правильнѣе: клевета или диффамація. Моимъ наставникомъ въ этомъ спорѣ былъ берлинскій проф. Бернеръ, котораго учебникъ переведенъ Неклюдовымъ. Отъ бернеровской идеи Неклюдовъ потомъ отступился въ руководствѣ для мировыхъ судей; онъ и Фойницкій полагаютъ, что объектомъ клеветы можетъ быть только честь физическаго лица. Я признаю, что этотъ взглядъ преобладаетъ у нѣмецкихъ ученыхъ, но я могу сослаться на англичанъ и на французовъ. Позвольте мнѣ гг. сенаторы, прочесть выдержку изъ весьма недавно вышедшей (1890 г.) монографіи французскаго профессора права Вормса подъ заглавіемъ «Attentats à l'honneur»:

«Возникаетъ вопросъ о возможности оскорбленія гражданскаго лица, называемаго также нравственнымъ лицомъ, то есть существа, созданнаго законодателемъ, сообщившимъ имъ юридическое существованіе, лишенное существованія физическаго. Въ сущности фикція законодателя оберегаетъ совокупность существъ человѣческихъ. Только ради сплоченія ихъ во едино съ извѣстной точки зрѣнія послѣдовало вмѣшательство законодателя. Почему же, въ такомъ случаѣ, коллективизмъ, которому законъ или его уставъ, утвержденный надлежащимъ образомъ, придаетъ самостоятельное значеніе такъ и органы, предназначенные для охраны его интересовъ, не чувствовали бы во всѣхъ своихъ членахъ нанесенную по отношенію ко всѣмъ имъ обиду? Почему бы ему не быть правоспособнымъ для преслѣдованія, посредствомъ своихъ органовъ возмездія, за ударъ, нанесенный его членамъ, могущій также отражаться и на всѣхъ предоставленныхъ его вѣдѣнію интересахъ?»

Я не считаю себя вправѣ утруждать сенатъ какими либо дальнѣйшими научными ссылками или цитатами. Я боюсь, чтобы засѣданіе суда не превратилось въ засѣданіе академіи, разбирающей какой либо отвлеченный вопросъ. Меня болѣе занимаетъ практика, нежели наука. Въ судопроизводствѣ англійскомъ и сѣверо-американскомъ вездѣ допускается преслѣдованіе за пасквили или libeles и со стороны частныхъ лицъ, и со стороны корпораціи. Во Франціи законъ о прест.

1881 г. 29 іюля въ § считаетъ диффамаціей приписываніе или вмѣненіе фактовъ, причиняющихъ ущербъ чести или репутаціи лица или корпораціи (corps), которымъ фактъ приписывается. Въ нѣмецкомъ имперскомъ кодексѣ, дѣйствующемъ съ 1-го января 1872 г., ст. 189 гласитъ, что наказуемо клеветническое приписываніе «другому» дѣяній, которыя унижаютъ его достоинство или причиняютъ вредъ его кредиту. На этомъ основаніи торговыя фирмы и акціонерныя общества вчинаютъ въ Германіи дѣла о клеветахъ. Какъ бы не рѣшили вопросъ по наукѣ или по сочиненіямъ иностранныхъ авторовъ, или по иностраннымъ законодательствамъ и практикѣ, какъ только мы перейдемъ къ русскому праву, то будемъ поставлены въ необходимость признать право юридическаго лица на коллективную честь и признать, вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта коллективная честь предъ судомъ нашимъ ограждаема. Когда было издано уложеніе о наказаніяхъ 1845 г., въ немъ помѣщена была одна статья 2095, теперь соотвѣтствующая 1535, которая преслѣдовала клевету, какъ несправедливое обвиненіе кого нибудь, или жену его, или членовъ его семейства въ дѣяніи, противникомъ правиламъ чести. Такъ какъ никакой другой статьи не было о заочномъ оскорбленіи, то возникалъ вопросъ: могутъ ли по этой статьѣ охранять честь юридическія лица, которыя непосредственнымъ обидамъ и подвергаться не могутъ? Такъ учили тогда, и мы знаемъ, что юридическія лица могутъ искать о клеветѣ, противъ нихъ направленной.

Въ 1865 г. апрѣля 6-го дня изданы были временныя цензурныя правила, которыхъ уголовныя постановленія были потомъ размѣщены, по возможности и какъ попало, въ соотвѣтствующія главы и отдѣлы уложенія. Такимъ образомъ, въ 1039 ст. введена была диффамація, между тѣмъ какъ въ ст. 1535 оставлена по прежнему клевета; двѣ квалификаціи оскорбленія чести, считавшіяся въ другихъ законодательствахъ несогласимыми и исключающими себя взаимно. Изъ помѣщенія диффамаціи, совершенно при томъ случайнаго, въ раздѣлѣ о преступленіяхъ противъ общественнаго благочинія нельзя вывести никакого заключенія. Охраняется честь оскорбленныхъ, жизнь частная и домашняя людей,—она для

сужденія о нихъ въ печати закрыта по правилу: la vie privée doit être murée,—но дѣятельность ихъ общественная обсуждается безнаказанно даже и съ другой стороны, подъ условіемъ доказать справедливость позорящихъ обстоятельствъ. Громадный шагъ впередъ въ техническомъ отношеніи, преимущество 1039 ст. предъ 1535 заключается въ томъ, что право на искъ о диффамаціи прямо признано за юридическими лицами, должностными мѣстами, обществами и учрежденіями. Правительствующій сенатъ не только не раздѣлилъ, но связалъ обѣ статьи 1039 и 1535, установивъ по дѣламъ Крымова 1871 г. № 157 и Ватсона 1875 г. № 571, что клевета и опозореніе тождественны по внѣшнимъ признакамъ и по формѣ оскорбленія и что разница только въ томъ, какое субъективное бываетъ отношеніе потерпѣвшаго лица къ оскорбленію. Всякое лицо, а, слѣдовательно, всякое учрежденіе и общество вступается за себя, либо требуя наказанія за оглашеніе факта, наказуемое, хотя бы фактъ былъ правдивъ, или оно вооружается, зная, что оглашенъ былъ фактъ несправедливый и лживый. Статьею 1039 обществамъ прямо предоставлено вчинать иски и о клеветѣ, требуя болѣе удовлетворяющаго ихъ нравственнаго осужденія и болѣе строгаго наказанія. Еслибы юридическому лицу, за которымъ признало право на честь, отказано было вчинать искъ о клеветѣ, а разрѣшено только жаловаться объ опозореніи, то оно было бы, безъ всякаго о томъ постановленія закона, принижено по отношенію къ физическимъ лицамъ въ возможности отстаивать эту признанную закономъ честь юридическаго лица и не имѣло бы возможности полнаго ея возстановленія. Если признать, что право на честь принадлежитъ юридическимъ лицамъ по нашему закону (1039 ст. ул.), то имъ не можетъ не принадлежать право на полное возстановленіе этой чести преслѣдованіемъ за клевету, притомъ въ судахъ нашихъ ведутся часто дѣла объ о клеветаніи юридическихъ лицъ. Я приводилъ въ палатѣ факты, что еще недавно, 22-го января 1890 г., разбираемо было во 2-мъ отдѣленіи спб. окружнаго суда дѣло объ оклеветаніи конкурса по дѣлу Мясниковыхъ Котовымъ и Калантаровымъ. Я приводилъ рѣшеніе спб. окружнаго суда и палаты объ оклеве-

таніи общества «Кавказъ и Меркурій»; присяжный повѣренный Михайловъ приводилъ мое дѣло по иску со стороны Рязанской желѣзной дороги противъ Краевскаго въ клеветѣ.

Что же касается практики сената, то я не знаю, доходили ли дѣла объ оклеветаніи юридическихъ лицъ до кассаціоннаго департамента сената, но есть цѣлый томъ рѣшеній объ оскорбленіяхъ юридическихъ лицъ, доходившихъ въ сенатъ въ апелляціонномъ порядкѣ съ 1876 по 1884 годъ. Въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ побывала масса такихъ дѣлъ. Царицынское уѣздное земское собраніе преслѣдовало въ 1872 г. редактора «Современныхъ извѣстій» Гилярова-Платонова; издатель «Тифлисскаго вѣстника» Бебутовъ осужденъ за опозореніе Тифлисской больницы, а издатель «Голоса» Краевскій за оскорбленіе Попечительнаго комитета о тюрьмахъ; Озмидовъ, редакторъ «Новороссійскаго телеграфа» судился въ 1882 г. за оскорбленіе Елисаветградской инженерной дистанціи.

Очень характерно, что большею частію за оскорбленныхъ вступается начальство учрежденія, а привлеченные къ суду возражаютъ противъ такого привлеченія. Но сенатъ оставлялъ жалобы безъ послѣдствій, когда жаловался губернаторъ Эстляндскій въ 1869 г. на Стравинскаго и Салова за оскорбленіе Эстляндскаго губернскаго начальства; въ 1872 г. главноуправляющій IV отдѣленіемъ Императорской канцеляріи за оскорбленіе Воспитательнаго дома: въ 1874 г. военный министръ за оскорбленіе издателемъ «Русскаго Міра» Комаровымъ всѣхъ военныхъ судовъ имперіи; 1878 г. главноуправляющій IV отдѣленіемъ Императорской канцеляріи за оскорбленіе родовспомогательнаго заведенія. Любопытны дѣла и приговоръ о «Сынѣ Отечества», редактированномъ Успенскимъ, за опозореніе въ 1882 г. Екатерининской гимназіи. Искалъ за честь гимназіи ея директоръ, а сенатъ призналъ, что оскорблена гимназія, не оскорбленъ лично самъ директоръ. По дѣлу 1878 года объ оскорбленіи городской Одесской думы «Одесскимъ Вѣстникомъ», которое велось въ порядкѣ прокурорскаго обвиненія, сенатъ призналъ, что оскорблена не дума, а одинъ изъ членовъ, Поляковъ.

Такимъ образомъ, практика сената различаетъ часто два

юридическія лица, изъ которыхъ одно меньшее преслѣдуетъ противника за опозореніе другого большаго, котораго оно является представителемъ. Эти два юридическія лица, изъ которыхъ одно жалобщикъ, а другое потерпѣвшій отъ преслѣдуемаго преступленія, смѣшиваются постоянно обвинителями, что и постараюсь доказать.

Когда въ палатѣ нами былъ поднятъ преюдиціальный вопросъ о физическихъ лицахъ, или юридическомъ лицѣ, то сначала былъ поставленъ и рѣшенъ въ частномъ опредѣленіи палаты только вопросъ, кто долженъ считаться частнымъ обвинителемъ: правленіе, какъ юридическое лицо, или его члены? Объясняя смыслъ частнаго опредѣленія, предсѣдатель прямо объявилъ обвинителямъ и, такъ сказать, подчеркнулъ, что истецъ есть составъ правленія банка. Мои противники возрадовались, воображая, что вода теперь—на ихъ колесо, то есть что палата понимаетъ подъ названіемъ личный составъ именно то, о чемъ они постоянно твердили, т.-е. наличный составъ правленія въ данный моментъ времени. Это, гг. сенаторы, чистѣйшее недоразумѣніе: подъ составомъ правленія обвинители понимали одно, палата—другое. По взгляду палаты, во главѣ банка со дня его возникновенія стоитъ одно непрерывающееся, постоянное юридическое лицо, по мнѣнію же обвинителей,—совокупность мѣнявшихся въ правленіи лицъ физическихъ. Противоположность взглядовъ можно пояснить сравненіемъ. Если бы спросили, что такое рѣка?—то обвинители бы отвѣтили: рѣка есть совокупность всѣхъ водяныхъ капель, обрѣтающихся въ руслѣ въ данный моментъ времени. Нѣтъ, отвѣтила бы палата, потому что пока произносилась фраза о томъ, что рѣка есть совокупность капель текущей воды, уже тѣ капли утекли, другія заняли ихъ мѣсто и весь составъ водяной массы видоизмѣнился. Мы присутствовали при спорѣ, который напоминалъ средневѣковые философскіе диспуты номиналистовъ съ реалистами, что такое правленіе? По мнѣнію номиналистовъ—обвинителей это пустой звукъ, обозначающій А. В. С., лицъ, которыя въ немъ сидѣли въ извѣстный моментъ. Палата же говоритъ: вовсе не разныя лица, а само правленіе, оно одно есть и останется, кто бы въ немъ ни

сидѣлъ, сегодня A. B. C., а завтра X. Y. Z. Въ Тульскомъ правленіи былъ, именно, такой случай, наглядно доказывающій правильность послѣдняго взгляда. Въ числѣ членовъ правленія находился г. Квистъ, и жалоба его со смертію его пропала. Если бы всѣ тѣ, которые подали жалобу отъ правленія умерли, развѣ эта жалоба не продолжалась бы? Конечно, продолжалась бы, потому что довѣренности правленія не теряютъ силы, если бы даже всѣ подписавшіе ее члены правленія вышли изъ правленія. Оспаривая возможность быть истцомъ по дѣлу о клеветѣ правленія банка, какъ юридическаго лица, наши противники разсуждаютъ такимъ образомъ. Дѣло о клеветѣ, имѣвшей объектомъ общество Тульскаго банка, могло бы быть возбуждено правленіемъ только въ двухъ случаяхъ: если уставъ Спб.-Тульскаго банка предоставляетъ правленію вчинать иски объ оскорбленіи чести банка или если бы состоялось постановленіе общаго собранія акціонеровъ банка о томъ же. Я повиню противниковъ въ непослѣдовательности. Говорятъ, если бы было постановленіе общаго собранія акціонеровъ, искъ о клеветѣ могъ бы быть начатъ. Слѣдовательно, они признаютъ, что юридическое лицо имѣетъ право на коллективную честь, которую можетъ осуществлять чрезъ свои органы. Я полагаю при томъ, что правленіе помимо своего устава вправѣ вчинать подобные иски. Я вывожу это изъ слѣдующихъ соображеній: по § 72 устава Спб.-Тульскаго банка правленіе заботится о пользахъ банка, по § 88 къ непремѣнному вѣдѣнію общихъ собраній акціонеровъ отнесено разрѣшеніе правленія предъявлять гражданскіе иски или уголовныя обвиненія. По 2, 179 ч. I т. X предоставлено правленію рѣшать дѣла, нетерпящія отлагательствъ, своею властію, донеся только объ этомъ общему собранію, что и было исполнено правленіемъ въ настоящемъ случаѣ. Правленіе доложило общему собранію о начатіи дѣла о клеветѣ противъ г. Нотовича, и общее собраніе это дѣйствіе одобрило и утвердило. Странный взглядъ у кассаторовъ. Будто бы произвольное возбужденіе дѣла правленіемъ не должно имѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ то послѣдствіе, что предъявленныя обвиненія были бы прекращаемы неодобряющими ихъ общи-

ми собраніями? Конечно, такъ; но это прекращеніе могло бы имѣть мѣсто и со стороны правленія, если бы его составъ измѣнился на выборахъ. Предположимъ, что въ члены правленія были бы избраны гг. Михельсонъ или Глуховской, или ихъ соперники. Конечно, первымъ ихъ дѣломъ было бы обвиненіе противъ г. Нотовича прекратить. Я уже сказалъ, что вопросъ о томъ, кто жалобщикъ, рѣшенъ палатою въ самомъ началѣ судоговоренія, рѣшенъ правильно, но этимъ рѣшеніемъ не предрѣшенъ еще другой, независимый отъ него вопросъ, кто же потерпѣвшій отъ преступленія, и я полагалъ и развивалъ передъ палатою ту мысль, что потерпѣвшее лицо есть самъ банкъ со всѣми своими акціонерами, облигаціонерами и совокупностью матеріальныхъ интересовъ, которые связаны съ существованіемъ банка. Палата иначе взглянула на этотъ предметъ. Она признала, что по настоящему дѣлу потерпѣвшее лицо есть само правленіе, потому что въ сужденіяхъ «Новостей», выдаваемыхъ за клевету, говорится о дѣйствіяхъ коллективныхъ одного только правленія, о томъ, что правленіе, какъ коллегія, позволяетъ себѣ неправильности и нарушеніе устава и закона. Мнѣ кажется, что палата разсудила совершенно правильно. Положимъ, что по выборамъ въ правленіе вошелъ бы въ правленіе г. Михельсонъ или Глуховскій, онъ бы обрѣтался, конечно, въ меньшинствѣ, но, можетъ быть, онъ же сообщилъ «Новостямъ» извѣстныя данныя о совершающихся въ банкѣ закононарушеніяхъ, по его иниціативѣ могла бы быть ведена въ газетѣ политика противъ банка, а правленіе, по большинству голосовъ, рѣшило преслѣдовать г. Нотовича.

Позвольте мнѣ, гг. сенаторы, закончить мою рѣчь опроверженіемъ остающихся неразобранными мною кассаціонныхъ поводовъ. Кассаторы утверждаютъ, что ст. 585 уст. угол. суд. нарушена. Въ этой статьѣ говорится, что частные обвинители и гражданскіе истцы могутъ явиться лично въ судъ или прислать вмѣсто себя повѣренныхъ. Они говорятъ, что этотъ законъ нарушенъ, потому что нѣкоторые изъ нихъ не были допущены до участія въ дѣлѣ. Извѣстно, что были допущены имѣвшіе довѣренности отъ правленія: Масловскій и прис. пов. Михайловъ. Если палатою были устранены

гг. Масленниковъ, Черкасовъ и Косматоровъ, то они только самимъ себѣ должны приписать это удаленіе. Если бы они не возбуждали преюдиціальнаго вопроса, то они преспокойно сидѣли бы и объяснялись бы до самаго конца. Но разъ они возбудили этотъ вопросъ и судъ призналъ, что они не гражданскіе истцы и не частные обвинители, то потерявъ этотъ характеръ, по потребованному ими постановленію суда, они должны были выбыть изъ дѣла. Кассаторъ приводитъ рѣшеніе сената по дѣлу Владикавказской жел. дороги съ Акимовымъ 1884 г., № 18, по которому постановлено допускать владѣльцевъ желѣзнодорожныхъ предпріятій и самыя правленія желѣзнодорожныхъ обществъ въ качествѣ гражданскихъ отвѣтчиковъ по дѣламъ объ увѣчьяхъ при эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ. Сенатъ въ этомъ рѣшеніи отступилъ отъ общихъ законовъ гражданскихъ, по которымъ юридическія лица могутъ являться въ судъ не въ цѣломъ своемъ составѣ, а только въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ, признавъ, что только эти желѣзнодорожные отвѣтчики могутъ являться in corpore и давать свои объясненія. Но я замѣчу, что само учрежденіе гражданскихъ отвѣтчиковъ по уголовнымъ дѣламъ есть нововведеніе, котораго распространеніе вовсе не желательно, и что это есть изъятіе, которое не имѣетъ ничего общаго со случаемъ, который разбирается въ сенатѣ теперь. Кассаторы жалуются, что апелляція не была цѣликомъ прочитана и что ихъ объясненія на апелляцію не были и совсѣмъ по содержанію своему доложены. Я полагаю, что и этотъ мотивъ неправильно поставленъ. Судопроизводство у насъ устное, апелляціи не читаются, а только излагаются въ главныхъ чертахъ, если есть на лицо самъ апелляторъ, который можетъ представить устное объясненіе. Спрашивается: были ли въ засѣданіи на лицо частные обвинители въ качествѣ участвующей въ дѣлѣ стороны? Конечно, были на лицо и даже вмѣшивались и дѣлали замѣчанія на доклады; наконецъ, при объявленіи рѣшенія въ окончательной формѣ, они, въ качествѣ участвовавшихъ въ засѣданіи, сдѣлали отмѣтки въ протоколѣ. Какъ же это такъ? Опять совмѣстительство двухъ функцій: либо присутствовали, либо отсутствовали. Если они отсутствовали, то

имъ не слѣдовало подписываться на протоколѣ, а если присутствовали, то имъ нельзя жаловаться на протоколъ и сжатость доклада.

Еще одинъ кассаціонный мотивъ, противъ меня направленный. Я, будто-бы, представилъ палатѣ не подлежащее пріему рѣшеніе сената, какъ аппелляціонной инстанціи, по дѣлу г. Куликова отъ 20-го февраля 1890 г., хотя сама палата замѣтила, что это рѣшеніе относится къ диффамаціи, а не къ клеветѣ. Но она приняла это рѣшеніе къ свѣдѣнію, когда удостовѣрилась изъ словъ моихъ, что оно разъясняетъ объективную сторону преступленія, которая по сенатскимъ рѣшеніямъ тождественна и въ диффамаціи, и въ клеветѣ. Кассаторъ жалуется еще, что палата не подчинилась кассаціоннымъ рѣшеніямъ новѣйшаго направленія, что, главнымъ образомъ, она не руководствовалась рѣшеніями по дѣламъ г. Лангауза 1886 г. № 42, Федорова 1886 г. № 34 и Ахшарумова 1885 г. № 33. На основаніи этихъ рѣшеній само содержаніе вопроснаго листа должно быть обязательно редактируемо такъ: виновенъ ли въ томъ, что онъ незавѣдомо правдиво обвинялъ, между тѣмъ какъ по закону и по прежнимъ рѣшеніямъ ставилось: виновенъ ли А. въ томъ, что онъ завѣдомо правдиво обвинялъ №№. Это требованіе въ высшей степени странное. Вопросъ ставятъ по признакамъ для каждаго преступленія, въ законѣ уголовномъ предусмотрѣнномъ, а не по кассаціоннымъ рѣшеніямъ, которыя равнаго мѣста съ закономъ занимать не могутъ. При этомъ вопросъ о субъективной завѣдомости въ настоящемъ дѣлѣ не имѣлъ никакого значенія. Въ клеветѣ прежде всего спрашивается: было ли обвиненіе несправедливое, т. е. оглашена ли объективная ложь. Затѣмъ, если оглашенное не ложь, то откуда бы ни почерпнулъ свѣдѣнія огласитель, отъ лицъ, которыхъ онъ не можетъ назвать, изъ слуховъ или даже по своимъ предположеніямъ и догадкамъ, отъ наказанія онъ свободенъ, потому что обнаружилось, что онъ не обвинялъ другое лицо несправедливо.

Я извиняюсь за долгое время, въ теченіи котораго я васъ утруждаю моею рѣчью, и прошу оставить жалобу противниковъ безъ послѣдствій.

аключеніе давалъ и. д. оберъ-прокурора В. А. Желиховскій.

Рѣшеніе Сената состоялось слѣдующаго содержанія:

Правительствующій Сенатъ остановился на указаніяхъ кассаціонной жалобы прис. повѣр. Михайлова относительно неправильнаго устраненія судебною палатою отъ участія въ настоящемъ дѣлѣ, въ качествѣ частныхъ обвинителей, явившихся въ засѣданіе палаты членовъ правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, а также предсѣдателя означеннаго правленія—Масловскаго и его, Михайлова, какъ представителей интересовъ личнаго состава этого правленія. По этому предмету изъ подлиннаго производства правительствующій сенатъ усмотрѣлъ, что въ окружномъ судѣ и судебной палатѣ защитникомъ подсудимаго редактора-издателя газеты «Новости» Нотовича, прис. повѣр. Спасовичемъ былъ возбужденъ вопросъ о томъ: кто долженъ быть признанъ по дѣлу частнымъ обвинителемъ—правленіе ли банка, въ смыслѣ юридическаго лица, или рядъ отдѣльныхъ лицъ, членовъ этого правленія? Вопросъ этотъ, по объясненію прис. повѣр. Спасовича, вызванъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что помимо первоначальной жалобы, послужившей поводомъ къ судебному преслѣдованію подсудимаго Нотовича за клевету, къ дѣлу пріобщены еще двѣ другія жалобы, изъ которыхъ одна—отъ члена правленія С.-Петербургско-Тульскаго банка, Костомарова—не была, какъ того требуетъ правило, изложенное въ 35 ст. ус. уг. суд., представлена для примирительнаго разбирательства къ мировому судьѣ, а другая, дополнительная къ первоначальной, подана прис. повѣр. Михайловымъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ отдѣльныхъ членовъ правленія банка. Изложенный вопросъ разрѣшенъ окружнымъ судомъ въ смыслѣ признанія частнымъ обвинителемъ по настоящему дѣлу личный составъ правленія банка, какъ потому, что предложенныя на разсмотрѣніе суда статьи газеты «Новости» не выдѣляютъ особо дѣятельности кого-либо изъ членовъ правленія упомянутаго банка и имѣютъ своимъ объектомъ не юридическое лицо, какъ таковое, а дѣятельность личнаго состава правленія за извѣстный періодъ времени, такъ и потому, что выраженіе въ первоначальной жалобѣ «правленіе банка», отъ имена котораго она подана, употреблено въ значеніи личнаго состава правленія Съ своей стороны, судебная палата нашла, что въ первоначальной жалобѣ подсудимый Нотовичъ обвинялся въ оклеветаніи всего состава правленія банка, а не отдѣльныхъ членовъ въ частности; что только эти жалоба, въ исполненіе требованія 35 ст. уст. уг. суд., была у мирового судьи и что заявленное при производствѣ предварительнаго слѣдствія и

въ засѣданіи суда членами правленія банка обвиненіе въ клеветѣ ихъ лично не было на разрѣшеніи у мирового судьи и имъ не было подано въ судъ жалобы, указанной 3 п. 543 ст. уст. уг. суд., такъ какъ принесенная прис. повѣр. Михайловымъ отъ лица ихъ дополнительная жалоба не можетъ измѣнить значенія первоначальной жалобы, предъявленной правленіемъ банка, какъ основанія судебнаго разбирательства, и должна составлять лишь дополненіе къ первой, а потому палата пришла къ заключенію, что частнымъ обвинителемъ долженъ быть признанъ весь составъ правленія банка въ совокупности, а не отдѣльные его члены, вслѣдствіе чего и устранила отъ дѣла явившихся въ засѣданіе палаты членовъ правленія банка, а также предсѣдателя этого правленія, Масловскаго и прис. повѣр. Михайлова, какъ уполномоченныхъ личнымъ составомъ правленія. Но такое заключеніе палаты представляется лишеннымъ правильнаго основанія. Оглашенныя въ печати позорящія обстоятельства могутъ быть отнесены или къ отдѣльнымъ прямо указаннымъ должностнымъ или частнымъ лицамъ, или же къ опредѣленному по времени составу какого-либо правительственнаго, общественнаго или иного учрежденія. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ каждый членъ даннаго учрежденія въ отдѣльности, такъ и всѣ они въ совокупности могутъ предъявить къ виновному обвиненіе въ клеветѣ и что, при условіи подачи жалобы опредѣлительно указаннымъ составомъ учрежденія, жалоба эта иного значенія, какъ коллективной, имѣть не можетъ и, слѣдовательно, не лишаетъ каждаго изъ лицъ, оную принесшихъ, права защищать свою честь на судѣ лично или черезъ повѣреннаго. Поэтому, хотя первоначальная жалоба, поданная прокурору окружнаго суда по настоящему дѣлу, и озаглавлена „отъ правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка“, но такъ какъ въ ней указывается, что статьи газеты „Новости“, напечатанныя въ № 354 за 1888 г. и №№ 6 и 13 за 1889 г., заключаютъ въ себѣ прямое обвиненіе въ дѣяніяхъ, преступныхъ и противныхъ правиламъ чести, поименованнаго въ жалобѣ состава означеннаго правленія, то нельзя не признать, что всѣ члены этого состава въ совокупности и каждый изъ нихъ въ отдѣльности, какъ участники въ коллективной жалобѣ, въ правѣ были поддерживать на судѣ предъявленное ими противъ подсудимаго Нотовича обвиненіе въ клеветѣ лично или черезъ повѣреннаго и что препятствіемъ этому не могло служить то обстоятельство, что въ жалобѣ не указывалось на позорящую оцѣнку дѣятельности каждаго изъ членовъ правленія банка въ частности, такъ какъ обвиненіе даннаго состава пра-

ленія банка въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести, заключаетъ въ себѣ и обвиненіе каждаго изъ членовъ его въ частности. Засимъ, относительно отдѣльной жалобы члена правленія С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, Костомарова, не подписавшаго первоначальной жалобы, нельзя не замѣтить, что въ виду тождественности ея по содержанію съ этою послѣднею и заявленія его, что онъ считаетъ себя оскорбленнымъ оглашенною въ газетѣ „Новости“ клеветою, въ качествѣ участника въ общей дѣятельности правленія банка, жалоба эта имѣетъ значеніе присоединенія просителя къ первоначальной коллективной жалобѣ и что несоблюденіе по отношенію къ ней обряда примиренія у мирового судьи не освобождало судебную палату отъ обязанности войти въ разсмотрѣніе этой жалобы, ибо независимо отъ того, что къ дѣламъ частнаго обвиненія, производящимся въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, ст. 35. ус. уг. суд., въ виду новой редакціи ст. 54[6] того устава, по закону 21 мая 1891 г. (Сборн. узак. и расп. прав. № 57, ст. 601), примѣненія не имѣетъ, примиреніе было предложено сторонамъ при производствѣ дѣла въ окружномъ судѣ, что представлялось вполнѣ возможнымъ, такъ какъ правило ст. 35 ус. уг. суд. опредѣляло только порядокъ, въ которомъ означенныя дѣла подлежали прекращенію съ наибольшими удобствами какъ для самихъ тяжущихся, такъ и для суда (рѣш. 1868 г. № 948 и друг.). Признавая, такимъ образомъ, что частными обвинителями по настоящему дѣлу являются члены С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка, предъявившіе противъ подсудимаго Нотовича обвиненіе въ клеветѣ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что устраненіемъ ихъ отъ участія въ настоящемъ дѣлѣ судебная палата допустила существенное нарушеніе ст. 585 ус. уг. суд., вслѣдствіе чего приговоръ ея не можетъ быть признанъ въ силѣ судебнаго рѣшенія.—По этимъ соображеніямъ, не касаясь другихъ указываемыхъ въ жалобѣ прис. повѣр. Михайлова нарушеній и не входя въ обсужденіе вопроса о томъ, можетъ ли юридическое лицо быть объектомъ клеветы, какъ непосредственно изъ дѣла не вытекающаго, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ приговоръ с.-петербургской судебной палаты по настоящему дѣлу, за нарушеніемъ ст. 585 ус. уг. суд., отмѣнить и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ ту же палату въ другомъ составѣ ея присутствія.

Засѣданіе уголовнаго департамента с.-петербургской судебной палаты съ 10 по 13 февраля 1893 года.

Предсѣдательствовалъ Н. А. Николаевскій, члены палаты: И. В. Денисенко и Н. Э. Ридигеръ; въ качествѣ обвинителей явились: прис. повѣр. Михайловъ, г. Масловскій и г. Масленниковъ; защитникомъ г. Нотовича выступилъ прис. повѣр. П. Я. Александровъ.

По прочтеніи обширнаго доклада о производствѣ этого дѣла въ трехъ инстанціяхъ и по выслушаніи пространныхъ объясненій повѣреннаго состава правленія банка, прис. повѣр. Михайлова, и частныхъ обвинителей—Масловскаго и Масленникова, слово было предоставлено защитнику обвиняемаго, присяж. повѣр. Александрову.

Прис. повѣр. Александровъ. Гг. судьи! На страницахъ уложенія о наказаніяхъ мирно покоится статья закона, рѣдко тревожимая, рѣдко воспоминаемая, ждущая того желаннаго луча разсвѣта, когда наступитъ и для нея естественный часъ безшумнаго погребенія. А казалось, при ея рожденіи, еще не особенно отдаленномъ, что ей предназначена дѣятельная будущность. Вооруженная мечемъ, довольно таки солиднаго вида, въ формѣ пяти-рублеваго штрафа и шестнадцати мѣсячнаго тюремнаго заключенія, она призвана была стать на стражѣ между порывами къ обличенію существующаго зла и оскорбляемостью носителей всякой чести, умиротворять и уравновѣшивать эти два враждующіе по своей природѣ элемента. Я разумѣю законъ о диффамаціи. Онъ простъ и ясенъ, твердъ и рѣшителенъ. Не оглашай въ печати — заповѣдуетъ онъ—ни о частномъ, ни о должностномъ лицѣ, ни объ обществѣ, ни объ установленіи, никакого такого обстоятельства, которое могло-бы повредить ихъ чести, достоинству или доброму имени. Не все отнималось у печатнаго станка въ его погонѣ за текущими явленіями современной жизни. Прежде всего и самъ законъ допускалъ исключеніе. Наказаніе устраняется, если подсудимый, посредствомъ письменныхъ доказательствъ, докажетъ справедливость позорящаго обстоятельства, касающагося служебной или общественной дѣятельности лица, занимающаго должность по опредѣленію отъ правительства или по выборамъ. Правда, конечно, и то, что лица, занимающія должность по опредѣле-

нію отъ правительства или по выборамъ, если совершаютъ дѣйствія, несоотвѣтствующія чести и достоинству, то, въ большинствѣ случаевъ, не чувствуютъ склонности ввѣрять слѣды этихъ дѣйствій письменамъ, а тѣмъ болѣе выпускать такія письмена въ свободное обращеніе. Остается, затѣмъ, розовая область отрадныхъ явленій. Оглашеніе такихъ явленій не возбранено: въ этой области печать свободна. Хвали—что можно, одобряй—гдѣ нужно, славословь—гдѣ выгодно, ликуй—когда это предоставлено. Никто не оспаривалъ обязательной силы закона о диффамаціи, никто не дерзнулъ возбуждать къ нему неуваженіе,—и, тѣмъ не менѣе, случилось такъ, что жизнь пошла помимо закона. Справедливыя общественныя требованія и необходимости заставили смягчить его безусловныя требованія, и въ этомъ уклоненіи жизни отъ закона оказываются виновными не одно только обывательское самовольство и писательская продерзость; къ уклонному наставленію пріобщили себя и властная рука администратора, и подзаконный взглядъ судьи. Справедливыя, честныя, благонамѣренныя обличенія звучащаго зла болѣе и болѣе становились полезными и необходимыми для общественной дезинфекціи. Правительству не разъ пришлось съ выгодою воспользоваться въ общественныхъ интересахъ разоблаченіями въ печати. Судъ, силою вещей и требованіями времени, побужденъ былъ входить въ оцѣнку цѣли обличенія, цѣли, которая, по буквальному смыслу закона, не должна была бы имѣть значенія для кары. И въ концѣ концовъ, законъ о диффамаціи, въ его практическомъ приложеніи, остался вполнѣ цѣлесообразнымъ лишь въ сферѣ обличенія частной жизни, не имѣющей общественнаго интереса. Общественныя и правительственныя установленія, должностныя лица—сами увидѣли, что законъ этотъ недостаточенъ для реабилитаціи ихъ оскорбленной чести, остающейся подъ сомнѣніемъ и послѣ обвинительнаго приговора надъ диффаматорами. Процессы о диффамаціи стали рѣдки, безцѣнны и мало внушительны. Праздную скамью обвиняемыхъ въ диффамаціи заняли обвиняемые въ клеветѣ. Картина выиграла въ своей граціозности и, скажу, въ симпатичности. Обвинитель являлся уже не съ намордникомъ, готовый набро-

сить его на уста обвиняемаго, какъ только они раскрылись для доказательства справедливости напечатаннаго. Рыцарски честное предвидѣлось въ этой борьбѣ равнымъ оружіемъ и съ уравновѣшенными условіями. Оскорбленный отдаетъ себя публичному изобличенію, онъ требуетъ доказательствъ, оставляя за собою опровергать ихъ. Но иногда прекрасенъ только сверху видъ. Уравновѣшенность условій борьбы въ процессахъ о клеветѣ не легко достижима. Обвинители не расположены дѣлиться тѣми свѣдѣніями, которыя находятся въ ихъ распоряженіи и въ архивахъ. Такъ было и по настоящему дѣлу. Наглядным доказательствомъ разверстки акцій между подставными акціонерами могла бы послужить квитанція банка, по которой заложенныя тамъ акціи г. Масловскаго препровождены временно для общаго собранія въ правленіе Тульскаго банка. Обвиняемый просилъ объ истребованіи такой квитанціи, относящейся къ общему собранію 1881 г.; ему въ этомъ было отказано. Г. Нотовичъ просилъ объ истребованіи отъ правленія банка производствъ по содержанію, ремонту и продажѣ указанныхъ имъ домовъ, оставшихся за банкомъ, въ подтвержденіе неправильностей отчетовъ. Г. Масловскій оспаривалъ право г. Нотовича на подобное ходатайство, и въ ходатайствѣ было отказано. Въ своемъ возраженіи г. Масловскій заявляетъ: „Въ качествѣ частнаго обвинителя я оставляю за собою право представлять только тѣ доказательства и письменные документы, которые я лично признаю необходимыми въ интересахъ разъясненія настоящаго дѣла“ (заявленіе г. Масловскаго судебному слѣдователю). Вотъ вамъ—и равенство борьбы и уравновѣшенность условій! Немудрено, что при такомъ равенствѣ у обвиняемаго, если не совершенно отнимается языкъ, какъ въ процессѣ о диффамаціи, то связывается настолько, что о равенствѣ оружія не можетъ быть и рѣчи. А казалось бы, чего же правителю Тульскаго банка уклоняться отъ возможно широкаго разслѣдованія дѣла и, слѣдовательно, возможно убѣдительнѣйшаго возстановленія ихъ оскорбленной чести? Но недостаточно одного процессуальнаго уравновѣшиванія силъ и средствъ борющихся на судѣ сторонъ. Требованіе этого разъясненія справедливаго взвѣшиванія и опредѣленія

условій и взаимныхъ отношеній автора произведеній и считающаго себя оскорбленнымъ идетъ дальше, идетъ до самаго объема законнаго понятія о клеветѣ. Оскорбленный оглашеніемъ въ печати позорящаго его дѣянія, конечно, всегда и безусловно вправѣ требовать отъ оскорбителя истинности и доказанности напечатаннаго, но мѣра этихъ требованій не можетъ не подлежать извѣстнымъ смягченіямъ и ограниченіямъ,—и не только въ видахъ точнѣйшаго опредѣленія степени и мѣры виновности, но и для разрѣшенія вопроса, существуетъ ли, дѣйствительно, виновность, удовлетворяетъ ли вина самому понятію о клеветѣ. Въ дѣлахъ о преступленіяхъ въ печати, не въ примѣръ дѣламъ о другихъ общихъ преступленіяхъ, судья не можетъ замыкаться исключительно въ сферу уголовнаго кодекса; онъ въ силу необходимости и высшей справедливости долженъ быть политикомъ, какъ органъ общественный, отправляющій свои функціи въ соображеніи условій и потребностей общественной жизни. Но нужно долго жить, чтобы видѣть, какъ измѣняются въ этомъ отношеніи воззрѣнія общества, какъ видоизмѣняется примѣненіе закона, хотя онъ самъ остается тѣмъ же, не имѣя возможности поспѣвать за всѣми этими измѣненіями. Въ дѣлахъ о клеветѣ выступаютъ въ видѣ сторонъ два интереса, оба требующіе своего охраненія: интересъ общественный—обличенія существующаго зла, оглашенія затаившихся отрицательныхъ явленій жизни, ихъ обнаруженія, и интересъ личной оскорбительности, огражденія и возстановленія чести, если только это не есть интересъ огражденія отъ безпокойства и препятствованія нашему нраву, любящему просторъ и неприкосновенность. Характеръ и сила этихъ интересовъ требуетъ особаго взвѣшиванія и не подчиняется одной предустановленной мѣркѣ. Если обличеніе зла, обнаруженіе явленій противозаконныхъ или просто вредныхъ для общественности имѣетъ право въ печати, если оно является однимъ изъ необходимѣйшихъ и наиболѣе сильно дѣйствующихъ средствъ общественной дезинфекціи, то ему долженъ быть данъ соотвѣтственный просторъ, должны быть приняты въ разсчетъ и неизбѣжность ошибокъ, и нѣкоторая неполнота доказательства истинности напеча-

таннаго оглашенія. Такъ и понимаетъ это наша еще молодая въ дѣлахъ печати судебная практика. Предъ нами приговоръ высшаго суда по дѣлу о Куликовѣ. Куликовъ судился по 1039 ст. улож., что, по содержанію приговора, можетъ одинаково относиться и къ дѣламъ о клеветѣ. Въ этомъ приговорѣ мы видимъ, что Куликовъ судился за то, что относительно управы, гдѣ онъ, кстати сказать, и служилъ, онъ напечаталъ заявленіе, въ которомъ, между прочимъ, называлъ служебныя дѣйствія членовъ управы относительно храненія и распоряженія деньгами *систематическимъ хищеніемъ* земскихъ денегъ, т. е. прямо обвинялъ ихъ въ уголовномъ преступленіи тяжкаго свойства. Сенатъ нашелъ выраженіе неумѣстнымъ, но говоритъ, что «оно не служитъ для примѣненія къ Куликову 1039 ст. улож., такъ какъ характеристика не содержитъ въ себѣ прямого указанія на совершеніе членами управы какихъ либо преступныхъ дѣйствій, а можетъ быть относима къ безпорядочному и невыгодному для земства веденію земскихъ дѣлъ». Такой взглядъ и пріемъ совершенно противоположны тому, какимъ пользуются обвинители по настоящему дѣлу. Сенатъ продолжаетъ: «документальныя данныя въ пользу Куликова, содержащіяся въ подробномъ его показаніи при предварительномъ слѣдствіи, а равно приложенныя къ дѣлу выдержки изъ журналовъ земскихъ собраній и удостовѣренія старшинъ содержатъ въ себѣ нѣкоторое подтвержденіе указаній обвиняемаго на непроизводительность ихъ расходованія». На этомъ основаніи сенатъ оправдалъ Куликова. Слѣдовательно, оказалось достаточнымъ не всецѣло, не полное, а лишь нѣкоторое подтвержденіе данныхъ изъ всего обличенія, напечатаннаго Куликовымъ, чтобы признать дѣйствія его не подлежащими наказанію. Вотъ, тотъ пріемъ, который можетъ и долженъ быть, по всей справедливости, примѣняемъ, вообще, къ дѣламъ о печати, когда дѣло идетъ объ обнаруженіи и обличеніи существующаго общественнаго зла. Мѣра требованій по отношенію къ истинности и доказанности напечатаннаго въ обличительной статьѣ, по справедливости, должна степениться въ приложеніи къ отдѣльнымъ случаямъ. Наиболѣе строгими должны быть такія требованія, когда дѣло идетъ объ огла-

шеніи какого-либо дѣйствія изъ домашней жизни частнаго лица. Частная жизнь, по большей части, не имѣетъ никакого общественнаго интереса; оглашеніе ея можетъ служить только удовлетвореніемъ праздная любопытства. Строгія требованія справедливо прилагать, когда дѣло идетъ о лицѣ должностномъ, общественномъ дѣятелѣ, дѣятельность котораго не можетъ охранять свою честь и достоинство гласностію своихъ дѣйствій и которому можетъ быть нанесенъ несправедливымъ оглашеніемъ личный непоправимый вредъ прежде, чѣмъ онъ будетъ въ состояніи оправдаться посредствомъ процесса о клеветѣ противъ своего неосторожнаго или злонамѣреннаго обличителя. Строже можно относиться, когда дѣло идетъ объ оглашеніи какого-нибудь отдѣльнаго, несложнаго дѣйствіями обстоятельства, эпизодическаго явленія, которое удобно можетъ быть провѣрено и изслѣдовано средствами самого обличителя, неосторожность и легкомысліе котораго въ такомъ случаѣ неизвинительны. Совсѣмъ не то, когда дѣло идетъ объ оглашеніи ненормальныхъ, сомнительныхъ и подозрительныхъ дѣйствій цѣлаго сложнаго установленія, какимъ является крупное акціонерное предпріятіе. Здѣсь—и значительность общественнаго интереса, и трудность изслѣдованія и развѣдыванія злоупотребленій. Для посторонняго лица, публициста, здѣсь мало доступная область. Требовать безусловной справедливости и полной доказанности всего того, что въ видѣ слуховъ, случайныхъ свѣдѣній, которыя доходятъ до періодическаго изданія черезъ его сотрудника, корреспондентовъ, репортеровъ и случайныхъ добровольцевъ, значитъ ставить публицистическому обличенію невозможныя условія. А между тѣмъ, акціонерныя предпріятія имѣютъ огромную важность въ нашей экономической, промышленной жизни. Общество заинтересовано въ томъ, чтобы операціи этихъ капиталистическихъ промышленныхъ предпріятій совершались правильно, хозяйственно и законно, чтобы злоупотребленія, которыя туда вкрадываются, открылись и обличились своевременно, потому что отъ этихъ злоупотребленій страдаютъ не только хозяева предпріятій, каковы акціонеры, но и другія лица, вступающія въ отношенія съ компаніею, напримѣръ, облигаціонеры

въ ипотечномъ учрежденіи, вкладчики и т. д. Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ показалъ уже, что въ большей части акціонерныхъ предпріятій,—вопреки мысли и намѣренію закона, разсчитывающаго на ассоціацію мелкихъ капиталистовъ въ акціонерныхъ предпріятіяхъ съ опредѣленнымъ, ограниченнымъ количествомъ голосовъ,—являются заправилами одинъ, два крупныхъ капиталиста, около которыхъ составляется компактная партія, ими же подобранная, съ собственными излюбленными, имъ преданными и имъ повинующимися членами правленія, ревизіонной и оцѣночной коммиссіи, комитетами и агентами. Одни изъ мелкихъ акціонеровъ прилипаютъ инертно къ этой компактной массѣ; другіе, разрозненные, не имѣющіе средствъ сплотиться, органа, чтобы высказаться и сговориться, а то и просто по лѣни и добродушному довѣрію, мало посѣщающіе общія собранія, а если и посѣщающіе, то мало въ нихъ понимающіе, остаются безъ всякаго руководительства, безъ указанія, безъ средствъ самостоятельно слѣдить за дѣйствіями компанейскаго учрежденія, судить и провѣрять правильность операцій. Милліоны народныхъ сбереженій, вложенныхъ въ предпріятіе или связанныхъ съ нимъ, сбереженія небогатаго люда остаются на волѣ и распоряженіи заправилъ, иногда недобросовѣстныхъ, иногда склонныхъ къ риску и азарту. Должна ли печать, слѣдящая за текущими явленіями современной жизни, остаться безмолвною въ виду подозрѣваемой опасности, предусматриваемыхъ нежелательныхъ послѣдствій? А какъ во время предусмотрѣть и предупредить о такихъ послѣдствіяхъ? Какіе къ этому законные и широкіе пути? Акціонерныя предпріятія обязаны къ извѣстной степени гласности, черезъ изданіе отчетовъ, балансовъ, отвѣтовъ на запросы акціонеровъ; но въ балансахъ и отчетахъ и спеціалисты по бухгалтеріи не всегда въ состояніи различить замаскированную ловко истину; запросы и возраженія акціонеровъ заглушаются партіею господствующаго въ предпріятіи лица. Цифры балансовъ, вѣрныя ариѳметически и скрывающія весьма невѣрные пріемы и дѣйствія правителей предпріятія, остаются языкомъ непонятнымъ и недоступнымъ для непосвященныхъ. Потребуйте теперь отъ публициста, который задался полез-

ной мыслью—раскрыть предъ публикою некрасивыя дѣйствія такого учрежденія, который, по дошедшимъ до него слухамъ, по нѣкоторымъ намѣреннымъ неясностямъ въ отчетахъ и балансахъ, заподозрилъ опасныя злоупотребленія, рискованныя операціи,—попробуйте потребовать отъ него точной доказанности и свободныхъ отъ всякой ошибки оглашеній! Онъ долженъ отказаться отъ своего намѣренія, отъ выполненія своихъ полезныхъ и честныхъ побужденій. Обширны ли его средства знать истину? Внутреннихъ распорядковъ ему не покажутъ, объясненій ему не дадутъ, дѣлъ предъ нимъ не откроютъ. Не открыли ихъ предъ г. Нотовичемъ и тогда, когда онъ, привлеченный уже по обвиненію въ клеветѣ, просилъ, въ видахъ разъясненія истины, открыть ему нѣкоторыя прямо указанныя имъ и свидѣтелями дѣла. И послѣ этого хотятъ требовать безошибочности и строгой доказанности малѣйшихъ подробностей оглашенія, его строгаго соотвѣтствія съ дѣйствительностью!.. На вашей памяти, господа, и не рѣдко при вашемъ участіи прошла масса банковскихъ процессовъ. Вы знаете, какъ они долго продолжались, какого напряженія силъ они требовали, и, если послѣ продолжительнаго, тщательнаго и основательнаго слѣдствія, на основаніи данныхъ, провѣренныхъ оффиціальнымъ путемъ и, повидимому, несомнѣнныхъ, составлялись по такимъ дѣламъ обвинительные акты, то и въ этихъ актахъ не разъ обнаруживались и неточности, и недоказанности, и ошибочности, и невѣрное освѣщеніе фактовъ. И не будь на обвинительномъ актѣ казеннаго клейма, марки должнаго, оффиціальнаго характера, то, само собою разумѣется, такой обвинительный актъ, появившись въ печати въ видѣ частной статьи, далъ бы удобный матеріалъ для обвиненія въ клеветѣ, потому что, помимо фактовъ истинныхъ, доказанныхъ, въ немъ нашлись бы и факты ложные, недоказанные, излишества и преувеличенія. Поэтому, повторяю, для опредѣленія наличности клеветы, необходимо сообразовать требованія общественныхъ интересовъ и необходимость обличенія существующаго зла, отрицательныхъ явленій текущей жизни, съ тою степенью доказанности и безошибочности сообщеній, какой можетъ удовлетворить партикулярный ав-

торъ статьи періодическаго изданія. Нельзя оставлять безъ вниманія и то, отъ кого исходятъ статьи. Вѣдь, если-бы ту статью, которую теперь вмѣняютъ намъ въ вину, писалъ членъ правленія, ревизіонной или оцѣночной коммиссіи С.-Петербургско-Тульскаго банка, имѣвшій возможность изучить и знать по своимъ условіямъ положеніе дѣла банка, тогда справедливо было бы требовать со всею строгостью той достовѣрности и доказанности, которая недостижима по тому же предмету для частнаго, посторонняго лица. Но, вѣдь, гг. Градовскій или Нотовичъ были не свои люди въ С.-Петербургско-Тульскомъ банкѣ; они могли получить только отрывочныя свѣдѣнія, провѣрять ихъ только въ мѣру своихъ небольшихъ средствъ разъясненія и разслѣдованія, и, если они, тѣмъ не менѣе, значительную часть сообщенныхъ ими свѣдѣній доказали, то едва ли возможно обвиненіе въ клеветѣ! Но не на этихъ только соображеніяхъ утверждаемъ мы якорь нашей защиты и оправданія. Мы имѣемъ достаточный запасъ доказательствъ истинности тѣхъ оглашеній, которыя содержатся въ инкриминируемыхъ статьяхъ. Сами обвинители признали, что факты, которые относятся къ противоуставностямъ, къ нарушеніямъ порядка, въ дѣйствительности были. То же самое признаетъ и приговоръ окружнаго суда. Что же остается? Остается сравненіе С.-Петербургскаго банка съ Саратовскимъ, чѣмъ мы, будто бы, оклеветали правителей Тульскаго банка. Позвольте сказать нѣсколько предварительныхъ словъ относительно этого сравненія. Какимъ образомъ разбираютъ и обсуждаютъ его? Его вырываютъ изъ статьи и толкуютъ безъ всякаго соотношенія къ содержанію цѣлой статьи. Пріемъ въ корнѣ неправильный. Изъ костюма вырываютъ клокъ; клокъ этотъ разсматриваютъ черезъ микроскопъ, увеличивающій во много разъ, отыскиваютъ подозрительное пятно и заключаютъ. Нѣтъ! судите насъ по всему костюму, а не по тому лоскутку, который вырвали наши обвинители. Гг. судьи! Я не имѣю претензіи открыть въ настоящемъ дѣлѣ какую-нибудь новую Америку; я не задаюсь мыслью предложить вашему вниманію какой-нибудь новый ключъ для разрѣшенія этого дѣла; но по отношенію къ дѣлу, мною защищаемому, я нахожусь въ нѣко-

торомъ особенномъ, скажу даже—счастливомъ положеніи. Я въ немъ—человѣкъ новый. Я вхожу въ него тогда, когда уже борьба давно длится, когда она утомила и вниманіе, и силы борющихся сторонъ, когда уже не разъ склонялась въ боѣ то ихъ, то наша сторона. Прежде, въ качествѣ посторонняго зрителя, поверхностно слѣдя за борьбою, не имѣя причины углубляться въ ея подробности, когда я вошелъ въ дѣло въ качествѣ представителя одной изъ сторонъ и занялся его изученіемъ, я не могъ не замѣтить, что борьба давно покинула ту почву, на которой только она и должна бы вестись и на которой только она и можетъ быть правильно окончена. Споръ давно уже идетъ не о цѣлыхъ инкриминируемыхъ статьяхъ, а объ отдѣльныхъ выраженіяхъ, выхваченныхъ изъ цѣлаго оставленнаго внѣ вниманія содержанія статей. Весь споръ сосредоточился на томъ, были ли въ С.-Петербургско-Тульскомъ банкѣ такіе же фальшивые отчеты, дутыя цифры, выдача небывалыхъ девидендовъ, подставные акціонеры, какъ-то было въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ, по словамъ обвинительнаго акта. Какое мѣсто занимаетъ въ инкриминируемыхъ статьяхъ сравненіе одного банка съ другимъ, до какой степени простирается это сравненіе, какое отношеніе оно имѣетъ къ главной мысли, предмету и изложенію цѣлыхъ статей,—эти вопросы остались забытыми въ жару борьбы сторонъ, удалившихся съ истиннаго мѣста боя. Поэтому, несмотря на то, что инкриминируемыя статьи вамъ извѣстны, позвольте мнѣ, хотя въ возможно краткомъ очеркѣ, проштудировать содержаніе этихъ статей для того, чтобы выяснить, что сравненіе, которое служитъ противъ насъ основаніемъ къ обвиненію въ клеветѣ, не составляетъ ни главнаго предмета, ни сущности самихъ статей; что тѣ выраженія, которыя принимаются за клеветническія, служатъ лишь поясненіемъ главнаго содержанія статей и тѣхъ фактовъ, которые указываются не въ сравненіяхъ, а въ самыхъ статьяхъ; что эти сравненія составляютъ только дополнительную часть главнаго содержанія; что, если исключить эти дополненія изъ статей, то статьи ни въ смыслѣ, ни въ содержаніи, ни въ характерѣ ничего не потеряютъ; что отъ чтенія статей остается лишь впечатлѣніе

ихъ общаго содержанія, а сравненіе теряется изъ виду и забывается. Первая инкриминируемая статья «Новостей» имѣетъ своимъ содержаніемъ сужденія по поводу метаморфозы, происшедшей въ балансахъ 1888 года съ рубрикою «расходы, подлежащіе возврату». Это составило и содержаніе статьи и ея исходную точку. «Въ прежнія времена и даже 1 января 1888 года, говоритъ газета, въ отчетахъ и балансахъ банка неизмѣнно красовалась статья подъ заглавіемъ: «расходы, подлежащіе возврату». Подобное заглавіе было весьма заманчиво. Въ самомъ дѣлѣ, если, за всѣми дѣйствительными расходами, получаются значительныя прибыли, да еще имѣется въ перспективѣ возвратъ какихъ-то временно издержанныхъ суммъ, то чего же и желать лучшаго? Въ балансѣ на 1 декабря, однако, эта успокоительная рубрика совсѣмъ исчезла. Взамѣнъ ея появляется новая: «расходы по имуществамъ, состоящимъ за банкомъ»— на сумму 914,339 руб. 55 коп. Расходы, «подлежащіе возврату», какимъ-то чудомъ исчезли и выставили вмѣсто себя горько-кислую цифру расходовъ, попадающихъ въ бездонную бочку «имуществъ, состоящихъ за банкомъ». «Но что это собственно за имущества, состоящія за банкомъ»?—спросятъ читатели. Вопросъ вполнѣ умѣстный. Это та же исторія, что случилась съ обществами городского взаимнаго кредита или съ пресловутымъ Саратовскимъ банкомъ. Ссуды выдавались широко. Если злоупотребленіе и спекуляція вкрались въ дѣятельность кредитнаго учрежденія, построеннаго на началѣ взаимности, то въ акціонерномъ банкѣ они почти неизбѣжны, это соотвѣтствуетъ самой ихъ природѣ». Затѣмъ непосредственно слѣдуютъ строки, въ которыхъ хотятъ видѣть клевету. Это сравненіе съ Саратовскимъ банкомъ. Прежде всего эти строки сравненія обоихъ банковъ относятся исключительно къ обвиненію въ широкой выдачѣ ссудъ, какъ несомнѣнно явствуетъ изъ предшествующаго текста. Кромѣ какъ объ обширной выдачѣ ссудъ, ни о чемъ другомъ, до этого сравненія, не говорится. Во вторыхъ, сравненіе относится къ С.-Петербургско-Тульскому банку и его операціямъ—безъ указанія на отдѣльные періоды существованія банка и его правленій; поэтому, если наличный

составъ правленія, дѣйствующій съ 1882 года, не считаетъ себя виновнымъ въ широкой выдачѣ ссудъ, то онъ и не имѣетъ никакого повода принимать объясненія въ этомъ отношеніи на свой счетъ. Все, что можетъ принять на себя изъ статьи наличный составъ правленія С.-Петербургско-Тульскаго банка, это ту часть сравненія, въ которой говорится, какъ о послѣдствіяхъ широкой выдачи ссудъ—прикрытіе неизбѣжныхъ прорѣхъ—о мнимыхъ прибыляхъ и недочетахъ первыхъ годовъ существованія банка. На свой счетъ могутъ отнести представители наличнаго состава правленія и отчисленіе, при помощи отчетовъ, болѣе или менѣе кругленькихъ прибылей. Такимъ образомъ, весь пассивъ, который могутъ поставить на нашъ счетъ наши противники по первой инкриминируемой статьѣ, это—обвиненіе ихъ въ прикрытіи убытковъ и недочетовъ и отчисленіи ими въ свою пользу лишнихъ прибылей. Но прежде чѣмъ я буду балансировать этотъ пассивъ,—а буду я его балансировать тогда, когда извлеку истинную сущность всѣхъ инкриминируемыхъ статей,—я предложу краткое изложеніе теперь разбираемой мною статьи. Вы припомните, что выше въ статьѣ было сдѣлано сравненіе С.-Петербургско-Тульскаго банка не только съ Саратовскимъ, но и съ обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита. Сдѣлано было еще болѣе сильное обобщеніе: сказано было, что злоупотребленія и спекуляціи неизбѣжны почти въ акціонерномъ банкѣ. Продолжая въ томъ же смыслѣ статью, авторъ говоритъ: «Искусственные отчеты и мнимыя прибыли необходимы каждому акціонерному банку на первыхъ порахъ его дѣятельности. Безъ этого онъ не добудетъ ни закладчиковъ, ни охотниковъ покупать закладные листы: «Надо поддержать курсъ акцій»—это вамъ скажетъ всякій акціонеръ. Но курсовая цѣна акцій опредѣляется ихъ дивидендомъ. Для выдачи дивиденда необходима прибыль, которую приходится на первыхъ порахъ сочинять, пока операція не расширится. Въ свою очередь, развитіе операцій въ акціонерномъ банкѣ зависитъ отъ широты кредита, которая привлекаетъ заемщика, а широкія условія кредита влекутъ ошибочныя выдачи, несостоятельность отдѣльныхъ заемщиковъ и потери». Таковы рамки и условія дѣятельно-

сти акціонерныхъ банковъ. Весь вопросъ въ томъ, чтобы во время остановиться, во время прекратить первоначальное спекулятивное направленіе дѣятельности, раздѣлаться съ рискованными выдачами, ликвидировать старыя потери». И послѣ такой защитительной тирады, находящейся въ той же статьѣ, гдѣ сдѣлано сравненіе С.-Петербургско-Тульскаго банка съ Саратовскимъ, по поводу широкихъ ссудъ и мнимыхъ прибылей, позволительно ли заключать, что статья имѣетъ цѣлью оклеветаніе банка? Нѣтъ, это не клевета, это—аналогія банковыхъ спекуляцій и противоуставностей, гдѣ берутъ подъ защиту всѣ банки, не исключая, конечно, и С.-Петербургско-Тульскаго. Раздѣляя, далѣе, акціонеровъ на дѣйствительныхъ и спекулянтовъ, газета говоритъ: «Главная задача послѣднихъ заключается въ возможно болѣе продолжительномъ и хотя бы искусственномъ возвышеніи прибыли, даже въ ущербъ всему предпріятію». И тотчасъ продолжаетъ: «Мы не рѣшаемся, конечно, утверждать, что таково, именно, положеніе С.-Петербургско-Тульскаго банка». Болѣе умѣренной и спокойной, болѣе сдержанной критики положенія и операцій банка трудно и требовать. Ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ сдѣлать покойное и правдивое сообщеніе о положеніи дѣлъ банка, запечатлѣны и слѣдующія строки статьи: «Несомнѣнно, что во владѣніи банка очутилось много имуществъ, владѣльцы которыхъ оказались несостоятельными по той простой причинѣ, что полученныя ими ссуды невозможно было оплачивать доходами изъ заложеннаго имущества. Имѣются, говорятъ, и такія имущества, ссуда по которымъ превышаетъ ихъ стоимость. Несомнѣнно, наконецъ, что благоразумная часть дѣйствительныхъ акціонеровъ ежегодно изъ силъ выбивается, чтобы взглянуть въ лицо истинѣ, какова бы она ни была. Правленская же партія, наоборотъ, замедляетъ ликвидацію прежнихъ рискованныхъ и неудачныхъ операцій, такъ какъ прямой интересъ ея возвышать дивиденды на акцію. Чѣмъ больше выведенная по отчетамъ прибыль, тѣмъ крупнѣе и тѣ добавочныя отчисленія, которыя выпадаютъ на долю правленія». Затѣмъ, статья приводитъ свѣдѣнія объ убыткахъ банка отъ продажи оставшихся за нимъ домовъ, переходитъ къ указаніямъ на

неправильныя операціи и оцѣнку принадлежащихъ банку процентныхъ бумагъ, насколько это извѣстно изъ отчетовъ банка, въ указаніи на что сами обвинители не усматриваютъ клеветы, и оканчивается слѣдующимъ: «Желательно, пишутъ намъ, чтобы въ общее собраніе явилось возможно большее число дѣйствительныхъ акціонеровъ, чтобы не дать одному крупному акціонеру (хотя и заложенныхъ акцій) добиться отчисленія высокаго дивиденда въ личныхъ его видахъ». Вотъ, истинная цѣль и существенный выводъ всей статьи. Ни въ какихъ уголовныхъ злонамѣренностяхъ статья не обвиняетъ С.-Петербургско-Тульскій банкъ; сравненіе его съ Саратовскимъ не простирается на всѣ тѣ преступленія, которыя указывались въ обвинительномъ актѣ Саратовскаго банка. Напротивъ, даже возвышенныя ссуды и отчисленіе преувеличенныхъ прибылей на первое время, въ чемъ, собственно, и заключалось сравненіе, оправдываются необходимостью подъ условіемъ остановки во время. Статья имѣетъ цѣлью обратить вниманіе разрозненныхъ акціонеровъ на предстоящее опредѣленіе дивиденда и воспрепятствовать неосторожному исчисленію прибылей. Характера спокойнаго и сдержаннаго—статья не представляетъ и намека на какую-либо клевету, даже просто на опозореніе. Такъ огорчающее нашихъ обвинителей сравненіе съ Саратовскимъ банкомъ забывается и теряется при чтеніи всей статьи, возбуждающей и обсуждающей вопросы, имѣющіе лишь частичное отношеніе къ одной и отнюдь не главной долѣ дѣятельности Саратовскаго банка. Ни о какой Ново-Никольской дачѣ, такъ много фигурировавшей въ Саратовскомъ банкѣ, ни о какомъ позаимствованіи на личныя нужды изъ запаснаго и основнаго капитала, ни объ употребленіи представителями банка цѣнностей банка на ихъ личную биржевую игру, ничего въ этой статьѣ не говорится. Поэтому и сравненіе не можетъ простираться на всѣ тѣ злоупотребленія, которыя существовали въ Саратовскомъ банкѣ и на которыя не указывалось относительно С.-Петербургско-Тульскаго банка. Послѣдняя инкриминируемая статья «Новостей» есть, собственно, полемическая статья противъ газеты «Новое Время». «По нѣкоторымъ случайнымъ обстоятельствамъ, говорится въ статьѣ,

мы уже пятый день остаемся въ долгу передъ «Новымъ Временемъ». Дѣло идетъ о любезномъ вмѣшательствѣ этой газеты въ наши разговоры съ правленіемъ С.-Петербургско-Тульскаго банка». Я прошу обратить вниманіе, что статья эта напечатана 13 января, слѣдовательно, до возбужденія дѣла о клеветѣ, когда г. Нотовичу или автору статьи не было надобности оправдываться въ томъ обвиненіи, которое было предъявлено позже. Объясняя, какую услугу оказываетъ правленію С.-Петербургско-Тульскаго банка нововременная замѣтка, газета обращается къ статьѣ, напечатанной въ № 354, и выражается такимъ образомъ: «Характеризуя общія условія дѣйствій земельныхъ банковъ, построенныхъ на акціонерномъ началѣ, мы сказали: С.-Петербургско-Тульскій банкъ и его операціи то же самое, что Саратовскій банкъ и его операціи». И такъ, вотъ, какъ сама газета опредѣляетъ смыслъ своего сравненія, употребленнаго въ статьѣ № 354. «Характеризуя общія условія дѣйствій земельныхъ акціонерныхъ банковъ», газета сдѣлала сравненіе двухъ банковъ, а не съ цѣлью приписать С.-Петербургскому банку тѣ же и такой же важности преступленія, какія возводились на Саратовскій банкъ. Такъ оно и было, какъ мы видѣли при разборѣ всего содержанія статьи № 354. Продолжая полемику дальше, газета ставитъ вопросъ: «Правы были мы или нѣтъ, сравнивая С.-Петербургско-Тульскій банкъ съ Саратовскимъ? На этотъ вопросъ вполнѣ категорическій отвѣтъ даетъ само опроверженіе правленія С.-Петербургско-Тульскаго банка (напечатанное въ предыдущемъ нумерѣ газеты и изъ которой тутъ же приводится выдержка). «Само правленіе признаетъ,—продолжаетъ та же статья»,—что, не смотря на отчеты и балансы, свидѣтельствовавшіе о полномъ благополучіи и процвѣтаніи банка, не взирая на ежегодныя выдачи дивиденда, дѣйствительное положеніе банка въ 1882 году было очень близко къ «ликвидаціи» и къ «сопряженному съ нею полнѣйшему разоренію акціонеровъ». Точно такъ же сознается правленіе, что убытки, понесенные банкомъ отъ выдачи рискованныхъ и преувеличенныхъ ссудъ и отъ раздачи мнимыхъ дивидендовъ, до сихъ поръ еще не покрыты вполнѣ». Прошу обратить вниманіе на то, что сейчасъ ци-

тированныя строки имѣютъ въ виду С.-Петербургско-Тульскій банкъ какъ за время до 1882 года, такъ и послѣ этого года и что къ наличному составу правленія, вступившему въ 1882 году, положеніе банка, доведеннаго до близости ликвидаціи, и относимо быть не можетъ, а могутъ принять на себя обвинители лишь ту часть замѣтки, гдѣ говорится о непокрытіи убытковъ вполнѣ. Слѣдовательно, только упрекъ въ этомъ непокрытіи могутъ принять на себя наличные члены и предсѣдатель правленія. Вотъ, по поводу этого-то непокрытія убытковъ, происшедшихъ отъ прежде выданныхъ чрезмѣрныхъ ссудъ, и слѣдуетъ непосредственно то мѣсто статьи, которое принимается за клевету со стороны Нотовича: «Ясно, слѣдовательно, что если бы... и т. д. Ясно, слѣдовательно, что мы были правы, говоря, что Саратовскій банкъ судился за неудачу за крахъ, за то, что онъ не успѣлъ развить свои операціи и при помощи ихъ покрыть прошлые грѣхи и уголовные матеріалы». Теперь я прошу васъ воздать честь газетѣ, дать прочитанному и инкриминируемому мѣсту статьи ея истинный смыслъ и только этимъ истиннымъ выходившимъ въ намѣренія автора и правильно имъ выраженнымъ смысломъ ограничить обязанность его отвѣта за напечатанныя слова. Дѣло идетъ, очевидно, не о всей полнотѣ преступленій и злонамѣренностей, приписываемыхъ Саратовскому банку, а единственно лишь о непокрытіи убытковъ отъ чрезмѣрныхъ ссудъ. Только въ объемѣ этого нарушенія устава и для его осуществленія употребляются тѣ средства, которыя перечисляются затѣмъ: фальшивые отчеты, дутыя цифры, выдачи небывалыхъ дивидендовъ и искусственно составленныя общія собранія. Въ этомъ объемѣ и въ этомъ строго-вытекающемъ изъ содержанія статьи смыслѣ мы и принимаемъ отвѣтъ за приведенное мѣсто статьи и приведемъ наши доказательства истинности напечатаннаго. Самая статья, продолжаясь, выясняетъ личный взглядъ автора на то, что противъ банковскихъ злоупотребленій употребленіе карательныхъ средствъ не представляется спасительнымъ средствомъ, каковымъ можетъ быть только болѣе внимательный надзоръ за дѣйствіями правленій, тщательное посѣщеніе общихъ собраній, ревизія и гласность дѣла ак-

ціонерныхъ предпріятій. Въ этой части статьи находится одно мѣсто, которое оказалось возможнымъ выкроить такъ, что изъ него фраза вышла, какъ фраза клеветническаго содержанія, и въ такомъ видѣ вошла въ частную жалобу и въ приговоръ суда. Вотъ, это мѣсто въ его полнотѣ: «Когда уголовные громы разразились надъ головами людей, виновныхъ въ томъ самомъ, что творится въ С.-Петербургско-Тульскомъ банкѣ и въ большинствѣ другихъ акціонерныхъ компаній, мы стали на сторону присяжныхъ (какъ извѣстно оправдавшихъ обвиняемыхъ по Саратовскому банку)». Всякій безпристрастный и нелишенный зраваго смысла читатель пойметъ въ этой фразѣ стремленіе оправдать дѣятелей Саратовскаго банка. Наши обвинители сдѣлали изъ фразы сокращеніе, отбросивши вначалѣ слово «когда» и въ концѣ, начиная со словъ и «въ большинствѣ». Фраза оказалась сразу обидною для С.-Петербургскаго банка. Мы отстраняемъ отъ себя эту выкройку изъ словъ статьи; мы хотимъ отвѣчать только за истинное содержаніе и смыслъ статьи. Статья 13 нумера оканчивалась словами: «Къ оцѣнкѣ дѣятельности С.-Петербургско-Тульскаго банка по существу мы возвратимся въ слѣдующихъ нумерахъ». Это было напечатано 13 января 1889 года. 14 января появилась первая статья, относящаяся къ такой оцѣнкѣ, а 18 была уже принесена жалоба на Нотовича. Теперь, когда періодическая печать усилилась въ числѣ своихъ органовъ, когда она, слѣдуя требованіямъ времени, съ лихорадочною поспѣшностью должна отвѣчать на запросы дня и отмѣчать современныя явленія, читатели привыкли относиться къ напечатанному не съ рабскимъ довѣріемъ, а съ критикою. Всѣ понимаютъ, что въ спѣшной, ежедневной публицистической работѣ неизбѣжны промахи, ошибки и въ фактахъ, и въ мнѣніяхъ, и въ сужденіяхъ. Теперь, чтобы оклеветать сравненіемъ, надо имѣть малограмотныхъ читателей, а такіе статей о банкахъ не читаютъ. Теперь я приступлю къ разбору тѣхъ фактовъ, которые приведены въ инкриминируемыхъ статьяхъ. Я прежде всего обращусь къ выдачѣ ссудъ, явно несоотвѣтствовавшихъ стоимости заложенныхъ имуществъ. «Выдача такихъ ссудъ сама по себѣ, говоритъ г. Масловскій въ объясненіи на апелляціонную жа-

лобу,—безъ корыстныхъ цѣлей, безъ подлоговъ и обмановъ, безъ стачекъ съ залогодателями и проч., составляетъ не уголовное преступленіе, а просто дѣйствіе неосторожное, неблагоразумное». (Замѣтьте—эта неосторожность и неблагоразуміе касаются не своего, а чужого, управляемаго имущества). «Преувеличенныя оцѣнки и ссуды, доставлявшія банку громадные убытки, имѣли мѣсто только до 1882 года, при прежнемъ составѣ правленія банка». «Въ дѣлѣ не оказывается никакихъ доказательствъ того, чтобы и выдача этихъ преувеличенныхъ ссудъ при прежнемъ правленіи сопровождалась какими-либо обстоятельствами угодовнаго характера, указанными въ обвинительномъ актѣ по Саратовско-Симбирскому дѣлу».

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ опроверженіи на статью газеты «Новости» настоящее правленіе банка сочло долгомъ заявить, что дѣло Тульскаго банка стояло въ 1882 г. наканунѣ «ликвидаціи и сопряженнаго съ нею полнѣйшаго разоренія акціонеровъ». Достаточно сильно сказано! Что же по поводу выдачи ссудъ сказано въ статьяхъ «Новостей?» «Ссуды выдавались широко, какъ выдавались они въ обществѣ городского взаимнаго кредита и въ Саратовскомъ банкѣ». Сравненіе, такимъ образомъ, дѣлается не съ однимъ Саратовскимъ банкомъ. Выдача преувеличенныхъ ссудъ относится не къ наличному составу правленія, а къ банку вообще. Мало этого. Широкая выдача ссудъ, по крайнѣй мѣрѣ, на первое время, даже оправдывается. «Развитіе операцій въ акціонерномъ банкѣ зависитъ отъ широты кредита, которая привлекаетъ заемщиковъ, а широкія условія кредита ведутъ ошибочныя выдачи, несостоятельность отдѣльныхъ заемщиковъ и потери. Несомнѣнно, что во владѣніи банка очутилось много имуществъ, владѣльцы которыхъ оказались несостоятельными по той простой причинѣ, что полученныя ими ссуды невозможно было оплачивать доходами изъ заложеннаго имущества. Имѣются, говорятъ, и такія имущества, ссуда по которымъ превышаетъ ихъ стоимость». Гдѣ же здѣсь прямое приписываніе наличному составу правленія С.-Петербургско-Тульскаго банка злоупотребленій и уголовныхъ преступленій? Но что сходство съ Саратовскимъ бан-

комъ есть—это несомнѣнно. На стр. 7-й обвинительнаго акта по дѣлу Саратовскаго банка мы видимъ, что разстройство дѣлъ этого банка должно быть приписано, между прочимъ, «выдачѣ ссудъ, явно несоотвѣтствовавшихъ стоимости заложенныхъ имуществъ». Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ преувеличенныхъ ссудахъ Тульскаго банка позволительно предполагать и нѣчто большее, чѣмъ неблагоразумие—неосторожность и ошибку. Такъ, о подобныхъ ссудахъ имѣются свѣдѣнія по домамъ: Киселева, Хомяковыхъ, Корвинъ—Круковскаго, Рогова, товарищества Петровскихъ линій въ Москвѣ и др. Именно, по этимъ-то домамъ г. Нотовичъ и желалъ имѣть дѣлопроизводства правленія, но г. Масловскій отказался ихъ представить. Затѣмъ, позвольте привести показаніе Адомовича о нѣкоторыхъ выдачахъ. Подъ домъ Киселева въ ссуду выдано 130,000 руб., а проданъ онъ за 15,000 руб. Тутъ уже цирота ссуды представляетъ нѣчто колоссальное! Вы помните, что противъ оцѣнки выдается въ ссуду 60 проц. Если затѣмъ не только не выручаются эти 60%, но изъ 130,000 руб. выручается только 15,000 руб., помимо затраченнаго громаднаго капитала на ремонтъ и, кромѣ того, одна часть этого строенія, по требованію градоначальника, была снесена, какъ неудовлетворяющая условіямъ въ техническомъ отношеніи и грозившая опасностью для жизни проживающихъ въ немъ лицъ, если обнаруживаются такія обстоятельства и ошибки,—то тутъ уже недостаточно говорить объ одной неосторожности, тутъ позволительно предполагать уголовный матеріалъ, который, можетъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ привести и на скамью подсудимыхъ. Подъ домъ Хомяковыхъ въ Москвѣ ссуды выдано 700,000 руб., а проданъ онъ г-жѣ Гортоланъ за 525,000 руб. Затѣмъ, подъ домъ Корвинъ—Круковскаго съ банями ссуды выдано 300,000 руб., а на ремонтъ истрачено около 80,000 рублей и списано процентовъ и другихъ расходовъ до 70,000 руб.; проданъ домъ Котомину за 325,000 руб. Опять убытки громадные, которые едва-ли могли быть объяснены простой ошибочной выдачей ссуды. По дому Рогова числилось капитальнаго долга на 1-ое января 1889 года 330,000 руб.; проданъ онъ за 290,000 руб. Изъ этой сум-

мы слѣдуетъ вычесть 10,000 руб. уплаченнаго гонорара за продажу дома. Стоимость ремонта этого дома около 60,000 руб. Позвольте, затѣмъ, цитировать показаніе г. Безроднаго. Вотъ, что говоритъ свидѣтель Безродный о широкой выдачѣ ссудъ. Г. Безродный избранъ былъ членомъ ревизіонной коммиссіи. Еще до начала дѣятельности этой коммиссіи до свидѣтеля стали доходить слухи о рискованныхъ дѣйствіяхъ правленія, преувеличенныхъ и неправильныхъ ссудахъ. Свидѣтель взялъ на выдержку нѣсколько дѣлъ о ссудахъ, изъ которыхъ усмотрѣлъ, что оцѣнка имущества производится, вопреки устава, не всѣми членами оцѣночной коммиссіи коллективно, такъ какъ на протоколахъ оцѣнокъ имѣлись подписи лишь одного—двухъ членовъ—оцѣнщиковъ, а также что объявленіе банка подписано не тремя членами банка, какъ бы надлежало, а иногда только однимъ. Свидѣтель подалъ по этому предмету особое мнѣніе. Свидѣтель настаивалъ, чтобы его особое мнѣніе было напечатано, чего предсѣдатель Борисовъ не исполнилъ. Вслѣдъ за тѣмъ г. Безродный не былъ выбранъ въ члены ревизіонной коммиссіи. И такъ, вотъ, свидѣтель, который даетъ понятіе, что въ широкой выдачѣ ссудъ слѣдуетъ усматривать нѣчто болѣе, чѣмъ неблагоразуміе; что это были нарушенія такихъ правилъ устава, при которыхъ самыя выдачи могли считаться недѣйствительными, при которыхъ нельзя было рѣшить, дѣйствительно ли эти ссуды выданы по рѣшенію правленія въ полномъ составѣ, т.-е., по крайней мѣрѣ, въ составѣ трехъ членовъ. Г. Безродный не ограничивается этимъ: онъ прямо указываетъ тѣ дома, по которымъ онъ замѣчалъ подобныя нарушенія. Вообще, говоритъ г. Безродный, «о правильности производимыхъ оцѣнокъ точнаго заключенія вывести нельзя; нѣтъ копій контрактовъ, условій и другихъ документовъ о доходности. При разсмотрѣніи многихъ дѣлъ оказалось, что протоколы подписывались лишь двумя членами, а журналы о выдачѣ ссудъ—двумя лицами правленія. Точное соблюденіе устава, говоритъ онъ, желательно въ видахъ большой обезпеченности, правильности, производства и выдачи ссудъ. Обращаясь къ нѣкоторымъ, болѣе значительнымъ по своимъ размѣрамъ ссудамъ, могу сказать, продолжаетъ

свидѣтель, что подобныя несоблюденія устава банка были допущены при ссудахъ: по дому Хомяковыхъ—ссуды 703,000 руб.; по дому Рогова—330,000 руб. Протоколы оцѣночной коммиссіи и журналы правленія о выдачѣ этихъ ссудъ подписаны только двумя лицами. По дѣлу общества аптекарскаго товарищества ссуды 552,000 руб., а протоколъ оцѣночной коммиссіи только за двумя подписями». Вы видите, что и тутъ повторяются имена нѣкоторыхъ домовъ, на которые было указано Адамовичемъ и дѣлопроизводства о которыхъ тщетно просилъ Нотовичъ. И такъ, вотъ, основанія къ тому, чтобы заподозрить, что въ такой широкой выдачѣ ссудъ былъ нѣкоторый уголовный матеріялъ, который, можетъ быть, и не довелъ бы до скамьи подсудимыхъ, но который могъ бы заставить правленіе познакомиться съ камерой судебнаго слѣдователя въ томъ случаѣ, если бы банкъ въ силу причинъ, хотя бы и независящихъ отъ правителей банка, потерпѣлъ крушеніе. При такихъ условіяхъ, дѣйствительно, можно смѣло говорить объ уголовномъ матеріалѣ, положимъ, если не по 1154 ст., то по 1155 ст., которая предусматриваетъ неправильныя дѣйствія въ производствѣ ссудъ съ ущербомъ для банковыхъ установленій. Слѣдовательно, недоставало только ущерба, который легко могъ случиться, какъ мы дальше будемъ имѣть возможность показать. Настоящій наличный составъ правленія банка совершенно открещивается отъ своихъ предшественниковъ, бывшихъ до 1882 года. Однако, оказывается, что связь между наличнымъ составомъ правленія, оцѣночной коммиссіи и ревизіонной коммиссіи, которая существовала съ 1880, 1881 и 1882 годовъ до правленія въ настоящемъ составѣ и этимъ послѣднимъ, что эта связь, по крайнѣй мѣрѣ, въ отношеніи нѣсколькихъ лицъ, осталась и что, такимъ образомъ, традиціи, которыя существовали въ банкѣ до 1882 года могли, переходить и къ преемникамъ, дѣйствовавшимъ послѣ 1882 года. Такъ, мы можемъ упомянуть о г. Масловскомъ, который былъ до 1882 года хотя частнымъ, но вліятельнымъ акціонеромъ. Въ правленіи банка 1880 и 1881 гг. участвовалъ, напримѣръ, Г. Ф. Черкасовъ, членъ настоящаго правленія банка, а въ оцѣночной коммиссіи за тѣ же годы участвовалъ А. Н. Ко-

стомаровъ (который теперь состоитъ членомъ правленія банка), какъ это видно изъ подписей на отчетахъ за эти годы правленія и оцѣночной коммиссіи. Затѣмъ, въ оцѣночной коммиссіи въ 1881 году мы встрѣчаемъ двухъ лицъ, бывшихъ въ оцѣночной коммиссіи 1880 года (М. Ф. Масловскій и А. Ф. Тиздель) и четырехъ лицъ изъ оцѣночной коммиссіи 1881 г. (А. Ф. Тиздель и М. Ф. Масловскій, О. С. Бокъ и Г. С. Бокъ). Что удивительнаго, что духъ банка до 1882 года могъ не исчезнуть и въ болѣе позднее время? Приведемъ показаніе свидѣтеля Михельсона, относящееся къ тому же предмету. Г. Михельсонъ, между прочимъ, говоритъ: „По моему мнѣнію, съ оставленіемъ въ 1881 году предсѣдательства въ правленіи банка Борисовымъ, никакой, въ сущности, перемѣны въ правленіи не произошло, такъ какъ въ то время Масловскій имѣлъ рѣшающее значеніе въ дѣлахъ банка, и все совершавшееся въ банкѣ при Борисовѣ дѣлалось и совершалось съ вѣдома и согласія Масловскаго, а въ личномъ составѣ правленія, со вступленіемъ Масловскаго въ предсѣдательство, не произошло почти никакихъ перемѣнъ». Такимъ образомъ, оказывается несправедливымъ отвергать всецѣло связь настоящаго состава правленія съ тѣмъ составомъ, который былъ до 1882 года.

Перехожу къ другому пункту относительно выдачи акціонерамъ преувеличенныхъ дивидендовъ. Относительно выдачи преувеличенныхъ дивидендовъ читаемъ въ инкриминируемыхъ статьяхъ: «Мнимыя прибыли необходимы каждому акціонерному банку на первыхъ порахъ его дѣятельности. Надо поддержать курсъ акцій... Но курсовая цѣна акцій опредѣляется ихъ дивидендомъ. Для выдачи дивиденда необходима прибыль, которую приходится на первыхъ порахъ сочинять». Выдача небывалаго дивиденда указывается и въ третьей статьѣ, какъ одно изъ чертъ сходства Тульскаго банка съ Саратовскимъ. Въ обвинительномъ актѣ по Саратовскому банку въ числѣ причинъ разстройства дѣлъ этого банка, дѣйствительно, указывается: «выдача акціонерамъ дивиденда въ размѣрахъ, превышающихъ дѣйствительно полученныя банкомъ прибыли». «Но въ Саратовскомъ банкѣ, говоритъ Масловскій, дивидендъ выдавался изъ запаснаго и складочнаго капитала, такъ что

указанные капиталы совсѣмъ исчезли; въ Тульскомъ же банкѣ, напротивъ, эти капиталы увеличились». Однако и судъ въ своемъ приговорѣ допускаетъ право разсуждать, вслѣдствіе раскрытыхъ обстоятельствъ, о томъ, что правленіе банка вело дѣло неразсчетливо, такъ какъ основывалось при выдачѣ дивиденда на такихъ надеждахъ, которыя не могли оправдаться въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, говорятъ и судъ и обвинители, въ этомъ не было тѣхъ преступленій, которыя выведены обвинительнымъ актомъ относительно Саратовскаго банка. О преступленіяхъ не говорилось въ статьяхъ, а уголовный матеріалъ такія отчисленія дивидендовъ, дѣйствительно, могли представлять, если бы правителямъ Тульскаго банка не удалось избѣжать разстройства дѣлъ, благодаря, положимъ, не только ихъ умѣнью, но и счастью, котораго не оказалось въ Саратовскомъ банкѣ. Съ выдачею небывалыхъ дивидендовъ легко ознакомиться по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются въ дѣлѣ. Правители Тульскаго банка, въ настоящемъ личномъ составѣ, жаловались на то, что они приняли банкъ въ страшно разстроенномъ состояніи, что, затѣмъ, годъ за годомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, затрудненія увеличивались не только изъ-за прежнихъ ошибочныхъ дѣйствій правленія банка, но и изъ-за причинъ случайныхъ, шедшихъ извнѣ. Такъ, напримѣръ, приходилось переживать домовый кризисъ и всякія другія торговыя затрудненія и кризисы: возникли дворянскій и крестьянскій банки, которые отвлекали много выгодныхъ операцій отъ Тульскаго банка. Тѣмъ не менѣе, мы видимъ, что, начиная съ 1883 года, выдается дивидендъ въ высокомъ размѣрѣ, доходящій до 24 руб. на акцію, слѣдовательно, до 12 пр. И такъ шло почти изъ года въ годъ, за исключеніемъ одного года, когда было выдано меньше 24 руб., но былъ годъ, когда было выдано 25 руб. 88 коп., а tantièmes—отъ 68 до 91 тысячи руб. въ годъ! Какимъ образомъ достигалось это? Банкъ переживалъ трудныя времена. У банка накопились непроданныя заложенныя имущества; эти имущества требовали расходовъ; они продавались съ убытками, а тѣмъ не менѣе правленіе имѣло возможность отчислять большіе дивиденды! Покрытіе убытковъ прибылями отдалилось на будущее вре-

мя. Убытки по оставшимся домамъ несомнѣнно существуютъ; это видитъ правленіе, но дома еще не проданы и сумма убытка, въ ея опредѣленной цифрѣ, не можетъ быть вычислена. Тогда дѣлятъ прибыли, какъ будто-бы убытка нѣтъ. Прибыли—теперь, а убытки—послѣ, когда ихъ сосчитаемъ. Казалось бы правильнѣе, по нашей обывательской ариѳметикѣ, дождаться опредѣленія убытковъ, а потомъ и высчитать прибыли. Но по бухгалтеріи выходитъ будто-бы иначе. Убытки отодвигались, однако, не только потому, что они иногда не были высчитаны, что они только предполагались, но они отодвигались и тогда, когда были точно уже опредѣлены. Примѣръ этому—отчетъ за 1887 годъ. Въ немъ было высчитано 290,000 руб. убытковъ и, тѣмъ не менѣе, этотъ убытокъ перенесенъ былъ на слѣдующій годъ, и въ отчетѣ за 1888 годъ было прямо сказано, что 290,000 руб. составляли убытокъ, окончательно выяснившійся къ 1 января 1888 года. При такихъ порядкахъ какъ же не говорить о преувеличенныхъ прибыляхъ? Я знаю, что прибыль, которую я высчитываю, есть только прибыль валовая, что она не можетъ считаться чистой прибылью, потому что противъ нея существуютъ еще убытки, которые только не опредѣлены въ цифрѣ.

Благодаря этому передвиженію убытковъ и тому, что операціи банка развивались и шли, можетъ быть, очень хорошо, мы охотно признаемъ это, благодаря умѣлости, энергіи правителей банка, могли быть выдаваемы большіе дивиденды. Но если-бы наступили затрудненія? Эта была выдача, позволю себѣ сказать, лживаго дивиденда, потому что такого дивиденда не могло быть. Вѣдь, правленіе знало, что сумма прибыли увеличена на сумму непокрытыхъ, хотя и вполнѣ выяснившихся, убытковъ! Я ликвидировалъ свой годъ и въ своемъ бюджетѣ, положимъ, имѣю тысячу рублей, и у меня есть при этомъ остатокъ въ 200 руб.; я знаю, что у меня есть неоплаченный долгъ, который я не оплачиваю потому, что онъ еще не опредѣлился въ точности. Развѣ я могу эти 200 руб. обратить въ свою прибыль? Въ отчетѣ за 1885 годъ высказывались надежды и утѣшенія, что поступленіе плохихъ домовъ въ распоряженіе банка должно умень-

шиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшится и убытокъ банка, и что источникъ затрудненій, являющійся послѣдствіемъ широкихъ выдачъ ссудъ, начинаетъ изсякать. Надежды эти не оправдались, потому что въ 1886, 1887, 1888 годахъ дома продолжали оставаться за банкомъ и, слѣдовательно, затрудненія банка все болѣе и болѣе увеличивались. Бѣда могла случиться и заключаться въ томъ, что такое поступленіе домовъ превзошло бы запасный и основный капиталы банка, и къ этому присоединились бы затрудненія, зависящія отъ промышленнаго кризиса. Съ чѣмъ бы встрѣтило эти затрудненія правленіе Тульскаго банка? Вѣдь, тѣ прибыли, которыя они широко отсчитали, ушли, а убытки остались и, такимъ образомъ, крушеніе банка было неизбѣжно. А если бы послѣдовало такое крушеніе банка, то примѣненіе ст. 1155 было бы, конечно, вполнѣ соотвѣтственно, а, слѣдовательно, уголовный матеріалъ въ дѣятельности банка безусловно былъ. Затѣмъ, говорятъ: мы не трогали ни основнаго, ни запаснаго капитала, но тотъ и другой капиталъ возросъ. Возросъ основный капиталъ самъ по себѣ, потому что послѣдовалъ новый выпускъ акцій. Это еще, собственно говоря, къ чести банка относиться не можетъ. Запасный капиталъ, дѣйствительно, возросъ, но оказывается, что изъ этого запаснаго капитала въ 1888 году пришлось взять болѣе трехъ четвертей; накопленія за 5—6 лѣтъ пошли на уплату убытковъ. Что-жъ такое—говорятъ—что убытки заплачены изъ того запаса, который мы накопили! Позвольте приступить къ этому предмету не съ бухгалтерской точки зрѣнія, а просто съ ариѳметической. Прибыли исчислялись въ увеличенномъ размѣрѣ, затѣмъ изъ прибылей 10% шло въ запасный капиталъ, а 90% расходовались по рукамъ: на увеличеніе дивиденда, на разныя тантьемы и разные платежи въ пользу оцѣнщиковъ, ревизіонной коммиссіи и проч. Такимъ образомъ, банкъ изъ каждаго рубля терялъ 90 коп., а лишь 10 коп. откладывалъ въ запасный капиталъ. Когда пришлось платить убытки, которые могли быть уплачены изъ прибылей прежнихъ шести лѣтъ, тогда пришлось терять тѣ 10 коп. изъ рубля, которыя были сбережены, а остальныя 90 коп., конечно, возвратиться не могли. Такимъ образомъ, запас-

ный капиталъ весь былъ составленъ изъ тѣхъ гривенниковъ, которые оставались изъ рубля, когда 90 коп. уходили, и этотъ запасъ, который былъ сдѣланъ въ теченіи шести лѣтъ, весь ушелъ на покрытіе убытковъ. Очевидно, что зачисленіе въ запасный капиталъ была временная передача денегъ въ кассу банка, изъ которой онѣ должны были улетучиться, какъ только опредѣлились убытки, какъ только нужно стало платить эти убытки. Что самая выдача дивиденда была преувеличена, это доказывается распоряженіемъ министра финансовъ о пріостановленіи выдачи дивиденда за 1888 годъ. Министромъ финансовъ было отвергнуто предложеніе правленія банка о томъ, чтобы убытки были разложены на нѣсколько лѣтъ; министръ финансовъ призналъ это дѣйствіе неправильнымъ, и совершенно справедливо убытки были уплачены изъ прибылей года и изъ запаснаго капитала. Нормальный ходъ вещей былъ возстановленъ. Слѣдовательно, предшествующій пріемъ счета дивиденда былъ признанъ неправильнымъ, что и требовалось доказать, на что и обращалось вниманіе въ статьѣ «Новостей», что дѣйствительно существовало и среди злоупотребленій Саратовскаго банка. Но, говорятъ наши обвинители, мы, выдавая преувеличенный дивидендъ, можетъ быть, въ данномъ случаѣ дѣйствовали неразсчетливо, но у насъ не было корыстныхъ побужденій, не было того, что обнаружилось въ дѣятельности дѣятелей Саратовскаго банка. Какъ сказать о корыстныхъ цѣляхъ? Тутъ безкорыстія отъ корысти отличить нельзя. Бывало такъ: когда гора не шла къ Магомету, Магометъ шелъ къ горѣ. Когда правители какого-либо банка дѣйствуютъ въ пользу акціонеровъ, то выгоды и барыши идутъ и въ пользу правителей.

Дѣйствительно, стоитъ набавить дивидендъ, какъ увеличивается и собственный дивидендъ правителей, и биржевая цѣна акцій. Все это само собою, безъ особенныхъ усилій, идетъ на пользу правителей банка. Въ этомъ случаѣ можно примѣнить перефразировку правила евангелической морали: «ищите прежде выгоды акціонеровъ—и сія вся приложится вамъ». Позаботьтесь только выдавать побольше дивиденда и всякія благополучія, всѣ выгоды сольются къ вамъ—въ

карманы правителей. Въ виду всего этого, господа судьи, какъ не согрѣшишь — не скажешь, что тутъ, что-то неладно, что во всякомъ случаѣ, какъ правители банка ни заботились о выгодахъ акціонеровъ, но судьба заботилась и нихъ самихъ, и объ ихъ выгодахъ. Не слѣдуетъ забывать также, что за акціонерами стояли облигаціонеры, о которыхъ слѣдовало бы позаботиться еще прежде, чѣмъ объ акціонерахъ, потому что они были кредиторами предпріятія, которые внесли въ него свои сбереженія, которые отдавали ему въ ссуду свои деньги, которые не искали барышей въ банкѣ, а только хотѣли получать законный процентъ на капиталъ. Такимъ образомъ и тутъ оказывается, что уголовный матеріалъ существовалъ; онъ не призванъ былъ къ дѣйствію только потому, что краха банка не послѣдовало, но послѣдуй крахъ банка—и здѣсь была бы умѣстна 1155 ст., карающая за неправильныя выдачи въ ущербъ банка. А что такой ущербъ могъ быть—я уже объ этомъ говорилъ. Вѣдь, дѣятели Саратовско-Симбирскаго банка не по прямой же линіи шли къ скамьѣ подсудимыхъ? Вѣдь, они, конечно, надѣялись на извѣстные обороты, на улучшеніе дѣлъ банка, на благопріятныя обстоятельства, которыя дадутъ имъ возможность извернуться, заплатать тѣ прорѣхи, которыя оказались въ счетахъ банка. Не вывезло счастье, оказалось невозможнымъ стянуть концы съ концами—и они сѣли на скамью подсудимыхъ.

Слѣдуетъ разсмотрѣть допущеніе подлоговъ въ отчетахъ, балансахъ и т. п. По этому предмету обвинители считаютъ клеветою то мѣсто изъ статьи «Новостей», гдѣ говорится: «фальшивые отчеты, дутыя цифры — и ничего болѣе». Въ дѣйствительности эти слова относимы были г. Нотовичемъ, и не могутъ быть относимы ни къ чему другому, какъ къ графѣ баланса по счету возвратныхъ расходовъ. Первая инкриминируемая статья исходною своею точкою ставитъ сужденія о расходахъ, подлежащихъ возврату, говоритъ о томъ, какъ такая графа въ балансѣ способна скрывать истину и какъ она преобразилась въ графу расходовъ по имуществамъ, оставшимся за банкомъ. Фальшивые отчеты и дутыя цифры только и могутъ относиться

къ возвратнымъ расходамъ, такъ какъ ни о какихъ другихъ подлогахъ въ статьѣ нѣтъ и рѣчи. Что статья «возвратные расходы» въ отчетахъ и балансахъ составляла крупную бухгалтерскую неясность, способную вводить въ заблужденіе, объ этомъ едва-ли можно спорить. Подъ этимъ успокоительнымъ заглавіемъ скрывались въ значительной долѣ несомнѣнные убытки или имѣющіе опредѣлиться въ будущемъ. А такіе убытки не могли считаться возвратными расходами или съ ними складываться. Возвратные расходы росли, убытки предполагаемые увеличивались и, однако, ускользали отъ вниманія, благодаря смѣшенію ихъ съ дѣйствительно возвратными расходами. Правленіе само отказалось отъ этой цифры въ своихъ балансахъ, измѣнивъ ея на болѣе точную. Само собою разумѣется, что послѣ того какъ аукціонная продажа домовъ или имѣній не состоялась, когда цѣна, равняющаяся суммѣ долга и суммѣ недоимокъ, не была никѣмъ предложена, весьма естественно было предположить, что за эти дома и имѣнія не можетъ быть выручена та сумма, за которую они будутъ заложены. Тогда естественно было предполагать, что по этому дому были убытки, какъ въ большинствѣ случаевъ и было. Къ этому присоединялись еще извѣстные расходы: на ремонтъ, уплату недоимокъ, повинности и пр. и пр. Такимъ образомъ, стоимость этихъ домовъ для банка росла, а возможность выручить достаточную сумму, соотвѣтственную залоговой суммѣ, улетучивалась все болѣе и болѣе. Эта статья баланса должна была бы быть раздѣлена на двѣ, или, скорѣе всего, должна была быть въ статьѣ объ убыткахъ, которые, если затѣмъ и возвращались, то могли бы быть отнесены къ прибылямъ. Такимъ образомъ, оказывается, что эта сумма возвратныхъ расходовъ вводила въ заблужденіе, такъ какъ, обыкновенно, мы склонны думать, что подъ возвратными расходами разумѣются такіе расходы, которые сдѣланы, но которые, по всей вѣроятности, должны возвратиться. Здѣсь же оказывается, что въ статьѣ возвратныхъ расходовъ были такіе расходы, которые должны были опредѣлиться какъ убытки въ будущемъ.

Я опять ссылаюсь на отчетъ 1888 года, гдѣ видно, что въ статью возвратныхъ расходовъ вошли 290,000 руб., уже

опредѣленныхъ убытковъ. Такимъ образомъ, эта статья вводящая неясность, заблужденіе, могла быть названа дутой цифрой, фальшивымъ отчетомъ, въ смыслѣ ли того подлога, который преслѣдуется по 362 ст. ул., или въ другомъ. Но, вѣдь, статья, которая инкриминируется, не есть статья чисто-юридическая; авторъ ея не обязанъ выражаться точнымъ юридическимъ языкомъ. Невѣрныя цифры, сомнительныя цифры у насъ очень часто на общежительномъ языкѣ называются дутыми цифрами. Только въ этомъ смыслѣ и можетъ быть понимаемо указаніе на фальшивые отчеты, дутыя цифры, о которыхъ говорится въ инкриминируемой статьѣ. Но всего лучше, насколько вводились въ заблужденіе этой статьей возвратныхъ расходовъ, видно изъ того, что не смотря на то, что эти отчеты представлялись въ министерство финансовъ,—и, конечно, представлялись туда не для того, чтобы быть оставленными безъ разсмотрѣнія,—неправильность этой цифры не была замѣчена министерствомъ финансовъ, иначе еще раньше послѣдовало бы распоряженіе о покрытіи убытковъ, въ этой статьѣ числившихся. Если бы Нотовичъ,—говоритъ Масловскій въ своемъ объясненіи на апелляціонную жалобу,—упрекалъ правленіе въ недостаточной ясности статьи «возвратныхъ расходовъ», то не было бы и рѣчи о клеветѣ, но подсудимый доказываетъ, что это подлогъ, что въ этой статьѣ отчета и баланса скрывались злоупотребленія банка, въ чемъ и заключается клевета. Да, скрывались злоупотребленія банка, именно тѣ, которыя указывались въ статьѣ, т.-е. скрывались убытки и обезпечивалась, благодаря этому сокрытію, выдача дивиденда. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, какъ заявляется въ статьѣ газеты «Новостей», статья возвратныхъ расходовъ представляла не подлогъ,—это не было сказано въ статьѣ,—а то, что въ общежитіи называется фальшивыми, дутыми цифрами. По дѣлу о продажѣ дома Котомину мы имѣемъ журналъ правленія, который несомнѣнно подходитъ подъ 362 ст. ул. Домъ проданъ по долгосрочной ссудѣ на 18 лѣтъ, а переведенъ, безъ согласія владѣльца его, на краткосрочную ссуду на 3 года, съ обязательствомъ ея возобновленія послѣ каждыхъ 3 лѣтъ (первая невѣрность); въ случаѣ тре-

бованія нотаріусами свѣдѣнія, журналъ правленія постановляетъ сообщать имъ, что ссуда выдала изъ 15 серій на срокъ 26 лѣтъ (вторая невѣрность или, вѣрнѣе сказать, ложь) и поручить бухгалтеріи банка провести эту операцію по книгамъ, согласно журналу (прямое порученіе совершить подлогъ). Что бы ни говорили правители Тульскаго банка о невинности этой операціи, журналъ представляетъ несомнѣнно уголовный матеріалъ для 362 ст. улож.

Мнѣ остается теперь приступить къ представленію объясненій о составленіи общихъ собраній изъ подставныхъ акціонеровъ. Вопросъ о подставныхъ акціонерахъ вызываетъ разногласіе. Я долженъ сказать, что въ предыдущихъ засѣданіяхъ въ этомъ отношеніи была размолвка не только между г. Нотовичемъ и представителями обвиненія, но и между г. Нотовичемъ и его защитникомъ. Я въ свою очередь вступаю въ этомъ отношеніи въ разногласіе съ предшествовавшимъ защитникомъ и становлюсь на сторону г. Нотовича. Я думаю, что всякое собраніе, составленное изъ подставныхъ акціонеровъ, есть незаконное собраніе, и, если собраніе изъ подставныхъ акціонеровъ не наказуется уложеніемъ, то только потому, что дѣяніе это было просмотрѣно закономъ; въ проэктѣ новаго уложенія оно уже указано. Дѣйствительно, по мысли, которая положена въ нашемъ законѣ объ устройствѣ акціонерныхъ предпріятій,—можно спорить противъ справедливости самой мысли и цѣлесообразности ея въ экономическомъ отношеніи,—законъ объ акціонерныхъ предпріятіяхъ не имѣетъ въ виду крупныхъ капиталистовъ, онъ основанъ на демократизаціи капитала. Вслѣдствіе этого, какъ бы ни было значительно число акцій, владѣльцы этихъ акцій не могутъ имѣть болѣе 5 голосовъ каждый. Говорятъ, что такимъ образомъ хотятъ убить крупнаго капиталиста, что нельзя его подчинить волѣ мелкихъ капиталистовъ, что, во всякомъ случаѣ, если онъ большимъ количествомъ акцій заинтересованъ въ предпріятіи, то ему, какъ большому кораблю, принадлежитъ и большое плаваніе; ему нужно дать большее участіе въ дѣлѣ; отсюда и слѣдуетъ, что, если онъ свои акціи раздѣляетъ между другими акціонерами, то онъ только осуществляетъ свое право, основанное на справедливости, хотя

бы и не согласное ни съ буквою, ни съ мыслью закона. Съ буквою закона оно не согласно и мысли закона оно, по моему, вполнѣ противорѣчитъ: законъ не имѣлъ въ виду привлекать крупныхъ капиталистовъ въ акціонерныя предпріятія. Для крупныхъ капиталистовъ существуютъ другія предпріятія: товарищество на паяхъ и другія, тому подобныя. Въ предпріятіяхъ, основанныхъ на акціонерныхъ началахъ, крупный капиталистъ не долженъ имѣть преимущественнаго значенія передъ другими капиталистами. Его опасно впускать въ дѣло, ему опасно давать все то количество голосовъ, которое можетъ соотвѣтствовать всему количеству его акцій. Если такой капиталистъ связываетъ свои интересы съ интересами предпріятія, тогда онъ, дѣйствительно, можетъ быть полезенъ; вкладывая свой болѣе или менѣе значительный капиталъ, онъ и заботится объ этомъ капиталѣ; а такъ какъ этотъ капиталъ на продолжительное время связанъ съ предпріятіемъ, то и онъ заинтересованъ въ предпріятіи. Но дѣло въ томъ, что и такой добросовѣстный крупный акціонеръ можетъ быть также опасенъ своимъ усиленнымъ вліяніемъ, потому что онъ можетъ оказаться акціонеромъ сангвиническаго темперамента; онъ одинъ можетъ погубить цѣлое предпріятіе. И можетъ онъ это сдѣлать, благодаря тому, что около такого акціонера, обыкновенно, собирается большая, компактная партія, которая всегда одерживаетъ верхъ надъ разрозненными акціонерами, рѣдко посѣщающими собранія, а если и посѣщающими, то въ такомъ разрозненномъ видѣ, что не могутъ такому капиталисту составить оппозиціи. Но если этотъ капиталистъ, какъ это нерѣдко бываетъ, биржевой игрокъ или спекулянтъ, если онъ заботится только о болѣе скоромъ полученіи гешефта, то онъ въ высшей степени опасенъ и вреденъ. Благодаря тому, что около него создается партія, посредствомъ которой онъ распоряжается составомъ правленія, составомъ ревизіонной и всякихъ другихъ комиссій, онъ становится неограниченнымъ хозяиномъ въ предпріятіи. Онъ искусственнымъ увеличеніемъ дивиденда можетъ поднять цѣну акцій до такой степени, на которой онъ считаетъ выгоднымъ эти акціи, по ихъ увеличенной цѣнѣ, сбывать на биржѣ; затѣмъ онъ уходитъ изъ

дѣла, оставляя его въ рукахъ другихъ акціонеровъ, въ видѣ чрезвычайно невзрачномъ, съ истощенными средствами и пр. и пр. Затѣмъ, выждавъ пониженія акцій, можетъ быть даже искусственно подготовивъ это пониженіе, онъ можетъ скупать ихъ, опять продѣлывать новую процедуру повышенія этихъ акцій и посредствомъ биржевой игры, и ажіотажа обогащаться. Такой крупный акціонеръ, появляющійся въ средѣ мелкихъ акціонеровъ, дѣйствительно опасенъ. А если бы законъ предоставилъ ему право имѣть больше пяти голосовъ, то такой акціонеръ чувствовалъ бы себя совершенно свободнымъ въ этой сферѣ и могъ бы уже законно, по своему усмотрѣнію, такъ или иначе, шатать предпріятіе, съ которымъ его могущественный интересъ связанъ лишь временно биржевой игрой или ажіотажемъ. Вотъ, почему подобный акціонеръ является зломъ, зломъ особенно сильнымъ, когда этотъ акціонеръ—биржевой игрокъ, и опаснымъ даже и тогда, когда такой акціонеръ добросовѣстенъ и дѣятеленъ. Поэтому нельзя считать не противузаконнымъ, хотя и ненаказуемымъ, составъ общихъ собраній изъ подставныхъ акціонеровъ. Мы видѣли примѣры, представляемые желѣзно-дорожными акціонерными компаніями. Тамъ является сперва концессіонеръ, который, благодаря своей ловкости, выхлопатываетъ для себя концессію, передаетъ ее крупному капиталисту, который, заполучивъ акціи въ свои руки, составляетъ около себя изъ акціонеровъ партію; расточительнымъ образомъ строится дорога, эксплуатируется хищническимъ образомъ и затѣмъ сдается правительству съ милліонными долгами и съ содержаніемъ въ убытокъ, а крупный акціонеръ—строитель давно уже ушелъ благополучно изъ дѣла. Ему нѣтъ дѣла ни до дороги, ни до акцій, ни до акціонеровъ: онъ получилъ свое съ предпріятія. Появленіе такихъ акціонеровъ нежелательно. Я далекъ, конечно, отъ мысли, чтобы А. Ф. Масловскій былъ, именно, такимъ акціонеромъ, но что его вліяніе въ Тульскомъ банкѣ было сильно, и что около него была партія, которая составляла его силу и оказывала вліяніе на рѣшенія общихъ собраній, это мнѣ представляется несомнѣннымъ. г. Масловскій удивляется, говоритъ: «Меньшинства не было. Что же

это за меньшинство, Михельсонъ и ген. Глуховскій?» Да, не было меньшинства, но надо было создать это меньшинство, потому что ни одно правительство не можетъ правильно управлять, не имѣя оппозиціи. Нужно было дать всѣ средства, чтобы образовалось меньшинство. Только тогда можно со спокойной совѣстью дѣлать то или другое дѣло, когда выслушаешь оппозицію. Но оппозиція выслушиваема не была; меньшинство изъ одного или двухъ акціонеровъ тщетно добивались, напр., сокращенія выдачи дивидендовъ; ихъ не слушали. Протесты этого одного или двухъ акціонеровъ оставались безъ послѣдствій и не представлялись въ министерство. Если имъ удалось подать какую-нибудь записку въ общее собраніе, то она устранялась по той, напр., причинѣ, что подана была позже семи дней до срока, что несогласно съ уставомъ. А вотъ дома удерживались за банкомъ болѣе шести мѣсяцевъ, это говорятъ, хотя и противно уставу, но для пользы банка практиковалось! Были-ли подставные акціонеры въ С.-Петербургско-Тульскомъ банкѣ? Гг. Михельсонъ и Глуховскій говорятъ: да были, это всему міру извѣстно. Но, что же это, говорятъ, за доказательство? Вы сами видѣли, какъ распредѣляли акціи? спрашивали свидѣтелей. Возликовали сущіе во гробѣхъ дьяки и подъячіе старинныхъ русскихъ приказовъ—не пропалъ, дескать, нашъ духъ въ землѣ русской, несмотря на всѣ судебныя реформы! Можно же было предложить такой вопросъ! Видѣли, какъ передавались акціи?—Нѣтъ; но кто же это будетъ дѣлать явно; этого, конечно, никто не дѣлаетъ. Если мы будемъ требовать такихъ доказательствъ, то остановимся на томъ уровнѣ правосудія, который существовалъ въ старинныхъ русскихъ приказахъ.Но мы не безъ доказательствъ. Сошлемся на показанія Борисова. Борисовъ не наивный ребенокъ, а человѣкъ бывалый. Спросите ребенка, совершенно искренняго, наивнаго, и онъ въ искренности своей не лучше разскажетъ правду, чѣмъ дѣлаетъ это Борисовъ. Борисовъ, конечно, не можетъ считаться такимъ ребенкомъ, но онъ такъ освоился съ системой подставныхъ акціонеровъ, что разсказываетъ объ этомъ, какъ о чемъ то обычномъ, относительно чего не можетъ быть ни сомнѣнія, ни

недоразумѣнія, ни тайны, ни смущенія. Извольте выслушать это мѣсто изъ показанія Борисова. Онъ говоритъ: «что касается отношеній моихъ къ Масловскому, то онъ оказалъ мнѣ поддержку при избраніи рекомендованныхъ мною членовъ правленія. Относительно же роли его въ С.Петербургско-Тульскомъ банкѣ во время моего управленія, то я долженъ сказать, что чрезъ меня онъ во всей подробности зналъ положеніе дѣлъ банка, что можетъ быть доказано письмами его ко мнѣ, относящимися къ концу 1881 года». «Что же касается участія Масловскаго въ забаллотированіи въ 1881 году Безроднаго (припомните, господа судьи, это тотъ Безродный, который указалъ на несправедливость выдачи ссудъ и на неправильность ихъ разрѣшенія съ формальной стороны; послѣ этого заявленія Безродный былъ забаллотированъ), — то, насколько я могу припомнить, на общемъ собраніи этого года г. Масловскаго не было, онъ находился тогда (какъ подтвердилъ самъ г. Масловскій), на ревизіи въ Уфимской губ., (духъ его оставался въ Петербургѣ), а находившіяся въ его распоряженіи акціи были представлены къ общему собранію, что доказывается избраніемъ для провѣрки списка акціонеровъ его родственника Кувшинникова, а также и избраніемъ въ члены оцѣночной коммиссіи брата его М. Ф. Масловскаго и въ кандидаты имъ вышеупомянутаго Кувшинникова, и затѣмъ знакомыхъ Масловскаго—К. И. Масленникова и П. П. Кудрявцева, а въ депутаты для присутствованія при тиражѣ—его же знакомаго Гончаревскаго. Все это видно изъ протокола общаго собранія 26 февраля 1881 года. Но г. Масловскій зналъ отъ меня раньше о предстоявшемъ забаллотированіи Безроднаго, а именно: въ 1880 году я находилъ нужнымъ измѣнить составъ ревизіонной коммиссіи, которая до 1881 года выбиралась обыкновенно изъ акціонеровъ, знакомыхъ правленію». Вы видите, Борисовъ находилъ нужнымъ измѣнить составъ ревизіонной комиссіи, т. е. тѣхъ лицъ, которыя должны были ревизовать его самого. Новыми членами были выбраны: Иващенко, Костылевъ, Малышевъ, Шершевскій, Фишеръ и Чаманскій. Такимъ образомъ, дѣло дѣлалось совершенно фамильно. Крупный акціонеръ желалъ, чтобы такія-то лица

попали въ правленіе, и они попадали, они раньше намѣчались, а объ общемъ собраніи никто не заботился, потому что голосъ общаго собранія былъ голосомъ крупнаго акціонера. И «милостивые государи», которыхъ приказчиками являлись члены правленія, были такими хозяевами, которые дѣлали то, что приказывали ихъ приказчики!.. Ну, послѣ этого какъ же можно не говорить о подставныхъ, подборныхъ акціонерахъ? Вотъ что говоритъ свидѣтель Михельсонъ. «Въ С.-Петербургско-Тульскомъ банкѣ предъ общимъ собраніемъ происходила фиктивная раздача акцій. На общихъ собраніяхъ родственники Масловскаго и служащіе въ банкѣ имѣли на рукахъ именно столько акцій, насколько уменьшено число акцій самого Масловскаго». Къ дѣлу представленъ списокъ, относящійся къ общему собранію 1888 года. Выборка изъ этого списка была напечатана въ № 37 газеты «Новостей» за 1889 годъ, № этотъ представленъ къ дѣлу самими обвинителями. Изъ этого списка выводится такое заключеніе. Въ указанный списокъ были внесены 98 акціонеровъ, владѣвшихъ 6,503 акціями и располагавшихъ 264 голосами. Извлекаемъ изъ этого числа имена лицъ, наиболѣе близко стоявшихъ къ банку. Здѣсь члены правленія, ревизіонной и оцѣночной коммиссіи и ихъ ближайшіе родственники. Степени родства указываются въ этомъ спискѣ.

Изъ приведеннаго списка видно, что 2613 акцій и 102 голоса принадлежали правленію, коммиссіямъ, родственникамъ главныхъ дѣятелей и зависящимъ отъ нихъ лицамъ. 102 голоса при 2613 акціяхъ имѣются какъ преданная партія, группирующаяся около главнаго крупнаго акціонера. Затѣмъ, были четыре человѣка съ 320 акціями, принадлежащими другому учрежденію, въ которомъ Масловскій является предсѣдателемъ. Затѣмъ, еще указываются нѣкоторые фигуранты; но мы не можемъ этого подтвердить. Но вотъ вамъ несомнѣнная партія въ 102 голоса, которая состоитъ изъ дѣятелей банка и ихъ родственниковъ. Г. Масловскій говоритъ: кѣмъ составленъ этотъ списокъ и чѣмъ онъ доказывается? Положимъ, предъ судомъ все должно быть доказано, но я вправѣ и себя и обвинителей считать за людей честныхъ и порядочныхъ, которые не станутъ спорить о томъ, о чемъ

спорить нельзя. Если намъ обвинители скажутъ, что родства не существуетъ между этими лицами, то я устраняю списокъ, я не стану доказывать, что такой-то состоитъ въ такой-то степени родства съ такимъ-то, что такая-то состоитъ дочерью, падчерицей, женою, сестрою. Если не отвергать родства, то мы говоримъ, что 102 голоса составлялись изъ дѣятелей банка и ихъ родственниковъ. Родственникамъ, говорятъ, нельзя запретить имѣть акціи и являться на общія собранія. Пусть такъ! Но для дѣла чрезвычайно важенъ этотъ родственный элементъ. Такъ, напримѣръ, фамилія Масловскихъ является въ четырехъ лицахъ, Кувшинниковыхъ въ двухъ, Копыткиныхъ въ трехъ, Тизделя въ четырехъ, Бока въ четырехъ, Масленникова въ двухъ, Черкасова въ двухъ, Вейнберга въ двухъ. Остальныхъ акціонеровъ, далѣе и въ единичномъ числѣ, мало появлялось въ общихъ собраніяхъ, а тутъ цѣлыми родственными группами идутъ. Говорятъ: мы имъ не раздавали акцій, но эта партія, группирующаяся возлѣ васъ, есть партія оцѣнщиковъ, ревизоровъ, которыхъ вы же сами выбирали. Наконецъ, это группа вашихъ родственниковъ, которые не пойдутъ противъ васъ. Ахъ! господа судьи, какъ бы мы хорошо себя чувствовали, если бы за вашимъ столомъ сидѣли теперь наши родственники, хотя бы и не нашего подбора! Какъ не порадѣть родному человѣку!.. Составляется такая группа. Что же могутъ подѣлать тутъ господа Михельсонъ и Глуховской, которые идутъ противъ рожна и рати, идутъ противъ такой непреодолимой крѣпости и заявляютъ свой протестъ? Такимъ образомъ, намъ представляется доказаннымъ, что общія собранія были изъ подставныхъ акціонеровъ. Не было меньшинства, потому что меньшинству тутъ нечего было дѣлать; могли быть только единоличные протесты, которые ни къ чему привести не могли. Остается еще одно: отвлеченіе капиталовъ банка на биржевыя спекуляціи. Г. Масловскій говоритъ, что въ обвинительномъ актѣ Саратовскаго банка дѣло идетъ объ отвлеченіи капиталовъ на собственныя биржевыя операціи Борисова, а въ Тульскомъ банкѣ этого не было. Но г. Нотовичъ не утверждалъ, что биржевыя операціи совершались на пользу и выгоду членовъ правленія,

онъ просто говорилъ, что капиталы отвлекались на биржевыя операціи. Что это такъ было, это намъ говорятъ свидѣтели: Михельсонъ, Костылевъ и Шершевскій. Вотъ что они говорятъ. Г. Михельсонъ говоритъ: «Банкъ, вопреки устава, покупалъ негарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, причемъ, если банкъ на этихъ бумагахъ терпѣлъ убытокъ, то стоимость процентной бумаги въ счетахъ обозначалась по покупной цѣнѣ, а не по той, по которой онѣ были въ дѣйствительности проданы". То же показываетъ г. Костылевъ. Г. Шершевскій говоритъ: на докупку спекулятивныхъ бумагъ затрачивалось около 8 милліоновъ, а года два тому назадъ на бумагахъ этихъ было потери около 90 тысячъ рублей, что подтверждается и отчетами. Вслѣдствіе такихъ нарушеній г. Шершевскій вышелъ изъ ревизіонной коммиссіи, въ которой былъ съ 1881 года по 1886 г. Такимъ образомъ, отвлеченія капиталовъ на биржевыя спекуляціи были. Положимъ, они производились не къ выгодѣ кого-нибудь изъ членовъ правленія, но, тѣмъ не менѣе, на биржевыя спекуляціи обращался такой капиталъ, который долженъ былъ служить обезпеченіемъ для облигаціонеровъ, которыхъ по капиталамъ было въ десять разъ больше, чѣмъ акціонеровъ. Это дѣйствіе незаконное, и разразись крахъ, случись съ банкомъ крушеніе, само собою разумѣется, что подобныя операціи съ бумагами составили бы уголовный матеріалъ для примѣненія 1155 ст. улож. Такимъ образомъ, разобраны тѣ факты, на которые указывалось въ статьяхъ «Новостей». Факты эти, какъ видите, подкрѣпляются свидѣтельскими показаніями, справками съ отчетами и балансами; но оглашенія этихъ фактовъ не вмѣняются намъ въ вину, а вмѣняется намъ въ вину то, что эти факты мы сравнили съ дѣяніями по Саратовско-Симбирскому банку. Дѣло идетъ значитъ о сравненіи. Намъ говорятъ: мы хотя это все и совершили, но злостнаго намѣренія не имѣли, матеріала уголовнаго не представляли. Относительно уголовнаго матеріала мы уже сказали, что каждое изъ этихъ нарушеній могло быть уголовнымъ матеріаломъ при несчастномъ оборотѣ.

Что же касается корыстныхъ и другихъ побужденій, то это для противозаконности не всегда требуется. Намъ вмѣ-

няется въ вину сравненіе съ Саратовско-Симбирскомъ банкомъ. Неизвѣстно, къ какимъ фактамъ относится это сравненіе. Сравненіе можетъ быть неточное, преувеличенное, неудачное, пожалуй даже сравненіе можетъ быть и оскорбительное, но какъ сравненіе можно сдѣлать предметомъ клеветы, когда указывается, въ какомъ отношеніи предметы сравниваются? Если такъ оцѣнивать сравненія, то обвиненій въ клеветѣ не оберешься. Поймали на взломѣ амбара человѣка съ топоромъ и ножемъ. Говорятъ—разбойникъ. Нѣтъ,—говоритъ онъ,—извините, я только вооруженный воръ. Два казначея взяли изъ ящика по пачкѣ денегъ и пошли играть въ карты. Одинъ выигралъ и внесъ взятую сумму въ казну, а сумму выиграша положилъ въ карманъ. Другой проигралъ, его обвиняютъ въ растратѣ. Говорятъ: оба казначея одного поля ягоды. Не клевещите,—говоритъ казначей счастливый,—я не казнокрадъ, я ничего не растратилъ, а только нарушилъ правила о храненіи ввѣренныхъ мнѣ денегъ. При такой строгости каждое сравненіе можно будетъ, болѣе или менѣе, обратить въ клевету. Вѣдь, сравниваютъ предметы не тождественные между собою, а только похожіе въ томъ или другомъ отношеніи, указывая на одинъ или нѣсколько признаковъ сходства. Ну, кто бы сталъ требовать, чтобы человѣческая шея, которую сравнивали съ шеей лебединой, была покрыта лебяжьимъ пухомъ? Влюбленную дѣвицу сравниваемъ съ луною... Сравненіе есть мнѣніе, выводъ, его можно провѣрить, разъ указано, къ чему оно относится. Но, говорятъ, сравненіемъ съ Саратовскимъ банкомъ мы напомнили о скамьѣ подсудимыхъ, мы говорили, что, вотъ, тѣ попали на скамью подсудимыхъ, благодаря тому, что запутались, а вы, перескакивая трещины и задѣлывая прорѣхи, только благодаря этому не попали туда же... Но развѣ скамья подсудимыхъ была такъ далеко отъ С.-Петербургско-Тульскаго банка, что о ней можно говорить съ пренебреженіемъ, а не съ благодарной мольбою Творцу, что онъ отвелъ ее, чему помогла счастливая судьба и скажу, необинуясь,—полезная и энергичная дѣятельность самихъ дѣятелей С.-Петербургско-Тульскаго банка? Тѣми тенденціями, которыми руководствовались дѣятели Саратовско-Симбирскаго банка, правители

С.-Петербургско-Тульскаго банка не задавались, тѣмъ не менѣе, они совершали такія рискованныя и неправильныя дѣйствія, которыя при несчастномъ оборотѣ могли привести банкъ къ крушенію, а крушеніе это могло окончиться и скамьей подсудимыхъ. Слава Богу, она ушла и, по всей вѣроятности, никогда не будетъ грозить почтеннымъ дѣятелямъ Тульскаго банка, съ чѣмъ ихъ и поздравляю. Но, вѣдь, сидящіе на скамьѣ подсудимыхъ не всегда бываютъ грѣшнѣе тѣхъ, которые ходятъ на свободѣ. Покончивъ съ разборомъ тѣхъ фактовъ, которыхъ касалось дѣло, предстоитъ отвѣтить на очень немногіе вопросы, которые возбуждаются, между прочимъ, жалобою обвинителей, а отчасти возбуждаются и нашей жалобой. Первое—увеличеніе наказанія. Я, по крайней мѣрѣ, троихъ изъ господъ обвинителей знаю, какъ людей вполнѣ добродушныхъ, и не вѣрю, чтобы они желали увеличенія наказанія. Я думалъ это и раньше; это подтвердилъ сегодня и представитель обвиненія А. В. Михайловъ, сказавшій, что, прося объ увеличеніи наказанія, они хлопочутъ только о возстановленіи симметріи между мотивами суда и резолютивной частью приговора. Слѣдовательно, дѣло идетъ объ апелляціонномъ парадѣ. Для симметріи просятъ накинуть четыре мѣсяца тюрьмы. Вотъ, что значитъ художественный вкусъ и любовь къ красотѣ линій!! Такъ это крѣпость, воздвигнутая противъ насъ, на которую бы мы полѣзли и старались бы разрушить! Пусть она такъ и останется, какъ памятникъ парада. Но слѣдуетъ сказать о мотивахъ, которые, будто бы, вызвали напечатаніе статей. Господа судьи! Съ большимъ волненіемъ я хочу сказать вамъ, что я не въ силахъ бороться на почвѣ этихъ обвиненій, выставленныхъ противъ г. Нотовича. Я человѣкъ стараго времени, я принадлежу началомъ моей дѣятельности къ первымъ годамъ судебной реформы. Я проникнутъ традиціями того времени, а въ то время всякая непорядочность въ преніяхъ удалялась, и чистоплотность и порядочность преній считалась однимъ изъ лучшихъ украшеній суда. Мнѣ не по сердцу, не по вкусу, не по характеру, не по силамъ принимать борьбу на этой почвѣ—изслѣдовать мотивы, которыми руководствовался писатель, излагая ту или

другую статью. Да развѣ преступленія печати представляютъ такія крупныя преступленія, по которымъ нужно еще рыться въ душѣ писателя и искать, почему онъ написалъ ту или другую статью? Говорятъ намъ: вы напечатали ваши статьи противъ насъ, потому что мы перестали печатать объявленія въ вашей газетѣ, не выдали вамъ дополнительной ссуды. Мы не будемъ искать такихъ мотивовъ печатнаго произведенія. Для чего на этихъ розысканіяхъ останавливаться? Отчего не поискать другихъ причинъ? Ну, жены перессорились, дѣти передрались, кухарки пересплетничались, сосѣди перебранились,—тогда придется выставлять на видъ и тянуть всякую грязь.

Развѣ мотивъ статьи можетъ имѣть вліяніе на составъ преступленія? Развѣ онъ можетъ имѣть вліяніе на опредѣленіе наказанія? Умыселъ—да, это необходимый элементъ клеветы, но мотивъ не имѣетъ значенія. Потомъ, какіе особенно блестящіе результаты доставило это розысканіе мотивовъ? Дальше подозрѣній не пошло дѣло. Если бы мы стали руководствоваться такими подозрѣніями, то тоже бы указали, что до 14 января обвинители не жаловались. Первая статья, которая была напечатана, не возбудила ихъ гнѣва и обвиненія въ клеветѣ. А когда 13 января было напечатано, что вслѣдъ затѣмъ пойдетъ рядъ статей, въ которыхъ надѣются разоблачить неправильныя дѣйствія Тульскаго банка, тогда, послѣ появленія этой статьи, приносится жалоба. Тогда и мы стали бы искать у васъ мотивовъ и такъ же произвольно, какъ и вы ищите мотивовъ у насъ. Свидѣтели заподозрѣваются. Кто же эти свидѣтели? Одинъ изъ этихъ свидѣтелей самъ ушелъ изъ правленія, другого—удалили. Все это ваши враги и проч. Само собою, въ числѣ друзей, и мы можемъ найти свидѣтелей, которые подтвердили бы обстоятельства, нами приводимыя. Но вѣдь, эти свидѣтели, которые попали, а можетъ быть и не попали въ число враговъ вашихъ, свидѣтельствовали и подтверждали свои свидѣтельства документами. Мы хотѣли идти дальше въ предѣлахъ этихъ свидѣтельствъ—мы просили о доставленіи дѣлопроизводствъ, но вы сами не нашли возможнымъ дать намъ въ руки эти доказательства. Затѣмъ, если г. Нотовичъ писалъ противъ бан-

ка оскорбительныя статьи, потому что вы перестали печатать объявленія въ его газетѣ, то что же сказать о тѣхъ газетахъ, въ которыхъ печатались ваши объявленія? Значитъ, онѣ руководствовались исключительно этимъ печатаніемъ, чтобы восхвалять васъ? Я думаю, что когда появляется статья, нужно судить по ея содержанію. Публика привыкла судить писателя по его тенденціи, по его образу мыслей и судить объ извѣстномъ фактѣ по содержанію статьи, по ея основательности, не отыскивая мотивовъ, въ разслѣдованіи которыхъ можно запутаться, какъ въ лабиринтѣ. И въ концѣ-концовъ, я думаю, пусть ужъ лучше наши публицисты будутъ недовольны непомѣщеніемъ объявленій и пишутъ правду, чѣмъ будутъ получать—въ видѣ ли объявленій, въ видѣ ли чего другого—то вознагражденіе, которое въ видѣ платы за publicité обнаружилось въ послѣднее время въ дружественной намъ державѣ въ такомъ яркомъ видѣ. Въ дѣлѣ есть еще одинъ эпизодъ, который указанъ въ апелляціонной жалобѣ и который былъ упомянутъ сегодня въ докладѣ палаты. Это филологическое розысканіе объ имени г. Нотовича. Намъ не выпала та честь, которая выпала на долю фонъ-Визина,—о томъ справлялись во второмъ отдѣленіи академіи наукъ. Имя г. Нотовича не представляетъ такой знаменитости и о немъ послали справляться въ участокъ, хотя для правосудія это розысканіе было совершенно излишне. Перехожу теперь къ требованію печатанія приговора, въ двадцати газетахъ. На чемъ основывается это требованіе? Примѣръ небывалый въ лѣтописяхъ судебной практики. Требованіе это блещетъ изобрѣтательностью, но отнюдь не основательностью. 1536 ст. говоритъ: судебные приговоры объ изобличенныхъ въ клеветѣ могутъ, по желанію подвергнувшагося ей, быть опубликованы въ столичныхъ и мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ на счетъ виновнаго. О столичныхъ говорить нечего. Но какія могутъ быть мѣстныя? Можетъ ли ихъ быть множество? Нѣтъ, мѣстныя губернскія вѣдомости можно отнести къ тремъ группамъ: мѣстныя—по мѣсту жительства изобличеннаго въ клеветѣ, или мѣстныя по мѣсту жительства подвергшагося оскорбленію, или мѣстныя—по мѣсту суда. Значитъ, только въ одной изъ этихъ

трехъ мѣстныхъ газетъ могутъ быть публикуемы приговоры объ обвиненныхъ въ клеветѣ; ни о какихъ другихъ мѣстныхъ или частныхъ газетахъ не говорится въ статьѣ закона и основанія къ тому, чтобы приговоръ печатался во всѣхъ двадцати газетахъ, не представляется. Этотъ законъ относится къ 1845 году. Законъ о клеветѣ въ печати появился впервые въ уложеніи о наказаніяхъ и былъ закономъ, который предусматривалъ будущее, такъ какъ въ 1845 году никакой клеветы въ печати и быть не могло, потому что ея печать была подцензурная. Статья эта заимствована изъ европейскихъ кодексовъ, гдѣ она имѣла примѣненіе; у насъ она предназначалась имѣть примѣненіе только въ отдаленномъ будущемъ. Когда это отдаленное будущее сдѣлалось настоящимъ, тогда появился дополнительный законъ. И вотъ что, между прочимъ, говоритъ 1047 ст. уложенія, вышедшая въ 1865 году вмѣстѣ съ новымъ закономъ о печати: «Постановляя приговоръ въ отношеніи къ повременному изданію, судъ можетъ опредѣлить, чтобы въ слѣдующемъ № сего изданія, если оно не прекращено, помѣщенъ былъ и означенный приговоръ» т. е. именно въ томъ изданіи, въ которомъ была напечатана статья, признанная клеветнической. Вотъ, то начало, которое провозгласилъ новый законъ о печати. Это начало относится къ опозоренію, къ диффамаціи, къ брани. Оно относится и къ другимъ преступленіямъ.

Если въ группѣ новыхъ законовъ о печати не имѣется особаго закона о клеветѣ, то только потому, что этотъ законъ существовалъ раньше и помѣщенъ въ другой части уложенія. Такимъ образомъ, это новое начало относительно печатанія обвинительныхъ приговоровъ должно замѣнить прежнее, истекающее изъ 1536 статьи. Говорятъ, наши операціи совершаются въ нѣсколькихъ губерніяхъ; поэтому, мы требуемъ, чтобы, помимо другихъ газетъ, приговоръ былъ напечатанъ и въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» тѣхъ губерній, на которыя операціи банка простираются. Но, вѣдь банкъ правитъ дѣлами изъ Петербурга; слѣдовательно, только въ Петербургѣ и умѣстно печатаніе. Во-первыхъ, если держаться такого начала печатанія обвинительныхъ приговоровъ, по пространству и дѣятельности оскорбленнаго, то,

вѣдь не предохранишь себя отъ неудержимаго потока требованій. Представимъ себѣ, что кто-нибудь написалъ клеветническую статью о мануфактурѣ Саввы Морозова или о виноторговлѣ бр. Елисѣевыхъ. Произведенія этихъ фирмъ расходятся по всей Россіи—отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды;—прошу васъ сосчитать, въ сколькихъ газетахъ нужно было бы напечатать обвинительный приговоръ, потому что во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи эти два, съ одной стороны мануфактурный дѣятель, а съ другой виноторговецъ, совершаютъ свои операціи. Вѣдь, надо было бы удовлетворить ихъ требованія. Да зачѣмъ? Вѣдь сегодня сами представители обвиненія говорятъ, что губернскихъ вѣдомостей никто не читаетъ, то къ чему же печатать тамъ обвинительный приговоръ? Да зачѣмъ я буду навязывать читателямъ газетъ, въ которыхъ сама статья не помѣщена, зачѣмъ буду навязывать чтеніе печатнаго приговора о такой статьѣ, которая имъ неизвѣстна?

Я понимаю, читатели «Новостей» читали статью, они могутъ быть заинтересованы прочесть на нее опроверженіе, обвинительный приговоръ. Но какое дѣло читателямъ «Тульскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» прочитать обвинительный приговоръ о г. Нотовичѣ, осужденномъ за клеветническую статью, которой они никогда не читали? Это требованіе всецѣло неосновательно, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что оно будетъ отвергнуто.

Я оканчиваю.

Позвольте мнѣ, господа судьи, обратиться къ вамъ съ вопросомъ: помните ли вы хотя одинъ такой случай, когда вслѣдствіе статьи, ошибочной или клеветнической, потерпѣлъ крушеніе какой-либо банкъ? Вы не помните такого случая, потому что его не было. Но что банки рушились, что погибали состоянія не только людей богатыхъ, но и бѣдныхъ, благодаря тому, что печать не смѣла или не хотѣла обратить вниманіе на злоупотребленія, дѣлавшіяся въ нихъ,—такіе случаи можно считать десятками. Съ 1875 года, со времени легкой руки Московскаго Ссуднаго банка, мы видѣли десятки банковъ, потерпѣвшихъ крушеніе, но объ этихъ банкахъ было

полное молчаніе въ печати, и, благодаря этому молчанію, погибали и состоянія, и сбереженія бѣднаго люда.

Необходимо взвѣсить общественные интересы, необходимо обратить вниманіе, что банки, акціонерныя предпріятія не находятся въ положеніи безотвѣтномъ и беззащитномъ. Вѣдь, они въ своихъ рукахъ имѣютъ такія средства, какъ публичность собранія и отчетности, которыя всегда могутъ изобличить всякую несправедливую о нихъ статью. Имъ стоитъ только собрать общее собраніе для того, чтобы дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Этотъ отчетъ всегда можетъ быть напечатанъ, можетъ быть напечатано опроверженіе. Ничто не обязываетъ акціонерные банки и, вообще, акціонерныя правленія раскрывать двери общихъ собраній для публики, но никто этого и не воспрещаетъ. Во всякомъ случаѣ, если желательно возстановить честь, то возстановить честь можно собственной отчетностью, давая ее публично предъ оппозиціей, которую нужно создать, а не угнетать правленской партіей. Это такое средство, которымъ не можетъ обладать самая сильная газета въ мірѣ. Отчего же не прибѣгнуть къ этому средству? Отчего не искать удовлетворенія здѣсь? Вѣдь, неправда, огорченіе, причиняемое неправдою извѣстному учрежденію, не такъ досадно, какъ оскорбленіе, причиняемое частному лицу? Я понимаю, частному лицу, которое не можетъ прибѣгнуть ни къ какому публичному оправданію въ своихъ дѣйствіяхъ, остается единственное прибѣжище—судъ. Я понимаю прибѣгающаго къ суду чиновника, который не имѣетъ возможности отдавать публично отчетъ въ своей дѣятельности, потому что она совершается въ стѣнахъ канцеляріи; но для огромнаго акціонернаго предпріятія представляется болѣе средствъ къ оправданію и очищенію, чѣмъ спроцессъ о клеветѣ. Но когда вы, господа, прибѣгаете къ суду, просите обвиненія въ клеветѣ, то нельзя возлагать на обвиняемаго такихъ требованій, чтобы онъ доказалъ съ полной точностью все то, что въ его статьяхъ содержится о многосторонней и достаточно сокровенной дѣятельности. Требовать этого, значитъ закрывать уста печати. Уважая такія неудобоисполняемыя требованія, судъ, можетъ быть,

закроетъ тому или другому недоборосвѣстному писателю ротъ, но съ этимъ вмѣстѣ наложитъ молчаніе на всю печать. Господа судьи! не защита г. Нотовича ждетъ вашего приговора,—его ждутъ отъ васъ интересы общества и печати.

Рѣчь Нотовича. Я не хотѣлъ отвѣчать на инсинуаціи этихъ господъ, но разъ они позволили себѣ заговорить здѣсь о чистоплотности и правдѣ, то я долженъ опровергнуть ихъ. Они все время утверждали, что я требовалъ подъ мой домъ дополнительную ссуду въ 35 тыс. руб., что мнѣ ея не дали, и я, разсердившись, сталъ печатать противъ нихъ обличительныя статьи. Они такъ много говорили объ этихъ 35 тыс. въ окружномъ судѣ, что эта цифра даже попала въ приговоръ суда. Я цитирую этотъ приговоръ. «Изъ имѣющейся при дѣлѣ копіи заявленій Нотовича въ Спб. Тульскій банкъ видно, что онъ въ 1886 г. просилъ дополнительную ссуду въ размѣрѣ 35,000, но, какъ видно изъ дѣла, ему было отказано.» Обратитесь къ заявленіямъ, о которыхъ говорится въ приговорѣ. Первое заявленіе было отъ 1-го сентября 1885 г. Я писалъ буквально слѣдующее: «Вслѣдствіе сего, имѣю честь покорнѣйше просить сдѣлать переоцѣнку дома и выдать мнѣ соотвѣтственную увеличенію цѣнности его дополнительную ссуду.» Я прошу указать, гдѣ тутъ 35 тыс. руб.? Я прошу только оцѣнить домъ и, если окажется, что онъ стоитъ больше, чѣмъ тогда, когда я его купилъ, то выдать мнѣ соотвѣтствующую увеличенію его цѣнности дополнительную ссуду. И такое совершенно ординарное и законное требованіе обвинители позволили себѣ приравнять здѣсь къ шантажу! Проходитъ четыре мѣсяца, и я обращаюсь со вторымъ заявленіемъ, въ виду того, что правленіе предложило мнѣ еще сдѣлать конверсію. Упомянувъ о конверсіи, я пишу далѣе: «Кромѣ того, покорнѣйше прошу о выдачѣ мнѣ дополнительной ссуды соотвѣтственно произведенной, по порученію правленія, 10-го сентября 1886 г. (№ 4162), новой оцѣнкѣ моего дома». И тутъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на 35 тыс. руб., попавшихъ въ приговоръ окружного суда. Но г. Масловскій не ограничивается навязываніемъ мнѣ несуществующаго факта и еще представляетъ въ судъ явно ложную «справку канцеляріи банка», въ которой говорится, что отказъ въ выдачѣ дополнительной ссуды послѣдовалъ безъ производства оцѣночной комиссіей банка переоцѣнки имущества. Какъ! я въ моемъ заявленіи указываю не только день производства переоцѣнки дома по порученію правленія 10-е сентября 1886 г., но и номеръ (4162), за которымъ значится это новое «дѣло» въ банкѣ, а суду говорятъ, что переоцѣнка вовсе не была произведена! Значитъ

я основывалъ мое ходатайство на несуществующемъ фактѣ, и оно, слѣдовательно, не могло подлежать удовлетворенію? Въ такомъ случаѣ, гг. судьи, вамъ ничего болѣе не остается, какъ прекратить засѣданіе: передъ вами въ лицѣ обвиняемаго стоитъ совершенно невмѣняемый человѣкъ! Не можетъ же здравомыслящій человѣкъ требовать удовлетворенія ходатайства, основаннаго на несуществующихъ фактахъ! А между тѣмъ, 35 тысячъ все-таки попали въ приговоръ окружнаго суда.

Вотъ какія впечатлѣнія оставляетъ въ судѣ весь этотъ океанъ рѣзкихъ словъ, дерзкихъ инсинуацій, разливаемый этими господами во всѣхъ инстанціяхъ.

Судебная палата 13 февраля 1893 г. опредѣлила: на основаніи 1 и 771 ст. уст. угол. суд. считать г. Нотовича посуду оправданнымъ.

Дѣло Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества.

Засѣданіе Московской Судебной Палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, 20 сентября—4 октября 1899 года.

Суду преданы бывшіе директоры Москов. Город. Кред. Общества: отст. колл. асесс. *Адольфъ Александровичъ Герике*, отст. штабсъ-капитанъ *Сергѣй Константиновичъ Шильдбахъ* и умершій 2-го апрѣля того же 1899 года д. ст. сов. *Иванъ Николаевичъ Цвѣтухинъ*, членъ наблюдательнаго комитета купецъ *Иванъ Яковлевичъ Грачевъ* и служившій въ бухгалтеріи правленія кредитнаго Общества мѣщанинъ *Михаилъ Михайловичъ Михайловъ* по обвиненію въ цѣломъ рядѣ злоупотребленій, въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1154-й и 1155-й ст. ул. о нак.

Предсѣдательствуетъ старшій предсѣдатель Московской Судебной Палаты *А. Н. Поповъ*, обвиняютъ товар. прокур. палаты *С. Л. Лузгинъ* и товар. прокурора окружнаго суда *П. Г. Курловъ*; гражданскими истцами явились нѣкоторые члены-заемщики кредитнаго Общества: *В. М. Пржевальскій*, *кн. А. И. Урусовъ*, г. *Вишняковъ* и др.; защищаютъ: *Шильдбаха* — прис. повѣр. *П. Е. Рейнботъ*, *Цвѣтухина* — прис. повѣр. *В. Е. Курловъ* и *Н. В. Тесленко*, *Грачева* — прис. повѣр. *Л. Г. Харитоновъ 2-й*, *Михайлова*—прис. повѣр. *Н. П. Шубинскій* и пом. прис. повѣр. *В. Н. Лебедевъ*. Обвиняемый *Герике* защитника не имѣлъ.

По объявленіи засѣданія открытымъ, со стороны защиты были заявлены возраженія противъ допущенія гражданскихъ истцовъ. Защитникъ г. *Шильдбаха*, прис. повѣр. *Рейнботъ*, заявилъ, что уставъ кредитнаго Общества является какъ бы довѣренностью отъ Общества директорамъ; поэтому, если бы послѣдніе даже вышли изъ предѣловъ, предоставленныхъ имъ уставомъ, полномочій, они не могутъ подлежать отвѣтственности въ томъ случаѣ, когда ихъ дѣйствія, хотя бы и не согласныя съ уставомъ, были одобрены или признаны ихъ довѣрителемъ—Обществомъ.

Между тѣмъ, оказывается, что отчеты правленія за всѣ годы, къ которымъ относятся инкриминируемыя дѣйствія директоровъ, были утверждены общими собраніями. Защитниками умершаго *Цвѣтухина* заявлена была просьба объ устраненіи исковъ, предъявленныхъ послѣ постановленія палаты о прекращеніи уголовнаго дѣла о *Цвѣтухинѣ* за его смертью. Указано было также на то, что нѣкоторые гражданскіе истцы не доказали, что они были членами Общества въ періодъ времени съ 1890 по 1895 г.

Палата, за состоявшимся уже опредѣленіемъ о допущеніи гражданскихъ исковъ *Пржевальскаго*, кн. *Урусова*, *Вишнякова* и др., оставила безъ уваженія заявленія прис. повѣр. *Рейнбота*, а нѣкоторые гражданскіе иски были устранены.

Свидѣтелей и экспертовъ вызвано было около 150, изъ нихъ не явилось 34, въ томъ числѣ *Генералова* и *Яковлевъ*, не явившіеся безъ законныхъ причинъ, показанія которыхъ товар. пр. палаты *Лузинъ* находилъ настолько важными, что признавалъ невозможнымъ безъ нихъ слушанье дѣла. Палата постановила слушанье дѣла продолжать, прочитавъ показанія свидѣтелей, не явившихся по законнымъ причинамъ, а свидѣтелямъ *Яковлеву*, *Генераловой*, *Веньяминову*, *Тарасову* и кн. *Долгорукову* повторить вызовъ.

Обстоятельства дѣла по обвинительному акту, раздѣленному на 7 отдѣловъ, заключаются въ слѣдующемъ:

Правленіе Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества, представляя общему собранію отчетъ о своей дѣятельности за 28-й годъ, въ историческомъ обзорѣ дѣлъ Общества утверждало, что Общество вступаетъ въ 29-й годъ своего существованія при достаточно благопріятныхъ условіяхъ, что размѣры операцій Общества были выдающимися, что оказываемый Обществомъ домовладѣльцамъ кредитъ имѣетъ въ своемъ конечномъ результатѣ развитіе городскаго благоустройства и общественнаго благосостоянія, что, такимъ образомъ, достигается основная цѣль Общества—удешевленіе кредита, который доведенъ до высшей степени облегченія, о чемъ нельзя было и думать нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Такая оцѣнка правленіемъ своей дѣятельности, однако, далеко не соотвѣтствовала дѣйствительному положенію дѣлъ Общества, ибо въ томъ же общемъ собраніи былъ доложенъ, полученный правленіемъ отъ особой канцеляріи по кредитной части отъ 29-го сентября 1890 г., запросъ по двумъ пунктамъ: а) о причинахъ накопленія недоимокъ на заемщикахъ Общества и б) объ основаніяхъ, которыми руководствовалось Общество, переставъ взимать съ

заемщиковъ ежегодный полпроцентный сборъ, опредѣленный § 13-мъ устава, на составленіе запаснаго капитала. Затѣмъ въ собраніи 11-го марта 1891 г. было доложено отношеніе той же канцеляріи отъ 21-го февраля того же года по вопросамъ о недоимкахъ и о необходимости возобновить взиманіе полпроцентнаго сбора на расходы по управленію и на составленіе запаснаго капитала, причемъ въ этомъ отношеніи было выражено, что общему собранію надлежитъ разсмотрѣть вопросъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ правленія по взысканію недоимокъ. Всѣмъ этимъ указаніямъ, сдѣланнымъ контролирующею дѣятельность кредитныхъ учрежденій властью, общее собраніе, руководимое тѣмъ же правленіемъ, не подчинилось: оно отклонило вопросъ объ отвѣтственности правленія въ накопленіи сверхльготныхъ недоимокъ и въ непринятіи мѣръ къ ихъ взысканію и постановило обратиться къ министру финансовъ съ ходатайствомъ о предоставленіи Обществу нѣкоторыхъ особыхъ льготъ въ цѣляхъ облегченія положенія заемщиковъ. Для личнаго представленія этого ходатайства министру финансовъ были избраны особые уполномоченные, въ лицѣ бывшихъ предсѣдателей наблюдательнаго комитета—Герике, Плевако и Волкова. Домогательство общаго собранія не имѣло успѣха, и особая канцелярія отношеніемъ отъ 14-го іюня того же 1891 г. за № 7,826 увѣдомила, что министръ, принявъ во вниманіе: 1) что удлиненіе существующаго 4-хъ мѣсячнаго льготнаго срока на взносъ платежей еще на два мѣсяца, увеличивая задолженность неисправныхъ заемщиковъ и совпадая со взносомъ срочнаго и льготнаго платежей, могло бы служить не къ облегченію, а скорѣе къ отягченію заемщиковъ...; 2) что выдача ссудъ подъ деревянныя строенія на 26 и подъ смѣшанныя на 29 лѣтъ представлялась бы, въ смыслѣ обезпеченія ссудъ, довольно рискованною, независимо отъ того, что столь длинный срокъ ссудъ подъ такія строенія не предоставленъ ни одному кредитному учрежденію; 3) что размѣръ запаснаго капитала, едва достигающаго нынѣ 1,000,000 руб. при общей суммѣ выданныхъ ссудъ въ 120,000,000, представляется весьма незначительнымъ, а потому просимое уменьшеніе сбора вмѣсто полпроцента на четверть процента на составленіе этого капитала, препятствуя его росту, не можетъ способствовать упроченію положенія дѣлъ Общества,—не призналъ возможнымъ удовлетворить означенныя ходатайства. Что касается просьбы о разсрочкѣ уплатъ, накопившихся за заемщиками сверхльготныхъ недоимокъ равными полугодовыми взносами въ теченіе 5-ти лѣтъ, то для разъясненія этого вопроса министръ финансовъ потребовалъ подробныя свѣдѣнія о недоимкахъ. Продолжая въ слѣ-

дующемъ отчетномъ году восхвалять свою дѣятельность и утверждая, что продолжающееся расширеніе операцій Общества служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ правильности и жизненности тѣхъ основаній, на которыхъ зиждется дѣятельность Общества, правленіе въ то же время докладывало общему собранію о невозможности подчиниться требованіямъ министра о возстановленіи полпроцентнаго сбора. Послушное въ своемъ большинствѣ правленію, общее собраніе 28-го ноября 1891 г. по вопросу о возстановленіи полпроцентнаго сбора постановило ходатайствовать передъ министромъ финансовъ объ отсрочкѣ возстановленія этого сбора впредь до устраненія современныхъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій. Вмѣстѣ съ тѣмъ правленіе, по уполномочію общаго собранія, возобновило ходатайство о дозволеніи Обществу выпуска 4%-ныхъ или 4½%-ныхъ облигацій, но въ ходатайствѣ этомъ, въ виду неисполненія Обществомъ основаннаго на §§ 13-мъ и 15-мъ устава требованія министерства о возстановленіи неправильно прекращеннаго Обществомъ съ 1873 г. взиманія съ заемщиковъ ежегоднаго полпроцентнаго сбора на составленіе запаснаго капитала, министерствомъ было отказано ранѣе исполненія Обществомъ означеннаго требованія. На это категорическое требованіе общее собраніе кредитнаго Общества по докладу правленія отвѣтило постановленіемъ 30-го ноября 1893 г.: воспретить правленію возстановленіе ежегоднаго полпроцентнаго сбора съ 1-го марта 1894 г. на основаніи § 13 и примѣч. къ § 15 устава Общества и согласно постановленію общаго собранія 7-го марта 1893 г. Такія дѣйствія правленія, очевидно, были направлены къ сохраненію за нѣкоторою частью заемщиковъ предоставленныхъ имъ внѣ-уставныхъ льготъ, въ ущербъ большинству заемщиковъ, не желавшихъ ими пользоваться. Создавая себѣ такою дѣятельностью значительное количество сторонниковъ, правленіе, противодѣйствуя всѣмъ правительственнымъ требованіямъ о возстановленіи законнаго порядка, наносило дѣламъ Общества существенный вредъ. Въ виду этого по докладу министра финансовъ 23-го сентября 1893 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о ревизіи дѣлъ и операцій Общества за всѣ тридцать лѣтъ его дѣятельности, и производство этой ревизіи возложено было на члена совѣта министра финансовъ д. ст. сов. П. Х. Шванебаха. Представляя министру 19-го ноября 1893 г. отчетъ о ревизіи, г. Шванебахъ въ рапортѣ своемъ доносилъ, что главный недостатокъ въ дѣятельности кредитнаго Общества проявился въ неправильныхъ и преувеличенныхъ оцѣнкахъ принимавшихся въ залогъ домовъ, и что послѣдствіемъ такихъ неправильностей оказались значительное число

продажъ домовъ съ публичныхъ торговъ, потери на остающихся за Обществомъ домахъ, усиливающаяся неисправность во взносѣ срочныхъ платежей, пополненіе недоимокъ дополнительными ссудами и потери запаснаго капитала. Въ заключеніе г. Шванебахъ высказалъ слѣдующее: «Допущенныя въ Московскомъ Городскомъ Кредитномъ Обществѣ неправильности наложили рѣзкую печать на порядки выборовъ исполнительныхъ органовъ. Противоуставныя льготы и преувеличенныя ссуды оказываются въ рукахъ правленія средствомъ обезпеченія себѣ въ общихъ собраніяхъ послушнаго большинства и услужливыхъ избирателей. Настоящій составъ правленія, связанный долголѣтними традиціями ненормальной дѣятельности, а также, какъ видно изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ въ отчетѣ дѣлъ, чисто личными цѣлями, едва ли въ состояніи будетъ проявить искреннее стремленіе къ упорядоченію дѣлъ Общества. Едва ли также надлежащіе исполнители необходимой реформы найдутся въ средѣ Общества, въ виду преобладанія въ общихъ собраніяхъ элементовъ, извлекающихъ изъ существующихъ безпорядковъ личную выгоду. Поэтому упорядоченія дѣлъ Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества трудно будетъ достигнуть безъ принятія, хотя бы временно, мѣръ чрезвычайныхъ». Къ тѣмъ же выводамъ пришла и вторая ревизія, произведенная по Высочайшему повелѣнію 17-го января 1897 г. чиновникомъ особыхъ порученій министра финансовъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Н. П. Михалевымъ и директоромъ Варшавскаго Городскаго Кредитнаго Общества А. Е. Чаевичемъ. Въ своемъ заключеніи они, удостовѣряя правильность выводовъ, сдѣланныхъ дѣйств. ст. сов. Шванебахомъ, утверждаютъ, что «наличность допускаемыхъ правленіемъ Общества нарушеній устава даетъ имъ право придти къ тому заключенію, что дальнѣйшее веденіе дѣлъ Общества тѣмъ способомъ, какъ это практикуется нынѣ, въ весьма скоромъ времени не только совершенно разстроитъ его средства, но и неминуемо приведетъ къ ликвидаціи дѣлъ».

Непосредственнымъ результатомъ ревизіи г. Шванебаха было измѣненіе устава Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества. На основаніи Высочайше утвержденнаго 15-го ноября 1893 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, общія собранія членовъ Общества замѣнены собраніями уполномоченныхъ. Кромѣ того, особая канцелярія по кредитной части сообщеніемъ отъ 30-го октября 1894 г. увѣдомила правленіе кредитнаго Общества о томъ, что по разсмотрѣніи отчета о ревизіи министръ финансовъ предлагаетъ правленію: 1) отчетъ о ревизіи дѣйств. ст. сов. Шванебаха представить на обсужденіе перваго собранія уполномоченныхъ;

2) озаботиться немедленно взысканіемъ съ заемщиковъ всѣхъ числящихся за ними сверхльготныхъ просроченныхъ платежей и недоимокъ; 3) немедленно приступить къ продажѣ оставшихся за Обществомъ по безуспѣшности торговъ недвижимыхъ имуществъ, значащихся по балансу на 1-е сентября 1894 г. съ капитальнымъ на нихъ долгомъ въ 2,524,863 р., а числящіяся по балансу за этими имуществами недоимки въ количествѣ 552,089 р. немедленно списать изъ запаснаго капитала, причемъ, въ виду значительной цѣнности этихъ имуществъ, срокъ на окончательную ихъ распродажу назначенъ двухлѣтній; всѣ же, имѣющія вновь остаться за Обществомъ, имущества должны быть продаваемы въ указанный въ примѣчаніи 1 къ § 73 устава годичный срокъ; 4) представить кредитной канцеляріи въ мѣсячный срокъ подробный списокъ оставшихся къ 1-му сентября 1894 г. за Обществомъ имуществъ и 5) возстановить съ 1-го сентября 1894 г. взысканіе полпроцентнаго сбора и продолжать его на основаніи точнаго смысла § 15 устава до тѣхъ поръ, пока проценты съ означеннаго капитала не будутъ покрывать всѣ расходы по управленію.

Казалось бы, всѣ указанныя мѣры вызывали необходимость особеннаго вниманія собранія уполномоченныхъ къ даннымъ отчета о ревизіи; между тѣмъ въ собраніи 27-го іюля 1895 г., подъ предсѣдательствомъ Шильдбаха, заявленіе нѣкоторыхъ членовъ о томъ, что разсмотрѣніе и утвержденіе отчета правленія за XXXI финансовый годъ безъ разсмотрѣнія отчета правительственной ревизіи является преждевременнымъ, было отвергнуто собраніемъ, и отчетъ правленія былъ утвержденъ безъ всякихъ измѣненій, съ назначеніемъ дополнительнаго вознагражденія лицамъ, служащимъ въ правленіи, и его предсѣдателю Цвѣтухину 45,986 р., при полученіи прибыли въ этотъ годъ всего въ размѣрѣ 2-хъ тыс. р. Такая услужливость уполномоченныхъ еще рѣзче выразилась въ собраніяхъ 29-го и 30-го ноября 1895 г. подъ предсѣдательствомъ Шмакова. По заключеніи преній собраніемъ былъ принятъ докладъ наблюдательнаго комитета о ревизіи г. Шванебаха, признававшій всѣ объсненія правленія по ревизіи правильными и предлагавшій лишь выработать новыя правила оцѣнки, удвоить составъ оцѣночной коммиссіи и прибавить двухъ архитекторовъ. Требованіе г. Пржевальскаго и меньшинства уполномоченныхъ о постановкѣ вопроса о преданіи правленія суду по 1,198 и 1,155 ст. улож. о наказ. было отклонено, причемъ предсѣдатель собранія г. Шмаковъ объяснилъ, что обсужденіе и баллотировка этого требованія могли бы быть допущены только въ томъ случаѣ, если бы было отвергнуто

предложеніе наблюдательнаго комитета. Такому рѣшенію собранія меньшинство его не подчинилось, и 30-го декабря 1895 г. прокурору Московской Судебной Палаты были поданы жалобы, подписанныя членами-заемщиками Московскаго Городского Кредитнаго Общества: прис. пов. Пржевальскимъ, пот. поч. гражд. Алексѣемъ и Владиміромъ Вишняковыми, инженеромъ Сергѣемъ Ляминымъ, кол. асесс. Митрофаномъ Щепкинымъ, кн. Владиміромъ Голицынымъ, купцомъ 1-й гильдіи Петромъ Расторгуевымъ и др., въ коихъ всѣ эти лица, ссылаясь на данныя отчета о ревизіи, просили о возбужденіи предварительнаго слѣдствія. Ходатайство это было удовлетворено, и 15-го февраля 1896 г. судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ приступилъ къ производству слѣдствія, ограничиваясь разслѣдованіемъ обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто послѣ 30-го апрѣля 1889 г., такъ какъ злоупотребленія, происшедшія ранѣе, не подлежали разслѣдованію по давности, срокъ коей сокращенъ въ виду Всемилостивѣйшаго манифеста 14-го ноября 1894 г. Предварительное слѣдствіе, разслѣдовавъ всѣ обстоятельства, указанныя правительственной ревизіей, и установивъ данныя, безусловно подтверждающія правильность ревизіонныхъ отчетовъ въ ихъ окончательныхъ выводахъ и заключеніяхъ, обнаружило слѣдующія злоупотребленія въ дѣйствіяхъ правленія Московскаго Городского Кредитнаго Общества въ лицѣ его предсѣдателя Цвѣтухина и членовъ Шильдбаха и Герике.

Операціи по ссудамъ.

I. Нарушенія §§ 79—87 устава.

Прочность ипотечнаго кредита, несомнѣнно, зависитъ отъ правильности оцѣнокъ. По уставу Московскаго Городского Кредитнаго Общества оцѣнкою должна быть опредѣлена возможно точно постоянная цѣнность закладываемаго имущества, причемъ принимается въ соображеніе какъ матеріальная цѣнность залога, опредѣляемая архитекторомъ, такъ и средній чистый доходъ. Послѣдній опредѣляется оцѣночною коммиссіею, которая, принявъ въ соображеніе какъ показаніе архитектора о цѣнности и прочности постройки, такъ и средній чистый доходъ (отъ 3-хъ до 5-ти лѣтъ), а равно и мѣстныя обстоятельства, опредѣляетъ оцѣнку имущества, которая, однако, не должна превышать ни сумму, въ которой оно застраховано, ни 10-тилѣтнюю сложность чистаго дохода для каменныхъ и 6-тилѣтнюю—для деревянныхъ строеній. При оцѣнкѣ фабрикъ, заводовъ и неоконченныхъ зданій принимается въ основаніе стоимость однихъ

несгораемыхъ матеріаловъ и земли. Объ оцѣнкѣ составляется актъ, въ которомъ коммиссія должна рѣшить положительно, можетъ ли залогъ по постоянному доходу и прочности служить достаточнымъ обезпеченіемъ той суммы, которая подлежитъ выдачѣ по правиламъ Общества. При этомъ несомнѣнно имѣется въ виду, что кратчайшій срокъ залога для деревянныхъ построекъ составляетъ 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, а для каменныхъ—26 лѣтъ. Правленію предоставлена не только провѣрка оцѣнокъ на мѣстѣ, но и право отказать въ принятіи имущества въ залогъ, если таковое по ветхости, непостоянству дохода или по другимъ причинамъ не представляетъ достаточнаго обезпеченія. Затѣмъ въ ссуду уставъ разрѣшаетъ выдавать лишь 75 процентовъ оцѣночной суммы. Очевидно, что, при точномъ соблюденіи изложенныхъ правилъ устава, объ убыткахъ по ссудамъ не могло бы быть и рѣчи, и тѣмъ не менѣе убытки были. Изъ отчетовъ Общества видно, что въ періодъ времени съ 1889—1895 гг. правленіемъ было продано 541 имущество и всѣ *ниже оцѣнки*, причемъ эта разница продажной цѣны противъ оцѣночной въ итогахъ за каждый отчетный годъ представляется значительною. Такъ, въ отчетѣ за 1891—1892 гг. она составляетъ 570,579 р. на сумму оцѣнки въ 3,775,886 р., а въ 71-мъ случаѣ продажъ оказалась *недовыручка даже капитальнаго долга* въ 159,648 р. Это доказываетъ, что по всѣмъ указаннымъ 71-му имуществамъ уставный порядокъ оцѣнки не соблюдался и выданныя ссуды превышали дѣйствительную стоимость имуществъ. Подтвержденіемъ могутъ служить слѣдующія данныя:

1) Въ маѣ 1889 г. г-жа Погосская просила, въ виду произведенныхъ ею новыхъ построекъ, выдать дополнительную ссуду. Имущество оцѣнено было въ 16,500 р., и 19-го іюня выдана дополнительная ссуда въ 4,500 р., а въ ноябрѣ 1896 г. оно было продано съ торговъ всего за 3,212 р., т. е. ниже даже суммы дополнительной ссуды.

2) 16-марта 1890 г. г-ну Магеровскому была выдана ссуда въ 109,000 р. Въ ноябрѣ 1891 г. домъ его по случаю незначительнаго пожара былъ вновь осмотрѣнъ, и коммиссія признала, что стоимость его не уменьшилась. Въ февралѣ 1892 г. домъ остался за Обществомъ, и въ мартѣ того же года осматривавшая его коммиссія кредитнаго Общества нашла его въ запущенномъ видѣ, требующемъ усиленнаго ремонта. Въ 1895 г. домъ продается Романовскому всего за 80,002 р., черезъ два года опять остается за Обществомъ и въ 1897 г. продается съ новымъ убыткомъ. Всего же убытка понесено Обществомъ по этому дому 55,946 р.

3) Бывшій предсѣдатель наблюдательнаго комитета Евреиновъ купилъ въ кредитномъ Обществѣ съ торговъ домъ за 101,875 р., получилъ подъ него пять дополнительныхъ ссудъ,—послѣднюю въ апрѣлѣ 1891 г., и въ 1893 г. домъ этотъ при капитальномъ долгѣ въ 129,714 р. назначается въ продажу и продается только въ 1894 г. за 112,503 р. Общій убытокъ 37,714 р.

4) Пономарева получила подъ домъ уже заложенный за 9,500 р., три дополнительныхъ ссуды. При выдачѣ послѣдней ссуды въ 1890 г. въ суммѣ 1,700 р., оцѣночная коммиссія удостовѣрила возможность выдачи ссуды на 25 лѣтъ, а между тѣмъ всего черезъ три года домъ по ветхости былъ заколоченъ полиціей, остался безъ дохода, и при продажѣ его въ 1894 г, недовыручено было капитальнаго долга 5,386 р.

5) Купецъ Кокушкинъ въ 1892 г. покупаетъ съ торговъ домъ за 29,516 р., причемъ владѣлецъ второй закладной въ 10,000 р. предпочёлъ потерять капиталъ. По оцѣнкѣ архитектора Загорскаго Кокушкинъ получаетъ по перезалогу 28,700 р. Черезъ три года домъ продается фонъ-Дитмару съ убыткомъ въ 7,161 р., который покрывается изъ доходовъ. Затѣмъ фонъ-Дитмару разрѣшается продать изъ своего владѣнія 115 саж. съ постройками, а черезъ годъ имущество поступаетъ въ продажу, но остается за Обществомъ. Въ 1896 г. оно продается самому архитектору Загорскому за 25,342 р.

6) Въ январѣ 1891 г. крестьянинъ Мартыновъ получилъ ссуду въ 142,300 р., причемъ постройки оцѣнены были въ 189,700 р. Платежей Мартыновъ не производилъ, и домъ остался за Обществомъ. Въ іюлѣ 1896 г. судебный слѣдователь при участіи членовъ оцѣночной коммиссіи Московскаго Земельнаго Банка производилъ осмотръ и оцѣнку этого имущества, и всѣ постройки въ виду ихъ ветхости и недоброкачественности оцѣнены были только въ 65,700 р. Въ 1897 г. при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ рынка домъ былъ проданъ Поповой за 113,000 р. Капитальнаго долга недовыручено 29,300 р., а общій убытокъ—64,368 р.

7) Въ январѣ 1892 г. мѣщанинъ Савостьяновъ просилъ о выдачѣ ему дополнительной ссуды. Архитекторъ Хородиновъ и членъ оцѣночной коммиссіи Армянскій удостовѣрили, что имущество Савостьянова найденіи безъ перемѣнъ и доходность его прежняя—38,180 р., почему ему и выдана была дополнительная ссуда въ 28,600 р. Между тѣмъ оказалось, что за 16 дней до осмотра, произведеннаго будто бы Хородиновымъ и Армянскимъ, одинъ изъ домовъ Савостьянова, оцѣненный Хоро-

диновымъ въ 7,000 р., участковымъ архитекторомъ и полиціей, какъ угрожающій по ветхости опасностью жильцамъ, былъ заколоченъ. Имущество это было продано въ 1895 г. за 27,503 р., т. е. недовыручено капитальнаго долга, несмотря даже на то, что передъ тѣмъ, по приговору мирового съѣзда, издержано было Обществомъ на ремонтъ 3,762 р.

8) Архитекторъ кредитнаго Общества Елагинъ четыре раза получалъ подъ свой домъ ссуды, и въ послѣдній разъ ссуда была выдана въ суммѣ 30,045 р., т. е. изъ оцѣнки въ 40,060 р., а въ 1893 г. домъ былъ проданъ съ торговъ за 25,010 р.

9) Оцѣнка дома ст. сов. Никифорова цѣлымъ рядомъ дополнительныхъ ссудъ въ 1889 г. была доведена до 508,605 р. Въ августѣ 1892 г. послѣдовалъ новый перезалогъ и ссуда выдана въ размѣрѣ 405,000 р., а въ февралѣ 1895 г. домъ былъ проданъ съ торговъ за 385,045 р. Общій убытокъ 67,199 р.

10) И. Ададурову была выдана ссуда въ 168,300 р., а проданъ домъ за 131,013 р.,—убытокъ 70,243 руб. При ревизіи Михалева домъ этотъ по 10-тилѣтней сложности дохода былъ оцѣненъ въ 118,980 руб., слѣдовательно, въ ссуду могло бы быть выдано только 89,238 руб.

11) Бучумовъ получилъ 9-го августа 1891 г. дополнительную ссуду и прекратилъ платежи. Въ февралѣ 1893 г. домъ былъ назначенъ въ продажу при капитальномъ долгѣ въ 368,564 руб., а проданъ въ 1895 г. только за 335,004 р., весь убытокъ—96,425 руб.

12) Домъ Панфилова послѣ выдачи, въ виду возведенныхъ новыхъ построекъ, дополнительной ссуды былъ проданъ съ торговъ за 13,995 р., при капитальномъ долгѣ въ 16,836 р. Когда этотъ домъ поступилъ въ 1894 г. въ завѣдываніе Общества, члены оцѣночной комиссіи Армянскій, Поповъ и Соколовъ заявили, что пять строеній назначены властями къ сломкѣ и съ жильцовъ взяты подписки о выѣздѣ. Между тѣмъ тотъ же Армянскій въ двухъ актахъ удостовѣрялъ, что состояніе имущества соотвѣтствуетъ первоначальной описи.

13) Бывшій дѣлопроизводитель кредитнаго Общества Ордынскій въ концѣ 1876 г. купилъ заложенный въ Обществѣ домъ. Рядомъ дополнительныхъ ссудъ оцѣнка дома постепенно повышалась, и въ 1884 г. была выдана ссуда въ 22,000 руб. Къ апрѣлю 1889 г. на домѣ накопилось 6,556 р. недоимокъ и домъ назначенъ былъ въ продажу. Тѣмъ временемъ Ордынскій успѣлъ занять у Спировской подъ 2-ю закладную 3,000 р. На торгахъ Спировская не рѣшилась оставить домъ за собою, и деньги ея пропали. Домъ купила г-жа Галдобина, и ей, несмотря

на очевидную преувеличенность ссуды, разрѣшается перезалогъ съ выдачей еще большей ссуды—въ 23,600 р. Она не производитъ платежей, домъ послѣ неудачныхъ торговъ 26-го августа 1891 г. остается за Обществомъ. 27-го апрѣля 1892 г. продается Ртищевой за 19,004 руб., но и она не платитъ, и въ январѣ 1893 г. домъ опять остается за Обществомъ, въ маѣ 1893 г. продается Баландину уже за 18,003 р., но и онъ его не удерживаетъ, и домъ окончательно продается лишь въ 1894 г. Всего Обществомъ понесено убытка на этомъ домѣ, 9,409 р.

14) Клюгинъ 18-го января 1891 г. получилъ дополнительную ссуду, причемъ весь долгъ его опредѣлился въ 169,500 р., а въ 1896 г., послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ торговъ, домъ его былъ проданъ за 165,002 р., причемъ весь убытокъ оказался въ 33,623 р. Изъ дѣла объ этомъ залогѣ видно, что въ своемъ заявленіи въ 1891 г. Клюгинъ показалъ въ своихъ домахъ 42 квартиры. При осмотрѣ дома въ 1896 г. членами оцѣночной коммиссіи Московскаго Земельнаго Банка и архитекторомъ Кондратенко всѣ квартиры и постройки найдены были очень загрязненными, а нѣкоторыя полуразрушенными; позади конюшни оказались два полуразрушенныхъ помѣщенія, названныхъ въ описи 1891 г. фабрикой. Въ такомъ видѣ имущество, по мнѣнію коммиссіи, могло приносить дохода около 15,000 р., но опредѣлить его постоянную доходность, въ виду ветхости построекъ, эксперты отказались. По осмотру судебнымъ слѣдователемъ книгъ по дому Клюгина оказалось, что въ 1891 г. квартиръ было только 11. Интересно объясненіе, данное по этому дѣлу наблюдательному комитету членомъ оцѣночной коммиссіи *Поповымъ*, выясняющее порядокъ всѣхъ вообще оцѣнокъ. По словамъ Попова, при производствѣ оцѣнки въ 1891 г. онъ на мѣстѣ не былъ въ виду того, что незадолго передъ тѣмъ домъ осматривалъ Армянскій, и дѣло шло только объ увеличеніи ссуды по случаю передѣлокъ на небольшую сумму, и потому точное число квартиръ ему неизвѣстно. Ни одно заявленіе не обходится безъ неправильныхъ показаній для преувеличенія доходности, но все это принимается въ разсчетъ при оцѣнкѣ и доходъ съ несуществующихъ статей не признается, а оцѣночная коммиссія въ такихъ случаяхъ указываетъ доходъ въ общей суммѣ, не объясняя, что, именно, въ показаніи владѣльца не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

15) Солнцевъ получилъ послѣднюю дополнительную ссуду 22-го іюня 1892 г., а въ августѣ 1893 г. домъ былъ уже назначенъ въ продажу, и члены же оцѣночной коммиссіи кредитнаго Общества дали о состояніи построекъ такой отзывъ: «имущество это вслѣдствіе недоста-

точнаго хозяйскаго надзора и должнаго ремонта приведено владѣльцемъ въ такое состояніе, что полученіе съ него дохода, который оно могло бы давать, потребуетъ единовременной значительной затраты для приведенія онаго въ надлежащій видъ». Имущество было продано Соколовой за 70,002 р. съ убыткомъ въ 7,108 р.

16) При выдачѣ Воробьеву въ 1892 г. дополнительной ссуды архитекторъ, оставивъ прежнюю оцѣнку построекъ, указалъ, однако, что строеніе № 1-й требуетъ наружнаго ремонта. Тѣмъ не менѣе коммиссія повысила оцѣнку и правленіе разрѣшило дополнительную ссуду, уменьшивъ для этого скидку съ валовой доходности и отобравъ отъ Воробьева подписку о ремонтѣ. Въ 1894 г. домъ былъ проданъ съ убыткомъ.

17) Домъ Малова при осмотрѣ былъ признанъ архитекторомъ загрязненнымъ внутри и требующимъ ремонта. Оцѣночная коммиссія и правленіе нашли, что дурное состояніе дома не можетъ вліять на оцѣнку. Дополнительная ссуда 15,500 р., была выдана, и затѣмъ домъ проданъ съ убыткомъ.

Независимо отъ приведеннаго уже объясненія Попова, къ выясненію характера оцѣнокъ могутъ служить еще показанія архитекторовъ Общества *Сафонова*, *Загорскаго и Иванова*. Они говорятъ, что ихъ оцѣнка матеріальной стоимости бываетъ часто только приблизительною за отсутствіемъ детальныхъ чертежей и не имѣетъ серьезнаго значенія при опредѣленіи стоимости имущества, ибо послѣдняя выводится, главнымъ образомъ, по доходности. При такихъ условіяхъ, понятно, оцѣнки не только не соотвѣтствовали правиламъ устава, но прямо были чисто канцелярскимъ дѣломъ, сводились къ производству разсчета по ранѣе предрѣшенному вопросу о выдачѣ ссуды въ извѣстномъ размѣрѣ. Если по даннымъ оцѣнки не было основаній къ ея возвышенію, то увеличивалась стоимость земли или уменьшался процентъ скидки изъ валового дохода, и повышеніе достигалось. Во многихъ случаяхъ правленіе принимало безъ всякихъ провѣрокъ показанную заемщиками валовую доходность, какъ уже извѣстно изъ объясненія Попова, всегда преувеличенную и нерѣдко заключающую указаніе на несуществующія въ дѣйствительности статьи дохода, и выводило оцѣнку много выше дѣйствительной стоимости залога. Такой способъ оцѣнки усмотрѣнъ экспертомъ *Парчевскимъ* по тремъ залогамъ гг. Шильдбаховъ, по залогамъ Арминскаго, Смирновскаго, Соѣдова, Аралова, Бѣшенцева, Елагина, Неѣдьева,—лицъ, служащихъ въ правленіи, и по залогамъ 19 частныхъ лицъ.

Обвиняемые *Цвѣтухинъ*, *Шильдбахъ и Герике* прежде всего ссы-

лались на то, что всѣ эти оцѣнки были до нихъ, но это невѣрно, ибо по 55-ти дѣламъ съ недовыручкой капитальнаго долга оцѣнки и осмотры были позднѣе 1889 г., и такимъ образомъ первые два участвовали въ утвержденіи этихъ оцѣнокъ, а Герике могутъ быть поставлены въ вину цѣны съ декабря 1892 г., когда онъ сталъ директоромъ. Далѣе обвиняемые объясняли неудачи продажъ экономическимъ и домовладѣльческимъ кризисомъ. Къ такому объясненію правленіе прибѣгало съ 1890 г., но оно не было принято кредитной канцеляріей. Этими кризисами правленіе пыталось объяснить совершенно противоположныя явленія экономической жизни. Такъ, въ отчетѣ за 1878—79 г. торгово-промышленнымъ застоемъ и обращеніемъ свободныхъ капиталовъ на покупку домовъ правленіе объясняло быстрое увеличеніе цѣнности домовъ, а въ отчетѣ за 1891—92 г. тѣ же самыя причины приведены въ объясненіе паденія цѣнъ и домовладѣльческаго кризиса. Не останавливаясь на неустойчивости такихъ толкованій, слѣдуетъ замѣтить, что большинство осмотровъ и оцѣнокъ перечисленныхъ выше имуществъ были произведены, именно, въ моментъ указанныхъ правленіемъ кризисовъ, и это все-таки не остановило его въ увеличеніи задолженности этихъ имуществъ. Продавались они по минованіи кризисовъ, при благопріятныхъ условіяхъ рынка, но и они не могли устранить недовыручекъ капитальнаго долга. Въ періодъ 1890—91 г. продано было 90 имуществъ ниже оцѣнки, но безъ убытка по капитальному долгу; слѣдовательно, тамъ, гдѣ оцѣнка хотя сколько-нибудь соотвѣтствовала дѣйствительной стоимости имуществъ, кризисы оказывались безсильными. Что касается до разнообразныхъ причинъ, приводимыхъ правленіемъ въ объясненіе домовладѣльческаго кризиса, то всѣ онѣ должны быть введены въ оцѣнку постоянной доходности. Невозможно, напримѣръ, признать правильность оцѣнокъ, забывающихъ расходъ по санитарнымъ требованіямъ полиціи. Послѣднее оправданіе обвиняемыхъ заключается въ томъ, что во всемъ виновата оцѣночная коммиссія, дѣйствующая самостоятельно, но оправданіе это несостоятельно, и всякій несетъ свою долю отвѣтственности, и бездѣйствіе оцѣночной коммиссіи не устраняетъ отвѣтственности правленія.

II. Нарушеніе §§ 67, 68 и 69 устава непринятіемъ мѣръ ко взысканію долговъ съ заложенныхъ имуществъ.

При разсмотрѣніи дѣлопроизводства Общества выяснилось, что правленіе, по полученіи изъ бухгалтеріи списковъ заемщиковъ, коихъ платежи перешли установленный льготный срокъ, не составляло журналь-

наго постановленія о приведеніи въ исполненіе указанныхъ въ уставѣ мѣръ, а лишь по личному усмотрѣнію директора, дѣлавшаго на представленномъ спискѣ отмѣтки краснымъ или синимъ карандашемъ, исключало изъ списковъ тѣхъ или другихъ лицъ, не дѣлая отдѣльныхъ постановленій о причинахъ снятія имѣнія съ публикаціи о торгахъ. Обыкновенно публиковались только тѣ неисправные заемщики, коихъ недоимки были не менѣе двухъ срочныхъ платежей, имущества же только съ однимъ просроченнымъ платежемъ по большей части не назначались въ продажу. Не отрицая этого, обвиняемые *Цвѣтухинъ и Шильдбахъ* объяснили, что въ виду многочисленности неисправныхъ заемщиковъ правленіе не въ состояніи было составлять мотивированнаго постановленія, какъ общаго для всѣхъ попавшихъ въ списокъ неисправныхъ заемщиковъ лицъ, такъ и въ отдѣльности о каждомъ снимавшемся съ публикаціи о назначеніи имѣній въ продажу, хотя и по причинамъ, не указаннымъ въ уставѣ, и что, вообще, за одну недоимку правленіемъ не принято было, за рѣдкими исключеніями, назначеніе имуществъ въ продажу, тѣмъ болѣе, что большое предложеніе имѣній къ продажѣ могло невыгодно отразиться на ихъ цѣнѣ. *Цвѣтухинъ* къ этому добавилъ, что, при назначеніи въ продажу имуществъ за одинъ срочный платежъ, назначались въ продажу имущества послѣдней серіи.

Изъ составленныхъ экспертомъ *Парчевскимъ* вѣдомостей оказывается, что на 73 имуществахъ, назначенныхъ въ продажу, ко времени торговъ было въ недоимкахъ 344 полугодія, т. е. въ среднемъ свыше 4 полугодій на каждое имущество, причемъ только 15 имуществъ имѣли по одной сверхльготной недоимкѣ. Имущества эти продавать не удавалось, и они оставались за Обществомъ, которое продолжало производить уплату срочныхъ платежей за счетъ несуществующаго заемщика, и количество просроченныхъ платежей увеличивалось. Ко дню дѣйствительной продажи на 101 имуществѣ числилось уже 564 просроченныхъ платежа,—свыше пяти на каждое имущество. Съ возрастаніемъ недопускаемыхъ уставомъ льготъ росли и убытки Общества, и по счетамъ бухгалтеріи ихъ оказалось 800,515 руб., покрытыхъ изъ средствъ Общества частью по распоряженію правленія, частью же по предписанію министра финансовъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ какъ продолжительнымъ временемъ непринятія мѣръ взысканія недоимокъ, такъ и суммою убытковъ слѣдующіе залоги: русскаго товарищества пиво-и медоваренія въ Москвѣ,—убытокъ въ просроченныхъ платежахъ 137,798 р., Глѣбова—34,976 р. и Абрамова—27,924 р.

III. Нарушенія правилъ устава по выдачѣ дополнительныхъ ссудъ.

По уставу, выдача дополнительной ссуды недоимщику невозможна, но правленіе кредитнаго Общества во многихъ случаяхъ выдавало дополнительныя ссуды именно недоимщикамъ, съ явною цѣлью уменьшить количество недоимокъ, по поводу которыхъ отъ него требовала объясненія кредитная канцелярія, отдаляя, такимъ образомъ, необходимость назначенія имуществъ въ продажу. Обремененныя, благодаря дополнительной ссудѣ, еще большимъ противъ прежняго долгомъ имущества по безуспѣшности торговъ оставались за Обществомъ и затѣмъ приносили убытокъ, слагавшійся изъ недовыручки капитальныхъ долговъ и тѣхъ просроченныхъ платежей, которые числились за заемщиками при назначеніи имуществъ въ продажу и остались невыручennыми при дѣйствительной продажѣ залоговъ. Суммы эти указаны въ общихъ убыткахъ, исчисленныхъ по первымъ двумъ отдѣламъ въ количествѣ 159,648 и 800,515 р.

Обвиняемый *Шильдбахъ* утверждалъ, что дополнительныя ссуды выдавались только по погашеніи недоимокъ, и въ журнальныхъ постановленіяхъ правленія всегда указывалось: «выдать опредѣленную ссуду по уплатѣ числящихся на имуществѣ недоимокъ». Такое оправданіе не заслуживаетъ уваженія. Конечно, въ бланкахъ постановленій правленія такое условіе имѣлось и на бумагѣ погашеніе недоимки предшествовало выдачѣ дополнительной ссуды, но на дѣлѣ этого не могло быть. Несомнѣнно, что обремененный непосильнымъ долгомъ, увеличеннымъ недоимками, заемщикъ являлся просить о ссудѣ съ пустыми руками, безъ денегъ. Правленіе знало о задолженности заемщика и неисправности залога и, выдавая ему ссуду въ явное нарушеніе устава, представляло ему льготы въ ущербъ интересамъ Общества.

IV. Нарушенія по оставленію непроданныхъ имуществъ за Обществомъ свыше установленнаго годичнаго срока.

По уставу кредитнаго Общества, имущества, остающіяся за нимъ по безуспѣшности торговъ, должны быть проданы въ теченіе года, а могущіе при этомъ получиться убытки должны быть списаны со счета запаснаго капитала. Эти правила имѣютъ первенствующее значеніе. Съ одной стороны, они ограждаютъ Общество, показывая ему въ соотвѣтствующемъ уменьшеніи запаснаго капитала необходимость принятія мѣръ для устраненія возможности наступленія круговой отвѣтственности; съ другой сто-

роны, запрещеніе оставлять дома въ вѣдѣніи Общества болѣе года устраняетъ возможность злоупотребленій по спекуляціи или управленію ими. Правленіе кредитнаго Общества явно нарушало эти правила. Во-первыхъ, оно всѣ убытки по продажѣ домовъ списывало изъ доходовъ Общества или показывало въ статьяхъ расхода, причемъ Общество, полагая подъ расходами неизбѣжныя затраты, подлежащія въ нѣкоторыхъ случаяхъ возврату, и имѣя передъ собой въ отчетахъ полную сумму запаснаго капитала, могло считать положеніе Общества обезпеченнымъ, не подозрѣвая, что въ расходахъ этихъ значились безвозвратныя потери. Во-вторыхъ, правленіе держало въ своемъ пользованіи и владѣніи значительное количество домовъ, отдавая ихъ въ управленіе своимъ агентамъ, что влекло за собою злоупотребленія послѣднихъ, не говоря уже о спекуляціяхъ по продажѣ домовъ. Изъ данныхъ, извлеченныхъ изъ дѣлъ экспертомъ *Парчевскимъ*, видно, что, считая лишь время съ момента принудительной продажи, которая, какъ извѣстно, назначалась послѣ многихъ полугодій неуплатъ срочныхъ платежей, въ распоряженіи правленія было 37 домовъ, которые оно удерживало за собой болѣе года. Изъ нихъ дома Глѣбова оставались за Обществомъ пять лѣтъ, дома Фирсова, Анитова и товарищества пиво и медоваренія—болѣе четырехъ лѣтъ, дома Ададурова, Магеровскаго, Мартынова и Лебова—болѣе трехъ лѣтъ и т. д. Значеніе оставшихся за Обществомъ домовъ на продолжительный не разрѣшенный уставомъ срокъ можетъ быть уяснено на слѣдующемъ случаѣ. 3-го сентября 1890 года за Обществомъ осталось имущество товарищества пиво и медоваренія. Къ этому времени капитальнаго долга на имуществѣ числилось 362, 910 руб. 14-го февраля 1895 года имущество это было продано за 350,000 руб.,—цѣну, близко подходящую къ капитальному долгу. Между тѣмъ, продержавъ въ своемъ вѣдѣніи этотъ залогъ пять лѣтъ, правленіе обязано было оплачивать купоны по облигаціямъ, что за 10 полугодій составило однихъ срочныхъ и сверхсрочныхъ платежей 158, 106 р.; это и составило значительный убытокъ, который былъ бы устраненъ своевременною, по уставу, продажею залога, хотя бы даже по значительно удешевленной цѣнѣ.

Нарушая § 73, правленіе не исполняло и другаго требованія закона,—не привлекало къ отвѣтственности членовъ оцѣночной коммиссіи. Обыкновенно правленіе ограничивалось посылкою къ членамъ оцѣночной коммиссіи формальнаго запроса о желаніи ихъ принять имущество въ свое завѣдываніе, но они постоянно отъ этого отказывались, ссылаясь чаще всего на запущенность имуществъ, причемъ иногда такіе отказы по-

ступали вскорѣ послѣ оцѣнки имуществъ. Напримѣръ, домъ Миловой оцѣнщики отказались принять черезъ четыре мѣсяца послѣ удостовѣренія комиссіи о полной исправности залога, домъ Кудрявцевой—черезъ недѣлю и т. п. Домъ Елагина оцѣнщики отказались принять даже безъ объясненія причинъ. Къ такимъ случаямъ слѣдуетъ прибавить всѣ случаи нахожденія имуществъ въ полуразрушенномъ состояніи послѣ удостовѣренія о полной ихъ исправности. Казалось бы, что все это должно было вызвать привлеченіе оцѣнщиковъ къ отвѣтственности, тѣмъ болѣе, что этого требовали нѣкоторые изъ членовъ наблюдательнаго комитета, но правленіе бездѣйствовало, и это объясняется тѣмъ, что оцѣнщики исполняли только волю правленія, и привлеченіе ихъ къ отвѣтственности вызвало бы вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности правленія.

Весь ущербъ Общества отъ этихъ нарушеній составляетъ 1,497,248 р.

V. Злоупотребленія по выдачѣ коммиссіоннаго вознагражденія.

Начиная съ 1894 г. при продажѣ нѣкоторыхъ оставшихся за кредитнымъ Обществомъ имуществъ правленіе стало выдавать денежное вознагражденіе посредникамъ между покупателями и Обществомъ. По установившейся практикѣ, лица, считавшія себя въ правѣ получить такое вознагражденіе, подавали о томъ письменное заявленіе правленію, которое обсуждало его одновременно съ другими условіями продажи и, утвердивъ ихъ журнальнымъ опредѣленіемъ за подписью всѣхъ членовъ, давали кассѣ ордеръ на уплату комиссіонеру назначенной суммы. Уставъ не уполномочиваетъ правленіе на выдачу такого вознагражденія, и одинъ изъ членовъ наблюдательнаго комитета не разъ протестовалъ противъ этого незаконнаго расхода, но безуспѣшно, хотя директоръ Цвѣтухинъ и говорилъ, что самъ онъ не видитъ необходимости въ вознагражденіи комиссіонеровъ. Самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Общества по продажѣ имущества былъ крестьянинъ Генераловъ, незадолго передъ тѣмъ объявленный несостоятельнымъ должникомъ и не имѣвшій опредѣленнаго общественнаго положенія, но близкій къ Шильдбаху. По показанію самого *Генералова*, онъ, подыскавъ покупателя, подавалъ въ правленіе заявленіе о назначеніи ему комиссіоннаго вознагражденія въ размѣрѣ заранѣе опредѣленномъ Цвѣтухинымъ, и одновременно съ этимъ расписывался на чистомъ бланкѣ ордера кассѣ въ полученіи соотвѣтствующей суммы. Спустя нѣкоторое время Цвѣтухинъ сказалъ ему, что частое появленіе его заявленій о выдачѣ комиссіонныхъ неудобно, и предложилъ подыскать другихъ лицъ, отъ имени которыхъ могли бы подаваться заявленія. Нѣко-

торые его знакомые согласились на это, стали подписывать заявленія и расписываться на бланкахъ ордеровъ, а онъ, Генераловъ, получалъ по нимъ деньги. Шильдбахъ и Герике присутствовали при его переговорахъ съ Цвѣтухинымъ и иногда принимали въ нихъ участіе, но только съ совѣщательнымъ голосомъ.

Обстоятельства, установленныя слѣдствіемъ по поводу отдѣльныхъ случаевъ выдачи комиссіоннаго вознагражденія, заключаются въ слѣдующемъ.

4-го марта 1896 г. былъ проданъ купцу Привалову домъ Клюгина за 165,002 р. съ убыткомъ въ 33,623 р. 28 к., и по журналу правленія было назначено за эту продажу вознагражденіе мѣщанину Сергѣю Волокитину въ 3300 р., въ полученіи которыхъ есть и его росписка на ордерѣ. При допросѣ на предварительномъ слѣдствіи *Волокитинъ* показалъ, что въ февралѣ 1896 г. онъ былъ у своего зятя, члена наблюдательнаго комитета Грачева. Тутъ былъ и Приваловъ, который въ разговорѣ высказалъ намѣреніе купить домъ. Когда онъ ушелъ, Грачевъ сказалъ, что, по его мнѣнію, Привалову подошелъ бы домъ Клюгина и что кредитное Общество можетъ выдать вознагражденіе въ случаѣ продажи этого дома. «Вотъ ты и дай намъ съ Сережей (Волокитинъ) заработать, а ты человѣкъ одинокій, тебѣ не надо!»—сказалъ бывшій тутъ же Григорьевъ, на что Грачевъ замѣтилъ, что онъ, какъ служащій въ Обществѣ, и не можетъ получать вознагражденіе. Спустя день или два Григорьевъ чрезъ Грачева поручилъ свидѣтелю съѣздить въ кредитное Общество узнать, будетъ ли дана комиссія за продажу дома Клюгина. Онъ поѣхалъ и узналъ отъ Шильдбаха, что дадутъ тысченки двѣ или три. Объ этомъ онъ сообщилъ Григорьеву, а спустя нѣкоторое время узналъ отъ Грачева, что домъ Клюгина проданъ и имъ дадутъ вознагражденіе. Затѣмъ онъ, по просьбѣ Григорьева, подписалъ заявленіе въ правленіе и подъ его диктовку расписался на ордерѣ въ полученіи 3,000 р., а черезъ два дня Грачевъ отъ имени Григорьева передалъ ему 1,000 р. Съ Приваловымъ онъ никакихъ разговоровъ о продажѣ дома не имѣлъ и даже познакомился съ нимъ только черезъ два мѣсяца послѣ торговъ. *Григорьевъ* показалъ, что разговоръ съ Грачевымъ о возможности покупки дома Приваловымъ казался ему несерьезнымъ, и только потомъ, узнавши отъ Волокитина о томъ, что домъ Клюгина можетъ быть проданъ за 165,000 р. съ переводомъ 153,000 р. долга, онъ зашелъ къ Привалову и предложилъ ему купить этотъ домъ; затѣмъ они вмѣстѣ осмотрѣли его и поѣхали въ кредитное Общество, гдѣ онъ, Григорьевъ, познакомилъ Привалова съ

Шильдбахомъ. Этимъ его участіе и ограничилось. Изъ полученныхъ за комиссію денегъ 1,000 р. онъ далъ Волокитину, а остальныя оставилъ себѣ. *Привалов*ъ объяснилъ, что Григорьевъ сначала даже отговаривалъ его отъ покупки дома, но потомъ вмѣстѣ съ нимъ осматривалъ его и познакомилъ съ Шильдбахомъ.

Объясненія Григорьева о томъ, что онъ оставилъ себѣ 2,000 р., опровергаются слѣдующими данными. Купецъ *Козлов* показалъ, что самъ Григорьевъ говорилъ ему, что изъ комиссіонныхъ ему досталось только 1,000 р. Затѣмъ членъ наблюдательнаго комитета *кн. Долгорукій* былъ свидѣтелемъ, по его словамъ, «грязной, непріличной» сцены,— ссоры между членами комитета Бровкинымъ и Спиридоновымъ, съ одной стороны, и Грачевымъ—съ другой. Первые двое требовали, чтобы половина комиссіонныхъ денегъ была дана имъ, а Грачевъ утверждалъ, что все вознагражденіе должно быть раздѣлено между имъ, Грачевымъ, и Григорьевымъ. При этомъ были Цвѣтухинъ и Шильдбахъ, причемъ послѣдній, по словамъ свидѣтеля *Алексѣева*, держалъ сторону Грачева на томъ основаніи, что росписка Волокитина, въ полученіи комиссіонныхъ денегъ, получена при содѣйствіи Грачева.

Въ 1896 г. домъ Карпинской былъ проданъ Кожину за 152,002 р. съ убыткомъ въ 11,593 р. 93 к., и по журналу правленія комиссіонное вознагражденіе въ суммѣ 600 р. назначено пот. поч. гр. Гальнбеку. Когда журналъ поступилъ на утвержденіе въ наблюдательный комитетъ, члены его кн. Долгорукій и Аничкинъ явились въ правленіе съ протестомъ противъ такого назначенія. Одинъ изъ директоровъ сказалъ, что теперь ничего нельзя сдѣлать, такъ какъ журналъ уже подписанъ, да и, вообще, неудобно отмѣнить выдачи комиссіоннаго вознагражденія, такъ какъ въ немъ иногда бываютъ заинтересованы нѣкоторые члены наблюдательнаго комитета. На вопросъ князя Долгорукаго: кто же именно?—Цвѣтухинъ отвѣтилъ: Спиридоновъ,—а Шильдбахъ выразилъ негодованіе на то, что Спиридоновъ требуетъ отъ такого бѣднаго человѣка, какъ, напримѣръ, служащаго въ бухгалтеріи Михайлова, части назначеннаго ему вознагражденія. Пригласили Михайлова, и онъ подтвердилъ, что Спиридоновъ дѣйствительно требовалъ 400 р. изъ назначенныхъ ему 600, обѣщая за это просить объ увеличеніи вознагражденія до 1,000 р.

Въ 1895 г. домъ Бучумова былъ проданъ Дунаеву за 335,004 р. съ убыткомъ въ 20,743 р. 74 к., и комиссіонное вознагражденіе въ суммѣ 6,700 р. значится выданнымъ мѣщанину Антропову, а слѣдствіемъ установлено, что о возможности купить домъ Бучумова за

335,000 р. повѣренный Дунаева Козловъ узналъ отъ нѣкоего Аралова, съ которымъ его познакомилъ Викторсонъ. Араловъ же познакомилъ Козлова съ однимъ изъ директоровъ. Викторсонъ принималъ участіе въ торгѣ по дому Бучумова и на переторжкѣ внесъ за Дунаева задатокъ. Такимъ образомъ, посредниками до нѣкоторой степени были Викторсонъ и Араловъ; Антроповъ же рѣшительно никакого участія въ продажѣ дома Бучумова не принималъ и получилъ отъ Аралова за свою подпись всего нѣсколько сотъ рублей.

Въ декабрѣ 1895 г. домъ Ададурова былъ проданъ Прокофьеву за 131,013 р. съ убыткомъ въ 27,173 р. 16 к., независимо отъ ранѣе списанныхъ со счетовъ 43,070 р. 22 к. недоимки. Вознагражденіе за комиссію въ 7,500 р. значится выданнымъ крестьянину Маркову, который показалъ, что никакого участія въ этомъ дѣлѣ не принималъ и никакихъ денегъ не получалъ, а расписывался по просьбѣ Генералова. *Генераловъ* подтвердилъ это показаніе и объяснилъ сначала, что изъ слѣдовавшаго ему вознагражденія онъ получилъ отъ Цвѣтухина только 1,000 р., изъ которыхъ 300 р. выдалъ Виноградову за его участіе въ дѣлѣ, а 6,500 р. удержалъ Цвѣтухинъ, который сказалъ, что 1,000 р. нужна для покрытія расходовъ по общему собранію, 5,000 р.—на издержки по поѣздкѣ его, Цвѣтухина, съ двумя другими лицами въ Петербургъ и 500 р.—на какіе-то его расходы, причемъ обѣщалъ возмѣстить это назначеніемъ большаго вознагражденія по другимъ дѣламъ, но обѣщанія этого не исполнилъ. Потомъ онъ измѣнилъ свое показаніе и сталъ утверждать, что какъ первую тысячу, такъ, вскорѣ послѣ перваго допроса, и остальныя деньги онъ получилъ прямо изъ кассы, а не отъ Цвѣтухина. Однако Алексѣеву онъ же говорилъ, что 5,000 руб. изъ коммиссіонныхъ денегъ были употреблены Цвѣтухинымъ на поѣздку въ Петербургъ. *Аничкинъ* удостовѣрилъ, что, при обсужденіи условій продажи дома Ададурова въ наблюдательномъ комитетѣ, Шильдбахъ просилъ не препятствовать выдачѣ коммиссіонныхъ денегъ въ назначенномъ правленіемъ размѣрѣ, такъ какъ онѣ нужны на поѣздку въ Петербургъ. *Прокофьевъ* показалъ, что онъ купилъ домъ Ададурова безъ участія коммиссіонеровъ.

За продажу дома Головилова въ 1895 г. вознагражденіе въ 1,500 р. значится выданнымъ Калинину, который показалъ, однако, что подписался по просьбѣ Генералова, а въ дѣлѣ о продажѣ совсѣмъ не участвовалъ. Генераловъ подтвердилъ это, заявляя, что посредникомъ покупки былъ онъ, Генераловъ, а покупщица Глазова показала, что

никакихъ посредниковъ не было и Генералова она совсѣмъ не знаетъ.

При продажахъ имуществъ Збукъ, Магеровскаго, Самодурова, Евдокіи Бучумовой, Астафьева, Петрова и др. вознагражденія за посредничество значатся выданными разнымъ лицамъ, тогда какъ слѣдствіемъ установлено, что они никакого участія въ переговорахъ не принимали, одинъ изъ нихъ, Сысоевъ, въ указанное въ его росписке на ордерѣ время сидѣлъ даже въ тюрьмѣ, а настоящимъ, болѣе или менѣе дѣятельнымъ коммиссіонеромъ былъ Генераловъ.

Независимо отъ этого при многихъ продажахъ, несмотря на убыточность ихъ, Генераловъ получалъ вознагражденіе лично, безъ участія подставныхъ лицъ. Въ 1895 г., вслѣдствіе жалобъ нѣкоторыхъ лицъ на назойливость Генералова, Цвѣтухинъ приказалъ швейцару не пускать его въ кредитное Общество, но это распоряженіе не помѣшало Генералову по-прежнему ходить туда каждый день, быть на глазахъ у того же Цвѣтухина, числиться коммиссіонеромъ и получать за свое посредничество суммы, значительно превышавшія вознагражденіе другихъ коммиссіонеровъ.

Всего на выдачу коммиссіонныхъ денегъ за продажу 35-ти имуществъ въ періодъ времени 1894—96 гг. издержано 39,860 р., изъ нихъ 5,400 р. уплачены лицамъ, не имѣвшимъ личныхъ отношеній къ служебному персоналу правленія, около 17,000 р. получено Генераловымъ непосредственно или черезъ подставныхъ лицъ, остальныя получены Волокитинымъ, Григорьевымъ, Араловымъ и ихъ знакомыми. Генераловъ при первомъ же допросѣ показалъ, что только незначительныя суммы онъ получалъ полностью, да и то приходилось дѣлиться съ служащими, а при болѣе крупныхъ назначеніяхъ Цвѣтухинъ удерживалъ половину будто бы для погашенія недоимокъ по дому его, Генералова, жены или подъ какимъ-нибудь другимъ предлогомъ, но потомъ оказалось, что домъ жены былъ проданъ съ торговъ и недоимки покрыты изъ суммы, внесенной покупщикомъ. Подтвердилъ онъ это и на нѣсколькихъ послѣдующихъ допросахъ, но черезъ 11 мѣсяцевъ послѣ перваго допроса заявилъ, что всѣ деньги онъ получилъ сполна и ничего у него не удерживали. Однако изъ показаній Сысоева, Алексѣева, Плотникова и Виноградова видно, что имъ Генераловъ говорилъ, что никогда ему не случалось получать полностью назначенныхъ за коммиссію денегъ,—всегда значительная часть оставалась или у директоровъ, или раздавалась служащимъ.

Цвѣтухинъ, Шильдбахъ и Герике, не признавая себя виновными, объяснили: *Цвѣтухинъ*,—что былъ всегда противникомъ участія коммиссіо-

неровъ при продажахъ. Онъ всегда былъ увѣренъ, что вознагражденіе назначается правленіемъ дѣйствительному коммиссіонеру и имъ же получается. Чаще другихъ являлся въ качествѣ коммиссіонера Генераловъ, и въ концѣ 1894 г. онъ, Цвѣтухинъ, замѣтивъ его назойливость по отношенію къ приходившимъ въ правленіе по дѣламъ лицамъ, не велѣлъ пускать его. Это озлобило Генералова, и въ отмщеніе онъ ложно оговорилъ его въ присвоеніи части коммиссіонерныхъ денегъ.

Герике объяснилъ, что всѣ заявленія коммиссіонеровъ поступали къ Цвѣтухину. Насколько ему извѣстно изъ личныхъ наблюденій и со словъ другихъ директоровъ, заявленія эти подавались и деньги получались тѣми самыми лицами, которыя вели переговоры.

Шильдбахъ объяснилъ, что коммиссіонерствомъ занималось нѣсколько лицъ, больше другихъ—Генераловъ. Сначала онъ дѣйствовалъ единолично, но когда коммиссіонеры перессорились между собою и стали мстить другъ другу, Генераловъ, чтобы прекратить распри, вступилъ съ ними въ компанію, и они стали дѣйствовать сообща, но сношенія съ правленіемъ велъ большею частью Генераловъ, къ которому всѣ директоры относились съ полнымъ довѣріемъ.

Грачевъ и Михайловъ тоже не признали себя виновными. *Грачевъ* ссылался на Волокитина и Григорьева, показанія которыхъ не могутъ, однако, поколебать достовѣрность показаній кн. Долгорукаго и Аничкина. *Михайловъ* утверждалъ, что коммиссіонеромъ по продажѣ дома Каринской Кожину былъ дѣйствительно Гальнбекъ, получившій за это деньги и расписавшійся на ордерѣ. Гальнбекъ подтвердилъ это объясненіе Михайлова, но показанія Кожиной и Парадѣева удостовѣряютъ, что Кожины съ Гальнбекомъ никакихъ дѣлъ не имѣли, Кожина его даже совсѣмъ не знаетъ и отъ мужа ничего объ немъ не слыхала, а домъ купленъ чрезъ посредство Михайлова, который внесъ и задатокъ за Кожина.

VI. *О злонамѣренности въ дѣйствіяхъ директоровъ по операціямъ ссудъ.*

Злонамѣренность эта выразилась, главнымъ образомъ, въ томъ, что обвиняемые изъ личныхъ выгодъ, а равно изъ желанія доставить противозаконныя выгоды другимъ, допускали цѣлый рядъ спекуляцій по имуществамъ, находившимся въ залогѣ. Спекуляціи эти сопровождали выдачу ссудъ, назначеніе имуществъ въ продажу и оставленіе ихъ за Обществомъ на неопредѣленный срокъ. Обращаясь къ указанію отдѣльныхъ случаевъ такихъ злоупотребленій, представляется прежде всего необходимымъ остано-

виться на отношеніяхъ правленія къ Генералову. Независимо отъ того, что Генераловъ, по словамъ самого Шильдбаха, пользовался полнымъ довѣріемъ директоровъ, въ дѣлѣ имѣются данныя, свидѣтельствующія о томъ, что Шильдбахъ былъ связанъ съ Генераловымъ дѣловыми отношеніями. Онъ лично состоялъ кредиторомъ несостоятельнаго Генералова по непротестованному векселю на 10,000 р., и претензія эта по опредѣленію конкурса изъ счета долговъ была исключена, а вексель ему возвращенъ, но и затѣмъ онъ остался кредиторомъ по 7-ми другимъ векселямъ на сумму 4,406 р. Мать *Генералова, Пелагея Степанова* удостовѣрила, что она никакихъ довѣренностей на пріобрѣтеніе домовъ сыну не давала и сама ихъ, какъ неимущая, не покупала, между тѣмъ слѣдствіемъ установлено слѣдующее. 10-го августа 1892 г. Пелагея Степанова (безъ обозначенія фамиліи) пріобрѣла заложенное въ кредитномъ Обществѣ имущество, на которое того же числа была утверждена закладная на имя Шильдбаха въ 3,000 р. 15-го мая 1894 г. домъ сгорѣлъ, и страховая премія въ 8,060 р. по заявленію повѣреннаго Степановой Генералова обращена была на погашеніе недоимокъ и закладной Шильдбаха. На другой домъ той же Степановой имѣлись двѣ закладныя на имя Шильдбаха — на 8,000 р. и на 10,000 р. Послѣ выдачи подъ этотъ домъ дополнительной ссуды 15-го мая 1894 г. онъ сгораетъ, и страховая премія въ 17,197 руб. по просьбѣ повѣреннаго Степановой Генералова идетъ на погашеніе закладныхъ.

Дома Ермилова по осмотру архитектора въ октябрѣ 1887 г. найдены были въ прочномъ состояніи и стоящими вмѣстѣ съ землею 53,210 р. За невзносъ срочныхъ платежей имущество это было назначено въ продажу на 25-е февраля 1891 г., и въ составленномъ въ это время актѣ архитектора Сафонова сказано, что имущество находится, «какъ значится въ описи», а 15-го мая того же года полиція сообщила правленію, что одинъ изъ флигелей долженъ быть заколоченъ, какъ угрожающій опасностью жильцамъ. Осмотрѣвъ послѣ этого домъ Ермилова, коммиссія кредитнаго Общества признала, что на ремонтъ его требуется 8,000 р. и что теперь постройки стоятъ только 15,000 р., а земля—20,400 руб. На торгахъ имущество это покупаетъ Пелагея Степанова за 20,310 р., т. е. ниже стоимости одной земли. На слѣдствіи она показала, что торговалась она на этотъ домъ по просьбѣ сына, Генералова, и Шильдбаха, котораго она часто видала у своего сына, причемъ ей было пояснено, что настоящимъ хозяиномъ будетъ Шильдбахъ. Послѣдній далъ ей и денегъ на задатокъ. То же самое показала Степанова и на вторичномъ до-

просѣ въ присутствіи Шильдбаха. Справедливость этого показанія подтверждается и показаніями свидѣтелей *Ларіонова и Кузнецова*, которые удостовѣрили, что сейчасъ же послѣ покупки дома стали ломать старыя постройки и возводить новыя, но изъ очень плохого матеріала, причемъ всѣмъ распоряжался, нанималъ подрядчиковъ и расплачивался съ ними Шильдбахъ, а Степанову тамъ никто не видалъ и не зналъ. Затѣмъ послѣдовала слѣдующая операція. Присяжный переводчикъ Невяжскій познакомилъ нотаріуса Тарасова съ Шильдбахомъ и просилъ его достать для послѣдняго денегъ подъ закладную на домъ Степановой, говоря, что эти деньги нужны Шильдбаху, которому въ дѣйствительности принадлежитъ домъ, для расплаты съ подрядчиками. Тарасовъ обратился къ д. ст. сов. Исакову, который согласился дать 80,000 р., только увѣрившись, что деньги идутъ Шильдбаху. Закладную совершалъ по довѣренности Степановой членъ наблюдательнаго комитета Королевъ, а Шильдбахъ въ это время, въ ожиданіи разсчета, ходилъ возлѣ конторы по улицѣ. Затѣмъ, въ ресторанѣ «Эрмитажъ» устроенъ былъ обѣдъ, за которымъ Шильдбахъ благодарилъ Тарасова за оказанную ему помощь. Послѣ полученія 80,000 р. постройка дома прекратилась, большая часть его была сдана въ аренду Обществу Брестской желѣзной дороги, и, наконецъ, за невзносъ срочныхъ платежей домъ былъ назначенъ въ продажу. Получивъ объ этомъ повѣстку, Исаковъ отправился за разъясненіями къ Шильдбаху, но тотъ рѣшительно отрекся отъ какой-либо прикосновенности къ этому дѣлу и посовѣтовалъ Исакову поскорѣе оставить домъ за собою, такъ какъ онъ находится въ завѣдываніи Генералова, а это, — сказалъ Шильдбахъ, — «прямо мошенникъ» и можетъ совсѣмъ разорить домъ. Такимъ образомъ, по одной этой операціи Шильдбахъ, купивъ домъ за полцѣны, нанесъ Обществу ущербъ въ 27,777 р. и воспользовался 80,000 р., полученными отъ Исакова.

Свидѣтельница *Соколова* показала, что ни въ родственныхъ, ни въ другихъ отношеніяхъ съ Шильдбахами не состоитъ, но давно живетъ въ ихъ семьѣ; сначала была воспитательницей, а потомъ осталась жить съ сестрою Сергѣя Шильдбаха. Изъ дѣла, однако, усматривается слѣдующее. Желая пріобрѣсти заложенный въ кредитномъ Обществѣ домъ Бородина, купецъ Козловъ явился на торги, производившіеся почему-то не въ обычномъ помѣщеніи, а въ комнатѣ правленія, и сталъ дѣлать крупныя надбавки. Тогда къ нему подошелъ Григорьевъ и предложилъ ему больше не надбавлять и уйти съ торговъ, такъ какъ этотъ домъ покупаетъ самъ Шильдбахъ. Козловъ пересталъ торговаться, и въ это время вступила въ

торгъ г-жа Соколова и только-что надбавила 1 руб., какъ всѣ участвовавшіе отказались отъ торга, и домъ остался за нею. На производившихся потомъ въ этомъ домѣ работахъ всѣмъ распоряжался Шильдбахъ и расплачивался съ подрядчиками. Благодаря участію въ торгахъ Козлова домъ Бородина былъ проданъ на три тысячи дороже, чѣмъ предполагалось, и съ тѣхъ поръ въ кредитномъ Обществѣ Козлову стали дѣлать всякія притѣсненія. Соколова принимала участіе и въ пріобрѣтеніи Шильдбахомъ дома Ермилова,—на ея имя была написана закладная въ 40,000 р., очевидно, чтобы не дать возможности воспользоватся этимъ домомъ повѣренному Степановой Генералову. Соколовою былъ пріобрѣтенъ домъ Солнцевой, по которому Общество понесло убытка 7,108 руб. Противозаконныя льготы допускались и для другихъ близкихъ Шильдбаху лицъ. Ида Шильдбахъ, получивъ въ августѣ 1890 года дополнительную ссуду, съ сентября 1891 года прекратила всякіе платежи, но домъ ея былъ назначенъ въ продажу только черезъ пять лѣтъ, причемъ капитальнаго долга на немъ оказалось только 13,245 руб., а недоимокъ 9,748 руб. Домъ проданъ съ убыткомъ въ 6,135 руб. Всѣ эти дѣйствія утверждались правленіемъ въ полномъ составѣ, и, конечно, нельзя допустить, чтобы Цвѣтухинъ и Герике не знали и не понимали того, что дѣлалось у нихъ на глазахъ, напримѣръ, при торгахъ на дома Ермилова и Бородина.

Иной характеръ имѣетъ дѣло Власовой. Послѣ смерти ея мужа остался заложенный въ кредитномъ Обществѣ домъ, на которомъ накопилось около 11,000 р. недоимокъ, да была еще вторая закладная Ѳедоровой на 19,000 руб. Сестра Власовой, Мошкина обратилась за совѣтомъ къ Герике и при его содѣйствіи вносила частями срочные платежи. Затѣмъ Герике посовѣтовалъ ей перезаложить домъ, для чего нужно было утвердиться въ правахъ наслѣдства и получить согласіе Ѳедоровой. Хлопоты по перезалогу принялъ на себя Герике, прося, однако, Мошкину никому не говорить объ этомъ, ибо ему, какъ директору, такими дѣлами заниматься не приходится, и всѣ бумаги будутъ писаться и подаваться отъ имени его квартиранта Александра Ермолова. На расходы было потребовано 1,800 руб., но Власова могла собрать только 1, 300 руб., которые и передала Герике. Перезалогъ не состоялся, домъ перешелъ къ Ѳедоровой по второй закладной, а 1,300 р. были возвращены Власовой послѣ предъявленія къ Ермолову требованія черезъ нотаріуса.

Непроданныя на торгахъ имущества поступали въ завѣдываніе правленія, которое управляло ими черезъ своихъ агентовъ. Это управленіе давно уже обращало на себя вниманіе общихъ собраній, но всѣ прини-

мавшіяся мѣры оставались безуспѣшными, и имущества ко времени продажи оказывались совершенно запущенными, а нѣкоторые дома даже заколачивались по распоряженію полиціи. Это, конечно, указывало на то, что правленіе неохотно затрачивало деньги на необходимый ремонтъ, а между тѣмъ изъ составленной экспертами вѣдомости расходовъ по домамъ Общества оказывается, что съ 1891 г. за четыре года было на этотъ предметъ израсходовано 309,204 руб., изъ которыхъ на домъ Анитова пошло 17,624 р., на домъ Фирсова—19,963 руб., Бучумовой—28,042 руб., Бучумова—39,530 руб. и т. д. При всемъ томъ правильной отчетности не велось, и на очень крупныя суммы расходовъ по ремонту не имѣлось ни архитекторскихъ смѣтъ, ни разрѣшеній правленія на производство работъ. При такомъ порядкѣ всякое разслѣдованіе о дѣйствительности произведенныхъ расходовъ оказывалось невозможнымъ, и единственнымъ отвѣтомъ на вопросъ о томъ, куда пошли 300 слишкомъ тысячъ, показанныхъ въ статьѣ расхода по домамъ, можетъ служить лишь длинный списокъ управляющихъ домами кредитнаго Общества. Послѣ распоряженія министра финансовъ о продажѣ домовъ въ теченіе двухъ лѣтъ, операція хозяйственнаго управленія ими должна была прекратиться. На смѣну ей явилась выдача вознагражденія коммиссіонерамъ чрезъ посредство Генералова, подыскивавшаго лицъ, расписывавшихся въ полученіи денегъ за тѣхъ, которые не могли или не считали для себя удобнымъ обнаруживать свое посредничество при продажѣ домовъ.

VII. Подлоги.

Постановленія устава кредитнаго Общества объ отвѣтственности за невѣрное составленіе отчетовъ находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіемъ закона, по коему помѣщеніе въ годовыхъ отчетахъ завѣдомо ложныхъ свѣдѣній объ операціяхъ банка, хотя бы и безъ цѣли скрыть истинное положеніе дѣлъ и допущенныя злоупотребленія, составляетъ служебный подлогъ. Въ виду этого отчеты правленія были подвергнуты счетоводной экспертизѣ, и эксперты, произведя возможно полную провѣрку отчетовъ по книгамъ, пришли къ заключенію, что отчеты эти страдаютъ неясностью, запутанностью и отсутствіемъ единообразія въ такой степени, что по нимъ невозможно составить себѣ полнаго и яснаго понятія о состояніи дѣлъ. Въ особенности это относится къ тѣмъ частямъ отчетовъ, гдѣ дѣло идетъ объ убыткахъ по оставшимся за Обществомъ домамъ. Тщательная провѣрка отчетовъ по книгамъ и дѣламъ Общества убѣдила экспертовъ въ томъ, что въ отчетахъ были сознатель-

но допущены нѣкоторыя неправильности, имѣвшія цѣлью скрыть убытки, а слѣдовательно и истинное положеніе дѣлъ. Такъ, въ отчетѣ за 1893—1894 г. показана прибыль въ суммѣ 2,774 р. 71 к., тогда какъ по разсчету экспертовъ въ этомъ году получился дефицитъ въ 30,757 р. 31 к., но правленіе скрыло это, оставивъ на активѣ баланса въ статьѣ просроченныхъ платежей по оставшимся за Обществомъ домамъ 33,532 р. 2 к., составлявшіе безвозвратную потерю, которая должна бы быть списана въ убытокъ. Тотъ же пріемъ усмотрѣнъ и въ слѣдующемъ году, который законченъ убыткомъ въ 15,591 р. 53 к., но убытокъ не указанъ точно и ясно, а обнаруживается лишь при сопоставленіи остатковъ запаснаго капитала на 1-е сентября 1894 г. (1,128,815 р. 5 к.) съ остаткомъ на 1-е сентября 1895 г. (1,113, 223 р. 52 к.) Кромѣ того, не показанъ убытокъ въ суммѣ 55,491 р. 43 к. отъ продажи домовъ Абрамовыхъ и Гучкова. Убытки отъ продажи домовъ вмѣсто того, чтобы согласно уставу списываться съ запаснаго капитала, списывались со счета прибылей подъ рубрикою расходовъ, вслѣдствіе чего потери ускользали отъ разсматривавшихъ отчетъ, пока имѣлась прибыль.

Другого рода подлоги оказались въ журналахъ правленія о выдачѣ коммиссіоннаго вознагражденія. Порядокъ назначенія и выдачи коммиссіоннаго вознагражденія былъ уже изложенъ въ V отдѣлѣ. Называя въ своемъ журнальномъ постановленіи лицо, которому слѣдуетъ коммиссіонное вознагражденіе, и давая на его имя ордеръ кассѣ, правленіе такимъ образомъ удостовѣряло, что именно этимъ лицомъ произведены извѣстныя коммиссіонныя дѣйствія. Между тѣмъ, какъ уже извѣстно изъ предыдущаго, во многихъ случаяхъ указанныя въ опредѣленіи лица завѣдомо для правленія никакихъ коммиссіонныхъ дѣйствій не производили, а вознагражденіе получали; въ другихъ случаяхъ вознагражденіе, назначенное одному лицу, получало другое лицо, хорошо извѣстное правленію. По поводу возникавшихъ изъ-за этого недоразумѣній казначей Общества г. Водо не разъ обращался къ правленію за разъясненіями, но Шильдбахъ говорилъ ему, что правленіе само удостовѣряется въ личности расписавшагося на ордерѣ и что казначею нечего затрудняться въ выдачѣ по такому ордеру денегъ не тому лицу, которое въ немъ названо.

Обвиняемые *Цвѣтухинъ*, *Шильдбахъ и Герике* объяснили, что они не сомнѣвались въ томъ, что коммиссіонныя деньги выдавались лицамъ, дѣйствительно принимавшимъ участіе въ продажѣ, и тѣмъ именно, которыя были обозначены въ журналахъ. Шильдбахъ въ послѣдующихъ показаніяхъ заявилъ, что коммиссіонное дѣло по продажѣ домовъ поставле-

но было на коммерческихъ началахъ. Правленіе интересовалось главнымъ образомъ продажею домовъ на выгодныхъ условіяхъ и потому не препятствовало выдачѣ комиссіонныхъ денегъ такимъ лицамъ, которыя не желали обнаруживать свое посредничество; въ такихъ случаяхъ допускалась расписка подставныхъ лицъ.

На основаніи изложеннаго обвиняются: дворяне Иванъ Николаевичъ Цвѣтухинъ, 59 лѣтъ, и Сергѣй Константиновичъ Шильдбахъ, 40 лѣтъ, кол. асесс. Адольфъ Александровичъ Герике, 58 лѣтъ, 2-й гильдіи купецъ Иванъ Яковлевичъ Грачевъ, 49 лѣтъ, и мѣщанинъ Михаилъ Михайловичъ Михайловъ, 32 лѣтъ: 1. *Цвѣтухинъ, Шильдбахъ и Герике* а) въ томъ, что первые двое съ 1890 г., а Герике съ декабря 1892 г. по 1895 г., состоя Цвѣтухинъ предсѣдателемъ, а Шильдбахъ и Герике членами правленія Московскаго Кредитнаго Общества, 1) злонамѣренно выдавали ссуды по завѣдомо неправильнымъ оцѣнкамъ, не привлекая къ отвѣтственности членовъ оцѣночной коммиссіи; 2) не назначали въ торги имущества, по которымъ имѣлись сверхсрочныя недоимки, выдавая подъ такіе залоги дополнительныя ссуды, и 3) оставляли непроданныя съ торговъ имущества въ распоряженіи Общества болѣе года, чѣмъ причинили послѣднему убытокъ свыше 300 р., повлекшій за собою особо важныя послѣдствія,—возстановленіе полпроцентнаго сбора съ заемщиковъ на пополненіе запаснаго капитала; б) въ томъ, что при описанныхъ выше условіяхъ въ подписанныхъ ими отчетахъ, балансахъ и вѣдомостяхъ прибылей и убытковъ съ цѣлью сокрытія истиннаго положенія дѣлъ Общества и дѣйствительной наличности запаснаго капитала: 1) показывали убытки, понесенные Обществомъ при продажѣ оставшихся за нимъ домовъ, подъ видомъ статей расходовъ на эти дома, а произведенныя за счетъ Общества уплаты по купонамъ облигацій, выпущенныхъ по этимъ залогамъ,—подъ видомъ просроченныхъ платежей, причемъ суммы этихъ счетовъ не списывали съ запаснаго капитала; 2) не показывали въ статьѣ капитальнаго долга по оставшимся за Обществомъ имуществамъ дома, проданные ими по вольной цѣнѣ, а происшедшій отъ этихъ продажъ убытокъ, списывали не съ запаснаго капитала, а со счета прибылей; 3) оставили въ активѣ баланса 1893—94 г. на счету недоимокъ убытокъ отъ продажи д. Буцковской въ суммѣ 20,248 р. 57 к. и 10,359 р. 14 к., уплаченныхъ за счетъ Общества процентовъ по д. Борисовской, причемъ суммъ этихъ не списали ни со счета прибылей, ни съ запаснаго капитала; 4) отнесли въ томъ же отчетѣ на счетъ переходныхъ суммъ 2,994 р. 31 к., не списавъ ихъ съ прибылей въ расходъ, и 5) оста-

вили въ активѣ баланса 1894—95 г. на счету капитальнаго долга и просроченныхъ платежей по имуществамъ Общества убытки отъ продажи домовъ Абрамовыхъ и Гучкова въ суммѣ 55,491 р. 43 к., не списывая ихъ ни съ прибылей, ни съ запаснаго капитала; в) въ томъ, что при тѣхъ же условіяхъ въ 1894 и 1895 гг. часть ввѣренныхъ имъ по службѣ капиталовъ передали разнымъ лицамъ подъ видомъ въ дѣйствительности не существовавшаго вознагражденія за продажу домовъ, чѣмъ причинили Обществу ущербъ свыше 300 р., не пополненный ими и по обнаруженіи злоупотребленія, и г) въ томъ, что при тѣхъ же условіяхъ изъ личныхъ видовъ помѣщали въ журнальныхъ опредѣленіяхъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія о лицахъ, коимъ назначались выдачи комиссіонныхъ денегъ, въ дѣйствительности этимъ лицамъ не причитавшихся. II. *Грачевъ*: а) въ томъ, что, состоя въ должности члена наблюдательнаго комитета, по предварительному соглашенію съ членами правленія получилъ 13-го марта 1896 г. при продажѣ д. Клюгина подъ видомъ комиссіоннаго вознагражденія ввѣренную членамъ правленія денежную сумму свыше 300 р., каковую, употребивъ на свои нужды, не возвратилъ и по обнаруженіи злоупотребленія, и б) въ томъ, что по предварительному соглашенію съ другими лицами, съ цѣлью сокрытія полученія вышеозначенныхъ денегъ, подговорилъ другое лицо, не бывшее коммиссіонеромъ, подать заявленіе о назначеніи ему коммиссіоннаго вознагражденія и выдать расписку въ полученіи таковаго. III. *Михайловъ*: а) въ томъ, что, состоя на службѣ въ правленіи, по предварительному соглашенію съ членами послѣдняго получилъ 3-го мая 1896 г. при продажѣ дома Каринской подъ видомъ комиссіоннаго вознагражденія 600 р., каковыя деньги употребилъ на свои нужды, не возвративъ ихъ и по обнаруженіи злоупотребленія, и б) въ томъ, что по предварительному соглашенію съ другими лицами, съ цѣлью сокрытія полученія имъ тѣхъ денегъ, подговорилъ другое лицо, не бывшее коммиссіонеромъ, подать заявленіе о назначеніи ему коммиссіоннаго вознагражденія и выдать расписку въ полученіи таковаго.

Дѣянія эти предусмотрѣны: для Цвѣтухина, Шильдбаха и Герике 1,154, 1,155, 362 и 354-й стт. Улож. о наказ., а для Грачева и Михайлова—13, 1,154, 362 и 354-й стт. Улож.

Судебное слѣдствіе началось показаніемъ одного изъ важныхъ свидѣтелей, бывшаго уполномоченнаго отъ города въ Московскомъ Городскомъ Кредитномъ Обществѣ, *М. П. Щепкина*, который, охарактеризовавъ дѣятельность кредитнаго Общества съ самаго его основанія, между про-

чимъ, показалъ, что Общество начало свою дѣятельность въ 1863 году съ капиталомъ только въ 12,000 руб., полученныхъ отъ города, почему положеніе его было нѣсколько затруднительно, тѣмъ болѣе, что въ то время большинство домовладѣльцевъ, мало довѣряя молодому Обществу, не рѣшалось закладывать въ немъ свои дома при совершенно новыхъ для нихъ условіяхъ, и число залоговъ было очень невелико. Но Общество, несмотря на всѣ эти затрудненія, строго придерживаясь устава и соблюдая извѣстную осторожность въ своихъ дѣйствіяхъ, къ концу первыхъ семи лѣтъ своей дѣятельности, увеличило запасный капиталъ до 700,000 рублей. А съ 1870 г. начались уже нѣкоторыя, хотя, по мнѣнію свидѣтеля, и незначительныя, отступленія, которыя, если и имѣли тогда какое-либо значеніе, то не болѣе, какъ предвѣстники дурного будущаго. Но, однако; уже за слѣдующія восемь лѣтъ, несмотря на то, что число заемщиковъ росло и операціи Общества расширялись, запасный капиталъ, по словамъ свидѣтеля, увеличился всего на 400,000 р., а 1878 годъ является какъ бы поворотнымъ пунктомъ въ дѣятельности Общества: чрезъ 20 почти лѣтъ, въ 1896 году, ревизія признала запасный капиталъ несуществующимъ, такъ какъ онъ ушелъ на покрытіе убытковъ. Самые убытки, по мнѣнію свидѣтеля, были результатомъ не случайныхъ причинъ или ошибокъ, а извѣстной системы выдачи ссудъ. Система эта заключалась въ преувеличеніи оцѣнокъ и выдачѣ дополнительныхъ ссудъ лицамъ, неимѣвшимъ на это никакого права. Свидѣтель не берется рѣшать вопросъ, была ли злонамѣренность въ этихъ дѣйствіяхъ правленія, или это было только желаніе помочь находящемуся въ затруднительномъ положеніи заемщику? Если предположить послѣднее, то результатъ, достигнутый правленіемъ, получился прямо противоположный: оно топило заемщиковъ вмѣсто того, чтобы облегчить ихъ; вслѣдствіе убытковъ, унесшихъ запасный капиталъ, заемщикамъ приходится платить теперь ежегодно полпроцентный сборъ, который при нормальномъ ходѣ дѣла могъ бы быть уменьшенъ или даже отмѣненъ, и кредитъ сталъ бы дешевле. По словамъ свидѣтеля, дѣла Общества постепенно все ухудшались и ухудшались, а расходы по управленію, несмотря на это ухудшеніе, все увеличивались: удвоивалось жалованье директоровъ и увеличивалось на 80% другихъ служащихъ. Что касается того, какъ составлялись общія собранія, свидѣтель сказалъ, что это обстоятельство прекрасно иллюстрируется слѣдующимъ фактомъ, на который ему, въ бытность свою уполномоченнымъ отъ города въ кредитномъ Обществѣ, пришлось натолкнуться. Изъ Петербурга были присланы новыя облигаціи,

подлежавшія выдачѣ лицамъ, которымъ были разрѣшены ссуды. Чуть ли не черезъ часъ послѣ этого присланныя облигаціи были уже представлены въ Общество разными лицами, желавшими участвовать въ качествѣ облигаціонеровъ въ назначенномъ на этотъ день собраніи. Слѣдовательно, въ какой-нибудь часъ успѣли будто бы выдать облигаціи заемщикамъ, заемщики успѣли ихъ продать лицамъ, желавшимъ въ этотъ день пользоваться правами облигаціонеровъ на собраніи, а тѣ успѣли представить ихъ въ кредитное Общество. Другой случай,—продолжалъ свидѣтель,—имѣлъ мѣсто еще раньше: нѣкто Титовъ, судился за присвоеніе принадлежавшихъ г-ну Шильдбаху облигацій; на судѣ выяснилось, что облигаціи эти даны были Шильдбахомъ Титову только для присутствованія въ собраніи.

За Щепкинымъ былъ спрошенъ свидѣтель *Соколовъ*, который показалъ, что онъ былъ командированъ Московскою Казенною Палатою въ распоряженіе ревизовавшаго кредитное Общество д. ст. сов. Михалева и что онъ производилъ осмотръ нѣкоторыхъ домовъ, заложенныхъ въ этомъ Обществѣ, осматривалъ также домовыя книги, опрашивалъ квартирантовъ о квартирной платѣ. Изъ полученныхъ отвѣтовъ,—какъ объяснилъ свидѣтель,—выяснилось, что дѣйствительная доходность домовъ въ большинствѣ случаевъ была ниже показанной въ оцѣнкахъ. Свидѣтель удостовѣряетъ, что цѣны квартиръ во время оцѣнокъ, произведенныхъ Обществомъ, не могли быть выше цѣнъ 1896 г.; съ тѣхъ поръ, напротивъ, цѣны квартиръ поднялись въ общемъ процентовъ до 40.

Спрошенный затѣмъ свидѣтель *А. С. Вишняковъ* показалъ, что самъ онъ домовъ въ кредитномъ Обществѣ не закладывалъ, а сдѣлался членомъ-заемщикомъ потому, что пріобрѣлъ два дома, уже заложенныхъ въ кредитномъ Обществѣ; одинъ изъ нихъ, домъ служившаго въ кредитномъ Обществѣ Соѣдова, оставленъ свидѣтелемъ за собой по 2-й закладной. Знакомство его съ дѣятелями кредитнаго Общества началось еще въ то время, когда онъ былъ директоромъ Общества кредита подъ закладъ движимости, помѣщающагося въ домѣ кредитнаго Общества. Шильдбахъ и другіе приходили къ свидѣтелю и приглашали его явиться на общее собраніе и указать, кого бы онъ желалъ баллотировать. На первомъ же собраніи, на которомъ свидѣтелю пришлось присутствовать, онъ убѣдился, что собранія ведутся пристрастно, выборы производятся неправильно. Выборы, произведенные на этомъ собраніи, были впослѣдствіи кассированы. Второе собраніе, происходившее подъ предсѣдательствомъ нарочно для этого командированнаго министерствомъ тайн. сов. Иванова, шло,

конечно, лучше, но все-таки не обошлось безъ злоупотребленій. Г. Ивановъ допустилъ обращеніе гектографированныхъ списковъ лицъ, которыхъ правленіе и его сторонники желали провести въ уполномоченные. Одинъ такой листъ былъ у свидѣтеля, и онъ представлялъ его въ кредитную канцелярію министерства финансовъ. Благодаря этимъ листамъ получали больше голосовъ тѣ, чьи имена въ спискѣ и ящикѣ на столѣ стояли впереди. Такъ, получилъ болѣе всѣхъ стоявшій первымъ какой-то господинъ даже безъ фамиліи, и не прошли очень многія, очень почтенныя и извѣстныя въ Москвѣ лица. Въ баллотировкѣ, говоритъ свидѣтель, принимали участіе и какія-то женщины, остававшіяся, несмотря на позднее время, до конца собранія. По словамъ свидѣтеля, выборы и вообще собранія намѣренно затягивались, очевидно, въ разсчетѣ, что многіе изъ несочувствующихъ правленію не выдержатъ и уѣдутъ. Такъ оно и бывало, потому что собраніе, несмотря на протесты, затягивалось до 5-ти, 6-ти, а то и до 9-ти часовъ утра. Благодаря всему этому въ уполномоченные прошли большею частью сторонники правленія и прежнихъ порядковъ, что и не замедлило обнаружиться. Въ собраніи уполномоченныхъ 27-го іюля 1895 г. подъ предсѣдательствомъ С. К. Шильдбаха предложенъ былъ на обсужденіе докладъ о ревизіи Шванебаха съ заключеніемъ о немъ наблюдательнаго комитета, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отчетъ правленія. Многіе уполномоченные, въ томъ числѣ и свидѣтель, находили невозможнымъ обсуждать докладъ о результатахъ ревизіи, съ которымъ рѣшительно никто не былъ знакомъ, и требовали, чтобы онъ былъ предварительно напечатанъ и разосланъ всѣмъ уполномоченнымъ. Это, конечно, не понравилось сторонникамъ правленія; начались возраженія и частный повѣренный Мандельштамъ особенно усердно настаивалъ на томъ, чтобы отчета о ревизіи не печатали, потому что не слѣдуетъ „выносить сора изъ избы“. Тѣмъ не менѣе рѣшено было обсужденіе отчета отложить, напечатать его и разослать уполномоченнымъ. Когда дошла очередь до отчета правленія, то свидѣтель и многіе другіе заявили, что и его обсуждать нельзя, потому что онъ былъ разосланъ всего за три дня и ознакомиться съ нимъ въ такой короткій срокъ не было возможности, да, наконецъ, удобнѣе было бы обсуждать его одновременно съ отчетомъ о ревизіи. Заявленіе это, однако, было оставлено безъ вниманія, и отчетъ правленія былъ утвержденъ безъ всякихъ измѣненій съ назначеніемъ даже дополнительнаго вознагражденія служащимъ въ суммѣ 45-ти тысячъ руб. съ чѣмъ-то. Предсѣдателю правленія Цвѣтухину назначена была награда 9 тыс. р. На вопросъ нѣкоторыхъ, на чемъ основано такое на-

значеніе, правленіе отвѣтило сначала, что это основано на постановленіи прежнихъ собраній, но когда такого постановленія разыскать не удалось, то сказали, что награда назначается потому, что предмѣстникъ Цвѣтухина получалъ награду въ 5000 руб. по окладу жалованья, а такъ какъ Цвѣтухинъ получаетъ 9,000 руб., то и награда назначается въ той же суммѣ. Поинтересовались узнать, изъ какихъ же источниковъ будетъ выдана эта награда, когда и по отчету-то вся прибыль за отчетный годъ оказывается только въ 2,000 р. На это Герике отвѣтилъ, что выдача можетъ быть произведена изъ оборотныхъ суммъ. Награда Цвѣтухину тоже была утверждена собраніемъ. На слѣдующемъ собраніи, 29-го и 30-го ноября того же года, подъ предсѣдательствомъ А. С. Шмакова, обсуждался отчетъ правительственной ревизіи съ объясненіями на него правленія и заключеніемъ наблюдательнаго комитета. Во время преній многіе уполномоченные, впрочемъ меньшинство,—добавилъ свидѣтель,—требовали преданія правленія уголовному суду, но предсѣдатель собранія заявилъ, что можно говорить о преданіи суду отдѣльныхъ лицъ, а не правленія—лица юридическаго. Пренія, изъ которыхъ уже можно было видѣть, что все будетъ рѣшено въ пользу правленія, — пояснилъ свидѣтель,—закончились вопросомъ предсѣдателя Шмакова: „Не признаетъ ли собраніе вопросъ достаточно разъясненнымъ?“ На это, конечно, послѣдовалъ отвѣтъ большинства: „Да!“ Тогда г-нъ Шмаковъ нашелъ нужнымъ сдѣлать „резюме“ дебатовъ, но вмѣсто „резюме“ произнесъ защитительную рѣчь за правленіе, въ которой объяснилъ положеніе дѣлъ Общества временнымъ паденіемъ цѣнъ на дома и указывалъ на то, что Общество пользуется прежнимъ довѣріемъ, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ высокій курсъ облигацій. Свидѣтель попросилъ,—какъ объяснилъ онъ суду,—слова и сталъ разъяснять, что курсъ облигацій ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ онѣ обезпечены круговою порукою заемщиковъ, но г. Шмаковъ не далъ ему говорить, заявивъ, что „пренія закончены“. Свидѣтель возразилъ, что самъ же Шмаковъ своею защитительною рѣчью послѣ будто бы заключенія преній вызываетъ ихъ возобновленіе, но его заставили замолчать. Въ концѣ-концовъ поставили на баллотировку въ одномъ ящикѣ всѣ подлежавшіе разрѣшенію вопросы, хотя одни изъ нихъ могли быть рѣшены утвердительно, другіе—отрицательно. Одинъ изъ уполномоченныхъ, Санинъ спросилъ г. Шмакова, какъ ему быть, если онъ не согласенъ съ предлагаемымъ на баллотировку рѣшеніемъ какого-нибудь одного или нѣсколькихъ вопросовъ? На это г. Шмаковъ отвѣтилъ, что, если онъ не согласенъ, хотя

бы по одному вопросу, пусть кладетъ налѣво. Шумъ и крики были настолько велики, что не было никакой возможности что-либо говорить, и только съ указаніемъ на невозможность баллотировать вмѣстѣ съ другими постановленіями и постановленіе о принесеніи благодарности министру финансовъ за вниманіе къ дѣламъ Общества, рѣшили поставить нѣсколько ящиковъ. Все кончилось, какъ и слѣдовало ожидать, въ пользу правленія, и несогласному съ постановленіями собранія меньшинству пришлось подать жалобу прокурору. Жалобу эту подписалъ свидѣтель, прис. повѣр. Пржевальскій, В. Вишняковъ, инженеръ Лямминъ, М. Щепкинъ, кн. Вл. Голицынъ, Расторгуевъ и др. Что касается до операцій Общества, то свидѣтель съ ними мало знакомъ. Самъ онъ только разъ хотѣлъ совершить одну операцію—перевести долгъ съ одного изъ своихъ домовъ на другой, тоже заложенный въ Обществѣ. Для переговоровъ онъ послалъ своего управляющаго къ Цвѣтухину, тотъ послалъ къ оцѣнщику, оцѣнщикъ затянулъ дѣло на полтора мѣсяца. Тогда свидѣтель самъ поѣхалъ къ Цвѣтухину, и оцѣнка была сдѣлана, но такая, что не только перевода другого долга нельзя было сдѣлать, но даже и прежній-то долгъ, 39 тыс. руб., оказался несоотвѣтствующимъ стоимости дома по новой оцѣнкѣ. Оказалось, что они опредѣлили доходность дома только въ 6,000 р., тогда какъ при прежнемъ владѣльцѣ, Соѣдовѣ, она была принята въ 8,000 руб.

На вопросъ прокурора свидѣтель показалъ, что когда онъ былъ приглашенъ на собраніе, Шильдбахъ и Веніаминовъ, правитель дѣлъ, привезли ему входной билетъ, и на вопросъ его о бюллетенѣ, на которомъ онъ долженъ будетъ написать имена своихъ кандидатовъ, ему совсѣмъ безцеремонно отвѣтили, что записка за него уже написана и положена въ ящикъ. Въ то время ему не хотѣлось совсѣмъ расходиться съ членами правленія, потому что, сдѣлавшись директоромъ Общества взаимнаго кредита и заботясь о развитіи дѣлъ этого учрежденія, онъ склонилъ правленіе держать всѣ свои свободныя суммы въ этомъ Обществѣ. Правленіе на это согласилось, и было условлено, правда, на словахъ, что деньги не будутъ взяты ранѣе года, за что и процентъ кредитному Обществу назначенъ былъ выше. Но онъ, свидѣтель, конечно, не могъ итти рука-объ-руку съ правленіемъ, когда оно дѣйствовало неправильно, и правленіе, какъ бы въ отместку за это, взяло всѣ свои капиталы изъ взаимнаго кредита.

На вопросъ, какой характеръ имѣло собраніе Кредитнаго Общества, что за люди тамъ были, свидѣтель отвѣтилъ, что «публика была самая

сѣрая»: принадлежащіе къ большинству, которое все и рѣшало, обыкновенно молчали, въ преніяхъ не принимали участія, и только по знакамъ, подаваемымъ имъ кѣмъ-либо изъ сторонниковъ правленія, начинали или апплодировать, или шумѣть и кричать: «Довольно» и т. п., чтобы помѣшать говорить противъ правленія. Такъ, свидѣтель помнитъ, что по знаку члена наблюдательнаго комитета Русова начался шумъ, когда говорилъ Дритгенпрейсъ. Бывали тамъ и пьяные. Когда онъ, свидѣтель, настаивалъ на томъ, чтобы дали время ознакомиться съ отчетомъ правленія, одинъ, изрядно выпившій, господинъ сказалъ ему: «Все равно, хоть сто лѣтъ читай, ничего не поймешь». Что въ дѣлахъ съ Кредитнымъ Обществомъ не обходилось иногда безъ благодарностей, это свидѣтель слышалъ, и весьма возможно, что его операція съ домомъ не удалась потому только, что, посылая своего управляющаго, онъ сказалъ ему, чтобы ни о какихъ благодарностяхъ и рѣчи не было.

Свидѣтель *Дритгенпрейсъ*, подтвердивъ во всемъ показанія свидѣтеля Вишнякова, пояснилъ, что, когда всѣ записки съ именами кандидатовъ были опущены въ ящикъ, ящикъ уносили въ комнату наблюдательнаго комитета, тамъ считали записки въ отсутствіи избирателей и потомъ объявляли результатъ. На протесты противъ такого порядка заправилы Общества говорили, что они вѣрятъ наблюдательному комитету. По требованію свидѣтеля объ этомъ все-таки было записано въ протоколъ. Вообще, протесты противъ установившихся въ Обществѣ порядковъ, какъ бы неправильны они ни были, и возраженія противъ предложеній правленія ни къ чему не вели: большинство не желало слушать никакихъ протестовъ и возраженій и не давало говорить. Стоило заговорить кому-нибудь изъ противниковъ правленія, какъ сейчасъ начинались свистки, крики: «Довольно», «ненадо» и т. п. Рѣчи въ пользу правленія, напротивъ, сопровождались апплодисментами. Въ первомъ же собраніи свидѣтель видѣлъ, какъ какой-то господинъ подавалъ знаки, когда нужно апплодировать или вообще выражать знаки одобренія и когда шикать. Свидѣтель спросилъ предсѣдателя наблюдательнаго комитета, кто это, и узналъ, что это былъ членъ комитета Русовъ. Теперешній директоръ, г. Смирновскій, не занимавшій въ то время еще никакой должности, тоже велъ себя, по словамъ свидѣтеля, очень странно и грубо по отношенію ко всѣмъ говорившимъ что-либо противъ правленія—и въ томъ же собраніи былъ выбранъ въ члены наблюдательнаго комитета... Вообще, при выборахъ большинство дѣйствовало также по указаніямъ правленія и его сторонниковъ. При этомъ, пояснилъ свидѣтель, баллотировочные ящики ставились

не въ алфавитномъ порядкѣ фамилій кандидатовъ, какъ бы слѣдовало, а въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были записаны въ спискахъ, раздававшихся правленіемъ, и при этомъ указывалось, чтобы класли направо въ такое-то число ящиковъ, начиная съ перваго, или же ящики тѣхъ, кого слѣдовало выбрать, отдѣляли канделябрами отъ ящиковъ лицъ, которыя должны быть забаллотированы, и приказывали класть направо во всѣ ящики до канделябра. Собранія эти безъ всякой нужды и несмотря на требованія нѣкоторыхъ членовъ отложить баллотировку до слѣдующаго дня иногда затягивались до утра. Многіе пріѣзжали только часу во 2-мъ и даже 3-мъ ночи, только къ тому времени, когда нужно было баллотировать какой-нибудь интересовавшій правленіе вопросъ. Такъ, свидѣтель помнитъ, что Байдаковъ пріѣхалъ только въ 4-мъ часу ночи... Нѣкоторые пріѣзжали, уѣзжали, когда ихъ присутствіе не было необходимо, и опять возвращались. Г. Гиршъ, теперь уже умершій, уѣхавъ вскорѣ послѣ начала собранія, вернулся только около 3-хъ часовъ и на вопросъ свидѣтеля, что такъ поздно, сказалъ, что успѣлъ еще «въ винтикъ сыграть». Вообще, предъявленіе облигацій на право участія въ собраніи въ качествѣ облигаціонера не было ограничено извѣстнымъ срокомъ, такъ-что никогда нельзя было знать, не явятся ли еще какіе-нибудь облигаціонеры, кромѣ уже записавшихся. Бывшій предсѣдатель наблюдательнаго комитета говорилъ свидѣтелю, что хотѣлъ положить этому конецъ, добиться назначенія какого-либо опредѣленнаго срока, но безуспѣшно.

На вопросъ прокурора свидѣтель показалъ, что правленіе, очевидно, желало знать, кто подастъ какой голосъ, и принимало для этого мѣры. Когда онъ написалъ свою записку, членъ наблюдательнаго комитета Королевъ взялъ ее у него и, прежде чѣмъ опустить въ ящикъ, поставилъ на ней №. На вопросъ свидѣтеля, что это онъ дѣлаетъ, Королевъ отвѣчалъ, что такъ приказалъ предсѣдатель наблюдательнаго комитета. Свидѣтель сталъ объяснять предсѣдателю, что такъ дѣлать нельзя, что, вѣдь, баллотировка закрытая, предсѣдатель на это сказалъ ему: „Прошу не вмѣшиваться въ мои распоряженія!“

Однажды свидѣтель поинтересовался узнать, почему не проданные дома на торгахъ не передаются оцѣнщикамъ, какъ то требуется по уставу, и на какомъ основаніи оцѣнщики уклоняются отъ принятія такихъ домовъ. За разъясненіемъ этого обстоятельства онъ обратился къ одному изъ оцѣнщиковъ, и тотъ сказалъ, что если бы правленіе соблюдало уставъ и продавало дома по минованіи льготнаго срока, то они должны были бы брать дома за себя, но такъ какъ правленіе запускаетъ платежи, то

брать дома съ накопившеюся на нихъ недоимкою, иногда за нѣсколько лѣтъ, невозможно.

Совершенно согласно съ показаніями Вишнякова и Дриттенпрейса рисуютъ картину общихъ собраній и порядковъ кредитнаго Общества и еще нѣсколько свидѣтелей, въ томъ числѣ и Семенковичъ.

Свидѣтель *Семенковичъ*, между прочимъ, показалъ, что для того, чтобы добиться желаемой оцѣнки дома, необходимо было давать взятки. Такъ, когда онъ задумалъ заложить свой домъ на Никитской, приносящій дохода около 18,000 руб., оцѣнщикъ потребовалъ съ него 3,000 р. за то, чтобы оцѣнка давала возможность получить ссуду въ 90,000 р.? Свидѣтель отказался заплатить, и залогъ не состоялся.

На указаніе защитника Шильдбаха, что на предварительномъ слѣдствіи свидѣтель показалъ, что онъ объ этомъ слышалъ отъ другого лица, г. Семенковичъ объяснилъ это маленькое разнорѣчіе нежеланіемъ въ то время называть лицо, потребовавшее отъ него деньги... Съ деньгами можно было добиться всякихъ оцѣнокъ. Такъ, Платоновъ разсказывалъ свидѣтелю, что ему пришлось купить съ торговъ въ Кредитномъ Обществѣ домъ, который по описи значился каменнымъ, а на самомъ дѣлѣ оказался гнилымъ деревяннымъ и дѣло было улажено миролюбиво. Благодаря злоупотребленіямъ при оцѣнкахъ, дома не находили покупателей и оставались за Обществомъ съ большими убытками, какъ, напримѣръ, дома Борисовскаго, Галдобиной и др. Сношенія съ Обществомъ, по словамъ свидѣтеля, приходилось имѣть чрезъ посредство комиссіонеровъ, которые ловили кліентовъ въ самомъ помѣщеніи Общества. Такими комиссіонерами были Ида Шильдбахъ и конкурировавшій съ нею Лукашевичъ, затѣмъ Генераловъ, Совѣтовъ, Григорьевъ и многие другие.

Защитникъ Шильдбаха Рейнботъ указалъ на то, что по вѣдомости, составленной экспертомъ Парчевскимъ, дома Борисовскаго и Галдобиной остались за Кредитнымъ Обществомъ еще въ 1889 г., при другомъ составѣ правленія.

Тов. прокур. обратилъ вниманіе палаты на то, что послѣ 1889 г., когда директорами были уже обвиняемые, домъ Галдобиной былъ проданъ Ртищевой, послѣ чего опять вернулся въ Общество.

Свидѣтель *Серебряковъ* показалъ, что въ бытность его въ 1885 г. членомъ наблюдательнаго комитета имъ не разъ было указываемо на неправильности и даже злоупотребленія, допускаемыя при оцѣнкахъ закладываемыхъ имуществъ. Такъ, онъ указывалъ, что при оцѣнкѣ дома Клюгина оцѣнщикомъ Армянскимъ допущенъ даже подлогъ, такъ какъ

онъ оцѣнилъ нѣкоторыя постройки при фабрикѣ какъ квартиры, т. е. по ихъ доходности, тогда какъ ихъ, согласно уставу, слѣдовало цѣнить только по матеріальной стоимости: Армянскій скрылъ, что тутъ была фабрика. Это указаніе вызвало,—говоритъ свидѣтель,—противъ него неудовольствіе правленія, и при слѣдующихъ выборахъ онъ былъ уже забаллотированъ, а домъ его хотѣли продать за 130,000 р., тогда какъ Земельный Банкъ давалъ подъ этотъ домъ 175,000 р., а свидѣтель продалъ его впослѣдствіи за 230,000 р. Подтверждая показаніе г. Семенковича въ томъ, что оцѣнщики брали взятки, свидѣтель объяснилъ, что онъ самъ далъ 100 р., чтобы добиться возможности получить на 5,000 р. больше.

Что касается порядка баллотировокъ въ собраніяхъ, свидѣтель показалъ, что при этихъ баллотировкахъ только въ первомъ ящикѣ обыкновенно было надлежащее, т. е. соотвѣтствующее числу баллотирующихъ, число шаровъ, въ остальные же ящики шары нѣкоторыми изъ избирателей клались горстями. Для иллюстраціи свидѣтель привелъ слѣдующій случай. Одинъ изъ избирателей, г. Золотарскій, подойдя къ ящику Шильдбаха, сказалъ: „Ну, это человѣкъ хорошій!“ и положилъ цѣлую горсть шаровъ. Въ томъ же собраніи Заводовъ, при баллотировкѣ членовъ наблюдательнаго комитета, самому себѣ положилъ въ ящикъ горсть шаровъ, но на этотъ разъ и ихъ оказалось недостаточно: онъ не былъ выбранъ, но зато на слѣдующій годъ его выбрали. При такомъ порядкѣ, конечно, возможны были и такіе случаи, когда въ какомъ-нибудь изъ ящиковъ могло оказаться больше шаровъ, чѣмъ баллотирующихъ. Такъ, разъ въ ящикѣ кн. Долгорукаго при 170-ти баллотировавшихъ оказалось 174 шара. Такой результатъ баллотировки заставилъ Цвѣтухина обратиться къ находившимся въ залѣ газетнымъ репортерамъ съ просьбой не указывать въ отчетахъ числа шаровъ.

Свидѣтель *Патерниковъ* на вопросы обвиненія показалъ, что разъ во время выборовъ, Родзевичъ, имѣющій типографію въ домѣ Кредитнаго Общества, взялъ карточку, на которой поставлена была цифра, показывающая число сосчитанныхъ голосовъ, и переправилъ «1» на «2». Тогда онъ, свидѣтель схватилъ его за руку и сказалъ: «Что вы дѣлаете?». И заявилъ объ этомъ предсѣдателю, но безрезультатно. На вопросъ о домѣ Гирша, свидѣтель отвѣтилъ, что ему извѣстно, что на домѣ этомъ накопилось 75,000 руб. недоимокъ, которыя были обезпечены векселями Гирша на имя Цвѣтухина.

Свидѣтель *Алексѣевъ* показалъ, между прочимъ, о томъ, что въ отчетахъ Кредитнаго Общества нигдѣ не значится прибыль отъ непредъяв-

ленныхъ къ оплатѣ купоновъ и облигацій. Во всѣхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ свои бумаги, непремѣнно есть такая прибыль, такъ какъ нѣкоторая часть купоновъ утрачивается и не предъявляется къ уплатѣ. Такъ, свидѣтелю извѣстно, что при долгѣ гор. Москвы въ 10 мил. прибыль отъ непредъявленія къ оплатѣ купоновъ доходитъ до 18,000 р., а въ Кредитномъ Обществѣ ея какъ будто совсѣмъ не было. Затѣмъ свидѣтель подтвердилъ, что передъ выборами обыкновенно производились усиленныя выдачи дополнительныхъ ссудъ, для того, чтобы покрыть недоимки и дать возможность недоимщикамъ участвовать въ собраніи. Недоимки, какъ заявилъ свидѣтель, вообще терпѣлись подолгу, но имущества заемщиковъ, неугодныхъ правленію, продавались обыкновенно послѣ первой же просрочки.

Свидѣтель *Михалевъ*, производившій ревизію въ Кредитномъ Обществѣ въ 1897 г., показалъ, что этой ревизіей были установлены неправильности, преувеличенность оцѣнокъ заложенныхъ въ Обществѣ имуществъ. При ревизіи Шванебаха было найдено то же самое, но правленіе тогда заявило, что указанія ревизора голословны. Ревизія, произведенная свидѣтелемъ съ провѣрочными оцѣнками, вполнѣ подтвердила въ этомъ отношеніи заключеніе г. Шванебаха. Затѣмъ ревизіей установлено, что продажи имуществъ назначались только уже послѣ многихъ просрочекъ; дополнительныя ссуды, которыя по уставу могутъ быть выдаваемы только вполнѣ исправнымъ заемщикамъ, въ Московскомъ Кредитномъ Обществѣ выдавались именно неисправнымъ должникамъ для погашенія ихъ недоимокъ.

При производствѣ торговъ,—по словамъ свидѣтеля,—правленіемъ также были допускаемы упущенія. Такъ, напр., отъ пріобрѣтателей имуществъ или вовсе не бралось залога въ размѣрѣ 10% съ суммы, за которую пріобрѣтались имущества, или бралась сумма произвольная и совершенно ничтожная. Такъ, за домъ Ададурова, проданный за 130,000 р., залогъ былъ представленъ вмѣсто 13,000 руб. только въ суммѣ 500 р. Не мудрено, что иногда,—какъ это говорило свидѣтелю само правленіе,—лица, за которыми на торгахъ оставались дома, потомъ изчезали. Само собою разумѣется, что, полагаетъ свидѣтель,—взятіе залоговъ или предупредило бы бѣгство покупателей, или же залоги эти оставались бы въ пользу Общества.

На вопросы сторонъ свидѣтель объяснилъ, что расходы по домамъ, оставшимся за Обществомъ, были очень значительны и обыкновенно не покрывались доходами. Правильность этихъ расходовъ, по словамъ сви-

дѣтеля, провѣрить было трудно, потому что не велось правильной отчетности. Свидѣтелю въ первый же день его ревизіи, совершенно случайно, пришлось присутствовать на торгахъ въ Кредитномъ Обществѣ, и при этомъ свидѣтель видѣлъ, какъ сидѣвшій за столомъ членъ наблюдательнаго комитета Бровкинъ дѣлалъ какіе-то знаки кому-то изъ публики, а въ заключеніе сильно замахалъ руками. По этому поводу свидѣтель обратился къ одному изъ директоровъ съ замѣчаніемъ о неумѣстности такого поведенія при публикѣ, и тотъ ему откровенно сказалъ, что у нихъ это часто бываетъ, что Бровкинъ дѣлаетъ знаки своему сыну, который торговался и сталъ зарываться... Насколько можетъ припомнить свидѣтель, случаевъ отказовъ въ выдачѣ ссудъ въ Кредитномъ Обществѣ не было; только Цаплину, оцѣнщику, было отказано въ ссудѣ, потому что домъ его оказался очень ветхимъ. Это было какъ-то разъ во время производства ревизіи. Поступавшія въ залогъ имущества страховались, но нѣкоторыя были застрахованы, по словамъ свидѣтеля, ниже суммы долга. Относительно комиссіоннаго вознагражденія свидѣтель заявилъ, что оно еще имѣло бы какой-нибудь смыслъ, если бы продажи производились хозяйственнымъ способомъ, но онѣ, какъ извѣстно, производились съ торговъ.

Что касается прибыли отъ непредъявленныхъ къ оплатѣ купоновъ, свидѣтель, какъ и Алексѣевъ, нигдѣ ни въ отчетахъ, ни въ дѣлахъ не нашелъ слѣдовъ такой прибыли. Самый же способъ погашенія оплаченныхъ купоновъ принятъ былъ очень неудобный: знакъ погашенія пробивался какъ-разъ на мѣстѣ нумера, такъ-что разобрать послѣдняго нельзя было.

Свидѣтели *Вейдендаумъ*, *Воронинъ*, *Кондратенко*, *гр. Ланской* и *Ладыженскій* показали, что во время ревизіи они производили осмотръ и оцѣнку нѣкоторыхъ изъ заложенныхъ въ Кредитномъ Обществѣ имуществъ, но подробностей и цифръ въ настоящее время припомнить не могутъ. Вообще, насколько они помнятъ, ихъ оцѣнка была ниже оцѣнокъ, сдѣланныхъ оцѣнщиками Кредитнаго Общества при пріемѣ этихъ имуществъ въ залогъ. Во всякомъ случаѣ они подтверждаютъ то, что записано въ составленныхъ ими протоколахъ.

Свидѣтель *Сафоновъ*, архитекторъ Кредитнаго Общества, показалъ, что архитекторъ производитъ только оцѣнку матеріальной стоимости имущества и только приблизительную, точную стоимость опредѣлить невозможно, такъ какъ, напримѣръ, фундаментъ находится въ землѣ, точ-

ная стоимость желѣзныхъ дверей, воротъ, лѣстницъ можетъ быть опредѣлена только по вѣсу, а онъ опредѣлить ее, конечно, не можетъ.

Въ виду нѣкотораго разногласія въ показаніяхъ этого свидѣтеля съ показаніями, данными имъ на предварительномъ слѣдствіи, по просьбѣ обвинителя было прочитано показаніе свидѣтеля, данное у слѣдователя, изъ котораго видно, что имущество цѣнится главнымъ образомъ по его доходности, которая опредѣляется оцѣнщиками, а оцѣнки архитекторовъ не имѣютъ серьезнаго значенія при разрѣшеніи вопроса о ссудѣ, такъ какъ онѣ бываютъ чаще всего только приблизительными.

То же показалъ и свидѣтель *Загорскій*, другой архитекторъ Кредитнаго Общества.

Затѣмъ прочитаны были показанія неявившихся свидѣтелей кн. Долгорукова, Аничкина и Дукмасова.

Князь Долгоруковъ,—что, будучи членомъ наблюдательнаго комитета, всегда былъ противъ выдачи комиссіоннаго вознагражденія за продажу оставшихся за Обществомъ домовъ, такъ какъ въ уставѣ на этотъ счетъ нѣтъ никакихъ указаній, которыя могли бы служить основаніемъ къ подобнымъ выдачамъ. Онъ не разъ говорилъ объ этомъ съ директоромъ Цвѣтухинымъ, и тотъ на это заявилъ, что онъ и самъ находитъ выдачу вознагражденія неправильной и ненужной, но назначенія вознагражденія, тѣмъ не менѣе, продолжались. Разъ ему пришлось быть свидѣтелемъ грязной, неприличной сцены, какъ три члена наблюдательнаго комитета ссорились изъ-за комиссіоннаго вознагражденія за продажу дома Клюгина. Спиридоновъ и Бровкинъ настаивали на томъ, что половина вознагражденія слѣдуетъ имъ, а Грачевъ говорилъ, что вознагражденіе должно быть раздѣлено между имъ и Григорьевымъ. Возмущенный этимъ, свидѣтель просилъ Цвѣтухина принять мѣры противъ такихъ безобразій, иначе неминуемо пойдутъ разговоры о томъ, что наблюдательный комитетъ беретъ взятки.—Въ другой разъ, когда въ наблюдательный комитетъ поступилъ на утвержденіе журналъ правленія о выдачѣ комиссіоннаго вознагражденія въ суммѣ 600 р. Гальнбеку за продажу дома Каринской, свидѣтель вмѣстѣ съ другимъ членомъ комитета Аничкинымъ вошелъ въ правленіе и опять въ присутствіи всѣхъ директоровъ заявилъ протестъ противъ вознагражденія. Цвѣтухинъ, по обыкновенію, отвѣтилъ, что онъ «и самъ противъ этого вознагражденія», но что теперь отмѣнить его нельзя, такъ какъ журналъ уже подписанъ, а другой директоръ добавилъ, что и вообще отмѣнить это вознагражденіе неудобно, такъ какъ въ немъ иногда бываютъ заинтересованы нѣкоторые члены наблюдатель-

наго комитета. На вопросъ свидѣтеля: кто же именно? Цвѣтухинъ отвѣтилъ: Спиридоновъ. А Шильдбахъ при этомъ выразилъ негодованіе на то, что Спиридоновъ старается отнять часть вознагражденія у бѣднаго человѣка Михайлова, служащаго въ бухгалтеріи. Позвали Михайлова,— говорится въ показаніи свидѣтеля,—и тотъ подтвердилъ, что изъ назначеннаго ему за содѣйствіе по продажѣ дома Каринской Кожину вознагражденія выдали 600 р., членъ комитета Спиридоновъ требовалъ отъ Михайлова 400 р., обѣщая за это похлопотать, чтобы вознагражденіе было увеличено до 1.000 р.

Все изложенное въ показаніи кн. Долгорукова подтверждается и прочитаннымъ показаніемъ свидѣтеля *Аничкина*, изъ котораго кромѣ того усматривается еще интересный случай при продажѣ дома Ададурова, за продажу котораго вознагражденіе было назначено въ 7,500 р., что крайне удивило свидѣтеля, такъ какъ на этотъ домъ торговался инженеръ Бурхардтъ, который и деньги наканунѣ привозилъ, такъ что въ коммиссіонерѣ никакой надобности не было. Купилъ же этотъ домъ вмѣсто Бурхардта Прокофьевъ, надбавившій всего только 3. р. противъ назначенной цѣны и платить за эти излишніе 3 р.—7,500 р. свидѣтель находилъ ни съ чѣмъ несообразнымъ. Какъ видно изъ показаній свидѣтеля, особенно настаивалъ на утвержденіи выдачи этого вознагражденія Смирновскій, а затѣмъ Шильдбахъ, Родзевичъ и тотъ же Смирновскій просилъ его, свидѣтеля, не противиться выдачѣ этого вознагражденія, такъ какъ деньги нужны имъ для поѣздки въ Петербургъ... О томъ, что при оцѣнкахъ брались взятки, свидѣтель слыхалъ, между прочимъ, и отъ Долгорукова.

Изъ прочитаннаго показанія свидѣтеля *Думасова* видно, что онъ обвиняетъ и оцѣночную коммиссію, и правленіе, и наблюдательный комитетъ въ постоянныхъ нарушеніяхъ устава. Свидѣтель утверждалъ, что правленіе, виновное въ бездѣйствіи и въ превышеніи власти, мѣшало и наблюдательному комитету исполнять свои обязанности.

Вслѣдъ за прочитанными показаніями неявившихся свидѣтелей, былъ спрошенъ свидѣтель *Генераловъ*, который показалъ, что онъ былъ при Москов. Кредит. Обществѣ коммиссіонеромъ по продажѣ оставшихся за Обществомъ домовъ, за что получалъ вознагражденіе. Одно время предсѣдатель правленія неизвѣстно почему приказалъ швейцару «не пущать» свидѣтеля въ помѣщеніе Кредитнаго Общества, но потомъ вскорѣ это приказаніе было отмѣнено. Сначала онъ лично подавалъ заявленія въ правленія, получалъ деньги, расписывался въ полученіи ихъ, но потомъ это нашли

неудобнымъ, и тогда онъ сталъ безпокоить своихъ знакомыхъ, которые «не въ службу, а въ дружбу» соглашались давать свои подписи. Дѣло онъ имѣлъ исключительно съ покойнымъ Цвѣтухинымъ, котораго хорошо зналъ. Что касается вопроса объ удержаніи Цвѣтухинымъ въ свою пользу назначеннаго ему, свидѣтелю, въ крупной суммѣ—7,500 р.—вознагражденія, то такого случая, по утвержденію Генералова на судебномъ слѣдствіи въ палатѣ, никогда не было, а что онъ, если и показалъ такъ на предварительномъ слѣдствіи, то это—«одна голословность». Въ дѣйствительности же было такъ: членъ наблюдательнаго комитета кн. Долгоруковъ воспротивился выдачѣ этого вознагражденія, и потому Цвѣтухинъ, впредь до окончательнаго разрѣшенія вопроса, оставилъ деньги у себя въ шкафу, а потомъ, въ свое время, выдалъ ему, свидѣтелю, все сполна.

Рѣзкое противорѣчіе этого показанія съ показаніемъ, даннымъ имъ на предварительномъ слѣдствіи, въ которомъ онъ утверждалъ, что изъ 7,500 р. Цвѣтухинъ выдалъ ему только 1,000 р., а остальные 6,500 р. удержалъ, объяснивъ ему, что 1,000 р. нужны на покрытіе расходовъ по общему собранію, 5,000 р. на поѣздку его и еще двухъ лицъ въ Петербургъ, а 500 р. еще на какіе-то расходы, вызвало рядъ вопросовъ какъ обвинителей и гражданскихъ истцовъ, такъ и со стороны защиты, послѣ чего свидѣтелю вдругъ начала измѣнять память, и онъ на большинство вопросовъ отвѣчалъ: «не помню», иногда даже не дождавшись конца вопроса, и все время старался во всѣхъ случаяхъ утверждать, что показаніе его у слѣдователя о томъ, что онъ не получилъ слѣдовавшихъ ему денегъ—«одна голословность», такъ какъ онъ получилъ все.—Съ Шильдбахомъ же дѣлъ онъ не имѣлъ и кредиторомъ его Шильдбахъ не состоялъ, а дѣло о его, Генералова, несостоятельности окончено было раньше, чѣмъ онъ былъ спрошенъ по настоящему дѣлу у слѣдователя.

Когда же справкой въ дѣлѣ было установлено, что во время его допроса судебнымъ слѣдователемъ онъ еще состоялъ подъ конкурсомъ и что Шильдбахъ былъ до конца его кредиторомъ, Генераловъ сказалъ, что считалъ дѣло о несостоятельности оконченнымъ съ тѣхъ поръ, какъ уплатилъ деньги, а о томъ, что Шильдбахъ былъ его кредиторомъ, онъ «забылъ». Мать же его—женщина со средствами, и сама покупала дома, а у него былъ свой домъ.

Свидѣтель *Привалов*ъ показалъ, что купилъ въ Кредитномъ Обществѣ домъ Клюгина на торгахъ за 165,000 р. безъ посредства какихъ-либо коммиссіонеровъ, что Волокитинъ въ пріобрѣтеніи имъ этого дома

рѣшительно никакого участія не принималъ и что познакомился онъ, свидѣтель, съ нимъ уже послѣ этой покупки. Что же касается Григорьева, его знакомаго, то онъ—человѣкъ солидный,—у свидѣтеля были съ нимъ дѣла по торговлѣ,—и комиссіонерствомъ, кажется, не занимался. Напротивъ, сначала онъ даже отговаривалъ его отъ покупки дома Клюгина, но потомъ, по его приглашенію, ѣздилъ съ нимъ осматривать домъ и въ Кредитное общество, гдѣ познакомилъ его съ Шильдбахомъ, Этимъ и ограничилось участіе Григорьева въ дѣлѣ, такъ что комиссіонеромъ его считать нельзя. Ни ему, ни кому другому свидѣтель комиссіи не платилъ.

Послѣ Привалова былъ спрошенъ свидѣтель *Волокитинъ*, который показалъ, что, управляя домами своего зятя Грачева, члена наблюдательнаго комитета Кредитнаго Общества, онъ въ февралѣ 1896 года былъ у него въ квартирѣ и засталъ тамъ Григорьева и Привалова, который въ разговорѣ съ Грачевымъ, между прочимъ, сказалъ, что его домъ сгорѣлъ, и ему нужно купить другой. По уходѣ Привалова Грачевъ замѣтилъ Григорьеву, что вотъ домъ Клюгина, навѣрно, подошелъ бы Привалову, и что за продажу этого дома Кредитное Общество можетъ выдать даже вознагражденіе. Тогда Григорьевъ сказалъ на это: «Вотъ, дай-ка намъ съ Сережей (т. е. съ нимъ, Волокитинымъ) заработать. Ты, человѣкъ одинокій,—тебѣ не нужно!» Грачевъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ получить этихъ денегъ, такъ какъ служитъ въ Кредитномъ Обществѣ.

Черезъ день или два Григорьевъ черезъ Грачева поручилъ свидѣтелю съѣздить въ Кредитное Общество и узнать, будетъ ли дано вознагражденіе за комиссію по продажѣ дома Клюгина. Свидѣтель поѣхалъ, обратился за разъясненіемъ къ Шильдбаху, и тотъ, справившись, сказалъ, что домъ можетъ быть проданъ не ниже 160,000 р., а за комиссію дадутъ тысячи 2 или 3. Свидѣтель сообщилъ объ этомъ Григорьеву, черезъ нѣкоторое время узналъ отъ Грачева, что домъ Клюгина проданъ и имъ дадутъ вознагражденіе. Затѣмъ свидѣтель получилъ отъ Григорьева для подписи заявленіе въ Кредитное Общество о выдачѣ комиссіоннаго вознагражденія; подписавъ это заявленіе, свидѣтель отослалъ его обратно Григорьеву, тотъ вызвалъ его въ Кредитное Общество и далъ расписаться на ордерѣ правленія въ полученіи 3,000 р. и сказалъ, что, по полученіи денегъ, пришлетъ ему его долю, и, дѣйствительно, черезъ дня два свидѣтель получилъ черезъ Грачева 1,000 р.

Закончилъ свое показаніе свидѣтель заявленіемъ, что самъ онъ съ Приваловымъ никакихъ переговоровъ по этому дѣлу не велъ и познако

мился съ нимъ только спустя два мѣсяца послѣ торговъ, т. е. въ маѣ 1896 года, когда состоялъ въ охранѣ. Да и всѣ коммиссіонныя дѣйствія его, свидѣтеля, по продажѣ этого дома, по его же собственнымъ словамъ, ограничивались лишь тѣмъ, что онъ ѣздилъ въ правленіе за справкой, что стоитъ домъ и сколько на немъ долгу. На вопросъ, почему онъ счелъ себя въ правѣ получить 1,000 р., когда онъ въ продажѣ дома Клюгина никакого посредничества не принималъ, свидѣтель отвѣтилъ, что считалъ себя въ правѣ получить вознагражденіе, какъ родственникъ Грачева, чрезъ котораго стало извѣстно о продажѣ дома Клюгина.

Слѣдующій свидѣтель, *Григорьевъ*, въ общемъ подтвердилъ показаніе Волокитина, но только пояснилъ, что онъ посылалъ Волокитина, въ Кредитное Общество справляться не о томъ, будетъ ли дано вознагражденіе, а о цѣнѣ дома и вообще объ условіяхъ продажи, и когда тотъ ему передалъ, что домъ продается за 165,000 руб., при чемъ нужно внести только 12,000 р., а 153,000 руб. переводятся на покупщика, пошелъ сообщить объ этомъ Привалову, зная, что онъ собирался купить домъ, такъ какъ его передъ этимъ сгорѣлъ. Отговаривать же его отъ покупки онъ и не думалъ. Привалову эти условія подошли, и онъ вмѣстѣ съ свидѣтелемъ поѣхалъ его осматривать. Затѣмъ свидѣтель повезъ Привалова въ Кредитное Общество, познакомилъ его съ Шильдбахомъ, наконецъ принималъ въ этой продажѣ до того близкое участіе, что даже по наказу Цвѣтухина пріѣзжалъ на торги и набавилъ рубль на продажную цѣну, такъ какъ иначе, при отсутствіи другихъ покупателей, кромѣ Привалова, торги могли не состояться. О вознагражденіи никакихъ разговоровъ не было, и только послѣ торговъ онъ узналъ, что за продажу дома правленіе назначило вознагражденіе почему-то Волокитину. Тогда онъ черезъ Грачева послалъ ему для подписи заявленіе на имя правленія о выдачѣ вознагражденія; обратно отъ Волокитина этого заявленія не получалъ; оно было передано въ правленіе, вѣроятно, черезъ Грачева. Деньги изъ кассы 3,000 р. получилъ самъ, а Волокитина отпустилъ сейчасъ же послѣ того, какъ тотъ расписался на ордерѣ; 1,000 руб. передалъ ему черезъ Грачева. Почему вознагражденіе было назначено Волокитину, а не прямо ему, свидѣтель не знаетъ; Грачевъ при этой продажѣ былъ совсѣмъ ни при чемъ. На предварительномъ слѣдствіи свидѣтель объяснилъ, что ордеръ былъ написанъ на Волокитина для того, чтобы Приваловъ не узналъ, что онъ получилъ ужъ куртажъ съ Общества и не воспользовался бы этимъ съ цѣлью не заплатить коммиссіи съ своей стороны. Когда свидѣтелю напомнили объ этомъ показаніи, онъ отказался отъ этого объясне-

нія, давъ въ палатѣ совершенно новое, а именно, что ордеръ былъ написанъ на Волокитина ради того, что ему, какъ члену наблюдательнаго комитета, просто неудобно было получать куртажъ на свое имя, на Привалова же онъ никакихъ видовъ не имѣлъ.

Защитникъ Грачева прис. пов. Харитоновъ заявилъ палатѣ, что въ VI-мъ гражданскомъ отдѣленіи Московскаго Окружнаго Суда находится въ производствѣ дѣло по иску, предъявленному Клюгинымъ къ правленію Московскаго Городского Кредитнаго Общества и къ Привалову объ уничтоженіи торговъ на его домъ. Однимъ изъ основаній иска приводится то обстоятельство, что Волокитинъ, бывши комиссіонеромъ по продажѣ этого дома, являлся и подставнымъ покупателемъ и торговался на этотъ домъ. Защитникъ считалъ необходимымъ вытребовать это дѣло изъ окружнаго суда для справки, такъ какъ дѣло это можетъ объяснить, почему Приваловъ считаетъ нужнымъ отрицать посредничество Волокитина.

Послѣ довольно продолжительныхъ объясненій, къ этому ходатайству присоединился и товар. прок. палаты.

Дѣло было доставлено, и оказалось, что искъ предъявленъ Клюгинымъ слишкомъ черезъ два года послѣ продажи дома. Приваловъ повѣстку по этому дѣлу получилъ слишкомъ черезъ годъ послѣ допроса его судебнымъ слѣдователемъ, которому онъ показалъ тоже, что и въ палатѣ, что Волокитинъ не былъ комиссіонеромъ.

Затѣмъ былъ спрошенъ свидѣтель *Гельбрасъ*, который показалъ, что онъ продалъ для Общества нѣсколько домовъ, причемъ вознагражденіе получалъ по усмотрѣнію правленія. По дому же Клюгина комиссіонерами были Григорьевъ и членъ наблюдательнаго комитета Грачевъ. Григорьевъ былъ очень хорошъ съ Шильдбахомъ и имѣлъ съ нимъ дѣловыя сношенія дружескаго характера. Такъ, напримѣръ, Шильдбахъ черезъ свою гувернантку Соколову, купилъ домъ, а управляющимъ явился уже Григорьевъ.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ неточностей и недомолвокъ въ показаніяхъ этого свидѣтеля, встрѣтившихся въ засѣданіи палаты, была прочитана часть его показаній на предварительномъ слѣдствіи, гдѣ онъ показалъ, что въ Кредитномъ Обществѣ безъ взятокъ получить ссуду нельзя.

Слѣдующимъ свидѣтелемъ былъ *Антроповъ*, который, какъ извѣстно изъ обвинительнаго акта, показалъ судебному слѣдователю, что домъ Бучумовой проданъ при его посредничествѣ, что онъ даже получилъ за это 6,700 р., изъ которыхъ 3,000 р. передалъ на храненіе Викторсону, а остальные издержалъ. Въ засѣданіи же палаты, напротивъ, Антроповъ

заявилъ, что онъ въ продажѣ этого дома никакого участія не принималъ и денегъ за продажу его никакихъ не получалъ, а только расписался въ полученіи ихъ, въ дѣйствительности же получилъ деньги Араловъ, онъ же, Антроповъ, показалъ у слѣдователя ложно, по наущенію Викторсона. Это заявленіе подтверждается показаніями Викторсона и Аралова, а потомъ и прочитанными показаніями неявившихся Дунаева и его повѣреннаго Козлова.

Свидѣтель *Викторсонъ*, подтверждая показаніе Антропова, показалъ, между прочимъ, что посредниками при продажѣ дома Бучумовой былъ онъ и Араловъ, а что Антропова подставили и выписали вознагражденіе на его имя только потому, что Араловъ находилъ неудобнымъ оглашать свое коммиссіонерство и что деньги за продажу дома онъ получилъ всѣ, удѣливъ изъ нихъ весьма небольшую часть Антропову.

Свидѣтель *Араловъ*, служащій Кредитнаго Общества, во всемъ подтвердивъ показанія Антропова и Викторсона, разсказалъ слѣдующее: у Викторсона на дачѣ онъ познакомился съ спичечнымъ фабрикантомъ Дунаевымъ и узналъ отъ него, что онъ думаетъ открыть въ Москвѣ фабрику, для каковой цѣли намѣренъ пріобрѣсти домъ. Выслушавъ все это, свидѣтель сначала предложилъ Дунаеву владѣніе Борисовскихъ, но оно оказалось слишкомъ дорогимъ для Дунаева, и онъ ему показалъ домъ Бучумова, который по осмотрѣ Дунаеву понравился. Свидѣтель поѣхалъ къ Цвѣтухину, отъ котораго узналъ, что цѣна этому дому назначена въ 335,000 р. Тогда онъ предложилъ Цвѣтухину свои услуги за 2% съ продажной цѣны найти покупателя, котораго имѣлъ въ лицѣ Дунаева, которому и сообщилъ эту цѣну. Черезъ нѣсколько дней Викторсонъ, показывая ему 20,000 р., сказалъ, что это—деньги, данныя Дунаевымъ на взносъ задатка. На домъ Бучумова были назначены торги, на которыхъ за Дунаева, уѣхавшаго въ это время на нѣсколько дней въ провинцію, торговался его повѣренный Козловъ, за которымъ на торгахъ и остался домъ. По возвращеніи Дунаева была переторжка; на переторжкѣ Дунаевъ надбавилъ 2—3 р. и оставилъ домъ за собой. Послѣ взноса Дунаевымъ задатка, свидѣтель обратился къ Цвѣтухину за коммиссіонными. Цвѣтухинъ далъ ему чистый бланкъ, съ которымъ онъ и обратился къ Викторсону для его подписи, но Викторсонъ подалъ ему другой бланкъ, уже подписанный Антроповымъ, котораго свидѣтель и въ глаза никогда не видалъ. Сдѣлано же все это было ради «ложнаго стыда» Аралова, огласить свое коммиссіонерство.

Изъ прочитаннаго показанія свидѣтеля *Козлова* видно, что онъ, бу-

дучи въ Москвѣ, черезъ Викторсона познакомился съ мѣщаниномъ Араловымъ, который сообщилъ ему, что въ Кредитномъ Обществѣ продается домъ Бучумова, и можно будетъ купить его за 335,000 р., и познакомилъ его съ однимъ изъ директоровъ правленія. Свидѣтель сообщилъ объ этомъ Дунаеву. На первыхъ торгахъ домъ остался за нимъ, свидѣтелемъ, а на переторжкѣ пріобрѣлъ его Дунаевъ, надбавивъ нѣсколько рублей. Задатокъ за Дунаева внесъ Викторсонъ, участвовавшій также на торгѣ этого дома.

Показаніе же свидѣтеля *Дунаева*, которое также было прочитано въ засѣданіи палаты, ничего существеннаго и новаго не внесло, кромѣ только подтвержденія, сказаннаго Араловымъ и Козловымъ.

Затѣмъ былъ спрошенъ свидѣтель *Марковъ*, портной, который показалъ, что никогда въ Кредитномъ Обществѣ не былъ и въ продажѣ дома Ададурова участія никакого не принималъ, а подписывалъ какую-то бумагу и расписался въ полученіи 7,500 руб. по просьбѣ шурина своего, Генералова, на самомъ же дѣлѣ никакихъ денегъ не получалъ, кромѣ того, что за расписку свою отъ Генералова получилъ одинъ рубль.

На вопросъ повѣреннаго гражд. истца пом. прис. пов. Котлецова свидѣтель показалъ, что мать Генералова—женщина бѣдная, что все состояніе ея заключается лишь въ одной избѣ, которую она имѣетъ въ деревнѣ и которая стоитъ нѣсколько сотъ рублей.

Вслѣдствіи этого показанія свидѣтеля была сдѣлана очная ставка между нимъ и Генераловымъ, на которой послѣдній продолжалъ утверждать, что мать его женщина съ большими средствами.

Послѣ этого былъ приглашенъ свидѣтель *Виноградовъ*, расписавшійся въ полученіи нѣсколькихъ тысячъ рублей коммиссіоннаго вознагражденія, который показалъ, что онъ за эту услугу получилъ 5 р. По словамъ свидѣтеля, онъ стоялъ въ Кредитномъ Обществѣ, когда къ нему подошелъ Прокофьевъ и спросилъ, не знаетъ ли онъ продажнаго домика получше? Тогда свидѣтель подвелъ его къ Генералову и познакомилъ ихъ.

Но Генераловъ съ этимъ объясненіемъ свидѣтеля не согласился, а заявилъ, что онъ и раньше зналъ Прокофьева.

Свидѣтельница *Глазова* заявила, что домъ Головкина она купила безъ услугъ коммиссіонеровъ.

Свидѣтель *Коробкинъ*, что онъ узналъ о продажѣ дома Збукъ изъ газетъ, пошелъ въ Общество и купилъ его безъ чьего-либо содѣйствія.

Свидѣтельница *Анисимова* также пріобрѣла сама лично домъ Самодурова и ни чьими услугами не пользовалась.

Свидѣтель *Яковлевъ*, покупая въ Кредит. Обществѣ домъ Евдокіи Бучумовой, ни къ кому изъ коммиссіонеровъ также не обращался.

О выдачѣ коммиссіоннаго вознагражденія было допрошено и еще нѣсколько свидѣтелей. Изъ всѣхъ ихъ показаній и изъ другихъ имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ видно, что за время съ 1894 по 1896 г. въ Обществѣ продано 35 домовъ и за продажу ихъ выдано коммиссіоннаго вознагражденія 39,860 р. Изъ этой суммы постороннимъ лицамъ было уплачено 5,400 р., около 17,000 р. получилъ Генераловъ самолично и черезъ родственниковъ, а остальное распредѣлилось между Волокитинымъ, Григорьевымъ, Араловымъ и ихъ знакомыми. Размѣръ вознагражденія подвергался большимъ колебаніямъ и нисколько не соразмѣрялся со степенью выгодности продажи домовъ для Общества и даже съ цѣною ихъ при продажѣ. Напримѣръ, при продажѣ дома Новикова за 18,300 р., съ убыткомъ около 5%, коммиссіонеръ Гельбрасъ получилъ вознагражденія 100 р., за продажу дома Маклина за 6,003 р., съ убыткомъ около 8%, коммиссіонеръ получилъ 200 р., за продажу дома Магеровскаго за 80,000 р., съ убыткомъ около 69%, Степановъ получилъ вознагражденія 1,500 р., при продажѣ дома Ададурова за 131,013 р., съ убыткомъ въ 70,243 р., вознагражденіе было назначено въ 7,500 р., и т. д. При этомъ очень рѣдко вознагражденіе получали лица дѣйствительно бывшія коммиссіонерами, большею частью оно выдавалось вовсе не тѣмъ, которые значились въ журналахъ правленія и которые расписывались въ полученіи денегъ, а, напротивъ, дѣйствительными получателями этого вознагражденія были лица по большей части или вовсе не принимавшія никакого въ продажѣ домовъ участія, или же такія, участіе которыхъ выражалось въ самой незначительной степени.

По поводу этихъ порядковъ тов. прокур. палаты предложилъ обвиняемымъ Шильдбаху и Герике вопросъ: какимъ образомъ, напримѣръ, по ордеру, написанному на имя А, получалъ изъ кассы деньги Б, и почему Генераловъ получалъ коммиссіонные даже тогда, когда купля-продажа была совершена чуть ли не безъ его вѣдома?

Обвин. Шильдбахъ объяснилъ, что, какимъ образомъ касса выдавала деньги не настоящимъ владѣльцамъ ордеровъ, онъ не знаетъ, такъ какъ удостовѣреніе въ личности получающаго лежало на обязанности казначея, а не правленія. Относительно коммиссіонеровъ вообще въ Кредитномъ Обществѣ обвиняемый отвѣтилъ, что это—язва, отъ которой Общество терпитъ, но съ которой принуждено мириться. Коммиссіонеры всѣ въ стачкѣ между собою, хороши даже тогда, когда не приносятъ вреда, а

вредъ они всегда могутъ принести: ихъ шайкѣ ничего не стоитъ отговорить отъ покупки дома даже и въ томъ случаѣ, когда лицо уже рѣшило купить данный домъ. Поэтому приходилось имъ мироволить. И Генераловъ этимъ пользовался. Въ концѣ-концовъ, ни одинъ покупатель такъ или иначе не пріобрѣталъ дома, не давши нажить коммиссіонерамъ. Если они были при продажѣ и ни при чемъ, то все-таки они дѣлали видъ, что эта продажа совершилась съ ихъ содѣйствіемъ. Такъ напримѣръ, Анисимова, которая, по ея утвержденію, пріобрѣла домъ безъ посредства коммиссіонеровъ, была введена въ правленіе Генераловымъ.

Обвин. Герике на вопросъ, почему выдавались вознагражденія коммиссіонерамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда домъ былъ купленъ безъ ихъ участія, объяснилъ, что оставшіеся за Обществомъ дома назначались на торги только тогда, когда выяснялось, что есть на нихъ покупатели. Если на торгахъ кто-нибудь давалъ больше, чѣмъ подысканный коммиссіонеромъ покупатель, то домъ и оставался за тѣмъ, кто давалъ больше, но правленіе считало себя обязаннымъ вознаградить коммиссіонера за его хлопоты. Иначе дѣлать и невозможно было: бывали случаи, когда купившіе на торгахъ имущество вдругъ исчезали, и оказывалось, что ихъ отговаривали коммиссіонеры. Что касается Генералова, обвиняемый мало зналъ его, но можетъ удостовѣрить, что коммиссіонеръ онъ былъ исправный: всѣ доставляемыя имъ правленію свѣдѣнія оказывались вѣрными.

Послѣ объясненій Герике, былъ приглашенъ свидѣтель *Лукашевичъ*, который показалъ, что занимается коммиссіонерствомъ, принимаетъ на себя хлопоты по добыванію залоговыхъ свидѣтельствъ и денегъ.—Свидѣтель для своихъ занятій нанимаетъ у правленія Кредит. Общества комнату за 50 р. въ мѣсяцъ. За посредничество свое при продажѣ домовъ кредитн. Обществомъ, когда приходилось ему его оказывать, свидѣтель всегда получалъ за это вознагражденіе, но только черезъ какое-нибудь другое лицо, такъ какъ Цвѣтухинъ находилъ неудобнымъ назначать вознагражденіе ему, свидѣтелю. Но разъ ему самому пришлось расписаться въ полученіи денегъ за Генералова. Почему онъ счелъ возможнымъ расписываться за Генералова, когда его появленіе считалось неудобнымъ, свидѣтель объяснить не могъ.

Спрошенъ былъ свидѣтель *мѣщанинъ Игнатовъ*, который показалъ, что онъ состоитъ членомъ-заемщикомъ Кредитнаго Общества, участвовалъ въ баллотировкѣ «въ 200 человѣкъ», которая потомъ была почему-то отмѣнена. Оказалось, что свидѣтель говорилъ о собраніи, въ которомъ выбирались уполномоченные, и больше по настоящему дѣлу ничего не знаетъ.

За Игнатовымъ былъ спрошенъ свидѣтель *Козловъ*, который показалъ, что хотѣлъ купить домъ Бородиныхъ, заложенный въ Кредитномъ Обществѣ и находящійся какъ-разъ противъ его дома. Явившись на торги, которые на этотъ разъ происходили почему-то въ комнатѣ правленія, онъ сталъ сразу дѣлать крупныя надбавки, что не понравилось купцу Григорьеву; тотъ подошелъ къ свидѣтелю и потребовалъ, что бы онъ прекратилъ надбавки и ушелъ такъ какъ этотъ домъ покупаетъ самъ Шильдбахъ. Этотъ Григорьевъ близокъ къ Шильдбаху. Свидѣтель послушался и пересталъ торговаться. Послѣ свидѣтеля Григорьевъ, кажется, надбавилъ 1 р.; за нимъ вступила въ торги Соколова и тоже надбавила 1 р., и домъ тотчасъ же остался за нею. Что Соколова была лицо подставное, то это было видно изъ того, что въ немъ сейчасъ же послѣ покупки начался ремонтъ, и за всѣми работами слѣдили Шильдбахъ и Григорьевъ.

Свидѣтельница *Соколова* показала, что давно живетъ въ семьѣ Шильдбахъ. Сначала была воспитательницей, а теперь живетъ при сестрѣ Шильдбаха. Кромѣ того свидѣтельница показала, что она, по просьбѣ «Сергѣя Константиновича Шильдбахъ», дала Генераловой подъ 2-ю закладную 40 т. Но такъ какъ ея сбереженія не составляли полной суммы, то она и должна была недостающую сумму до 40,000 доставать у своихъ знакомыхъ, каковыя деньги по мѣрѣ полученія и передавала Генераловой, которой деньги эти необходимы были на ремонтъ купленнаго съ торговъ въ Кредитномъ Обществѣ очень запущеннаго дома Ермилова. А такъ какъ она этой покупкой оказала большую услугу правленію, то Шильдбахъ, по словамъ свидѣтельницы, и считалъ своей нравственной обязанностью помочь Генераловой и деньгами и заботою о приведеніи въ исправный видъ страшно запущеннаго и почти ей навязаннаго правленіемъ дома. Но такъ какъ у Шильдбаха въ это время не было свободныхъ денегъ, чтобъ онъ могъ ссудить Генералову потребную для основательнаго и необходимаго ремонта сумму,—въ 40,000 р., то онъ и обратился къ свидѣтельницѣ, зная, что у нея есть нѣкоторыя сбереженія. Слѣдилъ же Шильдбахъ за работами по ремонту дома Генераловой самъ лично, потому что Генералова въ этихъ работахъ ничего не понимала, а также и побуждаемый нравственными мотивами. Что же касается самой свидѣтельницы лично, то она объяснила, что ею были куплены въ Кредитномъ Обществѣ съ торговъ дома Бородина и Солнцевой.

Въ началѣ засѣданія, судебная палата, находя возможнымъ продолжать засѣданіе въ отсутствіи неявившихся свидѣтелей, между прочимъ,

постановила повторить вызовъ нѣкоторымъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и Пелагеѣ Степановой Генераловой, которая, несмотря на это повтореніе, продолжала упорствовать и не являться, хотя съ мѣста ея жительства,—Можайскій уѣздъ,—и была получена отъ исправника телеграмма, извѣщающая, что Генералова еще 21-го числа выѣхала въ Москву.

По поводу этого обстоятельства *Генераловъ* далъ объясненіе, что мать его до сихъ поръ не пріѣзжала, потому вѣроятно, что съ ней что-нибудь случилось въ дорогѣ, такъ какъ она—женщина больная.

Въ виду всего этого товар. прокур. Палаты просилъ палату телеграфировать начальнику сыскной полиціи о принятіи мѣръ къ доставленію Генераловой въ засѣданіе палаты. Кромѣ того, замѣтивъ, что одинъ изъ свидѣтелей, унтеръ-офицеръ Степановъ, близкій Генералову, зачѣмъ-то поспѣшно удаляется изъ залы, просилъ предсѣдателя сдѣлать распоряженіе объ удержаніи Степанова. Степанову было предложено остаться въ залѣ, что онъ и исполнилъ.

Былъ приглашенъ свидѣтель *Безбородовъ*, который относительно купленнаго будто-бы г-жой Соколовой дома Бородина, показалъ, что онъ производилъ строительныя работы въ этомъ домѣ, и былъ увѣренъ, что это домъ Шильдбаха, который и рядилъ его, и слѣдилъ за работами, а расплачивался за эти работы съ нимъ Григорьевъ. Никакой Соколовой за все время производства работъ онъ не видалъ и таковой не знаетъ.

Между прочимъ, по вопросу о коммиссіонерахъ вообще и о дѣятельности Генералова въ частности спрошены были еще нѣкоторые свидѣтели, изъ которыхъ, напримѣръ, *фонъ-Дитманъ*, вызвавшій своими не совсѣмъ точными и ясными показаніями оглашеніе, добытыхъ на предварительномъ слѣдствіи, данныхъ, изъ которыхъ было видно, что онъ пріобрѣлъ въ Кредитномъ Обществѣ съ торговъ домъ чрезъ посредство Генералова, объяснилъ, что коммиссіонеровъ въ Москвѣ миновать нельзя и что этотъ обычай существуетъ съ давнихъ поръ и не только въ Кредитномъ Обществѣ, но и въ Земельныхъ Банкахъ.

Свидѣтель *Зубовъ*, подтверждая это, заявилъ, что онъ покупалъ дома въ Кредитномъ Обществѣ всегда чрезъ содѣйствіе Генералова, которому онъ платилъ отъ 50 до 150 р.

Свидѣтель *Абрамовъ* при этомъ указалъ на чрезвычайную полезность Генералова для Общества, какъ продававшаго много такихъ домовъ, съ которыми Общество не знало что дѣлать. При этомъ свидѣтель прибавилъ, что онъ самъ пріобрѣлъ домъ безъ посредства Генералова, хотя Общество все-таки Генералову заплатило за это 600 руб.

Далѣе оглашается показаніе свидѣтеля *Сысоева*, изъ котораго видно, что Сысоевъ совершенно не вѣдалъ, что подписывалъ, а «бывало придетъ Генераловъ, сунетъ какую-то бумагу и скажетъ: подпиши». Свидѣтель и подписываетъ. Генераловъ однажды сообщилъ свидѣтелю, что, не все комиссіонное вознагражденіе поступаетъ цѣликомъ въ его пользу: львиная часть идетъ директору Шильдбаху.

Свидѣтель Московскій нотаріусъ *Тарасовъ* показалъ, что Шильдбаха зналъ очень мало и познакомился съ нимъ черезъ служившаго въ его конторѣ г. Невяжскаго. Послѣдній просилъ его достать для Шильдбаха денегъ подъ вторую закладную на домъ, который числится домомъ Степановой (матери Генералова), но въ сущности принадлежитъ Шильдбаху. Невяжскій объяснилъ свидѣтелю, что домъ былъ купленъ съ торговъ въ Кредитномъ Обществѣ, и потому Шильдбахъ, какъ директоръ, не могъ купить его на свое имя. Свидѣтель обратился къ д. ст. сов. Исакову, который послѣ долгихъ колебаній рѣшился, наконецъ, дать 80,000 р., увѣрившись, что деньги получаетъ дѣйствительно Шильдбахъ. Закладная была совершена въ конторѣ свидѣтеля, и деньги получилъ совершавшій закладную по довѣренности Степановой членъ наблюдательнаго комитета Королевъ, хотя и сама Степанова была тутъ же. Шильдбахъ во всемъ этомъ активнаго участія не принималъ, но проявлялъ большой интересъ къ дѣлу, такъ какъ все время, пока писалась закладная и производился разсчетъ, онъ ходилъ по тротуару подъ окнами конторы. Послѣ этого устроенъ былъ обѣдъ въ ресторанѣ «Эрмитажъ», на которомъ были свидѣтель, Королевъ, Шильдбахъ, Невяжскій. Явился было и Генераловъ, но Шильдбахъ, отводя его въ сторону, что-то сказалъ ему, и Генераловъ сейчасъ же ушелъ. За обѣдомъ Шильдбахъ благодарилъ свидѣтеля за оказанную ему услугу. При разсчетахъ по закладной находился и Генераловъ и еще какой-то Араловъ. Видно было, что у Генералова были какіе-то счеты по дому. Генераловъ требовалъ себѣ вознагражденія за хлопоты, и Шильдбахъ успокоилъ его какими-то обѣщаніями. Араловъ былъ возмущенъ требованіями Генералова и говорилъ потомъ, что Шильдбахъ хочетъ жаловаться прокурору на Генералова. Въ послѣдствіи,—когда именно свидѣтель не припомнитъ,—онъ былъ неожиданно вызванъ Исаковымъ, который, предъявивъ ему повѣстку Кредитнаго Общества о назначеніи въ продажу дома Степановой, разсказалъ, что, получивъ эту повѣстку, онъ ѣздилъ въ Кредитное Общество переговорить съ Шильдбахомъ, но тотъ заявилъ ему, что никакого отношенія къ этому дому не имѣетъ и не допуститъ торговъ не можетъ, причемъ не преминулъ по-

совѣтовать оставить домъ за собой, чтобы не допустить до окончательнаго разоренія, такъ какъ этотъ домъ находится въ управленіи извѣстнаго мошенника Генералова. Исаковъ оставилъ домъ за собой. Свидѣтель удостовѣрилъ еще, что когда онъ явился въ собраніе Кредитнаго Общества на выборы въ уполномоченные, ему дали шары и сказали, чтобы въ первые по порядку 20 ящиковъ онъ клалъ направо, а въ остальные налѣво.

Послѣ показанія Тарасова было прочитано показаніе умершаго свидѣтеля *д. ст. сов. Исакова*, которымъ показаніе Тарасова вполнѣ подтвердилось. Кромѣ того покойный Исаковъ показалъ, что на торги на заложенный у него домъ записался еще какой-то господинъ, который сразу далъ за этотъ домъ 80,000 р., но послѣ надбавки свидѣтелемъ 1 р. изчезъ, почему Исаковъ и думаетъ, что это было подставное лицо.

Спрошенный свидѣтель *Королевъ*, членъ наблюдательнаго комитета, показалъ, что Степанову, по довѣренности которой онъ совершалъ въ конторѣ нотаріуса Тарасова закладную Исакову, онъ совсѣмъ не зналъ, а согласился принять довѣренность отъ нея только по просьбѣ нотаріуса Тарасова, который сказалъ, что неудобно самой Степановой, простой крестьянкѣ, являться для совершенія договора съ генераломъ... Степанова же дѣйствительно сама была въ конторѣ, и онъ, получивши 80,000 р., 40,000 р. удержалъ на погашеніе закладной Соколовой, а остальные отдалъ Степановой.

Свидѣтель *нотаріусъ Тарасовъ* по поводу показанія Королева заявилъ, что никогда съ такой просьбой къ свидѣтелю не обращался, да и надобности въ этомъ никакой не было.

Затѣмъ было прочитано показаніе свидѣтеля *Ларіонова*. Свидѣтель слышалъ, что домъ Ермилова, купленный будто бы Степановой, на самомъ дѣлѣ былъ купленъ Шильдбахомъ. Слухъ подтвердился, такъ какъ вскорѣ послѣ торговъ старыя постройки стали ломать и возводить новыя, при чемъ всѣмъ распоряжался Шильдбахъ. Постройки, какъ говорилъ ему подрядчикъ Кузнецовъ, производились плохія, матеріалъ былъ тоже плохой, и Кузнецовъ удивлялся, какъ это постройки держатся. Свидѣтель самъ видѣлъ Шильдбаха на постройкѣ и разъ, будучи выпивши, высказалъ ему порицаніе за то, что онъ купилъ домъ за полцѣны. Шильдбахъ обидѣлся на это и подалъ жалобу мировому судьѣ, который оправдалъ свидѣтеля.

Свидѣтель *Кузнецовъ*, подрядчикъ, на всѣ вопросы отозвался запамятованіемъ и могъ только отвѣтить, что онъ работалъ въ домѣ, бывшемъ

Ермилова, но подробностей никакихъ не помнитъ. Вслѣдствіе этого было прочитано показаніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи, изъ котораго видно, что въ домѣ Ермилова всѣми работами распоряжался Шильдбахъ, который и рядилъ его, и деньги платилъ, почему свидѣтель и считалъ его хозяиномъ этого дома; Степановой же никакой въ домѣ не видалъ и ее не знаетъ. Что касается расплатъ, то Шильдбахъ всегда платилъ плохо и до сихъ поръ со свидѣтелемъ еще не разсчитался.

Послѣ Кузнецова давалъ свои показанія свидѣтель *Водо*, казначей Кредитнаго Общества. Онъ объяснилъ порядокъ выдачи денегъ кассою. Лицамъ, извѣстнымъ ему или служащимъ въ правленіи, деньги выдавались безпрепятственно, по выданнымъ на ихъ имя ордерамъ; отъ лицъ неизвѣстныхъ всегда требовалось какое-нибудь удостовѣреніе, напримѣръ, паспортъ. Когда стали являться за полученіемъ комиссіоннаго вознагражденія, завѣдомо для него, свидѣтеля, не тѣ лица, на имя которыхъ были выданы ордера и которыя расписались на нихъ, онъ обратился за разъясненіемъ своихъ недоразумѣній въ правленіе; тамъ ему сказали, что правленіе само удостовѣряется въ самоличности тѣхъ, на имя которыхъ выдаютъ ордера, и потому онъ можетъ не стѣсняться тѣмъ, что ордера предъявляются другими. Чаще всего свидѣтель обращался за разъясненіями и указаніями къ Цвѣтухину, какъ предсѣдателю правленія.

Затѣмъ была допрошена свидѣтельница *Мошкина* и прочитано показаніе неявившейся свидѣтельницы *Власовой*. Оба эти показанія представляютъ изъ себя одно и то же и говорятъ о томъ, что послѣ смерти мужа свидѣтельницы Власовой остался домъ, заложенный въ Кредитномъ Обществѣ, на которомъ числилось недоимокъ въ срочныхъ платежахъ около 11 тысячъ руб., да была еще вторая закладная Ѳедоровой въ суммѣ 19 тыс. руб. Мошкина, сестра Власовой, дѣйствуя по довѣренности послѣдней, обратилась къ Герике за совѣтомъ и при его содѣйствіи стала вносить въ Кредитное Общество срочные платежи не полностью, а частями. Герике, въ концѣ-концовъ, посовѣтовалъ перезаложить домъ, для чего слѣдовало утвердиться въ правахъ наслѣдства и получить согласіе владѣлицы второй закладной. Хлопоты по перезалогу принялъ на себя Герике; при этомъ онъ нѣсколько разъ повторялъ свидѣтельницамъ, чтобы онѣ никому не говорили объ его хлопотахъ по этому дѣлу, такъ какъ ему, какъ директору Общества, за подобныя порученія неудобно браться и что всѣ бумаги будутъ писаться отъ имени его квартиранта Александра Ермолова. На расходы потребовалось 1,800р., при чемъ Герике настаивалъ на томъ, чтобы деньги были доставлены скорѣе, въ противномъ случаѣ

грозилъ продажей дома съ торговъ. Свидѣтельницамъ съ большимъ трудомъ удалось собрать только 1,300 р., которые и были переданы Ермолову. Перезалогъ не состоялся, а деньги были возвращены свидѣтельницамъ только послѣ того, какъ было предъявлено къ Ермолову черезъ нотаріуса требованіе возвратить ихъ.

Дѣло это, какъ видно изъ справки, по отношенію къ Герике, разсматривалось совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, который опредѣлилъ поставить Герике на видъ неудобство рекомендаціи имъ, въ качествѣ директора Кредитнаго Общества, лица для ходатайства по перезалогу имущества въ томъ же Обществѣ.

Обвиняемый Герике объяснилъ, что онъ не бралъ на себя веденія дѣла Власовой, а по усиленной просьбѣ Мошкиной рекомендовалъ ей Ермолова.

Показаніе неявившагося свидѣтеля *Ермолова* подтверждаетъ все сказанное Герике и разъясняетъ, что Ермоловъ былъ воспитателемъ дѣтей Герике и по окончаніи курса на юридическомъ факультетѣ просилъ Герике дать ему какое-нибудь легкое дѣло—что, хотя Герике и отговаривалъ нерѣдко свидѣтеля отъ дѣятельности повѣреннаго, находя эту дѣятельность не по характеру его, все-таки далъ ему вести небольшое дѣло Власовой, которое онъ и велъ совершенно самостоятельно, что Герике сдѣлалъ только разсчетъ денегъ, необходимыхъ для перезалога, и объяснилъ Власовой что вычисленная имъ сумма дѣйствительно необходима.

Обвин. Герике по поводу показаній, данныхъ Власовой и Мошкиной, объяснилъ, что у него была отъ Власовой общая довѣренность на веденіе всѣхъ ея судебныхъ дѣлъ, по которой ему было поручено два дѣла: одно съ арендаторомъ, другое объ истребованіи отъ казны залога, представленнаго мужемъ Власовой по подряду; дѣло это велъ его помощникъ Стуловъ. Для ходатайства о перезалогѣ онъ рекомендовалъ Ермолова. При этомъ обвиняемый предупреждалъ свидѣтельницу Власову, что хотя перезалогъ ей и разрѣшатъ, но что сумма по перезалогу ни въ какомъ случаѣ не превыситъ суммы недоимокъ и что ей не только ничего не останется для уплаты по 2-й закладной, но придется еще имѣть на-готовѣ 1,800 р., именно 415 р. на актовую бумагу, канцелярскаго и городского сбора 630 р. 60 к. и приплаты за облигаціи—700 р., да необходимо еще имѣть согласіе держательницы 2-й закладной Ѳедоровой на перезалогъ и на отсрочку продажи дома. Какъ Власова, такъ и сестра ея Мошкина увѣряли, что въ согласіи Ѳедоровой на перезалогъ и на отсрочку продажи не можетъ быть сомнѣнія, и что она возьметъ назадъ поданное ею въ правленіе прошеніе о назначеніи дома въ продажу. Между тѣмъ согла-

сія Ѳедоровой не послѣдовало, и потому перезалогъ дома не могъ состояться.

Что касается рекомендаціи Власовой повѣреннаго для хлопотъ о перезалогѣ, то обвиняемый не видѣлъ въ этомъ ничего несогласнаго съ его положеніемъ директора Общества, такъ какъ перезалогъ, при значительныхъ недоимкахъ, представлялся одинаково желательнымъ какъ для Власовой, такъ и для Кредитнаго Общества. Здѣсь на вопросъ защиты, къ кому именно предъявленъ искъ гражданской истицы Власовой, повѣренный ея *помощ. прис. повѣр. Л. И. фонъ-Шлезингеръ* первоначально заявилъ, что искъ предъявленъ ко всѣмъ обвиняемымъ, но потомъ, на вопросъ защитника Грачева, не предъявляется ли искъ тогда и къ Грачеву, отвѣтилъ, что объ основаніяхъ и подробностяхъ иска онъ предоставляетъ себѣ право говорить впослѣдствіи. Г. предсѣдатель удостовѣрилъ, что искъ предъявленъ просто «по дѣлу». Затѣмъ г. Фонъ-Шлезингеръ покинулъ мѣсто гражданскаго истца.

Свидѣтель *Стуловъ*, правитель дѣлъ Кредитнаго Общества, показалъ, что былъ прежде помощникомъ прис. повѣр. Герике и по его порученію велъ два дѣла Власовой объ истребованіи залога и съ однимъ изъ ея арендаторовъ, но не довелъ ихъ до конца, потому что пришлось уѣхать изъ Москвы. На вопросъ о томъ, когда списывались недоимки по проданнымъ домамъ, свидѣтель объяснилъ, что, если продажа остававшагося за Обществомъ дома случалась въ концѣ отчетнаго года, т. е. въ концѣ августа, то разсчеты приходилось заканчивать уже въ сентябрѣ, тогда и списывались недоимки. Поэтому въ отчетѣ за этотъ годъ въ исторической части всегда говорилось о продажѣ этого дома, но въ цыфровой отчетъ за этотъ годъ свѣдѣній объ убыткѣ по проданному дому не попадало: они помѣщались уже въ отчетѣ за слѣдующій годъ.

Затѣмъ, прочитано было показаніе умершаго свидѣтеля *Медіанова*, бывшаго главнаго бухгалтера Кредитнаго Общества. Свидѣтель въ этомъ показаніи объяснялъ, что бухгалтерія поземельнаго кредита по существу своему очень сложна и запутана и во многомъ отличается отъ бухгалтеріи торговыхъ банковъ. Свидѣтелю это извѣстно по личному опыту. Несмотря на то, что онъ долгое время былъ главнымъ бухгалтеромъ Московской Конторы Государственнаго Банка, онъ все-таки, когда его пригласили устроить счетоводство въ Кредитномъ Обществѣ, долженъ былъ, прежде чѣмъ приняться за это, долго изучать бухгалтерію поземельнаго кредита, и только послѣ этого изученія все, что прежде ему казалось неяснымъ и туманнымъ, стало ясно и понятно. Бухгалтерія—не наука,

а искусство, системы могутъ быть разныя, и всякій достигнетъ своей цѣли по системѣ, какую себѣ усвоитъ. Противъ той или другой системы можно спорить, но возводить ее въ преступленіе невозможно. Первая неправильность въ счетоводствѣ, на которую указываютъ, это—та, что недоимки по проданнымъ домамъ Буцковской и Борисовской не были списаны въ убытокъ, а оставлены на активѣ баланса, какъ просроченный платежъ. Но дѣло въ томъ, что въ распоряженіи правленія находятся только прибыли, а не запасный капиталъ: списавъ въ отчетномъ году 212,995 р. въ убытокъ, правленіе уже не имѣло въ своемъ распоряженіи средствъ на покрытіе еще новыхъ убытковъ и, не имѣя права распорядиться запаснымъ капиталомъ безъ общаго собранія, оставляло ихъ на активѣ. По этому поводу онъ входилъ съ представленіемъ въ правленіе и просилъ разрѣшить оставить на счету недоимокъ срочные платежи по дому Борисовской и по проданному дому Буцковской впредь до окончанія разсчетовъ. Разрѣшеніе правленія было получено, но вопросъ о списаніи недоимокъ съ запаснаго капитала остался до общаго собранія. Вторая неправильность—несвоевременное будто бы списываніе убытковъ по домамъ Гучкова и Абрамова, объясняется принятой въ Кредитномъ Обществѣ системой списывать убытки не со дня продажи, а по окончаніи всѣхъ разсчетовъ, вмѣстѣ съ переводомъ долга. Такой порядокъ представляется болѣе правильнымъ, и при этомъ, конечно, приходится убытки по домамъ, проданнымъ въ концѣ года, списывать въ началѣ слѣдующаго года, а слѣдовательно и показывать ихъ въ этомъ году.

Послѣ показанія умершаго Медіанова, прочитаннаго въ палатѣ, нѣкоторыми изъ гражданскихъ истцовъ былъ возбужденъ вопросъ о неправильныхъ оцѣнкахъ и о накопленіи сверхльготныхъ недоимокъ. Вслѣдствіе чего былъ снова вызванъ свидѣтель *Алексѣевъ*, который утверждалъ, что въ понесенныхъ Обществомъ убыткахъ были виноваты не оцѣнщики, не считавшіе себя обязанными брать за себя непроданные дома, а правленіе, накопившее на этихъ домахъ по 5-ти, по 6-ти полугодій недоимокъ. Это и само правленіе понимало, ибо оно никогда не рѣшалось настаивать передъ оцѣнщиками на оставленіи за собой непроданныхъ домовъ и не увольняло тѣхъ, которые отказывались отъ такихъ домовъ.

Обвиняемый Герике, слагая съ себя отвѣтственность въ накопленіи недоимокъ и понесенныхъ Обществомъ отъ нихъ убытковъ, между прочимъ, объяснилъ, что, вступая въ Общество въ качествѣ директора правленія, онъ уже засталъ накопленныя недоимки на заложенныхъ въ Обществѣ имуществахъ до 1.700,000 р., отвѣчать за которыя уже ни въ

какомъ случаѣ не можетъ и виновнымъ себя не считаетъ. При этомъ обвиняемый прибавилъ, что бывали случаи, что и послѣ этого не всѣ имущества, по которымъ было въ недоимкѣ по нѣсколько полугодій, поступали на торги, потому что владѣльцы нѣкоторыхъ изъ такихъ имуществъ стали вносить сразу не по одному срочному платежу, а по полтора, иногда и по два, стараясь удержать домъ за собой и погасить недоимки.

На вопросъ тов. прок. палаты, почему правленіе всегда принимало безъ всякихъ поправокъ ту оцѣнку, которую дѣлала оцѣночная комиссія, обвиняемый *Герике* заявилъ, что это было далеко не всегда. Дѣлалось это такъ: правленіе провѣряло оцѣнки, если нужно было, вызывало архитекторовъ и оцѣнщиковъ для объясненій и даже, въ крайнихъ случаяхъ, отправлялось на мѣсто и, произведя новый осмотръ, или убѣждалось въ правильности оцѣнки, или архитектора и оцѣнщики соглашались съ возраженіями проявленіяи понижали оцѣнку. Тогда писался новый протоколъ. Этимъ и заканчивалось, но подобные случаи—прибавилъ обвиняемый—въ дѣлахъ слѣдовъ оставить не могли, причемъ бывало и такъ, что оцѣнщики настаивали на правильности своей оцѣнки, а правленіе, тѣмъ не менѣе, понижало ее. Такъ было, напримѣръ, съ домомъ Смирнова на Варваркѣ: правленіе оцѣнило его на 40,000 р. ниже оцѣночной комиссіи.

На замѣчаніе обвинителя, что это былъ единственный случай *обв. Шильдбахъ* возразилъ, что было и еще нѣсколько такихъ случаевъ, свѣдѣнія о которыхъ имъ были представлены въ палату и должны находиться въ дѣлѣ.

Приглашенъ свидѣтель *Попандопуло*, показаніе котораго исключительно сводится къ обрисовкѣ личности Генералова. Свидѣтель разсказалъ встрѣчу свою съ Генераловымъ въ трактирѣ, гдѣ послѣдній хвастался, что онъ «задалъ директорамъ, попомнятъ». На замѣчаніе свидѣтеля, что показывать ложно—грѣхъ, что Богъ накажетъ за это, Генераловъ отвѣтилъ, что онъ всегда можетъ отказаться отъ этого показанія, что теперь онъ «торгуется», проситъ 5,000 р. Дадутъ—дастъ «новое показаніе», не дадутъ—все останется «попрежнему». Относительно же дѣлъ Общества свидѣтель показалъ, что они его не интересуютъ и онъ ихъ не знаетъ, такъ какъ никакихъ операцій съ Обществомъ за старостью лѣтъ не имѣлъ: домовъ въ Обществѣ не покупалъ и не закладывалъ, добавивъ, что онъ уже старъ и ему пора думать о могилѣ.

Свидѣтель *Заводовъ*, спрошенный послѣ Попандопуло, разсказалъ,

что онъ слышалъ, что будто бы Генераловъ грозилъ уничтожить Цвѣтухина за то, что тотъ не велѣлъ пускать его въ правленіе.

Затѣмъ былъ спрошенъ свидѣтель *Смирновскій*, предсѣдатель правленія Кредитнаго Общества,—замѣнившій покойнаго Цвѣтухина,—который показалъ, что онъ одновременно былъ съ свидѣтелемъ Аничкинымъ, остававшимся вмѣстѣ съ кн. Долгоруковымъ недовольнымъ выдачами комиссіоннаго вознагражденія, находя ихъ неправильными, членомъ наблюдательнаго комитета и можетъ сказать про этого свидѣтеля, что этотъ послѣдній несмотря на то, что въ то время въ вознагражденіе присутствовавшихъ на засѣданіяхъ членовъ выдавалось по 25 р. на каждаго члена комитета,—такъ сказать,—гроши, и этими грошами не брезговалъ, причемъ поступалъ такъ: если онъ почему-либо не могъ быть на засѣданіи, то все-таки расписывался, какъ присутствовавшій, и требовалъ выдачи этихъ 25-ти рублей. Когда при раздѣлѣ этихъ денегъ предсѣдатель комитета Дьячковъ заявилъ, что Аничкинъ не долженъ получать деньги за то засѣданіе, на которомъ не присутствовалъ, то Аничкинъ остался недоволенъ этимъ заявленіемъ. Тогда свидѣтель предложилъ Аничкину, если онъ считаетъ себя обиженнымъ этимъ заявленіемъ, то пусть возьметъ его, свидѣтеля, долю,—и Аничкинъ нашелъ возможнымъ принять это предложеніе.

Относительно оцѣнки своего дома свидѣтель показалъ, что онъ былъ при ревизіи Михалева оцѣненъ архитекторомъ Вейденбаумомъ гораздо ниже, чѣмъ при залогѣ въ Кредитномъ Обществѣ. Свидѣтель остался недоволенъ, и потребовалъ новой оцѣнки. Архитекторъ Вейденбаумъ при архитекторѣ Загорскомъ увеличилъ оцѣнку на 6,000 р., но и эта оцѣнка была все-таки ниже оцѣнки Общества; впослѣдствіи свидѣтель продалъ свой домъ тысячъ на 20 дороже противъ послѣдней.—Затрудненія Кредитнаго Общества, по словамъ свидѣтеля, были вызваны паденіемъ цѣнъ на дома, вслѣдствіе разныхъ случайныхъ причинъ: выселенія евреевъ, послѣ котораго стали пустовать многія квартиры и торговыя помѣщенія; повышенія полицейскихъ требованій по части благоустройства, что повлекло за собой усиленіе расходовъ домовладѣльцевъ и т. д.

Наконецъ, предстала предъ палатой въ качествѣ свидѣтельницы мать Генералова, *Пелагея Степанова Генералова*, явки которой палата ожидала въ теченіе 5-ти дней. На предложенные ей вопросы она показала, что покупала дома въ Кредитномъ Обществѣ для себя, а не для Шильдбаха: деньги на покупку домовъ она тратила частью свои, а большею частью сынъ давалъ.

Между этимъ показаніемъ и показаніями, данными ею на предварительномъ слѣдствіи, обнаружилось полное противорѣчіе, вслѣдствіе чего палата постановила прочесть ея показанія. Первый разъ она была допрошена по мѣсту ея жительства въ Можайскѣ, гдѣ она показала, что она никакихъ довѣренностей сыну на покупку домовъ не давала, да и не могла покупать домовъ, такъ какъ ровно ничего не имѣетъ; что разъ торговалась въ Кредитномъ Обществѣ на домъ Ермилова и то по просьбѣ сына и его начальника Шильдбаха. Затѣмъ, по требованію Шильдбаха, свидѣтельница была спрошена второй разъ въ Москвѣ въ присутствіи Шильдбаха, но показала то же самое, добавивъ, что ей было объяснено, что домъ только для виду покупается на ея имя, а настоящимъ хозяиномъ будетъ Шильдбахъ, онъ и деньги платилъ; хотя эти деньги были даны ей, но она ихъ по окончаніи торговъ и послѣ того, какъ домъ остался за ней, положила, не считая, на столъ, за которымъ сидѣлъ Шильдбахъ и др. Сколько было этихъ денегъ, она не знаетъ.

Никакого объясненія противорѣчіямъ въ своихъ показаніяхъ Генералова не дала.

По просьбѣ обвиняемаго Герике были вновь допрошены свидѣтели, архитекторы Кредитнаго Общества *Ивановъ* и *Загорскій* и правитель дѣлъ *Стуловъ*. Первые два подтвердили, что объясненія оцѣнщиковъ съ членами правленія бывали часто, оцѣнки, опротестованныя правленіемъ, иногда понижались. Бывало, что директора сами ѣздили на осмотръ домовъ. Свидѣтель Ивановъ слышалъ разъ въ канцеляріи Кредитнаго Общества о столкновеніи Герике съ однимъ изъ оцѣнщиковъ изъ-за высокихъ оцѣнокъ. Что оцѣнки провѣрялись правленіемъ и нерѣдко значительно понижались—подтвердилъ и свидѣтель Стуловъ, который объяснилъ, что столкновеніе, о которомъ слышалъ свидѣтель Ивановъ, произошло между директоромъ Герике и оцѣнщикомъ Соколовымъ, который вообще отличался щедростью оцѣнокъ; Герике сдѣлалъ ему замѣчаніе, и это вызвало враждебныя отношенія къ нему Соколова. Другіе директора даже грозили сообщить о дѣйствіяхъ Соколова общему собранію; не увольняли же его потому, что онъ служилъ съ самаго основанія Общества.

Затѣмъ спрошенъ былъ экспертъ *Парчевскій*. Заключеніе его сводится къ слѣдующему. Изъ числа 73-хъ имуществъ, назначенныхъ къ принудительной продажѣ, только 15 имѣли по одной сверхсрочной недоимкѣ, по остальнымъ же недоимки превышали дозволенную уставомъ льготу въ слѣдующей пропорціи: по всѣмъ 73-мъ имуществамъ ко

времени торговъ было въ недоимкѣ 344 полугодія, т. е. въ среднемъ на каждомъ имуществѣ было свыше четырехъ полугодій. Имущества эти не продавались и оставались за Обществомъ, которое продолжало производить уплату срочныхъ платежей за счетъ не существующаго заемщика, и количество просроченныхъ платежей увеличивалось. Ко дню дѣйствительной продажи на 101 имуществѣ числилось уже 564 просроченныхъ платежа, т. е. свыше 5-ти на каждое имущество. Съ возрастаніемъ числа просроченныхъ полугодичныхъ платежей росли и убытки, и по счетамъ бухгалтеріи ихъ оказалось 800,515 р., покрытыхъ изъ доходовъ Общества. По мнѣнію эксперта, порядокъ по уставу долженъ бы быть такой, что по окончаніи года, если бы даже имущество осталось не проданнымъ, счетъ по оному долженъ быть ликвидированъ, и ссуда должна быть погашена. При этомъ Кредитное Общество освобождалось бы отъ отвѣтственности уплаты роста по облигаціямъ, выпущеннымъ подъ то имущество, т. е. прекращало бы свои платежныя обязательства въ отношеніи оставшихся за нимъ и не проданныхъ имуществъ. Затѣмъ такое имущество переводится въ разрядъ особаго счета не проданныхъ имуществъ, оставшихся за кредитнымъ учрежденіемъ, а по продажѣ вырученная сумма ставится на счетъ возвратныхъ прибылей того года, въ которомъ продажа осуществилась. При соблюденіи этого порядка Общество понесло бы меньше убытка, чѣмъ оно понесло въ дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, 3-го сентября 1890 г. за Кредитнымъ Обществомъ осталось имущество товарищества пиво и медоваренія съ капитальнымъ долгомъ въ 362,910 р. 14-го февраля 1895 г. имущество это было продано за 350,000 тыс. рублей,—цѣну, близко подходящую къ капитальному долгу. Между тѣмъ, продержавъ въ своемъ распоряженіи этотъ залогъ 5 лѣтъ, правленіе обязано было оплачивать купоны по облигаціямъ, что за 10 полугодій составило однихъ срочныхъ и сверхсрочныхъ платежей 158,106 р.; они и составляютъ убытокъ, котораго избѣжали бы совершенною продажею залога даже по значительно пониженной цѣнѣ. Затѣмъ на предложенные ему вопросы экспертъ пояснилъ, что подъ исправнымъ положеніемъ залога, дающимъ по 88-му § устава право на полученіе дополнительной ссуды, онъ разумѣетъ, что имущество не обезцѣнено, а не отсутствіе сверхсрочныхъ недоимокъ, потому что имущество съ сверхсрочной недоимкой должно быть продано. Требованіе § 73, что оставшееся за Обществомъ имущество должно быть продано по истеченіи года, онъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что имущество не можетъ оставаться за Обществомъ болѣе года. Уставъ Нижегородско-Самарскаго

Банка, въ которомъ служитъ экспертъ, требуетъ продажи такихъ имуществъ въ теченіе года.

На вопросъ защитника Шильдбаха, экспертъ признаетъ, что на остающемся за кредитнымъ учрежденіемъ имуществѣ можетъ быть три законныхъ недоимки: одна, за которую имущество поступало на торги, и двѣ, образовавшіяся за время нахожденія имущества въ распоряженіи кредитнаго учрежденія, т. е. въ теченіе года. При такомъ разсчетѣ оказывалось, что по нѣкоторымъ изъ помѣщенныхъ въ составленномъ экспертомъ перечнѣ имуществъ ко дню дѣйствительной продажи оказывалось только по одной незаконной недоикѣ, и недоимка эта была бы и въ томъ случаѣ, если бы имущества эти были назначены въ продажу даже черезъ нѣсколько дней по истеченіи годичнаго срока. Такъ, напримѣръ, имущество подъ № 84-мъ осталось за Обществомъ въ августѣ 1893 года; годичный срокъ оканчивался въ концѣ августа 1894 года, а продано оно было въ январѣ 1895 года при четырехъ недоимкахъ, слѣдовательно, только при одной незаконной; но она была бы на лицо и въ томъ случаѣ, если бы продажа состоялась даже въ началѣ сентября, такъ какъ четвертый платежъ наступалъ 1-го сентября 1894 года.

Обвин. Герике пожелалъ знать, существуютъ ли въ Нижегородско-Самарскомъ Банкѣ ссуды, при которыхъ въ погашеніе уплачивается въ годъ 1%, и на какой срокъ такія ссуды выдаются? На этотъ вопросъ экспертъ не могъ дать отвѣта: въ Нижегородско-Самарскомъ Банкѣ существуетъ очень много сроковъ ссудъ, и разсчета погашенія безъ таблицъ онъ указать не можетъ. Г. Герике считалъ очень важнымъ выяснить этотъ вопросъ, но палата нашла это излишнимъ, такъ какъ обвиняемый не могъ объяснить для чего это именно нужно.

Спрошенные за Парчевскимъ эксперты гг. *Шиловъ*, *Торбѣевъ*, *бар. Остенъ-Сакенъ*, и *Тольцманъ* въ заключеніи своемъ высказали, что отчеты Московскаго Городского Кредитнаго Общества вообще страдаютъ неясностью, запутанностью и отсутствіемъ единообразія и въ нихъ сознательно допущены неправильности, имѣющія цѣлью скрыть убытки и тѣмъ самымъ истинное положеніе дѣлъ Общества. Въ особенности это относится къ тѣмъ мѣстамъ отчетовъ, въ которыхъ дѣло идетъ объ убыткахъ отъ продажи оставшихся за Обществомъ домовъ. Такъ, въ отчетѣ за 1893—94 г. прибыль была показана въ суммѣ 2,774 р. 71 к., между тѣмъ такой прибыли не было, ибо недоимка по проданному въ этомъ году дому Буцковской въ суммѣ 20,248 р. 57 к. не была списана въ убытокъ, а оставлена на активѣ баланса въ статьѣ «остается

просроченныхъ платежей по имуществамъ, оставшимся въ вѣдѣніи Общества», тогда какъ эта сумма составляла безвозвратную потерю, которую слѣдовало списать со счета прибылей и запаснаго капитала вмѣстѣ съ капитальнымъ долгомъ и расходами по имуществу. Въ томъ же отчетѣ не списаны въ убытокъ 10,359 р. 14 к., составляющіе срочный платежъ по имуществу Борисовской, укрѣпленному за Обществомъ. Этотъ платежъ, составлявшій уплату Обществомъ купоновъ по выпущеннымъ подъ этотъ домъ облигаціямъ, прежде ежегодно сносился въ убытокъ. Если присоединить сюда неправильную запись выдачи Ярмонкину 2,924 р. 31 к., то окажется, что годъ долженъ быть заключенъ дефицитомъ въ 30,757 р. 31 к. Объясненія главнаго бухгалтера Медіанова только подтверждаютъ заключеніе о томъ, что неправильности отчетовъ имѣли цѣлью сокрытіе убытковъ. Тотъ же пріемъ усмотрѣнъ экспертами и въ слѣдующемъ году, который законченъ убыткомъ въ 15,591 р. 53 к., но убытокъ этотъ въ отчетѣ не указанъ ясно и точно, а усматривается только изъ сопоставленія остатковъ запаснаго капитала на 1-е сентября 1894 г.—1,128,815 р. 5 к. и на 1-е сентября 1895-г.—1,113,223 р. 52 к. Этотъ дефицитъ долженъ быть еще увеличенъ убыткомъ по продажѣ имуществъ Абрамовыхъ и Гуськова въ суммѣ 55,491 р. 43 к. Если несвоевременное снесеніе въ убытокъ недоимокъ по домамъ Абрамовыхъ и Гуськова можетъ быть объяснено принятою въ Обществѣ неправильною системою сносить такія недоимки въ убытокъ не въ моментъ продажи имущества, а только при окончаніи разсчетовъ съ покупателями, то счетъ по дому Буцковской и этой системой объяснить нельзя, такъ какъ домъ этотъ былъ проданъ съ переводомъ долга на 1-е марта, слѣдовательно переводъ долга уже сдѣланъ, разсчеты окончены, убытокъ точно опредѣленъ, и онъ никоимъ образомъ не долженъ былъ значиться въ суммѣ остатка недоимокъ по имуществамъ, оставшимся за Обществомъ, такъ какъ убытокъ есть потеря, а не недоимка. Далѣе, по уставу, убытки по продажѣ домовъ должны списываться изъ запаснаго капитала, между тѣмъ въ Кредитномъ Обществѣ они списывались съ прибылей подъ рубрикою «расходовъ». Не говоря уже о томъ, что понятіе о «расходѣ» далеко нетождественно съ понятіемъ о безвозвратномъ убыткѣ, такой порядокъ давалъ возможность скрывать потери отъ продажи домовъ, пока Общество имѣло прибыль, а онѣ обнаруживаются только при недостаткѣ прибылей, какъ это и было при заключеніи отчета за 1893—1894 г. Въ отчетѣ за 1890—1891 г. говорится: «списаны со счетовъ оставшіеся непокрытыми расходы по домамъ, оставшимся въ вѣдѣніи Общества,—

76,462 р. 92 к.», тогда какъ въ этой суммѣ, кромѣ дѣйствительныхъ расходовъ, заключаются и убытки отъ продажи домовъ въ суммѣ 53,378 р. 99 к., которые слѣдовало списать съ запаснаго капитала. Этотъ пріемъ замѣчается и во всѣхъ послѣдующихъ отчетахъ. Въ отчетахъ съ 1890 по 1894 г. на активѣ (дебетъ) поставленъ счетъ «просроченные платежи» по имуществамъ, находящимся въ вѣдѣніи Общества, которыхъ въ отчетѣ за 1893—1894 г. было уже 552,089 р. 46 к. Эти суммы составляютъ собственно производимые правленіемъ платежи по купонамъ облигацій, выпущенныхъ подъ имущества, находившіяся въ вѣдѣніи Общества. Эти имущества послѣ торговъ оставались за Обществомъ, которое, становясь въ положеніе заемщика, должно было оплачивать полугодовые купоны облигацій, что производилось изъ наличныхъ средствъ Общества. Такимъ образомъ по этому счету не было ни заемщика, ни недоимки, а производилась лишь уплата Обществомъ лежащаго на немъ долга. Такой счетъ можетъ считать лишь пассивъ, а между тѣмъ въ балансахъ Общества до 1894 г. эти суммы ставились въ активѣ. Ни въ исторической части отчетовъ, ни въ вѣдомостяхъ никакихъ разъясненій по этому счету не дѣлалось, а между тѣмъ этому счету соотвѣтствовалъ счетъ капитальнаго долга по имуществамъ, оставшимся за Обществомъ, въ которомъ эти имущества показывались въ полной суммѣ выданныхъ ссудъ, тогда какъ эти имущества по дѣйствительному своему состоянію полной цѣны не оправдывали.

Во всѣхъ пяти отчетахъ Общества имѣется счетъ капитальнаго долга по имуществамъ, находящимся въ вѣдѣніи Общества. Въ отчетѣ за 1890—1891 годъ по этому счету значится 1,123,394 р. 6 к., въ 1893—1894 году—уже 2,524,836 р. 6 к. и только въ отчетѣ 1894—1895 года, послѣ распоряженія министра финансовъ, эта сумма уменьшилась до 1,073,520 р. 58 к. Въ этихъ счетахъ правленіе, однако, не показывало тѣхъ имуществъ, которыя оставаясь за Обществомъ, продавались по вольной цѣнѣ, между тѣмъ какъ во всѣ эти годы такія продажи были и съ убытками для Общества. Убытки эти сносились правленіемъ со счета прибылей подъ видомъ расходовъ. Сумма этихъ убытковъ за всѣ пять лѣтъ по подсчету экспертовъ составляетъ 134,796 руб. 92 коп.

Къ иному заключенію пришелъ приглашенный защитою экспертъ *г. Езерскій*. По его мнѣнію, никакихъ неясностей въ отчетахъ Кредитнаго Общества не было. Если и встрѣчаются нѣкоторыя особенности счетоводства, то онѣ являются результатомъ системы, принятой въ Обществѣ, и ничего, по мнѣнію эксперта, неправильнаго не представляютъ

Понесенные Обществомъ убытки отъ продажи домовъ, оставшихся за Обществомъ, не показывались въ отчетахъ прямо и ясно отдѣльной статьей въ дефицитѣ, чтобы оглашеніемъ убытка не вызвать паники на биржѣ и не уронить курсъ облигацій. Это, по мнѣнію эксперта, совершенно согласно и съ уставомъ Кредит. Общества, который предписываетъ списывать убытки съ запаснаго капитала именно затѣмъ, чтобы не пугать публику убытками. Уменьшеніе запаснаго капитала не такъ скоро можетъ быть замѣчено, а прямо названная цифра убытка можетъ вызвать панику на биржѣ.

По просьбѣ защиты экспертамъ былъ предложенъ вопросъ: если принять сумму выданныхъ Московскимъ Городскимъ Кредитнымъ Обществомъ ссудъ въ 156.000,000 р., а сумму убытковъ примѣрно въ 100,000 р., то какая сумма убытковъ придется на долю каждаго изъ гражданскихъ истцовъ? По разсчету экспертовъ оказалось, что изъ каждыхъ 100,000 руб. убытковъ на долю кн. Урусова приходится 52 р., на долю Вишнякова 21 р., на долю Пржевальскаго 39 р.; доли остальныхъ выразятся въ еще меньшихъ суммахъ—отъ 8-ми до 4-хъ рублей.

Допросомъ экспертовъ закончилось судебное слѣдствіе.

Пренія начались рѣчью *тов. прок. палаты Лузгина*, который сказалъ:

«Долгое время спокойно и безшумно творили свое хищническое дѣло дѣятели Кредитнаго Общества. Случайныя, рѣдкія разоблаченія отдѣльныхъ фактовъ не безпокоили ихъ. Но вотъ проникли за эти крѣпкія стѣны люди интеллигентные, и покой былъ нарушенъ: начались запросы о недоимкахъ, объ убыткахъ и т. п. Моментъ былъ въ сущности удобный для поворота на правильную дорогу, но это оказалось невозможнымъ. Нашелся человѣкъ, который могъ бы оказать Обществу большія услуги, это—Герике, но онъ мечталъ перемѣнить предсѣдательское кресло въ наблюдательномъ комитетѣ на директорское и обольстилъ общія собранія проектомъ измѣненія устава. Проектъ этотъ долженъ былъ служить какъ-бы указаніемъ на то, что всѣ предшествовавшіе безпорядки проистекали изъ несовершенствъ прежняго устава. Проектъ былъ отвергнутъ властью, но въ директора Герике все-таки прошелъ. Ему были рады, его товарищи по правленію были увѣрены, что онъ, юристъ стараго закала, сумѣетъ достаточно неопредѣленно и туманно дать отвѣтъ на всѣ докучные запросы. Въ этой увѣренности они продолжаютъ свою прежнюю дѣятельность, разсчитанную на послушное большинство общихъ собраній, составленныхъ изъ недоимщиковъ, осыпаемыхъ правленіемъ всякими

дарами, и такихъ облигаціонеровъ, какъ, напримѣръ Сысоевъ, не имѣвшій ни кола, ни двора и приведенный въ общее собраніе постояннымъ комиссіонеромъ Общества и очень близкимъ правленію Генераловымъ, указывавшимъ ему, куда класть шары. Директоры оправдываются тѣмъ, что не они, а наблюдательный комитетъ вѣдалъ и составъ, и занятія общихъ собраній, но вѣдь и члены наблюдательнаго комитета избирались на тѣхъ же подтасованныхъ общихъ собраніяхъ. Эти собранія дѣлали все, что отъ нихъ требовалось, и можно быть увѣреннымъ, что если бы гг. Герике, Шильдбахъ и Цвѣтухинъ потребовали бы, чтобы ихъ бюсты еще при жизни ихъ были вставлены въ залахъ Общества, то общее собраніе и это исполнило бы. Кто же были эти директоры? Герике—отставной письмоводитель уѣзднаго суда, не получившій высшаго образованія и попавшій въ присяжные повѣренные только по льготнымъ правиламъ прежняго времени, Цвѣтухинъ—отставной казначей, Шильдбахъ—отставной штабсъ-капитанъ,—все люди, которые не могли воспитать въ себѣ идеаловъ общественнаго дѣятеля, а въ ихъ рукахъ были судьбы одного изъ лучшихъ, по мысли, учрежденій Москвы. Противъ нихъ была небольшая кучка интеллигентныхъ и честныхъ людей, которые, видя, наконецъ, полную невозможность справиться со слѣпо исполняющими волю правленія собраніями, обратились, наконецъ, за содѣйствіемъ къ министру финансовъ. Назначена была ревизія, о результатахъ ея было доложено собранію уполномоченныхъ, замѣнившему прежнія общія собранія, но собраніе и ихъ выдать не желаетъ. Оставалось послѣднее средство,—обратиться къ судебной власти. Недовольное меньшинство это и сдѣлало. Въ результатѣ—настоящее дѣло.

Давъ эту общую характеристику, обвинитель перешелъ къ отдѣльнымъ пунктамъ обвиненія. Разобравъ ихъ подробно и признавая вполнѣ доказанными, обвинитель указалъ: что не будь небольшой кучки честныхъ людей и своевременнаго вмѣшательства власти, подсудимые какъ чательно погубили бы такое полезное и симпатичное учрежденіе, но Кредитное Общество, и потому обвинительный приговоръ необходимъ, но наказаніе можетъ быть смягчено, такъ какъ безпорядки въ Кредитномъ Обществѣ начались еще до подсудимыхъ, и они были только ихъ продолжателями.

Товар. прок. П. Г. Курловъ поддерживалъ обвиненіе противъ члена наблюдательнаго комитета Грачева и служившаго въ бухгалтеріи Кредит. Общества мѣщанина Михайлова въ полученіи подъ видомъ коммиссіоннаго вознагражденія принадлежащихъ Обществу денегъ и въ под-

логахъ, выразившихся въ томъ, что они подговорили другихъ лицъ, не бывшихъ коммиссіонерами, подписать заявленіе о выдачѣ имъ коммиссіоннаго вознагражденія и расписаться въ его полученіи.

Послѣ повѣреннаго гражданскаго истца дворянина В. М. Пржевальскаго *помощ. прис. повѣрен. А. А. Котлѣцова*, говорившаго весьма долго, въ качествѣ гражданскаго истца, выступившаго по довѣренности п. поч. гр. А. С. Вишнякова, произнесъ сильную и художественную рѣчь присяжн. повѣрен. кн. А. И. Урусовъ, приблизительно слѣдующаго содержанія:

Гг. Судьи! гг. Сословные представители! Въ самомъ началѣ судебнаго засѣданія защита Шильдбаха предъявила противъ насъ отводъ. На основаніи устава Кредитнаго Общества, говорила защита, не можетъ быть потерпѣвшихъ кромѣ самаго Общества. Разъ дѣйствія правленія одобрены общимъ собраніемъ заемщиковъ, то гражданская отвѣтственность съ правленія снимается. Недовольные пусть обращаются къ суду гражданскому съ искомъ о недѣйствительности такого постановленія общаго собранія.

Вотъ какъ! Значитъ, по мнѣнію Шильдбаха, нѣтъ потерпѣвшихъ, тѣ полтора милліона, потерю котораго признаетъ сама защита — не убытокъ. Члены заемщики потеряли эти деньги, но искать ихъ не могутъ. На судѣ уголовномъ нѣтъ для нихъ права судебной защиты!

Я бы не сталъ говорить объ этомъ отводѣ теперь, когда онъ уже отвергнутъ палатой, если бы онъ для меня не былъ интересенъ, какъ показатель глубокаго помутнѣнія сознанія подсудимыхъ. Десятокъ лѣтъ безнаказанныхъ злоупотребленій пріучилъ ихъ считать себя выше всякой отвѣтственности. И вотъ, передъ палатою они приводятъ противъ заемщиковъ тѣ же доводы, которые съ такою покорностью вторили порабощенныя общія собранія. И здѣсь, передъ судомъ, они чувствуютъ себя такъ же, какъ въ собраніяхъ уполномоченныхъ, точно они засѣдаютъ на своихъ директорскихъ креслахъ!

Если въ отношеніи матеріальномъ наши иски ничтожны то значитъ полтора милліона убытковъ на 156 милліоновъ обязательствъ! меньше процента, — то общественное значеніе дѣла — громадно.

Однако, мы полагаемъ, что если есть общее положеніе закона, что потерпѣвшій можетъ искать убытки съ обвиненнаго, то не можетъ быть и рѣчи о недопустимости въ данномъ случаѣ гражданскаго иска. И вотъ почему, несмотря на ничтожность требованій каждаго изъ потерпѣвшихъ въ отдѣльности, мы настаиваемъ на нихъ: передъ лицомъ суда нѣтъ ни ничтожныхъ, ни значительныхъ исковъ, — онъ различаетъ только требованія справедливыя и несправедливыя. Но кромѣ тѣхъ грошей, на которые деректора, съ ихъ генеральскими окладами и министерскими бюджетами, смотрятъ съ презрѣніемъ, у гражданскаго иска, сказалъ я,—есть и другія основанія. Вѣдь убытки, нанесенные преступленіемъ, не исчерпываются прошедшимъ. Существуетъ постоянная опасность убытковъ грядущихъ, убытковъ отъ той азартной игры, въ которую превратили директора ипотечный кредитъ. Генеральный штабъ этой кредитной арміи здѣсь, передъ судомъ, но ея кадры, проникнутыя традиціями ея предводителей, цѣлы и продолжаютъ традиціонную дѣятельность. Кто можетъ поручиться, что все окончилось, что въ недалекомъ будущемъ не грозятъ экономическія затрудненія и ликвидація дѣлъ? И такъ какъ всѣ члены-заемщики связаны круговою порукою, то у нихъ есть полное основаніе опасаться наступленія момента, когда въ этой порукѣ явится неотложная необходимость. Осужденіе гг. Шильдбаха и Герике нанесетъ, конечно, сильный ударъ системѣ, но, можетъ быть, она перенесетъ его и останется невредимой.

Итакъ, милліонный убытокъ въ прошедшемъ угрожаетъ въ будущемъ не только милліонными потерями, но, по заключенію ревизіи, и ликвидаціей. Какъ ни печальны эти послѣдствія, грозящія Москвѣ еще невиданнымъ крахомъ, но, можно сказать, что почти ничтожны сравнительно съ общественнымъ зломъ, причиненнымъ заправилами Кредитнаго Общества.

Они извратили выборное начало; они создали пародію самоуправленія. Системою долголѣтняго хищенія они развили опасную спекуляцію и самое низкопробное маклачество. Зрѣлищемъ безнаказаннаго прибыльнаго обмана они развра-

щали массы. Говоря словами достойнѣйшаго гражданина Москвы, Митрофана Павловича Щепкина, это была «гибель общественнаго довѣрія и общественнаго достоянія».

Дѣятельность Кредитнаго Общества, давно ставшая притчею во языцѣхъ въ Москвѣ, мало чѣмъ отличается отъ исторіи обыкновенныхъ банковыхъ краховъ, — только что здѣсь крахъ былъ предупрежденъ во время. Тамъ болѣзнь имѣла болѣе острый характеръ. Здѣсь затянулась, стала хронической, болѣе опасной и, вѣроятно, неизлѣчимой. Тамъ злоупотребляли вексельнымъ кредитомъ, здѣсь—ипотечнымъ. И вотъ, путемъ послѣдовательныхъ злоупотребленій,—учрежденіе ипотечное превратили въ банкъ ... ссудо-коммиссіонный.

Вотъ, я и думаю: что это за удивительное явленіе? Кредитное Общество нарушаетъ уставъ, на глазахъ у всѣхъ, и не годъ, не два, — а десятки лѣтъ... И ничего! Растутъ убытки, на рукахъ остаются на $2^1/_2$ милліоновъ домовъ, которые разрушаются, продаются за безцѣнокъ... И ничего! Обществу грозитъ ликвидація, правительство встревожено, ревизія по Высочайшему повелѣнію, и все-таки продолжается прежняя исторія, только прибавляется нѣсколько подлоговъ. Наконецъ, предаютъ все правленіе суду—а они продолжаютъ себѣ директорствовать, какъ ни въ чемъ ни бывало! Какъ хотите, это удивительно не понятно.

Чтобы понять такое общественное явленіе, болѣзненное, очевидно, и упорное—нужно изучить особыя условія организаціи Кредитнаго Общества.

Намъ придется коснуться фактовъ, исчерпанныхъ уже предшествующими ораторами, изъ которыхъ представители обвиненія разработали фактическую сторону съ большимъ блескомъ. Но когда двое пишутъ одинъ ландшафтъ, получаются двѣ картины. Онѣ представляютъ одно и тоже, а картины выходятъ все-таки разныя. Каждый вноситъ свой темпераментъ въ дѣло, свое пониманіе, свой колоритъ.

Уголовная сторона дѣла меня не интересуетъ. Нравственной стороны подсудимыхъ я касаться не буду; я ее не знаю. Но общественное значеніе дѣла, причинившаго намъ ущербъ, занимаетъ меня и вредное опасное для Общества

значеніе дѣятельности гг. Цвѣтухина, Шильдбаха и Герике представляется мнѣ совершенно яснымъ.

Пора обратить вниманіе суда на реальную сущность практиковавшейся въ Кредитномъ Обществѣ системы; довольно разсматривать ее со стороны; надо войти въ самое горнило и посмотрѣть на нее глазами самихъ дѣятелей, понять ихъ такъ, какъ они сами себя понимали.

Въ какой тѣсной, неразрывно логической, связи находятся всѣ отдѣльныя части обвиненія? Съ одной стороны система выборовъ, съ другой — растраты, подлоги. Тутъ не могло быть того, что кредитные дѣятели называютъ методомъ, но уложеніе именуетъ подлогомъ. Подлогъ—неизбѣжный спутникъ длящейся растраты.

Директора поставили свои хищенія на строго коммерческихъ основаніяхъ, а гдѣ коммерція, тамъ неизбѣженъ и куртажъ. И съ неизбѣжной закономѣрностью является сонмище маклаковъ, во главѣ которыхъ фигурируетъ крестьянинъ Генераловъ (есть нѣчто символическое въ этомъ сочетаніи званія и фамиліи).

Что же за организацію избрало правленіе для упроченія своей безнаказанности въ то время, когда злоупотребленія его сдѣлались уже притчею во языцѣхъ для всей Москвы? Изученіе этой организаціи даетъ прелюбопытныя черты для характеристики нашего времени и общества. Выработанный на порогѣ эпохи великихъ реформъ и нашего времени, уставъ Общества не даетъ никакой почвы для ажіотажа, для превращенія ипотечнаго учрежденія въ игорный домъ. Щепкинъ сказалъ, что кредитное общество по мысли законодателя должно было представлять собою безпроигрышную лотерею. Оно и было такимъ въ началѣ; но не могло долго оставаться въ этомъ видѣ, «ибо что же можно выиграть въ безпроигрышную лотерею?»

А заправилы хотѣли выиграть много. Они состояли изъ дѣльцовъ и юристовъ. Юристы поспѣшили разъяснить, что разъ есть уставъ, то его можно и обходить. Въ основаніи устава лежитъ выборное начало, создающее массу избирателей. Правленіе разбило ихъ на двѣ категоріи: на исправныхъ плательщиковъ, единственная заслуга которыхъ состо-

яла въ томъ, что они платили, и на недоимщиковъ, которые, не платя денегъ, способны были на другія, болѣе существенныя услуги. Правленіе пошло по торной дорогѣ. Оно рѣшило, что нелѣпы всѣ общія собранія, результаты которыхъ загадочны и не могутъ быть учитываемы впередъ. Что это за общія собранія, которыя одно предложеніе примутъ, а другое, того и гляди, отвергнутъ. И оно создало изъ недоимщиковъ покорныя общія собранія, рѣшенія которыхъ извѣстны были напередъ, собранія, постоянныя въ своихъ симпатіяхъ.

Теперь дѣло поставлено было уже на вполнѣ серьезныя основанія, и на Петровкѣ открылись золотыя розсыпи, доступныя всякому, кто только умѣлъ уловить жилу. Избиратели были быстро дисциплинированы, выборныя должности сдѣлались пожизненными, мало того, наслѣдственными. Цвѣтухина свергла съ его поста только смерть. Послѣ К. К. Шильдбаха мѣсто директора занимаетъ его сынъ А. К. Шильдбахъ, а послѣдняго смѣняетъ его братъ С. К. Шильдбахъ. Когда С. К. Шильдбахъ становится директоромъ, А. К. дѣлается предсѣдателемъ общихъ собраній уполномоченныхъ. Не стоитъ говорить уже объ Идѣ. Шильдбахъ, тоже отвоевавшей себѣ кусочекъ. Вообще въ Кредитномъ Обществѣ наступаетъ полное торжество семейнаго начала.

Но можетъ быть не этимъ объясняется преемственность Шильдбаховъ на всѣхъ курульныхъ креслахъ Общества? Можетъ быть, ихъ выдвигали впередъ ихъ финансовыя способности, ихъ личныя достоинства? С. К. Шильдбахъ—только штабсъ-капитанъ въ отставкѣ...

Правленіе, упрочивши на Петровкѣ семейное и преемственное начало, рѣшаетъ создать себѣ и дисциплинированные органы управленія, и наблюдательный комитетъ. Въ оцѣночной коммиссіи не было оппозиціоннаго элемента: она вступила въ трогательную солидарность съ правленіемъ, въ чемъ находила большія выгоды. Что касается наблюдательнаго комитета, то въ немъ вредный элементъ имѣлся, но въ такой небольшой дозѣ, что его удалось исподволь выжить. Образовался тотъ наблюдательный комитетъ, одного

изъ членовъ котораго (Грачева) вы видите передъ собою, а остальныхъ... слышали!

Такимъ образомъ дѣла правленія шли идеально. Сѣрая масса заемщиковъ утвержала что угодно, оцѣночная коммиссія преувеличивала оцѣнки, чѣмъ подкупала въ пользу правленія недоимщиковъ, а наблюдательный комитетъ... ничего не наблюдалъ.

При такихъ порядкахъ подчиненіе правленію остальныхъ органовъ управленія,—оцѣночной коммиссіи и наблюдательнаго комитета,—является уже вполнѣ естественнымъ. Теперь правленіе могло дѣйствовать свободно. Растрата казначея Анитова обращается въ прочетъ, въ обезпеченіе 55,000 р. слишкомъ, недоимки Гирша директоръ Цвѣтухинъ беретъ векселя на свое имя, проходятъ удивительныя оцѣнки, переоцѣнки и перезалоги, какъ перезалогъ Смирновскаго или операція съ домомъ Дитмара, земля котораго при пріемѣ въ залогъ была оцѣнена по 6 р. за сажень, а когда онъ пожелалъ часть земли исключить изъ залога и продать, ее оцѣнили только по 3 р., залогъ Буцковской и другихъ. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ есть даже элементъ чудеснаго. На купленный матерью Генералова въ Кредитномъ Обществѣ домъ совершается въ тотъ же день 2-я закладная на имя Шильдбаха, домъ сгораетъ, и страховая премія идетъ на погашеніе этой закладной. Тою же Генераловой покупается другой домъ, опять совершается закладная на имя Шильдбаха, выдается изъ Кредитнаго Общества дополнительная ссуда, затѣмъ домъ сгораетъ, и страховою премією погашается закладная Шильдбаха. Вводится вознагражденіе за коммиссію по продажѣ домовъ, причемъ въ полученіи денегъ расписываются очень часто лица, никакихъ коммиссіонныхъ дѣйствій не совершавшія, и деньги, вѣроятно, для упрощенія дѣла, прямо изъ кассы относятся въ правленіе. Правленіе чувствовало себя настолько прочнымъ, что даже властный окрикъ министра финансовъ: «Что вы дѣлаете?», даже прямыя его приказанія игнорируются собраніемъ, которое вмѣсто того увеличиваетъ число директоровъ, т. е. увеличиваетъ расходы Общества.

Ораторъ цитируетъ окончательный выводъ ревизіи т. с.

Шванебаха, извѣстный изъ обвинительнаго акта и въ рѣзкихъ выраженіяхъ запечатлѣвающій обрисованное положеніе дѣлъ.

Вотъ когда правленіе какъ слѣдуетъ обставило дѣло, когда окончательно выработалась система, потребовавшая и отчетности особаго рода. Нуженъ былъ человѣкъ, который умѣлъ бы искусно замаскировывать передъ общими собраніями истинное положеніе дѣлъ. Такой нашелся въ лицѣ Медіанова.

Съ такимъ союзникомъ правленію не страшно было министерство финансовъ, и оно вступило въ открытую войну съ высочайшей властью. Министерство требуетъ возстановленія $^1/_2\%$-наго сбора—общее собраніе, не желаетъ. Министерство указываетъ на допущенныя правленіемъ безпорядки, а общее собраніе вотируетъ ему благодарность.

Медіановъ уже говорилъздѣсь, что дѣла Кредитнаго Общества требовали спеціальной отчетности и что онъ разсматриваетъ бухгалтерію не какъ науку, а какъ искусство. Эти слова его полны глубокаго значенія. Дѣйствительно, для заправилъ требовалась совершенно спеціальная бухгалтерія и несомнѣнно, что она имѣла болѣе общаго съ искусствомъ, съ художествами, чѣмъ съ наукой. По уставу правленіе обязано было опубликовать отчеты въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, но правленію нужно было совершенно обратное, требовался отчетъ-ширма. Въ самомъ дѣлѣ каждый годъ накоплялись убытки, преувеличенныя оцѣнки плодили недоимщиковъ. Недоимки покрывались дополнительными ссудами; дома, изъ которыхъ выжато было все, бросались и оставались за Обществомъ; Общество отдавало ихъ въ руки управляющихъ; управляющіе наживались; коммиссіонныя деньги расхищались. Какъ же скрыть все это, какъ замазать убытки? Правленіе нашлось и въ этомъ случаѣ.

§ 73 уст. гласитъ, что если домъ проданъ или остался за Обществомъ, правленіе поступаетъ на основаніи § 23 уст. Въ этихъ словахъ заключается разрѣшеніе недоразумѣній, которыя старательно поддерживалъ экспертъ г. Езерскій. Вѣдь въ § 23-мъ, къ которому посылаетъ § 73-й, совершенно ясно сказано, что общество покрываетъ убытки изъ за-

паснаго капитала впредь до продажи залога. За это слово «Общество» и схватилось правленіе, которое рѣшило, что покрытіе убытковъ изъ запаснаго капитала—это такое дѣйствіе, которое можетъ разрѣшить лишь общее собраніе. Но вѣдь § 73-й ясно говоритъ, что это обязано дѣлать правленіе, что правленіе обязано поступить согласно § 23. Конечно, весь уставъ относится къ дѣятельности Общества, но вѣдь правленіе и есть его исполнительный органъ и если гдѣ-либо сказано, что Общество должно сдѣлать то-то и то-то, это значитъ, что правленіе, а не общее собраніе должно это сдѣлать, кругъ обязанностей-же общаго собранія опредѣленъ спеціальными пунктами устава. Все это не требуетъ даже столь подробныхъ разъясненій, ибо тутъ нѣтъ мѣста ни двусмысленностямъ, ни колебаніямъ. И ужъ, конечно, не такимъ умнымъ людямъ, какъ гг. Шильдбахъ и К°, непонятенъ былъ этотъ пунктъ устава, но имъ необходимо надо было толковать его такъ: въ этомъ заключалось ихъ спасеніе. Вѣдь отложить списаніе убытковъ до общаго собранія значило выгадать годъ. Итакъ, убытки не списывались подъ тѣмъ предлогомъ, что правленіе не имѣетъ на это права. Иначе говоря, правленіе не считало себя въ правѣ исполнять требованія устава и закона.

Необходимость подлоговъ выступаетъ теперь въ почти кристальной ясности. Правленіе въ журналѣ своемъ постановляетъ, по дому Буцковской, причитающійся отъ продажи его убытокъ покрыть изъ текущихъ доходовъ Общества, а начетъ пени исключить изъ счетовъ Общества. Что-же это, неужели не ликвидація? По мнѣнію правленія, нѣтъ. Проходитъ нѣсколько недѣль, и Медіановъ обращается съ рапортомъ, въ которомъ докладываетъ, что для заключенія финансоваго года безъ убытка «необходимость заставляетъ» оставить на счету недоимки по продажѣ дома Буцковской до окончательнаго разсчета. Да какой-же еще можетъ быть окончательный разсчетъ послѣ сказаннаго журнальнаго постановленія? Что значитъ это все? Это значитъ, что для заключенія года безъ убытка надо сдѣлать подлогъ. Смыслъ ясенъ. И правленіе отвѣчаетъ бухгалтеру: дѣлайте подлогъ.

О томъ, что нельзя показывать убытки, говорилъ и г.

Езерскій. Онъ говорилъ, что это можетъ вызвать панику на биржѣ. Отсюда можно вывести заключеніе, что когда на биржѣ падаютъ бумаги, то можно совершить подлогъ. Эту теорію лжи во спасеніе особенно странно слышать изъ устъ эксперта-бухгалтера. Нѣтъ, не паники на биржѣ опасалось правленіе, а того, что его не выберутъ вновь. Если хотите, оно боялось паники, но не на биржѣ, а въ средѣ самого Общества.

Эти злоупотребленія привели къ замѣнѣ общихъ собраній собраніями уполномоченныхъ. Но и эта мѣра не могла упорядочить дѣлъ Общества. Заправилы его были слишкомъ опытны, чтобы не найти въ своемъ арсеналѣ средствъ для защиты. Избирателей просвѣщали канделябрами, направляли сигналами, которые подавали особые дирижеры изъ членовъ наблюдательнаго комитета. Собранія уполномоченныхъ были простымъ фарсомъ. Это комедія «Свои люди сочтемся», поставленная на народномъ театрѣ подъ фирмою «Развлеченіе и польза».

Въ настоящее время Общество выпустило свой отчетъ въ которомъ показанъ 3-милліонный запасный капиталъ, и гг. Герике и Шильдбахъ указываютъ на это, ставятъ себѣ это въ заслугу, какъ будто-бы этотъ запасный капиталъ былъ ихъ дѣтищемъ. Ничуть не бывало. Если-бы министерство финансовъ не приказало возстановить $^1/_2\%$-ный сборъ, этого запаснаго капитала не было-бы и помину. Его создатель — министерство финансовъ.

Возникшее на первыхъ порахъ эпохи реформъ, Кредитное Общество сумѣло сохранить всѣ традиціи добраго стараго времени: въ его отчетахъ мы встрѣчаемъ темноту и умильноторжественный тонъ («правленіе счастливо»,) и тонъ почтительный («наблюдательный комитетъ повергаетъ»,) и завѣтное искусство отговорокъ и отписокъ,—драгоцѣнное наслѣдіе Московскихъ подъячихъ, и, наконецъ, столь любезную сердцу обывателей доступность, въ смыслѣ добровольныхъ соглашеній и благодарностей. Словомъ—духъ покойной управы благочинія.

Всѣ мѣры исправленія недостатковъ въ распорядкахъ

Общества были уже испытаны и оказались мало дѣйствительными.

Благія начинанія не привели къ благимъ результатамъ. Система гг. Герике и Шильдбаха еще цѣла, цѣлы и кадры послушно шествовавшихъ за ними.

Когда существуетъ такая опасная форма общественной деморализаціи, когда столь пагубная дѣятельность длилась безнаказанно такъ долго, она неминуемо вноситъ въ Общество начала разложенія. Единственнымъ оплотомъ теперь является судъ, на которомъ лежитъ высокая обязанность оздоровленія Общества, путемъ удаленія вредныхъ его элементовъ Дѣло теперь въ рукахъ суда!

Послѣ рѣчи кн. Урусова нѣсколько словъ было сказано гражданскими истцами: повѣренными князя А. И. Урусова *присяжн. стряпчимъ Фельдштейномъ и пом. прис. пов. А. В. Напѣвкинымъ.*

Затѣмъ, слово было предоставлено защитнику Шильдбаха **прис. повѣр. Рейнботъ**, который сказалъ слѣдующее:

«Я все еще нахожусь подъ искреннимъ впечатлѣніемъ блестящей,—я не говорю просто талантливой,—рѣчи кн. Урусова. Я позволяю себѣ воспользоваться той художественной метафорой, которая примѣнена была княземъ. «На Петровкѣ ставили комедію «Свои люди, сочтемся»,—сказалъ ораторъ. Но была тамъ и другая комедія, о которой не говорили ни князь, ни представители интересовъ гражданскихъ истцовъ. Это грустная комедія подъ названіемъ «Здѣсь лежачаго бьютъ», въ которой ни кн. Урусовъ, ни г. Пржевальскій не заняли-бы креселъ; не пришла-бы смотрѣть на эту комедію даже та «черная сотня», о которой здѣсь такъ много говорилось. Русскому человѣку не любо, не гоже смотрѣть на такое зрѣлище.

Рядомъ съ блестящимъ полотномъ кн. Урусова я позволю себѣ поставить рядъ скромныхъ, банальныхъ, но вѣрныхъ фотографій. Картина переживетъ настоящее дѣло, останется, прибавитъ новую страницу въ богатый альбомъ князя. Фотографія-же быстро поблекнетъ, выцвѣтетъ, но для настоящаго дѣла нужны именно фотографіи, точно передающія дѣйствительность. Настоящее дѣло по существу представляется банальнымъ, прозаическимъ. Позвольте-же мнѣ представить передъ вами эту прозу, извлечь правду изъ нея.

Защита ни на что не можетъ жаловаться. Предварительное слѣдствіе велось съ рѣдкимъ вниманіемъ, знаніемъ и безпристрастіемъ. Рядомъ съ

данными обвиненія заносились всѣ факты, говорящіе въ пользу подсудимыхъ, и такое положеніе дѣла облегчаетъ задачу защиты.

Защитникъ заявилъ, что Шильдбахъ принимаетъ на себя полную отвѣтственность за все, что имъ было сдѣлано во время его службы въ Кредитномъ Обществѣ, не оправдываясь ни неопытностью, ни тѣмъ, что его вводили въ заблужденіе. Но при какихъ условіяхъ началъ онъ свою дѣятельность? Мы знаемъ, что многіе изъ служащихъ и въ настоящее время въ Кредитномъ Обществѣ архитекторовъ, оцѣнщиковъ и др. начали службу съ самаго его основанія, бывали, какъ свои люди, въ домѣ его отца, знали его еще ребенкомъ, Сережей, можетъ-быть, носили ему игрушки. Спрашивается, вступивши въ должность директора, могъ-ли Сережа, даже замѣтивши неисправности и безпорядки, сразу осадить стариковъ, могъ ли онъ обойтись съ ними круто, по-начальнически и поступить по всей строгости устава? Едва ли можно отвѣчать на это утвердительно. Онъ и самъ долженъ былъ еще присматриваться, онъ самъ во многихъ случаяхъ не зналъ, какъ слѣдуетъ поступать. Говорятъ, что если уставъ представлялъ неясности, то слѣдовало просить разъясненія. Это и было. Въ 1889 г. Кредитное Общество обращалось въ министерство за разъясненіемъ нѣкоторыхъ недоразумѣній относительно недоимщиковъ, но министерство не признало возможнымъ давать разъясненія. Почему онъ могъ признать порядки, которые онъ засталъ въ Кредитномъ Обществѣ, незаконными, когда отчеты Общества изъ года въ годъ доставлялись въ кредитную канцелярію министерства финансовъ и никогда ни на какія неправильности въ нихъ не указывалось? Обѣ ревизіи принесли громадную пользу, благодаря имъ многое было разъяснено и измѣнено. Прокуроръ называетъ эти ревизіи грозой, но защитникъ несогласенъ съ этимъ: ревизоръ былъ человѣкъ спокойный, доступный, который дѣлалъ свое дѣло, не наводя страха, но основательно. Съ первыхъ же шаговъ ревизіи, повѣрки кассы, было ясно, что съ корыстными инстинктами здѣсь не придется встрѣтиться,—касса оказалась въ полнѣйшемъ порядкѣ. Говорили нѣкоторые свидѣтели, будто въ Кредитномъ Обществѣ брались взятки, будто объ этомъ даже въ газетахъ печаталось, но этому нельзя повѣрить: попади такой слухъ въ газеты, прокурорскій надзоръ обратилъ бы на нихъ вниманіе и произвелъ бы разслѣдованіе. Да въ настоящее время уже и не предъявляется обвиненія въ совершеніи злоупотребленій съ корыстною цѣлью. Первое обвиненіе, съ которымъ приходится имѣть дѣло, это—обвиненіе въ неправильныхъ, преувеличенныхъ оцѣнкахъ. Признавая, что архитекторы, по собственному ихъ сознанію, недостаточно тщательно произво-

дили оцѣнку матеріальной стоимости залога, защитникъ не придаетъ этому большого значенія, такъ какъ вопросъ о стоимости имуществъ рѣшался главнымъ образомъ по доходности имѣнія, а если послѣдняя оказывалась иногда выше оцѣнки городской, то это нисколько не удивительно: всякій владѣлецъ показываетъ свой доходъ ниже дѣйствительнаго передъ городскими оцѣнщиками, чтобы платить меньше налога, и, наоборотъ, выше— при залогѣ, и только со времени введенія квартирнаго налога явилась возможность знать точную цифру дохода съ домовъ. Разница въ оцѣнкахъ, если и есть, не свидѣтельствуетъ еще о злоупотребленіи.

Въ періодъ времени 1879—89 гг., въ которые на злоупотребленія не указываютъ, было продано Кредитнымъ Обществомъ немало домовъ, причемъ продажная цѣна была ниже оцѣночной отъ 9 до 17%. Это было до Шильдбаха, причемъ съ 1889 г. продажныя цѣны были ниже оцѣночныхъ уже только на 4 — 15%, а въ 1897—98 г. дома продаются уже на 2% выше оцѣнки. За время съ 1-го мая 1890 г. по 31-е декабря 1895 г. экспертами указаны только двѣ первоначальныя ссуды, которыя признаются неправильными, и обѣ онѣ всего на 13,000 р. Неужели онѣ могли интересовать Шильдбаха? Обвиняютъ затѣмъ въ поблажкахъ недоимщикамъ. Но вѣдь надо знать, кто были эти недоимщики и сколько ихъ было. Изъ 8-ми слишкомъ милліоновъ срочныхъ платежей въ срокъ было внесено всего 3 милл., въ теченіе льготнаго срока 2,800,000, а по истеченіи льготы 3,600,000. Немудрено послѣ этого, что на общихъ собраніяхъ правленіе встрѣчало одобреніе, что недоимщики не требовали, чтобы ихъ дома продавались. Видятъ даже преступленіе въ выдачѣ дополнительныхъ ссудъ при наличности недоимокъ. Но какъ же было поступать правленію? Недоимка недоимкѣ рознь. Если, напримѣръ, заемщикъ имѣетъ право на значительную дополнительную ссуду, конечно при условіи погашенія недоимки, и недоимка эта сравнительно съ просимой ссудой незначительна, неужели же отказать ему, сказавъ: подите достаньте денегъ, погасите недоимку и тогда приходите за ссудой? Не значило ли бы это заставить заемщика обращаться къ ростовщикамъ и платить имъ, можетъ-быть, и очень значительный процентъ за пользованіе деньгами въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ? Правленіе не рѣшалось на это и полагало, что дѣйствуетъ въ интересахъ и заемщика и Общества. Нельзя ставить въ вину и того, что правленіе удерживало за собою нѣкоторыя изъ непроданныхъ имуществъ болѣе года. Тутъ все дѣло въ пониманіи устава. Уставъ говоритъ, что оставшіяся за Обществомъ послѣ безуспѣшныхъ торговъ имущества должны быть проданы по истеченіи года. Правленіе

понимало его въ томъ смыслѣ, что имущество не можетъ быть продано ранѣе года. И такое пониманіе не представляетъ ничего страннаго. Въ уставѣ Петербургскаго Кредитнаго Общества, изданномъ ранѣе Московскаго, сначала было точно такое же постановленіе, которое и понималось такъ же, какъ понимало его правленіе Московскаго Общества. Это признано было неудобнымъ, и редакція этого параграфа была измѣнена въ законодательномъ порядкѣ: теперь по Петербургскому уставу оставшіяся за Обществомъ имущества должны быть проданы въ *теченіе* года. Очевидно, что такое же измѣненіе нужно сдѣлать и въ Московскомъ уставѣ. Что касается до обвиненія въ подлогахъ, то тѣ будто бы подлоги, которые обвиненіе приписываетъ директорамъ, можетъ-быть, были бы опасны въ отчетности акціонерныхъ банковъ, въ которыхъ невѣрная цифра убытка или прибыли сейчасъ же отзовется на курсѣ акцій, но не могутъ оказать никакого вліянія на положеніе дѣлъ такого учрежденія, какъ кредитное Общество, основаннаго на круговой порукѣ, и потому защитникъ несогласенъ съ экспертомъ Езерскимъ, который говоритъ, что нельзя было показать убытка въ 20,000 р., не рискуя произвести панику на биржѣ. Что значатъ 20,000 убытка при милліонномъ запасномъ капиталѣ! Да и отчеты кредитнаго Общества вовсе не такъ темны, чтобы по нимъ нельзя было уяснить себѣ положенія дѣла. Въ нихъ показывались продажи имуществъ съ убыткомъ и указывалось на то, что счеты еще не ликвидированы, слѣдовательно, ничего не скрывалось.

Перейдя затѣмъ къ обвиненію въ выдачѣ комиссіоннаго вознагражденія, г. Рейнботъ указалъ, что это вознагражденіе появилось только въ 1894 г., послѣ распоряженія министра финансовъ о продажѣ въ теченіе двухъ лѣтъ оставшихся за Обществомъ домовъ. Никто изъ директоровъ не симпатизировалъ этому вознагражденію, но необходимость заставила къ нему прибѣгнуть, и общее собраніе единогласно разрѣшило его. Это было не столько вознагражденіе за содѣйствіе продажѣ дома, сколько плата за то, чтобы не мѣшали продажѣ: обнаружились стачки комиссіонеровъ, которые разстраивали покупки, отговаривая покупателей, и приходилось отъ нихъ откупаться. Особую роль Генералова въ этомъ дѣлѣ защитникъ объяснялъ тѣмъ, что Шильдбахъ былъ въ его рукахъ. Виноватъ въ этомъ, конечно, самъ Шильдбахъ. Приходится признаться, что два дома были дѣйствительно на имя Генераловой и Соколовой. Законъ запрещаетъ членамъ присутствія принимать участіе въ торгахъ. Г. Шильдбахъ, желая пріобрѣсти эти дома, могъ бы посадить за себя кандидата и затѣмъ торговаться. Это было бы очень просто и за-

конно, но онъ почему-то сдѣлалъ иначе, прибѣгъ къ помощи Генералова и долженъ былъ впослѣдствіе расплачиваться за свою оплошность. Разумѣется, не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы комиссіонныя деньги, хотя бы частью, шли кому-нибудь изъ директоровъ, но что не всѣ деньги сполна получалъ Генераловъ, это вѣрно: образовались двѣ шайки комиссіонеровъ,—одна подъ предводительствомъ Генералова, другая, состоявшая изъ Гельбраса, Викторсона и К°,— и вознагражденіе шло въ раздѣлъ между ними.

Почему же обвиняемые продолжали держаться за свои мѣста, когда на нихъ взводились незаслуженныя обвиненія, почему они не ушли? Когда порядочные люди ведутъ чужое дѣло и почему-нибудь приведутъ его въ дурное положеніе, они не уйдутъ, не бросятъ его, а постараются поправить. Такъ поступили и обвиняемые. Изъ послѣдняго отчета видно, что за Обществомъ нѣтъ болѣе никакихъ долговъ, недоимки грошевыя, вообще дѣла стоятъ хорошо. Дождавшись этого, они ушли.

Въ сильномъ волненіи обвиняемый Герике началъ свою рѣчь съ передачи того чувства подавленности, которое создалось въ немъ подъ вліяніемъ поразительной картины темныхъ злоупотребленій, — картины набросанной обвинителями и дѣлающей его, Герике, центральной фигурой. Противъ послѣдняго онъ возстаетъ всѣми своими силами и находитъ, что его гибельное значеніе сильно преувеличено обвинителемъ. Какъ на образецъ этого преувеличенія, онъ указываетъ на слова обвинителя объ «отставныхъ»: отставной стряпчій, отставной секретарь уѣзднаго суда,— и заявленіе того же обвинителя о томъ, что онъ не имѣетъ высшаго образованія. Возражая противъ этого преувеличенія, Герике повышеннымъ тономъ объяснилъ, что онъ учился въ Петербургскомъ университетѣ, во время безпорядковъ 1861 г. былъ выключенъ и высланъ изъ Петербурга съ правомъ поступленія на службу. По распоряженію губернатора онъ былъ опредѣленъ на службу въ уѣздный судъ, потомъ переводился въ разныя губерніи. Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ освободился изъ-подъ надзора и получилъ возможность располагать своей судьбой. Тогда онъ сдалъ въ Харьковскомъ университетѣ экзаменъ и по представленіи кандидатскаго разсужденія былъ удостоенъ степени кандидата правъ и поступилъ въ Москвѣ въ присяжные повѣренные. Все это видно изъ имѣющагося при дѣлѣ аттестата, представленія котораго отъ него потребовали. Съ какой же стати теперь отнимать у него то, что принадлежитъ ему по праву?

Обращаясь затѣмъ къ существу дѣла, г. Герике началъ съ обвиненія, взведеннаго на него впервые рѣчью прокурора,—обвиненія въ оболь-

щеніи дѣятелей кредитнаго Общества проектомъ измѣненія устава. Никакихъ измѣненій устава онъ не измышлялъ, иниціатива шла не отъ него. Общее собраніе постановило выработать нѣкоторыя мѣры къ облегченію заемщиковъ. Исполняя это постановленіе собранія, онъ, выбранный къ этому времени въ предсѣдатели наблюдательнаго комитета, составилъ проектъ ходатайствъ о разсрочкѣ уплаты недоимокъ на пять лѣтъ и объ уменьшеніи взноса въ запасный капиталъ. Такимъ образомъ не ему принадлежалъ починъ въ этомъ дѣлѣ, онъ былъ только исполнителемъ.

Затѣмъ г. Герике далъ очень подробныя объясненія по всѣмъ пунктамъ обвиненія.

Онъ указалъ, между прочимъ, на то, что при вступленіи его въ должность директора пассивъ въ недоимкахъ, пеняхъ и пр. равнялся 3,362,685 р., запаснаго капитала было 1,000,052 руб. Что же было дѣлать? Продавать имущество, какъ того требовалъ уставъ? Но вѣдь это значило бы окончательно уронить стоимость домовъ, разорить заемщиковъ и погубить Общество. Многіе изъ недоимщиковъ усердно вносили платежи въ увеличенномъ размѣрѣ, по полтора и по два платежа, стараясь покрыть недоимки. Неужели же можно было имъ мѣшать въ этомъ? И правленіе не продавало, оно противилось такимъ продажамъ, стараясь вывести Общество изъ затрудненій, въ которыя оно попало благодаря стеченію многихъ неблагопріятныхъ условій. И оно достигло цѣли: обременявшихъ Общество домовъ нѣтъ, кризисъ пережитъ, недоимокъ почти нѣтъ, и дѣла Общества въ полномъ порядкѣ.

Что касается коммиссіоннаго вознагражденія, то онъ стоялъ всегда въ сторонѣ отъ этихъ коммиссіонныхъ дѣлъ, никого изъ коммиссіонеровъ не зналъ, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что никто изъ свидѣтелей, несмотря на массу вынесенныхъ сюда сплетенъ, даже имени его не упоминалъ.

Свою продолжительную рѣчь Герике закончилъ энергичнымъ протестомъ противъ обвиненія его въ участіи въ перезалогѣ дома Власовой и доказывалъ, что Мошкина, его обвинительница, говорила противъ него по наущенію Семенковича, которому обвиняемый далъ самую нелестную аттестацію.

Защитникъ покойнаго предсѣдателя правленія Цвѣтухина, **прис. пов. Тесленко** указалъ, что вопросы о Кредитномъ Обществѣ, объ его правленіи уже достаточно разработаны въ рѣчахъ предшествовавшихъ ораторовъ; его рѣчь будетъ о покойномъ Цвѣтухинѣ.

Чтобы судить человѣка, надо его знать, а чтобы знать, надо его видѣть. Ни то, ни другое по отношенію къ Цвѣтухину не возможно, и защита не имѣетъ средствъ возсоздать образъ обвиняемаго въ яркихъ и живыхъ краскахъ. Необходимо собрать воедино тѣ немногіе штрихи, обрисовывающіе личность покойнаго, которые разбросаны по всему обширному дѣлу, а для надлежащаго ихъ освѣщенія нужно выяснить первоначально обстановку и среду, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Цвѣтухинъ. Здѣсь много говорили о партіяхъ и партійной борьбѣ въ кредитномъ Обществѣ, и, что часто случается, вниманіе всѣхъ было сосредоточено на отдѣльныхъ личностяхъ, занимавшихъ выдающееся положеніе въ этой борьбѣ; толпа же была забыта. А между тѣмъ эта толпа, эта сѣрая масса, этотъ настоящій хозяинъ общества и была тѣмъ primum movens, которое создало общество, дало ему направленіе и сообщило своеобразную физіономію. Членъ общества, выборщикъ — мелкій невѣжественный торговецъ. Онъ робокъ и уступчивъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока рѣчь не идетъ объ его рубляхъ и его интересѣ. Здѣсь же — онъ постоитъ за себя и пойметъ, что ему надо. Какъ представлялось этой некультурной массѣ правленіе общества? Директора—это люди, которые должны давать небольшія ссуды, а взамѣнъ взыскивать недоимки, продавать дома и дюжиной другихъ способовъ притѣснять его, мелкаго человѣка. Кого-же выбирать? Да очевидно того, кто подобрѣе, помягче, кто даетъ ссуду побольше и не будетъ торопиться съ продажей дома недоимщика. Въ странѣ съ развитой общественной жизнью люди поступились бы своими ничтожными, мелкими интересами ради настоящаго благосостоянія учрежденія, ради своихъ же насущныхъ интересовъ въ будущемъ. Здѣсь, на судѣ говорили о процвѣтаніи аналогичнаго учрежденія въ Варшавѣ, но Варшава—не Москва. Исторія кредитнаго общества даетъ яркіе примѣры вліянія массы на его дѣла. Въ 1873 г. былъ общимъ собраніемъ отмѣненъ вопреки уставу $^1/_2\%$ сборъ, установленный для созданія запаснаго капитала. Правленіе, во главѣ котораго стоялъ въ то время покойный К. К. Шильдбахъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ, былъ противъ отмѣны, но ничего не могъ подѣлать съ властнымъ голосомъ общаго собранія. Когда затѣмъ въ 90-хъ годахъ Герике просилъ собраніе возстановить сборъ хотя бы въ $^1/_4\%$ и говорилъ, что собраніе, отказывая въ этомъ, надѣваетъ петлю на правленіе, ему съ цинизмомъ кричали: «Мы вамъ дадимъ эту петлю!»

Вотъ факты, съ очевидностью свидѣтельствующіе о давленіи избирателей на правленіе. Такъ создалась партія льготъ и послабленій, сильная своей численностью, своей косностью, сильная тѣмъ, что ея программа

вытекала изъ эгоистическихъ побужденій массы. Держаться этой системы, можетъ быть, неправильно, оправдывать ее—значитъ обнаруживать противообщественное пониманіе, но не значитъ совершать преступленіе. Наоборотъ, служеніе этой системѣ есть отрицаніе преступленія по 1155 ст., ибо свидѣтельствуетъ о неправильномъ, ошибочномъ пониманіи, но никоимъ образомъ не о злонамѣренности.

Система эта, выработавшаяся въ теченіе тридцати-лѣтней жизни общества, къ концу 80-хъ годовъ стала сложна, запутанна и опасна, и когда въ 1889 г. окончался создатель Кредитнаго Общества, К. К. Шильдбахъ, въ наслѣдство онъ оставилъ лишь долги — 1,700,000 р. недоимокъ, а теперь ихъ въ обществѣ всего 200,000 р.

И вотъ при такихъ условіяхъ вступилъ въ должность директоръ Цвѣтухинъ. Но что же такое Цвѣтухинъ?

Образованія покойный не получилъ никакого, и на вопросъ слѣдователя по этому предмету скромно отвѣчалъ: «домашнее». Съ молодыхъ лѣтъ онъ служилъ въ москов. губернскомъ казначействѣ, а у людей, которые всю жизнь ходятъ около денегъ, подъ старость честность даже не добродѣтель, а привычка. Цвѣтухинъ дослужился до должности губернскаго казначея, до генеральскаго чина и перешелъ въ кредитное Общество. Популяренъ былъ Цвѣтухинъ за свой почтенный возрастъ, за незапятнанное честное прошлое, извѣстное всей Москвѣ, за генеральскій чинъ, да за незлобливый, уступчивый нравъ. То, что Цвѣтухинъ былъ чиновникомъ, наложило особую печать на его положеніе въ кред. Обществѣ. Онъ продолжалъ смотрѣть на кред. Общество, какъ на дѣло казенное; онъ не сдѣлалъ изъ него личнаго своего дѣла. Онъ не покупалъ домовъ, не имѣя друзей, родственниковъ; его не видали у натаріуса, не встрѣчали въ трактирахъ и загородныхъ ресторанахъ. Во всѣхъ слухахъ о взяткахъ имя его не встрѣчается ни разу. На собраніяхъ же онъ былъ даже вреденъ для своей партіи. Кн. Урусовъ сказалъ, что въ правленіи были дѣльцы и юристы — Цвѣтухина нельзя отнести ни къ той, ни къ другой категоріи. Кн. Урусовъ говорилъ, что въ кредитномъ Обществѣ ставились спектакли подъ фирмой «Развлеченіе и польза», — Цвѣтухинъ не принималъ участія ни въ первой, ни во второй ихъ части; онъ совсѣмъ не былъ въ нихъ дѣйствующимъ лицомъ. Первый персонажъ этихъ спектаклей, Генераловъ дѣлалъ изъ него декорацію, украшеніе; когда же окончились спектакли и надвинулась грозовая туча обвиненія, Генераловъ превратилъ Цвѣтухина въ громоотводъ. Генераловъ спѣшитъ къ слѣдователю и говоритъ: «Это все Цвѣтухинъ. Вѣдь это онъ то со мной зна-

комъ былъ, а у Шильдбаха никакихъ дѣлъ со мной не было». Благодаря тому, что Цвѣтухинъ до мозга костей былъ пропитанъ чиновничествомъ, онъ не взялъ на себя въ правленіи роли руководителя, а былъ лишь незамѣтнымъ исполнителемъ чужихъ предначертаній. Мало того для чиновника важенъ былъ не одинъ уставъ, но и прецеденты—и пошелъ онъ по проторенной дорожкѣ безъ сомнѣній и праздныхъ размышленій. Вліянія на дѣла у Цвѣтухина не было ни малѣйшаго. Если онъ съ чѣмъ-либо былъ не согласенъ, онъ возражалъ, но не боролся. Какъ и у всякаго генерала, у него была преданная ему команда: швейцары и сторожа, и въ важныхъ случаяхъ жизни онъ прибѣгалъ къ ихъ помощи. Когда онъ увидѣлъ, что близость Генералова позоритъ кредитное Общество, онъ велѣлъ швейцару его не пускать—въ этомъ инцидентѣ сказался весь Цвѣтухинъ. Онъ не искалъ, не могъ разглядѣть тѣхъ корней, которыми вросъ Генераловъ въ кредитное Общество, тѣхъ нитей, которыя его привязывали, не понималъ въ своей наивности зловѣщаго смысла слова «фактотумъ» (такъ называлъ Генералова Щепкинъ). Онъ думалъ, что фактотума можетъ уничтожить швейцаръ. Онъ не видѣлъ, что Генераловъ сильнѣе его.

Какое участіе принималъ Цвѣтухинъ въ оцѣнкахъ, ссудахъ, взысканіи недоимокъ, защита не можетъ объяснить, такъ какъ Цвѣтухинъ не сказалъ этого на предварительномъ слѣдствіи, а здѣсь, на судѣ, его не слышали. Защитникъ отмѣчаетъ лишь неправильности обвиненія, которыя не были разсмотрѣны его предшественниками. Обвиненіе утверждаетъ, что оцѣнки Общества были чрезмѣрно велики. Сначала слѣдственная власть избрала правильный путь для выясненія этого вопроса. Слѣдователь началъ производить осмотры заложенныхъ домовъ черезъ экспертовъ. Но что же они сказали? Въ однихъ случаяхъ эксперты признали оцѣнки не преувеличенными, въ другихъ не дали опредѣленнаго отвѣта, а когда эксперты дѣлали опредѣленную оцѣнку, оказывалось, что домъ проданъ выше той цѣны, которую опредѣлили эксперты. Обвиненіе увидѣло, что осмотры не даютъ матеріала, и, осмотрѣвши 6 домовъ, прекратило ихъ и избрало другой путь. Оно говоритъ: если домъ на торгахъ продали дешевле оцѣнки, то, значитъ, онъ былъ оцѣненъ чрезмѣрно. Но обвиненіе не приняло во вниманіе, что между оцѣнкой и торгами домъ могъ быть разоренъ, могла, наконецъ, понизиться цѣна на домъ. Когда рѣчь зашла о затрудненіяхъ домовладѣльцевъ въ началѣ 90-хъ годовъ, г. прокуроръ сослался на показаніе Щепкина, отрицавшаго этотъ кризисъ, и предложилъ статься въ тѣни этого маститаго дуба, какъ назвалъ г. прокуроръ Щеп-

кина. Но чтобы найти правду, надо выйти изъ тѣни хотя бы и прекраснѣйшаго дуба на свѣтъ. А свѣтъ падаетъ изъ сильнаго источника, подъ которымъ возросъ и маститый Щепкинъ, свѣтъ идетъ изъ городского общественнаго управленія. Въ своемъ докладѣ, представленномъ думѣ, управа признала, что московское домовладѣніе въ 93—94 годахъ находилось въ затруднительномъ положеніи.

Обвиненіе говоритъ, что правленіе не взыскивало недоимокъ. Судъ видѣлъ, что недоимки накопились въ громадномъ количествѣ еще до 1890 г., и правленіе не только не накопляло новыхъ недоимокъ, но, наоборотъ усиленно взыскивало старыя. До 90-го года назначался въ продажу 1 домъ изъ десяти, съ 90-го одинъ домъ изъ трехъ, а въ 1892 — 93 г. было назначено въ продажу $^{10}/_{17}$ всѣхъ заложенныхъ домовъ. Продавать большее количество домовъ—это означало бы продать полъ-Москвы. Обвиненіе указываетъ, что накоплялись недоимки на домахъ служащихъ. Обращаясь къ фактамъ, защита констатируетъ, что обремененныхъ имуществъ, принадлежащихъ служащимъ, было только шесть; въ среднемъ на каждомъ имуществѣ было $4^1/_2$ полугодія недоимокъ, а на имуществахъ служащихъ — менѣе этого количества.

Обвиненіе говоритъ, что для сокрытія положенія дѣлъ общества въ отчетѣ 93—94 г. сдѣлали подлогъ. Но что было въ то время скрывать? Въ 1893 г. была ревизія г. Шванебаха, которая подробно изслѣдовала всѣ документы, цифры и факты и ихъ опубликовала. О положеніи кредитнаго Общества было извѣстно все, и оно обсуждалось на собраніяхъ, въ думѣ и въ прессѣ. Запасному капиталу придается несоотвѣтствующее значеніе показателя положенія дѣлъ общества. Его называютъ барометромъ. Сходство заключается въ томъ, что и запасный капиталъ, и барометръ могутъ падать, но барометръ падаетъ передъ бурей, а капиталъ послѣ бури, и никто не судитъ о положеніи дѣлъ ипотечнаго учрежденія по запасному капиталу, но судитъ по количеству недоимокъ, по количеству оставшихся за обществомъ имуществъ, а это все указывалось въ отчетахъ полно, подробно и откровенно.

Въ комиссіонныхъ выдачахъ Цвѣтухинъ никакого участія не принималъ. Его объясненія подтверждаются фактами и показаніями свидѣтелей.

Защитникъ подробно разсматриваетъ показаніе Генералова, единственное, въ которомъ находится намекъ на участіе Цвѣтухина въ комиссіонныхъ деньгахъ, и приходитъ къ выводу о безусловной лживости этого показанія.

Далѣе защитникъ перешелъ къ гражданскимъ искамъ. На чемъ основываются эти иски? Одни истцы основываютъ ихъ на возставновленіи $^1/_2{}^0/_0$ собра.

Но сборъ этотъ возстановленъ не для покрытія убытковъ, а на основаніи § 15 устава для пополненія запаснаго капитала. Сборъ этотъ за 5 лѣтъ въ количествѣ около 3.000,000 руб. весь цѣлъ и хранится въ кредитномъ Обществѣ. Наконецъ, истцы не опредѣляютъ, когда же они прекратятъ съ отвѣтчиковъ взысканіе этого сбора. Вѣдь по ихъ вычисленіямъ убытковъ 1.400,000 р., а сборъ будутъ продолжать, пока не соберутъ 8.000,000 руб.

Другое основаніе иска приводитъ г. Котлецовъ. Оно заключается въ томъ, что его довѣритель — членъ-заемщикъ Общества. Но вѣдь искать можно убытокъ, т. е. то, что потеряно. Здѣсь же нѣтъ до сихъ поръ никакой потери, и г. Котлецовъ объясняетъ свой искъ тѣмъ, что въ будущемъ могутъ по круговой порукѣ возложить часть убытковъ и на его довѣрителя. Этотъ страхъ передъ будущимъ г. Котлецовъ оцѣниваетъ въ 1.400,000 руб. «съ чѣмъ-то», какъ онъ говоритъ. Предположимъ, что палата нашла бы возможнымъ удовлетворить г. Котлецова, но въ этотъ моментъ встаетъ г. Фельдштейнъ и говоритъ: «Я желаю получить 1.400,000 рублей», а за нимъ г. Напѣвкинъ: «И мнѣ то же!». Но вѣдь убытковъ, даже по мнѣнію гражд. истцовъ, только одинъ милліонъ четыреста тысячъ. Если бы даже палата избрала кого-либо изъ трехъ истцовъ и удостоила его присужденіемъ 1.400,000 р., кредитное Общество, которое только одно могло бы считаться потерпѣвшимъ, не пополнитъ своего ущерба, ибо карманы гражданскихъ истцовъ, куда попадутъ деньги, и касса Общества—не одно и то же.

Въ заключеніе защитникъ указалъ, что въ этомъ дѣлѣ нѣтъ ни одного факта, указывающаго на то, чтобы Цвѣтухинъ посягалъ на общественное достояніе. Репутація честнаго казначея, извѣстнаго всей Москвѣ, не поколебалась во время его службы въ кредитномъ Обществѣ. Оно не покинетъ памяти о немъ и теперь, послѣ процесса.

2-й защитникъ Цвѣтухина, прис. повѣр. Куриловъ, тоже не видѣлъ преступленія въ дѣйствіяхъ правленія. — Ревизія констатировала неясность и запутанность отчетовъ, но вѣдь это — не преступленіе. Указано затѣмъ на неправильность и преувеличенность оцѣнокъ, но что же было сдѣлано для провѣрки этихъ оцѣнокъ, кто ихъ провѣрялъ? Былъ приглашенъ Вайденбаумъ, архитекторъ конкуррирующаго съ кредитнымъ Обществомъ учрежденія, московскаго земельнаго банка, и оцѣнку его нельзя признать вполнѣ безпристрастной. Преувеличенность оцѣнокъ по доходности доказывается сравненіемъ съ городскими оцѣнками, но этотъ пріемъ неправильный, такъ какъ городскія оцѣнки

всегда ниже дѣйствительныхъ. Что вообще оцѣнки кредитнаго Общества не выше нормальныхъ, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что когда начался отливъ залоговъ изъ кредитнаго Общества въ акціонерные банки, то оказалось, что имущества, оцѣненныя кредитнымъ Обществомъ въ 15 милл. руб., были приняты въ земельныхъ банкахъ по оцѣнкѣ въ 20 милл. Но почему же, спросятъ, дома оставались за Обществомъ, если оцѣнки были правильныя? Вслѣдствіе кризиса. Существованіе кризисовъ признавали и свидѣтели обвиненія, Алексѣевъ, Дриттенпрейсъ и другіе. По поводу обвиненія въ накопленіи недоимокъ защитникъ между прочимъ указалъ на рѣшеніе гражданскаго кассаціоннаго департамента сената, которымъ было разъяснено, что продажа домовъ за недоимки есть право, а не обязанность правленія. Что касается до комиссіонеровъ и комиссіоннаго вознагражденія, то коммерческая дѣятельность въ такомъ громадномъ городѣ, какъ Москва, не можетъ обходиться безъ комиссіонеровъ, и, когда явилась необходимость продавать оставшіеся за Обществомъ дома, пришлось и ему прибѣгнуть къ комиссіонерамъ и къ выдачѣ имъ вознагражденія. Маскировать частое появленіе Генералова при комиссіонныхъ операціяхъ приходилось потому, что ему завидовали его товарищи.

Защитникъ Грачева, прис. повѣр. Харитоновъ 2-й указалъ на то, что по обвинительному акту Грачевъ обвинялся, во-первыхъ, въ томъ, что, состоя членомъ наблюдательнаго комитета московскаго городскаго кредитнаго Общества, онъ по предварительному соглашенію съ директорами правленія получилъ подъ видомъ комиссіоннаго вознагражденія ввѣренную послѣдними по службѣ денежную сумму, каковую употребилъ на свои нужды и не возвратилъ по обнаруженіи злоупотребленія, и, во-вторыхъ въ томъ, что по предварительному соглашенію съ другими лицами, съ цѣлью сокрытія полученія имъ указанной выше суммы, подговорилъ другое лицо, не бывшее комиссіонеромъ, подать заявленіе въ правленіе о назначеніи ему комиссіоннаго вознагражденія и выдать росписку въ полученіи такового.

Между тѣмъ теперь, въ обвинительной рѣчи, прокуроръ ему приписываетъ уже участіе въ составленіи объ этомъ вознагражденіи подложнаго журнала правленія. Такое измѣненіе обвиненія не можетъ быть допущено, и онъ будетъ имѣть дѣло съ обвиненіемъ, ранѣе предъявленнымъ. Для Грачева не имѣетъ никакого значенія вопросъ о томъ, правильно или неправильно дѣйствовало правленіе, выдавая комиссіонное вознагражденіе. Для него важно установить, что онъ самъ считалъ эту выдачу правильной. Все, что онъ видѣлъ, могло только утвердить его въ

этомъ убѣжденіи: вознагражденіе выдавалось по журнальнымъ постановленіямъ правленія, подписаннымъ всѣми директорами и утвержденнымъ наблюдательнымъ комитетомъ, наконецъ, общее собраніе признало выдачу комиссіоннаго вознагражденія правильной, и если въ 1897 г. собраніе уполномоченныхъ отмѣнило его, то вѣдь это было вполнѣ понятно: въ это время уже никакихъ домовъ за Обществомъ не осталось. Грачевъ никакими комиссіями не занимался; единственный разъ случилось ему при Григорьевѣ и Волокитинѣ высказать свое мнѣніе, что Привалову, который только-что у него былъ, подошелъ бы домъ Клюгина, продававшійся кредитнымъ Обществомъ. При этомъ онъ сказалъ, что за продажу можетъ быть заплачена комиссія, но самъ для себя ни о какомъ вознагражденіи не помышлялъ, напротивъ прямо сказалъ Григорьеву, что онъ, Грачевъ, какъ служащій въ Обществѣ, такими дѣлами заниматься не можетъ. Все было предоставлено Григорьеву и Волокитину, — они все и дѣлали, Грачевъ—ровно ничего. Прокуроръ говоритъ, что вознагражденіе своимъ размѣромъ совсѣмъ не соотвѣтствовало тому, что было сдѣлано Григорьевымъ и Волокитинымъ, а, по показанію Привалова, домъ Клюгина имъ былъ купленъ безъ участія комиссіонеровъ. Шильдбахъ уже говорилъ, что комиссіонное вознагражденіе было поставлено на чисто коммерческихъ началахъ, а въ коммерческомъ дѣлѣ комиссіонерскія услуги иногда очень высоко цѣнятся, иногда за простое указаніе, за одно слово платятъ солидныя суммы. Что же касается до дома Клюгина, то за его продажу можно было выдать хорошее вознагражденіе. Изъ осмотровъ извѣстно, что онъ былъ очень загрязненъ, нѣкоторыя зданія находились въ полуразрушенномъ состояніи, и оцѣнщики затруднялись даже опредѣлить его постоянную доходность. Его трудно было сбыть, и комиссіонеръ, нашедшій на него покупателя, стоилъ вознагражденія. Если Приваловъ утверждаетъ, что никакихъ комиссіонеровъ не было, то вѣдь это очень понятно: Приваловъ, конечно, не желаетъ лишнихъ расходовъ, а признать, что Григорьевъ или Волокитинъ были комиссіонерами при покупкѣ имъ дома Клюгина, это значитъ дать имъ или кому-нибудь изъ нихъ поводъ требовать съ него вознагражденія,—извѣстно, что комиссіонеры очень часто берутъ вознагражденіе съ обѣихъ сторонъ, да Григорьевъ на предварительномъ слѣдствіи даже и признался, что не расписался самъ въ полученіи отъ правленія вознагражденія, а подставилъ Волокитина только за тѣмъ, чтобы скрыть, что онъ былъ комиссіонеромъ правленія, и получить вознагражденіе и съ Привалова. Было у Привалова и другое основаніе отрицать участіе комиссіонера при покупкѣ имъ дома

Клюгина: онъ не простакъ и предвидѣлъ, что, покупая дешево домъ при участіи комиссіонера, который и въ торгахъ принималъ участіе, онъ наживетъ искъ со стороны владѣльца дома, какъ оно въ дѣйствительности и случилось. Что комиссіонеръ былъ и именно—Григорьевъ, это удостовѣрено нѣсколькими свидѣтельскими показаніями. Удостовѣрено, что Приваловъ ѣздилъ съ Григорьевымъ осматривать домъ, затѣмъ въ правленіе кредитнаго Общества, гдѣ его познакомилъ съ Шильдбахомъ Григорьевъ же; его, Привалова, видѣли бесѣдующимъ съ Григорьевымъ въ кредитномъ Обществѣ, послѣ чего онъ по телефону потребовалъ, чтобы ему немедленно привезли изъ дому чековую книжку, и когда ее привезли, написалъ чекъ на 10 тыс. руб. и отдалъ его въ задатокъ за домъ. И такъ комиссіонеръ былъ, и именно—Григорьевъ. Главнымъ свидѣтелемъ обвиненія является кн. Долгоруковъ, но его нѣтъ на судѣ, и защита объ этомъ крайне сожалѣетъ. Никакое, самое подробное письменное показаніе не можетъ замѣнить показанія, даннаго на перекрестномъ допросѣ. И удивительно, что не удалось розыскать кн. Долгорукова, человѣка съ такимъ общественнымъ положеніемъ, московскаго домовладѣльца и постояннаго жителя Москвы! Удивительно, наконецъ, что кн. Долгоруковъ, такъ горячо принимавшій въ сердцу интересы кредитнаго Общества, такъ обличавшій злоупотребленія, самъ не позаботился о томъ, чтобы имѣть возможность предъ судомъ подтвердить свои обвиненія. Неявка его ставитъ защиту въ затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что и еще двое свидѣтелей, которые были очень нужны защитѣ,—Спиридоновъ и Дьячковъ, тоже не явились. Это судъ, конечно, приметъ въ соображеніе при разрѣшеніи дѣла. Показаніе кн. Долгорукова невольно вызываетъ очень осторожное къ себѣ отношеніе, такъ какъ слишкомъ много сквозитъ въ немъ недоброжелательства къ обвиняемымъ, съ которыми у него было столько столкновеній. Оно во многомъ и неправдоподобно. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы такой споръ, какой, по словамъ кн. Долгорукова, велъ Грачевъ съ Спиридоновымъ и Бровкинымъ, происходилъ въ присутственной комнатѣ при свидѣтеляхъ, когда самъ же прокуроръ говорилъ, что Грачевъ такъ старался сохранить въ тайнѣ свое участіе въ этомъ дѣлѣ, что рѣшился даже на подлогъ? Если все, о чемъ кн. Долгоруковъ говоритъ и что его такъ возмутило, дѣйствительно происходило, то почему же князь не потребовалъ составленія протокола, не подалъ, наконецъ, письменнаго заявленія? Въ подтвержденіе показанія кн. Долгорукова ссылаются на показанія покойнаго Цвѣтухина, Алексѣева, Дьячкова и Аничкина. Но Цвѣтухинъ, какъ видно изъ его показанія слѣдователю, говоритъ

со словъ того же Долгорукова, а самъ ничего не видалъ, Алексѣевъ тоже знаетъ отъ другихъ, Аничкинъ не явился, но ссылался на Дьячкова, который тоже не явился. Неявка этихъ свидѣтелей прямо обезоруживаетъ защиту. Что касается умершаго Бровкина, то на слѣдствіи онъ положительно заявилъ, что ничего подобнаго тому, о чемъ говоритъ кн. Долгоруковъ, не было и что самъ онъ всегда былъ противъ комиссіоннаго вознагражденія. Защитникъ отмѣчаетъ одну ошибку обвинителя: директоры правленія обвиняются въ растратѣ общественныхъ денегъ, выданныхъ подъ видомъ комиссіоннаго вознагражденія до 1895 г., а Грачевъ привлеченъ за полученіе денегъ, выданныхъ уже въ 1896 г. И такъ участіе Грачева въ полученіи комиссіонныхъ денегъ рѣшительно ничѣмъ не доказано; нѣтъ, слѣдовательно, съ его стороны преступленія, а если нѣтъ преступленія, то не можетъ быть и подлога, совершеннаго съ цѣлью сокрытія преступленія.

Переходя къ обвиненію Грачева въ служебномъ подлогѣ, защитникъ доказывалъ, что если обвиненіе Грачева въ растратѣ является не установленнымъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, само по себѣ падаетъ обвиненіе его въ подлогѣ, ибо прокуроръ говоритъ, что подлогъ совершенъ для сокрытія растраты.

Не могу не замѣтить,—продолжалъ защитникъ,—что странно какъ-то бороться противъ несуществующаго врага, странно отражать несуществующее нападеніе, странно опровергать фантастическое обвиненіе. Я хочу этимъ сказать, что какъ широко ни раздвигать границы статьи 362 улож., трактующей о служебномъ подлогѣ, какъ бы произвольно размашисто и распространительно ни толковать ея содержаніе, нѣтъ возможности приноровить, приладить ее къ тѣмъ даннымъ, которыя обвиненіе устанавливаетъ относительно Грачева. Если даже на одну минуту безусловно согласиться съ обвиненіемъ и безпрекословно признать всѣ тѣ факты, которые оно приписываетъ обвиняемому, то и тогда обвиненіе его въ послѣднемъ представляется очевидно неправильнымъ. Юридически немыслимо видѣть подлогъ въ томъ, что обвиняемый, съ цѣлью сокрытія полученныхъ имъ, подъ видомъ комиссіоннаго вознагражденія, денегъ подговорилъ другое лицо, не бывшее коммиссіонеромъ, подать заявленіе о назначеніи ему комиссіонныхъ и выдать расписку въ ихъ полученіи; это не сокрытіе истины, какъ говоритъ законъ,—въ докладахъ, рапортахъ, протоколахъ и журналахъ, а естественно, самъ по себѣ вытекающій изъ неправильнаго полученія комиссіонныхъ обыкновенный, простой обманъ, самостоятельно не наказуемой и ничего общаго не имѣющій съ понятіемъ

о служебномъ подлогѣ. Но какъ можно было предъявить къ Грачеву обвиненіе въ подлогѣ, когда безспорно установлено, что Григорьевъ попросилъ Волокитина подать заявленіе о назначеніи ему комиссіонныхъ и расписаться въ ихъ полученіи, а Волокитинъ съ своей стороны вполнѣ подтвердилъ это обстоятельство. При чемъ тутъ Грачевъ, при этомъ злополучномъ подлогѣ, зачѣмъ онъ сюда пристегнутъ?

Въ заключеніе защитникъ указалъ на то, что по вопросу о преданіи Грачева суду произошло разногласіе въ средѣ прокуратуры: прокуратура окружнаго суда дала заключеніе о прекращеніи о немъ дѣла, не находя состава преступленія, прокуратура судебной палаты нашла возможнымъ предать его суду.

Закончилъ защитникъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«И какъ не скорбѣть о томъ, что несмотря на отсутствіе уличающаго матеріала, фактическаго и юридическаго, Грачевъ все-таки поставленъ въ низкое положеніе обвиняемаго и вслѣдствіе этого долженъ былъ поплатиться самыми дорогими своими интересами: имя опозорено, кредитъ окончательно подорванъ, много лѣтъ питавшее его торговое дѣло нужно было совершенно ликвидировать и въ довершеніе бѣдствія — физическія силы безповоротно надломлены. Будучи до этого дѣла человѣкомъ полнымъ силъ и здоровья, онъ въ теченіе этихъ трехъ несчастныхъ подслѣдственныхъ лѣтъ совершенно ослѣпъ. Конечно, нѣтъ той власти на землѣ, которая въ состояніи была бы возвратить ему то, лишеніе чего превращаетъ нашу жизнь въ непрерывную цѣпь сверхчеловѣческихъ страданій. Но зато высоко-авторитетное освободительное слово суда сниметъ, по крайней мѣрѣ, на закатѣ дней его, то позорное клеймо, которое наложено на него роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ.

Защитникъ Михайлова, пом. прис. пов. Лебедевъ, доказывалъ, что нѣтъ рѣшительно никакихъ фактовъ, подтверждающихъ обвиненіе Михайлова. Показанія кн. Долгорукова и Аничкина, на которыя ссылается обвиненіе, не могутъ заслуживать особеннаго довѣрія. Свидѣтели эти не явились, мы знаемъ только показанія, данныя ими на предварительномъ слѣдствіи, слѣдовательно, безъ присяги, а какъ много значитъ присяга, въ этомъ не разъ уже можно было убѣдиться при разсмотрѣніи этого дѣла: многіе свидѣтели здѣсь, послѣ присяги, совсѣмъ измѣнили свои показанія, а были и такіе, которые прямо объявили свои показанія на предварительномъ слѣдствіи ложными. Между тѣмъ свидѣтель Гальнбекъ положительно удостовѣряетъ, что онъ былъ комиссіонеромъ при покупкѣ Кожинымъ дома Каринской, что онъ и деньги получалъ. Казначей Водо тоже гово-

рить, что деньги изъ кассы получилъ Гальнбекъ. Показанія Кожиной и Парадѣева нисколько не опровергаютъ ни показанія Гальбека, ни объясненія Михайлова. Изъ показанія Кожиной видно только то, что ни о самомъ комиссіонерѣ Гальнбекѣ она отъ мужа не слыхала, но вѣдь она говоритъ и то, что мужъ ея о покупкѣ дома ничего не говорилъ и узнала она о ней только тогда, когда все уже было закончено. Парадѣевъ заявилъ, что Кожинъ говорилъ ему, что купилъ домъ чрезъ комиссіонера и хотѣлъ его познакомить съ этимъ комиссіонеромъ. Если же припомнимъ, что Кожинъ познакомился съ Михайловымъ черезъ Парадѣева, то станетъ очевиднымъ, что не Михайловъ былъ тѣмъ комиссіонеромъ, съ которымъ Кожинъ хотѣлъ познакомить Парадѣева.

Рѣчи защитниковъ вызвали возраженія со стороны обвинителей и нѣкоторыхъ гражданскихъ исцовъ, изъ которыхъ кн. Урусовъ сказалъ полную остроумія и иронiи рѣчь, а Фельдштейнъ и Напѣвкинъ отказались отъ своихъ исковъ.

Судебная палата предложила поставить къ своемуразрѣшенію 28 вопросовъ. Товарищъ прокурора просилъ дополнить вопросы о покойномъ Цвѣтухинѣ указаніемъ времени, въ теченіе котораго онъ состоялъ въ должности предсѣдателя правленія московскаго городскаго кредитнаго Общества. Повѣренный гражданскаго истца А. С. Випинякова, прис. пов. кн. А. И. Урусовъ, просилъ изъ вопросовъ о виновности подсудимыхъ выдѣлить вопросъ о фактѣ причиненія гражданскимъ истцамъ убытковъ нарушеніями требованій устава и выдачею коммиссіоннаго вознагражденія и предложилъ палатѣ свой проектъ редакціи этихъ вопросовъ. Защитникъ Шильдбаха возразилъ, что ходатайство кн. Урусова могло бы подлежать удовлетворенію только тогда, если бы въ предлагаемыхъ имъ вопросахъ указывались факты, имѣющіе признаки преступленія, а безъ указанія на такіе факты вопросы эти не могутъ быть поставлены. Затѣмъ предложены были еще нѣкоторыя измѣненія и дополненія вопросовъ со стороны защиты.

Обсудивъ замѣчанія сторонъ, палата оставила вопросы безъ измѣненія.

Судебная палата, признавъ обвиняемыхъ, Цвѣтухина, Шильдбаха и Герике виновными въ противозаконномъ оставленіи имуществъ за обществомъ долѣе предписаннаго уставомъ годичнаго срока и въ незаконной выдачѣ, изъ корыстныхъ и личныхъ видовъ, непредусмотрѣннаго уставомъ общества коммиссіоннаго вознагражденія, т.-е. въ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ стт. 1154 и 1155 улож. о нак., и оправдавъ означенныхъ подсудимыхъ по обвиненію въ незаконной выдачѣ дополнительныхъ ссудъ, въ преувеличенныхъ оцѣнкахъ и подлогахъ, приговорила:

Шильдбаха и Герике, по лишеніи ихъ всѣхъ особыхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Олонецкую губернію съ воспрещеніемъ отлучки съ мѣста, назначеннаго для жительства, въ теченіе 2-хъ лѣтъ и предоставленіемъ имъ, по истеченіи 10-ти лѣтъ, выбора мѣста жительства въ предѣлахъ Европейской и Азіатской Россіи, кромѣ столицъ, и безъ возстановленія въ правахъ.

Грачева и Михайлова признать въ предъявленныхъ къ нимъ обвиненіяхъ оправданными.

Гражданскіе иски оставить безъ удовлетворенія.

Судебныя по дѣлу издержки возложить на осужденныхъ и на имущество покойнаго Цвѣтухина поровну.

О вещественныхъ доказательствахъ составить особое опредѣленіе.

Означенный приговоръ, до вступленія его въ законную силу, представить, черезъ г. министра юстиціи, на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества и ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о помилованіи осужденнаго Герике.

Дѣло Киселева.

Сессія Владимирскаго окружнаго суда въ г. Муромѣ 29 октября 1898 года.

Предсѣдательствовалъ *С. И. Веселовскій*; обвинялъ товарищъ прокурора *К. П. Тихомировъ*; защищалъ подсудимаго прис. повѣр. *Н. П. Шубинской*. Къ обвиненію въ убійствѣ жены привлеченъ крестьянинъ муромскаго уѣзда Сергѣй Михайловъ Киселевъ.

Засѣданіе открылось заявленіемъ прис. повѣр. *Н. П. Шубинскаго*, что три дня назадъ обвиняемый получилъ увѣдомленіе о вызовѣ, по предложенію прокурора, новаго свидѣтеля, и что, въ видахъ равноправности сторонъ и предоставленія обвиняемому всѣхъ средствъ защиты, онъ проситъ, для опроверженія показанія этого новаго свидѣтеля, допустить допросъ двухъ свидѣтелей, находящихся въ залѣ суда.

Окружный судъ, въ виду несогласія прокурора на это ходатайство, отклонилъ его. Затѣмъ былъ прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

Въ 1885 году крестьянинъ Сергѣй Киселевъ женился на крестьянской дѣвицѣ Прасковьѣ Ошаниной. Сначала они жили между собою хорошо, но затѣмъ, спустя нѣсколько лѣтъ, между ними возникли непріятности, обусловленныя тѣмъ, что Прасковья, пристрастившись къ спиртнымъ напиткамъ, стала сильно пить. Послѣднее, видимо, сильно огорчало и тяготило Киселева, который постоянно уговаривалъ свою жену не пьянствовать, а иногда даже билъ ее за пьянство. Но ни уговоры мужа, ни его побои не дѣйствовали на Прасковью, и она продолжала пьянствовать.

21 іюня 1898 г. Киселевъ, ведшій, между прочимъ, торговлю краснымъ товаромъ, уѣхалъ по дѣламъ изъ дома. Прасковья, по отъѣздѣ его, стала пьянствовать, такъ что, вернувшись домой около 7 часовъ вечера, мужъ засталъ ее совершенно пьяной. Въ его присутствіи Прасковья пришла изъ омшанника, гдѣ передъ тѣмъ спала, и улеглась въ углу

сѣней. Немного спустя, Киселевъ сошелъ въ находящуюся при его домѣ лавку съ краснымъ товаромъ, продалъ тамъ нѣсколько аршинъ ситца крестьянкѣ Тальниковой, а затѣмъ поднялся опять къ себѣ. Вскорѣ послѣ того работница Киселевыхъ, крестьянка Рыжова, сидѣвшая подъ окномъ сосѣдняго дома, услыхала внезапно какой-то стукъ въ сѣняхъ хозяйскаго дома. Не успѣла она встать, чтобы пойти узнать, что это за стукъ, какъ Киселевъ вышелъ изъ дома и, направившись къ ней и другимъ, бывшимъ тутъ крестьянкамъ, сказалъ съ плачемъ: „Бабы, вяжите меня! Я жену на смертъ топоромъ ссѣкъ“..:

Рыжова бросилась въ домъ и нашла Прасковью съ сѣняхъ истекающей кровью и уже мертвой.

Судебно-медицинскій осмотръ констатировалъ на тѣлѣ Прасковьи три раны, нанесенныя топоромъ, изъ которыхъ одна на шеѣ, сопровождавшаяся перерѣзомъ сонной артеріи, была признана не только безусловно смертельной, но и влекущей моментальную смерть. Киселевъ на предварительномъ слѣдствіи призналъ себя виновнымъ въ убійствѣ жены.

По прочтеніи обвинительнаго акта, г. предсѣдатель обратился къ подсудимому съ обычнымъ вопросомъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ убійствѣ жены, на что обвиняемый отвѣтилъ утвердительно.

Г. предсѣдателемъ было предложено обвиняемому разсказать обстоятельства дѣла, и подсудимый съ рѣдкой обстоятельностью передалъ печальную повѣсть своей жизни.

Женившись на Прасковьѣ Ошаниной въ 1885 г., по сердечной склонности,—пояснилъ подсудимый,—онъ прожилъ съ нею 13 лѣтъ и имѣлъ 11 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ только пятеро остались въ живыхъ. Жизнь ихъ текла хорошо и мирно, пока пагубное пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ не овладѣло его женой. Воздерживаясь отъ пьянства въ его присутствіи, Прасковья стала пользоваться всякой его отлучкой, чтобы на свободѣ отдаться своему пороку. Киселеву приходилось видѣть свою жену пьяною почти до безчувствія, грязною, растрепанною, потерявшею человѣческій обликъ. Страдалъ домъ отъ этого порока хозяйки, страдали и дѣти.

Пошли ссоры. Киселевъ сталъ бить жену, съ цѣлью отучить ее отъ пьянства, но побои не оказывали спасительнаго вліянія: она продолжала свой прежній образъ жизни.

Въ памятный день, 21 іюня, Киселевъ уѣхалъ изъ дому, рано утромъ, въ сосѣднее сѣло Глѣбово, гдѣ у него строилась лавка для ярмарки. Только къ 7-ми часамъ вечера онъ освободился и прибылъ пѣшкомъ

домой. „Гдѣ Прасковья?“ спросилъ онъ встрѣтившуюся ему свою работницу Рыжову. Та уклонилась отъ отвѣта. Киселевъ прошелъ во дворъ посмотрѣть лошадей: у лошадей не было корму. Онъ вышелъ въ садъ и тутъ увидѣлъ жену, выходившую изъ омшанника, гдѣ хранится навозъ. Она была пьяна, одежда ея была испачкана навозомъ. „Что это ты дѣлаешь?“ выкликнулъ Киселевъ. „Прости Христа ради,—отвѣчала жена заплетающимся языкомъ.—Я немного выпила“.

Киселевъ пошелъ по хозяйству, а черезъ нѣсколько минутъ вернулся въ домъ и нашелъ жену валяющеюся на полу, въ сѣняхъ. Грустно ему стало при мысли, что жена его, не боясь стыда, не боясь добрыхъ людей, валяется на полу пьяная, запачканная въ навозѣ.

По улицѣ мимо дома прошелъ братъ Киселева Иванъ. Онъ нарочно укрылся отъ брата, боясь, что тотъ замѣтитъ его, войдетъ и увидитъ его пьяную жену,—унизительное, позорное зрѣлище. Братъ прошелъ мимо. Потомъ пришла крестьянка Тальникова купить ситцу. Онъ спустился въ лавку, отпустилъ ей товаръ и, когда она ушла, заперъ лавку и пошелъ къ себѣ на верхъ.

У лѣстницы, ведущей въ верхнюю половину дома, Киселеву попался на глаза топоръ, который онъ самъ положилъ здѣсь по приходѣ изъ Глѣбова. Не отдавая себѣ отчета, самъ не зная для чего, онъ взялъ этотъ топоръ и, держа его въ рукахъ, поднялся на верхъ, въ верхнія сѣни.

„Въ этотъ моментъ,—говорилъ подсудимый,—я и зарубилъ, по всей вѣроятности, жену. Я не могу припомнить, какъ это было, память мою точно туманомъ заволокло. Въ какомъ я былъ тогда душевномъ настроеніи—не знаю. Жестокосердіе ли овладѣло мною, или я самъ не понималъ, что дѣлалъ. Я пришелъ въ себя только, когда зашумѣла кровь, вытекавшая изъ убитой мною жены... Понявъ, что я совершилъ преступленіе, я выбѣжалъ на улицу и показался народу“...

Шесть допрошенныхъ свидѣтелей подтвердили тяжелую жизнь Киселева и пьянство жены. Всѣ они охарактеризовали Киселева съ наилучшей стороны, и показанія ихъ дали безотрадную картинку его семейной жизни, ярко обрисовавъ то горе и позоръ, которые вносилъ въ эту жизнь Киселевыхъ порокъ жены.

Свидѣтельница Рыжова, работница Киселевыхъ, показала, что Прасковья пользовалась всякой отлучкой хозяина, чтобы предаться своей страсти къ вину, и нерѣдко Киселевъ, возвращаясь домой, заставалъ жену пьяной.

Изъ дальнѣйшаго показанія Рыжовой выяснилось, что покойная въ день происшествія напилась тотчасъ же по уходѣ мужа и повалилась на навозъ въ омшанникѣ спать. По возвращеніи мужа она выползла оттуда непроспавшаяся, пьяная, испачканная нечистотами. Это обстоятельство, по словамъ свидѣтельницы, такъ повліяло на Киселева, что онъ сдѣлался грустнымъ, задумчивымъ. Затѣмъ, онъ появился на улицѣ передъ народомъ съ крикомъ: „Бабы, вяжите меня: я жену топоромъ ссѣкъ!“

Свидѣтельница Тальникова, покупавшая, не болѣе, какъ за полчаса, у Киселева ситецъ, ничего особеннаго въ немъ не замѣтила.

Свидѣтель Тальниковъ, мужъ свидѣтельницы и сосѣдъ Киселевыхъ, показалъ, что, услышавъ шумъ и плачъ, выбѣжалъ на улицу и засталъ Киселева сидящимъ на заваленкѣ. Онъ обнялъ своихъ дѣтей и громко плакалъ.

Свидѣтельница Ольга Киселева, жена брата подсудимаго, разсказала, что, находясь въ числѣ „бабъ“, которымъ деверь ея послѣ убійства закричалъ: „вяжите меня“, первая подбѣжала къ нему, и онъ, рыдая, положилъ свои руки на ея плечи и, поддерживаемый ею, добрелъ до заваленки. Свидѣтельница прибавила, что пьянство Прасковьи довело ее до погибели; послѣ убійства вся деревня о немъ плакала, о ней— никто.

Свидѣтель Иванъ Киселевъ, братъ подсудимаго, показалъ, что братъ его былъ человѣкъ вполнѣ здоровый и въ роду у него не было ни пьяницъ, ни сумасшедшихъ, ни преступниковъ. Что обвиняемому свойственны были, несмотря на его кроткій характеръ, припадки гнѣва, „тогда онъ уже не помнилъ себя“. Онъ часто жаловался на пьянство жены. Послѣ убійства Киселевъ горько плакалъ, обнималъ дѣтей и говорилъ: „Не проклинайте отца своего“. Народъ плакалъ навзрыдъ.

Свидѣтелями на судѣ было также удостовѣрено, что Киселевъ жилъ зажиточно, служилъ три трехлѣтія подъ-рядъ сельскимъ старостою и велъ трезвый образъ жизни.

Послѣдній *свидѣтель Охановъ*, вызванный за нѣсколько дней до процесса по предложенію прокурора, напротивъ, показалъ, что года три Киселевъ жилъ съ женою хорошо, а потомъ сталъ бить ее. Однажды подсудимый, это было какъ-то осенью, часовъ въ 11 ночи, предложилъ ему поѣхать съ нимъ домой, со словами: „Поѣдемъ, я жену билъ, и при тебѣ поучу“. Въ другой разъ свидѣтель слышалъ отъ обвиняемаго такія слова: „Бью Прасковью, какъ лошадей бьютъ, но не убью!“ и говоря ихъ въ гнѣвѣ

Киселевъ взялъ ножъ и съ такою силою ударилъ имъ объ столъ, что клинокъ разлетѣлся на четыре части.

Товар. прокур. Тихомировъ началъ свою обвинительную рѣчь съ указанія, что онъ признаетъ необходимымъ разсмотрѣть, какъ обвиняемый дошелъ до столь жестокой расправы надъ своей женой, что если сначала семейная жизнь подсудимаго была омрачена пьянствомъ жены, какъ незначительнымъ облакомъ, то впослѣдствіи „жестокая расправа“ Киселева, въ видахъ исправленія жены, разрослась въ тучу. Но изъ этой тучи не пролилось благотворнаго дождя. Пьянство покойной,—говорилъ обвинитель,—болѣзнь, такъ какъ она пила запоемъ. Побои же самое плохое средство противъ этого злого недуга, плохое и вредное, потому что они постепенно ожесточали самого обвиняемаго и разнуздали его до звѣрской расправы. Задаваясь вопросомъ о побужденіяхъ убійцы, обвинитель отрицалъ всякое предположеніе о томъ, что обвиняемый ничего не помнилъ въ моментъ совершенія преступленія. Онъ объясняетъ все крайней злобой подсудимаго. А его разсказъ, что онъ ничего не помнитъ, какъ было событіе, обвинитель считаетъ явно неправдоподобнымъ и несогласнымъ съ обстоятельствами дѣла.

Затѣмъ слово было предоставлено защитнику Киселева, прис. повѣр. Н. П. Шубинскому.

Пр. повѣр. Шубинской отвѣтилъ обвинителю такою рѣчью:

Гг. присяжные засѣдатели!

Подробности настоящаго дѣла кратки и немногосложны. Онѣ состоятъ изъ откровеннаго разсказа самого обвиняемаго и шести свидѣтельскихъ показаній. И все-таки онѣ съ замѣчательной ясностью и силой рисуютъ передъ нами многолѣтнюю и глубокую драму человѣческой жизни. Я не понимаю только, почему неискренними считаетъ объясненія обвиняемаго г. прокуроръ. Право, я рѣдко встрѣчалъ такую прямоту, такое мужество въ передачѣ обвиняемымъ каждаго факта, каждаго событія, какіе желалъ бы знать и установить даже противъ него судъ. Не вижу и той озлобленности и жестокосердія, какія находитъ въ душевномъ состояніи его г. обвинитель въ роковой для него день 21-го іюня. Свидѣтели говорятъ совсѣмъ о другомъ: что всегда, внѣ случаевъ опьяненія покойной, Киселевъ нѣжно любилъ жену, «души въ ней не чаялъ», какъ выражается свидѣтель Тальниковъ; а

послѣ событія свидѣтель Иванъ Киселевъ находитъ его на заваленкѣ своего дома горько плачущимъ, окруженнаго своими дѣтьми, которымъ онъ говорилъ, указывая на брата: «вотъ вамъ теперь отецъ», а на его жену—«вотъ мать... Только не проклинайте своего отца!» Вотъ настроеніе человѣка въ первые моменты послѣ событія. Можно ли говорить о какой-либо дикости, жестокосердіи въ тѣ минуты съ его стороны? Нѣтъ, я думаю, тогда произошло раздвоеніе въ немъ: померкъ подъ давленіемъ роковыхъ событій — горя, отчаянія, стыда, душевныхъ мукъ—бодрый, мягкій, любящій человѣкъ и вырвалась наружу гнѣвливая воля оскорбленнаго и негодующаго мужа...

Отчего случилось это? Здѣсь я охотно присоединяюсь къ призыву г. прокурора и прошу изучить прошлое, прослѣдить, какъ дошелъ обвиняемый до рокового порыва?

Г. прокуроръ говоритъ: «Еще 8 лѣтъ тому назадъ появилось облачко на горизонтѣ семейной жизни Киселевыхъ—пьянство жены, постепенно перешедшее въ тучу, но «разразившуюся не благодатнымъ дождемъ», а событіемъ, за которое вы нынѣ судите мужа. Да, я вполнѣ присоединяюсь къ образному сравненію г. прокурора, но только прошу васъ припомнить, что туча шлетъ не одинъ только благодатный дождь, но и молніи, которыя разрушаютъ все, что встрѣчаютъ на своемъ огненномъ пути. Такъ случилось и съ Киселевой. Быть можетъ, и были минуты всепрощенія у обвиняемаго и благодатныхъ слезъ, когда онъ просилъ жену бросить порокъ. И она обѣщала ему, но исполненія не случилось, и та же почва должна была дать огневой ударъ. Вотъ ужъ поистинѣ съ ней случилось то, что говоритъ пословица: *сѣющій вѣтеръ пожнетъ бурю*. Горька, конечно, ея судьба, но никто въ мірѣ не въ состояніи вернуть ее къ жизни и никакое негодованіе, котораго просятъ у васъ, не внесетъ облегченія прошлому. Напротивъ, формой вашего негодованія должна явиться гибель другого человѣка. Справедлива-ли она, мѣра-ли это его проступка?—рѣшите сами. Прошу васъ только вникнуть всесторонне въ то, что это былъ за преступникъ? Было ли это злодѣяніе сознательное, преслѣдующее опредѣленную цѣль и выражающее ясно сознаваемое намѣреніе—убить, какъ

думаетъ г. прокуроръ, или же это были минуты утраченной воли, померкшаго сознанія отъ цѣлаго ряда лѣтъ глубокихъ жизненныхъ мукъ, огорченій, отчаянія, стыда?

Мнѣ кажется—послѣднее, и я постараюсь доказать вамъ правоту моей мысли событіями прошлой жизни обвиняемаго. Обратимся же къ нимъ. Они съ неоспоримой ясностью разскажутъ намъ, что въ этомъ дѣлѣ говорить о «запальчивости и раздраженіи» мало; ихъ рождаютъ минуты гнѣва, порыва, ссоры. А здѣсь болѣе глубокій процессъ; здѣсь протекалъ рядъ лѣтъ, переполнившихъ муками отчаянія и горя грудь этого человѣка. Онъ боролся, справлялся иногда съ ними, побѣждалъ. Такъ было до рокового дня, когда негодованіе и гнѣвъ побѣдили его усилія и вылились въ порывъ, который онъ самъ оплакиваетъ горше всѣхъ насъ!..

Да, чѣмъ проникновеннѣе вы отнесетесь къ прошлому, подготовившему почву для взрыва, тѣмъ священнѣе выполните свой судейскій долгъ. Не механическую только сторону событія разсудить вы призваны сюда, не осудить только руки, поднятыя въ порывѣ негодованія, или лицо, искаженное безсиліемъ противостоять порыву,—а тотъ процессъ медленнаго болѣзненнаго набуханія горя, гнѣва и отчаянія въ человѣческой груди, который привелъ, наконецъ, къ роковой катастрофѣ. И, тогда пройдя этотъ путь познанія, вы въ силахъ будете сказать, воленъ или неволенъ этотъ грѣхъ человѣка.

Приступимъ же къ этому дѣлу изученія прошлаго.

Жизнь выработала во мнѣ свой взглядъ на преступленіе. Если оно является результатомъ порочности человѣка, я первый говорю: «безтрепетно карайте его». Если же въ преступленіе впадаетъ человѣкъ безупречнаго прошлаго и всегда праведной жизни, не спѣшите осужденіемъ его, вглядитесь съ отеческимъ вниманіемъ: его ли вина въ содѣянномъ, нѣтъ ли тутъ вины другихъ, ихъ порочнаго отношенія къ жизни, ихъ беззаботности къ тому, что вызвало порывъ негодованія другого человѣка? О, не судить погибшую хочу я здѣсь, но судить порокъ, который довелъ ее до преждевременной гибели. А порокъ этотъ былъ великъ и жестокъ въ ней. Я не знаю болѣе печальнаго, отвратительнѣйшаго явленія, чѣмъ пьянство женщины. И въ мужчинѣ оно постыдно, но въ женщинѣ,

гдѣ стыдливость умѣстнѣе всего, оно поистинѣ отвратительно. Есть мудрая пословица: «мужъ пьетъ — полдома горитъ, жена пьетъ—весь домъ горитъ». Здѣсь было не только употребленіе покойной вина для веселья или бодрости; нѣтъ, это былъ твердо вкоренившійся порокъ. «Пила всегда одна, безъ мужа, до безобразія, до безчувствія», какъ показываютъ свидѣтели. Г. прокуроръ говоритъ—это была болѣзнь. Да, но отъ которой больше всего страдали другіе, и болѣзнь неизлѣчимая, если не сдѣлаетъ усилій самъ больной. Однакоже, при мужѣ она умѣла сдерживать себя: пила, когда оставалась одна. Значитъ, владѣть еще могла собою. Подумайте, что долженъ былъ испытывать мужъ ея? Это, вѣдь, не работница, не кухарка,—ее не сгонишь со двора... Они связаны были вѣчными узами! Припомните также его самого по отзывамъ всѣхъ свидѣтелей. Онъ—третье трехлѣтіе староста, всѣми уважаемый человѣкъ, безупречный торговецъ, у него, вѣдь, своя честь, свой стыдъ. И вотъ, на глазахъ всѣхъ, жена предается грубѣйшему пороку. Что долженъ былъ испытывать онъ? Какія печали мучили и угнетали его грудь, когда онъ возвращался домой и находилъ такую, по словамъ работницы Рыжовой, обстановку: «дѣти не умыты, не причесаны, не накормлены, а сама она пьяная, растрепанная, нечесанная»... Такъ протекали годы, пока не наступилъ послѣдній, роковой день жизни покойной.

21-го іюня мужъ рано утромъ уѣхалъ въ село строить лавку. Покойная остается одна, немедленно напивается и засыпаетъ. Проспавшись, она обливаетъ голову водой и идетъ пить чай. Работница думаетъ: «ну, хотя къ пріѣзду мужа будетъ трезвой». Но послѣ чая она берется за водку и напивается такъ же жестоко во второй разъ, проходитъ въ омшанникъ, существующій для нечистотъ, сваливается тамъ, среди нихъ, и засыпаетъ. Возвращается мужъ. Первый вопросъ его: «Гдѣ Паша?» Рыжова что-то невнятно отвѣчаетъ и видитъ, какъ мракъ опускается на его лицо. Онъ спѣшитъ къ омшаннику и будитъ спящую. Та появляется на дворѣ,—мужъ это видитъ,—пьяная, растрепанная, съ безсмысленнымъ лицомъ, покрытая грязью нечистотъ, и съ трудомъ, шатаясь, добирается до сѣней, гдѣ сваливается на полъ и засыпаетъ.

Онъ говоритъ намъ, что что-то такое невыразимо-тягостное защемило грудь и помутило сознаніе. Онъ помнитъ, что что-то дѣлалъ, куда-то ходилъ, потомъ вернулся въ сѣни, гдѣ положилъ раньше топоръ, придя съ постройки лавки. А затѣмъ, все померкло передъ его глазами. Топоръ оказался въ рукѣ, и катастрофа совершилась. Онъ опомнился, по его словамъ, когда «зашумѣла кровь»... Теперь уже говорятъ другіе: они слышатъ крики, видятъ его въ воротахъ со словами: «Вяжите меня,—я зарубилъ жену». Онъ обливается слезами; къ нему подходитъ жена брата; онъ опирается о ея плечо рукою, и она ведетъ его къ своему дому. Тамъ видитъ его прибѣжавшій Тальниковъ, по словамъ котораго «онъ сидѣлъ у дома брата и, обнявъ дѣтей, горько плакалъ; глаза у него были не свои, весь трясся». Вотъ каковы событія! Вотъ двѣ жертвы одного и того же проклятаго порока!

Да, мм. гг., въ народной жизни нѣтъ болѣе рокового, печальнаго порока, чѣмъ пьянство. Нѣтъ бѣды, нѣтъ горя, нѣтъ несчастья, нѣтъ преступленія, которое не порождало бы оно. И если діаволъ—прародитель грѣха, то вино—главное изъ воплощеній его. Нѣтъ ученаго, богослова, мыслителя, которые не проклинали бы пьянство. Ни бѣдствія войнъ, ни эпидемій не могутъ сравниться съ этимъ порокомъ,—говорятъ они.—Онъ уничтожаетъ человѣка, божескій образъ въ немъ, доводитъ его до животнаго. Нѣтъ—хуже! У животнаго остается инстинктъ, у опьянѣвшаго человѣка нѣтъ даже и его!..

Теперь разсудите, что же долженъ былъ испытывать Киселевъ, человѣкъ вовсе не пьющій. Отъ нашихъ пороковъ болѣе всего страдаютъ близкіе, окружающіе насъ люди. Съ другой стороны, порокъ ни въ комъ такъ не противенъ, какъ близкомъ намъ человѣкѣ. Чѣмъ чище самъ человѣкъ, тѣмъ тяжелѣе ему мириться съ безстыдствомъ другого. Долгіе годы мучительной борьбы съ собою переносилъ обвиняемый, пока гнѣвъ не затмилъ его разума и не взялъ верхъ надъ его волею. Скажутъ мнѣ: вѣдь, это-то и есть худое—гнѣвъ, охватывающій человѣка. Но всякій ли гнѣвъ и безусловно ли долженъ осуждаться людьми? Нѣтъ, мм. гг., бываютъ положенія въ жизни, когда даже высшее проявленіе гнѣва ненаказуемо. Въ дружественной намъ странѣ—Франціи,—гдѣ вы-

соко цѣнится и ограждена человѣческая личность, ненаказуемъ гнѣвъ мужа, убившаго жену на мѣстѣ ея измѣны. А вѣдь, по словамъ Писанія, пьянство не отличается отъ измѣны. Тамъ сказано: «дѣла плоти: прелюбодѣяніе... пьянство»...

Попытаемся же, съ другой стороны, уяснить себѣ вопросъ: что такое наказаніе? Какія цѣли преслѣдуетъ оно? Первое—удовлетворить общественному негодованію противъ преступника. Но развѣ здѣсь можно говорить о немъ? Припомните слова Ивана Киселева: «когда народъ узналъ о событіи, онъ хлынулъ не въ домъ, гдѣ лежала покойная, а къ дому, гдѣ былъ обвиняемый, и, окруживъ его, всѣ плакали навзрыдъ». Второе—подвергнуть преступника мукамъ. Но развѣ онъ мало ихъ вынесъ за годы своей жизни съ покойной, да и теперь, когда событія разбили его семейную, личную, общественную жизнь? И третье—осуждаютъ, чтобы оградить общество отъ злого человѣка. Таковъ ли онъ? Вглядитесь со вниманіемъ—похожъ ли онъ на злодѣя? Событія еще не дѣлаютъ человѣка таковымъ. Есть незабвенныя слова, сказанныя знаменитымъ ученымъ Фейербахомъ: «На убійство въ состояніи душевнаго возбужденія способны и благороднѣйшіе характеры». А о Киселевѣ всѣ говорятъ: «честный, трезвый, преданный заботамъ и трудамъ человѣкъ». Если такой человѣкъ срывается въ пропасть, не хочется вѣрить, что это—неразрѣшимая вина его...

Но вернемтесь еще разъ на одну минуту къ основному утвержденію обвинителя. Онъ настаиваетъ на умыслѣ на убійство у обвиняемаго. Сопоставьте это утвержденіе съ фактами дѣла. Къ роковому для него дню онъ выстраиваетъ большой и цѣнный домъ, отдается всегдашнимъ заботамъ жизни, строитъ лавку и, весь погруженный въ дѣловыя заботы, возвращается домой. Гдѣ же тутъ мѣсто умыслу? Умыселъ, если бы онъ въ дѣйствительности существовалъ, нашелъ бы иныя формы покончить съ женою. Да и зачѣмъ было искать ихъ? Стоило только не поберечь ее, чтобы случай явился и сдѣлалъ то, что сдѣлала его рука. Нѣтъ, здѣсь была нечаянность, роковой моментъ, затменіе человѣческой мысли. Я знаю, вамъ будутъ говорить: да, вѣдь, не могъ же онъ не знать, ударяя топоромъ, что онъ лишаетъ жизни.

Это—не признакъ умысла. Сумасшедшій, стрѣляя въ другого, тоже знаетъ что лишаетъ жизни; животное, ударяя рогами, знаетъ и хочетъ отнять жизнь. Но ихъ не судятъ: у нихъ нѣтъ разсудка. То же бываетъ и съ человѣкомъ. У однихъ въ злыя минуты—гнѣва, злости, ожесточенія, у другихъ—въ пору горя, скуки, стыда, отчаянія. Послѣднее и есть признакъ помраченія ума, безсилія воли, способной удержать порывъ, сдержать негодованіе. По-моему всѣ эти черты здѣсь налицо передъ вами, и вамъ надо рѣшить, что здѣсь—злодѣяніе или несчастье—и рѣшить, только руководясь однимъ своимъ убѣжденіемъ, ибо только вы несете отвѣтъ за свои слова. Законъ надѣляетъ васъ величайшей властью—опредѣлять виновность и невиновность. И нѣтъ границы ей, кромѣ вашей совѣсти. Отпустивъ его, вы скажете лишь: «да разсудитъ ихъ Богъ». Теперь я отдаю вамъ его судьбу. Да укрѣпитъ Господь вашъ разумъ, да смягчитъ ваши сердца!..

Присяжными засѣдателями Киселеву былъ вынесенъ оправдательный приговоръ.

Дѣло крестьянъ села Люторичъ.

Засѣданіе Московской Судебной Палаты съ сословными представителями, 17 декабря 1880 г., въ г. Тулѣ.

По обвиненію въ сопротивленіи должностнымъ лицамъ преданы суду **34 крестьянина села Люторичъ, Епифанскаго уѣзда Тульской губерніи.**

Предсѣдательствуетъ старшій предсѣдатель суд. палаты *А. Н. Шаховъ*, обвиняетъ товарищъ прокурора *Шадурскій*, защищаетъ всѣхъ подсудимыхъ прис. повѣр. *Ѳ. Н. Плевако*.

Былъ прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

3-го мая 1879 года судебный приставъ Тульскаго окружнаго суда Прусаковъ извѣстилъ по телеграфу прокурора этого суда, что ему, Прусакову, въ присутствіи мѣстнаго исправника и другихъ членовъ полиціи, крестьяне села Люторичъ оказали сопротивленіе, при чемъ едва не убили волостного старшину.

На предварительномъ слѣдствіи, которое было немедленно начато по этому поводу, *судебный приставъ Прусаковъ* показалъ слѣдующее: предсѣдатель Тульскаго окружнаго суда, предписаніемъ отъ 21-го апрѣля 1879 года, возложилъ на него, Прусакова, исполненіе по взысканію по тремъ исполнительнымъ листамъ означеннаго суда въ пользу графа Алексѣя Васильевича Бобринскаго и повѣреннаго его, нарвскаго гражданина Фишера съ крестьянъ села Люторичъ 8,219 руб. 91 коп. Прибывъ 22 апрѣля вмѣстѣ съ Епифанскимъ уѣзднымъ исправникомъ Рудаковымъ въ село Люторичъ, Прусаковъ объявилъ крестьянамъ о присужденномъ съ нихъ взысканіи, на что крестьяне ему отвѣтили, что взыскиваемыя съ нихъ деньги ими уже уплачены и что они до описи своего имущества не допустятъ. Послѣ этого Фишеръ заявилъ ему, Прусакову, что онъ пріостанавливаетъ взысканіе денегъ съ крестьянъ впредь до особаго по сему предмету съ его стороны заявленія, вслѣдствіе чего исполненіе по означеннымъ выше листамъ и было остановлено. По сдѣланному вновь заявленію Фишера исполненіе по этимъ листамъ было назначено на 3 мая,

какого числа Прусаковъ вмѣстѣ съ исправникомъ Рудаковымъ, становымъ приставомъ Трубниковымъ и пятью урядниками Казаковымъ, Бубновымъ, Грибановымъ, Делекторскимъ и Дмитревскимъ прибылъ въ Люторичи и здѣсь, при участіи 15 сотскихъ и 30 десятскихъ, распорядился, черезъ мѣстнаго волостного старшину Ширяева и мѣстнаго сельскаго старшину Шумарова, чтобы всѣ люторическіе домохозяева собрались для объявленія имъ рѣшеній Тульскаго окружнаго суда, изложенныхъ въ упомянутыхъ выше исполнительныхъ листахъ, и для истребованія отъ нихъ платежа денегъ по тѣмъ листамъ. Но изъ всѣхъ домохозяевъ села Люторичъ явилось по вызову не болѣе 20 человѣкъ; большая же часть домохозяевъ, какъ объяснили Ширяевъ и Шумаровъ, отправились по вызову графа Бобринскаго въ село Бобрики, а нѣкоторые отказались явиться къ приставу, сказавъ, что они будутъ его ожидать каждый въ своемъ домѣ. Вмѣсто домохозяевъ къ волостному правленію собралась толпа женщинъ до 400 человѣкъ, а затѣмъ, изъ числа крестьянъ, отправившихся съ село Бобрики, прибылъ Григорій Ивановъ Поздняковъ и объявилъ приставу при исправникѣ и прочихъ должностныхъ лицахъ, что люторическіе крестьяне, находящіеся въ Бобрикахъ, приказали не допускать пристава до описи ихъ имущества. Тѣмъ не менѣе приставъ, въ сопровожденіи всѣхъ, упомянутыхъ выше должностныхъ лицъ, пошелъ для составленія описи къ тѣмъ домамъ, владѣльцы которыхъ находились на лицо. Собравшіеся же къ волостному правленію крестьяне, какъ мущины, такъ и женщины, послѣдовали за ними, раздѣлившись партіями по обѣимъ сторонамъ дороги, при чемъ, имѣя въ рукахъ камни, палки, вилы и другія домашнія орудія, крестьяне дѣлали всѣмъ должностнымъ лицамъ угрозы, говоря, что побьютъ ихъ кольями, и произносили относительно ихъ дерзкія и оскорбительныя слова. Такъ какъ приставъ и должностныя лица, не смотря на эти угрозы продолжали идти къ домамъ крестьянъ для описи имущества, то, не доходя немного до этихъ домовъ, крестьяне схватили волостного старшину,—одни за руки, другіе за цѣпь его знака и начали тянуть старшину назадъ, при чемъ били его такъ сильно, что жизнь его подвергалась опасности; бывшую на немъ одежду изорвали, цѣпь, на которой висѣлъ его знакъ, разогнули, и чины полиціи, съ величайшимъ трудомъ, едва въ состояніи были освободить его изъ рукъ крестьянъ. При этомъ, когда урядники Дмитревскій и Грибановъ отбивали старшину отъ крестьянъ, послѣдніе ухватились за шашки урядниковъ и выпустили ихъ лишь послѣ того, какъ исправникъ сказалъ, что описи производиться не будетъ. Указать тѣхъ лицъ, которыя 3 мая наиболѣе

оказывали сопротивленіе приставу и чинамъ полиціи онъ, приставъ, не можетъ, потому что не знаетъ крестьянъ села Люторичъ, но въ пріѣздъ его въ Люторичъ 22 апрѣля крестьяне: Герасимъ Матвѣевъ, Иванъ Егоровъ, Карпѣй Ефимовъ и безсрочно-отпускной рядовой Федоръ Чекрыжевъ обратили на себя его вниманіе тѣмъ, что и сами не хотѣли допустить его до описи ихъ имущества и побуждали въ тому прочихъ крестьянъ своего общества. Кромѣ того онъ замѣтилъ крестьянина Афанасія Петрова, который, говоря съ прочими крестьянами объ описи, высказывалъ намѣреніе не допустить до нея. Какъ на главныхъ виновниковъ безпорядковъ приставъ указалъ на Николая Матвѣева, Корнѣя Ефимова, Александра Данилова, Пимена Тимофеева и Павла Матвѣева. Какъ на болѣе буйствовавшихъ при описи приставъ указалъ на крестьянина Ивана Егорова Позднякова и вообще какъ на виновниковъ безпорядковъ—на Василія Иванова Рыжкина, Родіона Евдокимова Буланкина, Ѳому Денисова Потапова и Василія Жукова.

То же самое въ сущности показали объ описанномъ происшествіи Епифанскій уѣздный *исправникъ Николай Ивановичъ Рудаковъ, становой приставъ Николай Александровичъ Трубниковъ* и люторическій *волостной старшина Егоръ Сергѣевичъ Ширяевъ*. Изъ показанія послѣдняго видно, что изъ напавшихъ на него крестьянъ онъ замѣтилъ Ивана Никитина Шапталина, Никиту Евсѣева Климова и Данііла Афанасьева Питерскаго, и что Ѳедотъ Климовъ Сусловъ на сходкѣ 3 мая таскалъ его, Ширяева, за поддевку, не допуская его сопутствовать судебному приставу. По показанію *исправника* главными руководителями оказаннаго приставу сопротивленія были крестьяне Герасимъ Матвѣевъ и Моисей Семеновъ, а изъ женщинъ—Екатерина Пименова. По показанію же *Трубникова*, дѣйствіями сопротивлявшейся должностнымъ лицамъ толпы руководили и главными виновниками безпорядковъ были крестьяне Николай Матвѣевъ, Корнѣй Ефимовъ, Павелъ Матвѣевъ, Александръ Даниловъ и Пименъ Тимофеевъ.

Сотскій села Люторичъ, *Абрамъ Даниловъ Мурыгинъ*, подтвердивъ въ общихъ чертахъ показанія предыдущихъ свидѣтелей о сопротивленіи, оказанномъ 3 мая судебному приставу и полиціи со стороны люторическихъ крестьянъ объяснилъ, что на сходкахъ, собиравшихся по поводу взысканія съ этихъ крестьянъ денегъ въ пользу графа Бобринскаго и Фишера, болѣе всѣхъ кричали Герасимъ Матвѣевъ, Афанасій Петровъ, Иванъ Егоровъ и Моисей Семеновъ, которые и убѣдили общество не допускать пристава до описи. 3 мая десятскій Петръ Никитинъ

говорилъ бабамъ, чтобъ онѣ метлами гнали полицію, а Корнѣй Ефимовъ научалъ бабъ сорвать жгуты съ исправника. Въ толпѣ бабъ, навалившихся 3 мая на волостного старшину, Мурыгинъ замѣтилъ Ѳедота Климова, но хваталъ ли при этомъ послѣдній старшину за полу поддевки, Мурыгинъ не замѣтилъ.

Полицейскіе *урядники Егоръ Васильевъ Делекторскій, Петръ Александровъ Грибановъ и Николай Васильевъ Дмитревскій*, а равно *курьеръ* Тульскаго окружнаго суда *Александръ Степановъ Степановъ*, подтверждая сущность показаній предыдущихъ свидѣтелей, объяснили: *первые двое,* что изъ навалившихся на волостного старшину крестьянъ они замѣтили Корнѣя Ефимова, Николая Матвѣева, Пимена Тимофеева, Александра Данилова, Павла Матвѣева и Ѳедота Климова Суслова, а что изъ женщинъ кричала больше всѣхъ, произнося разныя неприличныя слова, Екатерина Пименова, повидимому, руководившая другими; третій, *Дмитревскій,*—что онъ въ толпѣ бившихъ старшину хорошо замѣтилъ только Ѳедота Климова Суслова, что Екатерина Пименова кричала больше всѣхъ и обращалась къ должностнымъ лицамъ съ ругательствами и что 5 мая при немъ, Дмитревскомъ, крестьянинъ Иванъ Егоровъ схватилъ за поясъ старшину и повалилъ его на землю, и четвертый, *Степановъ,*—что изъ числа навалившихся 3 мая на старшину крестьянъ онъ самъ стащилъ со старшины Матвѣя Авилова, котораго поэтому хорошо замѣтилъ въ лицо. Къ вышеизложенному Дмитревскій прибавилъ, что, какъ онъ слышалъ отъ разныхъ неизвѣстныхъ ему по имени люторическихъ крестьянъ, Петръ Никитинъ Костомаровъ научалъ ихъ не подчиняться начальству. Кромѣ того, изъ показаній урядника *Делекторскаго* видно, что онъ самъ оттащилъ Ѳедота Климова Суслова отъ старшины, что Сусловъ отнималъ шашку у одного изъ урядниковъ, что десятскій Петръ Никитинъ не оказывалъ никакого содѣйствія старшинѣ, когда крестьяне стали бить его, и что, какъ онъ, Делекторскій, убѣдился изъ разговоровъ съ крестьянами, главными виновниками сопротивленія были Герасимъ Матвѣевъ и Петръ Никитинъ.

Урядники Дмитрій Ивановъ Бубновъ и *Макаръ Павловъ Казаковъ* подтвердили, что изъ женщинъ болѣе всѣхъ кричала Екатерина Пименова.

Люторическій сельскій *староста Иванъ Тимофеевъ Шушеровъ*, подтверждая въ общихъ чертахъ показанія предыдущихъ свидѣтелей, объяснилъ, что когда 22 апрѣля судебный приставъ прибылъ въ Люторичи для взысканія по исполнительному листу, то крестьянинъ Герасимъ

Матвѣевъ заявилъ на сходкѣ, что общество крестьянъ ничего Фишеру должнымъ не состоитъ, а потому не допустятъ до описи имущества; эти слова подхватила вся сходка и судебный приставъ уѣхалъ. 3 мая въ кучкѣ крестьянъ близъ села Шушеровъ видѣлъ Ѳедота Суслова и Петра Костомарова, они оба кричали: „бейте его до смерти!“, но сами старшину не били, а изъ бившихъ старшину Шушеровъ замѣтилъ Терентія Трофимова Савельева. 5 мая, когда судебный приставъ хотѣлъ было еще разъ приступить къ описи и взялъ съ собою кандидата въ старшины Афанасія Петрова, то Иванъ Егоровъ Поздняковъ схватилъ Афанасія Петрова за поясъ, повалилъ его на землю и не велѣлъ ему ходить на опись. Виновниками всѣхъ этихъ безпорядковъ Шушеровъ считаетъ Герасима Матвѣева и Моисея Семенова.

Крестьянинъ Афанасій Петровъ Михалкинъ подтвердилъ показанія Шушерова о томъ, что Иванъ Егоровъ Поздняковъ повалилъ его 5 мая на землю и не допустилъ его сопутствовать судебному приставу.

Командированный 5 мая въ Люторичи для содѣйствія судебному приставу съ воинскою командою *маіоръ* гренадерскаго таврическаго полка *Константинъ Степановичъ Кривобоцкій* показалъ, что, когда онъ сталъ уговаривать собравшихся толпою крестьянъ разойтись и не сопротивляться распоряженіямъ пристава, то одинъ изъ крестьянъ, лица котораго онъ хорошо не запомнилъ, но признаетъ похожимъ на задержаннаго въ то число Родіона Буланина, сказалъ: „Что вы намъ басни разсказываете? Мы знаемъ что дѣлаемъ. Будете стрѣлять, такъ всѣхъ стрѣляйте!“. Затѣмъ, обратившись къ толпѣ, онъ уговаривалъ всѣхъ подтвердить его слова, увѣряя, что солдаты съ ними ничего не сдѣлаютъ, если они будутъ стоять другъ за друга. Эти слова повторяли за нимъ крестьяне Василій Рыжкинъ и Василій Жуковъ.

На основаніи изложенныхъ выше показаній были привлечены къ отвѣтственности, по обвиненію въ сопротивленіи должностнымъ лицамъ, крестьяне села Люторичъ: Григорій Ивановъ Поздняковъ, Герасимъ Матвѣевъ Жуковъ, Иванъ Егоровъ Поздняковъ, Корнѣй Ефимовъ Бабкинъ, Афанасій Петровъ Михалкинъ, Александръ Даниловъ Жуковъ, Пименъ Тимофеевъ Гордѣевъ, Павелъ Матвѣевъ Жуковъ, Василій Ивановъ Рыжкинъ, Родіонъ Евдокимовъ Буланкинъ, Ѳома Денисовъ Потаповъ, Иванъ Никитинъ Шапталинъ, Даніилъ Афанасьевъ Питерскій, Ѳедотъ Климовъ Сусловъ, Моисей Семеновъ Буланкинъ, Петръ Никитинъ Костомаровъ, Матвѣй Авиловъ Колесниковъ и Терентій Трофимовъ Савельевъ, отставные рядовые: Николай Матвѣевъ Жуковъ, Федоръ Михайловъ Чекры-

Защитникомъ былъ предъявленъ отводъ относительно Фишера, такъ какъ онъ съ крестьянами села Люторичъ еще не разсчитался.

Затѣмъ спрошенъ былъ *свидѣтель Прусаковъ*, судебный приставъ Тульскаго окружнаго суда. Его показаніе слѣдующее: въ апрѣлѣ 1879 г., по распоряженію предсѣдателя Тульскаго окружнаго суда, онъ, свидѣтель, былъ командированъ для исполненія рѣшенія суда въ село Люторичи. Было присуждено Тульскимъ окружнымъ судомъ съ крестьянъ села Люторичъ въ пользу Фишера и Бобринскаго болѣе 8000 рублей. Онъ явился въ село и собралъ сельскій сходъ, такъ какъ взысканіе было присуждено съ цѣлаго общества. Большая часть общества на сходъ собралась. Свидѣтель сказалъ, зачѣмъ пріѣхалъ, и предложилъ принять повѣстку объ исполненіи. Крестьяне отказались отъ принятія повѣстки и платежа, говоря, что ничего платить не будутъ и не допустятъ до исполненія. Исполненіе было пріостановлено, потому что Фишеръ отложилъ взысканіе впредь до заявленія. Затѣмъ, вновь было заявленіе Фишера, вслѣдствіе котораго свидѣтель назначилъ исполненіе 3 мая. Онъ явился въ Люторичи съ исправникомъ, становымъ приставомъ и урядниками. Ихъ дожидалось 15 сотскихъ и 15 десятскихъ. Когда они ѣхали, то изъ всѣхъ домовъ, народъ, какъ говорится, „старъ и младъ“, побѣжалъ въ волость. Тамъ было много собравшихся крестьянъ, мужчинъ и женщинъ. Онъ обязанъ былъ созвать все общество и просить исправника, чтобъ тотъ приказалъ старшинѣ или старостѣ собрать общество. Часть крестьянъ въ это время была у графа Бобринскаго, такъ какъ графъ просилъ вызвать къ себѣ шесть человѣкъ уполномоченныхъ, но крестьяне отправились къ графу въ количествѣ болѣе 100 человѣкъ. Въ виду того, что невозможно было ожидать на сходкѣ остальныхъ крестьянъ, свидѣтель объявилъ тѣмъ, которые были на сходкѣ, чтобы они приняли повѣстку. Они отказались. Затѣмъ онъ просилъ исправника оказать содѣйствіе въ томъ, чтобы толпа разошлась по домамъ, такъ какъ ему могли помѣшать производить опись. Когда исправникъ объявилъ имъ объ этомъ, то они разступились. Они пошли на опись. Сначала шли: свидѣтель, исправникъ, становой, волостной старшина, затѣмъ сотскіе и урядники. Тогда крестьяне стали кричать: „Не ходите—мы васъ возьмемъ въ колья!“ У нѣкоторыхъ было оружіе—вилы, лопаты. Нѣкоторые бѣжали еще на помощь къ нимъ. Несмотря на всѣ угрозы, свидѣтель продолжалъ подвигаться впередъ. Вдругъ изъ средины толпы вырвалось нѣсколько людей, которые схватили волостного старшину, начали бить, изорвали ему поддевку. Когда подбѣжали къ нему исправникъ и урядники, то едва могли спасти его.

Урядники бросились отбивать старшину, но крестьяне отняли у нихъ шашки; затѣмъ, когда исправникъ сказалъ: „оставьте, подождите, описи не будетъ“,—все прекратилось. Они возвратились въ волость и составили протоколъ, чтобы вызвать военную команду. Предсѣдатель суда предписалъ, чтобы свидѣтель явился на станцію, гдѣ онъ лично передалъ протоколъ прокурору Тульскаго окружнаго суда. Потомъ явились въ село Лютoричи вице-губернаторъ, прокуроръ, слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ и другія лица. Тамъ былъ и свидѣтель. Крестьянъ уговаривали добровольно допустить до описи, но они не согласились. Вице-губернаторъ ждалъ до 8 часовъ, чтобы крестьяне выбрали уполномоченнаго и заявили, согласны ли они добровольно допустить до описи или нѣтъ. Крестьяне прислали уполномоченнаго сказать, что не могутъ добровольно допустить до описи. Тогда, 5 числа, былъ вызванъ батальонъ гренадерскаго таврическаго полка, который стоялъ уже въ 10 верстахъ отъ села Лютoричи. Князь Оболенскій, предводитель дворянства, отправился за батальономъ; свидѣтель, исправникъ, городовой врачъ и еще нѣкоторые остались ожидать прибытія войскъ. Когда батальонъ пришелъ, то Иванъ Егоровъ Поздняковъ кричалъ: „ребята, не выдавайте!“. Батальонъ выстроился противъ волости. Вице-губернаторъ просилъ арестовать тѣхъ, которые болѣе выдавались; затѣмъ, было приказано женщинъ отъ волости удалить. Когда женщины стали удаляться, то удалились и мужчины. Крестьяне выбрали мѣсто около вала, гдѣ собралось все село. Вице-губернаторъ спросилъ, сколько свидѣтелю надо войска для исполненія рѣшенія. Свидѣтель предоставилъ это усмотрѣнію вице-губернатора. Свидѣтель отправился съ ротою солдатъ, опять объявилъ крестьянамъ рѣшеніе и предложилъ принять повѣстку. Они отказались. Тогда свидѣтель просилъ крестьянъ находиться при описи, говоря, что, если отвѣтчикъ не будетъ при описи, то лишается права жаловаться на дѣйствія судебнаго пристава. Затѣмъ онъ отправился описывать имущество. Крестьяне окружили его и оттѣснили исправляющаго должность старшины Аѳанасія Петрова Михалкина. Свидѣтель съ ротою отправились взять старшину, но когда стали подходить къ крестьянамъ, то они разбѣжались на кладбище. Затѣмъ крестьяне стали бить въ набатъ. Пріѣхалъ майоръ. Одною ротою онъ окружилъ кладбище, съ другою вошелъ внутрь и взялъ человѣкъ 200 крестьянъ подъ конвой изъ выдававшихся своимъ поведеніемъ. Слѣдователь сталъ допрашивать крестьянъ и болѣе виновныхъ бралъ подъ стражу. Скотъ крестьянъ при описи оказался разогнаннымъ по разнымъ селеніямъ. Изъ крестьянъ Герасимъ Матвѣевъ Жу-

ковъ скрылся, а Моисея Семенова Буланкина не было совсѣмъ. Исполнительные листы, по которымъ производилось взысканіе, были выданы на имя повѣреннаго Фишера, Артамонова, а другой—на имя повѣреннаго графа Алексѣя Васильевича Бобринскаго, Фишера. Когда свидѣтель собралъ сходъ домохозяевъ, то явился сынъ Ивана Егорова Позднякова, Григорій Ивановъ, и сталъ объявлять крестьянамъ, чтобы они отнюдь не допускали до описи, такъ какъ этого требовали тѣ крестьяне, которые въ это время были въ Бобрикахъ у графа Бобринскаго. Герасимъ Матвѣевъ Жуковъ, казалось, не принималъ участія, но онъ говорилъ вмѣстѣ со всѣми, что не допуститъ до описи. Общество не выдавало его административной власти. Онъ шагъ сдѣлаетъ, и они за нимъ. Иванъ Егоровъ Поздняковъ отличался изъ всѣхъ своимъ поведеніемъ. Когда входилъ батальонъ, онъ первый кричалъ: „ребята, не выдавайте“. Когда князь Оболенскій обратился къ свидѣтелю съ вопросомъ, въ какіе дома нужно идти, свидѣтель сказалъ, что, такъ какъ взысканіе со всего общества, то нужно идти во всѣ дома. „Что же вамъ еще нужно?“—свидѣтель отвѣтилъ: „нужно понятыхъ“. Но Афанасій Петровъ Михалкинъ, исправляющій должность старшины, сказалъ, что онъ не пойдетъ, потому что не хочетъ рисковать жизнью. „Хоть повѣсьте,—сказалъ онъ, а не пойду“. Но князь Оболенскій, непремѣнный членъ и другіе заставили его пойти. Тогда Иванъ Егоровъ Поздняковъ схватилъ его за кушакъ и повалилъ на землю, но больше ничего не могъ сдѣлать, потому что ему помѣшали. Корнѣй Ефимовъ Бабкинъ—тоже велъ себя вызывающе. Онъ тоже говорилъ, что не допуститъ до описи, что это неправильно, что онъ заплатилъ. Онъ старался больше всѣхъ говорить. Федоръ Михайловъ Чекрыжевъ очень много кричалъ, что онъ не допуститъ до описи. Афанасій Петровъ Михалкинъ долженъ былъ присутствовать 5 мая при описи вмѣсто старшины, но когда нужно было осмотрѣть что-нибудь или сдѣлать, онъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобъ уклониться отъ исполненія своихъ обязанностей. Когда исправникъ говорилъ, что нужно чѣмъ-нибудь покончить, чтобъ Афанасій уговорилъ общество, тотъ далъ обѣщаніе, что все устроитъ; когда же пошелъ на сходку, то тамъ больше всѣхъ говорилъ, что не надо допускать описи. Родіонъ Евдокимовъ Буланкинъ тоже изъ числа лицъ выдававшихся. 22 апрѣля крестьяне утверждали, что дѣло рѣшено безъ ихъ вѣдома. Это свидѣтеля заинтересовало. Когда онъ пріѣхалъ въ Тулу, то справился объ этомъ. Повѣстку возилъ Савельевъ, а росписался въ пріемѣ Герасимъ Матвѣевъ Жуковъ. Исполнительный листъ выданъ по заочному рѣшенію. Не помню,—получилъ ли кто копію съ заочнаго рѣшенія, приво-

зилъ ли ее приставъ и росписался ли кто-нибудь въ полученіи этой копіи. Крестьяне говорили, что имъ не было извѣстно, былъ ли предъявленъ къ нимъ искъ. Одни изъ крестьянъ говорили: „ступайте, описывайте", другіе—„не допустимъ", а третьи—„если пойдете, то возьмемъ въ колья". Крестьяне говорили, что они навозъ возили, еще что-то дѣлали и что поэтому имъ платить незачѣмъ. Письменнаго приглашенія на опись онъ урядникамъ не дѣлалъ. Сельскаго старосту онъ считалъ не столько представителемъ общества, сколько содѣйствующимъ исполненію, но письменно его не приглашалъ. З мая содѣйствіе старшины было нужно, потому что нужно было знать, кому принадлежатъ дома. Угрозы крестьянъ: „возьмемъ въ колья"—относились ко всѣмъ: къ исправнику, становому и другимъ лицамъ. Одна женщина угрожала свидѣтелю, что она убьетъ его своимъ ребенкомъ. Я ей сказалъ: „какую ты пользу сдѣлаешь себѣ?..." Взысканіе было обращено на движимость. 50 десятинъ земли описывались впослѣдствіи. Теперь же у крестьянъ оказалась только часть скота и имущества, а другая часть была ими растрачена, потому что не оказалась налицо. На торгахъ купилъ скотъ Фишеръ. Торговалось только четыре человѣка. Женщина Екатерина Пименова кричала, бранилась. Брань относилась къ должностнымъ лицамъ. Она бранила старшину. Когда приказано было уряднику отвести ее въ волость, она бранила урядника. 3 мая, когда происходилъ безпорядокъ на кладбищѣ, я слышалъ, что крестьянъ возбуждаетъ и уговариваетъ Герасимъ Матвѣевъ Жуковъ. Это говорилъ, кажется, сельскій староста. Моисей Буланкинъ скрылся: какъ говорятъ, ушелъ въ Петербургъ.

Послѣ показанія Прусакова, по ходатайству защитника, были прочитаны два протокола слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ и условіе.

Изъ перваго протокола видно, что 28-го января 1880 г. онъ производилъ осмотръ книги Люторическаго волостнаго правленія, Епифанскаго уѣзда, для записи приговоровъ сельскихъ сходовъ. 16 іюня 1877 года оказался записанъ приговоръ Люторическаго сельскаго общества, которымъ оно уполномочило крестьянъ Герасима Матвѣева и другихъ выдать г. Фишеру заемныя обязательства на 5,198 руб. 30 коп. на разные сроки, раздѣливъ эту сумму на разныя части, по усмотрѣнію Фишера. Этимъ же приговоромъ крестьяне уполномочены писать разнаго рода бумаги о неустойкахъ на случай неплатежа денегъ въ срокъ. Приговоръ подписали тотъ же Герасимъ Матвѣевъ, Петровъ и другіе. Приговоръ этотъ явленъ въ волостномъ правленіи 17 іюня 1877 года и засвидѣтельствованъ старшиною Ефимомъ Сергѣевымъ Ширяевымъ. Въ той же книгѣ запи-

санъ приговоръ того же Люторическаго сельскаго общества, изъ котораго видно, что 22 апрѣля 1878 общество крестьянъ села Люторичи обсудило вопросъ: „какимъ образомъ произвести уплату общественнаго долга г. Фишеру 5,500 р.?“ Общество пришло къ единогласному соглашенію—сумму эту заработать Фишеру въ Люторическомъ и Михайловскомъ поляхъ въ теченіе шести лѣтъ и, по желанію Фишера, совершить объ этомъ нотаріальный контрактъ за круговою порукой, а на случай неисполненія контракта обязаться неустойкою по усмотрѣнію Фишера. Уполномоченными для сего выбраны Афанасій и Борисъ Петровы. Приговоръ подписанъ Борисомъ Петровымъ и другими. Въ книгѣ не означены явка и засвидѣтельствованіе этого приговора въ волостномъ правленіи. Здѣсь же записанъ приговоръ 14 іюля 1878 г., которымъ крестьяне села Люторичи выбрали Петровыхъ, Афанасія и Бориса уполномоченными для заключенія съ г. Фишеромъ контракта о томъ, что означенное общество обязуется ежегодно, въ теченіе шести лѣтъ, обработывать въ Люторическомъ и Михайловскомъ господскихъ поляхъ по $137^1/_2$ десятинъ для посѣвовъ ярового и озимого, начиная съ 1879 года. Въ контрактѣ должно быть сказано, что общество за всю эту работу деньги сполна уже получило и что если общество откажется отъ работъ или даже дурно будетъ производить ихъ, то оно обязано, за круговою порукою, заплатить за каждый годъ по 2 тысячи руб. неустойки. Приговоръ подписанъ Герасимомъ Матвѣевымъ, Иваномъ Егоровымъ, Борисомъ Петровымъ и друг. Въ книгѣ не означено, что этотъ приговоръ засвидѣтельствованъ въ волостномъ правленіи.

Изъ второго протокола слѣдователя видно, что на основаніи приговора Люторическаго сельскаго общества, засвидѣтельствованнаго 17 іюня 1877 года въ волостномъ правленіи, дѣйствительно выданы Фишеру 15 іюля 1877 года уполномоченными отъ общества села Люторичъ три заемныхъ письма: первое срокомъ по 1 октября 1877 года въ 1,000 р., второе—по 20-е декабря того же года въ 2,300 р. $76^1/_2$ коп. и третье по 31 декабря 1877 года въ 1867 р. $62^1/_2$ коп., всего на сумму 5,198 руб. 39 коп.

Затѣмъ, изъ условія общества крестьянъ-собственниковъ села Люторичъ съ управляющимъ, по довѣренности, имѣніемъ графа Алексѣя Васильевича Бобринскаго, нарвскимъ гражданиномъ Августомъ Карловичемъ Фишеръ, видно, что Люторическое общество въ полномъ его составѣ принимаетъ на себя обязанность, въ продолженіе 6-ти лѣтъ, начиная съ ярового 1879 года, обрабатывать въ Люторическомъ и Михайловскомъ

господскихъ графа Бобринскаго поляхъ ежегодно по 137½ десятинъ и всю работу, за круговой порукой, производить добросовѣстно. Качество работы опредѣляется управляющимъ. Если дурно сработанная работа не будетъ тотчасъ же по требованію переработана, или работы, которыя нельзя переработать, будутъ дурны, то общество платитъ за каждую десятину, или часть оной, какъ бы мала она ни была, пени, за круговою порукой, по 10 руб. Нотаріусъ удостовѣрилъ, что условіе это, вмѣсто неграмотнаго уполномоченнаго Аѳанасія Михалкина, подписано другимъ уполномоченнымъ. Условіе совершено на основаніи приговора сельскаго общества отъ 14 іюля 1878 г., явленнаго въ волостномъ правленіи 18 іюля, и довѣренности отъ графа Бобринскаго Фишеру отъ 25 октября 1874 г. Плата за 6 лѣтъ впередъ въ количествѣ 6,862 р. 50 к. означена полученною крестьянами 4-го же апрѣля 1879 года. Договоръ этотъ былъ уничтоженъ управляющимъ графа Бобринскаго, Фишеромъ, и повѣреннымъ крестьянъ, Петровымъ.

Защитникъ подсудимыхъ объяснилъ, что на основаніи прочитанныхъ 3-хъ приговоровъ Люторическаго сельскаго общества выданы заемныя письма въ той суммѣ, которая вошла потомъ въ исполнительный листъ, какъ личный долгъ Фишеру. Казалось бы, что говорится о долгѣ Фишеру, но уже изъ приговора 22 апрѣля 1878 года видно, что долгъ Фишеру рѣшено заработать въ поляхъ Люторическомъ и Михайловскомъ, принадлежащихъ графу Бобринскому. Поэтому очевидно, что долгъ въ 5,000 р.— не долгъ Фишеру, а долгъ Бобринскому. И дѣйствительно, крестьяне заключили договоръ за тотъ же долгъ, только увеличенный еще работой въ продолженіе 6 лѣтъ въ Люторическомъ и Михайловскомъ господскихъ графа Бобринскаго поляхъ ежегодно по 137½ десятинъ. Приговоръ 14 іюля 1878 года не засвидѣтельствованъ въ волостномъ правленіи, а нотаріусъ, заключающій договоръ, свидѣтельствовалъ, что ему былъ предъявленъ приговоръ, засвидѣтельствованный въ волостномъ правленіи.

Свидѣтель Рудаковъ, Епифанскій уѣздный исправникъ, показалъ слѣдующее. Онъ былъ въ селѣ Люторичахъ 22 апрѣля. Судебный приставъ Тульскаго окружнаго суда просилъ его оказать ему содѣйствіе при исполненіи рѣшенія. Крестьяне платить денегъ не хотѣли. Свидѣтель убѣждалъ ихъ, говоря, что рѣшеніе вошло въ законную силу, что крестьяне могутъ жаловаться на судебнаго пристава и что они не имѣютъ никакого права не дозволять приставу исполнять рѣшеніе. Крестьяне упорствовали, но на этотъ разъ г. Фишеръ остановилъ взысканіе. 3 мая свидѣтель дѣлалъ то же, что и 22 апрѣля. Крестьяне положительно сказали,

что не заплатятъ ничего. Онъ донесъ обо всемъ губернатору; губернаторъ приказалъ двинуть войско, которое прибыло 5 мая. Свидѣтель былъ и 5 мая. Когда явилось войско, народъ былъ собранъ около волостного правленія. Войско окружило народъ. Крестьяне отошли нѣсколько въ сторону. Затѣмъ они отправились къ церкви и стали бить въ набатъ, т. е. въ колоколъ. Тогда былъ командированъ одинъ ротный командиръ, который забралъ ихъ всѣхъ. Свидѣтель замѣтилъ преимущественно трехъ лицъ—Герасима Матвѣева Жукова, который много говорилъ, что не зачѣмъ платить, потомъ Моисея Семенова Буланкина и Ивана Егорова Позднякова. 3 мая, когда прибылъ судебный приставъ, пріѣхалъ на лошади изъ Бобрика Григорій Ивановъ Поздняковъ, Егора Иванова сынъ, и заявилъ, что міръ не велѣлъ допустить до описи. Онъ дѣлалъ это заявленіе при свидѣтелѣ. Герасиму Жукову, Буланкину и Ивану Позднякову свидѣтель нѣсколько разъ говорилъ, что они обязаны покориться закону. Это они могутъ сами подтвердить. Преимущественно Герасимъ Матвѣевъ Жуковъ кричалъ, а потомъ онъ же началъ прятаться за другихъ. Иванъ Егоровъ послѣ Герасима Матвѣева былъ всегда первымъ. Екатерина Пименова тоже принимала участіе, она кричала, шумѣла, ругалась и больше ничего. Ругательства были направлены на пристава за то, что онъ идетъ описывать бѣдный людъ. Какія были ругательства, свидѣтель не въ состояніи точно сказать. Она ругательски ругалась и съ урядникомъ ссорилась. Кто изъ крестьянъ навалился на старшину 3 мая, свидѣтель не можетъ сказать, потому что онъ съ приставомъ шелъ впереди. Онъ обернулся, видитъ, старшина лежитъ на землѣ, кричитъ, что его убили. Въ это время свидѣтель замѣтилъ, что два крестьянина (одного изъ нихъ онъ можетъ указать, но какъ назвать—не знаетъ) держали шашки урядниковъ. Свидѣтель подошелъ и сказалъ: «оставьте шашки, мы не пойдемъ описывать». Одинъ изъ нихъ былъ Даніилъ Афанасьевъ Питерскій. Какъ слышалъ свидѣтель, Фишеръ давно состоялъ управляющимъ имѣньемъ графа Бобринскаго. Самъ свидѣтель тамъ уже третій годъ. По слухамъ, въ селѣ Люторичахъ бывали описи и продажи и прежде. Повѣстку отъ пристава крестьяне отказались принять. Старшина принялъ ее и расписался при нихъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ вносили деньги, которыя должны были. Герасимъ Матвѣевъ, Моисей Семеновъ и Иванъ Егоровъ говорили, что съ нихъ присудили неправильно. Исполнительный листъ свидѣтель читалъ и замѣтилъ, что онъ выданъ по заочному рѣшенію. Судебный приставъ просилъ содѣйствія полиціи формально, письменнымъ отношеніемъ. Свидѣтель взялъ съ собою урядъ-

ника и десятскаго. Старшину и старосту онъ лично не вызывалъ для содѣйствія. Онъ ихъ засталъ уже въ волостномъ правленіи. Два старика держали за лезвіе обнаженныхъ шашекъ урядниковъ. Послѣ словъ свидѣтеля они сейчасъ же оставили шашки. Ручка шашки была въ рукахъ урядника.

Свидѣтель, становой приставъ Трубниковъ показалъ слѣдующее: 3 мая 1879 года, въ числѣ прочихъ лицъ, онъ отправился для содѣйствія судебному приставу при исполненіи рѣшенія окружного суда. Ихъ ожидали толпы народа у волостного правленія. На предложеніе судебнаго пристава допустить до описи они говорили, что не допустятъ. Судебный приставъ отправился все таки производить опись въ сопровожденіи полицейскихъ чиновъ. Едва они приблизились къ крестьянскимъ дворамъ, какъ толпа крестьянъ бросилась на старшину и начала его бить. Свидѣтель видѣлъ, когда его освободили, что онъ былъ весь изорванъ и съ него была сорвана цѣпь—должностной знакъ. У крестьянъ въ рукахъ были палки, камни... Исправникъ далъ знать губернатору. На утро прибылъ губернаторъ и увѣщевалъ крестьянъ. Они и тогда отказались добровольно допустить пристава до описи. Вслѣдствіе этого обратились къ содѣйствію солдатъ. 3-го мая свидѣтель замѣтилъ нѣкоторыхъ изъ крестьянъ, которыхъ можетъ узнать по лицу. Онъ замѣтилъ главныхъ руководителей: Матвѣя Семенова Булаикина, Афанасія Петрова Махалкина, Герасима Матвѣева Жукова, Ивана Егорова Поздиякова. Ихъ онъ замѣтилъ уже впослѣдствіи, когда былъ губернаторъ. Губернаторъ пріѣзжалъ, чтобъ убѣдить крестьянъ допустить до описи. Афанасій не исполнялъ своихъ обязанностей, потворствовалъ крестьянамъ. Затѣмъ былъ еще полицейскій десятникъ, фамиліи котораго свидѣтель не знаетъ, но лицо котораго можетъ указать,—онъ тоже вмѣсто исполненія своихъ обязанностей совѣтовалъ крестьянамъ сорвать съ исправника погоны. Въ толпѣ, бывшей 3 мая, свидѣтель замѣтилъ Корнѣя Ефимова Бабкина и кромѣ него еще двухъ крестьянъ, которыхъ онъ запомнилъ, но фамилій ихъ не знаетъ. На 3 мая свидѣтеля пригласилъ исправникъ и велѣлъ захватить урядника. На другихъ описяхъ въ этомъ селѣ онъ не былъ, такъ какъ только что получилъ это мѣсто. До него былъ становымъ приставомъ Кулаковъ. Герасимъ Матвѣевъ Жуковъ ораторствовалъ на сходкѣ, говорилъ, что взыскиваютъ неправильно, говорилъ: «до описи не допустимъ.» Крестьяне сопротивлялись дѣйствіямъ судебнаго пристава. Свидѣтель не помнитъ, тогда говорили ли крестьяне, что имъ рѣшеніе суда неизвѣстно. Болѣе всего проявлялась дѣятельность Корнѣя

Ефимова Бабкина. Онъ жилъ въ Одессѣ и заслужилъ особое вниманіе крестьянъ, какъ человѣкъ бывалый. Ему они больше довѣряли,—знали, что онъ бывалъ на сторонѣ, больше понимаетъ. Свидѣтель слышалъ, что Бабкинъ желалъ исключиться изъ общества и не жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ. Кромѣ того, свидѣтель указывалъ на Моисея Семенова Буланкина, какъ на руководителя. По мнѣнію свидѣтеля, на сходку крестьяне являются убѣжденными уже заранѣе. Эти лица поощряли другихъ крестьянъ и искали у нихъ поддержки. Свидѣтель сказалъ, что видѣлъ 3 мая подсудимаго Николая Матвѣева Жукова. Герасимъ Матвѣевъ ораторствовалъ, по словамъ свидѣтеля, больше всѣхъ и участвовалъ въ толпѣ. Его свидѣтель видѣлъ и 4, и 5 мая. Онъ говорилъ: «не допускать пристава». Позднякова свидѣтель видѣлъ 4 и 5-го. Сынъ его 3-го мая пріѣхалъ верхомъ на лошади въ волостное правленіе и кричалъ: «старики меня послали изъ Бобриковъ велѣть тутъ не описывать». Свидѣтель также помнитъ Аѳанасія Петрова. Его онъ встрѣчалъ 4 и 5 мая. Моисей Буланкинъ тоже уговаривалъ крестьянъ 4 и 5 числа не допускать до описи. Солдатку Екатерину Пименову свидѣтель видѣлъ 3 мая. Она была съ толпою бабъ, называла себя ихъ начальникомъ, бранила свидѣтеля и прочихъ, говорила, что не допуститъ до описи. Она говорила: «стойте, бабы, за меня держитесь, и мы нигдѣ не пропадемъ!» Она ругала и исправника въ выраженіяхъ неприличныхъ. Затѣмъ, свидѣтель говоритъ, что знаетъ Николая Матвѣева Жукова, что съ нимъ разговаривалъ во время безпорядковъ, что подтвердилъ и подсудимый Николай Жуковъ. Свидѣтель видѣлъ его 3 мая. Онъ наговорилъ свидѣтелю дерзости, когда онъ старался его убѣдить. Корнѣй Ефимовъ Бабкинъ 3 мая не былъ въ Бобрикахъ. Онъ былъ со свидѣтелемъ, объяснялся и бранилъ его на сходкѣ. Корнѣй Бабкинъ и Николай Жуковъ были въ толпѣ, которая навалилась на старшину. Кого-то изъ Жуковыхъ свидѣтель вытащилъ оттуда, стараясь освободить старшину. Но потомъ свидѣтеля ударили, но онъ не знаетъ, кто.

Полицейскій урядникъ *Делекторскій* 22 апрѣля въ с. Люторичахъ не былъ. Первый разъ онъ былъ тамъ 3 мая. Когда урядники туда отправились, ихъ было пять человѣкъ. Они отправились впередъ, за ними становой приставъ. Исправникъ былъ тамъ же. Когда они стали подъѣзжать къ селу Люторичамъ, то женщины стали кричать. Не обращая вниманія на нихъ, они подъѣхали къ волостному правленію. Въ это время со всѣхъ сторонъ сбѣжался народъ, большею частью женщины. Около волостного правленія выдавалась одна женщина, Екатерина

Пименова. Она наносила разныя оскорбленія уряднику, бранила въ глаза старшину, ругалась. Исправникъ приказалъ взять ее. Когда они подошли исполнить приказаніе, она отшатнулась назадъ, а потомъ была схвачена толпой и утащена. Эти женщины ее не выдали. Послѣ всего этого судебный приставъ направился къ дворамъ дѣлать опись. Онъ пошелъ впередъ, потомъ шелъ волостной старшина, исправникъ и они, урядники. Въ это время толпа женщинъ и нѣсколько крестьянъ обступили ихъ со всѣхъ сторонъ. Онъ не видалъ, кто первый схватилъ старшину. Его утащили въ свалкѣ, а старшина кричалъ: «караулъ!». Они туда бросились, стали отнимать его у народа. Корнѣй Ефимовъ Бабкинъ говоритъ: «нужно прежде всего съ исправника сорвать эполеты, а тогда и можно дѣйствовать». Онъ именно такъ выразился. Когда вытащили старшину, то на немъ поддевка и рубашка были изорваны. Его отвели въ волостное правленіе. Свидѣтель 3 мая былъ, но можетъ быть, былъ и въ другое время, хорошо не припомнитъ. Помнитъ только, что былъ при вице-губернаторѣ, князѣ Урусовѣ, и былъ тогда, когда пришелъ батальонъ. 3 мая пріѣхалъ изъ Бобриковъ одинъ крестьянинъ и закричалъ: «ребята, не давайте ничего!» Большая часть мужиковъ была въ Бобрикахъ. Когда старшину повалила толпа, то въ числѣ этихъ лицъ онъ видѣлъ Бабкина. Помнитъ хорошо также Николая Матвѣева Жукова. Когда сдѣлалась свалка, одинъ крестьянинъ былъ съ вилами. Женщины со стороны стали кричать: «приколоть нужно старшину!» Я слышалъ отъ самихъ крестьянъ, что руководители—Герасимъ Матвѣевъ Жуковъ, Моисей Семеновъ Буланкинъ, Корнѣй Ефимовъ Бабкинъ и Афанасій Петровъ Махалкинъ. О Герасимѣ Матвѣевѣ я слыхалъ и отъ старшины, и помимо старшины—отъ своихъ же, т. е. урядниковъ. Когда былъ вице-губернаторъ, то тогда же былъ въ толпѣ и Петръ Никитинъ Костомаровъ. Въ это же время былъ въ селѣ Люторичахъ и предводитель дворянства, князь Оболенскій. Онъ сказалъ: «я солдатъ пришлю и съ солдатами сдѣлаю опись». Тогда Герасимъ Матвѣевъ Жуковъ сказалъ: «у насъ самихъ ружья есть. Много ли у васъ солдатъ... 35 человѣкъ на всю Епифань!» Этой подробности онъ, свидѣтель, не показывалъ на предварительномъ слѣдствіи потому, что въ то время не помнилъ этого. Когда онъ стоялъ въ толпѣ и его прижали, то держалъ шашку въ рукахъ. Кто-то ее рванулъ, но кто не припомнитъ. Шашка на половину была оголена. Ее и прямо отнимали у него. Тащили шашку какъ у него, такъ и у другого урядника. Исправникъ и всѣ были въ опасности. Ихъ со всѣхъ сторонъ давили.

Свидѣтель, полицейскій урядникъ *Дмитревскій* показалъ, что когда они въѣзжали 3 мая въ село Люторичи, первымъ долгомъ ихъ встрѣтили женщины и начали ругать, говоря: «вотъ грабители ѣдутъ». Женщинами распоряжалась Екатерина Пименова. Когда шли описывать имущество крестьянъ, онѣ схватили старшину и начали его бить. Кажется, тутъ былъ Ѳедотъ Климовъ Сусловъ. Сначала крестьяне шли за ними, потомъ вдругъ схватили старшину, повалили. Говорятъ: «надо въ колья брать!» — «Ишь, говорятъ, наѣхали!» — «Общество не приказало». Они стали отбивать старшину, такъ какъ крестьяне бѣжали съ кольями, хотѣли убить его. Тутъ у свидѣтеля отняли шашку и сломали ее. Онъ держалъ ее за рукоятку, а мужики за лезвіе. Одинъ крестьянинъ говорилъ, что нужно сорвать эполеты съ исправника. Когда они пріѣхали, старшина находился въ волостномъ правленіи. Сельскій сходъ собирается не старшиною, а старостой. Кромѣ Суслова онъ не видалъ никого. Григорій Поздняковъ пріѣзжалъ и говорилъ, обращаясь къ становому, исправнику и всѣмъ, что общество не приказало описывать. Пріѣхалъ Григорій изъ Бобриковъ верхомъ на лошади, второпяхъ. Сусловъ билъ старшину, а Иванъ Егоровъ Поздняковъ 3 мая стоялъ впереди всѣхъ. Свидѣтель видѣлъ, какъ Иванъ Егоровъ старшину съ ногъ свалилъ. Онъ подговаривалъ крестьянъ. Солдатка Екатерина Пименова говорила отъ женщинъ. Она говорила, что не надо допускать до описи и всячески ругала исправника.

Маіоръ Кривоблоцкій показалъ слѣдующее: батальонъ, въ которомъ онъ находился, получилъ инструкцію слѣдовать по желѣзной дорогѣ на станцію Бобрикъ. Тамъ слѣдовало расположиться по квартирамъ и ожидать, какое получится распоряженіе отъ вице-губернатора, князя Урусова. Если князь Урусовъ потребуетъ батальонъ, тогда батальонъ долженъ былъ поступить въ полное его распоряженіе, и всѣ дальнѣйшія инструкціи должны были исходить отъ него. Пріѣхалъ князь Оболенскій и потребовалъ батальонъ. Батальонъ былъ въ десяти верстахъ отъ села Люторичъ и двинулся походнымъ порядкомъ. Верстахъ въ четырехъ отъ села они встрѣтили вице-губернатора князя Урусова, князя Оболенскаго и другихъ. Они не рѣшились ѣхать въ село и расположились бивуакомъ на полѣ. Князь Оболенскій и князь Урусовъ отправились въ село вмѣстѣ съ батальономъ. Когда они подходили къ селу, то бабы стали кричать: «не убивайте, не колите насъ, отцовъ нашихъ дѣтей»... и тому подобное. Мужики же всѣ собрались около волостного правленія. Когда батальонъ подошелъ къ волостному правленію, всѣ крестьяне не сняли шапокъ. Тогда началь-

никъ отряда, майоръ, бывшій въ то время командиромъ батальона, отдалъ приказъ дать приставу одну роту. Съ офицеромъ, командовавшимъ взводомъ, и солдатами приставъ отправился описывать имущество крестьянъ, начиная съ какого-то фланга деревни. Крестьяне всѣ находились около одного конца деревни. Когда же судебный приставъ Прусаковъ отправился на другой конецъ деревни, который былъ отъ батальона въ шести стахъ шагахъ, для того, чтобъ описать избу первую, то крестьяне, человѣкъ по 10—15, начали отъ волостного правленія расходиться. Они очутились мгновенно около церкви: половина—на кладбищѣ, половина—на площадкѣ. Свидѣтелю показалось, что тамъ начинается безпорядокъ. Видно было, что взводъ окруженъ толпой. Лошадь свидѣтеля была осѣдлана, и онъ сейчасъ же туда поѣхалъ. Видитъ, старшина отбить толпой отъ судебнаго пристава и окруженъ тридцатью или сорока мужиками съ нѣкоторымъ количествомъ бабъ. Слышитъ свидѣтель крикъ, гвалтъ, просьбы не описывать. Судебный приставъ проситъ, чтобы ему не мѣшали. Никто не слушаетъ. Больше всѣхъ орудовалъ отставной солдатъ, кажется, даже георгіевскій кавалеръ. Онъ началъ грубо отвѣчать, когда они сказали, что пришли не для того только, чтобы смотрѣть на безпорядки, а для того, чтобы принять мѣры посерьезнѣе. Тогда свидѣтель ворвался въ толпу верхомъ на лошади, но крестьяне хотѣли остановить его, свидѣтеля. Онъ не хотѣлъ потерять въ толпѣ изъ виду нѣкоторыхъ, а сейчасъ захватить ихъ, потому что не обладалъ памятью на лица, но одинъ крестьянинъ вцѣпился въ уздечку лошади съ одной стороны, а другой—съ другой. Толпа около свидѣтеля стала тѣснѣе. Солдаты растерялись. Свидѣтель не хотѣлъ употреблять оружія, потому что оружіе въ приказѣ велѣно было употреблять только въ крайнемъ случаѣ. Но, чтобы не воодушевить крестьянъ и чтобы не вышелъ изъ этого погомъ скандалъ, свидѣтель, наученный опытомъ, какъ надо дѣйствовать, пригрозилъ, что вынетъ револьверъ и убьетъ тѣхъ, кто держитъ его лошадь, но револьвера и сабли не вынималъ. Одинъ испугался угрозы, а другой продолжалъ держать лошадь за уздечку. Тогда свидѣтель далъ лошади шпоры, лошадь поднялась на дыбы, опрокинула его и бросилась впередъ. Тутъ свидѣтель попалъ съ нею въ какую то яму или могилу, не помнитъ. Онъ хотѣлъ сейчасъ же арестовать мужика, но тутъ начали бить въ набатъ. Свидѣтель замѣтилъ, что мужики воодушевляются. Тогда только онъ крикнулъ: «рота!»—и рота стала бѣжать. Когда рота приблизилась шаговъ на сто, мужики разбѣжались. Остался одинъ солдатъ, который говорилъ, что онъ знаетъ великаго князя, что онъ дойдетъ до

самого князя. Видно было, что онъ—главный зачинщикъ. Затѣмъ они крестьянъ окружили и привели ихъ въ волостное правленіе. Дали роту въ охрану судебнаго пристава, и онъ пошелъ описывать имущество. Изъ выдававшихся поведеніемъ онъ помнитъ только двухъ или трехъ. Свидѣтель указалъ на Пимена Гордѣева и сказалъ, что его арестовалъ самъ. Далѣе свидѣтель указалъ на Василія Жукова и прибавилъ, что изъ за него попалъ въ могилу. Сколько помнитъ свидѣтель, этотъ Жуковъ говорилъ, что дойдетъ до великаго князя. Послѣ угрозы свидѣтеля, что онъ будетъ стрѣлять, тотъ освободилъ лошадь. Онъ говорилъ: «Дѣло несправедливое. Зачѣмъ пришли сюда? Съ насъ вторую шкуру дерутъ». Это говорилось про управляющаго Фишера.

Свидѣтель, полицейскій урядникъ *Грибановъ* былъ командированъ исправникомъ для оказанія содѣйствія судебному приставу. Крестьяне пристава не допустили до описи. У свидѣтеля шашку кто-то утащилъ. Одна женщина также не допускала до описи и научала другихъ женщинъ, чтобы онѣ сопротивлялись. Сопротивленіе было направлено противъ власти, но не противъ взыскателя. Крестьяне говорили, что ищутъ съ нихъ деньги неправильно и, вообще, выражали претензію, зачѣмъ явился судебный приставъ. Свидѣтель указывалъ на Бабкина, Гордѣева, Николая Жукова, говоря, что они высказывали, что не слѣдуетъ платить и допускать до описи. Гордѣевъ кромѣ того тормошилъ старшину. Пименовъ вмѣстѣ съ другими ухватилъ старшину и сталъ его трепать. Участвовалъ въ сопротивленіи—Питерскій, Аѳанасій Михалкинъ и Ѳедотъ Сусловъ. Женщина, указанная имъ, бранилась.

Свидѣтель, *курьеръ Степановъ* показалъ, что пріѣхалъ съ судебнымъ приставомъ по назначенію предсѣдателя суда. Судебный приставъ сказалъ старшинѣ, чтобы собралось общество. Половина собралась, а половина не собралась, говоря старшинѣ: «мы будемъ дома ждать пристава, по квартирамъ». Далѣе свидѣтель разсказалъ, какъ били волостного старшину и какъ онъ сталъ отнимать старшину, говоря, за что они его бьютъ, но ему сказали: «хочешь, мы и тебя прибьемъ?» Народу было тысячи полторы. Одного свидѣтель спросилъ, какъ звать его; тотъ отвѣтилъ: «Терентьевъ», при этомъ свидѣтель указалъ на подсудимаго Питерскаго, говоря, что это былъ онъ, и тутъ же объяснилъ, что вообще хорошо никого не помнитъ.

Почетный мировой судья *Писаревъ* пояснилъ, что ему извѣстно это дѣло, какъ мѣстному жителю. Ему кажется, что недоразумѣнія, которыя возникли между крестьянами и конторой графа Бобринскаго, можно объ-

яснить той системой, которой держатся въ конторѣ графа Бобринскаго. Система состоитъ въ томъ, чтобы держать крестьянъ въ постоянномъ и неоплатномъ долгу. Это подтверждается тѣми дѣлами, которыя велись съ крестьянами. Число дѣлъ, сохранившихся въ архивѣ мирового судьи, доходитъ до 400. Въ этихъ дѣлахъ встрѣчаются неустойки отъ 50 до 100 %. Что контора графа Бобринскаго придерживается долговой системы, это свидѣтель знаетъ, какъ членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Ему приходилось въ волостныхъ правленіяхъ, въ книгѣ, просматривать тѣ условія, которыя контора графа Бобринскаго заключала съ обществами. Всѣ они необычайно страннаго свойства. Свидѣтель не знаетъ, позволитъ ли ему палата перечислить нумера ихъ и числа, когда они совершены. Тамъ есть условія, что если дѣло дойдетъ до мировыхъ учрежденій, то крестьяне, кромѣ долговой суммы, должны уплатить со дня подачи иска до полученія исполнительнаго листа. Есть и такія условія, по которымъ крестьянинъ, положимъ, снимаетъ яровую землю, но въ условіи сказано, что если крестьянинъ, снимающій яровую землю, не внесетъ въ срокъ платежа, то и другой крестьянинъ, снимающій озимую землю, теряетъ право на полученіе озимаго посѣва. Есть условіе съ деревнею Михайловской, гдѣ прямо сказано, что вся деревня Михайловка продала все свое имущество Фишеру, управляющему графа Бобринскаго, съ тѣмъ, что если онъ, Фишеръ, согласится, то они могутъ выкупить это имущество, отработавши ту работу, которую пожелаетъ Фишеръ указать. Затѣмъ въ условіи переписано все имущество крестьянъ. Туда входитъ все движимое и недвижимое имущество всего общества деревни Михайловки. Кромѣ этого условія свидѣтель можетъ указать еще нѣсколько. Что касается вопроса о надѣлѣ крестьянъ, достаточенъ онъ, или недостаточенъ,—свидѣтель можетъ сказать, что всѣ имѣнія Бобринскаго составляютъ исключеніе относительно количества земли, которымъ крестьяне пользуются. Только развѣ еще два или три имѣнія не только въ Епифанскомъ уѣздѣ, но, можно сказать, во всей Тульской губерніи можно назвать, гдѣ бы у крестьянъ земли было такъ мало. На положеніе крестьянъ графа Бобринскаго свидѣтель указывалъ, какъ на исключительное. Онъ находилъ, что самая система, которой придерживается контора графа Бобринскаго, служила причиной тому, что всѣ эти безпорядки возникли вслѣдствіе запутанности счетовъ: крестьяне не могли дать себѣ яснаго отчета по отношенію къ ихъ разсчетамъ съ конторою графа Бобринскаго. Въ нѣкоторыхъ условіяхъ съ крестьянъ назначалось по 2 рубля въ день штрафа со дня подачи на нихъ иска до полученія исполнительнаго листа.

Затѣмъ на крестьянъ же падали всѣ расходы по дѣлу и штрафъ за написаніе условія съ Фишеромъ не на гербовой, а на простой бумагѣ. Хотя свидѣтель указалъ на исключительность положенія, въ которомъ находились крестьяне графа Бобринскаго, но графу Бобринскому принадлежитъ не одно имѣніе, а нѣсколько волостей. Крестьяне не могутъ нанять у кого-нибудь другого землю, или отправиться къ его сосѣднимъ землевладѣльцамъ, потому что на 20—30 верстъ кругомъ вся земля принадлежитъ Бобринскому. Кромѣ того, свидѣтель еще указалъ на такого рода условія, гдѣ прямо сказано, что крестьяне должны обработать 25 десятинъ гречихи и 25 десятинъ овса за неустойку въ 750 рублей. Платежъ неустойки переведенъ былъ на работу. Если они не отработаютъ, то неустойка останется въ силѣ, и крестьяне теряютъ свою работу безплатно. По отношенію къ данному взысканію свидѣтель ничего не можетъ сказать.

Защитникъ подсудимыхъ заявилъ, что онъ просилъ вызвать этого свидѣтеля въ палату въ виду того, что онъ допрошенъ былъ на предварительномъ слѣдствіи. Но такъ какъ это показаніе имѣетъ существенное значеніе, то, во избѣжаніе сомнѣнія въ вѣрности фактовъ, онъ ходатайствуетъ принять выписку изъ дѣлъ мирового судьи 2-го участка Епифанскаго уѣзда съ 1866 по 1878 годъ. Въ этой выпискѣ есть указанія, сколько дѣлъ велось, указаны годъ, число и названіе дѣлъ, а также содержаніе тѣхъ документовъ, на основаніи которыхъ производились взысканія. Читать всю выписку было бы затруднительно, но важно обратить вниманіе на то, что въ 1866 году было 2 дѣла и взыскано неустойки до 300 рублей; въ 1867 году—7 дѣлъ, въ 1869 году—5 дѣлъ и неустойки взыскано 1,000 руб., въ 1870 г.—2,000 р., въ 1871—2—7,000 р., въ 1873 г.—28 дѣлъ—1,300 р., въ 1875 г.—12,000 и затѣмъ 14,000 руб. Число дѣлъ растетъ до 60. Этотъ списокъ защитникъ просилъ принять, чтобы во время объясненій имѣть возможность ссылаться на тѣ изъ дѣлъ, которыя имѣютъ значеніе.

Товарищъ прокурора находилъ, что этотъ документъ къ данному случаю не относится, такъ какъ по закону можно представлять документы участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ въ подтвержденіе ихъ показаній. Но въ данномъ случаѣ отъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, кромѣ заявленія объ ихъ невиновности, никакихъ показаній не имѣется. Впрочемъ, если палата признаетъ нужнымъ принять документъ, то онъ, обвинитель, ничего противъ этого не имѣетъ.

Защитникъ просилъ принять документъ, потому что подсудимые—

такого рода, что плохо освоились съ своимъ положеніемъ, такъ что ему приходится не только защищать ихъ, но и давать вмѣсто нихъ объясненія.

Судебная Палата постановила имѣть документъ въ виду при обсужденіи настоящаго дѣла.

Свидѣтель Августъ Фишеръ показалъ, что долгъ крестьянъ образовался изъ второй половины оброка, на который крестьяне дали ему заемныя обязательства. Къ этому прибавилось то, что они взяли овесъ, поле подъ яровой посѣвъ и недоимка въ 400 руб. съ чѣмъ-то, такъ что образовалось 5.000 р. съ лишнимъ. Они хотѣли этотъ долгъ отработать и заключили объ этомъ контрактъ. Когда надо было начинать работу, свидѣтель послалъ къ нимъ вызвать уполномоченнаго, чтобы разверстать долгъ, потому что не всѣ были должны и не всѣ поровну. Онъ, свидѣтель, подалъ заявленіе судебному приставу, чтобы тотъ началъ взысканіе по исполнительнымъ листамъ. Нѣсколько домовъ допустили пристава до описи. Но потомъ они пристава выгнали изъ села. Это было не при свидѣтелѣ, такъ какъ онъ былъ въ селѣ Люторичахъ только 22 апрѣля. Онъ отправился въ Тулу. Изъ Тулы былъ посланъ Прусаковъ, котораго крестьяне не допустили до описи. Онъ вторично поѣхалъ въ Тулу и просилъ предсѣдателя окружного суда, чтобы судебный приставъ поѣхалъ крестьянъ уговорить вмѣстѣ съ исправникомъ и адвокатомъ, котораго крестьяне наняли для веденія дѣла. Но ихъ повѣренный, Петровъ, не ѣхалъ. Крестьяне говорили, что они безъ него не могутъ согласиться, сколько ихъ ни уговаривали. 3 мая онъ не былъ въ с. Люторичахъ. 22 апрѣля крестьяне объявили, что до описи не допустятъ, тогда онъ самъ подалъ заявленіе приставу остановиться съ описью. Крестьяне ранѣе отработали 1. 813 руб. по первому обязательству. Имъ слѣдовало затѣмъ заплатить свидѣтелю по одному заемному письму 1.000 руб., по другому—2.300 р., по третьему—1.857 р. На самомъ дѣлѣ это былъ долгъ не свидѣтелю, а графу Бобринскому. Въ приговорѣ крестьянъ, въ которомъ сказано, что они обязываются отработать 5.000 рублей, говорится объ этомъ самомъ долгѣ. Результатомъ этого приговора было заключеніе договора крестьянъ со свидѣтелемъ и сумма 6.800 руб.—это все тѣ же 5.000 съ процентами. У свидѣтеля и заемныя письма оставались, и этотъ договоръ. Хотя на договорѣ съ крестьянами была сдѣлана надпись о томъ, что онъ уничтожается, но это было сдѣлано съ повѣреннымъ крестьянъ, Петровымъ, не ранѣе 4 апрѣля 1879 года. Свидѣтель убѣжденъ, что 22 апрѣля и 3 мая крестьяне знали, что договоръ уничтоженъ,

такъ какъ они ему, свидѣтелю, сами сказали, что договоръ уничтоженъ. Пріемомъ денегъ въ конторѣ графа Бобринскаго завѣдуетъ Корнѣевъ.

На вопросъ защитника, какъ объяснить то, что въ уплату заемнаго письма въ 1.000 р., выданнаго срокомъ по 1 октября 1877 года и вошедшаго въ исполнительный листъ Тульскаго окружнаго суда, уже прежде принято Корнѣевымъ по одной росписке 351 руб. и по другой 147 руб. и что это за росписки, выданныя крестьянамъ за подписью Корнѣева? (Защитникъ предъявляетъ двѣ росписки). *Свидѣтель Фишеръ* даетъ объясненія, разсмотрѣвъ росписки, что эти деньги приняты въ 1877 г. 12 октября, но не какъ плата по заемному письму, какъ это значится въ росписке, а въ сущности за яровое 1877 г. Плата же за яровое 1877 года вошла въ заемныя письма. Особаго условія съ крестьянами, по которому можно было бы провѣрить, былъ ли долгъ этотъ дѣйствительно,—нѣтъ, но крестьянамъ все было объяснено.

Далѣе *Фишеръ* показалъ, что у него было обыкновеніе въ договоры, заключаемые съ крестьянами, вносить условіе о круговой ихъ отвѣтственности. Были и такія условія, что если дѣло дойдетъ до суда, то крестьяне платятъ ему по 1 р. въ сутки со дня предъявленія иска до полученія исполнительнаго листа, но такія условія были въ другихъ деревняхъ, а не съ крестьянами села Люторичъ. Свидѣтель состоитъ управляющимъ уже 26 лѣтъ и за это время велъ съ крестьянами много дѣлъ у мирового судьи 2 участка.

Защитн.—Не можете ли объяснить причину, почему я не нахожу больше такихъ дѣлъ съ тѣхъ именно поръ, какъ мировой судья 2 участка, Голиковъ, былъ забаллотированъ, а на его мѣсто выбранъ Давыдовъ?

Предс.—Это къ дѣлу не относится.

Защит.—Я буду доказывать, что большіе долги образовались изъ взысканій маленькихъ неустоекъ и именно изъ такихъ, въ которыхъ мировой судья Давыдовъ началъ Фишеру отказывать.

Далѣе *Фишеръ* показалъ, что по заемнымъ письмамъ было постановлено заочное рѣшеніе. Крестьяне въ это время были въ Тулѣ, но по какому случаю не попали въ судъ—ему неизвѣстно.

Затѣмъ, *защитникъ подсудимыхъ* заявилъ, что крестьяне просили его представить приговоръ общества села Люторичъ, въ которомъ они постановили всѣмъ обществомъ, что въ 1877 году они ничего не были должны.

Послѣ этого *предсѣдатель* предложилъ подсудимымъ, посредствомъ вставанья и сидѣнья, заявить, кто изъ нихъ былъ въ Бобрикахъ у графа Бобринскаго и кто не былъ?

Григорій Поздняковъ объяснилъ, что старики, бывшіе въ Бобрикахъ, приказали ему: «Ступай въ село, ты—парень молодой, полегче насъ. Скажи старостѣ, чтобъ онъ попросилъ повременить нѣсколько, потому что графъ спитъ и неизвѣстно, что скажетъ намъ въ отвѣтъ».

Далѣе, *Герасимъ Матвѣевъ Жуковъ* объяснилъ слѣдующее. Ихъ много было у графа. Пришло почти все общество. Сидѣли они долго, можетъ быть часа полтора; это было 3 мая. Графъ велѣлъ выбрать 6 уполномоченныхъ. Они графа стали спрашивать, какія деньги взыскиваетъ съ нихъ. А онъ сказалъ: «такія, какія Фишеръ показываетъ». Они объяснили графу, что ничего не должны Фишеру, просили его сбросить хоть часть долга, но безуспѣшно. «Ваше сіятельство, говоримъ, у насъ долговъ нѣтъ. Вонъ Фишеръ имѣніе себѣ купилъ, а вамъ не показываетъ. Можетъ быть онъ не отдалъ вамъ. У насъ при старомъ графѣ этого не было. Онъ 30 лѣтъ какъ поступилъ. Онъ у насъ хлѣбъ засыпной взялъ, стало быть, у насъ не хватаетъ, амбары наши собственные забралъ, земли 50 десятинъ. У насъ по надѣлу земли не хватаетъ, приходится, можетъ, сажень на душу. Четверть у него кто возьметъ, онъ за нее шесть рублей сторгуетъ, а беретъ 13 цѣлковыхъ ровно. Станешь просить—«Августъ Августовичъ, не грѣшно ли будетъ, Бога побойся. Какъ ты будешь умирать». «Вы мужики—дураки: умираете—по году тянетесь, а я сразу помру. Мировой судья—вотъ мой Богъ. Я его купилъ и ты себѣ купи. А теперь подай рубль на рублъ, а то и два».

Этимъ закончилось судебное слѣдствіе.—Слово было предоставлено обвинителю.

Товарищъ прокурора Шадурскій, изложивъ обстоятельства настоящаго дѣла, находилъ, что на судебномъ слѣдствіи многія обстоятельства, сообщенныя въ обвинительномъ актѣ, измѣнились, а потому отъ обвиненія нѣкоторыхъ подсудимыхъ онъ находитъ необходимымъ отказаться, а относительно другихъ поддерживаетъ обвиненіе въ томъ видѣ, какъ оно выяснилось на судѣ. Въ заключеніе своей рѣчи обвинитель предложилъ 18 подсудимыхъ подвергнуть тюремному заключенію—6-хъ на 10, а 12 на $1^1/_2$ мѣсяца; отъ обвиненія же остальныхъ подсудимыхъ обвинитель отказался.

Защитникъ крестьянъ села Люторичъ прис. пов. Ѳ. Н. Плевако. Гг. судьи и сословные представители! Документы прочитаны, свидѣтели выслушаны, обвинитель сказалъ свое слово—мягкое, гуманное, а потому и болѣе опасное для дѣла; но жгучій и рѣшающій задачу вопросъ не затронутъ, не поставленъ

смѣло и отчетливо. А между тѣмъ онъ просится, онъ рвется наружу; заткните уши, зажмурьте глаза, зажмите мои уста,— все равно, онъ пробьется насквозь, онъ въ фактахъ нами изученнаго дѣла, его вѣщаютъ тѣ вчера и по завтра заведенные порядки въ управленіи владѣльца с. Люторичъ, тѣ порядки, которые я назову «картиной послѣреформеннаго хозяйства въ одной изъ барскихъ усадебъ», гдѣ противоестественный союзъ именитаго русскаго боярина съ остзейскимъ мажордомомъ изъ году въ годъ, капля по каплѣ, обезсиливалъ младенческую свободу русскаго мужика и, обезсиливъ, овладѣлъ ею въ свою пользу.

Всякая чуткая душа, всякая непредубѣжденная совѣсть его слышитъ, его требуетъ отъ меня, если я обойду его. И я призываю васъ благосклонно выслушать мое слово въ этомъ направленіи. Не думайте, что я уклоняюсь въ сторону отъ цѣлей правильно понятой защиты; не бойтесь, что я увлекусь публицистическимъ интересомъ предложеннаго вашему суду дѣла, перейду предѣлы судебнаго диспута. Чувство мѣры удержитъ меня. Оно внушаетъ мнѣ, что 34 подсудимыхъ, да и не 34, а одинъ человѣкъ, могутъ требовать, чтобы я не дѣлалъ изъ ихъ спины той tabula rasa, на которой просторно разгуливать и декламировать темы изъ области общественныхъ вопросовъ, оставивъ на произволъ судьбы то, что должно всецѣло овладѣть моими силами—заботу о будущности подсудимыхъ, заботу о томъ, чтобы отклонить или умалить удары, направленные на голову этихъ несчастныхъ грозой карающаго закона. И я глубоко убѣжденъ, и вы мое убѣжденіе раздѣлите, что въ настоящемъ дѣлѣ исторія возникновенія событій 3-го и 5-го мая имѣетъ глубокіе корни въ прошломъ; что бытовой очеркъ дѣла освѣтитъ его въ настоящемъ свѣтѣ, выведетъ наружу дѣйствительныя, но въ глубинѣ скрывшіяся причины, мощныя, неотвратимыя, наличность которыхъ мѣняетъ точку зрѣнія и на событіе, и на доказательство, и на объясненія его. Вѣдь можно счесть за твердо установленное положеніе, что крестьяне, заявившіе 22 апрѣля, 3-го и 5-го мая, что они къ описи не допустятъ, постоянно говорили, что они ничего не должны и никакого судебнаго рѣшенія о взысканіи не знаютъ. Разъ у

нихъ было такое убѣжденіе, разъ, по ихъ словамъ, къ нимъ, какъ снѣгъ на голову, свалился исполнительный листъ, вручаемый имъ приставомъ, то для доказательства этого положенія мы должны изучить отношенія крестьянъ ко взыскателямъ, къ нѣмцу управляющему и къ графу Бобринскому. Только тамъ встрѣчаются намъ факты, которые убѣдятъ насъ, что крестьяне могли себя считать не въ долгу; тамъ увидимъ данныя, убѣждающія насъ, что крестьяне не могли знать ни договоровъ, ни рѣшеній, противъ нихъ постановляемыхъ, что они могли не вѣрить сообщенному имъ приставомъ свѣдѣнію о взысканіи и думать, что ихъ протестъ есть протестъ правды противъ вопіющаго неправосудія.

Изучимъ бытовые факты дѣла. Въ Епифани почти $^1/_3$ земель—вотчина гр. Бобринскаго. Особенность этого имѣнія, не встрѣчающая себѣ соперничества въ губерніи,—это ничтожный надѣлъ, нищенскій, какъ его обзываютъ въ литературѣ, «кошачій», по мѣткому выраженію голодающаго остроумія. Крестьяне не могутъ жить надѣломъ: работа на сторонѣ и на поляхъ помѣщика для нихъ неизбѣжна, къ ней они тяготѣютъ, не какъ вольно договаривающіеся, а какъ невольно принуждаемые, а въ этомъ идея и смыслъ системы, практикуемой управляющимъ графскихъ имѣній. Конечно, надѣлы въ имѣніяхъ графа согласны съ буквой закона; требовать отъ него большаго во имя идеальнаго права нельзя. Для тѣхъ людей, которые не знаютъ долга, выше предписаннаго закономъ, которые не чуютъ, что законъ—это minimum правды, надъ которой высится иной идеалъ, иной долгъ, внятный только нравственному чувству,—для тѣхъ людей фактъ даннаго надѣла—фактъ безупречный, полная мѣра обязанностей графа къ крестьянамъ, чуждая всякаго захвата и вреда.

И мы не станемъ осуждать de jure графа Бобринскаго. Мы уяснимъ пока, что же вышло изъ этой полугодовой свободы? Родилась необходимость вѣчно одолжаться у помѣщика землей для обработки, вѣчно искать у него заработка, ссужаться сѣменами для обсѣмененія полей. Постоянные долги, долги, благодаря пріемамъ управленія, росли и затягивали крестьянъ: кредиторъ властвовалъ надъ должникомъ и закабаливалъ его работой на себя, работой за неплатежъ

изъ году въ годъ накоплявшейся неустойки. Въ этомъ положеніи, гдѣ кредиторъ властвовалъ, а должникъ задыхался, уже не было и помину о добровольномъ соглашеніи. Чудовищные контракты и рѣшенія доказываютъ, что управленіе не соглашалось, а предписывало условія; вѣчные кабальные мужики тоже не соглашались, а молча надѣвали петлю, чѣмъ и завершались и вступали въ силу свободныя гражданскія сдѣлки крестьянъ съ ихъ бывшимъ владѣльцемъ. Не хочется думать, чтобы текстъ договоровъ, нами оглашенныхъ на слѣдствіи, измышлялся въ кабинетѣ графа, а не въ конторѣ нѣмца Фишера. Зная графа Бобринскаго, какъ москвича, предводителя здѣшняго дворянства, тщетно защищалъ я мысль, что эти неустойки отъ 50 до 100 % на сумму долга, просроченнаго 7 дней, эти условія на землю, отбирающія ее назадъ съ сѣменами, урожаемъ и работой, если среди обыденнаго за это время безденежья не уплатитъ долга крестьянинъ-арендаторъ и пр. пр.—невѣдомы ему, чужды ему и безъ согласія его придуманы безсердечнымъ управляющимъ. Десять лѣтъ, изъ году въ годъ идутъ они—одинаковыя, разорительныя, безчеловѣчныя условія, и графъ не знаетъ ихъ! Нѣтъ, защитить эту мысль—задача выше моихъ силъ. Нельзя десять лѣтъ не знать, что за малѣйшую неисправность одного подвергаютъ штрафу въ мою пользу цѣлую общину, нельзя не видѣть, что въ книги экономіи ежегодно вносятся тысячи рублей неустоекъ, собранныя изъ нищенскихъ копѣекъ, взысканныя съ крестьянства—нельзя, нельзя... Тутъ вина не кончается человѣкомъ, пишущимъ договоры, склоняющимъ на нихъ и требующимъ по нимъ, какимъ является всегда Фишеръ. Нѣтъ, чувство, различающее добро и зло, ясно и вразумительно судитъ о тѣхъ, кто могъ, но не хотѣлъ положить конецъ подобному злу.

Я не фразы говорю. Каждое слово мое документально основано. Рѣдкая готовность Епифанскаго съѣзда мировыхъ судей, выдавшаго мнѣ свѣдѣнія о дѣятельности мирового судьи Голикова, присуждавшаго съ 1866 по 1877 г. Фишеру и экономіи графа Бобринскаго долги и неустойки, — дала мнѣ возможность представить вамъ опись дѣлъ свыше 350-ти; изъ нихъ вы видите, что количество дѣлъ въ годъ достигало

до 54. Погодно и по суммамъ мы получаемъ такіе итоги: въ 1866 г. Фишеръ предъявляетъ всего два дѣла на 150 р; на слѣдующій годъ уже 7 дѣлъ, и взыскано долгу и неустойки 1,542 р; въ 1869 г.—5 дѣлъ и 1,031 р; въ 1870 г. разыгрывается аппетитъ Фишера и онъ вчинаетъ 51 дѣло и получаетъ 9,937 р.; въ 1871—54 дѣла и 13,032 р.; въ 1872—28 дѣлъ и 7,858 р. взысканія. Въ 1873 г. настало затишье—рука бьющаго устала и вчинила только 5 дѣлъ и только 1,309 р. взыскано. Но миръ былъ не дологъ. Съ слѣдующимъ годомъ вспыхнуло новое гоненіе: 20 лѣлъ и 6,588 р.; въ 1874 г. 12,090 р. и 56 дѣлъ; въ 1875—1876 гг.—50 дѣлъ и 14,942 р.; 1877 г.—38 дѣлъ и 11,026 р.

Я прошу васъ перелистовать предъявленный документъ. Иски неустоекъ по 30%, по 50%, по 100% за долгъ мелькаютъ передъ глазами. Неустойки въ 300 и 500 р.—цѣлыми десятками. А прочтите договоръ: полная неустойка за неуплату малой доли долга. Прочтите № 143 за 1870 г.—ищутъ долгъ и неустойку; крестьяне несутъ деньги судьѣ. Деньги приняты, получены, а на неустойку въ 50% все таки взятъ исполнительный листъ. Прочтите № 158,—ужасный, отвратительный договоръ: въ случаѣ просрочки—изба, корова, лошадь и все, что сыщется въ избѣ, поступаетъ въ неустойку. Присуждаются иски по удостовѣреніямъ волостного правленія. Присуждено по удостовѣренію, данному волостнымъ правленіямъ, по аналогіи (?)...

Довольно! надо много терпѣнія, чтобы читать эти ростовщическія фантазіи, которымъ давалъ значеніе и силу судья, живущій въ наше время и творящій судъ по уставамъ 20-го ноября.

Стыдно за время, въ которое живутъ и дѣйствуютъ подобные люди! Пересмотрите, судьи, сами этотъ документъ. Дайте значеніе этимъ прогрессивно увеличивающимся неустойкамъ отъ 100 до 500 р. Примите во вниманіе краснорѣчивый фактъ, что неустойки взыскиваются, а новые долги все образуются. Значитъ, тяжело житье крестьянъ въ имѣніяхъ, ввѣренныхъ графомъ Бобринскимъ нѣмцу Фишеру! Значитъ, захлеснула ихъ мертвая петля, если они видятъ, какъ съ нихъ тянутъ чудовищный ростъ, неустойку, кото-

рой позавидуетъ любой закладчикъ, а они платятъ, должаютъ и все-таки опять берутъ! Представьте же себѣ эту печальную экономическую исторію! Не трудно увидѣть, что постоянное наростаніе неустоекъ сбило съ толку крестьянъ. Не трудно понять, до чего они дошли, когда, по свидѣтельству Писарева, совершали условія на обработку полей цѣлой деревней за присужденную неустойку! Не трудно понять, какъ росли эти неустойки невѣдомо для деревни, какъ въ волостномъ правленіи въ 1877 году подъ № 17 занесенъ приговоръ, уполномочивающій двухъ мужиковъ и впредь подписывать всякія условія о неустойкахъ. Думаю я, что въ Люторичахъ жизнь послѣ реформы была во сто кратъ тяжелѣе дореформеннаго рабства. До 19 февраля управляющій берегъ мужика, какъ берегъ всякую хозяйскую вещь, внесенную въ инвентарь. Эгоистическій разсчетъ имѣлъ личиною человѣколюбіе. Но насталъ день воли, подорвались эгоистическія основанія беречь своего раба и личина сброшена. Изъ мужика выбиралось все, что можно выбрать. А не вынесетъ—умретъ, что за дѣло? На пустое мѣсто найдется новый полуголодный—лишь бы десница Фишера не уставала жать, гдѣ не сѣяла.

Сбился съ толку Люторическій мужикъ въ этомъ омутѣ счетовъ и сборовъ, и не мудрено, что заспорилъ. Впрочемъ, спору его противъ исполнительнаго листа, подкрѣпленнаго заемными письмами, судебное слѣдствіе дало такіе вѣскіе аргументы, что всякому сомнѣнію въ добросовѣстномъ убѣжденіи, что долгъ уплаченъ, нѣтъ мѣста. Между заемными письмами есть одно въ 1,000 р., срокомъ по 1 октября 1877 г. Въ исполнительный листъ письмо это вошло всецѣло съ процентами. Искали всю сумму. А вотъ на слѣдствіи мы предъявили двѣ росписки: изъ нихъ видно, что признаваемый Фишеромъ за его кассира Корнѣевъ принялъ въ уплату по этому заемному письму, до подачи еще иска, свыше 500 р. Фишеръ искалъ вновь полную 1,000 р. Взысканіе во второй разъ именуется тяжкимъ и гнуснымъ поступкомъ въ нашемъ уложеніи. Съ беззастѣнчивостью, достойной удивленія, нѣмецъ-управляющій объяснилъ здѣсь, что эти росписки ошибочны, а поэтому онъ записалъ уплату, полученную Кор-

нѣевымъ въ 1876 году. Мало-ли какіе комментаріи къ русской запискѣ приплететъ его нѣмецкое остроуміе! Кто далъ ему право своевольно игнорировать распиской, данной въ уплату долга 1877 г.? Я отрицаю этотъ комментарій, лишенный смысла—и смѣло, чтобъ это слышали, говорю здѣсь: Фишеръ искалъ вторыя деньги; онъ совершилъ противозаконное дѣяніе противъ Люторическихъ крестьянъ.

Разъ есть эти росписки, случайно уцѣлѣвшія у насъ, разъ Фишеръ, имѣя ихъ, искалъ долгъ вполнѣ, т.-е. скрылъ уплату, публично искалъ не должнаго—получаетъ вѣсъ хотя частью доказанное показаніе обвиняемыхъ, что они долгъ весь уплатили, и лишаются вѣры слова Фишера, что ему были должны все искомое. Онъ обличенъ въ неправдѣ, ему вѣрить нельзя. Ложность долга доказывается и таинственностью иска. Рѣшеніе заочное. Крестьянъ на судѣ не было. Отзыва не подано. Старшина не могъ объяснить: оповѣщались ли крестьяне о поданномъ искѣ, оповѣщалась ли имъ копія рѣшенія. Между тѣмъ, если крестьяне рѣшились сопротивляться описи, убѣжденные въ правотѣ, то не естественнымъ ли предположеніемъ было бы то, что они боролись бы съ искомъ, и въ формѣ болѣе законной, на судѣ, предъявили бы тамъ платежныя росписки, пожаловались бы на судъ. Но этого не было, ибо о дѣлѣ отъ нихъ таили, а судъ ввели въ заблужденіе распиской одного изъ крестьянъ, кажется, старшины.

Но не только мужикъ—простакъ, но и юристъ найдетъ основанія доказать, что долгъ въ 5,200 руб. по тремъ заемнымъ письмамъ былъ погашенъ. Вы знаете, что Фишеръ здѣсь сознался, что многіе договоры, а въ томъ числѣ и долгъ по заемнымъ письмамъ, хотя были написаны на его имя, но были долгами самому владѣльцу. Онъ сознался, что его заемныя письма на 5,200 р. и долгъ гр. Бобринскаго въ 5,600 р., о заработкѣ котораго натурой составленъ договоръ въ 1878 г.—одно и тоже.

Въ 1878 г. составленъ договоръ. Долгъ въ 5,200 р. уже фигурируетъ въ цифрѣ 6,600 р. и раскладывается на 6 лѣтъ работъ. Значитъ, въ это время крестьяне, подписавшіеся здѣсь въ полученіи денегъ, а въ самомъ дѣлѣ ихъ не полу-

чившіе, вступили въ новый договоръ, взамѣнъ прежняго долга. Это сдѣлалъ и Фишеръ. Значитъ, заемныя письма были уплачены путемъ novatio obligationis—замѣной одного долга другимъ. Вдругъ вздумалось Фишеру,—и онъ оплаченныя заемныя письма предъявилъ ко взысканію. По нимъ ѣдутъ взыскивать. Не мужикъ, а всякій юристъ завопилъ бы, что его грабятъ, совершаютъ преступленіе. А если его къ тому же и на судъ не вызывали, онъ подумаетъ, что здѣсь мистификація, повтореніе Рогожской исторіи со старовѣрческой кассой. Фишеръ ссылается, что послѣдующій договоръ уничтоженъ. Но благоволите прочесть, когда онъ уничтоженъ. Сомнительно, чтобы съ уничтоженіемъ безъ оговорки возстановлялась сила имъ погашенныхъ обязательствъ, а еще менѣе доказано, чтобы крестьяне знали объ уничтоженіи этого условія, а потому понятно, что они роптали и волновались, видя, что съ нихъ берутъ не должное.

Сомнительность долга и его болѣе чѣмъ сомнительная нравственная подкладка—ясны. Посмотрите теперь, что же дѣйствительно сдѣлали крестьяне деревни Люторичъ въ борьбѣ съ неправдой?

Первый день преступленія—22 апрѣля.

Сходу объявлено о взысканіи. Сходъ говоритъ, что долгу нѣтъ и потому къ описи допустить не слѣдуетъ. Никакого сопротивленія не сдѣлано. Приставъ уѣхалъ по заявленію Фишера. Тутъ, очевидно, преступленія нѣтъ. Частное лицо, получившее повѣстку о неправильномъ взысканіи, имѣетъ право думать само съ собой о незаконности иска и соображать, нельзя ли опротестовать опись. Деревенская община—юридическое лицо. Она думаетъ на сходкѣ и по условіямъ юридическаго лица она иначе не можетъ думать, какъ вслухъ и рѣчами. Сильные голоса того и другого на сходкѣ—это рельефныя мысли думающей юридической личности—здѣсь пользованіе своимъ правомъ, здѣсь нѣтъ преступленія!

Если же 22 апрѣля не было преступленія, а было полное законное пользованіе своими правами, была сходка крестьянскаго міра, обсуждающаго свои дѣла, то тѣ или другія мнѣнія, высказанныя здѣсь, тѣ или другія громче и внятнѣе выраженныя мысли не могли сдѣлаться преступными

оттого только, что за 22 апрѣля послѣдовали майскіе дни. Суду вашему подлежатъ только эти послѣдніе, къ изученію которыхъ мы и переходимъ. 3 мая, по заявленію Фишера, прибылъ вновь къ описи имущества судебный приставъ. Но онъ былъ уже не одинъ. Его сопровождала полиція въ количествѣ, внушающемъ уваженіе. Исправникъ, становой шли рядомъ, человѣкъ 20 десятскихъ, человѣкъ 10 урядниковъ, словомъ сказать, тутъ были представители полиціи старой и новѣйшей формаціи. Но мужики не вышли къ нимъ на встрѣчу. Гдѣ они? Всѣмъ міромъ, за исключеніемъ старыхъ да малыхъ, они до свѣту ушли въ сельцо Бобрики, къ графу, просить его о милости, о неразореніи. Дѣтски наивные, простоватые, они надѣялись слезами умилостивить взыскателя. Напрасное мечтаніе! Имъ обѣщана одна милость, имъ сказано, что, благодаря своему положенію и вліянію, къ нимъ пришлютъ подарокъ въ 1,000 солдатъ. И сдержано было джентельменское слово; не долго, всего два дня прошло, какъ деревня Люторичи дождалась барскаго пожалованія.

Но пока на порогѣ графскаго дома люторцы ждали, когда приметъ ихъ баринъ, къ судебному приставу вышли однѣ бабы, да старые и малые мужики, оставшіеся въ деревнѣ. Начались просьбы—понятно о чемъ: они просили подождать, пока придутъ сами мужья и братья, придутъ съ милостью, да съ барскимъ ласковымъ словомъ. На просьбы ихъ нѣтъ отвѣта; приставъ идетъ безъ хозяевъ въ дома начать опись.

Вдали показался скачущій всадникъ,—то посолъ отъ крестьянъ; они прислали его сказать, что надо подождать съ описью, пока они придутъ, а они сами замѣшкались, баринъ еще спитъ и не выходитъ къ нимъ выслушать ихъ просьбу...

Тщетно! приставъ идетъ дѣлать свое дѣло. Въ толпѣ начинается шумъ; одни плачутъ, другіе просятъ. Все сливается въ музыку скорби и ропота. Но приставъ, по словамъ его, лично къ себѣ не видѣлъ ни одного оскорбленія, ни одной брани. Если же среди шумящаго люда и раздавались бранныя слова, то не судите за это строго: бранное слово—это междометіе народнаго языка, безъ него не обходится не только ссора, но и веселыя задушевныя рѣчи. Я думаю, что и первыя любовныя ласки деревенскаго парня со своей воз-

любленной не обойдутся безъ крѣпкаго словца. Ваше вниманіе должно остановиться на утвержденномъ здѣсь фактѣ оскорбленія старшины. Прошу васъ припомнить, что старшина—сельчанинъ той же деревни. Онъ одновременно и нѣкоторая власть, а вмѣстѣ и свой человѣкъ, родня, сосѣдъ обвиняемыхъ. Какъ старшина, онъ могъ принять за всѣхъ повѣстку, быть представителемъ юридическаго лица — деревни. Въ его показаніяхъ есть мѣста, изъ которыхъ видно, что онъ, и никто, кромѣ него, не повиненъ въ томъ, что повѣстка о вызовѣ въ судъ была принята, а крестьяне не знали ни о судѣ, ни о рѣшеніи. Онъ одинъ настаивалъ на томъ, что крестьяне должны; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его домѣ, въ ожиданіи возврата крестьянъ изъ с. Бобрикъ, не въ примѣръ другимъ, опись не производилась. Не мудрено, что крестьяне смотрѣли на него, какъ на ренегата, продавшаго и разорившаго ихъ, и боялись, что своими, въ качествѣ представителя деревни, дѣйствіями онъ свяжетъ ихъ и здѣсь, опять, принявъ повѣстку, сдѣлаетъ для нихъ обязательными и непоправимыми всѣ дѣйствія пристава. Крестьяне мѣшали ему быть ихъ представителемъ, когда они сами хотятъ вступить въ споръ со взысканіемъ. Вотъ смыслъ удерживанія и хватанія его за руки и т. п.

Обвиненіе было направлено къ тому, чтобы признать старшину властью, совмѣстно съ приставомъ приводившею въ исполненіе судебное рѣшеніе и въ этой должности получившею оскорбленіе.

Я допрашивалъ: были ли приглашены старшина и староста приставомъ или исправникомъ? Отвѣты даны отрицательные или уклончивые. Если же старшина или староста явились не по призыву, а случайно, по своей волѣ, и на нихъ не было возложено никакой доли въ исполненіи рѣшенія, то вопросъ мѣняется. Представьте себѣ, что приставъ суда взялъ съ собой для исполненія рѣшенія 10 курьеровъ. Оскорбленіе одного изъ нихъ во время исполненія рѣшенія—преступное сопротивленіе. Но если онъ взялъ 9, а десятый, мимо проходя, увидалъ товарищей, зашелъ самовольно, вступилъ въ дѣло, началъ хозяйничать и былъ бы оскорбленъ—здѣсь сопротивленію мѣста нѣтъ: онъ не орудіе исполне-

нія, онъ не связанъ съ приставомъ путемъ призыва или распоряженія въ одно цѣлое, въ организмъ власти, приводящей рѣшеніе въ исполненіе. А старшина былъ въ такой роли случайно находящагося на мѣстѣ человѣка, а не власти. Крестьяне, не знавшіе ни пристава, ни полиціи, боялись одного, что старшина продастъ ихъ, и не пускали его представлять деревню. Замѣчательно, что и 5 мая, когда вошли войска, ни войско, ни приставъ, ни полиція оскорблены не были, но крестьяне держали за руки кандидата на сельскаго старосту—одного изъ подсудимыхъ, прося его не быть представителемъ деревни.

Мнѣ могутъ возразить, что старшина и староста и безъ приглашенія судебнаго пристава имѣли оффиціальное значеніе при приведеніи рѣшенія въ исполненіе; что они были нужны для указанія имущества должниковъ и рѣшенія вопроса о томъ, не скрыто ли что нибудь. Глубокая ошибка. Исполнялось рѣшеніе гражданскаго суда, а по уст. гражд. суд., при такомъ исполненіи, дѣло взыскателя указывать имущество; за властью посылается, когда двери заперты, сундуки замкнуты, а розыски скрытаго внѣ селенія не входятъ въ обязанность ни пристава, ни полиціи.

И такъ, я думаю, что оскорбленіе старшины здѣсь не имѣло мѣста въ смыслѣ сопротивленія власти, исполняющей рѣшеніе суда.

Перейду къ другому преступному дѣянію, къ склоненію крестьянъ села Люторичъ не допускать пристава до описи. Дѣло это приписывается нѣсколькимъ подсудимымъ, громче всѣхъ объ этомъ говорившимъ на деревенскихъ сходкахъ. Согласитесь со мной, что мы должны считать только тогда возможнымъ удостовѣрить существованіе факта, доказываемаго не абсолютно вѣрными доказательствами, когда природа факта не допускаетъ или обстоятельства устранили лучшія и абсолютныя доказательства. Но когда они—абсолютныя доказательства существовали, но ихъ обошли и выдвинули только вѣроятныя, тогда вѣра въ фактъ падаетъ. Между тѣмъ, въ деревнѣ Люторичахъ до 700 жителей; они всѣ отказались допустить опись; они всѣ, судя по нынѣ мною представленному приговору, считаютъ себя беззаконно ра-

зоренными Фишеромъ. Они не преданы суду. Вотъ кого, или изъ числа которыхъ слѣдовало спросить: кто васъ подговаривалъ не допускать пристава къ описи? Они бы могли сказать, нуждались ли они въ подстрекательствѣ, или наболѣла у нихъ эта мысль сама собой. А ихъ не спросили, и на мимолетныхъ, плохо вяжущихся между собою впечатлѣніяхъ урядниковъ и полиціи построили тяжелое обвиненіе. Не вѣрьте ему! Но подстрекатели были. Я нашелъ ихъ и съ головой выдаю вашему правосудію. Они—подстрекатели, они—зачинщики, они—причина всѣхъ причинъ. Бѣдность безысходная, бѣдность — созданіе Фишера, одобряемое его владыкой, безправіе, беззастѣнчивая эксплоатація, всѣхъ и все доведшая до разоренія—вотъ они, подстрекатели. Одновременно, потому что одинаково невыносимо всѣмъ становилось, вспыхнуло негодованіе люторцевъ противъ безцеремоннаго попиранія божескихъ и человѣческихъ законовъ, и начали думать они, какъ имъ отстоять себя... И за эту думу сидятъ теперь они передъ вами.

Вы скажете, что это невѣроятно. Войдите въ звѣринецъ; войдите въ дѣтскую, гдѣ проснувшіяся дѣти не видятъ няни. Тамъ одновременное рычаніе, здѣсь одновременный плачъ; поищите между ними подстрекателя... И онъ найдется не въ отдѣльномъ звѣрѣ, не въ старшемъ или младшемъ ребенкѣ, а найдете его въ голодѣ или страхѣ, охватившемъ всѣхъ одновременно.

Я далъ вамъ массу матеріала, я вручилъ вамъ бездну условій и рѣшеній, достаточныхъ свести съ ума и спутать въ разсчетахъ разоренную деревню.

Вы прочтете—и физіономія подстрекателя сама возстанетъ въ вашемъ воображеніи.

Сведемъ итоги.

22 апрѣля въ с. Люторичахъ не было никакихъ преступленій. Сходъ, разсуждавшій объ искѣ и описи, пользовался своимъ правомъ думать о дѣлахъ. Въ этотъ день они не могли знать, что появится приставъ 3-го мая, а слѣдовательно—и думать о формѣ сопротивленія, о насиліи надъ старшиной.

3-го мая—день, подлежащій разбору съ точки зрѣнія Уложенія. Оскорбленіе старшины не имѣетъ связи съ обви-

неніемъ въ сопротивленіи. Его присутствіе случайное, не связанное въ единствѣ дѣйствій съ приставомъ, ставитъ оскорбленіе, ему нанесенное, въ самостоятельный проступокъ, не подлежащій вашему суду въ предѣлахъ нынѣшняго обвиненія. На скамьѣ подсудимыхъ нѣтъ подстрекателей: подстрекательство — въ прошломъ отношеніи Фишера и графа Бобринскаго къ крестьянамъ и въ массѣ документовъ, нами оглашенныхъ.

Но защита, гг. судьи, не должна самоувѣренно ограничить свое слово отрицаніемъ вины. Она должна смирить себя и предположить, что ей не удается перелить въ вашу душу ея убѣжденій о невинности подсудимыхъ; она должна, на случай признанія фактовъ совершившимися и преступными, указать на такія данныя, которыя въ глазахъ всякаго судьи, у котораго сердце бьется по-человѣчески и не зачерствѣла душа въ пошлостяхъ жизни, ведутъ къ снисхожденію и даже къ чрезвычайному невмѣненію при наличности вины.

Нашъ законъ знаетъ такія обстоятельства. Начертавъ въ 134 ст. улож. причины смягченія кары, онъ не остановился на этомъ. Законодатель знаетъ, что есть случаи, когда интересы высшей справедливости отстраняютъ примѣненіе закона. Законодатель знаетъ, что есть случаи, когда мѣрить мѣрою закона значитъ—смѣяться надъ закономъ и совершать публично актъ беззаконія.—Онъ даетъ вамъ право предстательства предъ творцомъ закона и обѣщаетъ исполнить его.

А обстоятельства именно таковы. Люторическіе крестьяне попали въ такой омутъ, гдѣ обыкновенныя мѣры были бы ужасны и безчеловѣчны. Не тысячи солдатъ, осадившихъ деревню и грозившихъ ей оружіемъ и силой, ужасали ихъ. Не страшенъ имъ былъ и самъ начальникъ губерніи, кн. Урусовъ, разбившій бивуакъ въ 4 верстахъ отъ деревни. Нечего было, въ свою очередь, бояться и ему войти въ деревню обездоленныхъ крестьянъ. Страшно и ужасно было долгое прошлое люторическихъ мужиковъ, перепутавшее ихъ взгляды и, кажется, сбившее ихъ съ толку. Десятки лѣтъ сосалъ ихъ силы нѣмецъ управляющій, десятки лѣтъ

съ сатанической хитростью опутывалъ ихъ сѣтью условій, долговъ и неустоекъ. Съ торной дороги свободы 19 февраля они зашли въ болото. Лѣшаго не было, но хитрѣй и злѣе его ихъ всасывалъ въ глину кабалы и неволи нарвскій уроженецъ, Фишеръ. Въ этомъ туманѣ потерялось все: вѣра въ возможность просвѣта жизни, чутье правды и неправды, вѣра въ законъ и въ заступничество передъ нимъ. Оставалось еще одно чувство, чувство надежды, что беззаконіе, достигшее чудовищныхъ предѣловъ, можетъ быть опротестовано, отдалено.

Мы, когда съ насъ взыскиваютъ недолжное, волнуемся, теряетъ самообладаніе; волнуемся, теряя или малую долю нашихъ достатковъ, или что-либо наживное, поправимое. Но у мужика рѣдокъ рубль и дорого ему достается. Съ отнятымъ кровнымъ рублемъ у него уходятъ нерѣдко счастье и будущность семьи, начинается вѣчное рабство, вѣчная зависимость передъ міроѣдами и богачами. Разъ разбитое хозяйство умираетъ—и батракъ осужденъ на всю жизнь искать, какъ благодѣянія, работы у сильныхъ и лобзать руку, дающую ему грошъ за трудъ, доставляющій другому выгоды на сотни рублей, лобзать, какъ руку благодѣтеля, и плакать, и просить новаго благодѣянія, новаго кабальнаго труда за крохи хлѣба и жалкія лохмотья.

Среди обстоятельствъ, подобныхъ настоящему, мутился разумъ цѣлыхъ народовъ. Какъ не путаться забитому уму нашего крестьянина! Вы лучше меня знаете это—и не забудете дать ему мѣсто при постановкѣ приговора.

Время вамъ ставить его. Вѣрю я, глубоко вѣрю, что сегодняшній день въ лѣтописяхъ русскаго правосудія не будетъ днемъ, за который покраснѣетъ общество, разбитое въ своей надеждѣ на господство правды въ русскомъ судѣ. Вѣрю я, что вы скажете сегодня: «молчи законъ, настало время благодати»! Вѣрю я, что тѣ экономическія мышленія, тѣ нравственныя мученія, въ которыхъ протекли долгіе годы жизни люторическихъ крестьянъ, сегодня достигли своего предѣла... Они уйдутъ отсюда съ пріобрѣтеннымъ убѣжденіемъ, что правда есть и дѣйствуетъ.

Вы не вынесете жестокаго рѣшенія, вы не увлечетесь мнѣніемъ:

Не бѣда, что потерпитъ мужикъ.
Знать ведущее насъ провидѣніе
Указало; да онъ и привыкъ.

Вѣдь, сквозь зримый міру смѣхъ незримыя міру слезы водили рукой поэта-сатирика, когда онъ пѣлъ эту скорбную пѣсню.

Нѣтъ, вы не осудите ихъ! Мученики терпѣнія, страстотерпцы труда безпросвѣтнаго найдутъ себѣ защиту подъ сѣнью суда и закона.

Вы пощадите ихъ!

Но если слово защиты васъ не трогаетъ, если я—сытый, давно сытый человѣкъ—не умѣю понять и выразить муки голоднаго и отчаяннаго безправія, пусть они сами говорятъ за себя и предстательствуютъ передъ вами!

О, гг. судьи, ихъ тупые глаза умѣютъ плакать и горько плакать; ихъ загорѣлыя груди вмѣщаютъ въ себѣ страдальческія сердца; ихъ несвязныя рѣчи хотятъ, но не умѣютъ ясно выражать своихъ просьбъ о правдѣ и милости. Люди они, человѣки!

Судите же по-человѣчески...

18-го декабря Судебною Палатою былъ вынесенъ приговоръ такого содержанія:

Крестьянъ: Герасима *Жукова*, Моисея *Буланкина* и Петра *Костомарова*, на основ. 1 отд. ст. 273, 1 п. ст. 36, 1 п. ст. 37, 4 и 5 п. п. ст. 134, 135 и 80 ст. улож. о наказ., заключить въ смирительный домъ или тюрьму на четыре мѣсяца каждаго; солдатку Екатерину *Пименову*, на основ. 2 отд. ст. 286 и 1 п. ст. 84 улож. о наказ., подвергнуть денежному взысканію въ количествѣ 5 руб., а въ случаѣ несостоятельности ея аресту при полиціи по одинъ день; изъ числа поименованныхъ выше обвиняемыхъ Петра Костомарова и Екатерину Пименову признать оправданными—перваго по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 271, а вторую по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 отд. ст. 273 улож. о наказ.; всѣхъ остальныхъ подсудимыхъ считать по суду оправданными въ возведенныхъ на нихъ обвиненіяхъ и судебныя по дѣлу издержки возложить на четырехъ осужденныхъ по равной части на каждаго.